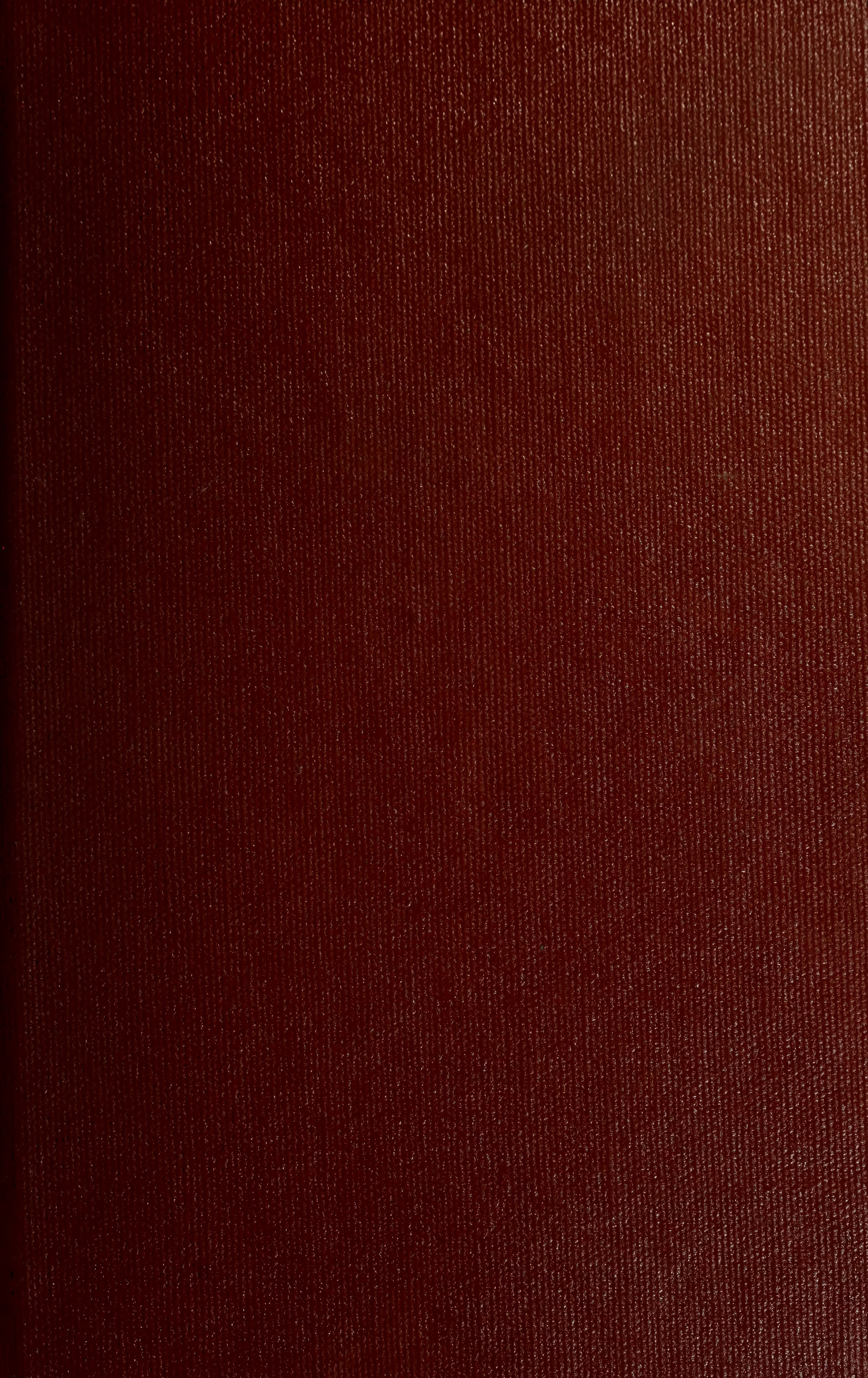
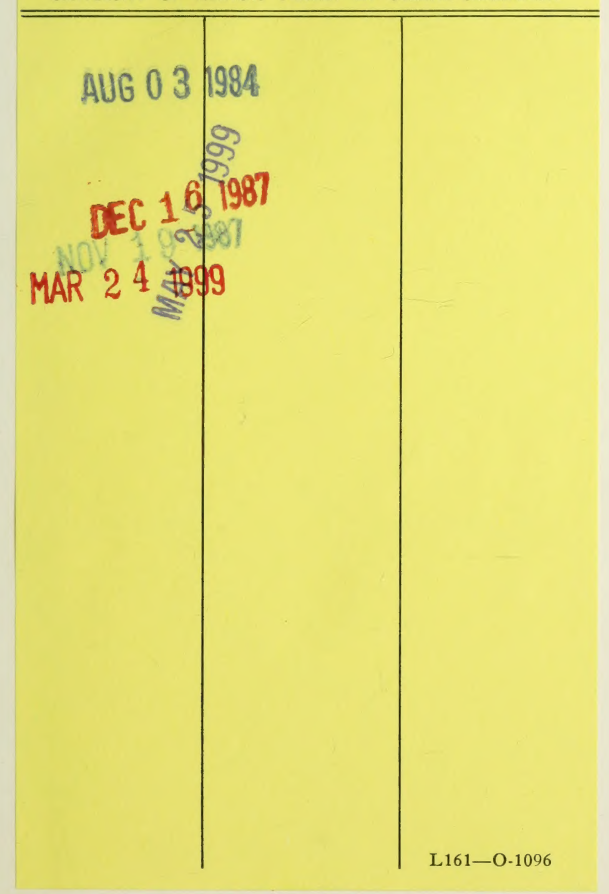

AUG 03 1984
DEC 16 1987
NOV 19 1987
MAR 24 1999
MAY 25 1999

С. Г. Вахиди

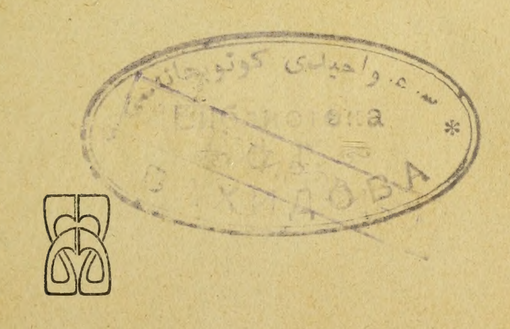
ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

К. ВАЛИШЕВСКАГО.

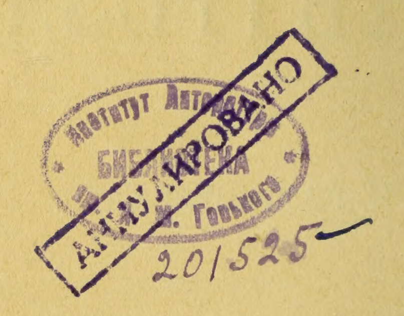
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. П. ПОТЕМКИНА и В. П. ХЕРСОНСКОЙ.

Книгоиздательство «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».

МОСКВА.—1911.

АННУЛИРОВАНО
М. Горького
201525

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ. . . . . III—VIII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Русь XVI вѣка.

Глава первая. Страна и населеніе.

I. Древняя Русь и новая Россія.—II. Территорія.—III. Общественные классы. Аристократія.—IV. Политическій и соціальный строй. Происхожденіе абсолютизма.—V. Крестьяне.—VI Несвободное населеніе.—VII. Городское населеніе.—VIII. Церковь 1

Глава вторая. Политическая и соціальная жизнь.

I. Центральная власть. — II. Организація мѣстнаго управленія.—III. Мѣстничество.—IV. Община.—V. Организація суда и законодательства.—VI. Экономическій строй.—VII. Финансы 48

Глава третья. Умственная жизнь.

I. Причина слабости. — II. Умственныя теченія. — III. Литература.—IV. Искусство.—V. Преобразовательное движеніе. 80

Глава четвертая. Нравы.

I. Внѣшность и внутреннее содержаніе.—II. Женщина.—III. Семья.—IV. Общество. 113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Юность Ивана.

Глава первая. Первый русскій царь.

I. Рожденіе Грознаго.—II. Правленіе бояръ.—III. Женитьба и вѣнчаніе на царство.—IV. Сильвестръ и Адашевъ.—V. Первый соборъ. Русскій парламентаризмъ. . 139

Глава вторая. Первыя преобразованія.

I. Преобразовательныя теченія.—II. Новый законъ.—III. Реорганизація службы.—IV. Религіозная реформа. 169

Глава третья. Движеніе на Востокъ.—Взятіе Казани.

I. Остатки Монгольскаго царства.—II. Войско Ивана.—III. Взятіе Казани.—IV. Послѣдствія завоеванія Казани.—V. Взятіе Астрахани.—VI. Казаки.—VII. Крымъ и Ливонія. 196

Глава четвертая. Завоеваніе Ливоніи. *Стр.*

I. Историческіе прецеденты.—II. Ливонія въ XVI вѣкѣ.— III. Московское завоеваніе.—IV. Вмѣшательство Европы. 216

Глава пятая. Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ.

I. Швеція и Польша.—II. Коалиціи. — III. Разстройство союзовъ. Магнусъ. — IV. Кандидатура Ивана на польскій престолъ.—V. Избраніе Баторія. 235

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Внутренній кризисъ.

Глава первая. Идейная и политическая эволюція.

I. Конфликтъ идей и принциповъ. — II. Опала Сильвестра и Адашева.—III. Бѣгство Курбскаго. 273

Глава вторая. Опричнина.

I. Правда и вымыселъ въ драмѣ опричнины.—II. Терроръ.—III. Царь Симеонъ.—IV. Опричнина передъ судомъ исторіи 302

Глава третья. Англоманія Грознаго. Иванъ и Елисавета.

I. Первые англичане въ Россіи —II. Проекты союза.— III. Проектъ брака.—IV. Марія Гастингсъ.—V. Голландское соперничество и разрывъ 345

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

Глава первая. Польское нашествіе. Баторій.

I. Баторій.—II. Столкновеніе.—III. Польская армія.— IV.—Московская армія.—V. Взятіе Полоцка.—VI. Поляки въ Московскомъ царствѣ.—VII. Дипломатическое посредничество.—VIII. Осада Пскова 373

Глава вторая. Потеря Ливоніи. Римъ и Москва.

I. Миссія Шевригина.—II. Папское посредничество.— III. Ямъ-Запольское перемиріе.—IV. Поссевинъ въ Москвѣ.—V. Послѣ перемирія. 407

Глава третья. Покореніе Сибири. Ермакъ.

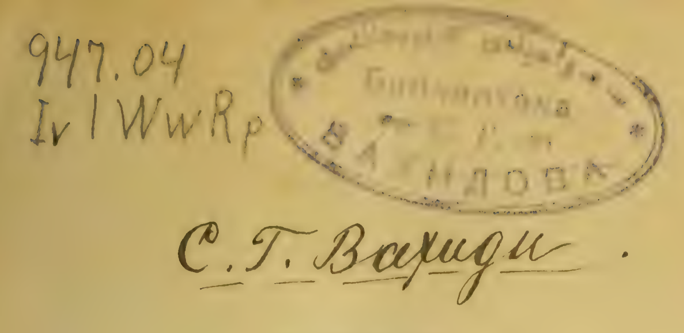
I. Покореніе и колонизація.—II. Строгановы.—III. Казаки.—IV. Ермакъ въ Сибири. 433

Глава четвертая. Дворъ и интимная жизнь Ивана.

I. Дворъ.—II. Александровская слобода.—III. Домашняя жизнь Ивана.—IV. Семья царя 442

Глава пятая. Личность Грознаго и его дѣло.

I. Смерть Ивана.—II. Характеръ и темпераментъ Грознаго.—III. Познанія и умъ Грознаго. — IV. Идеи и чувствованія Ивана.—V. Итоги царствованія. 465

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ преобразованіяхъ Петра Великаго и Екатерины II выступаетъ на историческую сцену новая Россія; она уже вполнѣ вооружена для тѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ побѣдъ, которыя увѣнчали ее—частью въ эти два царствованія, частью впослѣдствіи. Какъ извѣстно, эти преобразованія подготовлялись еще въ далекомъ прошломъ. Самъ Петръ считалъ себя только продолжателемъ дѣла. Чьего дѣла, однако? Мы знаемъ его непосредственныхъ предшественниковъ—первыхъ Романовыхъ. Безвѣстно царствовали они въ своемъ государствѣ; ихъ держава, разобщенная съ Европой, замкнутая для внѣшнихъ вліяній, была неспособна вызвать изъ собственныхъ нѣдръ начала хотя бы самой примитивной цивилизаціи. Восходя дальше, къ послѣднимъ годамъ XII столѣтія, историкъ погружается въ «смутное время»: здѣсь уже совершенный хаосъ и анархія, варварство и тьма.

Однако, попробуемъ ближе всмотрѣться въ тотъ свѣтъ, который столь внезапно озарилъ XVIII столѣтіе. Легко убѣдиться, что онъ отнюдь не является утренней зарею. Онъ изливается не отъ восходящаго солнца: для этого въ немъ слишкомъ много блеска. Очевидно, Петръ Великій не ошибся: тотъ мракъ, изъ котораго возсіялъ его лучезарный геній, былъ не болѣе, какъ временнымъ затменіемъ.

Какъ внутреннее, такъ и внѣшнее развитіе великой сѣверной державы совершается какъ будто по тѣмъ же законамъ, которые управляютъ движеніемъ снѣжной лавины. Вдругъ, послѣ долгаго промежутка, перемѣщается какимъ-то образомъ центръ тяжести; огромная масса рѣзкимъ толчкомъ подается впередъ; затѣмъ останавливается,—и опять наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ мертвой неподвижности. Такое явленіе наблюдалось въ исторіи Россіи уже неоднократно; по всей видимости, оно повторится и въ будущемъ еще не одинъ разъ. Причины его объясняются чрезвычайно просто. Судьба поставила русскій народъ лицомъ къ лицу съ огромными задачами; на пути къ нимъ онъ неизбѣжно сталкивается съ

великими препятствіями; въ борьбѣ съ ними силы его, естественно, то напрягаются, то ослабѣваютъ. Въ настоящее время,—вотъ уже около двадцати лѣтъ,—внутренній прогрессъ Россіи какъ будто пріостановился; не видно поступательнаго движенія этого государства и на испытанномъ поприщѣ внѣшняго преуспѣянія. Отчего происходитъ это? Оттого, что вся энергія Россіи была поглощена и израсходована на пріобрѣтеніе новыхъ областей, долженствующихъ еще раздвинуть ея границы—вплоть до Китайскаго моря въ одномъ направленіи, и до Персидскаго залива—въ другомъ. Пусть временно оставлены другія задачи: медленно, но вѣрно зрѣютъ онѣ въ тишинѣ. Вновь пробьетъ для нихъ часъ,—и горе тому, кто не бережется лавины.

Тотъ предшественникъ, на котораго ссылался Петръ Великій, былъ современникомъ послѣднихъ Валуа. Къ этой порѣ и приходится обращаться изслѣдователю, который стремится вскрыть политическій и духовный генезисъ великаго преобразователя. Безспорно, это трудная задача; но лишь такимъ путемъ можно притти къ пониманію конечныхъ результатовъ реформы. Отсюда и возникла эта книга, которую я предлагаю нынѣ моему читателю. Я увѣренъ, меня упрекнутъ въ томъ, что я начиналъ свои изысканія не съ этого періода, то есть не съ XVI вѣка. Слишкомъ смѣлъ, однако, былъ бы тотъ историкъ или анатомъ, который сразу обратился бы къ исходному моменту, къ зародышу явленія или къ первичной клѣткѣ. Съ этой точки зрѣнія, ни порядокъ, ни методъ моихъ изслѣдованій ничѣмъ не разнятся отъ обычныхъ пріемовъ научной работы.

Съ XVI по XVIII вѣкъ жизнь русскаго народа протекала, можно сказать, внѣ всякаго общенія съ Европой и независимо отъ вліянія цивилизованнаго міра. Но попытка выйти за предѣлы этого заколдованнаго круга имѣла мѣсто уже раньше. Такимъ образомъ, то дѣло, которое впослѣдствіи встрѣтило со стороны Вольтера такое горячее сочувствіе и поддержку, было начато въ Россіи еще тогда, когда во Франціи царствовали Карлъ IX и Генрихъ III. Въ эту пору огромная, но варварская Московская держава двинулась впередъ, стремясь войти въ сношенія со своими западными сосѣдями. Однако, путь къ Европѣ оказался загражденнымъ: его заступили Польша и Швеція,—и прошло болѣе вѣка, прежде чѣмъ препятствіе это было устранено. Во всякомъ случаѣ, не будь Баторія,—часъ великаго историческаго переворота, быть можетъ, пробилъ бы для Россіи цѣлымъ столѣтіемъ раньше. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся ко внѣшней жизни тогдашне-

Московской державы: мы увидимъ пріобрѣтеніе балтійскаго побережья, уничтоженіе послѣднихъ остатковъ татарскаго могущества, завоеваніе Сибири, начало политическихъ и торговыхъ сношеній со всѣми европейскими странами. Взглянемъ внутрь государства: мы замѣтимъ проникновеніе въ него началъ иноземной культуры и реорганизацію политическаго порядка на новѣйшихъ основахъ. Все это было завершено впослѣдствіи Петромъ и Екатериной. И все это было задумано, намѣчено и отчасти осуществлено уже тогда, на утрѣ русской исторіи, слишкомъ скоро смѣнившемся тьмою.

Кто же совершилъ это? Человѣкъ, который, по словамъ Кюстина, «можно сказать, преступилъ границы зла, установленныя Всевышнимъ для Своихъ созданій»; мучитель, образъ котораго кажется кошмаромъ, а имя наводитъ ужасъ; соперникъ Нерона и Калигулы—Грозный!

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ аберраціи, которая поддерживается не только легендой, но и самой исторической критикой.

Начну съ того, что самому мнѣ пришлось озаглавить мою книгу именемъ Ивана *Страшнаго* (Le Terrible). Не будь этого, читатель мой могъ бы и не понять сразу, кому посвящена моя работа. А, между тѣмъ, это имя «Страшный» является безсмыслицей.—Сами русскіе въ настоящее время не обращаютъ на это должнаго вниманія: очевидно, и на нихъ оказалъ свое дѣйствіе невѣрный переводъ прозвища Ивана IV, упорно навязываемый имъ иностранными языками. Нѣмцы колеблятся въ выборѣ между именами *Der Schreckliche*—«Страшный» и *Der Grausame*—«Жестокій». Оба эти эпитета невѣрны, но второй—наименѣе удаченъ. Никогда русскіе люди, современники Ивана IV, не звали такъ своего государя. Для нихъ онъ былъ «грознымъ» царемъ. Пусть обратитъ теперь читатель вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ полемической перепискѣ съ Иваномъ IV, которая является однимъ изъ любопытныхъ памятниковъ эпохи, Баторій упрекалъ своего противника въ томъ, что принимая пословъ короля, онъ окружаетъ себя *рындами*,—т.-е. стражей, вооруженной сѣкирами. «Это чинъ государскій, да и *гроза*»—отвѣчалъ ему Иванъ. Другими словами: этого требуютъ мой санъ и уваженіе, которое долженъ я внушать. Никогда «*гроза*» не имѣла другого смысла. Обратитесь къ Домострою, этому знаменитому своду житейской мудрости эпохи Ивана IV; прочтите отдѣлъ объ обязанностяхъ главы семейства: отъ него требуется быть *грознымъ*, т.-е. почтеннымъ и почитаемымъ!

Однако, какъ быть съ пытками, казнями, съ сотнями человѣческихъ жертвъ, о которыхъ говорятъ современники Ивана? Это, конечно, другое дѣло. Но возьмемъ любую страну Европы XVI вѣка: гдѣ, въ какой изъ нихъ, историческая дѣйствительность хотя сколько-нибудь напоминаетъ идиллію? Быть можетъ, въ Польшѣ, гдѣ при послѣднихъ Ягеллонахъ *шляхта* начинала свои рискованные опыты съ девизомъ *noli me tangere?..* Но Баторій водворилъ тамъ порядокъ— хотя бы на нѣкоторое время... Однако, Польша и Москва, можно сказать, были антиподами,—и если одной удавалось то, въ чемъ другая не имѣла успѣха, это менѣе всего зависѣло отъ выбора средствъ. Вспомнимъ, въ какомъ колоссальномъ котлѣ пришлось кипѣть русскому народу, раскинувшемуся между Ураломъ и Карпатами, Бѣлымъ и Чернымъ морями. Конечно, не лаской, не нѣжностью, не жалостью можно было смѣшать, перетереть и слить въ одно нераздѣльное цѣлое тѣ двадцать различныхъ расъ, которыя составляютъ нынѣшнюю Россію. Пусть даже въ этой созидательной работѣ Иванъ IV и преступилъ границы той жестокости, что была, вообще, свойственна нравамъ эпохи. Намъ придется еще говорить объ этомъ. Однако, и въ легендѣ, и въ исторической критикѣ имя Грознаго стало синонимомъ безсмысленной, ничѣмъ не оправдываемой жестокости, источникомъ которой было грубѣйшее варварство, а проявленія которой граничили съ безуміемъ. Въ этомъ превратномъ сужденіи нѣтъ ничего страннаго. Всякій знаетъ всемогущество слова: въ данномъ случаѣ, невѣрный эпитетъ повелъ къ искаженію исторической дѣйствительности.

Вполнѣ понятно, что, воскрешая образъ Грознаго и его среду историкъ не сможетъ избѣжать порою отталкивающихъ картинъ. Поэтому читатель долженъ быть готовъ къ тому, что нервы его подвергнутся самымъ жестокимъ испытаніямъ. И, все же, за этими страшными видѣніями онъ, несомнѣнно, разглядитъ то, что я назвалъ «восходомъ солнца». Солнца *яснаго*, солнца *краснаго*, о которомъ поютъ русскія былины: на ихъ языкѣ оба эти эпитета соединены неразрывной связью... Кроваваго солнца, бросающаго лучи свои на зловѣщій пейзажъ... Пусть такъ: я принимаю и эту оговорку. Быть можетъ, оцѣнивая идеалъ этого времени, исторія человѣчества и не отнесетъ его къ самымъ привлекательнымъ. Все же то былъ идеалъ: онъ руководилъ и нынѣ еще руководитъ великимъ народомъ.

Въ лицѣ Ивана IV, послѣдняго царя Рюриковича (ибо Ѳеодоръ былъ только манекеномъ), одинъ изъ представителей славянофиль-

ства — Кавелинъ уже призналъ «центральную фигуру» русской исторіи. Послѣ него мы видимъ многочисленныя попытки реабилитировать и возвеличить память этого государя. Но и здѣсь, въ этой естественной реакціи противъ несправедливой легенды, дѣло доходило до самыхъ вопіющихъ крайностей. Мы попытаемся разобраться въ этихъ враждующихъ направленіяхъ; мы постараемся занять позицію, которая соотвѣтствуетъ требованіямъ исторической истины и вмѣстѣ нравственной правды.

Мнѣ казалось невозможнымъ приступить къ предмету своей работы, не предпославъ ей общаго обзора географическихъ условій, политическихъ и соціальныхъ отношеній, духовнаго состоянія и нравовъ Россіи XVI вѣка. Углубляясь въ эту страну, историкъ и въ настоящее время поневолѣ оказывается въ положеніи изслѣдователя. Этому введенію я посвятилъ четыре первыя главы моей книги. Пусть читатель не посѣтуетъ на обширность и детальность вступительной части: безъ нея я рисковалъ быть недостаточно понятымъ и долженъ былъ-бы говорить не иначе, какъ ребусами. Мнѣ кажется, что для большинства моихъ читателей тотъ ключъ, который я даю, является совершенно необходимымъ.

При документальномъ обоснованіи моей работы мнѣ пришлось сравнительно мало обращаться къ неизданнымъ матеріаламъ. Большая часть документовъ, которыми мнѣ можно было бы воспользоваться, были, частью, уже опубликованы, а, частью, остаются совершенно недоступными. Что касается литературы предмета, то она чрезвычайно обширна: такимъ образомъ, избѣгая излишняго загроможденія текста, я, за немногими исключеніями, воздерживался отъ непосредственныхъ ссылокъ на мои источники. Библіографическій указатель, заключающій каждую главу, можетъ наилучшимъ образомъ замѣнить подобныя ссылки. Считаю нужнымъ добавить, впрочемъ, что, въ общемъ, вся эта литература предмета представляетъ собою сырой матеріалъ,—собранія документовъ или отдѣльныя монографіи. Свести все это воедино—дѣло будущаго историка.

Прошу моего друга, И. Щукина, принять выраженія моей глубокой признательности. Вся моя работа, съ начала до конца создавалась въ богатой библіотекѣ его, предоставленной въ мое распоряженіе неизмѣнно любезнымъ владѣльцемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУСЬ XVI ВѢКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна и населеніе.

I. Древняя Русь и новая Россія—II. Территорія.—III. Общественные классы. Аристократія.—IV. Политическій и соціальный строй. Происхожденіе абсолютизма. — V. Крестьяне. —VI. Несвободное населеніе.—VII. Городское населеніе.—VII. Церковь.

I.

Древняя Русь и Новая Россія.

«Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство мое и дѣтей моихъ исхитилъ; по волѣ Божіей, за грѣхи наши, землю опустошилъ, городъ нашъ разорилъ, людей моихъ плѣнилъ, торжица мои раскопалъ, отцовъ и братьевъ нашихъ развелъ туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды наши...»

Такъ, устами лѣтописца, оплакивалъ Псковъ утрату своей независимости, гибель своихъ привиллегій и изгнаніе на чужбину своихъ сыновъ въ 1510 году, когда эта вольная республика была насильственно присоединена къ Московской державѣ. Въ этомъ году въ Псковѣ побывалъ отецъ Ивана Грознаго—Василій Ивановичъ. Уходя оттуда, онъ увезъ съ собой мощный колоколъ республики, который въ теченіе вѣковъ созывалъ народъ псковскій на собранія—вѣча; онъ выслалъ во

внутреннія области своего государства цѣлыя сотни псковскихъ семействъ, на пепелищѣ которыхъ должны были водвориться вскорѣ новые московскіе люди; онъ объявилъ торжественно, что отнынѣ городъ Псковъ присоединяется къ его великому княжеству московскому.

Что же, въ сущности, происходило тогда на Руси? Не болѣе, какъ повтореніе той драмы, которая незадолго до того разыгралась на западѣ Европы. Въ самомъ дѣлѣ: въ 1467 году Карлъ Смѣлый разрушилъ въ Льежѣ знаменитый *perron*. То была древняя бронзовая колонна, у подножья которой въ теченіи столѣтій собирался народъ для принятія законовъ и для иныхъ актовъ политической жизни. Этого мало: въ то же время въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карломъ Смѣлымъ, боролся съ вассальными княжествами—Бургундіей, Бретанью и Гіенню Людовикъ XI, стараясь собрать въ своихъ рукахъ всѣ эти «жемчужины» французской короны.

Для Европы, на всемъ ея пространствѣ, наступалъ моментъ образованія крупныхъ политическихъ тѣлъ. Повсюду этотъ процессъ сопровождался болями. Но въ Московскомъ государствѣ—въ этомъ отдаленномъ сѣверо-восточномъ углу европейскаго континента, задача такъ называемыхъ «собирателей русской земли» была особенно тяжела и неблагодарна. Дѣло шло не о простомъ сліяніи областей, и безъ того связанныхъ многоразличными узами—общностью традицій, очевиднымъ единствомъ всякихъ интересовъ... Представимъ себѣ, напримѣръ, что въ XV вѣкѣ англичане завоевали Францію; вообразимъ себѣ, далѣе, что какой-нибудь бургундскій герцогъ—даже не въ Дижонѣ, а гдѣ-нибудь въ Германіи, Швейцаріи или Италіи пытается создать себѣ новую монархію. Будемъ помнить, наконецъ, что это новое государство должно возстановить изъ развалинъ прежнюю Францію—ту Францію, которая уже разбита на куски, растерзана на части... Вотъ, приблизительно, какова была та тяжкая, подземная работа, въ результатѣ которой на зарѣ XVI вѣка явился совершенно новый міръ—Русь великихъ князей Ивановъ и Василіевъ. Но что же то была за Русь? О, конечно, не та, по которой мчитесь вы теперь въ спальномъ вагонѣ, на пути изъ Кіева въ Петербургъ, или изъ Варшавы къ Иркутску. Кіевской Руси тогда уже не существовало; Петербургская Россія — еще не успѣла сложиться. Отъ того, что въ X—XI вѣкахъ составляло владѣнія Ярославовъ и Владиміровъ, московскій государь XVI вѣка, можно сказать, не сохранилъ ни пяди. Пусть называетъ онъ себя великимъ княземъ или даже царемъ «всея Руси».

Это дѣлалось имъ по тому же самому праву, по какому современники его, англійскіе короли, присваивали себѣ національный гербъ Франціи и французскую корону. Кіевская Русь составляла тогда часть польскихъ владѣній; Могилевская область принадлежала Литвѣ; Червонная Русь, Бѣлая и Малая—все было въ рукахъ сосѣдей. Сама Москва была не болѣе, какъ колоніей, основанной русскими въ чужой землѣ,—среди финскаго населенія.

Съ XI по XIII вѣкъ Кіевскую Русь терзали братоубійственныя усобицы, происходившія между потомками Владиміра Мономаха. Въ XIII столѣтіи было нашествіе татаръ; въ XIV вѣкѣ усилилась Польско-литовская держава,—и отъ Кіевской Руси не осталось и слѣдовъ. Въ это бурное время одинъ изъ сыновей Мономаха, Юрій Долгорукій, сталъ во главѣ колонизаціоннаго движенія, направлявшагося изъ Кіевской земли въ дотолѣ неизвѣданныя окраины. Черезъ лѣсныя чащи, отдѣлявшія тогда днѣпровскій бассейнъ отъ Волги съ ея притоками, онъ прошелъ на сѣверо-востокъ, покоряя на пути своемъ различныя племена финновъ. Среди нихъ, въ 1147 году, основана была Москва—новый городъ въ покоренной странѣ, походная стоянка русскихъ колонистовъ. Татарское нашествіе застало Москву еще совершенно неустроенной. Ей пришлось подчиниться чужимъ законамъ и усваивать нравы новыхъ завоевателей. Цѣлыхъ два вѣка послѣ пораженія русскихъ на Калкѣ (1224) тяготѣла надъ Москвой эта неукротимая азіатская стихія. Къ концу XV вѣка обнаружились въ монгольскомъ царствѣ явные признаки постепеннаго разложенія: лишь тогда почувствовали себя московскіе князья настолько сильными, чтобы воспользоваться этимъ моментомъ и свергнуть чужеземное иго. Одновременно съ тѣмъ они старались присоединить къ Москвѣ другіе центры русской колонизаціи и захватить заброшенныя области Кіевской земли, расположенныя по ближайшимъ границамъ. Такъ создали они для себя новую державу, а для русской земли—новое средоточіе. Съ 1478 года они уже владѣли Новгородомъ; Тверь, Ростовъ, Ярославль вскорѣ раздѣлили участь сѣверной республики. Иванъ III, справедливо прозванный Великимъ, присоединилъ къ Москвѣ новыя области, лежавшія далеко за предѣлами древней Руси; онъ расширилъ свое государство на сѣверѣ до Финляндіи, Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, а на востокѣ—до самаго Урала. Его сынъ, Василій, прибавилъ къ этимъ владѣніямъ на югѣ Рязань и Новгородъ-Сѣверскій.

Спрашивается теперь: составляли ли всѣ эти земли *одну державу*— въ историческомъ смыслѣ этого слова? Мы увидимъ сейчасъ, что такого единства тогда еще не существовало.

II.

Территорія.

При своемъ вступленіи на престолъ, въ 1533 году, Иванъ IV наслѣдуетъ уже значительныя владѣнія; однако, даже въ географическомъ отношеніи, они лишены были внутренней связности и единства. Повсюду въ этихъ областяхъ чувствуется боевое настроеніе; вездѣ налицо оказываются признаки насильственнаго захвата. Все это государство напоминаетъ безпорядочную груду военной добычи. Вокругъ центральнаго пункта—то есть самой Москвы, располагаются широкими поясами ея новыя територріальныя пріобрѣтенія. Большинство изъ этихъ земель даже не имѣетъ опредѣленныхъ очертаній; такимъ образомъ, перечисляя ихъ, приходится пользоваться чисто топографическими обозначеніями. На сѣверо-востокѣ мы видимъ теперешнія Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губерніи; на сѣверо-западѣ — нынѣшнія губерніи Новгородскую и Псковскую; на западѣ и юго-западѣ—Москвѣ принадлежатъ область Днѣпра съ теперешней Смоленской губерніей и западная часть губерніи Калужской; сюда же относятся часть нынѣшней Черниговской и западные уѣзды Орловской и Курской губерній. На юго-востокѣ разстилаются степныя пространства, южную границу которыхъ опредѣлить совершенно невозможно; сѣверная граница этой области проходитъ по 55-ой параллели—то есть соотвѣтствуетъ сѣвернымъ же границамъ губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконецъ, на востокѣ лежитъ бассейнъ Камы съ ея притоками—рѣками Вяткой, Чусовой и Бѣлой.

Нужно отмѣтить здѣсь одну любопытную особенность, которая одна уже достаточно характеризуетъ тогдашнее Московское государство. Важнѣйшую часть указанной территоріи представляютъ Новгородъ и Псковъ со своими областями, другими словами, самыя недавнія и наиболѣе удаленныя отъ центра провинціи. Здѣсь сосредоточивается почти вся торговая и промышленная энергія молодого го-

сударства. Въ экономическомъ отношеніи Московская держава живетъ этими областями и даже находится отъ нихъ въ зависимости.

Впрочемъ, и здѣсь промышленность—самая убогая. Торговля идетъ нѣсколько живѣе, но все же ея обороты остаются весьма скромными. Въ этой странѣ болотъ и пустошей населеніе живетъ, по большей части, рыбной ловлей и, лишь въ исключительныхъ случаяхъ,—примитивнымъ земледѣліемъ. При такихъ условіяхъ самымъ важнымъ жизненнымъ подспорьемъ оказывается для него проходящее здѣсь товарное движеніе: оно направляется съ балтійскаго побережья во внутрь страны или идетъ оттуда въ обратную сторону. Но, во всякомъ случаѣ, на пространствѣ 282,127 квадратныхъ верстъ во всей странѣ насчитывается не болѣе 14 городовъ. При этомъ большая ихъ часть представляетъ собою лишь небольшіе укрѣпленные пункты—*острожки*; въ такихъ же областяхъ, какъ Бѣжецкая *пятина* и Олонецкія земли, на громадной территоріи въ 171,119 квадратныхъ верстъ мы не находимъ никакихъ признаковъ городской осѣдлости. Кое-гдѣ лишь разбросаны здѣсь мелкіе поселки съ небольшими рынками для ярмарочной торговли.

До самой половины XVI вѣка Новгородъ со своими 5300 населенныхъ домовъ сохраняетъ первенствующее положеніе среди русскихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, самой Москвы. По даннымъ того же времени, въ Псковѣ—притомъ, въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, не считая пригородныхъ слободъ,—было около 1300 лавокъ или торговыхъ конторъ. Но повсюду тѣ же данныя отмѣчаютъ одно явленіе, которое наиболѣе характерно для жизни русскихъ городовъ XVI столѣтія. Мы говоримъ о быстромъ исчезновеніи, собственно, городского класса, иначе—буржуазіи: вездѣ его вытѣсняютъ и замѣняютъ собой иные,—именно, военные элементы общества. Въ Гдовѣ, напримѣръ, городской классъ уцѣлѣлъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь; но и здѣсь, по спискамъ 1580-1585 г. значится всего на всего 14 представителей торгово-промышленнаго класса. Несомнѣнно, такое исчезновеніе буржуазіи было прямымъ слѣдствіемъ московскаго завоеванія. Какъ извѣстно, московское правительство весьма широко практиковало массовую конфискацію имуществъ и передачу захваченныхъ предпріятій въ руки новыхъ людей, по своему выбору. Эта система быстро измѣнила всю физіономію покоренныхъ областей и реформировала ихъ соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, кто были эти новые пришельцы? Мы знаемъ ихъ, они были военными людьми. Такъ, въ

завоевательномъ движенiи и внѣшнемъ ростѣ Москвы сохранялась ея первоначальная природа... Мы уже опредѣлили ее: Москва была военной колонiей, возникшей на чужой землѣ, среди покореннаго населенiя. Иначе и быть не могло. Какъ и всѣ другiя области новой державы, Московское великое княжество еще представляетъ собой въ то время какъ бы поле битвы. Съ одной стороны, границы его недостаточно опредѣлены; съ другой—онѣ являются постояннымъ предметомъ спора. Изъ крѣпостей, защищающихъ Москву съ сѣверо-запада, Смоленскъ прiобрѣтенъ лишь въ 1514 году; однако, онъ остается еще номинальнымъ центромъ враждебнаго Москвѣ литовско-польскаго воеводства. Что касается Великихъ Лукъ, то очень скоро Баторій отниметъ ихъ у Ивана IV. На сѣверо-востокѣ продолжаетъ развиваться колонизацiонное движенiе: оно проникаетъ въ области, лежащiя по Бѣлому морю, по Онегѣ и Сѣверной Двинѣ до самаго Урала. Но и здѣсь, въ такъ называемомъ, *Поморьѣ,* въ дѣйствительное владѣнiе пришельцевъ поступаютъ лишь части морского и рѣчного побережья. Главная экономическая роль принадлежитъ здѣсь монастырямъ, которые являются не столько убѣжищемъ благочестiя, сколько центрами военной оккупацiи на сѣверо-восточной окраинѣ. Такъ, напримѣръ, Соловецкая обитель на Бѣломъ морѣ вмѣстѣ съ богатыми соляными варницами и рыбными ловлями содержитъ особую полицейскую стражу и даже небольшое войско. Далѣе, на востокъ, за Двиною, заселенiе области только начинается. Здѣсь рѣдко разбросаны бѣдныя рыбачьи жилища: единственнымъ центромъ этой области является ярмарочный торгъ на Мезени. За Мезенью начинается уже совершенная пустыня.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну любопытную особенность. Хотя Московская держава со всѣхъ сторонъ окружена была укрѣпленными пунктами, самъ городъ Москва сохранялъ свою прежнюю внѣшность—то есть напоминалъ собой временную и потому недостаточно прикрытую стоянку. Правда, *Кремль* города, т.-е. собственная крѣпость, обнесенъ былъ зубчатыми стѣнами, надъ которыми высились башни. Но внутри этой ограды находились лишь великокняжескiй дворецъ, палаты нѣкоторыхъ бояръ, да нѣсколько церквей съ монастырями. Такимъ образомъ, вся жизнь столицы происходила, въ сущности, внѣ кремлевской ограды. Городъ широко раскинулъ кругомъ свои деревянные дома, лавки, рынки, каменный «гостиный дворъ», напоминающiй собою базары Леванта. Вся торговая жизнь Москвы кипѣла внѣ

Кремля, въ огромныхъ посадахъ, которые были либо совершенно ничѣмъ не защищены, либо обнесены простымъ деревяннымъ тыномъ. Эти посады постепенно сливались съ окружающими полями, гдѣ воздѣланные участки земли и зеленые луга чередовались съ городскими домами или торговыми лавками. Еще шире разбрасывалась торгово-промышленная энергія столицы благодаря ея огромнымъ *слободамъ*. То были уже настоящія села, окруженныя также полями, садами и рощами. Тамъ и сямъ, по сосѣдству съ ними, высились монастыри съ бѣлой оградой и золотыми куполами,—и весь этотъ не то городской, не то деревенскій пейзажъ уходилъ въ чуть видную даль, къ самой чертѣ горизонта. То была настоящая столица новаго государства, которое едва выступало на историческое поприще, неустанно стремясь черезъ темное будущее къ какимъ-то далекимъ, запредѣльнымъ цѣлямъ.

Обозначеніе областей этого новаго государства, переживавшаго еще процессъ образованія, вполнѣ соотвѣтствовало ихъ переходному состоянію. Тогда говорили: «заокскіе, закамскіе города», при чемъ подъ словомъ «городъ» разумѣли всю территорію, подчиненную извѣстному центру. Даже центральную область, это ядро молодой державы, называли тогда *«замосковными городами»*. Нижній-Новгородъ сравнительно недавно былъ пріобрѣтенъ московскими князьями отъ такихъ же, какъ они сами, младшихъ Мономаховичей. Этотъ городъ то относился къ центральной области Московскаго государства, то, вмѣстѣ съ Арзамасомъ и Муромомъ, оказывался гдѣ-то на его периферіи. Между тѣмъ, для новой Руси, которая зарождалась на сѣверо-востокѣ, Нижній Новгородъ былъ какъ бы вторымъ Кіевомъ, только перенесеннымъ въ эти недавно пріобрѣтенныя земли. Въ самомъ дѣлѣ: мы видимъ здѣсь тѣ же удобства, ту же рѣдкую красоту географическаго положенія. Въ 1558 году, отправляясь на далекій Востокъ, англичанинъ Дженкинсъ отплывалъ изъ Нижняго съ цѣлой флотиліей своихъ галеръ: казалось, то воскресшіе кіевскіе князья снаряжаютъ утлыя свои ладьи для обычнаго «пути въ греки». Но московское завоеваніе разорило окрестныя области и оставило въ нихъ однѣ только груды развалинъ. Такое опустошеніе простиралось до самого бассейна Клязьмы; лишь въ старомъ Владимірѣ уцѣлѣли кое какіе остатки былого величія. Сельское населеніе, впрочемъ, еще сидѣло на землѣ; но въ городахъ, какъ и повсюду, не оставалось рѣшительно никого, кромѣ военныхъ отрядовъ. Эта милитаризація об-

щества является подлиннымъ знаменіемъ новаго, московскаго времени. Стоитъ отойти отъ Москвы по радіусу на какихъ-нибудь сто—сто пятьдесятъ верстъ, и вездѣ, даже въ собственно московскихъ областяхъ, мы увидимъ то же самое характерное явленіе. На указанномъ разстояніи отъ Москвы къ сѣверу тянется уже широкій поясъ, гдѣ военныя заботы какъ-бы переплетаются съ мирными занятіями населенія. Такіе города, какъ Тверь, Ржевъ, Зубцовъ и Старица, являются здѣсь стратегическими пунктами. На югѣ, по верховьямъ Москвы и по теченію Оки, города Серпуховъ, Кашира и Коломна служатъ сторожевыми постами: они охраняютъ переходъ черезъ эти рѣки въ мѣстахъ, наиболѣе угрожаемыхъ нашествію степныхъ кочевниковъ. За этой оборонительной линіей простирается опять пустыня, такъ называемое, *дикое поле*. До второй половины XVI вѣка эта область останется совершенно закрытой для колонизаціоннаго движенія.

Таковы были тѣ владѣнія, къ которымъ, вмѣстѣ съ Казанскимъ и Астраханскими царствами Иванъ IV присоединитъ земли, лежащія по долинамъ средней и нижней Волги, по рѣкѣ Камѣ, Вяткѣ и Каспійскому побережью. Въ будущемъ къ этой территоріи должна была примкнуть еще загадочная область Казатчины, простиравшаяся отъ Волги до рѣки Дона, до сѣвернаго теченія Донца и до самыхъ днѣпровскихъ низовьевъ. То былъ какъ бы огромный резервуаръ, куда непрерывно стекались изгнанники изъ Польши или изъ московскихъ предѣловъ. И въ томъ, и въ другомъ государствѣ одни и тѣ же законы соціально-политической жизни постоянно выбрасывали наружу извѣстные продукты общественнаго распада: то были элементы, которые не могли удержаться въ рамкахъ нормальнаго существованія благодаря дѣйствію трехъ извѣчныхъ силъ, вызывающихъ какъ созданіе, такъ и разложеніе общественныхъ союзовъ. Что это за силы? Духъ мятежа, духъ предпріимчивости и духъ свободы.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ, хотя бы даже приблизительныхъ данныхъ, которые помогли бы намъ опредѣлить общую численность тогдашняго московскаго населенія. Даже тѣ свѣдѣнія, которыя касаются самого города Москвы, настолько расходятся между собой, что точный выводъ изъ нихъ является совершенно невозможнымъ. Въ 1520 году въ Москвѣ числилось 41,500 домовъ; такимъ образомъ, можно предположить, что населеніе столицы составляло минимумъ 100,000 человѣкъ. Однако, проходитъ 60 лѣтъ, и

папскій легатъ Поссевинъ считаетъ наиболѣе вѣроятной цифрой этого населенія только 30,000. Правда, что въ этотъ промежутокъ времени Москва успѣла подвергнуться нашествію татаръ, которые разрушили ее до основанія. Но такова, вообще, была судьба большинства городовъ этого государства: война свирѣпствовала здѣсь повсюду и отъ времени до времени совершенно мѣняла физіономію страны.

Съ этнографической точки зрѣнія въ девяти десятыхъ этой страны имѣется лишь то количество русскаго элемента, какое успѣло тамъ осѣсть въ результатѣ весьма еще молодого, сравнительно, колонизаціоннаго движенія. Въ эту пору даже не приходится «поскрести» русскаго, чтобы повсюду отыскать татарина и особенно финна. Это послѣдняя раса составляетъ вездѣ основу населенія. Завоеванія Грознаго и его преемниковъ внесли въ эту сферу государственной жизни самыя крупныя измѣненія; слѣды ихъ мы находимъ донынѣ хотя бы на извѣстной картѣ Кеппена. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя дали бы возможность вполнѣ точно опредѣлить роль разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ жизни Московскаго государства этого времени. Эта роль обозначается нѣсколько яснѣе лишь въ умственной и нравственной жизни тогдашняго общества,—о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Въ политическомъ отношеніи она, можно сказать, совершенно ничтожна: путемъ механическаго удаленія или же поглощенія всѣхъ чуждыхъ элементовъ, московское господство сгладило всякіе слѣды какихъ бы то ни было племенныхъ треній. Въ соціальномъ отношеніи эта первоначальная пестрота этнографическаго состава не проявляется наружу по другимъ причинамъ. Изслѣдуя внутреннюю жизнь московскаго общества XVI вѣка, никто не скажетъ, что въ немъ живутъ въ мирномъ союзѣ или во враждѣ между собою два самостоятельныхъ общества—или даже больше. Почему? Здѣсь встаетъ новый вопросъ: да существуетъ ли тогда хоть одно такое цѣльное общество?

III.

Общественные классы. Аристократія.

Среди особенностей русской жизни, которыя постоянно отмѣчались и даже излишне подчеркивались извѣстнымъ направленіемъ исторической мысли и политики, на первомъ мѣстѣ фигурируетъ пресловутое

отсутствіе въ русскомъ обществѣ классовыхъ дѣленій. Съ теченіемъ времени эта особенность будто бы сгладилась весьма замѣтно; но тогда, въ XVI вѣкѣ, она, какъ утверждаютъ, рѣзко отличала молодое русское государство отъ Западной Европы. Но другія, чисто русскія начала общественнаго строя нетрудно, будто бы, уловить и въ настоящее время. Различія съ Европой сводятся къ слѣдующему: въ Россіи отсутствуетъ феодализмъ со всѣми его позднѣйшими порожденіями: въ ней нѣтъ ни рыцарскаго сословія, ни его пережитковъ; наконецъ, въ ней мы не найдемъ Церкви, вооруженной свѣтской властью, которой она пользуется для борьбы съ государствомъ. И всѣ эти черты, естественно, сводятся къ одному началу; оно уже указано: рѣчь идетъ объ отсутствіи въ русскомъ обществѣ классовыхъ дѣленій.

Дѣйствительность этого факта, допустимъ, не подлежитъ спору. Но самъ по себѣ такой феноменъ представляется чрезвычайно сложнымъ: нужно весьма внимательно разобраться и въ его причинахъ, и во всѣхъ его проявленіяхъ. Очевидно, что въ русскомъ обществѣ, какъ и вездѣ, имѣются богатые и бѣдные, земледѣльцы и купцы, городскіе и деревенскіе жители; все это, конечно, различные соціальные элементы. Вѣрно, впрочемъ, одно: эти элементы не успѣли сложиться здѣсь въ твердо организованныя группы. Постараемся выяснить свою мысль.

Вся жизнь Ивана Грознаго прошла въ непрерывной борьбѣ съ боярами. Несомнѣнно, это боярство представляло собою тогдашнюю аристократію. Въ русскомъ обществѣ той эпохи, кромѣ бояръ, были и другія аристократическія группы. Рядомъ съ боярствомъ стояли потомки прежнихъ удѣльныхъ князей: одни вели происхожденіе свое отъ русскаго Рюрика, другіе отъ литовца Гедимина. Первенствуя въ областномъ управленіи, они требовали для себя господствующаго положенія. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ старшей линіи той династіи, гдѣ московскій княжескій родъ являлся лишь одной изъ младшихъ вѣтвей. Кое-гдѣ держась на остаткахъ своихъ вотчинъ, они могли громко заявлять свои притязанія, и, конечно, не упускали ни малѣйшаго случая къ этому. Они пользовались извѣстными правами и привиллегіями, которыя основывались на ихъ прошломъ когда-то независимыхъ государей. Разумѣется, свое положеніе они защищали самымъ ожесточеннымъ образомъ.

И, однако же, обратитесь къ *Судебнику* 1497 года—этому законодательному сборнику изданному дѣдомъ Грознаго Иваномъ III. Вы

не найдете тамъ никакого слѣда всѣхъ этихъ правъ и привилегій аристократіи. Духовенство занимаетъ особое положеніе; но, за его исключеніемъ, всѣ остальные жители государства распадаются на двѣ категоріи, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака соціальныхъ дѣленій, ни одной черты, созданной различіемъ исторически опредѣлившихся положеній. Судебникъ 1497 года говоритъ о «служилыхъ» и «неслужилыхъ» людяхъ—и только! Что это значитъ? Это значитъ, что законодатель свелъ на-нѣтъ историческое прошлое: деспотически распоряжаясь покорной массой населенія, онъ спокойно раздѣлилъ его на группы, какъ нельзя лучше соотвѣтствующія новымъ потребностямъ государственнаго строя. Мы знаемъ, что это былъ за строй: я старался показать, что Москва была походной стоянкой арміи завоевателей.

Въ войскѣ нѣтъ ни князей, ни мужиковъ, ни купцовъ, ни земледѣльцевъ: тамъ лишь солдаты, дядьки и офицеры. Такое, именно, войско представляетъ собою московское общество XVI вѣка. Военноплѣнныхъ обозначаютъ очень просто: ихъ называютъ по нумерамъ, по порядку. Населеніе Московской державы живетъ въ плѣну, или, по крайней мѣрѣ, скоро станетъ военноплѣннымъ. Что такое *служилые*? Это воины, которые помогаютъ своему вождю «собирать русскую землю». Что такое *неслужилые*? Это рабочій народъ, это тѣ люди, которые кормятъ армію во время похода. Мѣсто, званіе, обязанности каждаго строжайшимъ образомъ опредѣляются расписаніемъ службы; всѣ по рядамъ!—таковъ приказъ: никакихъ аристократическихъ изъятій! Въ первой категоріи служилыхъ людей находятся и бояре, и князья, и придворные чины, и важнѣйшія должностныя лица; если эти элементы и различаются между собою, то только по началу административной субординаціи.

И тутъ же, рядомъ съ ними,—низшіе служащіе военнаго и гражданскаго вѣдомства, кузнецы и пушкари, столяры и простые воины. Переходимъ къ неслужилымъ людямъ. И въ этой категоріи безразлично смѣшиваются купцы и земледѣльцы; всѣ они подчинены одному порядку, который возлагаетъ на нихъ, прежде всего, податное бремя. Служилые перваго ранга, конечно, пользуются извѣстными преимуществами: имъ поручаются важнѣйшія должности; они владѣютъ землею; на судѣ ихъ свидѣтельству придается большее значеніе, и, въ случаѣ обиды, виновный уплачиваетъ имъ тройную пеню сравнительно съ какимъ-нибудь *дьякомъ*. Но тотъ же принципъ

таксировки чести распространяется на всѣ ранги—разумѣется, приспособляясь къ различію степеней и званій. Онъ не имѣетъ никакой связи съ соціальной структурой общества. Онъ органически сочетается съ преимуществами служебнаго положенія.

Намъ остается выяснить теперь, какъ удалось провести въ жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацію общественныхъ элементовъ. Правительство, очевидно, расторгало ихъ естественную связь и ставило ихъ въ совершенно произвольно создаваемыя рамки; ясно, что для успѣшнаго завершенія этого процесса, соціальныя группы должны были оказаться безконечно слабо организованными. Именно, такова и была московская аристократія. И въ Московскомъ государствѣ, какъ и на Западѣ, ядро этой аристократіи составляли придворные элементы. Правда, среди спеціалистовъ до сихъ поръ не установилось согласія по вопросу объ этимологическомъ происхожденіи слова *бояринъ*. Одни производятъ его отъ *бой*; другіе отъ *бол, болій, болшій*. Во всякомъ случаѣ, первоначально именемъ бояръ обозначались тѣ самые *дружинники* князя, которыхъ можно сопоставить съ франкскими антрустіонами, англо-саксонскими тэнами или министеріалами феодальной Германіи. Но на Западѣ взаимоотношенія государя и его слугъ пріобрѣли характеръ большей или меньшей устойчивости: они поддерживались и феодальнымъ строемъ землевладѣнія, и опредѣленнымъ различіемъ соціально-политическихъ функцій; тамъ все закрѣплялось и освящалось закономъ, обычаемъ, нравами. Но въ русскомъ обществѣ, въ соотвѣтствіи съ неустойчивостью всей его исторической среды, тѣ же самыя взаимоотношенія имѣли крайне расплывчатый и неопредѣленный характеръ. Самъ князь бы въ нѣкоторомъ родѣ, кочевникомъ. Что же дружина? Она могла либо слѣдовать за нимъ, либо, если хотѣла, оставаться на мѣстѣ. Никакихъ правилъ, никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ: князь могъ свободно отослать отъ себя своихъ соратниковъ, а они—оставить его въ любую минуту. Въ 1149 году волынскій князь отправился походомъ на Кіевъ; дружина измѣнила ему въ рѣшительный моментъ, и потому онъ потерпѣлъ пораженіе. Принуждать къ соблюденію вѣрности тогда было не принято да и невозможно. Съ теченіемъ времени русская земля разбилась на множество княжествъ. Тогда бояре начали безо всякаго стѣсненія переходить отъ одного князя къ другому: иные при этомъ руководились разсчетомъ, иные—собственнымъ капризомъ. При этомъ они не теряли ровно никакихъ правъ,

такъ какъ никто не считалъ подобныхъ переходовъ за измѣну. Дезертирующіе бояре сохраняли всѣ свои земельныя владѣнія и часто отдавали ихъ подъ покровительство новаго государя, котораго избирали себѣ на мѣсто прежняго. Когда Москва выступила на историческое поприще, она безъ всякихъ колебаній рѣшила воспользоваться въ своихъ интересахъ этимъ обычаемъ перехода—*отъѣзда*. Она оцѣнила въ немъ незамѣнимое орудіе политическаго объединенія; она усмотрѣла въ немъ драгоцѣнное средство вызывать разложеніе сосѣднихъ княжествъ, чтобы самой усилиться на ихъ счетъ. Ставши главнымъ центромъ національнаго притяженія, она, естественно, ничѣмъ не рисковала при такой политикѣ. Все стремилось къ Москвѣ; никому и въ голову не приходило предпочесть ей что-либо иное. Мало-по-малу восходящее солнце Москвы притянуло къ себѣ и поглотило осколки мелкихъ свѣтилъ, которыя его окружали. Такъ, изъ чужого добра, изъ того, что брошено или потеряно было другими на историческихъ перепутьяхъ, въ рукахъ Москвы составился на-рѣдкость податливый матеріалъ. Изъ него можно было лѣпить все, что угодно.

Тѣ элементы, которые окружали теперь московскаго государя, не были, какъ прежде, его сотоварищами: ихъ не связывали съ нимъ ни сообща перенесенныя опасности, ни вмѣстѣ одержанныя побѣды. Они были плѣнниками Москвы,—покоренными, оторванными отъ родимой почвы. Этого мало: вся аристократія новой, сѣверо-восточной Руси не имѣла въ себѣ достаточной прочности. Исключенія не составляла и та часть московской знати, что по-прежнему сидѣла на своихъ родовыхъ земляхъ. Для образованія наслѣдственной давности прошло еще слишкомъ мало времени; для пріобрѣтенія новой реальной силы у этой аристократіи не было должнаго соціально политическаго основанія. Другое дѣло—феодальный строй Западной Европы. Сюзеренъ и сеньеръ, сеньеръ и сервы—между этими двумя плоскостями феодальныхъ взаимоотношеній существовала полная аналогія, такъ что, можно сказать, вассалитетъ и серважъ естественно дополняли другъ друга. Но въ Московскомъ государствѣ, какъ мы увидимъ, аристократія не имѣла подъ собою подобной почвы. Она терялась въ массѣ свободнаго сельскаго населенія: въ лучшемъ случаѣ оно соглашалось работать на крупныхъ землевладѣльцевъ на условіяхъ задѣльной платы, но и то безконечно торговалось и вступало въ споры. Такимъ образомъ, хозяйство аристократіи обречено было во власть случайности.

Какъ бы то ни было, Москва по-своему распоряжалась этимъ зыбкимъ элементомъ и даже сообщила ему извѣстную устойчивость въ рамкахъ вновь созданной ею, т.-е. военной, организаціи. Очевидно, для успѣшнаго выполненія этой задачи ея собственная центральная власть должна была обнаружить значительныя силу и твердость.

IV.

Политическій и соціальный строй. Происхожденіе абсолютизма.

Существуетъ много различныхъ гипотезъ, объясняющихъ происхожденіе и характеръ московской государственной власти. Я уже ссылался выше на ту историческую школу, которая отстаиваетъ полнѣйшую самобытность національной русской культуры. Въ организаціи государственной власти Москвы эта школа усматриваетъ характерное проявленіе духа русской народности—этой славянской вѣтви, волею судебъ оторванной отъ родной почвы и заброшенной на далекую чужбину. Только такой режимъ, будто бы, соотвѣтствовалъ специфическимъ особенностямъ славянской расы въ области государственнаго строительства. Только онъ обезпечивалъ жизненную силу учрежденій, созданныхъ ею въ новыхъ условіяхъ историческаго существованія. Поприще другихъ славянскихъ народностей порою бывало весьма блестяще, но всегда слишкомъ кратко. Объясняется это, будто бы, тѣмъ, что онѣ строили свою политическую жизнь на совершенно иныхъ основахъ. Другими словами, они не умѣли предупреждать чрезмѣрнаго усиленія аристократическихъ элементовъ общества при пагубномъ ослабленіи центральной власти.

Однако, откуда же явились у сѣверо-восточной группы славянъ эта особая склонность принять новый политическій строй, эта специфическая способность примѣниться къ его формамъ? *Забѣлинъ* объясняетъ это вліяніемъ Восточно-православной Церкви: въ ученіи ея патріархальный абсолютизмъ находилъ себѣ, будто бы, высшую санкцію и принципіальное обоснованіе. *Костомаровъ* держится иного взгляда. По его мнѣнію, особенности политическаго строя Москвы были послѣдствіемъ татарскаго владычества. Наконецъ, нѣкоторые другіе историки въ своихъ объясненіяхъ ссылаются на воздѣйствіе финскаго элемента. Ни одна изъ этихъ трехъ теорій, въ сущности,

не выдерживаетъ критики. Несомнѣнно, что еще раньше, въ южной Руси, вліяніе Церкви было весьма значительно—пожалуй даже сильнѣе, нежели впослѣдствіи на сѣверо-востокѣ: и, между тѣмъ, Кіевская Русь совершенно не знала того личнаго абсолютизма, который сложился въ Москвѣ къ концу XV вѣка. Это вполнѣ подтверждается и древнѣйшими свидѣтельствами—византійскими хронографами, историческими данными Прокопія, императоромъ Львомъ а также Дитмаромъ Мерзебургскимъ: всѣ они говорятъ, что у славянъ народныя собранія обладали или всей полнотой верховной власти или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми ея прерогативами. Въ этомъ отношеніи, собственно, русскіе славяне отнюдь не составляли исключенія. По словамъ Несторовой лѣтописи, иногда они даже обходились совсѣмъ безъ княжеской власти. Уже позднѣе, въ XI вѣкѣ, мы видимъ тѣ же самыя демократическія учрежденія въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ. *Вѣча* (производное отъ *вѣщать*) дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ русской земли—правда, не вездѣ въ одинаковыхъ границахъ. Въ иныхъ мѣстахъ имъ принадлежитъ вся верховная власть, въ другихъ они лишь избираютъ князя. Но нигдѣ политическая жизнь не обходится безъ ихъ участія, причемъ оно обезпечивается формальными договорами-*рядами* и грамотами.

Можно сказать, что въ своей первоначальной формѣ русское самодержавіе отнюдь не являлось синонимомъ абсолютизма. Правда, самодержецъ московскій, это, можно сказать, двойникъ византійскаго autocrator'а; но извѣстно, что византійскіе императоры дѣлили свою абсолютную власть съ духовенствомъ. То же самое было и въ Москвѣ. Духовенство долго видѣло здѣсь въ титулѣ самодержавнаго государя лишь символъ независимости русскихъ отъ иноземнаго господства. Такимъ образомъ, если не народныя права, то, по крайней мѣрѣ, прерогативы Церкви оставались пока совершенно незатронутыми этимъ новымъ порядкомъ политической жизни. Тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ, терминъ самодержавія могъ подать поводъ къ опасному смѣшенію понятій. Такъ оно и было. Первый ударъ народоправству былъ нанесенъ на сѣверо-востокѣ, гдѣ князьямъ Суздальскому и Рязанскому удалось силою утвердить начало династическаго наслѣдованія въ порядкѣ первородства. Такъ или иначе, еще задолго до появленія татаръ народное верховенство уцѣлѣло лишь кое-гдѣ, въ видѣ исключенія. Въ своей неприкосновенности сохранилось оно въ Псковѣ и Новгородѣ до конца XV вѣка; повсюду, въ

другихъ мѣстахъ, оно или подверглось существеннымъ ограниченіямъ или было совершенно упразднено уже съ начала XVIII столѣтія.

Татарское владычество содѣйствовало развитію русскаго абсолютизма отнюдь не въ большей степени, нежели вліяніе Византіи. Правда, въ отношенія правителей и подданныхъ русскихъ земель татарская неволя внесла коренную перемѣну. Раньше положеніе князя зависѣло отъ воли народа; теперь оно опредѣлялось уже капризомъ чужеземнаго завоевателя. Стоило отправиться на низовья Волги съ подарками для хана, и это уже надежнѣе обезпечивало судьбу князя, нежели народное избраніе. Князь возвращался изъ орды съ ярлыкомъ, который дѣлалъ совершенно излишнимъ всякое иное домогательство власти. Флорентійская унія и взятіе Константинополя турками оказали на Русское государство воздѣйствіе въ томъ же направленіи. До конца XIV вѣка Церковь знала только великаго князя Руси: *царемъ* же русскаго народа, *государемъ всего міра* былъ въ ея глазахъ лишь византійскій императоръ, который и поминался въ московскихъ молитвахъ. Послѣ указанныхъ событій волей-неволей пришлось перенести эти величанія на особу кого-нибудь другого. Такъ, на развалинахъ византійской славы возвысилось значеніе Московскаго государства.

Всѣ эти случайности играли, впрочемъ, лишь второстепенную роль: рѣшительнаго значенія въ данномъ процессѣ онѣ не имѣли. Остается выяснить, слѣдовательно, вліяніе финскаго элемента. Конечно, бывали въ исторіи примѣры, когда покоренный народъ передавалъ побѣдителю свои порядки, нравы и понятія; но возможно это лишь тогда, когда въ культурномъ отношеніи побѣжденный стоитъ выше своего завоевателя. Такое превосходство финновъ надъ русскими представляется совершенно немыслимымъ. Правда, русскіе переселенцы XIII—XIV вѣковъ были еще варварами; но въ области, куда они вступили, они встрѣтили еще менѣе культурныя племена. Поэтому и торжество ихъ надъ финнами отнюдь не было дѣломъ простого численнаго преобладанія.

Ключъ къ разрѣшенію вопроса лежитъ, на мой взглядъ, во взаимодѣйствіи двухъ явленій, уже отмѣченныхъ мною выше. Я говорю о слабомъ расчлененіи тогдашняго русскаго общества и, съ другой стороны, о той его милитаризаціи, которая вызвана была вліяніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его первоначальное образованіе

и дальнѣйшее переустройство на сѣверо-востокѣ. Мы знаемъ, что русскіе переселенцы оказались въ чужой землѣ, гдѣ долго жили, окруженные врагами. Благодаря этому, ихъ государственная власть пріобрѣла характеръ военнаго командованія. Вооруженный новыми прерогативами, сѣверо-восточный князь, естественно, оказывалъ разлагающее вліяніе на недостаточно организованныя соціальныя группы. Эти послѣднія своей слабостью еще содѣйствовали росту его могущества.

Впрочемъ, образованіе государствъ, въ большинствѣ случаевъ, сопровождается точно такими же явленіями. Особенность даннаго процесса заключалась въ томъ, что мужающее государство переходило одновременно и къ формамъ новѣйшей цивилизаціи. Это, дѣйствительно, характерная черта въ развитіи русскаго общества. Долгое время оно жило вдали отъ вліяніи Европы; затѣмъ ему пришлось сразу усваивать драгоцѣннѣйшія ея блага—даже такіе утонченные плоды ея культуры, которые находились въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи съ его собственной отсталостью въ соціально-политическомъ отношеніи.

Все это совершалось внезапно, нерѣдко даже вопреки требованіямъ нормальнаго прогресса. Въ извѣстномъ смыслѣ, просвѣтительное движеніе, питавшееся внѣшними вліяніями, создавало на русской почвѣ условія, благопріятныя для развитія абсолютизма: оно вооружало центральную власть такими средствами, открывало ей такіе пути, которыхъ нельзя было найти въ нѣдрахъ варварскаго общества. Иванъ IV былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ; потому онъ и былъ опаснѣе Людовика XI, который, какъ извѣстно, убѣжденно презиралъ литературу, науку и искусства. Людовикъ стремился завладѣть только тѣлами людей; Иванъ будетъ плѣнять ихъ души, чтобы и ихъ засадить за желѣзную рѣшетку. Въ этомъ узилищѣ, мучительно согнувшись, несчастная Россія обречена будетъ гнить цѣлые вѣка.

Нетрудно прослѣдить, какъ создавалась эта историческая темница. Мы видѣли, что Москва старалась приманить къ себѣ на службу возможно больше людей изъ сосѣднихъ княжествъ. Когда эти слуги оказались въ избыткѣ, московскіе государи поспѣшили прекратить подобные переходы, которыми сами пользовались до той поры въ своихъ интересахъ. Эту задачу, въ значительной степени, облегчили Москвѣ тѣ же ея сосѣди. Дѣло въ томъ, что они уже успѣли создать

кое-какія ограниченія такого рода. Самый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало мнимо либеральное, даже республиканское правительство. На совѣсти республикъ, вообще, не мало такихъ грѣховъ; но я не касаюсь современности: тотъ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ 1368 году. Въ этомъ году новогородская республика постановила: если кто-либо изъ гражданъ покинетъ ея область, онъ лишается правъ собственности на всякое имущество, которое можетъ тамъ сохраниться. Что же оставалось Москвѣ? Только послѣдовать данному примѣру. Правда, самый принципъ еще старались щадить, но уже при Иванѣ III начали сажать въ тюрьму всякаго изъ «слугъ» государевыхъ, который казался недостаточно надежнымъ. Чтобы вернуть себѣ свободу, онъ могъ и не отказываться формально отъ своего права: правительство дѣлало видъ, что само его соблюдаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ давалъ обязательство впредь не пользоваться имъ; иногда на ряду съ этимъ требовалось также представить поручительство.

Я намѣренно останавливаюсь на этихъ деталяхъ: иначе дальнѣйшій ходъ русской исторіи можетъ представиться совершенно непонятнымъ. Какъ увидимъ, Иванъ IV весьма широко пользовался всякими прецедентами. Онъ даже ввелъ нѣчто въ родѣ круговой поруки среди служилахъ людей, дабы лучше обезпечить себѣ ихъ вѣрность.

Такимъ образомъ, княжата и бояре были прикрѣплены къ мѣсту и поставлены въ строгія рамки. Тѣмъ не менѣе они сохранили еще, нѣкоторую политическую и соціальную автономію. Главной основой ея было, конечно, ихъ знатное происхожденіе. Далѣе, вся эта аристократія еще владѣла своими старыми вотчинами или хотя бы остатками вотчинныхъ и удѣльныхъ земель; здѣсь они сохраняли еще нѣкоторыя верховныя права или же различныя привиллегіи. Московское правительство не могло помириться съ такимъ порядкомъ: оно и начало борьбу съ нимъ, пользуясь двоякими средствами. Прежде всего, во главѣ новой военной іерархіи оно уже не хотѣло ставить родичей и соперниковъ государя — княжатъ, потомковъ Рюрика или Гедемина. Оно систематически предпочитало имъ собственныхъ людей его, именно тѣхъ, которые помогали ему «собирать русскую землю». Пусть даже предками этихъ людей оказывались порою простые конюшіе княжеского двора. Въ этой новой служебной аристократіи отсутствовали кастовый духъ и всякое корпоративное чув-

ство. Разумѣется, задача правительства при такихъ условіяхъ становилось еще болѣе простою.

Однако, московское правительство не ограничилось только этимъ средствомъ. Оно обратилось и къ другому, которое, пожалуй, оказалось еще болѣе дѣйствительнымъ. Какъ извѣстно, въ московскомъ государствѣ широко примѣнялась система земельныхъ конфискацій. Эта политика энергически проводилась здѣсь среди разложенія старыхъ княжествъ, присоединяемыхъ къ новой державѣ. Такимъ образомъ, постепенно, въ рукахъ московскаго правительства создался земельный фондъ огромнаго размѣра. Москва занялась перераспредѣленіемъ этихъ земель,—съ тѣмъ расчетомъ, однако, чтобы это новое—служилое—землевладѣніе по своему характеру не имѣло ничего общаго съ прежнимъ. Вотъ почему оно уже не представляло собою ни удѣловъ, ни вотчинъ; новые участки были *помѣстьями*, т.-е., по точному смыслу слова, такими земельными надѣлами, которые получались должностными лицами въ качествѣ вознагражденія соотвѣтственно съ занимаемымъ мѣстомъ по службѣ. Отсюда ясно, что помѣстья были, обыкновенно, въ пожизненномъ пользованіи владѣльцевъ: по наслѣдству они передавались лишь на томъ условіи, чтобы вмѣстѣ съ землею новый помѣщикъ взялъ на себя и всѣ обязанности своего предшественника. Какъ и вотчины, помѣстья были свободны отъ налоговъ: зато на нихъ лежала наиболѣе тяжелая повинность, т.-е. государственная служба. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, московскія помѣстья представляли аналогію съ феодальными держаніями Западной Европы. Однако между обоими явленіями существовало одно важное различіе. На Западѣ ленъ давался за добровольную службу; въ Московскомъ же государствѣ помѣстье жаловалось за службу, которая и безъ того признавалась обязательной. Въ общемъ итогѣ, московская система отнюдь не создавала аристократіи, основанной на мѣстно - корпоративномъ принципѣ. Весь окладъ жалованія получался здѣсь натурой. Такой порядокъ былъ еще въ одномъ отношеніи удобенъ для московскаго правительства: въ немъ постепенно стирались различія между старой и новой формами землевладѣнія. Мало-по-малу, въ Московскомъ государствѣ вотчинникъ и помѣщикъ сливались въ одну массу.

При временномъ, измѣнчивомъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія, размѣры его, по большей части, были крайне незначительны. Порою площадь такого помѣстья не превышала какихъ-нибудь три-

дцати десятинъ. Этого мало: самое надѣленіе служилыхъ людей землею нерѣдко затягивалось, отсрочивалось или сохраняло чисто фиктивный характеръ. Намъ извѣстно, что представляли собою такъ называемыя «дѣти боярскія». То были лица, которымъ не удалось унаслѣдовать отъ своихъ знатныхъ предковъ почетный титулъ, связанный съ опредѣленнымъ служебнымъ положеніемъ. Такъ, вотъ, въ 1570 году было испомѣщено 168 этихъ дѣтей боярскихъ; однако, за отсутствіемъ свободныхъ надѣловъ, 99 человѣкъ изъ этого числа не получили ровно ничего. Одновременно съ этимъ случаемъ, и по такимъ же причинамъ на долю одного такого бумажнаго «помѣщика» изъ 80-ти пожалованныхъ десятинъ выпало всего на всего шесть.

Вотъ почему по своему образу жизни, по домашней обстановкѣ, одеждѣ и пищѣ служилые люди того времени едва замѣтно отличаются отъ простыхъ крестьянъ. Иногда даже матеріальный достатокъ такихъ помѣщиковъ во многомъ уступаетъ крестьянскому довольству. Конечно, этого нельзя сказать о тогдашней высшей знати. Она занимаетъ важнѣйшія должности и, разумѣется, получаетъ соотвѣтственное вознагражденіе. Правда, дома ея выстроены изъ обыкновеннаго лѣса, притомъ всѣ по одному образцу. Но всевозможныя пристройки, крыльца, высокіе теремки, затѣйливыя крыши и огромныя службы придаютъ имъ, болѣе или менѣе, внушительную внѣшность. Что касается большинства служилыхъ людей, то они живутъ въ обыкновенныхъ избахъ. Здѣсь деревянный полъ моется, выскабливается и выметается ежедневно: у входныхъ дверей для вытиранія ногъ брошена на порогѣ куча сѣна. Въ передней горницѣ красуется на видномъ мѣстѣ рѣже серебряная, нежели оловянная посуда... Словомъ, въ обстановкѣ этого жилища нѣтъ ничего такого, что говорило бы объ аристократизмѣ владѣльца.

Есть, впрочемъ, одна черта, которая рѣзко отличаетъ положеніе знатнаго человѣка отъ простолюдина. Это—большое количество домашнихъ слугъ, которыхъ считаетъ необходимымъ держать при себѣ тогдашній бояринъ. Въ его хозяйствѣ мы видимъ и поваровъ, и пекарей, и садовниковъ, и портныхъ, и рабочихъ всевозможнаго рода. Тутъ же находятся всякіе дворовые люди, положеніе которыхъ и, какъ будто, болѣе почетно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не завидно. Къ чему же сводятся ихъ обязанности?

Пѣшкомъ и на конѣ, всюду слѣдуютъ они за своимъ господиномъ: они сопровождаютъ его въ дорогѣ, служатъ ему при дѣловыхъ заня-

тіяхъ, не покидаютъ его и въ забавахъ. Я едва не позабылъ о приказчикѣ, хотя изъ всѣхъ слугъ помѣщика онъ былъ для него самымъ необходимымъ. Пусть помѣщикъ владѣетъ всего нѣсколькими десятинами земли; все же, онъ не обойдется безъ этого alter ego, тѣмъ болѣе, что собственноручая обработка земли является для служилаго человѣка совершенно невозможной. Даже при искреннемъ желаніи—это немыслимо за недостаткомъ времени. Вся жизнь служилаго человѣка—отъ дѣтства и до самой старости находится въ безраздѣльномъ распоряженіи его государя. Гражданская ли, военная ли карьера—для служилаго человѣка безразлично: онъ долженъ быть человѣкомъ на всѣ руки. Вотъ его вызываютъ на войну. Онъ беретъ съ собой мѣшочекъ съ просомъ, нѣсколько фунтовъ соленой свинины, немного соли, смѣшанной съ перцомъ,—если только его средства дозволяютъ ему запастись этой приправой; она считается, вообще, превосходной, но служитъ уже предметомъ роскоши. Далѣе къ этому присоединяются небольшой топорикъ, трутъ, мѣдная посудина,—и служилый человѣкъ можетъ считать себя вполнѣ снаряженнымъ. Въ походѣ онъ, конечно, обойдется какъ-нибудь безъ своего приказчика. Когда же онъ вернется къ себѣ въ помѣстье, онъ найдетъ его опустошеннымъ или, по крайней мѣрѣ, обворованнымъ тѣмъ же самымъ вѣрнымъ слугою. И, вотъ,—описываетъ Герберштейнъ,—онъ уже подбираетъ апельсиновыя корки или объѣдки тыквы, которые броситъ по дорогѣ какой-нибудь прохожій иноземецъ. ... Но выйти изъ дому совсѣмъ одному, хотя бы для того лишь, чтобы постучаться въ сосѣднія ворота? Этого не будетъ никогда! Повсюду съ помѣщикомъ — его конь или кто-нибудь изъ слугъ его дома.

Таково положеніе служилаго человѣка. Естественно, что онъ часто хотѣлъ бы перемѣнить его на другое; не мудрено, что онъ стремится порой слиться съ тѣми, не служилыми элементами, которые живутъ много лучше его, не неся на себѣ его тяжелыхъ обязанностей. Что же удерживаетъ его? Только насильственная связь, которая, какъ цѣпь, приковываетъ его къ постылой службѣ. При такихъ условіяхъ не можетъ выработаться корпоративная честь. Демаркаціонную линію между различными категоріями должностныхъ лицъ проводятъ одни лишь служебные списки. Иногда у какого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ оказываются братья, которые случайно не попали въ эти списки. Они живутъ, какъ крестьяне, и вполнѣ довольны своей судьбою. Случается, что кто-нибудь другой, изъ тѣхъ же «дѣтей боярскихъ»,

поступаетъ на службу въ боярскій домъ въ качествѣ простого портного...

Даже на верхнихъ ступеняхъ служебной іерархіи постепенно начинаетъ слабѣть то чувство солидарности, которое было завѣщано аристократическими связями прошлаго или создалось общностью новыхъ обязанностей и положеній. Оно исчезаетъ подъ воздѣйствіемъ правительственнаго произвола, возведеннаго въ систему и постоянно перебрасывающаго людей съ мѣста на мѣсто, изъ одного состоянія въ другое, снизу наверхъ служебной лѣстницы или же обратно. При этомъ различіе служебныхъ достоинствъ совершенно не принимается въ расчетъ: такимъ образомъ, вчерашній псарь легко можетъ оказаться завтра на равной ногѣ съ знатнымъ бояриномъ. Смѣшиваясь съ самыми худородными «слугами», не чувствуя съ ними ни кровной связи, ни общности традицій или интересовъ, потомки Рюрика и Гедимина скоро сами утрачиваютъ гордую память о своемъ происхожденіи: по крайней мѣрѣ, они теряютъ охоту защищать, облагораживать и возвышать значеніе этой новой службы, которая ставитъ ихъ рука объ руку съ подобными товарищами.

Такъ, къ насильственному униженію послѣднихъ обломковъ родовой аристократіи присоединяется ея собственное самоотрицаніе. Сперва она уступаетъ внѣшнему давленію, но затѣмъ покоряется, и сама отдается въ руки торжествующему абсолютизму. Этимъ она лишь оправдываетъ или укрѣпляетъ его могущество и даже содѣйствуетъ неизбѣжному водворенію того режима, который самымъ широкимъ образомъ воспользуется ею, какъ матеріаломъ для новыхъ— высшихъ государственныхъ цѣлей.

Тотъ же самый процессъ можно прослѣдить и въ другихъ слояхъ тогдашняго общества. Напомнимъ, что оно не представляло собою органическаго единства. Это будетъ, быть можетъ, еще болѣе ясно, если мы обратимся къ исторіи крестьянскаго сословія.

V.

Крестьяне.

Говоря объ исторіи русскаго крестьянства, намъ придется раскрыть весьма печальную страницу. Еще ребенкомъ, я видѣлъ послѣдніе годы «стараго порядка» въ Россіи. Онъ рухнулъ менѣе полувѣка тому

назадъ, причемъ освободительная реформа 1861 года казалась тогда нѣсколько запоздалымъ актомъ справедливости и политическаго благоразумія. А, между тѣмъ, она была проведена преждевременно и слишкомъ поспѣшно. Почему? Потому что тотъ порядокъ вещей, который она уничтожила, существовалъ не больше двухъ съ половиной столѣтій. Во всѣхъ европейскихъ странахъ рабство было пережиткомъ минувшаго варварства; въ Россіи, наоборотъ, оно было продуктомъ новыхъ отношеній, которыя складывались одновременно съ переходомъ государства на почву обще-европейской цивилизаціи. Въ извѣстномъ смыслѣ, крѣпостное право явилось въ Россіи парадоксальнымъ послѣдствіемъ новѣйшей фазы національнаго развитія.

Да, этотъ парадоксъ оказывается несомнѣннымъ фактомъ исторіи. Къ концу XVI вѣка, подъ давленіемъ новыхъ соціально-экономическихъ формъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ рушился старый, феодальный порядокъ. Узы, связывавшія земледѣльца съ личностью землевладѣльца, порывались при этомъ или, по крайней мѣрѣ, становились слабѣе. Это происходило въ Европѣ повсемѣстно, не исключая и Польши, которая была всего ближе къ Россіи.

Что же въ Россіи? Въ это время здѣсь выковывались цѣпи, которыхъ раньше и не существовало!

До конца XVI вѣка главная масса русскаго крестьянства сидѣла на земляхъ, которыя были или завоеваны, или открыты вновь при колонизаціи сѣверо-восточной окраины. До этого времени, по крайней мѣрѣ, формально крестьяне были лично свободны. Пожалуй даже, сравнительно съ прежнимъ, ихъ положеніе нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Раньше крестьяне носили если не позорное, то уничижительное имя *«смердовъ»* (производное отъ смердѣть). Теперь они получили новое имя. Съ одной стороны, это имя свидѣтельствовало о ростѣ ихъ соціальнаго достоинства; съ другой—въ немъ обнаруживался все тотъ же недостатокъ соціальной дифференціаціи, который являлся самымъ характернымъ признакомъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Жилъ ли крестьянинъ въ деревнѣ или въ городѣ, воздѣлывалъ ли онъ землю или занимался другими дѣлами—онъ назывался теперь просто *крестьяниномъ*, т.-е. *христіаниномъ*.

Крестьяне составляли въ то время главную массу земледѣльческихъ или промышленныхъ рабочихъ. Было безразлично, обрабатывалъ ли крестьянинъ собственную землю или такую, которая принадлежала ему лишь въ извѣстной части. Такъ или иначе, онъ самъ

и его трудъ оставались совершенно свободны. Въ первомъ случаѣ, онъ могъ по усмотрѣнію распоряжаться своею собственностью: лишь-бы государство или община, отъ которой онъ зависѣлъ, правильно получали съ него причитающіеся налоги. Во второмъ случаѣ, онъ являлся какъ-бы фермеромъ или арендаторомъ и платилъ за пользованіе землею согласно различнымъ условіямъ, заключеннымъ съ ея владѣльцемъ. Эти условія зависѣли и отъ мѣстныхъ обычаевъ, и отъ реальной цѣнности земли и, въ особенности, отъ юридическай природы занимаемаго участка.

Однѣ земли назывались *бѣлыми*, т.-е. свободными отъ государственныхъ повинностей; другія именовались *черными* и несли на себѣ податное бремя. Къ первой категоріи относились вотчины и помѣстья; ко второй принадлежали земли дворцовыя, а также крестьянскія. Земельныя имущества Церкви относились то къ той, то къ другой группѣ: это зависѣло отъ особыхъ условій, создаваемыхъ для духовенства, или же отъ свойства тѣхъ участковъ, которые оно пріобрѣтало.

Арендные или оброчные договоры заключались, обыкновенно, или на три года, согласно господствующему сѣвообороту, или даже на болѣе продолжительные сроки. Такіе договоры были частымъ явленіемъ особенно на сѣверѣ и въ центральныхъ областяхъ государства. При этомъ лица, пріобрѣтшія право пользованія землею, получали по большей части значительную свободу дѣйствій. Нѣкоторые договоры создавали для земледѣльца положеніе, напоминающее обязательство англійскаго sveman'а: напримѣръ, онъ долженъ былъ рубить лѣсъ и перевозить его на усадьбу помѣщика; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по образцу французскому formariage, онъ выплачивалъ извѣстную сумму при выдачѣ замужъ дочерей. Обычай требовалъ также, чтобы такой держатель земли дѣлалъ подарки землевладѣльцу въ извѣстныхъ случаяхъ: это происходило на Рождество, на Пасху и въ нѣкоторые другіе большіе праздники.

Всѣ эти спеціальныя повинности именовались *барщиной*, *издѣліемъ* или *боярскимъ дѣломъ*. Въ нихъ нетрудно увидѣть зародышъ будущихъ—увы—уже рабскихъ отношеній. Въ то время, впрочемъ, онѣ имѣли еще нѣкоторое реальное оправданіе. Дѣло въ томъ, что часто, принимая землю, крестьянинъ получалъ ссуду отъ помѣщика въ видѣ денегъ, орудій или сѣмянъ. Эту ссуду онъ и покрывалъ извѣстными повинностями; разумѣется, ими оплачивались и проценты по долгу.

При большомъ разнообразіи указанныхъ условій землепользованія представляется довольно затруднительнымъ опредѣлить ихъ приблизительную таксировку. Въ центральныхъ областяхъ государства, около половины XVI вѣка, земельная рента съ *обжи* или *выти* (отъ 5 до 10 десятинъ) доходила до одного—двухъ рублей. Но очень часто денежный взносъ замѣнялся обязательной отработкой долга: такъ, напримѣръ, держатель *обжи* обязывался обработать въ пользу помѣщика отъ десятины до полутора земли. Было бы весьма интересно опредѣлить относительную цѣнность тогдашней денежной единицы, т.-е. рубля. Основываясь на сопоставленіи хлѣбныхъ цѣнъ, нѣкоторые полагали, что тогдашній рубль равнялся приблизительно 100 теперешнимъ. Во всякомъ случаѣ этотъ расчетъ представлялся весьма проблематичнымъ.

На черныхъ земляхъ, входившихъ во владѣнія государства, земельная рента замѣнялась налогами и повинностями. Иногда они точно соотвѣтствовали этой рентѣ, но, по большей части, уступали ей по тяжести. На бѣлыхъ и черныхъ земляхъ, принадлежащихъ Церкви и, главнымъ образомъ, монастырямъ, условія землепользованія были также, обыкновенны, болѣе легкими.

Крестьянинъ, поселившійся на помѣщичьей землѣ, могъ и оставить свой участокъ—разумѣется, покончивъ всѣ счеты съ владѣльцемъ. Равнымъ образомъ и землевладѣлецъ, по истеченіи договорнаго срока, имѣлъ полное право предоставить свой участокъ другому. И первое, и второе были частымъ явленіемъ, такъ какъ населеніе, вообще, постоянно переходившее съ мѣста на мѣсто, въ эту эпоху было особенно подвижно. Но уже съ XV вѣка, въ силу экономической необходимости, эта обоюдная свобода подверглась извѣстнымъ ограниченіямъ. Установился обычай, по которому помѣщикъ не долженъ былъ пользоваться своимъ правомъ во время жатвы: въ эту пору и крестьянинъ, со своей стороны, конечно, не могъ и думать о переходѣ на новое мѣсто. Иванъ III внесъ въ эту область еще бо̀льшую опредѣленность. Для перехода крестьянъ и для улаженія счетовъ съ землевладѣльцами былъ установленъ двухнедѣльный срокъ, считая до и послѣ Юрьева дня, т.-е. 26 ноября. При этомъ крестьянинъ, покидавшій землю, обязывался уплатить въ пользу помѣщика такъ называемое *пожилое*. Въ зависимости отъ цѣнности участка размѣры этой суммы колебались между 56 копѣйками и 1 р. 6 копѣйками.

Таковъ былъ законъ. Конечно, на практикѣ онъ постоянно нарушался. Рабочихъ рукъ было мало: ихъ разыскивали повсюду, и, какъ князья переманивали къ себѣ «слугъ», такъ и помѣщики перетягивали крестьянъ одинъ отъ другого. Часто это совершалось насильственнымъ образомъ: такая операція называлась въ то время *своземъ*. Нерѣдко также принуждали крестьянина волей-неволей остаться на мѣстѣ: это достигалось тѣмъ, что подъ разными предлогами отъ него требовали, вдругъ, какихъ-нибудь новыхъ уплатъ.

И все же, несмотря на эти стѣсненія и ограниченія, свобода крестьянина не переставала быть свободой. Конечно, положеніе крестьянина было очень тяжелымъ. Онъ выполнялъ повинности передъ помѣщикомъ и общиной; онъ оплачивалъ судопроизводство; онъ несъ безпрерывно растущіе платежи за землю. Въ своей книгѣ о сельскомъ хозяйствѣ въ Московской Руси (1899 стр. 244) *Рожковъ* расчиталъ, что въ сѣверныхъ областяхъ около половины крестьянскаго урожая поступало въ пользу помѣщика; остальной части едва хватало на какихъ-нибудь полгода, чтобы прокормить земледѣльца съ его семьею. Разведеніе скота или какой-нибудь мелкій подсобный промыселъ, въ лучшемъ случаѣ, едва помогали крестьянину свести концы съ концами. Словомъ, жизнь крестьянина протекала въ крайней бѣдности. И, однако, какъ англо-саксонскій ceorl или германскій Markgenosse, онъ передъ правомъ и администраціей, можно сказать, оставался равнымъ—и съ бояриномъ, и съ купцомъ, и съ духовенствомъ. Онъ судился въ тѣхъ же учрежденіяхъ, гдѣ и другія сословія; притомъ начало равенство проводилось здѣсь настолько послѣдовательно, что въ тяжбѣ съ лицами иного сословія, подчинявшимися особой юрисдикціи, крестьянинъ могъ потребовать для себя именно того суда, который полагался для него по закону.

Съ другой стороны, крестьянинъ пользовался извѣстной долей самоуправленія. Доступъ къ нему онъ получалъ, примыкая къ тѣмъ самымъ сельскимъ и городскимъ ощбинамъ, надъ которыми еще недавно историки испытывали свою проницательность. Мнѣ придется еще выяснять характеръ этихъ организацій при болѣе детальномъ разсмотрѣніи тогдашняго общественнаго строя.

Я уже упомянулъ, что нѣкоторые крестьяне не занимались земледѣліемъ. Памятники того времени нерѣдко различаютъ двѣ категоріи крестьянъ, именно: *пахатныхъ* и *деревенскихъ*. Что же такое эти деревенскіе крестьяне? По свидѣтельству документовъ, это—мель-

ники, портные, сапожники. Слѣдовательно, опять передъ нами выступаетъ тотъ недостатокъ соціальной организаціи, который ведетъ къ хаотическому смѣшенію самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Только Церковь въ этомъ смыслѣ, оказываетъ противоположное вліяніе. Но вся окружающая среда пребываетъ въ зачаточномъ состояніи. Итакъ, въ деревняхъ имѣются крестьяне не земледѣльцы; съ другой стороны, въ городахъ оказываются настоящіе крестьяне-хлѣбопашцы. Въ деревняхъ крестьяне, не сидящіе на землѣ, нерѣдко примыкаютъ къ довольно загадочному классу *бобылей*. (Это мнѣніе, впрочемъ, нѣкоторыми оспаривается. См. *Дьяконовъ* «Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Россіи». 1889, 209 и *Сергѣевичъ*, Русскія Юридич. древности. 1903, III, 133 и сл.). Бобыли, это—обезземелѣвшіе крестьяне; иногда они также обрабатываютъ землю, но лишь въ чужую пользу, т.-е. становясь въ положеніе батраковъ. Но, по большей части, бобыли, это, ремесленники или, еще чаще, просто бродячіе элементы, которые смѣшиваются съ другими соціальными отбросами, какъ, напримѣръ, казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. Было бы ошибкой считать ихъ за особую группу—отличную отъ тяглаго населенія. Отъ обложенія освобождались еще иногда земли: это допускалось или на опредѣленный срокъ или же на вѣчныя времена, но всегда особыми актами, лишь въ видѣ исключенія. Но *тянуть тягло* было обычнымъ порядкомъ, общимъ правиломъ, которому подчинялись всѣ элементы населенія. Платили вездѣ и за все, — и бобыли, въ этомъ смыслѣ, не находились въ исключительныхъ условіяхъ. Они также несли извѣстные платежи и повинности, платя съ дома, гдѣ жили, или съ промысла, которымъ занимались. Правда, они не платили ничего за землю, которую воздѣлывали, но лишь потому, что обрабатывали ее не въ собственную пользу. Въ этомъ и заключалось единственное различіе между ними и обыкновенными земледѣльцами.

Въ бобыли можно было попасть либо по несчастію, либо по доброй волѣ. Конечно, это было не слишкомъ завиднымъ положеніемъ. Однако, ничто не связывало съ нимъ человѣка. Найдутся средства,— и онъ всегда можетъ вернуться въ обычныя рамки, зажить нормально, какъ и всѣ остальные. Въ XVI вѣкѣ среди сельскаго населенія бобыли составляли отъ 2,4 до 41,6%. Первая цифра относится къ монастырскимъ владѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ это отношеніе рѣзко измѣняется подъ вліяніемъ смуты, терзавшей наслѣдіе Ивана

Грознаго. Населеніе дѣлается еще менѣе устойчивымъ; однимъ лишь монастырямъ болѣе или менѣе удается сохранить за собою рабочія руки. Это достигалось привлеченіемъ въ принадлежащія монастырямъ деревни и поселки массы бобылей или, такъ называемыхъ, *монастырскихъ дѣтеньшей*. Послѣдніе составляли особую группу земледѣльческихъ рабочихъ: они также не платили податей, но, тѣмъ не менѣе, были лично свободными.

Спрашивается теперь, существовало ли тогда настоящее рабство въ Русскомъ государствѣ? Вѣдь мы знаемъ, что до половины XIX вѣка Россія являлась послѣднимъ оплотомъ рабовладѣнія въ Европѣ.. Несомнѣнно, рабство существовало. Но въ XVI вѣкѣ оно было едва замѣтно въ общей массѣ свободнаго населенія.

VI.

Несвободное населеніе.

Еще въ позднѣйшую эпоху обращеніе военноплѣнныхъ въ рабство признавалось на Руси естественнымъ правомъ побѣдителя. Однако, рабство питалось и другими источниками. Сюда относились: выходъ замужъ за раба, происхожденіе отъ несвободныхъ родителей, имущественная неостоятельность должника или же выполненіе извѣстныхъ обязанностей по домашней службѣ. Наконецъ, рабомъ становился и тотъ человѣкъ, который добровольно отказывался отъ своей свободы. До XV вѣка должность ключника-*тіуна* была неразрывно связана съ утратою личной свободы. Съ другой стороны, до самаго XVII вѣка несостоятельный должникъ попадалъ въ рабство къ заимодавцу. Въ такомъ положеніи онъ оставался до тѣхъ поръ, пока долгъ его не бывалъ погашенъ.

Въ XVI вѣкѣ къ перечисленнымъ источникамъ рабства присоединился новый. То была *кабала*. Это арабское слово обозначаетъ такой договоръ займа, при которомъ должникъ обязуется отработать за ссуду и за ея проценты. Подобный договоръ не влечетъ, самъ по себѣ, утраты свободы,—въ этомъ убѣждаетъ насъ практика долговыхъ отношеній въ Германіи и въ южной Италіи. Здѣсь, расплатившись со своимъ заимодавцемъ, кабальный человѣкъ могъ вернуть себѣ свободу; мы и видимъ, что въ указанныхъ странахъ подобное явле-

ніе происходило нерѣдко. Но въ Россіи, по большей части, кабальная зависимость оказывалась безысходной. О томъ свидѣтельствуетъ вся исторія рабства, сложившагося въ этомъ государствѣ.

Законы Ивана IV знаютъ четыре категоріи холоповъ. Во-первыхъ, тамъ упоминаются *холопы полные*: это—тѣ, которые обращены въ безусловное рабство, распространяющееся и на ихъ потомство. Далѣе слѣдуютъ *холопы старые*, очевидно, ставшіе рабами въ силу давности, но какимъ образомъ—намъ не извѣстно. За ними идутъ *холопы кабальные* и, наконецъ, *докладные*, т.-е. утратившіе свободу по докладу—особой формѣ добровольнаго соглашенія. Однако, констатируя явленіе, созданное прошлымъ, законодатель, повидимому, не хотѣлъ мириться съ этимъ наслѣдіемъ минувшаго варварства. Вотъ почему онъ началъ борьбу съ институтомъ рабства, налагая руку на его источники и обставляя существованіе его порою почти запретительными нормами. Очевидно, вступивъ въ общеніе съ цивилизованнымъ міромъ, Русь склонна была вмѣстѣ съ началами культуры усвоить и западную свободу. Впрочемъ, вопросъ соціальнаго освобожденія касался лишь весьма ничтожной части тогдашняго трудового народа. При отсутствіи документальныхъ данныхъ мы не можемъ подтвердить это цифрами, но обосновываемъ свое заключеніе на цѣломъ рядѣ косвенныхъ указаній.

И, однакоже, въ эту самую эпоху Ивана IV созрѣвало грядущее порабощеніе всей массы русскаго народа. Какъ же это произошло? Чѣмъ же объяснить столь странное извращеніе въ ходѣ развитія отношеній, уже опредѣлившихся?

Еще не такъ давно вся тяжесть великой отвѣтственности за крѣпостное право возлагалась общимъ мнѣніемъ на русское правительство XVI вѣка. Согласно наиболѣе распространенному взгляду, оно одно, по своему почину, собственными средствами, произвело коренной переворотъ, роковымъ образомъ измѣнившій и соціальное, и правовое положеніе трудящихся массъ. Въ настоящее время такое сужденіе оставлено всѣми, какъ ошибочное. Какъ и вездѣ, крѣпостное право явилось въ Россіи продуктомъ времени и особыхъ условій хозяйственно-политическаго развитія. Необходимо принять этотъ взглядъ, какъ единственно правильный; иначе, объясняя происхожденіе крѣпостного права, пришлось бы обращаться къ туманнымъ построеніямъ славянофильской школы.

По мнѣнію *Кавелина* (Сочиненія I, 630) крѣпостное право явилось

естественнымъ, логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самой организаціи Русскаго государства, основаннаго на началахъ патріархальной власти. Съ такой точки зрѣнія, крѣпостная зависимость имѣла скорѣе благодѣтельный, нежели пагубный характеръ. Правда, порою власть одного человѣка надъ другимъ принимала жестокую форму, но то зависѣло отъ общей грубости времени, а не отъ принципа, который отнюдъ не освящалъ подобныхъ злоупотребленій. Господство человѣка надъ человѣкомъ было не болѣе, какъ извѣстной опекой. Оно основывалось не на грубой силѣ властвующаго, но на слабости опекаемаго, который самъ сознавалъ необходимость для себя опоры, руководительства и защиты.

Однако, мы видѣли, что въ русскомъ обществѣ какъ-то внезапно создается масса соціально обездоленныхъ; ничего подобнаго до того времени не наблюдалось. Какъ же объяснитъ теорія Кавелина это явленіе? Какъ пойметъ она его развитіе на ряду съ другимъ процессомъ, именно съ культурнымъ ростомъ государства, который долженъ былъ, казалось, или совершенно исключить порабощеніе народа или хотя бы ослабить его тяжесть? А, между тѣмъ, дѣйствительность, какъ изображаютъ ее историческіе факты, рисуетъ передъ нами совершенно обратную картину. Въ XVI вѣкѣ исторія трудящихся массъ характеризуется двумя процессами капитальной важности. Мы говоримъ, во-первыхъ, о быстромъ исчезновеніи мелкихъ собственниковъ—крестьянъ и, во-вторыхъ, о не менѣе быстромъ обѣдненіи всей массы тогдашняго крестьянства. Послѣдствія этихъ явленій сказались немедленно. Съ одной стороны, во избѣжаніе голодной смерти, множество земледѣльческихъ и другихъ рабочихъ, не находя пропитанія, добровольно отказываются отъ личной свободы; съ другой—огромное количество крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ, уже не въ силахъ расплатиться съ владѣльцами своихъ участковъ; слѣдовательно, они теряютъ главную основу своей свободы, т.-е. право перейти на новое мѣсто по истеченіи договорнаго срока. Одни, такимъ образомъ, за утратою кормившей ихъ земельной собственности, вынуждены или просить милостыню, или стать въ положеніе холоповъ; другіе оказываются несостоятельными должниками передъ землевладѣльцемъ, который когда-то далъ имъ ссуду въ той или другой формѣ и суммѣ. По большей части, вступая въ пользованіе земельнымъ участкомъ, крестьянинъ получалъ такую ссуду въ размѣрѣ 3 рублей. По исте-

ченіи 10 лѣтняго срока, онъ обязывался уплатить за это уже 30 рублей по займу, а также отъ 56 коп. до 1 р. 6 коп. за пожилое. Въ общемъ, на наши деньги, это составляло около 200 рублей. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, такая единовременная уплата бывала непосильной. Такимъ образомъ создавалось препятствіе къ переходу крестьянина на другое мѣсто: непрерывно растущій долгъ—*серебро*—обращался въ обязательство, прикрѣплявшее крестьянина къ землѣ. Въ концѣ концовъ, обыкновенно, эти *серебреники* сливались въ одну массу съ простыми рабами—*холопами докладными* и *кабальными*. Точно такой же процессъ въ исторіи несостоятельныхъ должниковъ, сидѣвшихъ на римскомъ ager publicus, изображаютъ намъ извѣстныя изслѣдованія Фюстель де Куланжа.

Формально еще въ XVI вѣкѣ, личная свобода признавалась достояніемъ основной массы русскаго крестьянства. Но фактически съ половины этого столѣтія она уже является преимуществомъ, которымъ пользовалась, сравнительно, небольшая группа населенія. Къ этой группѣ принадлежали землевладѣльцы и незадолженные крестьяне, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ. Съ каждымъ годомъ количество и этихъ счастливцевъ неизмѣнно сокращалось.

Чѣмъ же вызывалось массовое обѣдненіе земледѣльческаго класса? Нетрудно угадать причину этого процесса. Военное положеніе всегда крайне дорого обходится государству. Мы видѣли уже, какую боевую организацію создала себѣ московская держава. Принужденная непрерывно развивать свою военную силу, она должна была увеличивать соотвѣтственно и свои расходы. Прежде всего, ей приходилось вознаграждать служилыхъ людей, которыхъ она все въ большемъ и большемъ количествѣ призывала подъ свои знамена. Далѣе, она стремилась преобразовать свое военное устройство по образцу Западной Европы: слѣдовательно, нужно было оплачивать иноземное вооруженіе, новую экипировку и даже личный составъ, набиравшійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Откуда же,—спрашивается,—было взять необходимыя средства? Конечно, съ земли—этого единственно доступнаго источника обложенія, этого подлиннаго богатства тогдашней Руси. Такимъ образомъ, на землю и легли всѣ новыя тяготы. Чтобы испомѣстить своихъ служилыхъ людей, государство обездоливало крестьянъ; чтобы оплачивать иноземныхъ мастеровъ, оно облагало податями земле-

владѣльцевъ. Совершенно естественно, что, при такихъ условіяхъ, помѣщики старались вымогать возможно больше съ крестьянъ, которые пользовались ихъ землею.

Землѣ пришлось за все отвѣчать, она покрывала всѣ расходы. Она стала какъ бы государственной монетой, на которую размѣнивались и трудъ, и военная служба, и гражданскія обязанности, и повинности всякаго рода. И земля не оказывала сопротивленія. Дѣло въ томъ, что, даже оставаясь въ рукахъ вотчинниковъ, она не считалась здѣсь объектомъ полной, неприкосновенной собственности. Уже давно въ русскомъ обществѣ сложилось представленіе, будто земля является, въ сущности, достояніемъ государства. Переходъ ея въ частныя руки допускался какъ бы условно, но верховное право хозяина сохранялось при этомъ за государственной властью. Сами же землевладѣльцы, какъ мы видѣли выше, оказывались въ полной зависимости отъ своего государя. При отсутствіи въ ихъ средѣ единенія и организаціи дѣйствительное сопротивленіе его произволу было для нихъ невозможно. Такъ своею слабостью или покорностью господствующіе элементы общества лишь способствовали развитію системы, отъ которой сами же страдали. Были, конечно, и болѣе строптивые, но имъ оставалось одно: бѣжать за предѣлы досягаемости. Впрочемъ, тутъ сказывается особая черта русскаго характера, именно: склонность скрыться, отойти прочь, но только не бороться активно противъ невыносимыхъ условій... Мы еще увидимъ, какъ проявлялась въ русской исторіи эта національная черта. Во всякомъ случаѣ, крестьяне еще чаще помѣщиковъ прибѣгали къ этому способу самозащиты. Для нихъ, впрочемъ, бѣжать было и легче. За помѣщиками больше слѣдили; они сами были болѣе взыскательны и, конечно, въ поискахъ лучшей доли, отправляясь, хотя бы въ сосѣднюю Польшу, помѣщики и вотчинники подвергались тамъ значительно большимъ случайностямъ и риску. Что касается крестьянина, то его задача была несравненно проще. Юго-восточная граница государства слабо охранялась и къ тому же отступала постепенно все ближе и ближе къ центру. Стоило лишь перебѣжать за этотъ рубежъ,—и за нимъ открывались безконечныя пространства, гдѣ еще дикая земля, свободная отъ всякаго тягла, гостепріимно встрѣчала новаго пришельца. Такимъ образомъ съ начала XVI вѣка земледѣльческое населеніе бѣжитъ со своихъ мѣстъ, забрасывая необработанныя земли. Это становится

всеобщимъ явленіемъ времени, — принимая размѣры настоящаго національнаго бѣдствія.

Тогда государство находитъ нужнымъ вмѣшаться: оно чувствуетъ, что зло угрожаетъ самымъ его основамъ. Сперва оно обращается къ самымъ угнетеннымъ элементамъ. На этотъ счетъ, правда, еще не установилось единства мнѣній. Но, повидимому, уже съ половины XVI вѣка проведенъ былъ рядъ спеціальныхъ правительственныхъ мѣропріятій, если не въ законодательномъ, то въ административномъ и судебномъ порядкѣ. Всѣ они имѣютъ цѣлью установить неподвижное обложеніе черныхъ дворцовыхъ земель и, такимъ образомъ, удержать на нихъ крестьянское населеніе. Правда, крестьяне, которые сидѣли на этихъ земляхъ, сохраняли еще, какъ будто, право перехода. Однако, устраиваясь на новомъ мѣстѣ, они обязывались нести тягло или въ прежнемъ или въ большемъ размѣрѣ. Затѣмъ наступила очередь бѣлыхъ земель, принадлежавшихъ служилымъ людямъ московской державы. Уходя съ этихъ земель, крестьянинъ обездоливалъ помѣщика, а разореніе помѣщика было уже бѣдствіемъ всего государства. Однако, въ борьбѣ съ переходами помѣщичьихъ крестьянъ государственная власть не прибѣгала пока къ какой-либо общей мѣрѣ. Она постаралась обезпечить для себя регулярность помѣщичьей службы при помощи нѣкоторыхъ мѣропріятій частнаго и мѣстнаго свойства. То, напримѣръ, въ видѣ исключенія, помѣщику предоставлялось право задерживать крестьянъ, поселившихся на его земляхъ; то ему разрѣшалось отыскивать бѣглыхъ и водворять ихъ на прежнее мѣсто.

Такъ осторожно, частичными мѣропріятіями, подготовляла московская политика, по своему обыкновенію, болѣе общую и глубокую реформу. Около половины XVI вѣка двѣ грамоты, данныя братьямъ Строгановымъ, ознаменовали рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Ими устанавливалось, что Строгановы обязуются хватать и отсылать на мѣста жительства бѣглыхъ крестьянъ, которые окажутся въ областяхъ, отданныхъ братьямъ для заселенія и устройства. Дѣло шло о тѣхъ далекихъ и свободныхъ земляхъ, куда стихійно направлялся потокъ населенія, разрушавшій экономическое благосостояніе государства и разстраивавшій его военную силу.

Нѣкоторыми было высказано предположеніе, что съ половины XVI вѣка, въ качествѣ общаго мѣропріятія, было установлено запрещеніе свободныхъ переходовъ для извѣстной категоріи крестьянъ,

именно *старожильцевъ*. То были земледѣльцы, уже давно сидѣвшіе на своихъ участкахъ. Однако, вопреки мнѣнію *Дьяконова* и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, *Сергѣевичъ* рѣшительно опровергъ такую гипотезу («Русск. юрид. древности», III, 460 сл.). Главную роль въ данномъ процессѣ игралъ вопросъ о рабочихъ рукахъ и о поземельномъ обложеніи. Вотъ, гдѣ зарождалось то чудовище, которое назвалось впослѣдствіи крѣпостнымъ правомъ. Одно рабство имѣло своимъ послѣдствіемъ другое. Служилый человѣкъ, запертый въ тюрьмѣ, втолкнулъ туда крестьянина; за крестьяниномъ послѣдовали, въ свою очередь, купецъ и, наконецъ, представитель церкви. Мы уже видѣли, что городское населеніе Московскаго государства, по существу, не отличалось отъ сельскаго. Въ этомъ смыслѣ, между Русью XVI вѣка и другими европейскими странами лежитъ цѣлая бездна..

VII.

Городское населеніе.

На Западѣ успѣхи торговли и промышленности дали возможность городскимъ жителямъ образовать корпораціи, вооруженныя для борьбы съ феодализмомъ. Въ средѣ этихъ группъ, благодаря солидарности ихъ членовъ между собою, выработался тотъ духъ свободы, который проникалъ собою все устройство самоуправляющихся общинъ. Тамъ развивалась матеріальная и умственная дѣятельность, которая создала, какъ высшія формы экономической жизни—накопленіе капитала, учрежденіе кредита—такъ и высшія формы жизни умственной—науку, искусство, общественность.

Россія не знала ничего подобнаго, и, можетъ быть, именно, отсутствіе этихъ средоточій жизни и общественнаго сопротивленія болѣе, чѣмъ что бы то ни было, способствовало образованію, поддержкѣ и укрѣпленію деспотическаго строя государства. Торговля оставалась ограниченной; промышленности почти не существовало, и городъ не являлся здѣсь естественнымъ слѣдствіемъ ихъ развитія.

Очень долго городъ,—самое названіе его говоритъ о мѣстѣ огороженномъ, укрѣпленномъ,—имѣлъ совсѣмъ другое назначеніе; на самомъ дѣлѣ, какъ мы это видѣли, въ Москвѣ промышленная жизнь кипѣла внѣ его стѣнъ, въ *посадахъ* и *слободахъ*, гдѣ жило

большинство ремесленниковъ; ни правами своими, ни вообще положеніемъ они не отличались отъ равночисленнаго или даже превосходившаго ихъ количествомъ населенія земледѣльцевъ, жившихъ тутъ же, бокъ о бокъ съ ними. Только въ XVI вѣкѣ государство рѣшилось установить не между двумя категоріями населенія, а между двумя мѣстами жительства чисто фискальное различіе. Оно выражалось въ томъ, что горожане должны были платить больше поселянъ, такъ какъ реформа, очевидно, не имѣла своей цѣлью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Создать здѣсь, какъ и вездѣ, высшій податной окладъ и сдѣлать его устойчивымъ— вотъ какова была единственная забота правительства. И такъ какъ его политико-экономическія понятія были слабы и, большею частью, ошибочны, то вмѣсто того, чтобы способствовать развитію этого источника доходовъ, оно только его истощало. Оно повышало налоги и умножало мѣста подлежащія обложенію; оно ставило таможеннаго надсмотрщика на каждомъ перекресткѣ и сборщика податей—на каждомъ мосту; оно монополизировало для выгоднѣйшей эксплуатаціи всѣ отрасли промышленности и торговли: послѣ продажи ржи овса и всѣхъ хлѣбовъ—варку пива, кваса и другихъ напитковъ.

И нигдѣ никакого сопротивленія, ни малѣйшаго слѣда борьбы противъ этого постепеннаго захвата! Дѣло Пскова и Новгорода носитъ чисто политическій характеръ. А, между тѣмъ, элементы сопротивленія были, несомнѣнно, на-лицо. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ торговля, по крайней мѣрѣ, находилась въ чести и считалась въ странѣ благороднымъ занятіемъ. Предпріятія варяговъ, а равно и древнихъ славянскихъ князей, имѣли одновременно военный и торговый характеръ. Герои національныхъ былинъ: Садко, Соловей Будиміровичъ, Чурила Пленковичъ, Васька Буслаевъ воплотили этотъ двойственный типъ торговца и смѣлаго авантюриста. Нехватаетъ лишь корпоративнаго духа. *Купецъ*, торгующій врозницу, и *гость*—оптовый торговецъ,—оба коммерсанты; однако, они также склонны и къ другимъ занятіямъ и очень часто не чуждаются ихъ. Съ другой стороны, профессія, которой они обязаны своимъ именемъ, отнюдь не ограничивается только ихъ кругомъ. Всѣ занимаются торговлей: крестьяне, монахи, военные, важные сановники—всѣ съ увлеченіемъ предаются ей до той поры, пока государство—неизмѣнно подъ гнетомъ одной и той же заботы, не распредѣлитъ по-своему общественныхъ обязанностей для того, чтобы лучше

разложить и закрѣпить подати. Это будетъ дѣломъ XVII вѣка. Но и тогда окажется только однимъ полкомъ больше въ арміи, больше станетъ узниковъ въ великой темницѣ, и, все-таки, не возникнутъ корпораціи. Эти корпораціи явятся впослѣдствіи, по указамъ Петра Великаго и Екатерины II. Раньше исторія не сумѣетъ ихъ создать.

Такимъ образомъ, соціальные элементы были совершенно разобщены. Послѣ паденія Пскова и Новгорода, поглощенныхъ великой военной державой, они лишились единственныхъ очаговъ, гдѣ могли бы хоть сколько-нибудь сорганизоваться. Это содѣйствовало всеобщему закрѣпощенію, ибо некому было выполнить ту роль, которую городскія общины Западной Европы такъ блестяще сыграли среди общаго подъема культуры.

Оставалась Церковь. Я покажу, отчего, благодаря дѣйствію тѣхъ же причинъ, и она не могла итти по слѣдамъ западной соперницы.

VIII.

Церковь.

Благодаря обаянію, естественно вытекающему изъ самой дѣятельности Церкви въ странѣ сильной вѣры; благодаря тому, что она являлась естественнымъ хранилищемъ знанія и единственнымъ же источникомъ просвѣщенія; благодаря, наконецъ, своимъ матеріальнымъ стредствамъ, Церковь представляла собою значительную силу. Заключая въ тебѣ въ началѣ XVI вѣка десять епархій: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась въ ихъ предѣлахъ очень обширной юрисдикціей въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ. Агентами ея являлись какъ церковныя должностныя лица, такъ и уполномоченные міряне,— бояре и дьяки епископскіе, намѣстники и судьи. Судить— означало тогда облагать тяжущихся поборомъ. Этотъ порядокъ былъ созданъ по образцу гражданскихъ учрежденій, отъ которыхъ онъ и заимствовалъ стремленіе эксплуатировать подвластное населеніе. Это естественно вытекало изъ частноправового взгляда на задачи государства. Хотя такой порядокъ и усиливалъ матеріальныя средства Церкви, но, во всякомъ случаѣ, не увеличивалъ ея нравствен-

наго авторитета. Правда, этотъ строй былъ затронутъ реформой XVI в., когда пытались превратить нѣкоторые административные центры въ самоуправляющіяся общины. По примѣру того, что вводилось въ области управленія гражданскаго, представительные органы,—выборные и присяжные старосты,—были тогда введены также во всѣхъ областяхъ, подсудныхъ церкви. Въ то же время гражданское судопроизводство было отдѣлено отъ духовнаго. Но это начинаніе имѣло лишь временный характеръ. Государство испробовало его совершенно случайно, подчиняясь либеральнымъ вѣяніямъ, идущимъ съ Запада; но потомъ, какъ мы увидимъ, оно не замедлило вернуться на привычный путь деспотизма. И Церковь, которая покорялась старому порядку, безпрекословно подчинилась и новому. Ей пришлось постепенно сливаться съ обычно соперничающей силой государства. Этотъ процессъ закончился почти полнымъ совпаденіемъ органовъ, функцій и вѣдомствъ той и другой стороны.

Между тѣмъ, Церковь не лишена была средствъ, чтобы сохранить и поддержать свою независимость. Вплоть до управленія имуществами ея прерогативы были равны царскимъ. Какъ царскія, такъ и церковныя земли были съ точки зрѣнія административной и юридической вполнѣ независимы отъ мѣстной власти. Исключеніе дѣлалось лишь для нѣкоторыхъ видовъ уголовныхъ дѣлъ—воровства, убійства, разбоя. А земли Церкви были обширны. Очень неравномѣрно распредѣленныя, но постоянно возрастающія богатства духовенства бѣлаго и чернаго—особенно послѣдняго—превышали богатства всѣхъ остальныхъ классовъ. Разсѣянныя по пятнадцати епархіямъ, митрополичьи имѣнія приносили въ концѣ XVI вѣка до 3000 р. доходу. Епископъ новгородскій былъ еще богаче, получая отъ 10 до 12000 р. ежегодно. Другія епископства были надѣлены также болѣе или менѣе щедро, но всегда имѣли больше, чѣмъ достаточно. Приходское духовенство было не такъ счастливо; оно пользовалось очень скромными земельными надѣлами. Иногда они были не больше трехъ десятинъ и рѣдко свыше тридцати. Порою оно получало денежное вспоможеніе — *руги*, которое колебалось между 19 р. и 12 коп. На щедрость міранъ разсчитывать не приходилось: ихъ даянія направлялись, большею частью, въ монастыри. По крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ священникъ ходилъ за подаяніемъ по приходу съ крестомъ и святою водою. Но даже съ дохода отъ этого нищенства епископъ удерживалъ десятую часть для себя.

Бо̀льшая часть общественныхъ богатствъ приходилась на долю чернаго духовенства. Не только земли ихъ были гораздо больше, но къ ихъ доходамъ присоединялась еще дань національнаго благочестія, часто огромная. Отъ одного Ивана IV Троицкая Лавра должна была получить въ теченіе 30 лѣтъ 25.000 р., или, по самому скромному разсчету, около 1.000,000 р. на наши деньги. Менѣе счастливый Кирилло-Бѣлозерскій монастырь получилъ въ теченіе того же времени 18,493 р. не считая даровъ натурою. Напримѣръ, ему было пожертвовано сто пудовъ меду въ 1570 году, 10 коней въ слѣдующемъ, а отъ времени до времени—иконы, дорогая церковная утварь; одинъ царъ въ видѣ церковныхъ облаченій былъ оцѣненъ въ 6,000 р.

Владѣя огромными землями, черное духовенство пользовалось, по большей части, почти полной свободой отъ налоговъ. Оно имѣло право взимать собственныя подати. Оно привлекало и удерживало при себѣ множество рабочихъ рукъ. Наконецъ, къ доходамъ съ земли, которая обрабатывалась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, къ богатствамъ, стекающимся изъ вновь заселенныхъ областей, которыя то и дѣло увеличивались, монахи еще присоединяли много различныхъ промысловъ. Они поглощали всѣ деньги страны и, выгодно помѣщая ихъ, были солидными капиталистами, почти единственными значительными коммерсантами и безспорно крупнѣйшими землевладѣльцами. Занимая лучшія земли 25-ти уѣздовъ, Троицкая Лавра въ концѣ вѣка владѣла 106.600 крестьянъ, и ея доходъ простирался до 10,000—2.400,000 р. на наши деньги.

Исчисляя доходъ всѣхъ монастырскихъ великорусскихъ общинъ Иконниковъ («Изслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русск. исторіи», Кіевъ, 1869, 1 т.) устанавливаетъ цифру въ 824,593 р. Этотъ доходъ получался съ 3.858,396 десятинъ земли, обрабатываемой 660.185 душами крестьянъ. Къ этой цифрѣ н до еще прибавить доходъ съ земель, обрабатываемыхъ непосредственно монастырями.

Конечно, эти вычисленія только приблизительны; но всѣ документы по этому вопросу, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о богатствѣ очень значительномъ и совершенно не соотвѣтствующемъ общему положенію страны.

Было бы, впрочемъ, въ высшей степени несправедливо утверждать какъ это дѣлали уже и въ то время, что черное и бѣлое духовенство пользовались своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и моральнымъ,

авторитетомъ исключительно въ своихъ интерсахъ. Очень долго здѣсь, какъ и вездѣ, нравственное сознаніе народа находило себѣ опору только въ лонѣ національной Церкви, а свое выраженіе только въ ея ученіи. До половины XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, духовная власть представителей Церкви, особенно, митрополита, служила благодѣтельнымъ противовѣсомъ всемогуществу государства. Между правами, присвоенными высшему духовенству, заступничество за жертвъ произвола и насилія должно быть занесено золотыми буквами въ исторію

Мало того, черное и бѣлое духовенство были дѣятельными сотрудниками и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главными пособниками великаго дѣла національнаго объединенія, къ которому стремилась Москва. Это требуетъ объясненія. У «первыхъ» собирателей земли русской идея ея единства является полусознательной. Въ своемъ завѣщаніи сынъ Калиты, Симеонъ Гордый (1341—1353), настойчиво совѣтуетъ своему сыну итти по намѣченному имъ пути: онъ не хочетъ, чтобы «погасла память о насъ и объ отцахъ нашихъ и потухъ свѣтильникъ». Но не гордая мечта о переустройствѣ великой родины руководитъ вѣковыми усиліями этихъ темныхъ князей—у нихъ другая забота. Они покупаютъ деревню за деревней, вотчину присоединяютъ къ вотчинѣ, собирая въ свои сундуки золото, серебро, драгоцѣнные камни и жемчугъ. Они обсчитываютъ татарскихъ князей при уплатѣ дани; разоряютъ и убиваютъ своихъ братьевъ-князей... И вотъ, если одинъ изъ нихъ невзначай и выскажетъ свою завѣтную думу, если онъ и объяснитъ смыслъ этихъ устойчивыхъ усилій, онъ просто скажетъ о той порѣ, когда «избавитъ насъ Богъ отъ Орды...» Чего же они хотятъ прежде всего? Свободы, возможности не гнуть больше спины подъ сапогомъ иноземнаго владыки и не слизывать съ шеи коня его капель кумыса, которыя упали изъ кубка, поданнаго ими татарину. Вѣдь они еще не ушли отъ этого позора! Но они хотятъ вырваться изъ своей неволи. И, когда это случится, они начнутъ собирать новыя сокровища, будутъ совершать новыя насилія и грабежи... Зачѣмъ? Повидимому, только для того, чтобы пріобрѣсти нѣсколько десятинъ земли и наполнить нѣсколько лишнихъ сундуковъ...

Однако, идея національнаго единства медленно проникала въ упрямыя головы этихъ фанатическихъ скопидомовъ. Точнѣе,—она родилась и выросла рядомъ съ ними. Гораздо раньше, чѣмъ какой-нибудь московскій князь успѣлъ подумать о томъ, чтобы сдѣлаться полити-

ческимъ представителемъ единой Руси, митрополитъ московскій сталъ ея главою. Такова была сила вещей. Славянскій Востокъ составлялъ только какъ бы одну епархію, находившуюся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ онъ имѣлъ одинъ центръ, одинъ очагъ. Этотъ очагъ, какъ и другіе, долго кочевалъ съ мѣста на мѣсто; но уже современникъ Калиты (1325—1341) митрополитъ Петръ, рѣшился принять титулъ митрополита *Всея Руси*. Тогда между князьями Московскимъ, Рязанскимъ, Суздальскимъ и Тверскимъ возникъ споръ о томъ, кому имѣть владыку въ своемъ стольномъ городѣ и тѣмъ самымъ пріобрѣсти преимущество надъ другими. Сначала Михаилъ Ярославичъ Тверской взялъ верхъ и началъ называть себя княземъ Всея Руси. Но очень скоро Калита одолѣлъ, и преобладаніе Москвы можетъ считаться утвержденнымъ за полтора вѣка до Ивана IV.

Черезъ полтора вѣка религіозное единство распалось благодаря польско-литовскому вліянію, создавшему новый духовный центръ по сосѣдству. Флорентійская унія завершила это разобщеніе. Но уже въ то время политическое единство, окрѣпшее и выросшее на Москвѣ, могло разсчитывать на прочное и продолжительное существованіе.

Съ своей стороны, монастыри внесли свою долю въ дѣло колонизаціи, которому новая Русь, отчасти, обязана своимъ возникновеніемъ. Большей частью, наступательное движеніе монастырей шло въ направленіи противоположномъ тому, которому слѣдовали обыкновенные переселенцы, движимые исключительно практическими соображеніями. Тогда какъ міряне стремились на богатыя южныя земли, монахи, часто аскетически настроенные, преслѣдуя неземныя цѣли шли на сѣверо-востокъ, въ пустыни и дремучіе лѣса. Не будь ихъ— долго сюда не проникли бы и предпріимчивые міряне. Здѣсь они соприкасались съ финскими племенами, еще поклонявшимися идоламъ и, трудясь въ двухъ направленіяхъ,—надъ разработкой дѣвственныхъ земель и просвѣщеніемъ языческихъ душъ,—они все подвигались впередъ. Таковъ Трифонъ, современникъ Грознаго. Со своимъ товарищемъ Ѳеодонитомъ на берегахъ Печенги онъ просвѣтилъ духомъ истины и научилъ обрабатывать землю лапландскія племена, которыя сначала сопротивлялись и грозили одинокимъ подвижникамъ, а потомъ стали имъ послушны.

На Востокѣ, ближе къ татарской границѣ, религіозная проповѣдь

также опередила военныя пріобрѣтенія. Здѣсь возникли монастырскія поселенія, которыя, задолго до взятія Казани, уже въ XIV в., переступили за Суру. Вслѣдъ затѣмъ они подвинулись и далѣе, соотвѣтственно росту государственной территоріи, сами поддерживая это движеніе и порою его защищая. Вездѣ монастыри служили опорою войску въ походѣ, такъ какъ располагали большими средствами и были хорошо укрѣплены. Монастырь св. Кирилла, обнесенный валомъ, защищенный 36 большими башнями и обладающій артиллеріей, въ стратегическомъ отношеніи превосходилъ Новгородъ.

Конечно, наплывъ вѣрующихъ въ излюбленныя мѣста паломничества давалъ поводъ къ непростительному торгашеству во время ярмарокъ, совпадавшихъ съ приходскими праздниками; правда, ссуды, даваемыя монахами частнымъ лицамъ, обычно, на условіяхъ не менѣе 10% роста, вызывали тягостные споры. Все же существовала традиція, уцѣлѣвшая до XVIII вѣка, которая требовала, чтобы эти богатства, собранныя въ однѣхъ рукахъ, являлись чѣмъ-то въ родѣ запаса, къ которому государство могло прибѣгать въ дни испытаній. Подобно сокровищамъ, хранимымъ жрецами Египта въ знаменитомъ Лабиринтѣ, эти запасы не были оберегаемы такъ ревниво, чтобы въ нихъ не видѣли какъ бы общаго достоянія. Обычай также требовалъ, чтобы монастыри не отказывали никому въ пищѣ и временномъ пристанищѣ. Князья и бояре сами пользовались этимъ, заѣзжая мимоходомъ въ Господни обители подкрѣпившись тамъ, они еще брали съ собою запасы въ дорогу. Что же касается бѣдняковъ—они смотрѣли на монастырь какъ на свою собственность. Въ Волоколамскомъ монастырѣ въ одинъ голодный годъ накормили однажды хлѣбомъ 7,000 человѣкъ и въ теченіе мѣсяца ежедневно кормили 4—5,000 голодающихъ. Это было въ княженіе Василія Ивановича, отца Грознаго. Въ этомъ году игуменъ Іосифъ продалъ весь скотъ и даже монастырскую рухлядь. Монахи перестали пить квасъ за трапезой и питались лишь самымъ необходимымъ. Съ этого же времени стали основываться постоянные страннопріимные дома и больницы при нѣкоторыхъ монастыряхъ.

Но чего же не хватало этимъ монахамъ, часто возвышенно настроеннымъ, этимъ пастырямъ, полнымъ героизма, то скитающимся отъ двери ко двери за подаяніемъ для тысячъ бѣдняковъ, то борющимся со стихіями въ глухихъ сѣверныхъ пустыняхъ, то подставляющимъ

свою грудь у ступеней трона страшному гнѣву князей? Чего же недоставало имъ для того, чтобы сыграть еще болѣе возвышенную роль, чтобы, какъ это было на Западѣ, сдѣлать свои обители или свои церкви очагами высшей культуры или первоначальнаго обученія, чтобы стать не только духовными просвѣтителями своего народа, но и его воспитателями и цивилизаторами?

Исторія давно отвѣтила на этотъ вопросъ: имъ недоставало образованія.

До монгольскаго нашествія изъ 23 митрополитовъ, жившихъ въ Руси, 17 были греками, и долго еще послѣ нашествія греческій и болгарскій элементъ преобладали въ составѣ того и другого духовенства. Даже послѣ того, какъ ихъ перестали ставить въ Царьградѣ, т.-е. сейчасъ же послѣ Флорентійской уніи, митрополиты должны были ѣздить туда для утвержденія своего въ санѣ. Кромѣ того, частыя появленія восточныхъ монаховъ въ Россіи за сборомъ милостыни, не менѣе частыя путешествія русскихъ паломниковъ на Аѳонъ и къ другимъ сосѣднимъ святынямъ—все поддерживало непрерывныя отношенія между двумя церквами. Такимъ образомъ, религіозная жизнь страны возвращалась къ своему первоисточнику. Теперь исторія доказала, что изъ этого же источника и Западная Европа утоляла свою жажду. Я покажу ниже, что̀ могла заимствовать оттуда Русь XVI в., какіе элементы умственной культуры и нравственнаго назиданія. Здѣсь я ограничусь однимъ фактомъ.

Съ 1420 по 1500 г. въ Московскомъ государствѣ возникло 150 новыхъ монастырей, а съ 1500 по 1588 еще 65. Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ и нѣсколько преувеличилъ, назвавъ Русь XVI в. «страною монастырей», несомнѣнно, что этотъ родъ учрежденій получилъ въ ту эпоху значительное распространеніе. Свобода, которая тамъ царила, могла бы быть достаточнымъ объясненіемъ этого. Всякій отшельникъ, имѣющій возможность выстроить маленькую церковку или деревянную молельню, могъ сдѣлаться по желанію игуменомъ, главою обители. Онъ обращался ко власть имущимъ, къ боярамъ или просто къ богатымъ людямъ, чтобы получить землю, а благочестіе вѣрующихъ и то значеніе, которое приписывалось иноческимъ молитвамъ, дѣлали остальное. Но всѣ эти учрежденія всегда принимали одинъ и тотъ же уставъ св. Василія Великаго, подобно тому, какъ западныя общины долго придерживались устава св. Бенедикта. До нашихъ дней это положеніе не измѣнилось; не

доказываетъ ли оно намъ, какъ мало интенсивности въ этой религіозной жизни, застывшей въ неподвижныхъ формахъ?

Жизнь есть движеніе, и, кромѣ того, мотивы этого единообразія не имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего общаго съ заботой о созиданіи благочестія или о спасеніи души. Отмѣтивъ самое явленіе, я долженъ подойти къ его обратной сторонѣ: тѣ факты, о которыхъ я буду говорить здѣсь—общеизвѣстны; они заслужили въ самомъ лонѣ русской Церкви всеобщее порицаніе и вызвали реакцію, происхожденіе и характеръ которой я выясню. Впрочемъ, она оказалась безсильной и почти безплодной.

Аскеты-идеалисты этой эпохи, какъ Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой или Нилъ Сорскій, кончили жизнь въ насильственномъ заточеніи, проклятые, отринутые, извергнутые изъ религіозной общины. Самъ Ѳеодонитъ, о подвигахъ котораго я говорилъ выше, долженъ былъ искупить въ темницѣ свою вину: она заключалась въ томъ, что онъ давалъ своимъ современникамъ слишкомъ высокій примѣръ для подражанія. Большинство его собратьевъ, прикрытыхъ тѣмъ же клобукомъ, было далеко отъ подобной святости. Если они и не всегда въ праздности и невоздержности ѣли хлѣбъ, плодъ его трудовъ, если, какъ мы видѣли сейчасъ, они и соглашались порою удѣлить часть бѣднымъ,—все же ихъ кругозоръ былъ ограниченъ узкопонятымъ благочестіемъ, довольствующимся внѣшними обрядами. Многіе архимандриты и игумены шли по еще болѣе наклонному пути, отдавая монастырскія деньги въ ростъ и приноравливая правила монастырскаго устава къ своимъ привычкамъ праздныхъ сибаритовъ. Общая жизнь въ монастыряхъ стала рѣдкимъ явленіемъ. Общій столъ былъ удѣломъ немногихъ братьевъ, кормящихся остатками пышныхъ трапезъ настоятелей, которые завладѣли общественнымъ достояніемъ и пировали съ многочисленными застольниками, родственниками, друзьями или богатыми вельможами, избравшими себѣ пріютомъ одну изъ этихъ роскошныхъ Ѳиваидъ. Тамъ часто очень веселились. Тамъ много пили. Отъ XVI до XVIII в., какъ это видимъ у Прыжова («Исторія кабаковъ» 1868 г. стр. 53), монастыри выдѣлывали и хранили всевозможные напитки. Они были полны веселыхъ гостей. Нерѣдко женщины посѣщали кельи. Случалось встрѣчать тамъ и мальчиковъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили рядомъ.

Преобразовательное теченіе XVI в. должно было коснуться и этого міра, зараженнаго тѣмъ же растлѣніемъ, которымъ страдали

западныя монастырскія общины въ ту же эпоху. Но здѣсь, не встрѣчая элементовъ достаточно жизненныхъ, чтобы принять ее и дать ей восторжествовать, реформа оборвалась, и нравственный авторитетъ Церкви былъ навсегда поколебленъ.

Общественная роль Церкви была ограничена и почти сведена нанѣтъ, благодаря еще другимъ причинамъ. До татарскаго нашествія раздѣленіе страны на удѣлы и прямая связь Церкви съ Константинополемъ создавали ея владыкамъ независимое положеніе. Но теперь они сочли удобнымъ встать подъ защиту новыхъ властителей. Митрополитъ Кириллъ сталъ жить при дворѣ самого хана. Милостивая грамота Менгу Тимура и щедро раздаваемые его преемниками ярлыки были наградою за такую политику. Но такимъ образомъ полученныя милости влекли къ полному отреченію отъ былой независимости, и, когда Москва стала наслѣдницей азіатскихъ деспотовъ, дѣло уже было сдѣлано. Вмѣсто ярлыковъ появились указы, которые потребовали того же подчиненія.

Кромѣ того, поработавъ, какъ указано выше, надъ созданіемъ національнаго единства, Церковь, не колеблясь, стала радѣть и объ уничтоженіи удѣловъ. Раздѣленіе страны, дѣйствительно, мѣшало проявленію ея власти. Но когда политическое предпріятіе ведется двумя союзниками, они, обыкновенно, сливаются, и слабѣйшій подчиняется сильнѣйшему. Достигнутое Москвою могущество освятило этотъ результатъ; въ то же время разрывъ съ Константинополемъ постепенно лишалъ покоряемую Церковь того интернаціональнаго характера и той внѣшней опоры, которые спасли католицизмъ, служа лучшей его обороной противъ свѣтскаго захвата. Въ концѣ XVI в. право раздавать духовныя мѣста и распредѣлять доходы съ нихъ оказалось въ рукахъ свѣтской власти. Такой порядокъ вещей создался совершенно независимо отъ какихъ-либо конкордатовъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ строя, соединившаго, смѣшавшаго до неразличимости двѣ категоріи интересовъ и правъ. Какъ высшій покровитель православія съ конца XV в., государь созываетъ соборы; на этихъ соборахъ на ряду съ вопросами вѣры и обрядностей обсуждаются и дѣла государственныя. Съ другой стороны, высшія духовныя лица часто приглашаются въ свѣтскіе совѣты государей, въ Думу, и принимаютъ участіе въ ея занятіяхъ. До того, чтобы быть занесенными вмѣстѣ со всѣми въ число служилыхъ людей, подчиненныхъ общему закону, оставался одинъ шагъ. Даже черное

духовенство не избѣгло этого. Не только архимандриты и игумены нѣсколькихъ монастырей засѣдали въ соборахъ или въ Думѣ; сами монахи, подражая своимъ западнымъ братьямъ, довольно рано начали апеллировать къ власти государевой противъ епископа, какъ на Западѣ прибѣгали къ папѣ. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы упростить эти отношенія и сосредоточить соотвѣтствующую юрисдикцію въ одномъ изъ своихъ приказовъ.

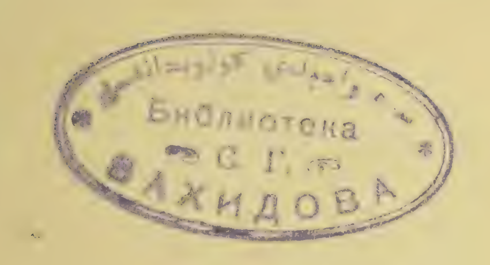
Изъ того униженія, въ какое ввергнуты были судьбою какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, они могли бы подняться, опираясь единственно на достоинство своего служенія. Но для этого нужно было, чтобы умственная цѣнность и нравственныя качества хотя бы главныхъ представителей Церкви отвѣчали ихъ высокому назначенію. Нужно было, чтобъ огонь святого призванія зажегся и горѣлъ на алтаряхъ этой автокефальной церкви такъ же ярко и горячо, какъ на Западѣ, гдѣ, въ самое смутное время, такіе папы, какъ Левъ X и Пій V, умѣли придать католицизму всемірный блескъ. Увы, ни Кириллъ ни Іона не могли найти божественной искры подъ пепломъ Византіи!

Во время Ивана III высшее духовенство еще боролось. Когда возгорѣлся споръ по богослужебнымъ вопросамъ между великимъ княземъ и митрополитомъ, послѣдній покинулъ свой престолъ, не сталъ освящать храмовъ и принудилъ такимъ образомъ князя къ покаянному битью челомъ. Но уже при преемникахъ Ивана III, еще не вполнѣ утвердившихся въ своей роли самодержавныхъ государей, потребовалось нѣчто большее, нежели сознаніе оскорбленнаго достоинства для борьбы съ торжествующимъ деспотизмомъ. Тогда св. Филиппъ, о мученичествѣ котораго я еще упомяну, запечатлѣлъ кровью свое исповѣданіе. Въ лицѣ его независимость владыки сочеталась съ вѣрностью попраннымъ традиціямъ. Но голосъ его не нашелъ отклика, его примѣръ остался безъ подражанія; какъ и вся страна, Церковь погрузилась во мракъ и безмолвіе. Новое колесо прибавилось къ колесницѣ, которая тяжестью своею сокрушала умы и характеры. *)

Къ вопросу объ образованіи Московскаго государства см. *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, VII, гл. IV; *Костомаровъ*, Очерки, Т. VIII; *Чечулинъ*, Города Московскаго государства, 1889.—Къ исторіи Пскова и въ особенности Новгорода —*Ильинскій*,

Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ, Ж. М. Н. Пр., 1876, іюнь; *Неволинъ*, то же, въ Запискахъ Русскаго Географическаго общества, Т. VIII.—Источники: Guagnino, Omnium regionum Moscoviae descriptio, у *Старчевскаго*, Historiae Ruthenicae scriptores, 1841; Possevino, Moscovia, 1587; ср. *Шмурло*, Извѣстія Джованни Тебальди о Россіи, 1891.—Къ этнографіи и исторіи сословій: *Кавелинъ*, Сочиненія, Т. I, 1859; *Ключевскій*, Курсъ исторіи (литографированный), 1, и Краткое пособіе по русской исторіи, 1899; *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, 1896, в. I и III; *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898; *Сергѣевичъ*, Русская юридическія древности, Т. III, 1903; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ татарскій періодъ русской исторіи, 1869; *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, 1858; *Бѣловъ*, Объ историческомъ значеніи русскаго боярства, Журн. М. Н. Пр., 1886; *его же:*—Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Грознаго, тамъ же, 1887. О крестьянахъ и о происхожденіи крѣпостного права: *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 1891; *Татищевъ*, Судебникъ Ивана IV, 1786; *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, X; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII; *Костомаровъ*, статья въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859, кн. II; *Погодинъ*, статья въ ж. Русская Бесѣда, 1859, IV (полемика между двумя писателями); *Градовскій*, статья въ Ж. М. Н. Пр., 1868; *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, 1875; *Ключевскій*, ст. о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, журн. Русская Мысль, 1885; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1887; *его же*, Обзоръ исторіи русскаго права, 1890; *Дьяконовъ*, Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, 1898; *его же*, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго. населенія въ Моск. госуд., 1895—1897; *его же*, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, 1901; *Сергѣевичъ*, см. выше; *Ефименко*, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884; *Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, 1899; *Милюковъ*, см. выше и Спорные вопросы... 1892; *Лаппо-Данилевскій*, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, 1901; *Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву, 1903; *его же:* см. Ж. М. Н. Пр,. съ историческимъ указателемъ по вопросу. Къ исторіи городского населенія: *Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, 1884; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 1868; *Леонтовичъ*, разборъ сочиненія Самоквасова — Древніе русскіе города, въ Сборникѣ русскихъ государственныхъ знаній, Т. II, 1875; *Ильинскій*, Городское населеніе Новгородской области въ XVI в., Ж. М. Н. Пр., 1876; *Костомаровъ*, Очерки торговли Московскаго государства, 1889. По исторіи церкви: *Макарій*, Исторія русской церкви, 1877, т. III; *Заустинскій*, Митрополитъ Макарій, ж. М. Н. Пр., 1881; *Иконниковъ*, см. выше. Источники: Собраніе государственныхъ

грамотъ и договоровъ, 1819; Акты археографической экспедиціи, 1836; Акты историческіе, 1841. По монастырскому хозяйству; *Ключевскій*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ, Извѣстія Моск. Университета, 1867; *Димитріевъ*, Сочиненія, 1899, т. I; Документы въ Сборникѣ Муханова, 1836.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическая и соціальная жизнь.

I.

I. Центральная власть.—II. Организація мѣстнаго управленія.—III—Мѣстничество.—VI. Община.—V. Организація суда и законодательства.—VI. Экономическій строй.—VIII. Финансы.

Центральная власть.

Не сразу была поставлена и пущена въ ходъ машина. При вступленіи на престолъ Грознаго, она представляла собою уже очень сложный механизмъ съ многочисленными колесами. Если согласиться съ Ключевскимъ (Боярская Дума 1881, 2-ое изд., стр. 119 и сл.), они являлись слѣдами прежняго устройства—въ нѣкоторомъ родѣ, домашняго, приспособленнаго къ скромному обиходу всѣхъ удѣльныхъ князей. Если же вѣрить Сергѣевичу (Русскія юрид. древн. II, 434), они были уже вполнѣ опредѣленными политическими органами. Здѣсь я не буду объ этомъ спорить. То были присутственныя мѣста, или вѣрнѣе—департаменты, число которыхъ все возрастало, и вѣдомства которыхъ были крайне неравномѣрно распредѣлены. Это зависѣло отъ того, что возникновеніе и развитіе ихъ находилось въ соотвѣтствіи съ успѣхами завоеваній и колонизаціи. Нѣкоторыя приказы, болѣе давняго происхожденія, вѣдали извѣстныя дѣла многихъ областей. Таковъ былъ *разрядный приказъ*, вѣдавшій дѣла военныя. Другимъ же, напротивъ, были поручены всѣ дѣла какой-нибудь недавно пріобрѣтенной области. Таковъ былъ *Казанскій Дворецъ*, учрежденный послѣ взятія города. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ,—*польскій приказъ*—было, конечно, одно на всю державу. Наконецъ, нѣкоторые областные приказы, такъ называемые Московскій, Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій—огра-

ничивались вѣдѣніемъ извѣстныхъ дѣлъ въ предѣлахъ этихъ земель и соединяли такимъ образомъ черты, общія двумъ первымъ категоріямъ указанныхъ учрежденій.

Вездѣ царилъ безпорядокъ. Чтобы приводить въ дѣйствіе машину и управлять всѣми ея колесами, былъ необходимъ центральный рычагъ. Гдѣ же былъ онъ? Въ рукахъ государя? Повидимому, нѣтъ. Во главѣ вѣдомствъ стояла *Боярская Дума*,—нѣчто напоминающее «Совѣтъ» первыхъ Капетинговъ, или curia regis норманскихъ королей въ Англіи. И тамъ, и здѣсь то былъ продуктъ исторіи. Съ одной стороны, Дума была дѣломъ національнаго объединенія, происходившаго въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ XV в.; съ другой она являлась послѣдствіемъ военной организаціи національнаго государства. Предводитель войска, князь Московскій, долженъ былъ, какъ и всѣ военачальники, совѣтоваться со своими помощниками въ важныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ *Боярская Дума* произошла собственно изъ военнаго совѣта, который впослѣдствіи измѣнилъ свой характеръ благодаря сложности разбираемыхъ въ немъ вопросовъ. Глава вотчины, князь, долженъ былъ считаться съ потомками своихъ прежнихъ соратниковъ, сѣвшихъ теперь, какъ и онъ самъ, на наслѣдственныя земли и пользовавшихся тамъ извѣстною властью. Военный совѣтъ сталъ вѣдать такимъ образомъ дѣла политическія, при чемъ составъ его принялъ ярко выраженный аристократическій характеръ.

Въ XVI в. семьдесятъ родовъ, изъ нихъ сорокъ княжескихъ, повидимому, имѣли право на участіе въ Боярской Думѣ. Но было ли то дѣйствительно правомъ? Нѣтъ, скорѣе это было возможностью, осуществить которую зависѣло отъ воли государя. Въ одномъ этомъ проявляется полное ничтожество учрежденія, которое, казалось бы, могло ограничить абсолютизмъ власти. Отсутствіе корпоративнаго устройства не позволяло Думѣ пріобрѣсти достаточную прочность. Большое количество бояръ и князей присутствовало обыкновенно въ Думѣ; но, рядомъ съ ними, засѣдаетъ, превышая ихъ числомъ, множество чиновниковъ, не князей и не бояръ: то высшіе чины—*окольничьи* (отъ слова *около*, находящіеся около князя), или *дворяне*, состоящіе при дворѣ, или, наконецъ, простые *дьяки*. Въ дѣйствительности, не надо было происходить изъ знатнаго рода, чтобы быть призваннымъ въ Думу. Въ спискѣ 1527 г. мы не находимъ ни Голицына, ни Куракина, ни Воротынскаго, ни Пронскаго, ни Хован-

скаго, ни Прозоровскаго, ни Репнина. ни Салтыкова. А это знаменитѣйшія имена вѣка. Присутствіе кого-нибудь въ Думѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней вовсе не означало, что такъ будетъ и впредь. Для одного дѣла, изъ ста или бо̀льшаго количества занесенныхъ въ списокъ лицъ призывалось 20, для другого—только восемь. Никакихъ правилъ, даже никакого порядка, который могъ бы хотя замѣнить ихъ. Какъ чинъ, такъ и обязанности думнаго дворянина зависѣли вполнѣ отъ князя, при чемъ между тѣмъ и другимъ не было необходимаго соотвѣтствія. Здѣсь мы видимъ въ зародышѣ будущую организацію чиновничества.

Компетенція Думы была обширна и, пожалуй, неограниченна. Дума не довольствовалась тѣмъ, что освѣдомляла князя. Сообща съ нимъ, она пользовалась властью законодательной, судебной и административной. Она управляла въ самомъ широкомъ значеніи слова. И не только коллективно, но даже индивидуально. Послѣ обсужденія какого-нибудь вопроса внѣшней политики думный дворянинъ могъ быть посланъ намѣстникомъ въ Вятку, вслѣдъ затѣмъ назначенъ командовать войскомъ въ Сѣвскъ, а между двумя этими службами ему могъ быть данъ приказъ итти за крестомъ въ какомъ-нибудь торжественномъ крестномъ ходу вмѣсто князя. Наконецъ, его могли послать къ какому-нибудь знатному лицу съ блюдомъ съ царскаго стола... Послѣ этого, вернувшись въ Думу, онъ принималъ участіе въ обсужденіи какой-нибудь тяжбы, перенесенной туда апелляціоннымъ порядкомъ. По крайней мѣры, одна статья Судебника 1497 г. прямо упоминаетъ о судебныхъ разбирательствахъ такого рода, происходившихъ въ Думѣ.

Чтобы передѣлать всѣ эти дѣла, Думѣ, пожалуй, не хватило бы двухъ ежедневныхъ засѣданій, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись: первое назначалось въ 7 ч. утра лѣтомъ и продолжалось до часу—двухъ пополудни; второе открывалось уже послѣ обѣдни, за которой думные дворяне должны были присутствовать вмѣстѣ съ княземъ, вслѣдъ за обѣдомъ и отдыхомъ,—словомъ, отъ заката солнца до довольно поздняго ночного часу. Но въ дѣйствительности, этотъ тяжелый трудъ былъ удѣломъ только нѣкоторыхъ думныхъ бояръ, да и то съ большими промежутками. Большею частью учрежденіе бездѣйствовало. Да и была ли Дума учрежденіемъ? Она была скорѣе фиктивнымъ раздѣленіемъ власти, а уже съ XVI в. ее можно назвать тѣнью и обманчивой видимостью. Дѣйствовала ли Дума от-

дѣльцо отъ верховной власти или согласно съ ней,—традиція неизмѣнно сочетала всякій актъ воли государя съ работою Думы. Если князя не было—его присутствіе всегда подразумѣвалось въ Думѣ; а если онъ дѣйствовалъ одинъ,—предполагалось, что онъ дѣйствуетъ сообща съ Думой. Напрасно, мнѣ кажется, Сергѣевичъ усомнился въ идеѣ этого мистическаго союза: она пережила Думу и опять воплотилась въ отношеніяхъ Петра Великаго и его Сената. Несомнѣннымъ фактомъ, особенно съ XVI в., была личная и абсолютная власть. Эту власть государь осуществлялъ при помощи другой совѣщательной коллегіи; болѣе ограниченные размѣры ея и произвольно избираемый личный составъ давали еще бо̀льшую свободу абсолютизму. То былъ совѣтъ, собиравшійся большей частью въ государевой опочивальнѣ «у постели» и состоявшій только изъ двухъ или трехъ бояръ или довѣренныхъ людей, безразлично какого происхожденія. Этотъ совѣтъ соотвѣтствовалъ такъ наз. commune consilium, который дѣйствовалъ на ряду съ magnum consilium въ политическомъ устройствѣ всѣхъ европейскихъ монархій. Но въ Москвѣ онъ имѣлъ меньшую опредѣленность; онъ былъ непостояненъ и вполнѣ подчиненъ волѣ и капризу князя.

Но у князя есть области, гдѣ его власть не находитъ даже видимаго ограниченія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, судопроизводство находится въ рукахъ его прямыхъ агентовъ; такой порядокъ представляетъ либо полную привилегію государя, либо льготу, дарованную населенію въ силу особыхъ грамотъ (тархановъ).

Подобнымъ же образомъ ему принадлежитъ просмотръ просьбъ, которыя по старинному обычаю позволяется направлять къ князю; наплывъ ихъ вызвалъ въ XVI в. учрежденіе особаго «*Челобитнаго приказа*»,—зерна будущей «Тайной Канцеляріи».

Такимъ образомъ государь является настоящимъ и притомъ единственнымъ правителемъ; что касается его совѣтниковъ, «служилыхъ людей», то это—просто солдаты, которыми онъ командуетъ,—пѣшки, которыя онъ передвигаетъ по шахматной доскѣ, безъ малѣйшей возможности сопротивленія съ ихъ стороны и безъ какого-либо контроля. Въ арміи военный совѣтъ пріобрѣтаетъ вѣсъ и значеніе; онъ даже настаиваетъ на своихъ рѣшеніяхъ во время неудачнаго похода; но пусть улыбнется побѣда счастливому и самонадѣянному вождю,—прощай, генеральный штабъ! Плановъ Наполеона обсуждать нельзя. Москва побѣдила; она продолжаетъ торжествовать, и вотъ, несомые

на крыльяхъ счастья, наслѣдники Калиты, не отвѣчая за прошлое, не желаютъ ни съ кѣмъ считаться и въ будущемъ.

Таково было положеніе вещей въ центрѣ. Тотъ же типъ военной организаціи устанавливается и на окраинахъ.

II.

Организація мѣстнаго управленія.

Землевладѣніе служитъ основой этой организаціи. Обладаніе землею создаетъ для владѣльцевъ два рода обязательствъ. Крестьяне платятъ налогъ; вотчинники и помѣщики несутъ службу: они служилые люди, т.-е. кромѣ гражданскихъ обязанностей, которыя могутъ быть на нихъ возложены, они составляютъ княжеское войско, расквартированное въ мирное время на этихъ же земляхъ и подлежащее мобилизаціи въ случаѣ войны. Служба начинается съ 15-ти лѣтъ. Достигнувъ этого возраста, сынъ помѣщика получаетъ часть отцовскаго помѣстья или, если семья слишкомъ велика, новый надѣлъ. По смерти помѣщика, помѣстье дѣлится между его сыновьями, дочери же получаютъ пожизненно извѣстную часть, которой они лишаются при выходѣ замужъ. Въ случаѣ недостаточности, опять примѣняется раздача добавочныхъ надѣловъ. Допускается обмѣнъ помѣстьями, но съ условіемъ, что интересы государства не пострадаютъ: оно не желаетъ потерять ни одного человѣка. Что касается до *вотчинъ*, то государство формально не вмѣшивается въ раздѣлъ наслѣдствъ; но оно имѣетъ наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы каждая доля досталась человѣку, которымъ оно могло бы располагать.

Очевидно, эту систему легче примѣнять къ помѣщикамъ. Будучи господиномъ ихъ собственности, князь держитъ ихъ крѣпче въ рукахъ; вотъ почему московская политика клонится неизмѣнно къ тому, чтобы замѣнить вотчины помѣстьями, т.-е. наслѣдственныя земли— пожизненными надѣлами. На земляхъ, присоединенныхъ къ государству силою оружія, эта замѣна легче и производится быстрѣе. Законъ войны способствуетъ этому, допуская массовыя конфискаціи и раздачу отобранныхъ земель. 20 лѣтъ спустя послѣ присоединенія Новгорода, документы, относящіеся къ 1500 г., устанавливаютъ въ двухъ уѣздахъ, Ладожскомъ и Орѣшковскомъ, наличность ста шести помѣщиковъ.

Имъ принадлежитъ половина всей пахотной земли. Большею частью, то люди низкаго происхожденія—ремесленники, слуги. Но они тѣмъ болѣе послушны. Юридическимъ предкомъ типичнаго помѣщика этихъ краевъ въ XVI вѣкѣ является княжескій псарь, награжденный землею еще въ XIV в. Послушаніе у него въ крови.

Тамъ, гдѣ дѣло объединенія шло потихоньку, вотчинники преобладаютъ. Они гораздо менѣе податливы, и вотъ на нихъ-то и будетъ произведенъ отчаянный натискъ, которымъ Грозный заслужилъ свою кровавую славу.

Помѣстный порядокъ, восторжествовавшій послѣ Ивана Грознаго, заключалъ въ себѣ другое неудобство: вслѣдствіе отмѣченнаго уже недостатка земли для надѣловъ, создается настоящій сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Одинъ помѣщикъ, призванный къ оружію, жалуется, что ему не на что купить лошадь; другой, состоящій въ дьячкахъ въ ожиданіи своего надѣла, не имѣетъ необходимаго для службы хотя бы въ пѣхотѣ. Но все-таки они оба идутъ въ счетъ, и у князя есть войско, которое ему ничего не стоитъ.

Но ему нужна также и администрація. За администрацію платятъ сами управляемые. Управлять—значило тогда, не болѣе, не менѣе, какъ судить и выполнять полицейскія обязанности. Этимъ кормится администраторъ. Почти повсемѣстно дѣйствуетъ такая система. На большинствѣ вотчинныхъ земель,—въ силу старинныхъ правъ, а на прочихъ,—въ силу спеціальныхъ грамотъ, землевладѣльцы, люди военные или даже духовныя лица, являются судьями. Это значитъ, что они за свой собственный страхъ пользуются правомъ суда, который является ихъ привилегіей. Они присвоиваютъ себѣ доходъ съ частныхъ тяжебъ подъ видомъ проторей и различныхъ пошлинъ. Въ ихъ же пользу поступаетъ то, что осужденные въ уголовномъ преступленіи или,—за отсутствіемъ виновнаго — общины обязаны уплачивать судьѣ. На земляхъ, не подлежащихъ этой юрисдикціи, пользованіе подобными доходами дѣлится между собственными агентами правительства, собирающими эти поступленія для самой казны, и между служилыми людьми, которымъ правительство передаетъ свои права и доходы. Они замѣняютъ собою правительственныхъ агентовъ и называются намѣстниками и волостелями. Управлять городомъ или областью—значитъ жить на ихъ счетъ, взимая судебныя издержки. Это называлось *кормленіемъ*, и, большею частью, *кормленщики* и были правителями. Когда, позднѣе, развитіе экономической жизни потребуетъ

настоящихъ администраторовъ, никому не придетъ въ голову поискать ихъ между правителями-кормленщиками. Новыя потребности вызовутъ къ жизни новые органы, прежніе останутся на старыхъ мѣстахъ, чтобы кормиться—и только для этого.

Отлично согласуемое съ земельными правами вотчинниковъ, являясь скорѣе пожалованіемъ, нежели служебной обязанностью, кормленіе относилось болѣе къ частному, нежели къ публичному праву. Претендовать на него могла вдова боярина или, за неимѣніемъ таковой, другіе наслѣдники, словомъ, вся семья умершаго должностного лица. Кромѣ того, рядомъ съ правителемъ, живущимъ на счетъ области, волостель былъ не подчиненнымъ его, а конкуррентомъ. Онъ сохранялъ за собою право на извѣстныя категоріи дѣлъ и лицъ, напр., ему принадлежало судопроизводство на *черныхъ* земляхъ, тогда какъ его сосѣдъ распоряжался на *бѣлыхъ*.

Можно себѣ представить, къ какимъ злоупотребленіямъ вела эта система. Формально, однакоже, судебныя издержки были строго установлены, доходы были ограничены извѣстнымъ предѣломъ. Но были побочные доходы, неизбѣжныя подношенія—неуловимый результатъ темныхъ сдѣлокъ, вполнѣ понятный въ той организаціи, которая ускользала отъ всякаго дѣйствительнаго контроля. Это было главною язвой всего строя.

Не существовало еще никакого общаго правила, опредѣлявшаго личный составъ администраціи. Государь имѣлъ право свободнаго выбора. Но на практикѣ онъ сталкивался съ естественнымъ затрудненіемъ найти необходимыхъ людей внѣ извѣстнаго общественнаго слоя. Политика Москвы стремилась къ расширенію рамокъ и къ введенію въ нихъ новыхъ элементовъ изъ всѣхъ слоевъ общества до самыхъ его подонковъ. Однако, эти демократическія тенденціи парализовались недостаткомъ умственно развитыхъ людей. Немного было псарей, достаточно выдресированныхъ, чтобы прилично фигурировать въ качествѣ намѣстниковъ. Такимъ образомъ сословный элементъ, наслѣдственный принципъ и духъ аристократизма сочетались здѣсь съ началомъ политическимъ и съ принципомъ кооптаціи. Результатомъ было явленіе, подобнаго которому не знало ни одно изъ европейскихъ государствъ: мы говоримъ о *мѣстничествѣ*. Даже самое это слово почти неизвѣстно за предѣлами Россіи. Постараемся объяснить это явленіе.

III.

Мѣстничество.

Теоретически это право не было установлено никакимъ закономъ, но было освящено обычаемъ. Въ силу этого права каждый служилый человѣкъ, получая приказъ служить съ кѣмъ-нибудь другимъ, могъ претендовать на мѣсто не ниже того, которое онъ или кто-либо изъ его предковъ занимали по отношенію къ этому товарищу или его предкамъ. Предположимъ, что двоимъ поручено начальствовать надъ частями одного и того же полка. Оба они, дѣти боярскія, но дѣдъ одного, будучи воеводою, имѣлъ подъ своимъ началомъ дѣда другого. И вотъ начинается мѣстничество, т.-е. внукъ воеводы имѣетъ полное право отказаться служить съ даннымъ ему товарищемъ. Если бы князю вздумалось пожаловать его въ конюхи, ничто бы этому не помѣшало, да и онъ самъ не сталъ бы перечить: лишь бы только, подметая навозъ, ему не встрѣтиться въ той же конюшнѣ съ другимъ конюхомъ, отецъ котораго былъ поваренкомъ въ то время, какъ его родитель стряпалъ. Но, въ данномъ случаѣ, ничто не заставило бы его стать воеводою наряду съ сыномъ поваренка.

Представьте себѣ теперь, что эти расчеты первенства идутъ по восходящей линіи во всѣхъ ея степеняхъ и по всѣмъ ея вѣтвямъ; вы легко себѣ вообразите, какіе сложные могли быть случаи и сколько они порождали ссоръ. Политическая жизнь Московскаго государства переполнена ими, и самодержавіе главы этого государства нашло здѣсь единственное серьезное ограниченіе.

Погодинъ искалъ происхожденіе мѣстничества въ отношеніяхъ между удѣльными князьями. Но эта теорія почти не имѣетъ сторонниковъ. Въ-первыхъ, въ извѣстныхъ намъ мѣстническихъ спорахъ, совпадающихъ по времени съ составленіемъ первыхъ родословныхъ книгъ, съ очевидностью выступаетъ болѣе общее родовое начало. Въ своихъ собственныхъ интересахъ московское правительство уважало и поддерживало этотъ принципъ, служившій его династическимъ основаніемъ: стараясь его слить съ противоположной ему системой іерархіи, построенной на службѣ, оно создало *мѣстничество*. Сначала правительство торжествовало. Подобные споры, завися всецѣло и единственно отъ *мѣстъ*, пожалованныхъ государемъ, шли прямо въ разрѣзъ сословному принципу; они исключали всякое понятіе о

чистой аристократіи и укрѣпляли идею *службы*. Впрочемъ, пока они заключались въ кругу частныхъ отношеній и ограничивались пустяками. Бояре спорили изъ-за мѣстъ за столомъ общаго друга; жены двухъ знатныхъ чиновниковъ ссорились изъ за мѣста въ церкви; епископъ—духовенство также было къ этому причастно—отказывался ѣсть съ одного блюда съ менѣе знатнымъ духовнымъ лицомъ. Даже въ средѣ чернаго духовенства соблюдалась подобная іерархія, и монахи ссорились изъ за мѣстъ въ крестныхъ ходахъ. Купцы слѣдовали общему примѣру, и великій драматургъ Островскій отмѣтилъ среди этого класса пережитки укоренившагося обычая.

Но наступилъ моментъ, когда въ день боя два предводителя затѣяли ссору передъ лицомъ непріятеля. Это было въ Орлѣ въ 1514 г.; сраженіе было проиграно. Пришлось принять мѣры. На опредѣленный срокъ, напр., на время похода, запрещались мѣстническіе счеты; виновныхъ въ неправильныхъ притязаніяхъ подвергали строгимъ карамъ. Словомъ, правительство прибѣгало ко всякимъ средствамъ, не осмѣливаясь, однако, занести руку на эту основу государственнаго устройства, хотя неписаннаго, но защищаемаго тѣмъ болѣе упорно. Аристократія тратила на это свои лучшія силы; она употребила на эту борьбу свои послѣдніе заряды и свое послѣднее достоинство, не замѣчая, что пока она занимается этой родовой ариѳметикой, власть ускользаетъ изъ ея рукъ. Долго, дѣйствительно, аристократія пользовалась первыми мѣстами, такъ какъ государство не имѣло возможности занять ихъ своими креатурами, а, когда нашлись другіе кандидаты, мѣстничество уже не могло помѣшать дѣлу демократической нивеллировки, которая отлично мирилась съ его сущностью. Пользуясь родовыми спорами, правительство увеличивало количество мѣстъ, раздаваемыхъ государемъ по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ подрывало въ корнѣ соціальное и корпоративное значеніе родового элемента; оно создавало съ помощью этого новаго пріема другую коллективную организацію, болѣе послушную, болѣе гибкую. Безъ нея Россія XVI — XVIII вв. можетъ быть не выполнила бы своей гигантской задачи; но это не было сословіе; то былъ скорѣе корабельный экипажъ, полкъ или партія арестантовъ.

Несомнѣнно, что, противопоставляя личныя качества родовитости, эта система, въ концѣ-концовъ, выдѣлила въ извѣстномъ смыслѣ другой плодотворный принципъ: принципъ индивидуальныхъ заслугъ. Такимъ образомъ, было бы въ высшей степени несправедливо, подобно

Валуеву и нѣкоторымъ другимъ историкамъ, видѣть въ мѣстничествѣ только примѣръ китайской косности. Сама система не была неподвижна—она измѣнялась съ теченіемъ времени;она развивалась; она испытывала и производила различныя давленія. Правда, своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ абсолютизму мѣстничество могло создать для него серьезныя затрудненія, но оно не сумѣло противопоставить ему никакую соціальную или политическую силу, которая была бы способна, парализуя его вліяніе, заступить его мѣсто, дать ему другое направленіе или его контролировать.

Была другая такая сила, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ. Она заключалась въ той общинной организаціи, о которой я упоминалъ.

IV.

Община.

Изслѣдованія бар. Гакстгаузена о русской общинѣ въ ея настоящемъ видѣ—съ ея самоуправленіемъ и коллективной собственностью—явились въ 1847 г. даже для Россіи подлиннымъ откровеніемъ Казалось, былъ открытъ новый міръ, подтверждавшій оригинальность и превосходство первобытнаго устройства, которымъ страна могла гордиться передъ лицомъ удивленной Европы. Но съ теченіемъ времени пришлось немного понизить тонъ. Позднѣйшія изслѣдованія разрушили возникшую было иллюзію. Они указали на болѣе раннее существованіе аналогичныхъ учрежденій во всѣхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ странахъ, отъ Ирландіи до Явы, отъ Египта до Индіи. Въ Европѣ различіе между Россіей и ея западными сосѣдями свелось такимъ образомъ къ вопросу возраста и культурности. На дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла и связанныя съ этимъ новыя разочарованія на этомъ не остановились. Стало почти очевиднымъ, что эта русская община, отождествляемая съ другими формами первобытнаго общественнаго устройства и уцѣлѣвшая здѣсь, какъ думали, въ своемъ первоначальномъ видѣ благодаря болѣе медленному развитію соціально-экономической жизни, была, напротивъ, сравнительно недавняго происхожденія. Отнюдь не происходя отъ патріархальнаго коммунизма доисторическихъ временъ, не являлась ли она слѣдствіемъ круговой поруки, чуждой свободному крестьянству до

конца XVI в., но навязанной впослѣдствіи сельскимъ общинамъ крѣпостнымъ правомъ? Была ли эта община ископаемымъ? Нѣтъ, она была продуктомъ политическаго режима, который восторжествовалъ благодаря Ивану Грозному. Являлась ли она выраженіемъ народнаго духа? Отнюдь нѣтъ. Она была государственнымъ учрежденіемъ.

Такимъ образомъ, согласно точкѣ зрѣнія *Чичерина* (Опыты по исторіи русскаго права». М. 1858, 1 и с. 4 сл.), недавно поддержанной *Милюковымъ* (Очерки по истор. русск. культ. I, 186), здѣсь передъ нами поразительнѣйшій примѣръ обратнаго хода исторіи. Въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ является, повидимому, характерной особенностью соціально-экономическаго развитія Русскаго государства.

Впрочемъ, хорошо ли выбранъ примѣръ?

Въ первой половинѣ XVI вѣка крѣпостное право, какъ мы видѣли встрѣчается на Руси только какъ исключеніе. Зато тамъ существуетъ община, объединяющая свободныхъ землевладѣльцевъ. Каждый крестьянинъ даже обязанъ принадлежать къ одной изъ этихъ общинъ. Внѣ ея стоятъ только бродяги. Эти общины представляютъ собою самоуправляющіяся единицы съ преобладаніемъ демократическаго и коммунистическаго началъ. Собраніе, гдѣ обсуждаются общія дѣла, заключаетъ въ себѣ представителей—стариковъ—отъ каждаго дома, входящаго въ извѣстный округъ—*волость*. Прежняя волость не имѣла ничего общаго съ учрежденіемъ, которое теперь носитъ это имя. Представляя собою нѣчто среднее между кантономъ и коммуной во Франціи, приближаясь къ американскому «township», древняя волость обладаетъ гораздо болѣе широкой компетенціей. Волостной сходъ имѣетъ право издавать обязательныя постановленія (bye—laws); онъ выбираетъ *головъ* и общинныхъ *старостъ*; онъ раскладываетъ прямыя подати, наложенныя правительствомъ на земледѣліе и промышленность; онъ избираетъ лицъ, присутствующихъ на судѣ и играющихъ тамъ роль средневѣковыхъ нѣмецкихъ Schoffen или древне-шведскихъ Nemd; наконецъ, черезъ посредство свободно избираемыхъ должностныхъ лицъ, онъ выполняетъ полицейскія функціи и защищаетъ интересы общины передъ властями.

По крайней мѣрѣ, такой порядокъ вещей можно возстановить, судя по слѣдамъ, сохранившимся на *черныхъ земляхъ*, принадлежавшихъ свободнымъ крестьянамъ. Но совершенно невозможно сказать, существовалъ ли онъ также на другихъ земляхъ рядомъ съ той юридической и полицейской организаціей, подъ кровомъ которой пользова-

лись своею властью кормленщики. Съ другой стороны, на тѣхъ же земляхъ, удалось констатировать въ XV и XVI вв. зачаточные признаки коллективной собственности или такого же владѣнія. Именно, въ центрѣ часто упоминаются въ памятникахъ той эпохи такъ называемые *сосѣди, складники* (отъ складать) или *сябры*, въ которыхъ нетрудно угадать крестьянъ, соединившихся для обработки опредѣленнаго участка земли. Толкуя иначе названія и образъ жизни этихъ землепашцевъ, которые, будто бы, были соединены лишь общностью налога, *Сергѣевичъ* (О. с. 1903, III, 61 и пр., 119 и пр.) допускаетъ другія формы общиннаго землевладѣнія. На земляхъ высшаго духовенства и монастырей, съ исторіей которыхъ мы лучше знакомы, пользованіе нѣкоторыми землями было, повидимому, общимъ для всѣхъ держателей. Другими словами, надѣлъ каждой семьи,—*соха* (то же—*выть*, virgate англичанъ) не представлялъ собою опредѣленнаго, строго ограниченнаго участка, но давалъ право занять и обрабатывать, напр., 5 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей. Въ одномъ изъ владѣній Троицкаго монастыря (*Сергѣевичъ*, О. с. стр. 440) встрѣчается, какъ единственное исключеніе, общая обработка участковъ, которыми надѣлены крестьяне. Наконецъ, на земляхъ, конфискованныхъ дѣдомъ Ивана послѣ присоединенія Новгорода, т.-е. отнятыхъ у бояръ и отданныхъ оброчнымъ крестьянамъ, мы также видимъ зарожденіе и даже нѣкоторое развитіе общиннаго пользованія лугами, озерами и лѣсами. Но все это оставалось мѣстнымъ, зачаточнымъ или совершенно новымъ явленіемъ. Конечно, оно было очень далеко отъ полнаго и всеобщаго коллективизма теперешняго русскаго *міра*, съ его періодическимъ передѣломъ, аналогичнымъ run-ring у ирландцевъ или англичанъ. *Міръ* находится тамъ лишь въ зачаткѣ, и до сихъ поръ нельзя съ точностью выяснить происхожденіе и развитіе этого зародыша.

Развитіе началось съ XV и продолжалось до XVI в. Въ эту эпоху русская община не является, конечно, остаткомъ патріархальнаго устройства первыхъ временъ, уничтоженнаго норманскимъ покореніемъ или, какъ это допускаютъ нѣкоторые историки, погибшаго еще ранѣе того отъ смѣшенія славянской расы съ чуждымъ ей финскимъ элементомъ. Но были ли финны въ древней южной Руси? Это не вполнѣ достовѣрно. Является ли реставрированная община возрожденіемъ древняго общиннаго строя, обусловленнымъ постоянствомъ нѣкоторыхъ соціальныхъ формъ? Или надо ее признать, напротивъ, продук-

томъ совершенно новаго, самостоятельнаго процесса, въ которомъ, по примѣру славянофиловъ, слѣдуетъ видѣть выраженіе особой склонности русскаго духа къ жизни сообща, къ ассоціаціи? Это—темные вопросы. Едва ли національное самолюбіе можетъ внести туда какой-нибудь свѣтъ. Упомянутой склонности отрицать нельзя. О ней свидѣтельствуютъ *артели*. Но въ Германіи и, особенно, въ Англіи соціальный духъ проявилъ гораздо болѣе энергіи въ средѣ общинныхъ группировокъ, сопротивленія которыхъ не могла преодолѣть даже современная централизація.

Я склоняюсь къ тому, что здѣсь смѣшиваются два начала—историческіе пережитки и природныя наклонности; они сочетаются въ жизни населенія, долго находившагося въ неорганизованномъ состояніи, чтобы, на порогѣ новаго времени, сообщить особую форму зарождающемуся обществу.

Русская община XV в. совершенно чужда родовому началу. Она открыта для каждаго. Всякій крестьянинъ можетъ войти въ нее, принявъ на себя часть общихъ повинностей. Она носитъ чисто договорный характеръ и отличается этимъ отъ старинныхъ формъ, сохранившихся среди нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Но нѣкоторая административная автономія приближаетъ ее къ этому прототипу. Однако, характеръ и границы этой автономіи являются предметомъ спора. Принимаетъ ли община XV в. участіе въ судопроизводствѣ и въ какой мѣрѣ? Вопросъ остается открытымъ. Очевидно, все-таки, что судебная организація того времени, связанная съ вышеупомянутой системой, кормленія, не уживалась ни съ какой другой властью. Поле принадлежитъ служилымъ людямъ. Охота запрещена. А развѣ подсудное населеніе не было на самомъ дѣлѣ дичью?

Но картина мѣняется въ слѣдующемъ вѣкѣ. Общинное самоуправленіе внезапно расширяется. Оно стремится захватить всю область мѣстнаго управленія со всѣми ея правами. Что же произошло? А то, что служилые люди оказались не на высотѣ. Своей эксплуатаціей они разорили области. Своей бездѣятельностью и безпорядочностью они не только нанесли тяжелый ущербъ частнымъ интересамъ,—о которыхъ, впрочемъ, государство нимало не заботилось,—они повредили тому, къ чему государство отнюдь не могло быть равнодушнымъ. Служилые люди уничтожили или истощили источники государственныхъ доходовъ. Тогда, колеблясь еще между двумя полюсами разви-

вающагося политическаго строя—между самодержавіемъ и освободительными теченіями—государство рѣшается нарушить имъ самимъ установленныя привиллегіи. Онѣ явно не оправдали его ожиданій. Поэтому оно пытается передать другимъ тѣ обязанности, которыя, къ своему сожалѣнію, оно довѣрило недостойнымъ. Съ этой цѣлью, оно обращается къ тому самому общинному устройству, которое такъ долго оставалось въ пренебреженіи и даже подвергалось нападкамъ. Грамоты, раздаваемыя все охотнѣе, облекаютъ старостъ и присяжныхъ властью, которая сначала ограничитъ, а потомъ совершенно уничтожитъ власть государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. Но ради этого государство не отступитъ отъ своей основной програмы. Оно не вполнѣ отрекается отъ своего деспотизма. Оно ищетъ компромисса между этимъ принципомъ и духомъ учрежденій, призванныхъ къ новой роли. И этотъ компромиссъ оно находитъ въ томъ, что, даруя власть, отнимаетъ независимость. Выборныя лица, полномочія которыхъ оно расширяетъ, будутъ все же чиновниками, его агентами, а община, развившаяся, выросшая, приподнятая, станетъ государственнымъ учрежденіемъ. Мы прослѣдимъ эту фазу вплоть до слѣдующей ступени, гдѣ община, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, получитъ совершенно новую форму. То будетъ самоуправленіе каторги, коллективизмъ цѣпи, сковывающей людей попарно.

Чтобы понять эти постепенныя превращеніе, необходимо изучить ближе, хотя бы и въ общихъ чертахъ, дѣйствія отдѣльныхъ колесъ машины, испытавшей на себѣ вліяніе перемѣнъ.

V.

Организація суда и законодательства.

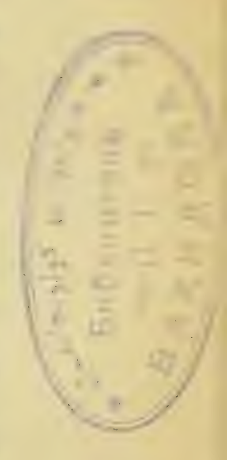
До половины XVI вѣка во всей этой области царитъ взглядъ на правосудіе, какъ на пожалованіе, на доходную статью. Фискальные агенты и уполномоченные правительства на *черныхъ* земляхъ, помѣщики на земляхъ *бѣлыхъ*—всѣ кормятся сами и кормятъ другихъ изъ того же источника. Судебные приговоры существуютъ главнымъ образомъ какъ поводъ для взысканія пошлинъ; преслѣдованіе преступленій есть преимущественно финансовая операція Если же вѣдѣніе извѣстныхъ случаевъ,—убійства или грабежа,—вездѣ при-

надлежитъ государству, то здѣсь все дѣло въ доходности. Такія дѣла приносятъ больше выгоды, и государство прибeрегаетъ лучшіе куски для себя.

Со времени Русской Правды, первая редакція которой относится къ 955 или 962 году, законодательство не подвинулось впередъ. Что касается Судебника 1497 г., то въ немъ уголовные законы занимаютъ первое мѣсто. Относительно дѣлъ по гражданскому праву законодатель ссылается, по большей части, на обычаи. Онъ едва касается отношеній и обязанностей, созданныхъ семейными узами или договорами, и совершенно проходитъ молчаніемъ всѣ другія юридическія отношенія О правахъ политическихъ онъ не говоритъ ничего или почти ничего. Мы видимъ одно лишь смутное понятіе объ опекѣ государства надъ простымъ народомъ, которое выражается въ запрещеніи лишать человѣка свободы безъ согласія государя. Законодатель озаботился главнымъ образомъ организаціей судебныхъ функцій, а организація съ его точки зрѣнія, это—подсчетъ и раскладка проторей и взысканій. Уложеніе о наказаніяхъ и приходная книга—вотъ что представляетъ собою Судебникъ 1497 года.

Въ обиліи и строгости предусмотрѣнныхъ наказаній ясно чувствуется вліяніе татарскаго ига. Русская Правда была значительно мягче; мало того: она была даже болѣе либеральной съ ея правомъ выкупа, предоставленнымъ виновному во многихъ случаяхъ. Новый кодексъ не знаетъ подобной снисходительности. Выраженія «бити кнуты, бити батоги» встрѣчаются чуть не на каждой строкѣ. Въ примѣненіи этихъ наказаній и даже во всемъ законодательствѣ ясно проведена идея равенства. Она согласуется съ демократической тенденціей кодекса, но надъ ней все же торжествуетъ противоположное ей начало обычнаго права, на которое Церковь наложила сильный византійскій отпечатокъ. Такимъ образомъ, даже сама судебная практика руководилась нормами гражданскаго права грековъ, законами Константина Великаго, Юстиніана, Льва Философа, эклогами Льва Исавра и Константина Копронима. Итакъ, если суды предназначены для крестьянина, какъ и для всѣхъ, то за равнозначущее преступленіе крестьянина повѣсятъ, а боярина только высѣкутъ или посадятъ въ тюрьму. Или скорѣе его станутъ пытать, чтобы заставить сознаться въ преступленіи. Его будутъ жечь на медленномъ огнѣ; ему переломаютъ ребра; ему будутъ вколачивать гвозди въ тѣло. И это было въ XVI вѣкѣ.

Но до XVII вѣка, отставая отъ Европы, то же законодательство будетъ поддерживать примѣненіе судебнаго поединка, также заимствованнаго изъ обычая. Новгородскій обычай допускалъ даже поединокъ между женщинами, обвиняющими одна другую, тогда какъ псковскій, болѣе рыцарскій, позволялъ слабому полу, наравнѣ съ больными, стариками и монахами, брать себѣ замѣстителей. Судебникъ Ивана IV постарался въ томъ же смыслѣ уравнять силы спорящихъ. Но въ это время судебный поединокъ уже измѣнилъ свой характеръ. Раньше онъ былъ чисто-житейскимъ средствомъ. Вотъ почему ему не придавали большой цѣны и ставили его въ числѣ способовъ добиться истины на третье мѣсто—послѣ признанія и свидѣтельскихъ показаній. Въ знакъ недовѣрія и осужденія поединка къ нему присоединялись даже присяга и вынутіе жребія въ качествѣ вспомогательнаго средства. До поединка снимали присягу, а присяга давалась по жребію.

Идея божескаго вмѣшательства существовала только въ скрытомъ видѣ. Теперь она выдвинулась и укрѣпилась. Поединокъ сталъ какъ бы судомъ Божіимъ.

Въ этомъ захотятъ увидѣть новый примѣръ обратнаго движенія по пути прогресса; но пускай вспомнятъ, что ,если ордалія и была запрещена во Франціи въ 829 году эдиктомъ Людовика, то парламентъ долженъ былъ возобновить запрещеніе въ 1400 году. И, кромѣ того, ордалія была не совсѣмъ то же. Она опиралась, главнымъ образомъ, на идею небеснаго вмѣшательства, которая только позднѣе присоединилась на Руси къ принципу простой борьбы. Послѣдняя являлась здѣсь остаткомъ варварскаго прошлаго, гдѣ всякій стоялъ за себя, и гдѣ рѣшеніе всѣхъ споровъ зависѣло отъ силы соперниковъ. Вотъ почему Церковь не поддерживала примѣненія поединка, какъ она поддерживала вездѣ разныя формы суда Божія; напротивъ, здѣсь она боролась съ этимъ обычаемъ и въ то же время старалась внѣдрить въ него религіозную идею. Она способствовала также выдѣленію изъ него второстепенныхъ моментовъ,—присяги и жребія,— и кончилось тѣмъ, что они сдѣлались независимыми средствами доказательства истины. Въ церковныхъ дѣлахъ жребій скоро вошелъ въ общее употребленіе. Приговоръ *вынимали*, какъ лоттерейный билетъ. Въ судахъ по обычному праву до XVI вѣка прибѣгали къ такимъ же пріемамъ. Генри Лэнъ, англійскій коммерческій агентъ, оставилъ намъ интереснѣйшую замѣтку о подобной процедурѣ по

поводу одной тяжбы 1560 года, въ которой онъ былъ заинтересованнымъ лицомъ.

Дѣло шло о принадлежащихъ ему шестистахъ рубляхъ, на которые одинъ костромской купецъ предъявилъ претензію. Сначала дѣло должно было рѣшиться поединкомъ, для котораго Лэнъ подыскалъ себѣ сильнаго бойца, своего соотечественника, состоявшаго, такъ же, какъ и онъ самъ, на жалованьи у англійской компаніи, основавшейся въ Россіи. Этотъ уроженецъ Великобританіи звался Романомъ Бестъ и, должно быть, находился въ родствѣ со знатной русской фамиліей Бестужевыхъ. Но костромичъ отвелъ противника, котораго онъ находилъ, конечно, слишкомъ опаснымъ. Тогда прибѣгли къ жребію. Въ присутствіи двухъ важныхъ чиновниковъ, игравшихъ роль судей, и передъ лицомъ многочисленнаго собранія обѣимъ сторонамъ было сначала предложено помириться. Потомъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не соглашалась отказаться отъ своихъ претензій, судьи, засучивъ рукава, скатали по восковому шарику, и одинъ изъ нихъ окликнулъ въ толпѣ одного изъ зрителей. «Эй, ты, въ такомъ-то кафтанѣ и шапкѣ, поди сюда». Человѣкъ подошелъ и протянулъ шапку, куда и были положены оба шарика, а другой человѣкъ, выбранный такимъ же образомъ, долженъ былъ вынуть ихъ одинъ за другимъ. Первый выигрывалъ, и случилось такъ, что повезло англичанину. Толпа разразилась кликами, убѣдившись такимъ образомъ въ правотѣ выиграннаго дѣла и въ честности англійскихъ купцовъ вообще. (Hakluyt, Collection II, 209). Легко понять, что̀ мѣшало государству вѣрить подобнымъ доказательствамъ въ дѣлахъ, гдѣ оно было заинтересовано. Поэтому оно измыслило другіе способы, между которыми *повальный обыскъ*—нѣчто въ родѣ свидѣтельской анкеты—былъ особенно въ чести во время Ивана Грознаго. Предполагалось, что гласъ народа—гласъ Божій,—принималъ въ этомъ участіе. Поэтому требовалось большое количество свидѣтельскихъ показаній. Лжесвидѣтели строго наказывались, ихъ били кнутомъ нещадно. Что же касается до письменныхъ доказательствъ, то они появились только въ концѣ XVI вѣка.

Въ гражданскихъ дѣлахъ приведеніе приговора въ исполненіе имѣло чрезвычайно странныя формы. Несостоятельный должникъ выдавался кредитору *головою*, т.-е. до уплаты долга становился его вещью, его рабомъ. Злостный банкротъ подвергаемъ былъ *правежу*. Правежъ заключался въ томъ, что упорствующаго приводили къ мѣ-

сту суда и заставляли сѣчь его по мягкимъ частямъ съ утра до вечера. Суровость и дѣйствительность такого принужденія были очень разнообразны, въ зависимости отъ подарковъ, которые обѣ стороны давали палачамъ. Кто выходилъ изъ испытанія безъ большого для себя вреда, а кого и увѣчили. Продолжительность правежа, сначала неопредѣленная, была между 1555—1628 гг. ограничена 1 мѣсяцемъ для суммы въ 100 рублей. По истеченіи этого срока должникъ выдавался кредитору. Но всегда люди знатные пользовались привиллегіей избавленія отъ правежа: они или находили себѣ замѣстителей или вовсе не являлись на судъ.

Крайняя продажность судей являлась еще болѣе серьезной помѣхой для нелицепріятнаго суда, ибо принято было относиться съ большою терпимостью къ подобнымъ злоупотребленіямъ. Взятки были формально строго воспрещены; но обычай требовалъ, чтобы, придя въ судъ, обѣ стороны клали пожертвованія къ образамъ—«на свѣчи», а на Пасхѣ всѣ должностныя лица имѣли право получать «красное яичко» съ нѣсколькими монетами въ придачу. Отецъ Грознаго, Василій, узналъ, что одинъ судья, получивъ нѣкую сумму денегъ отъ одной стороны, а отъ другой—меньшую, рѣшилъ тяжбу въ пользу болѣе щедраго изъ тяжущихся. На допросѣ судья не сталъ запираться и сказалъ себѣ въ оправданіе: «я вѣрю больше богатому, чѣмъ бѣдному—ему меньше расчета меня обманывать». Василій улыбнулся и простилъ его.

Будемъ же и мы снисходительны къ обществу, гдѣ борьба за существованіе доведена была до крайности во всѣхъ классахъ благодаря непрочному положенію всѣхъ, и постараемся отдать себѣ отчетъ въ экономическомъ режимѣ, гдѣ могъ возникнуть и существовать *правежъ*.

VI.

Экономическій строй.

Исключая уже указанные промышленные и торговые центры, Русь XVI вѣка была, какъ и теперешняя Россія, страной, главнымъ образомъ, земледѣльческой. Но обработка земли сохраняла самыя примитивныя формы и совершалась самымъ первобытнымъ способомъ. Наиболѣе производительными, съ этой точки зрѣнія, областями

считались къ сѣверу отъ Москвы земля Ярославская, а къ юго-востоку область Оки, Рязанская и Нижегородская земли. Если вѣрить Герберштейну, по берегамъ Оки урожаи давали отъ самъ-20 до самъ-30. Кромѣ того, даже на сѣверѣ, по берегамъ Сѣверной Двины, оплодотворяемымъ весенними разливами, лежали тучныя земли, дававшія богатый урожай, несмотря на суровый климатъ. Но пшеницы сѣяли очень мало. Обыкновенными продуктами были рожь, овесъ и гречиха. Они служили, главнымъ образомъ, для внутренняго потребленія. Нѣкоторыя попытки экспорта направлялись на Западъ черезъ Нарвскій портъ, позднѣе черезъ Архангельскъ, а сухопутнымъ путемъ—черезъ Польшу. Но, во всякомъ случаѣ, торговля эта не могла быть оживленною. Тогда у Европы были не тѣ потребности, какъ теперь; правительство парализовало эту отрасль, монополизируя ее, какъ и другія, да, наконецъ, вывозъ большого количества хлѣба считался вреднымъ, способнымъ разорить страну. Кромѣ того, цѣны такъ колебались въ зависимости отъ урожая, отъ большей или меньшей удаленности центра производства, отъ войнъ и другихъ кризисовъ, постигавшихъ страну, что то возрастали, то уменьшались разъ въ десять, и сбытъ на европейскіе рынки этимъ затруднялся. Но, въ общемъ, цѣны были очень низкія.

Тутъ я долженъ сдѣлать отступленіе, чтобы объяснить русскую монетную систему. Единицей былъ *рубль*, какъ и теперь (отъ слова *рубить*), заключающій сто копеекъ. Номинально этотъ рубль вѣсилъ 16 золотниковъ серебромъ; это значитъ, что онъ содержалъ благороднаго металла въ семь разъ больше, чѣмъ теперешній рубль, и англійскіе купцы цѣнили его въ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ. Но уже съ XVI вѣка эта цѣна стала постепенно падать, благодаря московской политикѣ: она уже тогда начинала проводить систему, слѣдствія которой мы видимъ теперь, когда та же единица оцѣнивается въ 2 шиллинга и нѣсколько пенсовъ. Копейки первоначально назывались *деньгами* (отъ татарскаго слова динъ—серебро); теперешнее названіе было принято около половины XVI в., когда на этой мелкой монетѣ появилось изображеніе воина, вооруженнаго *копьемъ*. Уже при отцѣ Грознаго ухитрялись обращать рубль въ 250 денегъ, а во время малолѣтства Ивана, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, число ихъ довели до 300. Тогда стало два рода рублей: новгородскій рубль сохранилъ свой первоначальный вѣсъ и стоилъ вдвое дороже московскаго. Отсюда много затрудненій при опредѣленіи действи-

тельной цѣнности предметовъ потребленія по документамъ того времени.

Мелкою монетою были тогда: *алтынъ* (отъ татарскаго слова all— шесть) монета въ 6 копеекъ; *гривна* (20 копеекъ); *полтина* или полъ-рубля (отъ слова *половина*) и мѣдныя *полуденьги* или пули (полушки). Серебряная *деньга* имѣла неправильную, слегка овальную форму, заимствованную у татаръ, какъ и самое ея имя; она была очень мала и легко терялась. Купцы при расчетѣ набирали, обыкновенно, въ ротъ по пятидесяти штукъ.

По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, Герберштейна и Флетчера, по тогдашнимъ лѣтописямъ и согласно вычисленіямъ *Рожкова* (Сельское хозяйство въ Московской Руси, М. 1899, с. 202 сл.) средняя цѣна четверти ржи (теперешняя-839 лит. 68; прежняя была вдвое меньше) въ началѣ XVI в. колебалась между низкой цѣною въ 10 к. и высокой цѣною въ 69 коп. Такъ же колебалась стоимость и остальныхъ продуктовъ. Въ среднемъ, тогдашнія цѣны находились къ теперешнимъ въ отношеніи, равномъ 51:93,9. Другими словами, рубль того времени имѣлъ покупательную силу въ 94 раза бо̀льшую а слѣдовательно, стоилъ дороже теперешняго рубля въ 94 раза. Но къ концу вѣка эта пропорція падаетъ до 20—24 и не поддается точному опредѣленію.

Цѣна на трудъ зависѣла неминуемо отъ цѣны на хлѣбъ, и въ 1598 году мы видимъ крестьянъ, которые берутъ подрядъ срубить лѣсъ, обтесать и перевезти его для постройки моста за деньгу съ половиной. *Обжа*, т.-е. пространство земли, которую одинъ человѣкъ могъ обработать съ помощью одной лошади, продавалась въ 1573 г. за 8—10 рублей. Домъ стоилъ три рубля. За четыре рубля 16 алтынъ можно было купить четыре коровы и двадцать овецъ, а лошадь за три.

Земля обрабатывалась по трехпольной системѣ: рожь, овесъ и паръ. Владѣя *обжой*, крестьянинъ сѣялъ отъ двухъ съ половиной до трехъ съ половиной четвертей ржи, столько же овса и при хорошемъ урожаѣ могъ получить до 3 рублей въ годъ. Изъ этого онъ долженъ былъ прокормиться и одѣться. Одѣться ему стоило полтину, не считая пояса и рукавицъ, необходимыхъ въ большіе холода. Итого 24 алт. 9 коп. Онъ долженъ былъ также платить налоги: отъ 75 к. до рубля, согласно исчисленію принятому на 1555 г. Это относится къ землямъ чернымъ, гдѣ жили свободные крестьяне. На земляхъ бѣлыхъ

ссуды, выдаваемыя помѣщиками на расходы по первому обзаведенію, ихъ помощь во время голода или падежей скота, дѣлали положеніе землепашцевъ болѣе сноснымъ; однако, это же самое лишало ихъ свободы. На общинныхъ земляхъ крестьяне освобождались еще большею частью при поселеніи отъ уплаты налоговъ на срокъ отъ 4 до 8 лѣтъ; но ни на что больше они расчитывать здѣсь не могли. Монастырскія земли слыли раемъ, и я уже сказалъ, почему. Однакоже, если монахи, сами не очень стѣсненные, могли быть и менѣе требовательными, то слово *страда* (отъ страдать), примѣняемое обыкновенно къ работѣ на этихъ собственниковъ, ясно говоритъ намъ, что это былъ за рай.

Я уже указалъ на одну изъ причинъ, препятствовавшихъ развитію промышленности. Знаменитый Домострой попа Сильвестра, написанный во время царствованія Ивана Грознаго (къ нему мы еще вернемся), освѣщаетъ этотъ вопросъ съ очень любопытной стороны. Промышленная дѣятельность является въ Домостроѣ приноровленной къ домоводству. Подъ кровомъ боярина этой эпохи мы видимъ цѣлую группу мастерскихъ, снабжающихъ домъ всѣмъ необходимымъ для внутренняго потребленія. Ясно, что это не оставляло никакого мѣста для независимаго развитія тѣхъ же промысловъ внѣ боярскаго обихода.

Плотничье и столярное дѣло, судостроеніе и выдѣлка мелкой домашней утвари и деревянныхъ вещей, которая въ настоящее время такъ сильно развилась и вылилась въ особую форму кустарнаго производства, были, однако, извѣстны и распространены съ очень давнихъ временъ. Козьмодемьянскъ, въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода, славился выдѣлкой сундуковъ, такъ же какъ и Холмогоры, произведенія которыхъ очень цѣнились за украшенія изъ красной и тюленей кожи. Были также въ большомъ ходу вяземскія сани и деревянныя калужскія ложки; но все это были предметы малоцѣнные. Холмогорскіе сундуки служили для перевозки товаровъ въ Москву и затѣмъ дешево продавались. Сотня калужскихъ ложекъ стоила 20 алтынъ, а вяземскія сани можно было купить за полтину.

Торговля, относительно больше развитая, не имѣла достаточно предметовъ обмѣна. Вывозились почти исключительно сырье и едва обработанные матеріалы. На первомъ мѣстѣ стояли мѣха: ими торговали съ Европой и Азіей на 500,000 р. ежегодно. Лучшіе соболя шли изъ Обдорской земли (нынѣ Тобольская губ.); мѣха бѣлыхъ медвѣ-

дей—съ береговъ Печоры, а бобры—съ острова Колы. Прекрасный соболь шелъ за 30 золотыхъ флориновъ; опушка на боярскую шапку изъ чернобурой лисицы стоила 15; но горностаевыя шкурки цѣнились тогда недорого: по 3 или 4 деньги за штуку. На второмъ мѣстѣ стоялъ воскъ, вывозимый въ количествѣ 50,000 пуд. ежегодно. Потомъ шло сало, добываемое въ большомъ количествѣ отъ 30 до 40,000 пудовъ, въ земляхъ Смоленской и Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской и Тверской. Внутреннее потребленіе этого продукта было довольно незначительно, потому что богатые люди пользовались восковыми свѣчами, а народъ жегъ лучину. Медъ, въ изобиліи поставляемый Рязанью и Муромомъ, позже Казанью, служилъ, главнымъ образомъ, для приготовленія любимаго національнаго напитка, но также и вывозился Псковомъ и Новгородомъ, Ярославлемъ и Вологдой въ количествѣ до 10,000 пуд. ежегодно. Лосиныя шкуры, которыя очень хвалитъ Флетчеръ, также покупались иноземцами. Самые крупные лоси водились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми. Быки слишкомъ мелкіе, невысоко цѣнились, какъ товаръ. Окрестности Архангельска доставляли для внѣшняго потребленія тюленій жиръ, а рыбные промыслы въ Ярославлѣ, на Бѣлоозерѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Астрахани—послѣ ея покоренія—снабжали торговцевъ въ изобиліи рыбой и икрой, уже тогда охотно раскупаемой голландскими, французскими и английскими купцами. Этотъ товаръ шелъ даже въ Италію и Испанію. Матвѣй Мѣховскій въ своемъ трактатѣ о Сарматіи (изданіе 1521 года) говоритъ о китоловномъ промыслѣ на Бѣломъ морѣ. Но было бы странно предположить, что въ то время могла быть сколько-нибудь значительной та отрасль промышленности, развить которую напрасно пытались впослѣдствіи. Вѣроятно, дѣло ограничилось утилизаціей нѣсколькихъ китовъ, выброшенныхъ на берегъ, какъ думаетъ г. Замысловскій (см. его статью въ Жур. Мин. Н. Просв., май 1882, стр. 67). Былъ постоянный спросъ за границей на нѣкоторые сорта птицъ; особенно, въ цѣнѣ были кречета. Псковскій ленъ и конопля изъ Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы находили сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ, равно какъ и соль, добываемая въ Старой Русѣ, а также смоленскій и двинскій деготь. Персія покупала моржовые клыки для цѣлей индустріи, а также для приготовленія очень извѣстныхъ тогда противоядій. Добываемая на берегахъ Двины и въ Корелахъ слюда замѣняла въ странѣ стекло и вывозилась наравнѣ съ другими

минералами: селитрой, приготовляемой въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устюгѣ, сѣрой изъ самарскихъ озеръ, желѣзомъ, доставляемымъ корельскими рудниками и изъ Каргополя съ Устюжной.

Потребляемыя, большею частью, на внутреннемъ рынкѣ, нѣкоторыя произведенія находили и внѣшній сбытъ. Татары покупали у русскихъ сѣдла, уздечки, полотна, сукна, одежду и взамѣнъ посылали азіатскихъ коней. Европейскіе купцы привозили серебро въ слиткахъ, золото, мѣдь, сукна, зеркала, кружева, ножевый товаръ, шелки, кошельки вина и фрукты; азіатскіе торговцы продавали шелковыя матеріи, парчу, ковры, жемчуга и драгоцѣнные камни. Какъ тѣ, такъ и другіе должны были сначала свезти свой товаръ въ Москву, гдѣ государь, выбравъ себѣ, что ему требовалось, давалъ разрѣшеніе продавать остальные. Дочь Петра Великаго еще пользовалась этимъ правомъ по отношенію къ продавщицамъ французскихъ модныхъ товаровъ. Купцы съѣзжались обыкновенно въ одно мѣсто, при сліяніи Волги съ Мологой; тамъ существовалъ прежде маленькій городъ—*Холопій Городокъ*—отъ котораго осталась одна церковь. Согласно преданію, городъ былъ основанъ новгородскими холопами. Сюда они бѣжали, будто бы, отъ гнѣва своихъ господъ, которые были жестоко оскорблены ими во время отсутствія, показавшагося слишкомъ долгимъ для добродѣтели ихъ супругъ. Тамъ основалась ярмарка, знаменитѣйшая во всей Россіи. Она длилась 4 мѣсяца и наполняла широкій лиманъ Мологи такимъ количествомъ судовъ, что съ одного берега на другой переходили пѣшкомъ. Купцы нѣмецкіе, польскіе, литовскіе, греческіе, италіянскіе, персидскіе тѣснились на берегу, разложивъ свои товары на огромномъ лугу, окруженномъ временными постоялыми дворами и кабаками. Насчитывали до семидесяти подобныхъ учрежденій, и сосредоточенный здѣсь торговый обмѣнъ былъ такъ значителенъ, что на долю государя приходилось ежегодно до 180 пудовъ серебра. Впрочемъ, обмѣнъ этотъ происходилъ большею частью натурой безъ употребленія денегъ. Деньги, вообще рѣдкія, захватывались не менѣе рѣдкими капиталистами и главнымъ образомъ самымъ крупнымъ скопидомомъ государства, т.-е. княземъ.

Только ярмарка на Мезени, о которой я упомянулъ выше, могла равняться съ этимъ торгомъ по оживленію и емкости своего рынка, по торговлѣ мѣхами, покупаемыми у самоѣдовъ. За желѣзный топоръ эти дикари давали столько собольихъ шкурокъ, сколько

ихъ могло пройти связанными вмѣстѣ въ отверстіе, куда вставляется ручка топора. Литовскіе купцы съѣзжались близъ одного монастыря Св. Троицы,—здѣсь идетъ рѣчь не о знаменитой Лаврѣ—построенномъ въ Смоленской области, на берегу Днѣпра.

Обмѣнъ товарами съ заграницей въ итогѣ оказывался убыточнымъ потому, что мѣстныя произведенія цѣнились очень низко, а заграничныя, напротивъ, были чрезвычайно дороги. Аршинъ (0,711420 метра) бархату, шелковой камки или атласу стоилъ рубль; кусокъ тонкаго англійскаго сукна—30 рублей; боченокъ французскаго вина—4 рубля. Золотая монета также служила предметомъ ввоза; своя чеканка не удовлетворяла спросу, и за червонцы взымалась пошлина, какъ за прочіе товары.

Очень извѣстные своей ловкостью и предпріимчивостью русскіе купцы того времени пользовались, съ другой стороны, довольно плохой славой. Иностранцы единогласно указываютъ на ихъ лукавство и недобросовѣстность и дѣлаютъ исключеніе только для новгородскихъ и псковскихъ купцовъ, хотя давнишняя слава ихъ честности также нѣсколько померкла.

Мѣстный обычай «показывать товаръ лицомъ» и привычка запрашивать за каждый предметъ чуть не вдесятеро, если покупатель выглядитъ наивнымъ или богатымъ, имѣли очень широкое распространеніе. Оптовые торговцы брали съ собой нерѣдко опытныхъ людей, а эти старались (обычно) поживиться насчетъ обѣихъ сторонъ. Иностранцы замѣчали, что чѣмъ чаще призываетъ купецъ Господа во свидѣтели своей честности, тѣмъ больше риску быть ограбленнымъ. Было весьма обычнымъ дѣломъ обмануть покупателя относительно качества, вѣса и происхожденія товара, продать ему поддѣлку или подмѣнить при покупкѣ одинъ предметъ другимъ.

Намъ извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовались иностранные торговцы на русскихъ рынкахъ, гдѣ съ XV в. создалось нѣчто въ родѣ привиллегій для различныхъ нѣмецкихъ, фламандскихъ и голландскихъ фирмъ, занимавшихся ввозомъ и вывозомъ. Правда, такое положеніе вещей существовало до той поры, когда возникла настоящая монополія англійскихъ купцовъ. Но, во всякомъ случаѣ, это преобладаніе иностранцевъ въ значительной степени объясняется пороками русской торговли, хотя нельзя сказать, чтобы иностранцы сами были имъ вполнѣ чужды. Герберштейнъ признается, что нерѣдко

имъ случалось продавать за 12 дукатовъ то, что на самомъ дѣлѣ стоило одинъ или два.

Русскій человѣкъ смотрѣлъ на торговлю, какъ на войну, гдѣ допустимы, почти необходимы всевозможныя хитрости. Онъ былъ невѣжественъ и подвергался обману не рѣже, чѣмъ обманывалъ самъ. Его грабило собственное правительство, которое не блюло его интересовъ и нисколько о немъ не заботилось. Тѣ же иностранцы, которые называли его поступки нечестными, сами слѣдовали его примѣру въ ущербъ ему.

Налоги и помѣхи всякаго рода, которые жадные и неумѣлые правители налагали на его промышленность, все увеличивались. Государство раздѣлялось на маленькія торговыя области, облегавшія на 10—20 верстъ какой-нибудь центръ—городъ или деревню. Въ границахъ каждой изъ этихъ областей торговый обмѣнъ допускаемъ былъ только въ главномъ пунктѣ, чтобы не пропадали *пошлины*. Безчисленныя и огромныя, эти пошлины увеличивались еще системой внутреннихъ преградъ, дававшей полный просторъ злоупотребленіямъ и вымогательству всякаго рода. Раньше, чѣмъ достигнуть рынка, товаръ долженъ былъ пройти сквозь тиски безчисленныхъ поборовъ—дорожныхъ заставъ, рѣчныхъ пошлинъ, таможенъ при въѣздѣ въ каждый городъ. Если городъ стоитъ на берегу рѣки—нужно платить налогъ при нагрузкѣ и разгрузкѣ. Если на площади есть гостиный дворъ, купецъ обязанъ тамъ остановиться, заплативъ установленный сборъ. Платили за право въѣзда и за право выѣзда; платили за амбаръ и за каждый предметъ, проданный оттуда: если продана лошадь—пошлина за тавро и за запись. Если проданъ пудъ соли—пошлина за вѣсъ.

Представьте себѣ, что крестьянинъ привезъ на рынокъ продуктъ своей жалкой промышленности. Чтобы выручить рубль, надо продать не мало: лошадь, или двѣ коровы, или 20 гусей, или десять барановъ, или нѣсколько десятковъ четвертей ржи, или четверо саней. А онъ уже истратилъ отъ 10 до 8 денегъ дорогой,—т. е. больше, чѣмъ онъ выработаетъ въ день. А если продастъ свою лошадь, то истратитъ еще 15.

Подобная система вовсе не является особенностью только этой страны. Она входила въ обычное право Франціи, когда еще тамъ сохранялись остатки феодальной финансовой системы—не менѣе требовательной и стѣснительной. Тогда древній telonium, превратившійся въ tonlieu, какъ vinagrum въ vientrage обиралъ купцовъ при

проѣздѣ черезъ всякую территорію. Въ 1567 г. насчитывали отъ ста до полутораста таможенныхъ заставъ по теченію одной только Луары, Какой-нибудь ящикъ съ галантерейнымъ товаромъ, везомый изъ Парижа въ Руанъ и оплаченный при выѣздѣ ярмарочнымъ сборомъ, платилъ въ Севрѣ, платилъ въ Нёльи, въ Санъ-Дени, въ Шату, въ Пекъ, въ Мезонъ, въ Конфланѣ, въ Пуасси, въ Тріелѣ, въ Мёланѣ, въ Мантѣ, въ Рошъ-Гюйонъ, въ Вернонѣ, въ Андели, въ Понъ-де-Ларшѣ, на мосту въ Руанѣ. Если же онъ предназначался въ Англію, то за него надо было еще платить уже въ самомъ Руанѣ, такъ называемые, «droits de vicomte», «droits de rêve» и «de haut passage», не считая еще оплаты оффиціальнаго разрѣшенія на погрузку, а также фрахтовъ, вознагражденія лоцману и т. д.

Впрочемъ, во Франціи Людовикъ XI уже пытался сократить количество этихъ поборовъ, число которыхъ возросло неимовѣрно во время анархіи, сопровождавшей столѣтнюю войну. Она и была, въ сущности, послѣдствіемъ этой анархіи. Въ Московскомъ государствѣ то же явленіе было результатомъ особой системы, которая развивалась и осложнялась соотвѣтственно растущимъ нуждамъ и требованіямъ самого государства. Въ довершеніе всего, она еще перегружалась массою дополнительныхъ правилъ, вытекавшихъ изъ дикихъ экономическихъ понятій того времени. Какой-нибудь литовскій купецъ, который привезъ въ Москву сукно и обмѣнялъ его на соотвѣтственное количество воска, съ придачей кое-какихъ серебряныхъ бездѣлушекъ, подвергался конфискаціи товара. Это потому, что купля-продажа драгоцѣнностей была тогда запрещена.

Страдала торговля и отъ бѣдности, которая царила въ городахъ того времени. Города строились, обыкновенно, изъ дерева, мостились тоже деревомъ—если только у нихъ была мостовая,—и горѣли, въ среднемъ, по разу въ десять лѣтъ. Послѣ пожара 1541 г., который уничтожилъ въ Новгородѣ весь славянскій конецъ—908 домовъ—во время другого пожара въ 1554 году полторы тысячи жилищъ становятся жертвою пламени. Одна изъ лѣтописей города,—а именно вторая—представляетъ собою только перечень этихъ періодическихъ несчастій. Никакихъ предосторожностей не принималось для предотвращенія этого зла. Только въ 1560 году догадались поставить близъ печей кадки, наполненныя водой, да устроить багры, которые и до сихъ поръ можно видѣть въ русскихъ деревняхъ, около избъ, всегда угрожаемыхъ пожаромъ. Въ 1570 будетъ прибавлено запрещеніе топить

лѣтомъ бани и даже печь хлѣбъ иначе, какъ въ печахъ, устроенныхъ внѣ дома.

Прибавьте къ этому плохое состояніе дорогъ въ странѣ, которая за неимѣніемъ матеріала принуждена и въ наши дни обходиться безъ шоссе. Изъ порта Св. Николая на Бѣломъ морѣ, куда пристали англичане,—до Вологды, гдѣ они открыли свою первую контору, было четырнадцать сутокъ ѣзды водою, 8 дней по зимнему пути, а лѣтомъ еще долго эта дорога останется непроѣздной. Изъ Вологды въ Ярославль считалось два дня и 30 изъ Ярославля въ Астрахань, опять водою. Изъ Новгорода въ Нарву по пути, чрезвычайно важному для внѣшней торговли, сухопутныя дороги представляли собою тропинки, вьющіяся по лѣсамъ и болотамъ. Гостинницъ не было, деревни попадались рѣдко. Между Москвою и Новгородомъ простиралась пустыня, а между Москвою и Вильною проѣхать лѣтомъ было чрезвычайно трудно. Единственная дорога, болѣе или менѣе, удобная во всѣ времена года и проходившая по довольно населенной странѣ, соединяла Псковъ съ Ригою, на западной границѣ. Поэтому большіе транспорты товаровъ шли лѣтомъ исключительно водою, а зимой по окрѣпшему снѣгу. Между Ярославлемъ и Москвою было тогда не рѣдкостью встрѣтить обозъ въ 700 или 800 саней, нагруженныхъ зерномъ или рыбой. Считалось предпочтительнымъ отправляться въ дорогу въ большомъ числѣ, изъ страха передъ вооруженнымъ нападеніемъ, что случалось нерѣдко. Безопасности не было нигдѣ: на востокѣ татары дѣлали безпрестанные набѣги, убивали или грабили путниковъ; на югѣ гуляли казаки, а лихіе люди—вездѣ. На Волгѣ шайки разбойниковъ не боялись даже военныхъ экспедицій, устраиваемыхъ изъ году въ годъ, чтобы положить границы ихъ дерзости.

Иностранные путешественники отмѣтили одно обстоятельство, которое поражаетъ среди всего того, о чемъ я упоминалъ: именно, превосходную организацію ѣзды на почтовыхъ. Отъ Новгорода до Москвы, когда дорога была хороша, т.-е. зимою, 542 в. дѣлали въ 72 часа по очень низкой оплатѣ—шесть коп. въ часъ—и на станціяхъ всегда было сколько угодно лошадей. Въ пути загнанную лошадь тотчасъ же замѣняли новой: ее оставляли и брали свѣжую въ первой деревнѣ или у перваго встрѣчнаго. Царская служба! Достаточно было имѣть подорожную, выданную подлежащей властью, чтобы пользоваться подобными правами. Правда, лѣтомъ картина мѣнялась. Лошади были на пастбищѣ или на работѣ въ полѣ, и проходили часы

прежде нежели можно было добиться нужной упряжки. Но въ это время года пользовались предпочтительно водными путями, на которыхъ были и лодки, и гребцы на той же царской службѣ.

Это было наслѣдіемъ татарскаго ига, обязаннаго частью своихъ поразительныхъ успѣховъ удивительной быстротѣ и техническому совершенству своихъ средствъ передвиженія. Не слѣдуетъ забывать, что во Франціи почтовая служба была организована лишь въ 1464 г. по эдикту Людовика XI—да и то съ исключительно политической цѣлью, для королевской почты. Россія всегда была страною сюрпризовъ.

Но это единственное преимущество не искупало въ XVI вѣкѣ другихъ недочетовъ, которые парализовали развитіе экономической жизни. Въ 1553 г. во Псковѣ было похоронено на кладбищахъ 25,000 труповъ, не считая неизвѣстнаго количества гнившихъ безъ погребенія за городомъ. Это было во время чумы, такого же постояннаго бѣдствія, какъ и пожары. Въ 1565 г. весною чума свирѣпствовала въ Лукахъ, Торопцѣ и Смоленскѣ, а въ Полоцкѣ—осенью. На слѣдующій годъ она валитъ народъ въ Новгородѣ, Старой Русѣ, опять Псковѣ, Можайскѣ и въ самой Москвѣ. Съ чумою,—или до ея появленія, или съ нею вмѣстѣ,—какъ въ 1570 г., шелъ голодъ. Средства борьбы съ этимъ бѣдствіемъ были такъ же ужасны, какъ и оно само. Въ 1851 г. изъ Новгорода выгоняли псковскихъ купцовъ, которыхъ считали зараженными, а тѣхъ, кто сопротивлялся, сжигали. Жгли также и священниковъ, рѣшавшихся посѣщать больныхъ.

Собственно говоря, голодъ былъ нормальнымъ мѣстнымъ явленіемъ. Англичанинъ Дженкинсонъ, ловкій коммерсантъ и проницательный наблюдатель, говорилъ о 24 лицахъ, которыя въ короткое время умерли на его глазахъ отъ недостатка пищи, т.-е. *небольшого количества соломы*: оказывается, зимой сушеная и молотая солома служила питаніемъ большому количеству жителей, привыкшихъ лѣтомъ кормиться травой, корнями и древесной корой. Иностранецъ указываетъ по этому поводу на безсердечіе русскихъ людей: равнодушно смотрѣли они на гибель себѣ подобныхъ, падающихъ и умирающихъ на улицѣ отъ истощенія. Эту черту мы находимъ вездѣ, гдѣ нищета, сдѣлавшись обычнымъ явленіемъ, ожесточаетъ сердца. Въ XVI вѣкѣ богатство, даже просто довольство въ этой странѣ—только исключительное явленіе.

На ряду съ монастырями только одинъ родъ—Строгановыхъ,—является обладателемъ значительнаго состоянія. Флетчеръ считаетъ

за нимъ 300,000 р. чистыми деньгами; кромѣ этого ему принадлежали огромныя земельныя владѣнія, обработанныя поля, простиравшіяся отъ Вычегды до границъ Сибири, и промышленныя предпріятія, гдѣ насчитывалось до 10,000 рабочихъ по найму и до 5,000 крѣпостныхъ. Они платятъ государству 23,000 р. налоговъ, но государство чуть не разоряетъ ихъ, требуя все больше. Благодаря этой системѣ Строгановы и являются исключеніемъ. Правительство и Церковь, двуликій Ваалъ, пожираютъ все, сосутъ національное богатство и истощаютъ его источники: правительство своими поборами, Церковь—лихвенными процентами по ссудамъ.

Всѣ въ долгу, и наиболѣе бѣдные уплачиваютъ проценты своимъ трудомъ, который такимъ образомъ является потеряннымъ для общей экономіи и для общественнаго богатства. Формула, по которой мужчина и женщина, а часто и цѣлая семья вмѣстѣ съ дѣтьми, обязываются «за ростъ служити вдвое во вся дни» дѣлается общеупотребительной въ долговыхъ обязательствахъ, число которыхъ все растетъ.

Уже отмѣченная мною выше рѣдкость монеты есть показатель всеобщей бѣдности. По свидѣтельству Гваньино бѣличьи шкурки служили при платежахъ до конца этого вѣка, да и Петръ Великій еще платитъ своимъ чиновникамъ такимъ способомъ. Между тѣмъ, въ XVI вѣкѣ чеканка монеты была свободна, и государство контролировало только вѣсъ и пробу. Нѣкоторые чеканщики получали разрѣшеніе класть свое имя на монеты. Очень принято было употребленіе серебряныхъ слитковъ, и примитивныя новгородскія моѳеты, точныя снимки съ которыхъ Шодуаръ далъ намъ въ своемъ трудѣ (Aperçu sur les monnaies russes, 1836) были также только слитками. Привычка смотрѣть на серебро и золото, какъ на товаръ, надолго запечатлѣлась въ умахъ. Но благороднаго металла нехватало. Правда, вопреки утвержденію Павла Іовія (Pauli Jovii Descriptiones 1571) въ русскомъ государствѣ были рудники; въ 1482 г. уже Иванъ III просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать ему инженеровъ для эксплуатаціи рудниковъ. Наконецъ, въ 1491 г. серебряныя розсыпи были открыты на берегахъ Цыльмы, притока Печоры. И все же, добыча серебра была очень незначительна, и Русь въ этомъ отношеніи была въ зависимости отъ заграницы. Что касается золота, то въ обращеніи были только иностранныя монеты,—венгерскіе, голландскіе, польскіе, флорентинскіе дукаты, англійскіе shiffs-nobles и roses-nobles; а, между серебряными,—голландскіе флорины, нѣмецкіе талеры,

такъ называемые *ефимки* (Joachims Thaler), а также англійскіе шиллинги. Количество золотой монеты было такъ ограничено, что каждое обстоятельство, повышавшее на нее спросъ—свадьба или крестины въ царствующемъ домѣ, отправка заграницу посольства—поднимало сразу ея цѣну, иногда чуть не вдвое. По случаю свадебъ и крестинъ было въ обычаѣ, чтобы государь принималъ въ подарокъ червонцы отъ бояръ и представителей сословныхъ учрежденій, а посланники нуждались въ деньгахъ, для представительства, даже въ Польшѣ.

У государя было всегда не мало денегъ въ подвалахъ. Онъ былъ очень богатымъ владыкой весьма бѣдной страны. Онъ ослѣплялъ всѣхъ, даже Западъ своей роскошью. Впрочемъ, невозможно получить вполнѣ опредѣленное понятіе о степени этого богатства и о способахъ его пріобрѣтенія. Поэтому и я ограничусь очень краткими указаніями на этотъ счетъ.

VIII.

Финансы.

У насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на бюджетъ Московскаго государства до конца XVI вѣка. Во время царствованія сына Ивана IV Флетчеръ опредѣляетъ доходъ государства въ 1.400,000 р.; сюда относятся 400,000 прямыхъ налоговъ и 800,000 косвенныхъ. Судя по документамъ, которые дошли до насъ отъ царствованія Алексѣя, эти цифры, повидимому, приближаются къ истинѣ и указываютъ на среднюю сумму дохода въ 1.200,000 р. для эпохи Грознаго. Въ ту пору въ Англіи прямыхъ налоговъ не существовало, налоги на съѣстные припасы приносили не больше 140,000 кронъ, и весь доходъ Генриха VIII не превышалъ милліона кронъ. Тогдашній рубль стоилъ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ, и, такимъ образомъ, Иванъ IV требовалъ со своего народа почти вчетверо больше того, что получалъ Генрихъ VIII со своего (Philippson, Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, 1882, p. 59).

На самомъ дѣлѣ, Иванъ имѣлъ гораздо больше. Главнымъ рессурсомъ московскаго государя была земля, раздаваемая «служилымъ людямъ» и оплачивавшая самыя насущныя потребности государства, т.-е. содержаніе арміи и администрацію. Такимъ образомъ, государь могъ копить деньги. Правда, военные припасы и жалованье нѣ-

сколькимъ отрядамъ, составлявшимъ ядро регулярнаго войска стоили, довольно дорого. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, это поглощало три четверти доходовъ. Но по крайней мѣрѣ одна четверть откладывалась. Въ самомъ дѣлѣ, для содержанія своего двора великій князь, какъ и всѣ другіе европейскіе государи, могъ пользоваться личнымъ достояніемъ—вотчиной. Сюда относились 36 городовъ съ деревнями и селами, къ нимъ принадлежащими. Кромѣ денегъ, они доставляли хлѣбъ, скотъ, рыбу, медъ и сѣно. Все это, конечно, не потреблялось однимъ дворомъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, а служило предметомъ довольно значительной торговли. Иванъ IV получалъ отсюда 60,000 р. побочныхъ доходовъ, а его болѣе экономный преемникъ—до 230,000.

Въ общихъ чертахъ, этотъ порядокъ вещей сохранился до нашего времени. Онъ составлялъ неотъемлемую часть того строя, который выдержалъ вѣковое испытаніе. Странѣ, достаточно покорной, чтобы приспособиться къ нему, этотъ порядокъ обезпечилъ—если не благосостояніе, то по крайней мѣрѣ матеріальное величіе и могущество,—громадную силу концентраціи и способность внѣшняго роста. Остается выяснить себѣ, однако, чѣмъ обусловливалась столь удивительная покорность русскаго народа.

Можетъ быть, намъ это удастся, если мы постараемся проникнуть въ духовную жизнь націи, совершившей столько великаго съ такими ничтожными средствами *).

---

*) По вопросу общеполитической организаціи—*К. Аксаковъ*, Сочиненія, т. I; *Дмитріевъ*, Сочиненія, т. I. — По вопросу о Боярской Думѣ — *Ключевскій*, Боярская Дума, 1883; *Сергѣевичъ*, О. с. т. II; *Загоскинъ*, Исторія права Моск. гос., 1877; *Владимірскій - Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русск. пр., 1887; *его же*, Обзоръ исторіи русск. пр., 1890. Источники: Полное собраніе русскихъ лѣтописцевъ. Оно вышло въ различныхъ изданіяхъ и печатается съ 1846 г. Въ первомъ выпускѣ—такъ-наз., Никоновская лѣтопись, Царская Книга, Львовская лѣтопись, такъ наз., Нормандская, а также отрывокъ изъ русской лѣтописи; всѣ эти источники представляютъ собою не что иное, какъ транскрипцію оффиціальной лѣтописи, ведшейся во время царствованія Ивана IV, сначала подъ наблюденіемъ Адашева, затѣмъ Ивана Висковатаго и впослѣдствіи затерянной. Первая и вторая Новгородская лѣтописи и первая лѣтопись Псковская даютъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Этимъ почти исчерпываются бывшіе въ нашемъ распоряженіи русскіе источники, относящіеся къ этой части исторіи, если къ нимъ прибавить Исторію Ивана IV *Курб-*

скаго, лѣтопись Александра Невскаго, послужные списки и писцовыя книги той эпохи, сохранившіяся въ архивахъ. — По исторіи мѣстничества: *Маркевичъ*, Ист. мѣстничества, 1888; M. Kovalevski, Modern customs and ancient lows of Russia, 1891; *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей, 1872; *Ждановъ*, Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора, 1551, въ Журн. М. Н. Пр., 1876. Разрядная Книга 1559 г. была опубликована въ 1 ч. Симбирскаго Сборника.— По исторіи служилыхъ людей: *Ключевскій*, литогр. Курсъ Русской исторіи, т. I; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 1868. — По исторіи русской общины: *К. Аксаковъ*, Сочиненія, т. I; *Сергѣевичъ*, О. с. III, стр. 408 и сл.; *Милюковъ*, Очерки по ист. русск. культуры, I; *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877, и Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія въ Россіи, въ Ист. Библ. 1870; *Блуменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, 1855; *Чичеринъ*, Опыты по исторіи Русскаго права; *Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни 1884, и пользующіяся общей извѣстностью работы *Гакстгаузена*, *Маурера*, *Фюстель де Куланжа*, *Леруа-Болье* и др. По вопросу о судебной организаціи уже упомянутыя сочиненія *Дмитріева* и *Сергѣевича*. — По жизни экономической: *Карамзинъ*, Ист. Гос. Россійскаго, т. VII, гл. IV; т. X гл. IV; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества..., 1869; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VII; *Рожковъ*, Сельское хозяйство въ Моск. Руси, 1899. — Источники: *Герберштейнъ*, Rerum Mosc. Commentarii, 1571 (сравн. съ очеркомъ о Герберштейнѣ *Замысловскаго*, въ Журн. М. Н. Пр., 1882, май); Путешествіе *Дженкинсона* въ кол. Hakluyt; Акты Археогр. Экспедиціи, I и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная жизнь.

I. Причины слабости. — II. Умственныя теченія. — III. Литература. — IV. Искусство. — V. Преобразовательное движеніе.

I.

Причины слабости.

Монголовъ, наводнившихъ русскую землю въ XIII вѣкѣ, обыкновенно обвиняютъ въ преступленіи противъ цивилизаціи. Они, яко бы, являются причиной разрыва Руси съ Западомъ: они вызвали внезапную остановку въ ея культурномъ развитіи. Я долго раздѣлялъ всеобщее заблужденіе и безъ смущенія сознаюсь въ этомъ: все говоритъ въ пользу столь распространеннаго предразсудка, а исторія татарскаго нашествія такъ темна! Однако, впослѣдствіи меня прежде всего поразило одно свидѣтельство противоположнаго характера. Особенно убѣдительнымъ оно казалось потому, что исходило отъ выдающагося представителя національной церкви; а мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, до XVIII вѣка интеллектуальная жизнь страны была исключительно сосредоточена въ этомъ центрѣ.

«Судя по тому, какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ $2^1/_2$ столѣтія до монголовъ,—пишетъ арх. Макарій въ своей «*Исторіи Русской церкви*» (V, 258),—думаемъ, что оно едва-ли подвинулось-бы впередъ и въ два послѣдующихъ столѣтія... хотя бы монголы къ нимъ не приходили... Повторяемъ, Монголы отнюдь не препятствовали нашему духовенству,—особенно въ монастыряхъ, заниматься наукой,—если-бы сами русскіе этого хотѣли...»

Новѣйшія изслѣдованія разрушили, съ другой стороны, представленіе о волнѣ варваровъ, будто бы нахлынувшей во время нашествія татаръ на начатки европейской культуры. Вовсе не были такими

варварами соратники Батыя и его полководца Суботая. Это прекрасно доказалъ г. Леонъ Каёнъ (Cahun) въ своей книгѣ, которая является въ нѣкоторомъ родѣ открытіемъ («Introduction à l'histoire de l'Asie», 1896, p. 343. suiv). Монголы были первостепенными стратегами и превосходными организаторами. Они являлись достойными представителями той цивилизаціи, которая меньше нежели черезъ столѣтіе привела въ восхищеніе въ Самаркандѣ пословъ Генриха Кастильскаго (1405) и распространила во всей Европѣ употребленіе астрономическихъ таблицъ, составленныхъ извѣстнымъ Улугъ-Бекомъ. Кромѣ того татары вовсе не были нарочитыми разрушителями,—конечно, исключая случаевъ военной необходимости. Такъ же мало были они и притѣснителями, если дѣло не касалось ихъ фискальныхъ требованій. Наконецъ, по самой численности своей, они не могли наводнить страну; легенда о нахлынувшемъ потокѣ татаръ есть лишь мелодраматическая выдумка: Суботай побѣждалъ вездѣ съ очень небольшимъ составомъ войска, но всегда оно было очень подвижнымъ, хорошо вооруженнымъ и шло подъ превосходной командой.

Повидимому, вездѣ монгольскій завоеватель нашелъ однѣ развалины, разлагающееся государство, страну, уже отъединенную отъ Европы. Какъ въ политическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи, она жила почти въ полномъ одиночествѣ. Какъ извѣстно. Ярославъ (1016—1054) выдалъ свою сестру за Казимира Польскаго, одну изъ своихъ дочерей за короля Венгерскаго, другую—за Норвежскаго, а третью—за Генриха I Французскаго. Послѣ него ни одинъ подобный бракъ не продолжилъ традиціи великаго кіевскаго князя. Его преемники спорили изъ-за наслѣдства; и уже въ 1169 г. Кіевъ былъ разрушенъ другими варварами, которые пришли не изъ Азіи. Незначительные удѣльные князья всѣ наперерывъ старались овладѣть Кіевомъ съ помощью огня и меча. Правда и то, что, благодаря своему духовному союзу съ Византіей, эта Русь, истерзанная и разоренная своими собственными дѣтьми, можно сказать, была прикована къ трупу. Она была связана съ греческой наукой, но осужденіе античной культуры, закрытіе старинныхъ школъ, вліяніе восточныхъ идей лишали эту науку свободы изслѣдованія, т.-е. существеннаго условія прогресса. Современники Фотія (891) приписывали знанія патріарха колдовству одного пажа-еврея, а Леонъ Грамматикъ смѣшивалъ науку архіепископа Ѳеодора съ вызываніемъ тѣней умершихъ. Все свидѣтельствовало о послѣдней степени культурнаго

упадка. Греческая исторіографія сводилась къ собиранію легендъ. Преподаваніе философіи было запрещено, вся умственная жизнь сосредоточилась въ сферѣ религіозной полемики. Съ XII вѣка восточные монастыри уже не въ силахъ использовать научные матеріалы, которыми они располагаютъ.

Умственное одиночество православной Россіи было прямымъ слѣдствіемъ ея родства съ византійской Alma mater. Изъ двухсотъ сорока русскихъ писателей, появившихся до конца XVIII вѣка, если только не считать юго-западныхъ католиковъ, 190 были монахами, 20 священниками и тридцать остальныхъ авторами сочиненій, посвященныхъ, въ большинствѣ случаевъ, религіознымъ вопросамъ. Такимъ образомъ литература и наука были почти исключительно церковными. Уже въ XIII вѣкѣ церковь представляла собою замкнутый, непроницаемый міръ. Православіе запрещало всякое общеніе съ иновѣрцами; не даромъ существовалъ обычай у русскихъ государей мыть руки послѣ аудіенціи, данной иностраннымъ посламъ,—что такъ оскорбляло Поссевина при дворѣ Грознаго. Присоединенніе ставленника Византіи, митрополита Исидора, къ Флорентійской уніи и взятіе Константинополя турками еще увеличили духовное одиночество Руси. Теперь подозрѣнія сталъ вызывать уже самъ православный Востокъ, а торжество Ислама казалось какъ бы заслуженной карой Византіи. Къ этой эпохѣ относится зарожденіе и быстрое распространеніе преданія о дѣятельности св. Андрея на Руси; оно подтверждало мнимую древность и независимость русскаго православія. Въ умахъ возникала идея національной вѣры, которая соотвѣтствовала бы самобытнымъ чертамъ славянскаго духа.

А, между тѣмъ, національная Церковь не только не сіяла новымъ блескомъ, а все больше и больше погружалась во мракъ. Къ концу XV вѣка не оставалось и слѣда школъ, существованіе которыхъ при древнѣйшихъ монастыряхъ подтверждалось раньше многими свидѣтелями. Въ началѣ слѣдующаго вѣка св. Геннадій, архіепископъ новгородскій, съ грустью отмѣчаетъ, что лица, посвящаемыя имъ во священники, не умѣютъ ни читать, ни писать. Устное поученіе также отсутствуетъ, каѳедра безмолствуетъ, и, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, изъ десяти вѣрующихъ едва ли одинъ сумѣетъ прочесть Отче нашъ. Вѣкомъ позже, въ 1620 г., шведскій ученый Ботвидъ серьезно обсуждаетъ вопросъ о томъ, христіане ли русскіе!

Положимъ, монастыри продолжаютъ собирать книги. Кое-гдѣ были даже библіотекари. Но чтеніе стало удѣломъ горсти избранниковъ. Чтеніе становится наукой, и мало-по-малу вся мудрость уже заключается въ немъ. Читать какъ можно больше, даже заучивать наизусть прочитанное—развѣ это не все, что только можно сдѣлать? Ученаго называютъ *книжникомъ*. Но какія же книги знаетъ онъ? Въ монастырскихъ библіотекахъ почетное мѣсто отведено апнокриѳамъ: Завѣщанію Моисея, Видѣнію Исаака... Они пользуются уваженіемъ наравнѣ съ каноническими книгами. Максимъ Грекъ, призванный въ началѣ XVI в. съ Востока для исправленія церковныхъ книгъ, первый возсталъ противъ убѣжденія, будто солнце не садилось втеченіе недѣли послѣ воскресенія Христова. Такъ же возражалъ онъ и противъ разсказа о ехиднѣ, сторожившей завѣщаніе Адама на берегу Іордана. Передъ нами каталогъ Троицкой библіотеки XVII вѣка. Древняя литература въ ней представлена 411 манускриптами. Это почти та же цифра, что мы находимъ въ Glastonbury въ XVI столѣтіи. Но какая разница въ составѣ! Въ Glastonbury на первомъ мѣстѣ стоятъ римскіе классики, историки и поэты; въ Троицѣ мы насчитываемъ 101 библію, 46 книгъ литургическихъ, 58 собраній Отцовъ Церкви, 17 книгъ по церковному праву и только одинъ философскій трудъ Аскетическихъ произведеній больше всего. До XVIII вѣка писатели греческой и латинской древности останутся неизвѣстными для русскихъ читателей. Между свѣтскими сочиненіями любимыми являются хроники. Но какія хроники! Хроника Малалы съ цитатами изъ стиховъ Орфея; еще болѣе распространенная хроника Георгія Амартолы съ подробнымъ описаніемъ одеждъ нѣкоего іудейскаго священника, идущаго навстрѣчу Александру Македонскому... Въ географіи и космографіи авторитетами считаются Георгій Писсидесъ и особенно Косьма Индикопловъ. Его заключенія о размѣрахъ земли на основаніи формы Моисеевой скиніи не встрѣчаютъ ни малѣйшаго недовѣрія, и поученія, перемѣшанныя съ данными апокрифовъ, соединяющія идеи Птоломея и Аристотеля съ бреднями манихейцевъ и гностиковъ, распространяютъ самыя нелѣпыя понятія. Въ философіи придерживаются ученія Іоанна Дамаскина и его теоріи о наукѣ, сведенной къ любви къ Богу. Но до XVIII вѣка, на ряду съ произведеніями умозрительными, т.-е. Твореніями св. Василія Великаго или Діонисія Ареопагита, книгою изъ книгъ будетъ *Пчела*, несвязная компиляція. Здѣсь и тексты изъ Св. Писанія, и извлеченія изъ Отцовъ

Церкви, и отдѣльныя мысли, взятыя у Аристотеля, у Сократа, у Эпикура, у Діодора, у Катона. Словомъ, настоящая литературная окрошка!

Подъ вліяніемъ такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ познаній предсказаніе затменій считается колдовствомъ. Книги *математическія*— а подъ ними подразумѣвается ариѳметика, астрономія, географія и музыка,—запрещены, какъ нечестивыя. *Книжникъ* замкнутъ въ заколдованномъ кругѣ, куда не проникаетъ свѣтъ европейской науки, и гдѣ онъ топчется на мѣстѣ, вдали отъ движенія, уносящаго его западныхъ сосѣдей.

Въ XVI вѣкѣ, правда, лучъ свѣта и дыханіе жизни проникаетъ и въ эту темницу. Максимъ Грекъ, албанскій монахъ, учившійся въ Греціи и Италіи,—уже, въ нѣкоторомъ родѣ, европеецъ. Правда, онъ ограничилъ свою литературную и научную дѣятельность вопросами вѣры и морали. Но все же онъ принесъ на ногахъ своихъ хоть немного пыли изъ Милана, Флоренціи, Венеціи, Феррары и особенно изъ Падуи. Здѣсь великая борьба между послѣдователями Платона и Аристотеля, т.-е. теченіе, которое вело образованныхъ людей къ подражанію язычеству и къ нападкамъ на средневѣковую теологію, не могла не затронуть Максима Грека. Онъ зналъ въ Венеціи знаменитаго печатника Альда Мануція, а во Флоренціи прикасался къ еще горячему пеплу отъ костра Саванаролы. Онъ имѣлъ представленіе о важномъ научномъ значеніи Парижа. Все это не мѣшаетъ ему, однакоже, быть совершенно лишеннымъ того критическаго смысла, который является главнымъ двигателемъ интеллектуальной жизни Запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Максимъ Грекъ былъ проникнутъ абсолютнымъ недовѣріемъ къ свѣтской литературѣ. Вотъ почему онъ запрещаетъ появившійся въ то время русскій переводъ Луцидарія. Это произведеніе XII вѣка приписывалось св. Ансельму Кентерберійскому или Гонорію Отенскому: нѣкоторые вопросы физики и космографіи трактовались здѣсь, болѣе или менѣе, разумно. Максимъ Грекъ не хочетъ допустить эту книгу въ библіотеки, откуда изгнаны греческіе и латинскіе классики.

Образовалась цѣлая легенда вокругъ собранія этихъ классиковъ, которые вмѣстѣ съ большимъ количествомъ другихъ свѣтскихъ произведеній и нѣсколькими европейскими манускриптами, хранились будто бы въ самомъ московскомъ Кремлѣ съ XV вѣка. Обнаруженное для русскихъ изысканіями двухъ иностранныхъ ученыхъ, Клоссіуса

(1834) и Тремера (1891), предполагаемое существованіе этой библіотеки еще въ недавнее время (1892 г.) возбудило полемику въ печати. Были даже предприняты раскопки на мѣстѣ стараго дворца. Но онѣ дали только отрицательные результаты. Ніенштедтъ, ливонскій лѣтописецъ, былъ первымъ авторомъ разсказа объ этой библіотекѣ. За нимъ профессоръ дерптскаго университета Дабѣловъ составилъ въ 1820 г. каталогъ ея, потомъ навсегда исчезнувшій. Были они мистификаторами или жертвами обмана—неизвѣстно, но, очевидно, что само преданіе не имѣетъ никакой реальной основы. Впрочемъ, еще гораздо раньше подобная же басня приписывала московскимъ государямъ обладаніе византійскими рукописями, которыя, будто бы, императоръ Іоаннъ помѣстилъ въ вѣрное мѣсто наканунѣ взятія Константинополя. Вслѣдствіе этого кардиналъ Санъ-Джіорджіо поручилъ въ 1600 году греку Петру Аркудіусу, котораго онъ прикомандировалъ къ польскому посольству, провѣрить такой слухъ. Конечно, онъ также оказался невѣрнымъ, вымышленнымъ во всѣхъ частяхъ. Правда, Иванъ IV и его предшественники владѣли кое-какими книгами и рукописями. Однако, до конца XV вѣка, подлинно извѣстно существованіе одной только книги на иностранномъ языкѣ—именно, нѣмецкаго гербарія—въ этомъ собраніи. Она совершенно теряется среди книгъ литургическихъ, кормчихъ, хроникъ и астрологическихъ трактатовъ.

Подъ двойственнымъ вліяніемъ первоначальнаго византизма и того матеріалистическаго духа, который всегда и вездѣ проникаетъ общество, переживающее первоначальныя фазы своего развитія, умственная дѣятельность того времени естественно колебалась между двумя противоположными тенденціями, которыя сочетались порой самымъ причудливымъ образомъ. Мы видимъ передъ собою то аскетизмъ безъ всякаго идеала, то самый грубый сенсуализмъ—словомъ, двойной путь въ бездну небытія.

II.

Умственныя теченія.

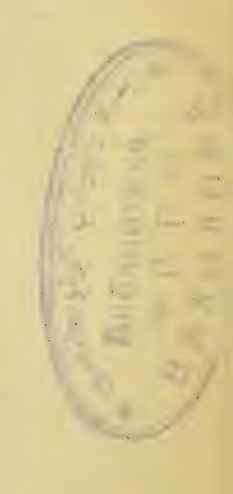
Изъ независимости первобытной и безплодной, независимости дикарей, которая длилась до введенія христіанства, Русь сразу попала подъ иго суровой и, по-своему, не менѣе дикой морали, осуждавшей

во всѣхъ областяхъ свободу знанія, свободу творчества и даже свободу существованія. Всѣ живыя силы, которымъ человѣчество обязано своимъ благородствомъ, были отринуты и прокляты этимъ ученіемъ. Проклятъ міръ свободной науки, какъ средоточіе ереси и безбожія; проклятъ міръ свободнаго творчества, какъ орудіе разврата; проклята даже сама жизнь съ ея радостями и счастьемъ, съ ея мірскими удовольствіями, какъ нѣчто позорное. И вотъ замолкли баяны при дворахъ князей. Въ лѣтописяхъ оживленный тонъ и поэтическіе обороты, свойственные писателямъ XI и XII вѣка, уступили мѣсто сухому, дидактическому повѣствованію, искажавшему, даже изгонявшему тотъ эпическій элементъ, которымъ оно само пользовалось. Даже простая бесѣда, если она отклоняется отъ религіозныхъ предметовъ, подвергается анаѳемѣ. Воздержаніе подъ всѣми видами стало главнымъ жизненнымъ правиломъ. Во многихъ семьяхъ съ малолѣтства пріучаютъ дѣтей обходиться безъ молока! Въ два года они должны соблюдать всѣ посты. Только три раза въ недѣлю разрѣшается ѣсть мясо, и сношенія между супругами запрещены три раза въ недѣлю, въ дни праздничные и въ теченіе всего поста. Русскимъ компиляторамъ византійскихъ писателей хорошо извѣстны слова Катона: «мы управляемъ міромъ, а женщины управляютъ нами». *Пчела* ставитъ это изреченіе на видное мѣсто, такъ же какъ и слова Демокрита, мужа крошечной женщины: «Я взялъ наименьшее зло!» Руководясь тѣмъ же принципомъ, Церковь разсматриваетъ женщину, какъ главное орудіе діавола въ его растлѣвающей работѣ. Она проклинаетъ ее, а, вмѣстѣ съ нею, и всѣ формы искусства, вдохновительницей котораго женщина была всегда и вездѣ.

Въ жизни религіозной эта тенденція упиралась въ тупикъ безсмысленнаго формализма тѣхъ учителей Церкви, которые даже въ манерѣ носить бороду и одѣваться видѣли вѣчныя истины, непреложные догматы. Послѣ Флорентійской уніи и признанія національной Церкви единственной носительницей священныхъ традицій, форма становится скиніей, священнымъ ковчегомъ, гдѣ хранится вѣра. Внѣ его—одинъ лишь латинскій раціонализмъ, безразлично католическій или протестантскій,—источникъ ереси и безбожія въ томъ и другомъ случаѣ. Умствованіе также не допускается, и, устраняя такимъ образомъ самый необходимый факторъ всякаго прогресса, Москва въ интеллектуальномъ отношеніи становится ниже Византіи, гдѣ споры о догматахъ всегда сохраняли свою силу. На Руси, начиная съ XII в.,

подвергаются обсужденію такіе, напримѣръ, вопросы: «священникъ, который не спалъ ночью послѣ ѣды, можетъ ли служить утромъ обѣдню?—Можетъ ли онъ также служить обѣдню, если къ его облаченію пришитъ женскій платокъ?» Даже проповѣди, если онѣ сохранились, касаются только вопросовъ обрядности: «ходить ли во время службы противъ солнца или посолонь? Креститься тремя или двумя перстами?» Первый церковный соборъ, созванный Иваномъ IV, разбираетъ снова эти вопросы и предаетъ отлученію всѣхъ, слагающихъ двуперстное крестное знаменіе.

Вѣра, отождествленная съ обрядностью, сводитъ благочестіе къ исполненію внѣшнихъ формъ культа, къ соблюденію постовъ, къ долгому стоянію въ церкви. Исповѣдь, въ качествѣ акта благочестія внутренняго, отступаетъ на второй планъ. Наиболѣе усердные говѣютъ только одинъ разъ въ годъ. Самые добросовѣстные считаютъ возможнымъ скрыть часть своихъ грѣховъ. Все замѣнили духовныя церемоніи. Онѣ становятся все пышнѣе, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе театральный характеръ. Такова, напримѣръ, процессія въ Вербное воскресенье, когда митрополитъ верхомъ на осляти объѣзжаетъ церкви и благословляетъ народъ, разстилающій свои одежды подъ копыта символическаго животнаго. Таково дѣйство трехъ отроковъ въ пещи огненной: *амвонъ* замѣняется большой печью, куда со сложными обрядами вводятъ трехъ юношей, одѣтыхъ въ бѣлое. Конечно, усердіе не доходитъ до того, чтобы ихъ сжечь на самомъ дѣлѣ.

Религіозное чувство оставалось очень интенсивнымъ; но оно блуждало по ложнымъ путямъ, попадало въ непроходимыя дебри. Въ то время, какъ Домострой совѣтовалъ прочитывать по шестисотъ разъ такую-то молитву, обѣщая, что черезъ три года въ молящагося воплотится Пресвятая Троица,—шли споры о томъ, можно ли переступить безъ грѣха черезъ порогъ родильницы и считать ли нечистымъ молоко только что отелившейся коровы. Такъ чувственность подстерегала и захватывала благочестивыя души на невѣрныхъ путяхъ, а суевѣріе разставляло имъ другія сѣти. Финскій элементъ, еще полуязыческій, чувствовался въ безконечно растяжимой сферѣ этихъ «дѣйствъ», гдѣ открыто царилъ духъ язычества. На сѣверѣ всѣ принадлежности древняго культа, его вѣрованія и обычаи,—до XVIII в. сохраняли свою силу среди населенія, этнографически менѣе податливаго для славянскаго покоренія и умственно менѣе доступнаго

христіанскому вліянію. Успѣхи того и другого долго здѣсь обозначались островками, колоніями, вкрапленными тамъ и сямъ на огромномъ разстояніи.

Еще недавно карта Кеппена обнаружила въ доброй половинѣ населенія Россіи преобладаніе чертъ, характерныхъ для чуди. Эта раса особенно суевѣрна. Природа здѣсь всегда угнетала человѣка. Непроходимые лѣса, огромныя скалы, каменныя пустыни, или непрерывныя вереницы озеръ и болотъ: естественно, эта страна внушаетъ ужасъ. Слухъ наполненъ шумомъ низвергающихся водъ или вѣчнымъ ревомъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Сѣверныя сіянія ослѣпляютъ глаза мрачными отблесками пожаровъ. Блуждающіе огни надъ стоячими водами пугаютъ воображеніе. Кровожадный медвѣдь или ядовитая гадюка грозятъ жизни на каждомъ шагу. И, вотъ, изо всего этого финнъ создалъ себѣ религію, которая является сплошнымъ содроганіемъ ужаса. Его боги скорѣе дѣти Аримана, чѣмъ Ормузда. Каждое дерево, каждый кустъ—жилище враждебнаго духа. И противъ нихъ одно спасеніе: колдовство. Священникъ и колдунъ — одно и то же. Искусственное подражаніе голосамъ враждебной природы успокаиваетъ вѣчно злобныхъ духовъ. Въ этомъ вся суть вѣры, распространенной на огромномъ континентѣ отъ Уральскаго хребта до японскихъ и китайскихъ морей, отъ мрачныхъ береговъ Ледовитаго Океана до пустынныхъ Гималайскихъ вершинъ. Здѣсь весь смыслъ богослуженія на этомъ пространствѣ, гдѣ религіозный обрядъ состоитъ въ подражаніи шуму и движенію разнузданныхъ стихій. Барабаны, гонги, колокольчики и крики точно безумствуютъ. Священникъ, жрецъ остяковъ, *шаманъ* пляшетъ вокругъ огня и бьетъ въ барабанъ, а присутствующіе стараются покрыть этотъ шумъ дикимъ крикомъ до той минуты, когда изступленнаго, закружившагося жреца подхватятъ два человѣка, и, накинувъ ему веревку на шею, чуть не задушатъ. Оглушительный шумъ, видъ пламени, судороги и стискиваніе гортани приводятъ его въ состояніе экстаза, во время котораго духъ снисходитъ на этого галлюцинирующаго пророка.

Безсознательно стремясь къ побѣдѣ надъ природой, эти обряды, несомнѣнно, имѣютъ въ своей основѣ великое освободительное стремленіе человѣческаго духа утвердить свое превосходство и закрѣпить свои благороднѣйшія побѣды. Но здѣсь все остановилось на первой ступени развитія, и сѣверная Русь долго не шла дальше лепета религіозныхъ инстинктовъ, дальше азбуки духовной эман-

ципаціи, дальше первобытныхъ обрядовъ. Еще въ XVI вѣкѣ финскія племена *Водьской-Пятины* — теперешней С.-Петербургской губерніи—поклонялись камнямъ и деревьямъ и приносили имъ жертвы. Міръ оставался для нихъ населеннымъ фантастическими существами. Такова крылатая гадюка съ птичьей головой и съ хоботомъ, могущимъ распространить погибель на всю землю; таковъ десятиглавый змѣй; таково растеніе въ видѣ барана, приносящее ягнятъ. Тогдашніе русскіе показывали иностранцамъ шапки съ опушкой изъ мѣха этихъ необыкновенныхъ животныхъ!

Иногда православное духовенство боролось съ этими суевѣріями, а иногда и покровительствовало имъ. Нѣкоторые его члены сами писали колдовскія книги, удачно вводили ихъ въ духовную литературу и получали отъ этого большія выгоды. Даже въ монастыряхъ встрѣчались заклинатели духовъ. Въ концѣ вѣка у Грознаго въ свитѣ имѣются колдуны. Въ самыхъ богомольныхъ христіанскихъ семьяхъ нѣкоторыя языческія божества сохраняютъ свое мѣсто у очага. Таковы *родъ* и *рожаницы*, отъ которыхъ зависѣли смерть и рожденіе человѣка, и которыя требовали жертвоприношеній. И изъ этихъ жертвенныхъ даровъ, *кутья*, блюдо, изготовляемое для поминокъ, была принята Церковью!

Подъ вліяніемъ тѣхъ же суевѣрій малѣйшія житейскія происшествія пріобрѣтали таинственный и пророческій смыслъ. Трещатъ стѣны, шумитъ въ ушахъ, чешутся пальцы—это къ дорогѣ; крякаютъ утки, дрожатъ вѣки—къ скорому пожару. Подъ общимъ именемъ *Рафлей* разумѣлась цѣлая литература, содержащая объясненіе примѣтъ, а также толкованіе сновъ, которымъ приписывалось большое значеніе. Беременныя женщины кормили хлѣбомъ медвѣдей, во множествѣ водимыхъ *скоморохами* и по ихъ ворчанію узнавали, какого пола родится ребенокъ. Скоморохи были колдунами и снотолкователями, жрецами полу-христіанскаго, полу-языческаго культа, между которыми дѣлилась вѣра населенія; они пользовались уваженіемъ, уничтожить которое не въ силахъ были всѣ громы церкви. Они умѣли отвращать гнѣвъ высшаго существа отъ человѣка тѣмъ, что давали носить подъ лѣвой мышкой правый глазъ орла, завернутый въ платокъ. Они вынимали слѣдъ—брали немного земли изъ подъ ноги человѣка, отъ котораго надо было избавиться—и онъ былъ уже приговоренъ къ смерти. Стоило бросить землю въ огонь,—и человѣкъ начиналъ сохнуть. Все это не мѣшало помнить объ ангелахъ, призываемыхъ

вначалѣ всякаго труда, о Св. Никитѣ, изгонявшемъ демоновъ изъ жилищъ, когда прибѣгали къ его помощи. Язычество и христіанство, религія и суевѣріе сплетались, соединялись смѣшивались. Въ ночныхъ сборищахъ, сопровождавшихъ нѣкоторые праздники, какъ, напримѣръ, канунъ Иванова дня, канунъ Рождества, Крещенья или Васильевъ день—воздавался одинаковый почетъ и Богу, и сатанѣ. Въ субботу, наканунѣ Троицы, плясали на кладбищахъ, испуская жалобный вой. Въ великій четвергъ сжигали солому, чтобы вызывать мертвыхъ и брали изъ-за церковнаго престола щепотку соли, вѣрное средство отъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Въ XVI вѣкѣ суевѣріе было распространено по всей Европѣ, уживаясь при самыхъ изысканныхъ дворахъ, даже въ самомъ Ватиканѣ. Мы не говоримъ уже объ астрологахъ, съ которыми Павелъ III совѣтовался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, выдавая за представителей науки; но не возвѣстило ли паденіе совы близкаго конца Александру VI? На Руси—это время совпало съ самымъ пышнымъ расцвѣтомъ такихъ вѣрованій; они служили главнымъ основаніемъ для умственной жизни, лишенной другой существенной пищи. Ими жила и литература до самаго новаго времени; ничѣмъ другимъ почти не утолялась жажда читателей.

III.

Литература.

Писатели XIV и XV вѣка ограничивались, по большей части, механическими компиляціями. Мертворожденныя произведенія! Ни одной свѣжей бытовой черты,—даже въ житіяхъ мѣстныхъ святыхъ. Лѣтописи приближались по стилю и содержанію къ оффиціальному протоколу. Самый замѣчательный изъ этихъ сборниковъ, *Степенная книга* митрополита Макарія. Онъ возвышается нѣсколько надъ общимъ уровнемъ только благодаря попыткамъ автора установить нѣкоторую связь между фактами дѣйствительности и генеологіей государей. Степенная книга—произведеніе съ политической тенденціей; но этимъ самымъ выдѣляющееся изъ общей банальности. Вотъ, гдѣ почерпнетъ Грозный идею о своемъ происхожденіи отъ Кесаря-Августа. Степенная книга—трудъ религіозно-назидательный, старающійся доказать не-

бесное вмѣшательство во всѣ событія жизни. Впрочемъ, создавшее его духовное лицо было, какъ мы сейчасъ увидимъ, только компиляторомъ болѣе высокаго полета.

По формѣ и содержанію литература этого періода стоитъ ниже кіевской. Вмѣстѣ съ поэзіей, естественностью и простотой исчезли свѣжесть и прелесть словеснаго творчества. Нѣтъ ничего непосредственнаго. Расчетъ замѣнилъ вдохновеніе; рѣдко пробуждающееся стремленіе къ красотѣ—неспособно подняться до искусства и превращается въ холодную искусственность. Ни одной строки, гдѣ бы трепетало волненіе, гдѣ глубина чувства искупила бы поверхностность мысли. Ни одной поэмы,—и это въ эпоху Чосера и Виллона, Петрарки и Бокаччіо! Ни одной попытки научной или философской,—и это накапунѣ появленія на свѣтъ Галилея въ Италіи, Бэкона въ Англіи, Монтеня во Франціи! Скоро наступитъ на Западѣ пора Шекспира и Сервантеса, Джордано Бруно и Декарта, Роберта Этьенна и Дюканжа... Даже въ сосѣдней Польшѣ, уже стремящейся по наклонной плоскости къ неминуемому упадку, XVI вѣкъ дастъ цѣлую плеяду мыслителей и художниковъ, необыкновенно богатую политическую литературу, геніальнаго писателя *Режа*. Здѣсь языкъ сформированъ; стиль скоро дойдетъ до совершенства въ проповѣдяхъ Скарги. Недалеко время, когда Баторій будетъ возить съ собою типографію даже въ походахъ, которые заведутъ его въ самое сердце Московіи. А въ Московіи типографское искусство, какъ и всѣ другія, еще не народилось. Печатаютъ или скоро будутъ печатать на русскомъ языкѣ; но печатники находятся въ Краковѣ, въ Венеціи, въ Цетиньѣ, въ Тюбингенѣ, въ Прагѣ, въ Вильнѣ. Когда они появятся въ Москвѣ, ихъ захотятъ убить и сожгутъ ихъ дома. Да и что будутъ они печатать? Часословы, псалтири, Библію. До конца XVI вѣка этотъ перечень не измѣнится; немногія произведенія, гдѣ проявится кое-какая умственная работа, сведутся къ Правиламъ истинной вѣры (Тюбингенъ 1562), Краткимъ разсказамъ на воскресные и праздничные дни (Ibid, 1562) или Оправданію человѣка предъ Господомъ (Несвѣжъ въ Литвѣ, 1562).

Положимъ, народная поэзія существуетъ; но, за исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, гдѣ скоро отразится могучая личность Грознаго, давшая толчокъ національному творчеству, эта поэзія питается наслѣдіемъ древней Кіевской Руси.

Вся литературная дѣятельность періода, послѣдовавшаго за гибелью старой Руси, выразилась въ первой половинѣ XVI вѣка въ

двухъ основныхъ произведеніяхъ. Они заключаютъ въ себѣ всю сумму пріобрѣтенныхъ знаній, ходячихъ идей, всего умственнаго достоянія тогдашняго общества. Одинъ изъ этихъ трудовъ, оконченный въ 1552, но начатый еще въ 1529,—цѣлая энциклопедія. Другой, восходящій по своимъ понятіямъ и содержанію къ далекому прошлому, имѣетъ характеръ руководства для домашняго обихода. Это знаменитый *Домострой. Четьи-Минеи* митрополита Макарія служатъ ему противоположностью. *Четьи-Минеи* или *Мѣсячное чтеніе* (отъ μὴν — мѣсяцъ и *читать*) это собраніе житій святыхъ, — родъ литературы, очень распространенной уже въ XV вѣкѣ; однако, здѣсь ея рамки уже значительно шире. Цѣлью обыкновенныхъ Миней было дать для каждаго дня мѣсяца поучительное чтеніе, относящееся къ жизни святого, означеннаго въ календарѣ. Макарій же задумалъ соединить въ 12-ти огромныхъ томахъ всю литературу своей родины. Книги Св. Писанія и ихъ комментаріи; жизнеописанія русскихъ святыхъ (патерики) и греческихъ (синаксары); творенія Отцовъ Церкви; энциклопедическій сборникъ болѣе ранней эпохи, въ родѣ *Пчелы*, описаніе путешествій—все онъ включилъ въ свои Четьи-Минеи. Но онъ исчерпалъ не все. Даже изъ книгъ Священнаго Писанія—по винѣ переписчика или преднамѣренно—не всѣ оказываются налицо. Второе предположеніе особенно правдоподобно относительно *Пѣсни Пѣсней*. Какъ бы то ни было, произведеніе это является для интеллектуальной исторіи эпохи неоцѣненнымъ документомъ. Что касается той части его, которая посвящена жизнеописанію святыхъ, то она даетъ, кромѣ того, любопытное указаніе на постепенную работу національнаго сознанія. Святые древнихъ Миней были мѣстными героями или чудотворцами. На Москвѣ не знали новгородскихъ святыхъ и обратно. Макарій уже соединяетъ ихъ для славы и поклоненія всей страны. Политическая побѣда Москвы утверждается и торжествуетъ на этомъ христіанскомъ Олимпѣ, который завладѣлъ церквами Кремля и пріобщился внѣшней пышности московскаго единодержавія.

Самъ митрополитъ, повидимому, только наблюдалъ за редакціей своего сборника и, окружая себя тщательно выбранными сотрудниками, былъ основателемъ первой русской литературной коллегіи. Съ другой стороны, онъ вызвалъ движеніе, которое распространилось вокругъ него и надолго его пережило. Придавая большое значеніе стилю онъ, наконецъ, утвердилъ преобладаніе въ литера-

турѣ своего церковно-славянскаго языка, который вытѣснилъ народное нарѣчіе даже изъ житій святыхъ, написанныхъ первоначально на живомъ языкѣ народа. Но, какъ и въ произведеніяхъ Максима Грека, не надо искать у Макарія критическаго смысла. Онъ совсѣмъ не провѣрялъ подлинности текстовъ, нагроможденныхъ въ его энциклопедіи, и ввелъ въ нее, на ряду съ самыми нелѣпыми выдумками, безусловно фантастическія житія святыхъ—между прочимъ,—сорока мучениковъ, канонизированныхъ сразу на соборахъ 1547 и 1549 года. Но и здѣсь давала тонъ московская политика ей нужны были небеса, сіящія новымъ блескомъ надъ ширью областей, только что объединенныхъ вокругъ общаго центра.

Впрочемъ, самъ Макарій былъ разностороннимъ писателемъ. Кромѣ *Степенной Книги*, о которой я уже говорилъ, и многихъ посланій и поученій, ему приписывается *Кормчая книга*. Это—русскій номоканонъ, собраніе всѣхъ каноническихъ или считаемыхъ таковыми писаній, книга монастырскихъ уставовъ—и опять компиляція! Но писатель былъ также и ораторомъ; онъ сломилъ печать молчанія, давно лежавшую на устахъ національной Церкви, и двѣ или три его проповѣди изъ дошедшихъ до насъ возвѣщаютъ о наступленіи новой литературной *эпохи*. Онѣ хорошо составлены, написаны съ простотой, выдѣляющей ихъ изъ всей предшествующей литературы; порою ихъ можно принять за импровизацію. Третья проповѣдь Макарія, произнесенная передъ Грознымъ послѣ взятія Казани, написана съ наибольшей старательностью и удалась меньше другихъ: она возвращается къ худшимъ образцамъ прошлаго. Общій недостатокъ художественной культуры отнималъ у этого богато одареннаго человѣка всякую способность чисто-эстетической эмоціи; но на этотъ разъ, очевидно, желая подняться до нея, чтобы быть на высотѣ великаго историческаго событія, которое надлежало прославить, Макарій, не достигнувъ цѣли, падаетъ тяжело и неловко.

Домострой приравнивали къ различнымъ схожимъ съ нимъ произведеніямъ итальянскимъ, французскимъ, даже индійскимъ. Но я сказалъ бы, что сравнивать его нельзя ни съ чѣмъ. Подобнаго ему произведенія нѣтъ. Книга имѣетъ ту особенность, что не относится ни къ какой эпохѣ, ни къ одной опредѣленной средѣ. Это, какъ я указывалъ, трудъ компилятивный и ретроспективный. Поэтому онъ и характеренъ въ бытовомъ отношеніи. Основа его, повидимому, заимствована попомъ Сильвестромъ изъ болѣе раннихъ новгородскихъ

писаній, такъ какъ книга довольно точно воспроизводитъ новгородскіе обычаи. Домашняя жизнь, которую Сильвестръ изображаетъ, есть жизнь мѣстной аристократіи,—маленькаго мірка бояръ, наполовину земельныхъ собственниковъ, наполовину коммерсантовъ. Но къ этой части присоединяется приложеніе, посвященное религіи и морали. Здѣсь также не мало всякихъ заимствованій, сдѣланныхъ у литературы церковной, такъ же какъ и у спеціально-дидактической, бывшей въ большей чести въ монастыряхъ: таково, напримѣръ, росписаніе кушаній на постные дни. Но тутъ уже чисто московскій духъ царитъ надъ всѣмъ собраннымъ матеріаломъ. Только послѣдняя глава, въ видѣ поученія отъ лица священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы къ сыну Анфиму, справедливо приписывается самому Сильвестру. Однако, и здѣсь авторъ только резюмируетъ правила, вытекающія изъ предыдущихъ главъ. Эти правила говорятъ объ обязанностяхъ добраго христіанина по отношенію къ Богу и къ ближнему, къ государю и слугамъ. Есть между ними довольно странныя: таково, напр., требованіе задерживать дыханіе, прикладываясь къ образамъ; есть и такія, гдѣ положеніе женщины въ московской семьѣ выступаетъ въ удивительномъ свѣтѣ: такъ, напримѣръ, она можетъ присутствовать при богослуженіи, лишь тогда, когда ей позволяютъ ея занятія. А мы увидимъ, какъ мало они оставляютъ ей досуга. Глава семьи приглашается быть болѣе усерднымъ, но изображеніе его роли и его обязанностей непріятно напоминаетъ тогдашнее законодательство. Точно передъ нами какое-то уложеніе о наказаніяхъ. Супругу, отцу и хозяину рекомендуется въ мѣру примѣнять наказанія, не допуская, однако, никакого послабленія. Надо избѣгать бить виновныхъ по головѣ, или подъ сердце, наносить удары ногами или тупымъ орудіемъ. Въ этихъ наставленіяхъ встрѣчается, впрочемъ, нѣсколько противорѣчій. Такъ въ одномъ мѣстѣ употребленіе палки осуждается, а въ другомъ сказано: «если ты его (непослушнаго сына) ударишь жезломъ, не умретъ». Таково обычное неудобство всѣхъ компиляцій. Какъ бы то ни было, между наказующимъ и наказуемымъ всѣ семейныя отношенія почти ограничиваются распредѣленіемъ ударовъ, которые падлежитъ дать или получить. Для супруги допускается нѣкоторое снисхожденіе. Мужъ долженъ увести ее подальше отъ нескромныхъ глазъ и тамъ, прежде всего, снять съ нея сорочку: на этомъ пунктѣ Домострой настаиваетъ, и онъ дѣйствительно является существеннымъ

въ книгѣ, гдѣ большое мѣсто отведено идеямъ порядка и бережливости. Затѣмъ безъ гнѣва, ласково держа жену за руки, но съ необходимой силой пусть мужъ погладитъ ей плечи своей плеткой. Послѣ наказанія, онъ долженъ быть добрымъ и ласковымъ, чтобы супружескія отношенія не пострадали отъ такихъ интермедій.

Должно быть, однако, онѣ повторяются нерѣдко. Если всѣ обязанности наказующаго сводятся почти исключительно къ подобнымъ расправамъ, то обязанности наказуемой многочисленны и довольно тягостны. Она первая встаетъ въ домѣ. Помолившись, она должна раздать работу всѣмъ слугамъ—съ тѣмъ, конечно, чтобы, служа имъ хорошимъ примѣромъ, отнюдь не сидѣть самой, сложа руки. Хозяйка должна быть искусной во всѣхъ рукодѣліяхъ, шить, стирать, хорошо стряпать. И мужъ, и гости не застанутъ ее никогда безъ работы. Она должна воздерживаться отъ смѣха и шутокъ съ окружающими ея женщинами, не вести съ ними пустыхъ разговоровъ, не отворять дверей сосѣднимъ кумушкамъ, гадалкамъ, даже торговкамъ.

Очевидно, это лишь идеальное правило, какъ бы опрокинутое отраженіе. Его надо обернуть, чтобы получить ясное понятіе о соотвѣтствующей дѣйствительности. Такое замѣчаніе, впрочемъ, относится не къ одной страницѣ книги; оно примѣнимо, напримѣръ, и къ тому параграфу, гдѣ рекомендуется женщинамъ пить только квасъ, или къ другому, гдѣ говорится о томъ, что со слугами надо обращаться кротко и человѣчно, хорошо одѣвать ихъ и кормить. Но вотъ, точно въ кинематографѣ, передъ нами выростаетъ силуэтъ слуги, посланнаго съ порученіемъ. Подошедши къ двери дома, куда его послали, этотъ примѣрный посланецъ оботретъ ноги, высморкается, вѣроятно, пальцами, прокашляется, плюнетъ и наконецъ произнесетъ: «Благословенно буди имя, Господне!» Если ему не отвѣтятъ: *аминь*! онъ все это повторитъ трижды и, наконецъ, постучитъ легонько. Допущенный въ жилище, онъ скажетъ, что ему велѣно, уже стараясь теперь не сморкаться, не плевать и не совать пальцевъ въ носъ. Послѣ этого онъ поспѣшитъ домой...

Самою характерной чертой этихъ картинъ, равно какъ и сопровождающихъ ихъ комментаріевъ, является матеріализмъ, которымъ, повидимому, проникнута вся изображаемая ими домашняя и общественная жизнь. Воспитаніе дѣтей сведено къ внушенію страха Божія и къ обученію ремесламъ; необыкновенная важность, придаваемая

малѣйшимъ подробностямъ хозяйства,—шитью одежды, употребленію обрѣзковъ матеріи, расположенію копенъ сѣна и уборкѣ рогожъ—подчеркиваетъ еще опредѣленнѣе этотъ характеръ. Въ главѣ, касающейся общественныхъ отношеній, мы видимъ то же самое. Если позовутъ на свадьбу, не надо пить лишняго и засиживаться за столомъ. Вотъ въ чемъ вся суть.

Тонъ книги въ концѣ становится нѣсколько болѣе возвышеннымъ,—именно, въ той части, на которую Сильвестръ явно наложилъ свой личный отпечатокъ. Но тотчасъ же обнаруживается основная двойственность его настроенія: съ одной стороны—аскетизмъ, съ другой—чувственность. Міряининъ ли тотъ сынъ, которому авторъ предлагаетъ образецъ христіанской жизни? Сперва можно въ этомъ усомниться. Не спать въ часы заутрени и не забывать времени обѣдни; пѣть ежедневно утреню, повечеріе и часы, не напиваться пьянымъ, когда пора итти къ вечерни—все это, обычно, требовалось отъ монаха XVI вѣка. Но нѣтъ! Человѣкъ, которому даются эти совѣты, имѣетъ свой домъ, куда ему рекомендуется почаще приглашать священниковъ для служенія молебновъ; онъ ходитъ на рынокъ, гдѣ долженъ подавать щедрую милостыню—конечно, не забывая въ то же время о своихъ интересахъ. И смѣшеніе божественнаго съ мірскимъ, правилъ высокой добродѣтели, доведенной до крайней суровости, и уроковъ практической мудрости, граничающей съ цинизмомъ, проникаетъ книгу сначала до конца. Искренно любить всѣхъ людей; никого не осуждать; не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаешь, имѣть двери своего дома широко открытыми для бѣдныхъ, страждущихъ, для всѣхъ несчастныхъ; прощать обиды; безъ жалобъ выносить дурное обращеніе; помогать даже врагамъ своимъ; наконецъ, соблюдать чистоту своей плоти, если нужно, умерщвляя ее. И вмѣстѣ съ этимъ, въ случаѣ спора—обвинять своихъ слугъ, даже если они и правы; бить ихъ—во избѣжаніе ссоры; стараться угождать всѣмъ—и, постомъ, заботиться о хорошемъ приготовленіи постныхъ блюдъ...

Ясно, что написавшій все это, усвоивъ форму, не понялъ вовсе духа христіанства. Онъ увидѣлъ въ немъ только руководство оппортюнистической философіи, и, внимательный читатель Библіи, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не пошелъ дальше Ветхаго Завѣта. Онъ скорѣе фарисей, нежели ученикъ Іисуса, ибо ставитъ свою собственную жизнь образцомъ христіанской. И онъ не только даетъ это понять:

онъ желаетъ, чтобы знали, что онъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ и воспиталъ многихъ сиротъ, что онъ любимъ и уважаемъ всѣми своими слугами за то, что во время билъ ихъ. Эта глава, написанная Сильвестромъ, могла бы называться «подражаніе Сильвестру». Мы увидимъ, впрочемъ, что автору не всегда удавалось угодить всѣмъ.

Во всей книгѣ идеалъ христіанскій—любовь и смиреніе, сочетается съ идеаломъ библейскимъ, гдѣ семейное начало является движущей силой всѣхъ домашнихъ и общественныхъ отношеній. И въ этомъ смыслѣ Домострой даетъ намъ точное понятіе объ обществѣ, гдѣ семья не только центръ, но и единственный очагъ общественной жизни, при чемъ глава дома является его исключительнымъ представителемъ и какъ бы поглощаетъ семью собою. Глава дома не только господинъ, которому всѣ должны повиноваться,—это существо, въ которомъ сосредоточено все, и отъ котораго все зависитъ. И это, дѣйствительно, было такъ, еще въ XVI вѣкѣ, не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. Будучи картиною нравовъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, Домострой въ то же время есть кодексъ. Всемогущей волѣ pater familias онъ противопоставляетъ яко-бы непреложное правило. Увы! мы видѣли, насколько оно неустойчиво и хрупко. Самодержавный московскій духъ справлялся съ подобными попытками безъ труда.

Вопреки своему новгородскому происхожденію *Домострой*—книга чисто московская. Можно найти сходныя съ нимъ черты въ *Поученіи* Владимира Мономаха (VII в.); въ *Dottrino dello schiavo di Bari* (XIII в.); въ трактатѣ, составленномъ Эгидіо Колонна для Филиппа Красиваго; въ *Regimento delle donne* Франческо Барберини (XIV в.); въ парижскомъ *Menagier* (около 1393 г.); наконецъ, въ нѣкоторыхъ чешскихъ писаніяхъ XIV и XV вѣковъ, даже въ *Indische Hausregeln*, изданныхъ Р. Штенглеромъ. Человѣчество, въ нѣкоторомъ родѣ, повторяетъ само себя на протяженіи вѣковъ, на различныхъ ступеняхъ развитія и подъ разными широтами. Пускай передъ нами совсѣмъ особый міръ. Напрасно будемъ мы искать въ немъ нѣжныхъ и сантиментальныхъ отношеній между супругами, изображаемыхъ итальянскими писателями, или тщательныхъ описаній роскоши стола, даваемыхъ парижскимъ повѣствователемъ. Хронологически наиболѣе близкій къ Домострою, *Cortegiano* Бальтазаро Кастиліоне, вводитъ насъ въ общество, гдѣ даже у ремесленниковъ жизнь принимаетъ изящную

форму и становится изысканнымъ произведеніемъ искусства. Очевидно, цѣлая пропасть отдѣляетъ одинъ бытъ отъ другого. Какъ правильно замѣтилъ г. Пыпинъ (Исторія русской литературы, II, 211), есть только одна нить, связующая московское произведеніе съ литературными памятниками другихъ странъ: это вліяніе греческой литературы, которая наложила свой отпечатокъ на всю умственную жизнь Россіи XVI вѣка и дала матеріалъ или вдохновляющую идею большинству современныхъ Сильвестру русскихъ писателей.

Любопытно то впечатлѣніе, которое произвела эта книга, сперва преданная забвенію и воскресшая лишь въ 1849 году, на одного изъ вождей славянофильской школы. Иванъ Аксаковъ сначала возмутился. Какъ могла быть задумана и написана въ землѣ русской книга, столь противорѣчащая русскому духу! «Я прогналъ бы за тридевять земель наставника, который сталъ бы давать мнѣ подобные уроки!» Подумавъ, Аксаковъ вспомнилъ нравы, которые ему пришлось наблюдать среди московскихъ купцовъ. И что же? Они жили еще по Домострою! Тотчасъ же одно открытіе ведетъ за собой другое. Аксаковъ вспоминаетъ нѣкоторыя главы книги Татищева о *Сельскомъ управленіи* (1742) и о томъ, какъ онъ возмущался, думая видѣть въ нихъ доказательство нѣмецкаго вліянія на нравы страны. «Какъ глубоко оно проникло къ намъ!» думалъ онъ. И, вотъ, Домострой открылъ ему глаза: черты, столь его оскорбившія, были уже тамъ въ XVI вѣкѣ (Сочиненія Аксакова стр. 270 и слѣд. Письма отъ 1850).

Я не упомянулъ о стилѣ книги Сильвестра. О немъ сказать нечего. Авторъ вовсе не былъ художникомъ. Да и существовало ли въ Россіи художество?

IV.

Искусство.

Свѣтская литература представлена въ XVI вѣкѣ только перепиской Ивана IV съ Курбскимъ. Искусство, какъ и литература, сохраняло до этой эпохи чисто-религіозный характеръ. Главными памятниками его были храмы, украшенія на церковныхъ книгахъ и иконы. Какую же цѣну имѣли эти произведенія, и въ какой мѣрѣ были они выразителями національнаго духа?

Нельзя отрицать художественныя дарованія русскаго народа. Съ тѣхъ поръ онъ уже доказалъ ихъ. Правда, я не придаю ни русскому эпосу, ни кустарной промышленности того значенія, какое признаютъ за нимъ большинство русскихъ и даже иностранныхъ писателей. Я не вижу въ нихъ печати особаго призванія. Но пусть будетъ такъ: я готовъ принять это на вѣру. Но если въ нихъ вглядѣться ближе, то характерною чертою этой поэзіи и этого народнаго орнамента, которые слывутъ оригинальными, окажется совершенно другое. Мы увидимъ недостатокъ какой бы то ни было самобытности, подражательность и скудость, если не полное отсутствіе мотивовъ, заимствованныхъ прямо изъ жизни и окружающей природы. Платокъ, вышитый простой женщиной въ окрестностихъ Твери, удивляетъ насъ изяществомъ рисунка, но самъ рисунокъ—персидскій; деревянная чаша имѣетъ граціозную форму, но въ глубинѣ ея видна Индія. И, несмотря на всѣ возраженія, г. *Стасовъ* («Вѣстникъ Европы», 1868), мнѣ кажется, неопровержимо доказалъ экзотическое происхожденіе большинства русскихъ былинъ. Но искусство имѣетъ множество степеней, и подражаніе—это уже движеніе впередъ. Теперь возможно найти на родинѣ Сильвестра признаки вполнѣ самороднаго вдохновенія. Однако, можно ли найти слѣды его еще въ XVI в. и, особенно, въ предшествующихъ столѣтіяхъ?

Въ русской архитектурѣ отъ XI до XVI в. ясно различаются два типа. И тотъ, и другой берутъ свое начало въ Византіи; но въ одномъ, южномъ, это начало почти исключительно преобладаетъ; въ другомъ, сѣверномъ, отъ Новгорода до Владиміра и Суздаля оно борется съ теченіемъ германскаго или ломбардскаго происхожденія. Кромѣ того, къ этимъ составнымъ элементамъ, опредѣляющимъ общую форму, планъ и конструкцію зданій, присоединяются въ подробностяхъ еще нѣкоторыя черты, заимствованныя со всѣхъ сторонъ азіатскаго и европейспаго горизонта. До XV в. здѣсь видны Индія и Персія, въ позднѣйшую эпоху—итальянскій ренессансъ.

Очень трудно прійти къ соглашенію относительно происхожденія, способа распространенія и значительности этихъ неоспоримыхъ заимствованій. Гипотеза о прямомъ перенесеніи восточныхъ, средне-азіатскихъ мотивовъ встрѣтила ярыхъ противниковъ. Съ національной ли или съ религіозной точки зрѣнія—но теорія вліянія славянскаго, сербо-болгарскаго искусства показалась имъ болѣе пріемлемой. Нѣмецкіе писатели, между прочимъ, Шнаазе въ своей

Исторіи искусствъ (III, 351), поддерживали теорію азіатскихъ вліяній; при этомъ въ подобной зависимости русскаго искусства они видѣли нѣчто унизительное, почти постыдное. Напротивъ, въ глазахъ французскаго писателя, Віолле-ле-Дюкъ, она оказывается чрезвычайно лестной. Конечно, уже недалеко время, когда можно будетъ обсуждать эту проблему, не примѣшивая къ ней излишняго чувства. Боюсь, однако, что она неразрѣшима. Россія была одной изъ тѣхъ лабораторій, гдѣ самыя разнообразныя художественныя теченія встрѣчались и смѣшивались, чтобы создать среднюю форму между восточнымъ и западнымъ міромъ.

Всѣ цивилизаціи были, собственно, продуктомъ подобнаго сліянія, а художественное развитіе Россіи совершалось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели умственное. Ея одиночество въ этомъ отношеніи не могло быть такъ абсолютно. Первыми строителями церквей отъ XI до XIII вѣка были, большею частью, греки; но позднѣе, несмотря на всю ненависть и презрѣніе къ Западу, оказалось невозможнымъ обойтись безъ его помощи. Уже около 1150 г. внукъ Мономаха Андрей, призываетъ ломбардскихъ архитекторовъ для постройки церкви Успенія во Владимірѣ; въ Суздалѣ, сынъ его, Юрій, женатый на грузинской княжнѣ, имѣлъ армянскихъ рабочихъ. Одновременно въ другихъ мѣстахъ стиль нѣкоторыхъ орнаментовъ обнаруживаетъ участіе персидскихъ художниковъ. Наконецъ, съ XVI в. выступаетъ на сцену итальянское искусство съ миланцемъ Петромъ Соларіо, флорентинцемъ Аристотелемъ Фіоравенти, Маріо, Алевизіемъ и многими другими.

Вѣроятно, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи невозможно будетъ сказать съ точностью, какъ и въ какой мѣрѣ комбинировались эти элементы. Въ области архитектуры, при всемъ своемъ первенствѣ, Византія должна была уступить струямъ монгольской или скандинавской, романской или туранской. Византійское искусство, само чуждое самобытности, заимствовавшее свои мотивы съ крайняго Востока, изъ Персіи, изъ Малой Азіи, даже изъ Рима, стремилось приблизить русскихъ подражателей къ этимъ источникамъ вдохновенія. Наиболѣе древнія южно-русскія церкви имѣютъ стройную форму, изящные размѣры, которые отличаютъ ихъ отъ чисто-византійскихъ построекъ, если судить по архитектурнымъ типамъ того же времени во Франціи, Италіи, Англіи. Въ нихъ чувствуется вліяніе какихъ-то иныхъ образцовъ, или, можетъ быть, и доля самобытнаго

вдохновенія. Кто знаетъ? Вѣдь нашелъ же посолъ св. Людовика при ханскомъ дворѣ русскаго зодчаго, вмѣстѣ съ французскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ.

Въ XIII вѣкѣ ясно ощущается вліяніе индо-татарскаго искусства. Появляются выгибы, словно взятые съ тибетскихъ монументовъ, выпуклыя колонны съ пузатыми капителями. Первоначальный планъ церквей въ основныхъ чертахъ не измѣняется; но къ среднему куполу, введенному искони, присоединяются другіе, въ видѣ башенокъ, увѣнчанные крышей въ формѣ луковицы, съ затѣйливый металлической обшивкой, часто вызолоченной или крашеной, напоминающей Эллорскій храмъ. Внутри широкіе византійскіе своды ломаются подъ острымъ угломъ; затѣмъ къ куполамъ присоединяются пирамиды съ выступами, столь чуждыя византійской архитектурѣ, но обычныя въ индусскомъ зодчествѣ. И военныя постройки этой эпохи слѣдуютъ по тому же пути: кремлевскія башни, выстроенныя на квадратномъ основаніи, съ куртиной, увѣнчанной узкой вышкой, замѣтно отличаются отъ болѣе раннихъ образцовъ.

Но Азія ли торжествуетъ въ этихъ метаморфозахъ? И не ей ли, какъ думаетъ Віолле-ле-Дюкъ, обязаны врата церкви Св. Исидора въ Ростовѣ (XIV в.) своими нишами, сводъ которыхъ образуется дугами круга и вершинами прямого угла, и своимъ полемъ, сплошь покрытымъ орнаментомъ? И не усложнилъ ли еще этихъ архитектурныхъ формъ романскій стиль, какъ утверждаетъ о. Мартыновъ? Не служила ли Византія посредницей между Азіей и Россіей, какъ юго-западныя славянскія земли между Европой и ближайшими русскими областями? Рядомъ съ листомъ русскаго орнамента, близкаго, по мнѣнію Віолле-ле-Дюкъ, къ индусскому типу, Дарселю удалось указать и на византійскій орнаментъ, средній между обоими образцами. Но передача идей и формъ могла итти и другими путями. Одинъ литературный памятникъ даетъ въ этомъ случаѣ поучительный примѣръ. «Бова-Королевичъ». очень популярная русская сказка, несомнѣнно индусскаго происхожденія. Она принадлежитъ къ циклу Сомадевы: *Kathà-sarit-sàgara* или «Океанъ сказокъ». А, между тѣмъ, Бова не индусскій герой: это рыцарь *Beuves d'Antone*, герой каролингскаго цикла. Такимъ образомъ Индія прошла черезъ Западную Европу, чтобы попасть въ Русь, и западному вдохновенію удалось случайно проникнуть въ эту область иной національной жизни какъ ни была она замкнута и охраняема отъ чужеземныхъ вліяній.

Впрочемъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на другія области русскаго искусства, хотя онѣ и были гораздо слабѣе представлены. Иконопись, вдохновляемая одной изъ греко-восточныхъ школъ, очень многочисленныхъ въ XII в. и въ Византіи, и въ Италіи и въ славянскихъ юго-западныхъ земляхъ, какъ Сербія и Болгарія, была довольно сильно развита отъ XIII до XV вѣка въ Суздалѣ и, особенно, въ Новгородѣ. Суздальскіе образцы пропали безслѣдно. Что касается Новгородскихъ, то они даютъ, повидимому, довольно ясное представленіе о той самостоятельности, которой достигли тогдашніе художники. Совершенно основательно указывалось на изображеніе ими нѣкоторыхъ типовъ, неизвѣстныхъ Византійской иконописи; таковы, напр. Покровъ Пр. Богородицы, св. Николай Воинъ, свв. Кириллъ и Меѳодій, свв. Борисъ и Глѣбъ. Равнымъ образомъ необходимо обратить вниманіе и на совершенно особую передачу нѣкоторыхъ *таинствъ* или религіозныхъ сюжетовъ, и на смягченное выраженіе нѣкоторыхъ типовъ. Все это конечно, имѣетъ значеніе. Со стороны формы эти изображенія также отличаются отъ своихъ восточныхъ образцовъ, но лишь какъ плохая копія отличается отъ оригинала. Въ ихъ необыкновенно упрощенномъ рисункѣ нѣкоторые русскіе критики желали видѣть намѣреніе приблизиться къ природѣ. Я же нахожу въ этомъ только признаки неумѣлости. Природа не нуждается, конечно, въ подобной передачѣ, напоминающей мазню школьниковъ на классныхъ тетрадкахъ.

Та же упрощенность и, прежде всего, отсутствіе золотыхъ фоновъ,— зависящая, вѣроятно, отъ бѣдности монастырей, наблюдается до XIII в. и въ орнаментаціи рукописей. Но въ XIV вѣкѣ происходитъ гораздо болѣе чувствительное отклоненіе, отдалившее русскую школу въ этой области отъ византійской традиціи и ея гіератическихъ формъ. Въ нее врывается безконечное разнообразіе человѣческой и животной жизни со всѣмъ изобиліемъ ея мотивовъ. Они напоминаютъ то нарисованные завитки и вырѣзанные по дереву переплеты старинныхъ скандинавскихъ церквей, то еще болѣе раннія звенья поясовъ и чеканныя фибулы эпохи Меровинговъ. Порою они обнаруживаютъ свою связь съ иранскими типами, отнюдь не чуждыми, впрочемъ, и романскому, и даже византійскому стилю той же эпохи. Это какъ бы возвращеніе къ первоисточнику, такъ какъ фантастическія изображенія звѣрей, насѣкомыхъ, людей и птицъ были извѣстны во время Геродота между племенами, населявшими русскія земли. Но, кажется

даже по отношенію къ Ирану это возрожденіе имѣло своей истолковательницей все ту же Европу. Дѣло въ томъ, что рукописная литература Новгорода, гдѣ оно обнаружилось особенно сильно, почти совершенно ускользнула отъ татарскаго вліянія и подвергалась, напротивъ, черезъ Ригу и ганзейскіе города довольно сильному воздѣйствію европейскихъ теченій.

Въ XV вѣкѣ чудовищныя фантазіи болѣе ранняго искусства уступаютъ мѣсто комбинаціямъ однѣхъ линій, симметрическія сплетенія которыхъ переходятъ въ длинные продольные листья. Еще одно теченіе коснулось національнаго искусства, причемъ на этотъ разъ невозможно ему приписать восточное, азіатское происхожденіе. Въ XV в. наблюдается цѣлый водоворотъ. Вѣроятно, подъ давленіемъ религіознаго чувства, возбужденнаго борьбой Реформаціи съ папствомъ, рѣзче проступаютъ византійскія традиціи. Однако, въ то же время, проникновеніе нѣмецкаго протестантскаго духа обнаруживается въ длинномъ, глубоко вырѣзанномъ листѣ, взятомъ у одного вида дикой смоковницы. Теперь онъ развертывается или коробится, черный и холодный, среди богатыхъ красокъ восточной палитры.

Все это, несомнѣнно, русское. Но дало ли оно искусству форму, вполнѣ соотвѣтственную національному генію? Другими словами— если оно и неспособно было внушить преклоненіе и подражаніе другихъ народовъ, какъ искусство греческое или даже французское и итальянское въ извѣстную эпоху, то, по крайней мѣрѣ, создало ли оно нѣчто способное къ самостоятельному развитію? Можно бы отвѣтить на это утвердительно, если бы русскіе подражатели, вдохновляясь иноземными образцами, прибавили что-нибудь иное, кромѣ слабости исполненія, болѣе или менѣе существенныхъ искаженій и почти всегда плохо придуманныхъ комбинацій. Можно было бы согласиться съ этимъ, если бы они ввели въ творчество что-нибудь свое, флору и фауну ихъ страны, или отблески ихъ небесъ. Можно было бы признать ихъ заслуги, если бы, ассимилируясь съ экзотическими типами, они съумѣли бы вступить въ непосредственную связь съ природой— т.-е. выполнить первое и необходимое условіе всякаго оригинальнаго искусства. Но они только копировали, списывали и искажали. Взгляните на рѣзное крыльцо избы: вы скорѣе угадаете, чѣмъ увидите грубыя, почти неузнаваемыя изображенія львовъ, пантеръ, пальмъ и вѣчныхъ смоковницъ! И только въ послѣднихъ исканіяхъ новѣй-

шаго искусства, только въ рѣдкихъ попыткахъ нѣкоторыхъ ультрамодернистскихъ художниковъ вы найдете подъ ихъ перомъ или кистью силуэтъ хвойнаго дерева или бѣлый мѣхъ звѣря, родившагося подъ сѣвернымъ небомъ.

Мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ, по какимъ планамъ и какими рабочими были построены тѣ нѣсколько русскихъ церквей XIII и XIV вѣка, стиль которыхъ заслуживаетъ похвалы. Что касается построекъ свѣтскихъ или церковныхъ XV и XVI в., обладающихъ тѣми же качествами, каковы—Успенскій Соборъ въ Москвѣ, Никольскія ворота въ Можайскѣ, знаменитая Грановитая палата, то по отношенію къ нимъ мы стоимъ на прочной исторической почвѣ: на нихъ лежитъ печать итальянскаго зодчества. Всѣмъ извѣстенъ волнующій и смущающій храмъ Василія Блаженнаго, построенный въ 1553—1559 г. Карамзинъ видѣлъ въ немъ «шедевръ готической архитектуры»; а Мартыновъ «подобіе Эрехтейона въ Аѳинскомъ акрополѣ»; Теофилъ Готье—«громаднаго присѣвшого дракона»; Куглеръ—«огромную кучу грибовъ»; Кюстинъ «коробку съ вареньемъ». Этотъ храмъ до послѣдняго времени слылъ за произведеніе итальянской архитектуры. Теперь заблужденіе обнаружено. Были разысканы счета строителей и въ исторіи описаны два русскія имени—Бармы и Постникова. Надо отдать должное Россіи XVI в. и избавить философію искусства отъ одной изъ мудренѣйшихъ загадокъ. Надо также признать, вопреки долго державшемуся убѣжденію, что эта удивительная постройка отнюдь не была въ свое время единичнымъ явленіемъ, «памятникомъ, выпущенномъ въ единственномъ изданіи». Она связана съ цѣлой системой архитектуры, принципъ которой надо, конечно, искать въ деревянныхъ постройкахъ, столь распостраненныхъ въ этомъ краю; ихъ типъ еще повторяется въ различныхъ пунктахъ. Ихъ можно видѣть въ Новомосковскѣ, (въ теперешней Екатеринославской губ.), или въ Дьяковѣ, близъ самой Москвы. Парализуя развитіе архитектуры, какъ и ваянія, отсутствіе иныхъ матеріаловъ или, по крайней мѣрѣ, трудность получить камень, обусловили здѣсь эти формы зодчества. Впрочемъ, нѣкоторыя указанія могли быть даны Индіей. Отличительною чертою ихъ является скрѣпленіе и сплетеніе нѣсколькихъ разнокалиберныхъ построекъ. Новомосковская церковь состоитъ изъ трехъ сросшихся зданій, дѣлящихся на девять самостоятельныхъ частей. Строители Василія Блаженнаго удвоили этотъ фактъ; они соединяли чудеснымъ

образомъ стили византійскій, персидскій, индусскій, итальянскій, въ цѣломъ хороводѣ куполовъ, пирамидъ, колоколенъ.

Было бы, пожалуй, безразсудно подходить къ этому произведенію съ тѣми понятіями объ искусствѣ, которыя получили вѣковое признаніе на Западѣ, они не могутъ служить неизмѣннымъ и всеобщимъ критеріемъ. Готическая архитектура возбуждала въ свое время такую же рѣзкую критику, которой наша теперешняя эстетика готова подвергнуть шедевръ Бармы и Постникова. Но можно констатировать, что, въ художественномъ отношеніи, созданный такимъ образомъ типъ не получилъ дальнѣйшаго развитія. Вопреки преданію, у обоихъ строителей по окончаніи ихъ работы вовсе не были вырваны глаза, чтобы они не могли создать ничего подобнаго. Это—лишь повтореніе легенды того же вѣка, сложившейся о строителѣ знаменитыхъ Страсбургскихъ часовъ. Во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго больше создано не было и, какъ это бывало часто, легенда на этотъ разъ пріобрѣла извѣстный смыслъ. Предоставленное самому себѣ, вдохновеніе двухъ русскихъ художниковъ привело лишь къ единственной архитектурной фантазіи, и никто не попытался послѣ нихъ возобновить подобное странное и безплодное усиліе. Словомъ, послѣ своего перваго и послѣдняго отпечатка, клише было отложено въ сторону.

Мнѣ очень жаль огорчать моихъ русскихъ друзей; но, право, они слишкомъ взыскательны. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по словамъ ихъ авторитетнѣйшихъ истолкователей, какъ Чаадаевъ или Герценъ, у нихъ ничего не было: ни національнаго искусства, ни литературы, ни науки. Теперь же они хотятъ все имѣть сразу, и имѣть съ XII вѣка! Проѣзжая по деревнямъ Владимірской губерніи, ученые историки искусства гг. Кондаковъ и Толстой, вдругъ вообразили себя въ какой нибудь ломбардской области. Это—благочестивое заблужденіе. Природа и исторія воспротивились въ Россіи быстрому развитію искусства; онѣ лишили художника необходимаго матеріала и главнымъ источникомъ его вдохновенія сдѣлали изсохшія или стоячія воды Византіи. Сущность русскаго духа есть терпѣніе. Современные апологеты національнаго искусства забываютъ объ этомъ. Оно уже начинаетъ черпать изъ другихъ источниковъ; скоро, безъ сомнѣнія, забьетъ въ немъ ключомъ живая вода; но не скоро еще потечетъ великая рѣка: мы стоимъ еще у самыхъ ея истоковъ.

Въ лонѣ православной церкви, гдѣ до послѣдняго времени тормазились всѣ формы умственной дѣятельности, національное искус-

ство также подверглось влiянiю двухъ началъ, т.-е. аскетизма и чувственности. Мрачныя дебри монастырскихъ келiй расцвѣли безстыднымъ цвѣткомъ сладострастiя—вотъ, что такое церковь Василiя Блаженнаго, воплощенiе нацiональнаго генiя XVI вѣка.

Но въ этой церковной и монастырской средѣ въ ту же эпоху выросли чувства и идеи, которымъ суждено было заронить зерно обновленiя въ мiръ, коснѣющiй и дряхлый при всей своей юности.

V.

Преобразовательное движенiе.

Россiя XV и XVI вѣка пережила свою реформацiю. Конечно, эта страна была обособлена и закрыта для внѣшнихъ влiянiй. Однако, она не могла оставаться совершенно къ нимъ нечувствительной и переживала, хотя и совсѣмъ по-своему и въ очень суженномъ масштабѣ, извѣстные революцiонные порывы и потрясенiя. Преобразовательное движенiе было обязано своимъ происхожденiемъ или самобытному развитiю мысли въ странѣ или же постороннему влiянiю. Оно зародилось въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ—этой колыбели и послѣднемъ убѣжищѣ политической свободы. Начало его можно отнести къ 1376 году. Въ этомъ году въ республиканскомъ городѣ были замучены и сброшены съ моста три еретика, основатели секты *стригольниковъ*. Одинъ изъ ихъ вожаковъ, Карпъ, занимался стрижкой шерсти. Секта отвергала всякую церковную iерархiю, какъ основанную на симонiи. Церковь, которая въ Новгородѣ распространяла свою власть даже на сферу экономическихъ интересовъ, легко подавила это возмущенiе. Но стригольники вновь напомнили о себѣ во второй половинѣ XV вѣка. Ихъ ученiе нашло себѣ новую пищу въ церковной литературѣ, обогатившейся новыми писанiями, хотя все еще византiйскаго происхожденiя, но проникнутыми уже болѣе независимымъ духомъ. Они указывали на нѣкоторыя темныя стороны религiозной жизни; они возставали противъ излишества аскетическихъ подвиговъ, способныхъ лишить вѣру и благочестiе ихъ духовной сущности; они изобличали растлѣнiе, царившее въ монашеской жизни. Въ то же время проникали въ страну ученiя нѣкоторыхъ византiйскихъ iересiарховъ, напримѣръ, Павликiанъ и Богомиловъ, примыкавшихъ къ гностикамъ, манихейцамъ и мессалiйцамъ.

На этой почвѣ выросла масса мѣстныхъ ересей. Скоро они были обобщены подъ однимъ именемъ *жидовствующихъ*, благодаря нѣкоторому внѣшнему сходству съ евреями—антиталмудистами, или караимами, нашедшими пристанище въ Новгородѣ въ 1471 году. Нѣкоторые іересіархи готовы были признать еврейскую пасху, еврейскій календарь и обрѣзаніе. Но общимъ направленіемъ всѣхъ сектъ былъ раціонализмъ, приводившей къ отрицанію Троицы, божественности Христа, будущей жизни и всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ христіанства. Ихъ появленіе не замедлило оказать православной церкви большую услугу. Оно принудило ее прежде всего къ нѣкоторой экзегетической работѣ для борьбы съ этими противниками; затѣмъ оно заставило ее оглянуться на себя и предпринять внутреннія реформы. Одно религіозное движеніе породило второе. Послѣднее приняло два различныхъ направленія. Порученное Максиму Греку исправленіе церковныхъ книгъ указываетъ на желаніе Церкви отпарировать нѣкоторыя нападки догматическаго характера. Но монастырская жизнь вызывала еще болѣе справедливыя нареканія. Картина тогдашняго религіознаго быта, которую я старался освѣтить, была запечатлѣна Грознымъ огненными чертами: онъ ее выжегъ раскаленнымъ желѣзомъ въ своихъ знаменитыхъ писаніяхъ. Вотъ, отрывокъ его извѣстнаго посланія въ монастырь св. Кирилла, написаннаго въ 575 г.

«Въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать: монахи и монахини по міру бродятъ; архимандриты и игумены нѣкоторыя службы Божіи, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ кельѣ съ гостями; въ кельи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ»...

Но зло не ограничивалось чернымъ духовенствомъ. На соборѣ 1551 г. говорилось о священникахъ, служащихъ разъ въ 5 или 6 лѣтъ, приходящихъ въ церковь пьяными, ссорящихся между собою и произносящихъ молитвы навыворотъ. Лазиціусъ (De Russorum... religione, 1582, стр. 240) упоминаетъ о попахъ, валяющихся мертвецки пьяными на городскихъ площадяхъ, а Герберштейнъ (Commentarii, у Старчевскаго, I, 21) видѣлъ, какъ ихъ всенародно стегали за это. Оскверняемая своими служителями, церковь становилась не столько домомъ молитвы, сколько мѣстомъ свиданій, клубомъ, базаромъ. Мужчины входили туда даже во время службъ, не снимая шапокъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, спорили, устраивали свои дѣла и прерывали пѣснопѣнія неприличными словами.

Конечно, можно сближать эти черты съ тѣми религіозными нравами Запада, которыя обличали Брантомъ и Раблэ, Кальвинъ и Лютеръ. Однако, не надо забывать и примѣровъ иного порядка, которые подавались Св. Франциском или бенедиктинцами Сенъ-Мора. На Руси же, до первыхъ лѣтъ XVI столѣтія совершенно отсутствовалъ подобный противовѣсъ.

И вотъ тогда-то, въ нѣдрахъ самихъ монастырей, передъ лучшими умами встала идея о необходимости реформы. Однако, относительно путей и средствъ мнѣнія раздѣлились. Основатель монастыря въ Волоколамскѣ въ 1479 г. Иванъ Санинъ, въ постригѣ Іосифъ, названный Волоцкимъ, внукъ литовскаго переселенца, видѣлъ спасеніе въ строгомъ соблюденіи древнихъ монастырскихъ уставовъ. По своему образованію онъ принадлежалъ къ старому типу русскихъ книжниковъ, съ ихъ полнымъ отсутствіемъ критическаго смысла и безпредѣльнымъ уваженіемъ къ тому, «что было раньше». Но это уже не могло удовлетворить всѣхъ. Изъ глубины уединенныхъ убѣжищъ, объ основаніи и постепенномъ умноженіи которыхъ я уже говорилъ, начиналъ вѣять другой вѣтеръ. Представителемъ новаго теченія явился членъ старинной боярской семьи Майковыхъ, гостившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на Аѳонѣ, а затѣмъ, по сосѣдству съ Бѣлоозеромъ и монастыремъ св. Кирилла, основавшій на рѣчкѣ Соркѣ обитель, имя которой ему и присвоено. То былъ Нилъ Сорскій, выступившій какъ выразитель новаго духовнаго міросозерцанія. Его странствія, его обильное и хорошо направленное чтеніе до извѣстной степени превратили его изъ *книжника* въ богослова. Онъ сталъ утверждать, что «не все то свято, что написано».

Онъ рѣшился оспаривать авторитетъ писанія вопреки обычаю большинства современниковъ, не задумывавшихся надъ происхожденіемъ и цѣнностью документальныхъ свидѣтельствъ. Наконецъ, онъ сталъ искать въ писаніи уже не текстовъ, а вдохновенія. Слѣдуя этому пути, даже независимо отъ новаго для Руси и иногда глубокаго взгляда на религіозную жизнь, онъ долженъ былъ прійти къ новому идеалу монастырской жизни. Этотъ идеалъ заключался уже не въ точномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, а во внутреннемъ, духовномъ перерожденіи. Отсюда стремленіе къ отшельническому образу жизни, уже принятому здѣсь многими братьями, но особенно развившемуся подъ личнымъ вліяніемъ самого Нила Сорскаго.

Нилъ Сорскій сгруппировалъ скоро вокругъ себя нѣсколько со-

тей послѣдователей, которыхъ назвали общимъ именемъ «заволжскихъ старцевъ», и которымъ суждено было своимъ примѣромъ и ученіемъ сыграть важную роль въ религіозномъ движеніи XVI вѣка. Почти полное отсутствіе устава; чуть ли не совершенная личная независимость; подчиненіе чисто моральнаго характера; свободный выборъ матеріальныхъ условій и средствъ къ жизни; единственный въ этомъ отношеніи руководящій принципъ—бѣдность. Вотъ, на какомъ основаніи произошелъ разрывъ Нила Сорскаго съ Іосифомъ Волоцкимъ и его школой. Вотъ, какъ началась распря, шумъ которой наполнилъ первые годы царствованія Грознаго и еще пережилъ его.

Проблема монастырской собственности встала между двумя лагерями. Легко догадаться, какъ разрѣшалъ ее Нилъ Сорскій. Такъ лицомъ къ лицу стали «нестяжатели» и «любостяжатели», т.-е. противники и защитники церковныхъ имуществъ. Нилъ былъ осужденъ соборомъ 1503 г., хотя и долженъ былъ всего-навсего вернуться въ свою пустыню. Но вопросъ продолжалъ волновать литературу. Идеи отшельника были восприняты и съ блескомъ поддержаны другимъ монахомъ, хотя, казалось бы, и менѣе подходящимъ для ихъ защиты. Происходя отъ Гедимина, будучи въ родствѣ съ царствующимъ домомъ, Вассіанъ Косой, въ міру князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ-Косой, даже подъ клобукомъ оставался мірскимъ человѣкомъ. Дипломатъ и государственный дѣятель, онъ надѣлъ рясу только по принужденію въ 1499 г., впавши въ немилость послѣ блестящей карьеры. Но давнишнія отношенія связывали его съ міромъ свободныхъ мыслителей, чуть не еретиковъ, а вынужденное пребываніе на Бѣлоозерѣ сблизило его съ Ниломъ Сорскимъ. Призванный снова въ Москву по поводу собора 1503 г., онъ смѣло сталъ на сторону нестяжателей и проявилъ въ служеніи ихъ дѣлу ловкость и энергію, которыхъ не хватало Волоцкому отшельнику. Онъ обнаружилъ также и литературный талантъ, который поставилъ его въ первые ряды между немногими публицистами древней Руси. Впрочемъ, онъ былъ только истолкователемъ чужихъ идей. По смерти Нила Сорскаго, Вассіанъ нашелъ сподвижника въ лицѣ Максима Грека, который приведенъ былъ своей работой по исправленію книгъ къ изысканію иныхъ причинъ нравственнаго растлѣнія; увлекшись полемикой, начавшейся между иноземными и русскими еретиками, онъ дошелъ въ этомъ частномъ вопросѣ о монастырской собственности до того, что сталъ

какъ бы эхомъ гусситовъ. Іосифъ Волоцкій уже послѣдовалъ за Ниломъ Сорскимъ въ могилу; но его сторонники «осифляне», какъ ихъ назвали, еще держались. На соборѣ 1525 г. Максимъ былъ осужденъ въ свою очередь. Этому способствовали нѣкоторыя погрѣшности въ его переводахъ, въ чемъ легко было его уличить благодаря недостаточности его научнаго метода и незнанію русскаго языка. Тогда въ Волоцкомъ монастырѣ онъ встрѣтился съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ также осужденнымъ и сосланнымъ (1531). Остатокъ своихъ дней Максимъ Грекъ провелъ, не выходя изъ монастырскаго заключенія. «Лобызаемъ ваши цѣпи, но ничего не можемъ сдѣлать», писалъ ему митрополитъ Макарій, лучшій дипломатъ, нежели Вассіанъ, и сумѣвшій выдержать двусмысленную роль между двумя враждебными лагерями.

Но борьба продолжалась и все росла. Между осужденными въ 1531 г. находился и Троицкій игуменъ Артемій. Въ ученіи осифлянъ онъ отвергалъ требованіе смерти для еретиковъ, приближаясь такимъ образомъ къ «заволжскимъ старцамъ». По ихъ словамъ, они не имѣли права судить этихъ несчастныхъ, а лишь обязаны были молиться за нихъ... Либеральное вѣяніе, столь неожиданное въ эту эпоху, обнаруживалось въ средѣ «старцевъ». Впрочемъ, Артемій и его ученики соприкасались съ протестантскимъ и антикатолическимъ движеніемъ: посредницей служила Польша, гдѣ реформаціонное движеніе быстро распространялось. Другіе же противники официальной церкви, которымъ скоро пришлось узнать всю силу ея громовъ, Матвѣй Башкинъ и Ѳедоръ Косой, склонялись въ сторону современнаго имъ раціонализма, хотя и принимали нѣкоторыя черты ученія Волоцкаго отшельника.

Такимъ образомъ *русская реформація* шла въ различныхъ направленіяхъ. Заволжскіе старцы съ осифлянами,—правда, разными путями стремились къ перестройкѣ зданія Церкви; что касается сектантовъ въ родѣ Артемія, то они дѣлали чисто революціонное и разрушительное дѣло. Впрочемъ, къ спорамъ примѣшивался политическій элементъ. Іосифъ Волоцкій былъ консерваторомъ даже въ своемъ толкованіи отношеній между Церковью и государствомъ; въ его глазахъ послѣднее обязывалось служить интересамъ церкви, получая взамѣнъ полное ея подчиненіе. Опираясь въ матеріальномъ отношеніи на свое привилегированное владѣніе землею, монастырь получалъ въ этой концепціи характеръ государственнаго учрежденія; онъ становился центромъ и питомникомъ духовной аристократіи. Содѣйствію

этой доктрины московское самодержавіе обязано своимъ утвержденіемъ. Заволжскіе старцы держались другихъ взглядовъ. Нилъ Сорскій этой проблемой даже не интересовался. Она была ему чужда; она даже не существовала, съ его исключительно-христіанской точки зрѣнія. Выдвигаемые имъ моральные принципы примирялись со всѣми формами политической жизни. Но у Вассіана Патрикѣева была другая забота. Онъ не могъ забыть своего происхожденія и родства: подчиненіе безграничной и безконтрольной политической власти возмущало его аристократическую душу. Поэтому онъ отдалъ все свое личное вліяніе и весь престижъ своей партіи на подкрѣпленіе оппозиціи, съ которой боролся московскій абсолютизмъ до тѣхъ поръ, пока не сломилъ ея желѣзной рукой Грознаго.

Всѣ указанные мною элементы приняли участіе въ этой новой борьбѣ. Вотъ почему я старался опредѣлить ихъ характеръ. Побѣда оффиціальной церкви и абсолютизма втоптала въ прахъ и въ кровь эти благородные побѣги. Существованіе ихъ въ темныхъ глубинахъ народной жизни раскрывается намъ лишь въ мрачной и злополучной судьбѣ нѣсколькихъ безвѣстныхъ героевъ. Побѣги эти подъ землею, и еле-еле всходятъ. Далеко еще время жатвы. Но въ египетскихъ усыпальницахъ хлѣбныя зерна хранились тысячи лѣтъ и не погибли... И какъ хорошо знать, какъ утѣшительно думать, что подъ пылью вѣковъ заложены плодородныя сѣмена, которыя ждутъ своего часа...

Чтобы выяснить условія, среди которыхъ разыгралась упомянутая драма, составляющая главное содержаніе этой книги, мнѣ остается только вызвать передъ читателемъ еще одну сторону національной жизни, уже не разъ затронутую на предыдущихъ страницахъ, но требующую болѣе подробнаго описанія *).

---

*) По общему содержанію главы смотри: *Милюковъ*, О. с. в. II; *Бестужевъ-Рюминъ*, статья о славянофильствѣ, «Отечествен. Зап.», 1862. — По религіозной жизни: *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, М. 1885; *Лебедевъ*, Макарій, митрополитъ Всерос., М. 1881; *Голубинскій*, Ист. канонизаціи свв. въ Русск. Церкви, 1894; *Иконниковъ*, о. с.; *Макарій*, Ист. Русск. Церкви, VIII; *Гумилевскій*, Ист. Русск. Церкви, 1888; *Костомаровъ*, Монографіи, XIX; *Жмакинъ*, Митрополитъ Даніилъ, 1881; *его же:* въ Журн. М. Н. Пр., апр. 1882, Борьба идей въ Россіи въ 1-й полов. XVI в.; *Цвѣтаевъ*, Протестантство и протестанты въ Россіи, 1890; *Архангельскій*, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, 1882. — Источники: Акты Археогр. Экспедиціи, I и II; *Курбскій*,

Сказанія, изд. Устрялова, 1868; *Lasicius*, De Russorum religione, 1582; *Герберштейнъ*, *Гваньино*, *Улефельдъ*, по *Старчевскому*. — По исторіи просвѣщенія: *Забѣлинъ*, соотвѣтствующая статья въ Отечествен. Зап., 1856; *Иконниковъ*, *Гумилевскій*, *Макарій*.—Источники: Oberborn, Ivannis Basilidis vita, 1585; Hist. Russiae Monum., изд. Тургенева, I; Полное собраніе русск. лѣтоп., т. V; Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 1868, гл. XXV. — По исторіи литературы: *Пыпинъ*, Исторія литературы, II; *Иконниковъ*, Изслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русск. ист., Вліяніе Византіи и Ю. русской образ., 1869. Изданіе Четьихъ-Миней было предпринято въ 1869 г. Археографической Комиссіей. Подробное описаніе этого памятника *Горскаго* и *Неустроева*, съ предислов. и примѣч. *Барсова*, было напечатано въ Чтеніяхъ, 1884—86 гг.; другое, болѣе подробное, принадлежитъ архимандриту *Іосифу*, 1892 г. Домострой былъ найденъ въ Москвѣ Голохвастовымъ и опубликованъ въ «Чтеніяхъ» въ 1849 г. Между *Некрасовымъ* и *Михайловымъ* на этомъ основаніи возгорѣлась полемика, напечатанная въ Журн. М. Н. Пр. въ 1889 г.; ср. *Голохвастовъ*, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, Чтенія, 1874. *L. Leger*, въ I т. Russes et slaves, 1890 — посвятилъ Домострою изслѣдованіе, съ которымъ не лишнимъ будетъ познакомиться французскимъ читателямъ. — По искусству: *Буслаевъ*, статья его по искусству въ Критическомъ Обозрѣніи, 1861; *его же:* статьи о русск. иконографіи въ 1866; *его же:* Критика *Віолле-ле-Дюкъ*, въ Критическомъ Обозр., 1879; *Толстой* и *Кондаковъ*, Русск. древн. въ памятник. искусства, т. IV, V, VI, 1897—99; *Viollet-le-Duc*, l'Art russe, Paris, 1872; *Père Martynov*, l'Art russe, Arras, 1878; *Boutowsky*, Hist de l' ornement russe, Paris, 1872; *Darcel*, l'Art russe, Gazette de beaxuarts, 1878. — По архитектурѣ: *Забѣлинъ*, статьи по вопросу въ Архивѣ Русск. Иск., 1894; *Кузнецовъ*, Новыя лѣтописныя данныя... 1896; *Павлиновъ*, Исторія русск. архитектуры, 1894. — По иконографіи: *Ровинскій*, VIII т., Труды Археологическаго Общества, СПБ. 1856.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нравы.

I. Внѣшность и внутреннее содержаніе.—II. Женщина.—III. Семья. IV. Общество.

I.

Внѣшность и внутреннее содержаніе.

Завоеватели XIII вѣка не помѣшали цивилизаціи Россіи. Напротивъ, они въ нѣкоторой степени пріобщили эту страну къ своей цивилизаціи. Судя по внѣшнимъ даннымъ, этотъ родъ побѣды былъ почти полнымъ. Взгляните на москвича XVI вѣка. Прежде всего онъ съ ногъ до головы одѣтъ по-самаркандски. *Башмакъ, азямъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, учкуръ, шлыкъ, башлыкъ, колпакъ, клобукъ, тафья, темлякъ*—вотъ все татарскія имена частей его одѣянія.

Если, поссорившись съ пріятелемъ, онъ примется ругаться, неизмѣнно въ репертуарѣ фигурируетъ *дуракъ*,—а приведется драться—на сцену выступаетъ *кулакъ*. Судьей, онъ заковываетъ подсудимаго въ *кандалы* и зоветъ *ката*, чтобы *кнутомъ* угостить виноватаго. Администраторомъ, онъ собираетъ налоги въ *казну*, охраняемую *карауломъ*, или устраиваетъ по дорогамъ станціи *(ямъ)*, обслуживаемыя *ямщиками*. Наконецъ, выходя изъ почтовыхъ саней, онъ заходитъ въ *кабакъ*, замѣнившій прежнюю русскую *корчму*. И всѣ эти слова азіатскаго происхожденія. Въ этомъ есть знаменательное указаніе, хотя дѣло касается лишь внѣшнихъ формъ. Но гораздо важнѣе то, что извѣстная доля монгольской крови способствовала, повидимому, такой быстрой и покорной ассимиляціи. Въ какой мѣрѣ? Опредѣлить это не легко. На этотъ счетъ въ Россіи документы отсутствуютъ, а показанія путешественниковъ противорѣчивы. «Настоящіе московскіе

8

уроженцы», пишетъ Виженеръ (Description du royaume de la Pologne et des pays adjacents, 1573), большею частью маленькаго роста, но хорошо сложены, сильны и крѣпки, съ лицомъ весьма бѣлымъ, зелеными глазами, длинною бородой, короткими ногами и съ порядочнымъ брюшкомъ». За исключеніемъ послѣдней черты, отмѣченной большинствомъ свидѣтелей, этотъ портретъ отчасти напоминаетъ знаменитое описаніе рыжей служанки постоялаго двора. Пееръ Персонъ или Петреусъ (путешествіе въ Rerum rossicarum scriptores exteri, I т.) напротивъ, имѣлъ удовольствіе встрѣчать въ той же странѣ только шестифутовыхъ мужчинъ и восхищаться черноглазыми женщинами со стройнымъ тѣломъ, маленькой грудью и длинными, тонкими пальцами на узкихъ рукахъ. Эти агатовые глаза были также замѣчены Дженкинсономъ. Что же касается ихъ цвѣта лица—это вопросъ спорный; Петреусъ называетъ его бѣлымъ, но испорченнымъ излишествомъ косметики, къ которой прекрасныя москвички прибѣгали слишкомъ охотно, употребляя ее не только для лица и шеи, но и для глазъ и зубовъ; Флетчеръ же приписываетъ употребленіе этихъ средствъ естественному несовершенству окраски лица.

Чтобы оправдать сразу и тѣхъ и другихъ наблюдателей, надо прибавить, что они плохо смотрѣли лишь оттого, что наблюдаемые не давали разглядѣть себя—женщины за стѣнами своихъ теремовъ, а мужчины, по крайней мѣрѣ изъ высшаго класса, подъ множествомъ кутавшихъ ихъ одеждъ. Перечисленіе ихъ у Флетчера поражаетъ. Мужская одежда: прежде всего *тафья*, маленькая шапочка, покрывавшая наголо обритую голову. Волосы отпускались только въ знакъ траура или немилости. Эта *тафья* у вельможъ была изъ парчи, вышитая жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Поверхъ надѣвалась большая шапка въ формѣ тіары, въ персидскомъ вкусѣ, съ опушкой изъ чернобурой лисицы,—мѣха, наиболѣе цѣннаго. Рубашка безъ воротника оставляла шею открытою, съ оторочкой богатой работы въ 3 или 4 пальца ширины. Лѣтомъ эта рубашка служила домашней одеждой и дѣлалась изъ красивой матеріи, покрытой вышивками. Зимою, она пряталась подъ легкой одеждой изъ шелка, застегнутой спереди и доходящей до колѣнъ. На нее одѣвался *кафтанъ*, длинный и узкій, иногда изъ парчи, доходившей до щиколотки; поясъ, завязанный ниже пупка; у пояса кинжалъ или ложка; *однорядка*, шелковая, еще длиннѣе кафтана, но шире его, съ мѣховой опушкой, вышитая спереди; наконецъ, для выходовъ, *охабень*...

Я избавлю читателя отъ перечисленія другихъ разновидностей костюма—*ферязи, кунтуша,* дополненіемъ къ которымъ были высокіе сафьяновые сапоги, также вышитые жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

Нечего и говорить, что женскій гардеробъ былъ еще сложнѣе. Общей чертой являлась роскошь и обиліе одеждъ. Шелковая черная или красная сѣтка на волосахъ, прикрытая лѣтомъ батистовымъ тонкимъ платкомъ, вышитымъ жемчугомъ и завязаннымъ подъ подбородкомъ; зимою золотая парчевая шапка, расшитая жемчугомъ и каменьями, съ опушкой дорогого мѣха; исподнее широкое платье—*опашня,* большею частью пурпуроваго цвѣта съ длинными до земли рукавами; затѣмъ невѣроятное количество надѣтыхъ одна на другую одеждъ, и широкихъ, и узкихъ, и парчевыхъ, и шелковыхъ; однѣ испещренныя каменьями, другія подбитыя мѣхомъ; сверхъ этого цѣлая коллекція ожерелій, браслетовъ, всевозможныхъ украшеній. Обутая въ башмаки изъ бѣлой, желтой или голубой кожи, также расшитые перлами, благородная москвитянка еле могла держаться на ногахъ подъ этой грудой сокровищъ. Она походила на икону.

Такъ одѣвались знатные люди. Конечно, гардеробъ простого человѣка былъ значительно проще. Лѣтомъ—рубаха и пара сапогъ,—у женщинъ, изъ скромности двѣ рубашки; зимою—одежда изъ толстаго бѣлаго или синяго сукна, спускавшаяся ниже колѣнъ, и овчинная шуба—вотъ главныя, общепринятыя его части. Прибавьте къ этому нашейный крестъ у женщинъ и кольца изъ какого-нибудь металла въ видѣ серегъ, считавшіяся также необходимыми.

Благодаря вліянію аскетическихъ идей, набожность и скромность наложили свою печать на подробности женскаго наряда. Даже излишнее употребленіе румянъ и бѣлилъ можно приписать желанію хорошенько спрятать то, что не надо показывать. Но, хотя повидимому все дѣйствовало во славу Божію, кое-что доставалось и на долю діавола. Не одинъ только Домострой руководилъ выборомъ нѣкоторыхъ головныхъ уборовъ или драгоцѣнныхъ камней, напр., рубиновъ или изумрудовъ, обладающихъ свойствомъ придавать лицу выраженіе и блескъ.

Но можно ли съ достовѣрностью утверждать, что эти платья и одежды имѣли дѣйствительно татарское происхожденіе? Любопытно, что Флетчеръ не подозрѣвалъ этого совершенно! По его словамъ, современные ему русскіе были одѣты *по греческому образцу.* Одѣяніе

московскихъ государей, конечно, было скорѣе византійскимъ, нежели самаркандскимъ; всѣ европейскіе государи одѣвались такъ же въ болѣе отдаленное время. Такъ же несомнѣнно византійское происхожденіе румянъ и бѣлилъ, столь излюбленныхъ московскими щеголихами. Онѣ обязаны этимъ подаркомъ Ольгѣ, женѣ Игоря. Отправляясь въ Константинополь въ 955 г., княгиня взяла съ собою многочисленную женскую свиту, которая не теряла даромъ время на берегахъ Босфора. Въ средневѣковой Европѣ Константинополь былъ, какъ нынѣшній Парижъ, столицею изящества и роскоши. Покрывая себѣ зубы чернымъ лакомъ и придавая какимъ-то неизвѣстнымъ намъ способомъ черную окраску самому бѣлку глазъ, русскіе женщины занимались скорѣе какой-то примитивной татуировкой, нежели подражали тонкому искусству греко-римскихъ щеголихъ. Но и въ этомъ надо видѣть слѣдствія того грубаго искаженія, которому искусство во всѣхъ своихъ формахъ подвергалось въ этой странѣ; кокетство здѣсь стремилось приблизиться къ идеалу красоты въ народной поэзіи: лицо, какъ снѣгъ бѣло, глаза—съ поволокой...

Съ береговъ Босфора спутницы Ольги привезли на Русь, если не *кику*, то, по крайней мѣрѣ одну изъ ея разновидностей, ту, которую московскіе государыни стали носить вмѣстѣ съ *вязями*, — длинными жемчужными нитками, спадающими на плечи съ обѣихъ сторонъ. Этотъ головной уборъ встрѣчается въ древне-греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, и на одномъ изъ Евангелій X в., хранящемся въ библіотекѣ Гота, германская императрица Теофанія и сынъ ея Оттонъ III представлены въ одѣяніяхъ, близко напоминающихъ боярскія одежды XVI вѣка.

Итакъ, названія не вполнѣ соотвѣтствуютъ здѣсь сущности самихъ предметовъ. Таково свойство завоеваній: они часто создаютъ обманчивую внѣшность, ибо захватъ ихъ остается поверхностнымъ и непрочнымъ. Что же касается, въ особенности, русской женщины изучаемой нами эпохи, то надо искать въ Византіи объясненія ея внѣшняго вида и внутренняго содержанія. Византійскій аскетизмъ господствуетъ надъ женщиной и охватываетъ ее всю. Пока она растетъ, онъ еще даетъ свободно развиваться ея тѣлу и расцвѣтать ея прелести; но, по выходѣ замужъ, она должна навсегда скрыть отъ чужого взора свою красоту, принадлежащую отнынѣ только мужу. Волосы замужней женщины должны быть покрыты, а фигура ея закутана множествомъ пышныхъ и широкихъ платьевъ, надѣтыхъ одно на дру-

гое. Поясь она можетъ надѣвать только на *сорочку*, домашнее платье, въ которомъ она никому не должна показываться. Но, по странному противорѣчію, обычному въ такого рода вещахъ, поясь является обязательнымъ при сорочкѣ, и отсутствіе его считается въ высшей степени неприличнымъ.

Нерѣдко мірскія приличія смѣшивались съ религіозными условностями. Пышность одеждъ соотвѣтствовала тѣлосложенію. Праздность и отсутствіе движенія одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ высшаго класса, были причиною того, что мужчины толстѣли и отращивали животы, а женщины ранѣе времени заплывали жиромъ. Неотъемлемая принадлежность роскошной жизни—эта черта становилась въ свою очередь элементомъ красоты: она цѣнится еще до сихъ поръ у петербургскихъ кучеровъ и у московскаго купечества.

Но не относитесь съ презрѣніемъ къ женскимъ прелестямъ, соблазнявшимъ русскихъ современниковъ Ивана Грознаго. Несмотря на свою чрезмѣрную полноту и неграціозную закутанность, москвичка XVI вѣка занимаетъ почетное мѣсто въ Gynaeceum или Theatrum milierum Іоста Аммана (1586): «Qualem vix similem Gallia culta dabit!!!» Съ другой стороны, любовь къ украшеніямъ, культъ личной красоты и забота о ней были въ ту эпоху однимъ изъ проявленій эстетическаго чувства и стремленія къ высшимъ формамъ жизни у еще варварскаго народа. Не забывайте, что эти такъ богато одѣтые люди жили въ лачугахъ; я не скрою отъ васъ, что они ѣли горячее ложкой, которую носили у пояса, а для всего остальнаго пользовались пальцами. Подъ покрывавшей ихъ блестящей мишурой, и физически и морально они оставались крайне грубыми. Но таковъ обычный ходъ цивилизаціи; исходя отъ простого *я*, культувируемаго и облагораживаемаго въ смыслѣ наиболѣе простомъ и тѣсномъ, человѣкъ приближается къ все болѣе сложнымъ и высокимъ идеальнымъ сферамъ.

Теперь перейдемъ къ нравственному облику. На этотъ счетъ отзывы гораздо болѣе согласны. Ихъ нельзя назвать похвальными. Но иного мы и не могли ждать. Исторія постоянно опровергаетъ предположеніе о существованіи высокой нравственности на низкомъ уровнѣ развитія. Но въ упомянутыхъ отзывахъ надо считаться и съ ихъ иностраннымъ происхожденіемъ и съ вѣроятнымъ недружелюбіемъ авторовъ. Черты, которыя они особенно выдѣляютъ, это спѣсивость и плутовство, недовѣрчивость и недобросовѣстность. Наивные москвичи считаютъ себя выше всѣхъ другихъ людей. Они щедро раздаютъ

обѣщанія, которыхъ и не думаютъ исполнять. Но и другъ другу они совершенно не довѣряютъ. Отецъ остерегается сына, сынъ не вѣритъ матери, и безъ залога никто не дастъ взаймы ни копѣйки. Такъ говорятъ нѣмцы Бухау и Ульфельдъ, шведъ Персонъ и литвинъ Михалонъ. Горе въ томъ, что ихъ слова подтверждаются англичанами Флетчеромъ и Дженкинсономъ: «Можно по всей справедливости сказать... что отъ мала до велика, за крайне рѣдкими исключеніями, русскій не вѣритъ ни одному слову и самъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія». Эти отзывы можно считать наиболѣе правдивыми, такъ какъ они исходили отъ представителей націи, пользовавшейся въ то время въ Москвѣ особенно привилегированнымъ положеніемъ. Но они идутъ еще дальше, прибавляя къ своему описанію послѣднюю черту, на которую я уже указывалъ: жестокость. Правда, Флетчеръ извиняетъ ее, давая такое объясненіе: «народъ, съ которымъ сурово и жестоко обращаются должностныя лица и высшіе классы, становится самъ суровымъ и жестокимъ по отношенію къ себѣ равнымъ и особенно къ слабѣйшимъ.

Это можетъ относиться ко всѣмъ варварамъ, но въ этой странѣ самый климатъ мало располагаетъ людей къ мягкости. Поэтому напрасно національные историки старались и въ этомъ случаѣ свалить всю вину на монгольское нашествіе, которое будто бы испортило нравы, развратило побѣжденный народъ, пріучая его къ насилію и лукавству. За два вѣка до появленія татаръ древняя Кіевская Русь уже была вся въ пламени и въ крови, въ ней кипѣла борьба, которой суждено было продолжаться до порога новаго времени, и которая несла въ себѣ залогъ растлѣнія нравовъ. Война кровожадна по самому существу. Ея собственные законы противорѣчатъ всѣмъ кодексамъ и евангеліямъ, и она не считается съ какой бы то ни было честностью. Лукавство становится заслугой, а насиліе добродѣтелью. И не татары дали этой странѣ, цѣлые вѣка раздираемой анархіей,—вмѣсто западно-европейскаго рыцарства,— соотвѣтствующій ему, но далеко не равноцѣнный разбой, опоэтизированный преданіемъ, воспѣтый національными бардами, воплощенный въ народныхъ герояхъ. Въ одной изъ *былинъ*, выводящихъ на сцену Ивана IV, мы находимъ, на ряду съ разсказомъ о разбойникахъ, выраженіе идей, сложившихся подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ условій. Передъ судомъ юноша, которому грозитъ *правежъ*. Мимо проходитъ государь и спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Осужденный похитилъ чью-то казну. Юноша объясняетъ, какъ

это было. Казна находилась въ рукахъ шайки разбойниковъ. Смѣльчакъ напалъ на нихъ, отбилъ у нихъ добычу, и потомъ пропилъ ее по кабакамъ съ бродягами. Государь не колеблется: герой этого приключенія заслуживаетъ не наказанія, а награды за храбрость и щедрость. Отдается приказъ наградить его по-царски, и народъ въ восторгѣ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ душевнымъ свойствомъ, являющимся не специфическимъ признакомъ какой-либо азіатской или европейской расы, а прямымъ слѣдствіемъ явно ненормальнаго развитія народа, находящагося на переходной ступени.

Въ XVI вѣкѣ наиболѣе близкій востокъ—Византія—налагаетъ свой ясный отпечатокъ на нравы московской земли, еле покрытой легкимъ монгольскимъ налетомъ. Но уже въ то время ея вліяніе возбуждаетъ сильную реакцію. Подъ непомѣрно тяжелымъ и тѣснымъ ярмомъ аскетизма физическая и нравственная природа возстаетъ и возмущается; она напрягается и, сбрасывая путы, рвется наружу въ хаосѣ бунтующихъ, разнузданныхъ инстинктовъ. Такъ создаются крайности противоположнаго свойства—чудовищный развратъ, отвратительные пороки, забвеніе всякаго стыда даже у женщинъ, разъ онѣ вырвались изъ терема. Конечно, подобныя явленія выдаются на общемъ фонѣ семейной и общественной жизни. Они привлекаютъ вниманіе наблюдателей и подвергаются строгому осужденію, которое слѣдуетъ провѣрить. Особенно русская женщина является его объектомъ. Она—чудовище, по словамъ иностранныхъ моралистовъ. Взглянемъ же на нее поближе.

II.

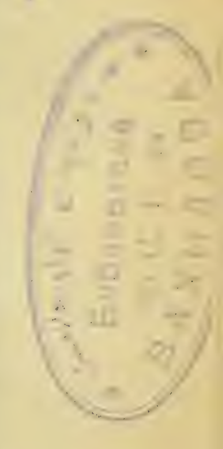
Женщина.

Расовыя вліянія были совершенно не при чемъ въ образованіи условій, выпавшихъ на долю подруги мужчины и созданныхъ законодательствомъ и обычаемъ. *Теремъ*, какъ мы теперь знаемъ, не имѣетъ азіатскаго происхожденія. Подъ татарскимъ именемъ скрывался греко-римскій гинекей, передѣланный по византійскому вкусу. Славянскій міръ нельзя обвинить въ подобной тенденціи: напротивъ, онъ готовъ былъ упрочить за женщиной привилегированное положеніе. Въ этомъ пунктѣ большинство славянскихъ законовъ не согласуется съ римскими, германскими или скандинавскими: славянинъ не смо-

тритъ на женщину, какъ на существо низшаго порядка, находящееся подъ вѣчной опекой родственника-мужчины или даже низводимое на степень вещи, которой можно распоряжаться. На Руси, по закону Ярослава, штрафъ за убійство, *головничество* больше, если дѣло касается женщины, и она пользуется равными юридическими правами съ мужчинами до Судебника Ивана IV. Только въ 1557 году Грозный рѣшится посягнуть на этотъ принципъ и объявить недѣйствительной оговорку, которой женщина завѣщаетъ мужу управленіе своимъ состояніемъ. «Что мужъ прикажетъ, то жена и напишетъ», говорятъ сторонники новаго закона. Но и тутъ мы имѣемъ дѣло только съ простымъ признаніемъ факта и съ предосторожностью въ интересахъ самой женщины, а не съ лишеніемъ ея правъ.

Славянская Ева, даже на русской землѣ, относительно, торжествовала. Связано ли это, какъ думаетъ ученый историкъ славянскихъ законодательствъ, Мацейовскій, съ ея прикосновенностью къ жречеству въ первоначальныхъ славянскихъ общинахъ, или создалось такое положеніе по болѣе важнымъ причинамъ (такъ какъ участіе въ жертвоприношеніи является собственно уже слѣдствіемъ), фактъ остается фактомъ. Но въ Россіи Византія наложила на этотъ первоначальный фактъ печать своихъ собственныхъ понятій, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, отъ язычества. Константинопольскіе компиляторы отлично усвоили приписываемый Солону афоризмъ: «мудрый ежедневно благодаритъ боговъ за то, что они сдѣлали его грекомъ, а не варваромъ, человѣкомъ, а не животнымъ, самцомъ, а не самкой». Они приняли къ свѣдѣнію мнѣніе Аристотеля, предоставлявшаго гражданамъ полную власть надъ дѣтьми, рабами—и женщиной; и они искусно вплели въ эти правила христіанскія понятія о происхожденіи грѣха и проклятія. «Что есть женщина?» читаемъ мы въ старинномъ духовномъ поученіи, попавшемъ съ Востока на Русь. Сѣть для уловленія мужей; свѣтлымъ своимъ лицомъ и ясными глазами она колдуетъ... Что есть женщина? Гнѣздо ехиднино. Ева византійскаго міра есть существо «двѣнадцать разъ нечистое», и всегда опасное. Въ нѣкоторые дни надо избѣгать сидѣть съ ней за однимъ столомъ, и мясо убитаго ею животнаго ядовито. Поэтому, въ московскихъ деревняхъ XVI в. можно было встрѣтить хозяекъ, бѣгающихъ въ поискахъ за кѣмъ-нибудь, кто бы согласился свернуть шею курицѣ, предназначенной для обѣда. Чѣмъ женщина красивѣе и моложе, тѣмъ она опаснѣе и гнуснѣе. Поэтому для печенія просвиръ берутъ только старыхъ женщинъ.

Чтобы ослабить зло и удалить опасность, женщину держатъ взаперти. Сидитъ она за двадцатью семью замками, заперта на двадцать семь ключей, чтобы не повѣялъ на нее вѣтеръ, не палило бы ее солнце, не увидалъ бы ея лихой человѣкъ... Что касается до женщинъ высшихъ классовъ, то перечисленныя въ народной пѣснѣ предосторожности приводятся въ буквальное исполненіе. Помѣщеніе боярыни, находящееся въ самой глубинѣ дома, похоже на тюрьму, и ключъ отъ нея у боярина. Ни одинъ мужчина, будь онъ самый близкій родственникъ, не можетъ туда проникнуть. Окна выходятъ на внутренній дворъ, защищенный высокимъ заборомъ отъ нескромныхъ глазъ. Это—тюремный дворъ. Обыкновенно тамъ есть часовня или молельня, гдѣ женщина молится; въ церковь же она ходитъ только по большимъ праздникамъ, и тогда ее окружаютъ всевозможными предосторожностями какъ и, вообще, при всѣхъ ея рѣдкихъ выходахъ изъ дому. Она ѣдетъ въ экипажѣ, напоминающимъ монастырскую карету, съ пузырями вмѣсто стеколъ въ дверцахъ, черезъ которые она все видитъ, не будучи видима сама; ее непремѣнно эскортируетъ маленькій отрядъ слугъ, вродѣ пажей,—не то охранителей, не то шпіоновъ. Большинство изъ нихъ никогда въ жизни не увидитъ лица такъ усердно оберегаемой госпожи, да и сами друзья хозяина не могутъ этимъ похвастаться. Въ принципѣ, жена не должна была показываться гостямъ своего мужа. Но дѣлалось исключеніе на пирахъ, когда хотѣли особенно почтить знатныхъ гостей. Въ серединѣ трапезы тогда происходила церемонія, гдѣ какъ бы отразились рыцарскія идеи Запада. По знаку хозяина, боярыня сходила по лѣстницѣ терема, въ самыхъ лучшихъ своихъ нарядахъ, съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Пригубивъ, она подавала его каждому гостю; затѣмъ, стоя на почетномъ мѣстѣ, она принимала ихъ почтительный поцѣлуй.

Все это, конечно, было въ обычаѣ только въ аристократическомъ классѣ. Внѣ этого класса, заточеніе казалось менѣе необходимымъ, опасность не такой страшной. Простая женщина была вьючнымъ животнымъ, и ей можно было безпрепятственно предоставить хлопотать по хозяйству, полоскать въ общественной портомойнѣ бѣлье и работать на полѣ. Даже въ среднемъ классѣ *теремъ* существовалъ въ измѣненномъ видѣ. Въ большіе праздники жены мелкихъ дворянъ, купчихи и простолюдинки толпились на улицахъ вокругъ качелей и вертящихся колесъ, которые ставились въ это время и очень забавляли женское населеніе той эпохи. Аристократки имѣли ихъ во внутреннихъ

дворахъ своихъ жилищъ. Покачавшись, собирались для пляски на какомъ-нибудь лугу. Тогдашняя хореографія, кажется, была очень примитивна и страдала монотонностью. Стоя на одномъ мѣстѣ, плясуньи притоптывали ногами, кружились, поводили плечами, шевелили бедрами, во всѣ стороны покачивали головой, помахивали платочкомъ, и все это сопровождалось пѣснями и рѣзкой музыкой какого нибудь скомороха. Однако, Перссонъ видѣлъ въ этихъ забавахъ кое-какія не совсѣмъ невинныя подробности, въ родѣ того, что плясуньи довольно двусмысленно становились задомъ другъ другу и терлись мягкими частями тѣла; онъ слышалъ также пѣсни на довольно непристойныя темы.

И здѣсь опять мы встрѣчаемся съ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ слишкомъ строгаго религіознаго закона. Церковь запрещала самыя невинныя пляски и всѣ, рѣшительно, удовольствія. Но если передъ діаволомъ запирались двери, онъ влѣзалъ въ окно. Общественныя бани подавали поводъ къ болѣе серьезнымъ безчинствамъ. Казалось бы, оба пола были тамъ совершенно разобщены; но, вымывшись въ натопленныхъ баняхъ, мужчины и женщины, потные, разгоряченные ударами вѣниковъ, встрѣчались у выхода: здѣсь они безъ стѣсненія вели оживленные разговоры, и бросались всѣ вперемежку въ рѣку или валялись по снѣгу, съ крикомъ, шутками и прибаутками извѣстнаго характера.

Аскетическій режимъ находилъ здѣсь свой грязный стокъ.

Только вдова, имѣющая сыновей, почти всецѣло ускользала отъ этого режима. Въ жизни семейной, общественной, даже государственной, она пользовалась полной независимостью и совершенно равными правами съ мужчиной. Напротивъ, если она не имѣла мужского потомства, она попадала въ разрядъ сирыхъ и убогихъ, опекаемыхъ и руководимыхъ Церковью, но совершенно заброшенныхъ обществомъ. Такимъ образомъ, исключеніе подтверждало правило. Если, впрочемъ, дѣвственница или мать, Ева и была проклята во имя аскетическаго идеала, она могла возвыситься до него сама путемъ чудесныхъ добродѣтелей. Тогда она становилась святою во имя того же ученія. Но этотъ путь былъ, очевидно, особенно труденъ для нея, потому что въ Четьихъ-Минеяхъ Макарія мы находимъ всего лишь два житія святыхъ женъ. Чуть ли русскіе агіографы не питали нѣкотораго презрѣнія къ немногимъ избранницамъ, хотя бы и признаннымъ Церковью. Слава святыхъ Ольги и Евфросиніи Полоцкой, жившихъ

въ X и XII вѣкахъ, нашла своихъ историковъ только въ XV столѣтіи. А вѣдь обѣ были княгинями!

Былъ еще исходъ у тѣхъ, кто не могъ достигнуть подобныхъ вершинъ: міръ сверхъестественныхъ силъ, которому народное воображеніе приписывало такую важную роль въ жизни человѣка. Женщина, стоящая внѣ общества, презираемая какъ жена и мать,—возбуждала страхъ, какъ колдунья, и пользовалась почетомъ, какъ ворожея. Она царила въ волшебномъ мірѣ суевѣрій. Поэтому въ расколѣ, гдѣ суевѣрію отведено большое мѣсто, вѣчно-женственное начало обрѣтетъ снова всѣ свои преимущества и выдвинется на первый планъ.

Но, по крайней мѣрѣ, были ли семейныя радости въ нормальной жизни удѣломъ женъ и матерей?

III.

Семья.

Здѣсь мы сразу встрѣчаемся съ отрицательнымъ отвѣтомъ на заданный нами вопросъ. Въ высшихъ классахъ женщинѣ не поручалось воспитаніе дѣтей. Значитъ, съ этой стороны, искать больше нечего. Церковь налагала запретъ какъ на материнскую, такъ и на сыновнюю любовь. Оставалось замужество. Но выйти замужъ вовсе не значило для дѣвушки найти молодого человѣка, который былъ бы ей по сердцу, или могъ бы ей понравиться. За исключеніемъ случаевъ вторичнаго брака, свадьбы были дѣломъ родителей, а они обыкновенно и не думали справляться о согласіи сторонъ. Тѣмъ болѣе, что часто соединяли бракомъ малолѣтнихъ. Двѣнадцать лѣтъ для дѣвочки, четырнадцать для мальчика—считались достаточнымъ возрастомъ. И до самой свадьбы, чуть ли не до дверей опочивальни, супруги могли, вѣрнѣе, должны были оставаться совершенно неизвѣстными другъ другу. Особенно, мужъ не долженъ былъ видѣть жены до послѣдней минуты. Чтобы избѣжать слишкомъ непріятныхъ неожиданностей, родственница жениха брала на себя роль *смотрительницы*. Ее вводили въ горницу, убранную для того случая, и показывали ей невѣсту за пологомъ, который сейчасъ же снова задергивали. Но случалось нерѣдко, что подмѣнивали невѣсту. Обманутый супругъ могъ подать въ судъ, потребовать разслѣдованія, просить

о расторженіи брака. Но чаще онъ кончалъ дѣло тѣмъ, что дурнымъ обращеніемъ принуждалъ женщину итти въ монастырь. Въ исключительномъ случаѣ, если сватовство считалось очень лестнымъ для невѣсты, жениху разрѣшалось самому исполнить обрядъ *смотринъ;* но, если онъ послѣ этого отступалъ, это считалось оскорбленіемъ, подлежащимъ солидной оплатѣ.

Послѣ *смотринъ* устраивался *сговоръ,* гдѣ велись длинные споры, гдѣ заключались условія. Иногда требовалось, чтобы приданое (которое уплачивалъ до XVI в. женихъ), было выдано имъ немедленно, по поговоркѣ: «деньги на столъ, дѣвка за столъ»; но невѣста еще не показывалась. Послѣ подписанія договора, какая-нибудь родственница подносила отъ нея жениху кое-какіе подарки.

Свадебные обряды были очень сложны: они символически изображали вступленіе въ новую жизнь и приближались къ обрядамъ, происходившимъ при вступленіи на престолъ князя.

Два лица руководили церемоніей—*тысяцкій* и *ясельникъ.* Въ удѣльно-вѣчевой періодъ тысяцкіе несли важныя обязанности; здѣсь же такъ назывался человѣкъ, распоряжавшійся толпой дружекъ и подневѣстницъ. *Ясельникъ* долженъ былъ предохранять отъ порчи и колдовства всѣхъ участвующихъ въ обрядѣ, такъ какъ свадьба считалась самымъ благопріятнымъ моментомъ для злыхъ духовъ и колдуновъ.

Еще наканунѣ, всѣ собирались въ домѣ жениха, который принималъ поздравленія, устраивалъ пиръ и, въ свою очередь, посылалъ невѣстѣ, все еще отсутствующей, болѣе или менѣе роскошные подарки: ларчикъ съ кольцами и притираньями, разныя лакомства и— символическую плетку. А въ это время *сваха* стлала брачное ложе. Прежде всего она обходила весь домъ съ вѣткой рябины въ рукѣ, чтобы отвести порчу. Опочивальня молодыхъ устраивалась, по большей части, въ свѣтелкѣ, какъ можно выше отъ земли, чтобы ничто въ ней не напоминало могилы. Ее убирали коврами и куньими мѣхами, служившими главнымъ признакомъ богатства и комфорта; по угламъ ставили оловянные сосуды съ медомъ; потомъ, одинъ за другимъ, туда вносились всѣ необходимые предметы, а передъ ними несли образа Спасителя и Богородицы. Постель, обыкновенно, устраивалась на деревянныхъ лавкахъ. Прежде всего клались на нее ржаные снопы, причемъ количество ихъ соотвѣтствовало званію молодыхъ и имѣло символическое значеніе. Сверху стлали ковры и клали,

одну на другую, перины, а въ ноги и въ головы ставили открытыя бочки съ пшеницей, рожью, ячменемъ и овсомъ.

На слѣдующій день у жениха готовился второй пиръ, для котораго пекли свадебный *коровай*. На этотъ разъ для молодой приготовлялось мѣсто рядомъ съ молодымъ, на верхнемъ концѣ стола; передъ нею стлали одна на другую три скатерти, ставили солонку, клали *калачъ* и творогъ. Женихъ отправлялся за невѣстой съ многочисленными провожатыми, которые несли *коровай* и свѣчи, иногда по-двое, такъ какъ свѣчи вѣсили нерѣдко по 48 килограммовъ! *Дружка* несъ *осыпало*—большое блюдо съ хмѣлемъ, символомъ богатства и веселья, куньими мѣхами, шитыми золотомъ платками и деньгами, которыя должны были раздаваться присутствующимъ. Подобная же процессія сопровождала невѣсту, скрытую подъ густымъ покрываломъ. Двѣ подружки несли по блюду, гдѣ лежали свадебная повязка, платки, также предназначавшіяся присутствующимъ, и стоялъ кубокъ со смѣсью вина и меда, на употребленіе котораго мы сейчасъ укажемъ.

Оба поѣзда направлялись къ дому молодыхъ, и пиръ начинался длинными молитвами, прочитанными попомъ. Обычай требовалъ, чтобы гости, только для виду, прикоснулись къ первому блюду, пока не встанетъ сваха и не попроситъ у родителей невѣсты позволенія надѣть на нее свадебный уборъ. Тогда зажигались свѣчи и между женихомъ и невѣстой протягивалтя кусокъ тафты съ вышитыми на обоихъ концахъ большими крестами. Сваха снимала съ невѣсты покрывало и, прежде чѣмъ покрыть ея голову сѣткой и *кикой*, обмакивала гребень въ символическій кубокъ и проводила имъ по ея волосамъ. Въ это время, пока подружки обмахивали жениха и невѣсту куньими шкурками, въ среднемъ классѣ было въ обычаѣ, чтобы оба они прикоснулись щекою къ тафтѣ, которая ихъ раздѣляла. Впереди держали зеркало, и тутъ въ первый разъ они могли взглянуть другъ на друга. Въ это же время одинъ изъ гостей, въ вывернутомъ тулупѣ, подходилъ къ нимъ и желалъ имъ столько дѣтей, сколько волосковъ въ этой шкурѣ.

Затѣмъ слѣдовали—раздача платковъ и другихъ предметовъ, бывшихъ на *осыпалѣ*, обмѣнъ при попѣ кольцами и врученіе отцомъ невѣсты жениху эмблемы отеческой власти. Мы здѣсь разумѣемъ, конечно, плетку. «Пожалуй, она и не понадобится», галантно говорилъ женихъ, но все же затыкалъ плетку за поясъ. Отправлялись въ

церковь. Дорогою пѣли, плясали, несмотря на присутствіе попа, и подъ его гнѣвными взглядами; скоморохи потѣшали поѣзжанъ своими шутками. Послѣ вѣнчанія иногда молодая кланялась мужу въ ноги, касаясь лбомъ его сапога, въ знакъ покорности, а онъ въ то же время покровительственнымъ жестомъ прикрывалъ свою избранницу полою кафтана. Иногда попъ предлагалъ супругамъ чашу, и они трижды пригубляли ее, а затѣмъ ее бросали на землю, и оба торопились на нее наступить. Если это удавалось женщинѣ, предсказывали, что верховодить въ домѣ будетъ она. При выходѣ изъ церкви происходили также символическіе обряды: напримѣръ дѣлали видъ, будто хотятъ разъединить молодыхъ, державшихся вмѣстѣ. Молодой полагалось много плакать, къ чему настраивали ее жалобныя пѣсни подругъ, и, какъ и новобрачный, она не должна была прикасаться ни къ одному блюду до той минуты, какъ пирующимъ не подавали лебедя, а передъ молодыми не ставили на столъ жареную курицу.

Это было знакомъ итти почивать, и здѣсь еще яснѣе, нежели во всемъ предыдущемъ, обнаруживался духъ мѣстнаго мистицизма и содержащіеся въ немъ грубо-чувственные и наивно-циническіе элементы. Первая отправлялась въ опочивальню символическая курица, сопровождаемая несущими свѣчи, коровай и всѣми гостями. Втыкали свѣчи въ бочки съ зерномъ, молодыхъ вводили въ спальню со множествомъ новыхъ церемоній и возвращались къ столу, въ то время, какъ сваха и ея помощницы раздѣвали молодыхъ. При этомъ жена въ знакъ смиренія должна была разуть мужа. Въ одномъ изъ сапогъ находилась деньга, и было добрымъ знакомъ, если этотъ сапогъ будетъ снятъ первымъ. А мужъ, вступая въ свои права, вынималъ изъ-за пояса плетку и пускалъ ее въ дѣло съ принятою въ этомъ случаѣ осторожностью. Наконецъ, супруги оставались одни, подъ защитой *ясельника*, который обходилъ пѣшкомъ или объѣзжалъ на лошади вокругъ дома. Гости пировали около часу, потомъ одна изъ подружекъ шла справляться о молодыхъ. Если черезъ дверь супругъ говорилъ, что онъ здоровъ, это значило, что все совершили ладно и тотчасъ-же гости шли на чердакъ, чтобы накормить молодыхъ. Курица была главною ѣдою за этой ритуальной трапезой, но обычно къ ней прибавлялись и другія блюда. Тутъ обмѣнивались здравицами и поздравленіями, укладывали снова молодыхъ и возвращались пировать.

На другой день церемоніи продолжались обязательной баней, послѣ которой молодая вручала матери молодого (свекрови) доказательство своей невинности, свадебную рубашку, которая свято сохранялась. При царскихъ свадьбахъ, придворные въ первый разъ могли въ этотъ день лицезрѣть царицу, при чемъ знатная боярыня приподнимала стрѣлою конецъ ея покрывала. Теперь наступала очередь невѣстиныхъ родныхъ угощать свадебныхъ гостей. Но случалось, что они подвергались въ этотъ день несмываемымъ позоромъ; если отецъ молодого преподносилъ имъ чашу съ отверстіемъ во днѣ, которое онъ затыкалъ пальцемъ. Онъ отнималъ палецъ, и вино или водка разливались по столу, указывая присутствующимъ, что молодая «оказалась не такою, какой должна бы быть.»

Въ теченіе всѣхъ этихъ празднествъ, она произносила только положенныя слова, и все время хранила молчаніе, что считалось признакомъ хорошаго воспитанія. Напротивъ, ея подруги пользовались въ подобныхъ случаяхъ исключительной свободой, и, пользовались ею настолько широко, что, вырвавшись изъ-подъ вѣчнаго гнета, онѣ доходили до безумныхъ выходокъ, и самыя скромныя и чистыя дѣвушки предавались внезапной, безудержной распущенности. Но проходили эти дни—и двери терема захлопывались за ними; тѣ-же двери скрывали и судьбу молодой супруги.

Какова была эта судьба, легко можно себѣ представить. Конечно, Домострой преувеличилъ суровость семейной обстановки; но она все-таки напоминала монастырь. Въ мало-мальски просторныхъ домахъ *крестовая комната*, покрытая иконами сверху донизу, служила по нѣсколько разъ въ день сборнымъ пунктомъ для всѣхъ домашнихъ. Всѣ житейскія происшествія—какъ крупныя, такъ и незначительныя, заставляли обращаться къ образамъ; иконы почитали наравнѣ съ мощами и другими священными предметами, какъ напримѣръ со свѣчами, зажженными отъ небеснаго огня въ Іерусалимѣ, или частицею камня, на которую ступала нога Спасителя. Но и по выходѣ изъ крестовой, въ рукахъ оставались четки. Непремѣнно художественной работы, освященное въ какомъ-нибудь почитаемомъ мѣстѣ поклоненія, въ родѣ Троицы, Соловковъ или Бѣлоозера, это орудіе благочестія въ рукахъ затворницъ терема казалось прообразомъ ихъ жизни, дни которой, пустые и однообразные, текли, перемежаясь молитвами.

Всѣ вставали рано—и простой народъ, и высшіе классы: лѣтомъ

съ солнцемъ, зимою за нѣсколько часовъ до восхода. Еще въ XII вѣкѣ считали часы по восточному: двѣнадцать ночныхъ и двѣнадцать дневныхъ, и принимали за норму время равноденствія, такъ что первому часу дня соотвѣтствовалъ нашъ теперешній седьмой. И сама Церковь распредѣляла свои службы по этому времени, а къ ней примѣнялись всѣ занятія, которыя, впрочемъ, въ высшемъ классѣ, заключались только въ присутствованіи на богослуженіяхъ вплоть до обѣденнаго часа. Послѣобѣденный отдыхъ считался обязательнымъ. Даже купцы запирали лавки, и только на одной изъ московскихъ площадей, носившей названіе *Вшивой площади*, въ этотъ часъ орудовали цирульники, расправляясь со слишкомъ пышными шевелюрами. Этотъ отдыхъ имѣлъ законное основаніе: ѣли много, наполняли желудокъ огромнымъ количествомъ, большею частью, неудобоваримой пищи. Лжедимитрій выдалъ свое происхожденіе тѣмъ, что не слѣдовалъ этому народному обычаю.

Молитва, ѣда и сонъ наполняли всю жизнь супруги богатаго боярина. У другихъ женщинъ были хозяйственныя заботы, но они уже походили на барщину, на каторгу. Праздная и вялая боярыня, чтобы избавиться отъ несносной скуки, соберется развѣ вышить какое-нибудь украшеніе для церкви. Но скука не была самымъ опаснымъ гостемъ у семейнаго очага, устроеннаго описаннымъ нами образомъ. Сколько было неудачныхъ союзовъ, какъ великъ былъ страхъ передъ возможными осложненіями! И не изобрѣлъ-ли самъ законъ ужасной кары для женщины, отравившей мужа? Виновную зарывали живою въ землю и только голову оставляли наружи, чтобы продлить мученіе. Часто оно продолжалось многіе дни. Нѣкоторыя осужденныя избѣгали этой участи тѣмъ, что принимала постриженіе; ихъ помѣщали въ отдѣльныя кельи и заковывали въ цѣпи.

Но за подобные союзы, гдѣ рѣдко женщина находила любовь— поруганная, замученная, заброшенная, она мстила, большей частью, любовью же. Какъ ни зорко стерегли ее, ей, по поговоркѣ, удавалось посадить мужа «подъ лавку». Отвращеніе, внушаемое *нехристями*, какъ называли тогда иностранцевъ, не было препятствіемъ къ прелюбодѣянію; если Домострой запрещаетъ входъ въ терема подозрительнымъ кумушкамъ, то не указываетъ ли это на частое нарушеніе слишкомъ строгаго закона? Можно было всегда встрѣтить подобныхъ посредницъ въ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ простолюдинками—въ прачечныхъ, на рынкахъ, у колодца. Онѣ проникали и въ наиболѣе ува-

жаемые дома, гдѣ служа, и нашимъ, и вашимъ, обезпечивали себѣ ласку хозяина. Ему нечего было прятать своихъ любовницъ: обычай позволялъ ему брать ихъ къ себѣ въ услуженіе, даже силой, что не возбуждало нареканій.

Въ народѣ испорченность нравовъ въ этомъ отношеніи доходила до крайности; тамъ царили полная распущенность и отсутствіе малѣйшей стыдливости. Выходя совершенно голыми изъ публичныхъ бань, женщины на улицахъ задѣвали прохожихъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Олеарій опишетъ намъ сцену, свидѣтелемъ которой онъ самъ былъ въ Новгородѣ: при большомъ стеченіи народа по поводу какой-то церковной службы, пьяная баба вышла изъ кабака. Ее разобрало отъ свѣжаго воздуха, и она упала на площади въ непристойной позѣ. Пьяный мужикъ бросается на это обнаженное тѣло, какъ похотливое животное, а толпа—дѣти, женщины и мужчины—съ хохотомъ тѣснится вокругъ этой отвратительной пары...

Даже материнство не избавляло женщину отъ печальной судьбы. Оно сводилось къ первымъ внѣшнимъ заботамъ, гдѣ отсутствовало самое существенное: любовь. Правда, уваженіе къ родителямъ считалось залогомъ счастливой и продолжительной жизни. Про тѣхъ, кто поносилъ своихъ родителей, говорилось: «его вороны заклюютъ, его орлы растерзаютъ...» «Отцовское проклятіе засушитъ, а материнское погубитъ», говоритъ другая пословица. Семейный законъ, давшій въ руки отца безграничную власть («слушай батюшку, какъ Бога, а матушку, какъ самого себя»), былъ основанъ только на страхѣ. Отецъ, котораго должны были не любить, а уважать, былъ грознымъ носителемъ плетки. Здѣсь все то же крѣпостное право, лишенное моральной основы, какъ достойный спутникъ государственнаго устройства, которое имъ дополнялось, освящалось и оправдывалось.

Подъ семейнымъ кровомъ, слишкомъ часто прикрывавшимъ настоящій адъ, только смерть была окружена ореоломъ искренныхъ и важныхъ размышленій. Церковный законъ, слишкомъ требовательный къ жизни, и потому вѣчно нарушаемый, находилъ здѣсь полное удовлетвореніе. Считалось небеснымъ благословеніемъ умереть въ кругу своей семьи и въ полной памяти. Благодаря силѣ вѣры, этотъ моментъ не казался страшнымъ. Къ нему готовились задолго, обдумывая свое завѣщаніе и стараясь внести въ него какъ можно больше добрыхъ дѣлъ: раздачу милостыни, отпущеніе холоповъ на волю, отсрочку или

прощеніе долговъ. Исполненіе своихъ обязательствъ считалось особой заслугой, и все это выразительно называлось: «строить душу». Часто случалось, что умирающій принималъ постриженіе; такъ же поступали обыкновенно, цари. Если по принятіи *схимы* наступало выздоровленіе, уходъ въ монастырь былъ обязательнымъ. Но и у самаго порога въ вѣчность, при всемъ уваженіи къ христіанскимъ вѣрованіямъ, языческія традиціи вступали въ свои права и выливались въ формы, проникнутыя самымъ грубымъ матеріализмомъ. Устраивались поминки, и на подоконникъ ставилось блюдо, приготовленное изъ каши и муки,— можетъ быть, уже извѣстная намъ кутья; раздавались причитанья, проникнутыя мірскимъ и кощунственнымъ духомъ: «Милый ты мой!» начинала вдова, «на что ты меня покинулъ?.. Ужъ я ли тебѣ не угождала, ужь я ли для тебя не рядилась, не убиралась?», а присутствующіе подхватывали: «Или не было у тебя чего пить-ѣсть?.. Или не было у тебя молодой жены?»

Семья была скорѣе ассоціаціей интересовъ, нежели моральной единицей. Поэтому она являлась очень растяжимой и могла включать въ себя разнородныя группы, что мы видимъ въ Исландіи, въ Сербіи, даже въ Америкѣ, вездѣ, однако, на низшихъ ступеняхъ развитія. Сербская *задруга* является наиболѣе совершеннымъ типомъ элементарнаго сожительства отъ 10 до 50 человѣкъ подъ одною крышей, садящихся за одинъ столъ и признающихъ власть одного главы, помимо всѣхъ родственныхъ связей. На подобныя сожительства указывали уже Несторъ и Русская Правда, и они существовали до XVIII в. въ сѣверо-западныхъ областяхъ, близъ Пскова, и въ юго-западныхъ, смежныхъ съ Литвой. Апологеты этого рода ассоціацій указывали намъ на то, что они облегчали экономическую борьбу; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ способствовали атрофіи личной инициативы и, конечно, не могли внести въ семейныя или половыя отношенія ни чистоты, ни мягкости.

Несмотря на отрицательные отзывы всѣхъ современныхъ наблюдателей, нельзя конечно утверждать, чтобы собственно семейная жизнь, какъ ее понимали москвичи XVI в., не способствовала развитію извѣстныхъ семейныхъ добродѣтелей. Взоръ наблюдателей останавливался на болѣе выдающихся явленіяхъ, а цвѣтокъ добродѣтели распускается больше въ тѣни. Самой характерной въ этомъ отношеніи чертой былъ духъ солидарности, чрезвычайно сильно развившійся въ обширномъ кругу слугъ и челяди, жившихъ въ то время около

хозяина дома. Холопы или вольные, эти слуги составляли дѣйствительно нѣчто вродѣ двора—дворню,—и бояринъ разыгрывалъ государя, подражая въ церемоніяхъ и распредѣленіи должностей великокняжескому обиходу. Только при опочивальняхъ вмѣсто *спальниковъ* состояли, большею частью, *постельницы*... Всю эту челядь плохо кормили, такъ какъ, конечно, *ключникъ* выгадывалъ для себя на провизіи; ее плохо одѣвали, потому что и здѣсь, какъ и при великокняжескомъ дворѣ, богатыя платья употреблялись только въ особенныхъ случаяхъ. Поэтому нерѣдко дворня старалась поживиться въ другомъ мѣстѣ. Она браталась съ нищими и бродягами, шлялась по улицамъ, попрошайничала вмѣстѣ съ ними, а по ночамъ, въ ихъ сообществѣ, была не прочь и ограбить прохожаго. Слугъ наказывали и награждали безъ толку, и о справедливости они имѣли представленіе, ничего общаго не имѣвшее съ нравственностью. Они были убѣждены, что господинъ всегда сумѣетъ найти вину, если захочетъ побить слугу. Но они готовы были умереть за этого господина. Когда боярскіе роды ссорились между собою, челядь принимала въ борьбѣ живое участіе, и видѣла въ этомъ дѣло чести, что совершенно совпадаетъ съ отношеніями между служилыми людьми и государемъ. Если боярина сплошь и рядомъ обкрадывали слуги, а иногда и предавали его, то и онъ злоупотреблялъ своей властью надъ ними и нарушалъ самые близкіе ихъ интересы. Равнымъ образомъ бояринъ не задумывался обмануть своего государя и, гдѣ только можно, поживиться на его счетъ; онъ былъ даже не прочь измѣнить ему при удобномъ случаѣ; но это не мѣшало ему порою питать къ нему безграничную преданность. Грозный всю свою жизнь преслѣдовалъ и каралъ своихъ слугъ за коварство, и въ то же время всегда находилъ исполнителей для всевозможныхъ задачъ. Эти люди были проникнуты особой моралью, гдѣ отсутствовало понятіе о добрѣ и злѣ, гдѣ не было мѣста совѣсти, но гдѣ, проявляясь въ подвигахъ полнаго, абсолютнаго самоотреченія, царилъ единый принципъ—*служба*. Этотъ категорическій императивъ, положенный въ основаніе общественной и политической организаціи, и внѣдренный въ духъ сильнаго и послушнаго народа, былъ тайною его успѣховъ и побѣдъ. Все величіе Россіи зиждилось на этомъ основаніи.

Мы видѣли боярина подъ кровомъ его дома. Посмотримъ же, какъ онъ живетъ внѣ его.

9*

IV.

Общество.

Мы уже знаемъ, что бояринъ только выѣзжаетъ въ экипажѣ или ѣздитъ верхомъ. И лошадь такъ же богато убрана, какъ ея хозяинъ. Конь и всадникъ составляютъ одно. Сѣдло покрыто сафьяномъ или шитымъ золотомъ бархатомъ, чепракъ также изъ драгоцѣнной ткани, уздечка серебряная, и вездѣ бусы, цѣпочки, бляхи, колокольчики, чуть ли не до самыхъ копытъ. Все звенитъ и играетъ. Слышно издали, что ѣдетъ важный бояринъ, и прохожіе сторонятся. Экипажъ, большею частью, представляетъ собою сани, такъ какъ даже лѣтомъ не любили ѣздить на колесахъ: сани были важнѣе. Такія сани, узкія и длинныя, предназначались собственно только для одного человѣка. Однако, двое слугъ кое-какъ пристраивались у господина въ ногахъ, и зимою вмѣстѣ съ нимъ почти исчезали подъ грудою мѣховъ. Возница садится верхомъ на запряженную лошадь, которая также гремитъ бубенцами; лѣтомъ она украшена перьями, а зимою куньими и лисьими хвостами. Бояринъ ѣдетъ въ гости. При приближеніи къ дому, который онъ хочетъ почтить посѣщеніемъ, у него является вопросъ этикета: гдѣ ему сходить съ коня или вылѣзать изъ саней? Если домъ принадлежалъ человѣку болѣе знатному, чѣмъ гость, то лошадь останавливали у воротъ. Въ Кремль могли въѣзжать только самые знатные люди, но никто не смѣлъ, подъ страхомъ кнута, проѣхать черезъ весь его дворъ. Отправляясь къ равнымъ себѣ, доѣзжали до крыльца. Тутъ гостя встрѣчаетъ самъ хозяинъ или какой-нибудь слуга, сообразно съ обстоятельствами и правилами строго соблюдаемаго церемоніала. Вошедши въ домъ, бояринъ крестится на иконы, прикасаясь двумя пальцами правой руки къ полу. Затѣмъ онъ подходитъ къ хозяину и обмѣнивается съ нимъ привѣтствіями, отъ простого пожатія руки до поклона въ ноги, согласно различію положенія. Все урегулировано до мельчайшихъ подробностей. Даже первыя слова являются стереотипными формулами, церемонными и искусственно-смиренными: «бью челомъ благодѣтелю...» «прости меня, скудоумнаго...» Обращаясь къ служителю алтаря, необходимо было назвать себя «окаяннымъ грѣшникомъ», а священника величать «учителемъ православія» и «блюстителемъ свѣта истиннаго». Съ подобнымъ же ломаньемъ принимали угощеніе или откланивались, начиная снова съ иконъ, какъ при входѣ.

Встрѣчи въ общественныхъ мѣстахъ требовали меньше этикета и церемоній; но онѣ были рѣдки. Знатные люди не ходили въ публичныя бани, хотя мыться ежедневно или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ недѣлю было принято во всѣхъ классахъ. Но самый скромный дворянинъ имѣлъ свою баню. Если русскій человѣкъ чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ выпивалъ рюмку водки, настоенной на чеснокѣ или перцѣ, и заѣдалъ лукомъ: послѣ этого онъ шелъ въ баню. Это было средствомъ противъ всѣхъ болѣзней; только нѣкоторые вельможи довѣряли врачамъ, да и то не очень; притомъ врачи въ то время были рѣдки и всѣ—иностраннаго происхожденія. Первый лекарь, пріѣхавшій въ Москву съ женой Ивана III, Софьей Палеологъ, былъ казненъ за неудавшееся леченье. Это не могло служить для другихъ поощреніемъ. Все же, при Иванѣ IV составился врачебный персоналъ, гдѣ съ нѣмцемъ Елисеемъ Бомеліусъ соперничали четыре англичанина: Стэндишъ, Эльмсъ, Робертсъ и аптекарь Френсгэмъ. Но всѣ они вмѣстѣ не могли бы заставить русскаго человѣка проглотить пилюлю или поставить себѣ клистиръ.

Кромѣ бань, общественная жизнь сосредоточивалась на пирахъ, которые давались не рѣдко и были двухъ родовъ: частныя пиршества отличались отъ общественныхъ, которыя устраивались группами, сообществами и носили названіе *братчинъ*. Родня и друзья пировали по поводу большихъ праздниковъ и семейныхъ событій—въ родѣ свадебъ, крестинъ, похоронъ. При дворѣ устраивались пиры при вѣнчаніи на царство, поставленіи новаго митрополита, при пріемѣ иностранныхъ пословъ. Вопросъ о *мѣстахъ* пріобрѣталъ здѣсь огромную важность и часто кончался ссорами или кровопролитной схваткой. Впрочемъ, считалось хорошимъ тономъ заставлять себя упрашивать сѣсть на верхнемъ концѣ стола, на подобающее мѣсто. Обыкновенно, ѣли вдвоемъ съ одного блюда, брали куски пальцами, а кости складывали на тарелки, которыя только для этого и служили и не смѣнялись въ теченіе всей трапезы. Хозяинъ раздавалъ хлѣбъ и соль и посылалъ нѣкоторымъ знатнымъ гостямъ лучшіе куски. Количество перемѣнъ было невообразимо, и продолжительность пира, въ соединеніи съ необыкновеннымъ приготовленіемъ многихъ блюдъ, приправленныхъ лукомъ и чеснокомъ, съ запахомъ гнилой рыбы, наполнявшимъ воздухъ, со множествомъ обязательныхъ возліяній и, наконецъ, съ непристойными выходками большинства гостей, становилась для иностранцевъ совершенно невыносимою. Случалось, что даже женщинъ,

пировавшихъ отдѣльно, развозили по домамъ безъ сознанія. Если хозяйка на другой день посылала спросить о здоровьѣ, было принято отвѣчать, намекая на широкое гостепріимство: «ужъ такъ была весела что и не помню, какъ домой воротилась».

У людей набожныхъ молитвенные обряды страннымъ образомъ примѣшивались къ попойкамъ; духовенство, приглашенное и посаженное на почетное мѣсто, платило за угощеніе молитвами и разными обрядами, благословеніемъ блюдъ и питій, кажденіемъ ладана по всѣмъ комнатамъ дома. Иногда, какъ въ монастыряхъ, на столъ ставили ковчежецъ съ «просфорой Пр. Богородицы». Во время пира пѣли молитвы. Въ прихожей кормили нищихъ; нѣкоторыхъ даже сажали за столъ. Въ иныхъ домахъ, напротивъ, пиръ переходилъ въ оргію. Раскрывались двери терема, появлялись женщины. Музыканты и скоморохи забавляли гостей. Раздавались непристойныя пѣсни.

У крестьянъ пирушки носили имя «пива», потому что при этомъ испрашивалось особое разрѣшеніе приготовлять крѣпкіе напитки: пиво, настойки, меды, которые составляли предметъ монополіи. Это разрѣшеніе давалось на три дня или даже на цѣлую недѣлю по поводу большихъ праздниковъ, а затѣмъ фискальные агенты опечатывали напитки и до слѣдующаго праздника.

Братчины назывались также *ссыпными* (отъ глагола *ссыпать*). Должно быть, первоначально дѣлались взносы зерномъ, ссыпаемымъ въ кучу. Подъ предсѣдательствомъ выборнаго *старосты* эти коллективныя организаціи пользовались правомъ собственной юрисдикціи, слѣды чего сохранились до XVIII вѣка: ссоры между участниками этихъ собраній не подлежали общему судопроизводству. Сложилась даже пословица: «съ нимъ пива не сваришь»; она указываетъ на характеръ этихъ возліяній, связанныхъ съ идеей совмѣстнаго дѣйствія, союза. Тутъ крестьяне и вельможи встрѣчались на равныхъ правахъ; но еще чаще, нежели на пирахъ частныхъ, здѣсь происходили сцены буйства, кровавыя ссоры и даже убійства. Поэтому благочестивые люди, обыкновенно, не принимали въ нихъ участія. Тамъ пили безъ мѣры. Уже Владиміръ сказалъ: «Руси веселіе—пити, не можетъ безъ того быти». Радость, любовь, расположеніе—цѣлая гамма чувствъ находила себѣ выраженіе въ винѣ. Напивались до полусмерти, чтобы выразить свою дружбу гостю или любезному сотоварищу. И ѣли до отвала, поглощая приготовленныя съ чеснокомъ щучьи головы, рыбныя похлебки съ шафраномъ, заячьи почки на молокѣ и съ имби-

ремъ. Все это было приготовлено особымъ способомъ, съ множествомъ пряностей, жгло небо и требовало обильныхъ возліяній. Въ большомъ употребленіи были вина венгерскаго происхожденія и рейнскія, искаженныя названія которыхъ трудно порой узнать. Напр., подъ именемъ *Петерсемена* надо разумѣть Peter Simons Wein—рейнское вино, ввозимое голландскимъ купцомъ Петромъ Симономъ; пили французскія красныя и бѣлыя вина; бургундскія,—между которыми фигурировала *Романея*; теперь въ русскихъ кабакахъ подъ этимъ именемъ извѣстна настойка изъ водки на ягодахъ; знали мальвазію, аликанте и другія испанскія вина. Для церковныхъ требъ шли исключительно французскія вина. Выписывали также въ большомъ количествѣ изъ-за границы водку и романейскій и рейнскій уксусъ. Обычнымъ народнымъ напиткомъ былъ *квасъ;* итальянецъ Тетальди говоритъ, однако, еще о другомъ употребительномъ питьѣ, куда входила сушеная овсяная мука и которое онъ называлъ *толокномъ*. Но въ русскихъ источникахъ о немъ говорится, какъ о пищевомъ продуктѣ.

Была ли привычка къ неумѣренности такимъ общераспространеннымъ явленіемъ? На этотъ вопросъ свидѣтельства даютъ такіе же разнорѣчивые отвѣты, какъ и на всѣ остальные. По словамъ англичанина Дженкинсона на Руси царило бы пьянство, если бы даже самъ Иванъ IV ничего не пилъ. Совершенно обратное мы читаемъ въ запискѣ, составленной въ Любекѣ въ 1567 г. по поводу предполагавшагося отправленія нѣмецкихъ пословъ ко двору того же Грознаго. Тамъ указывается посламъ на необходимость строгой воздержанности въ питьѣ, такъ какъ пьянство считается въ Московіи величайшимъ порокомъ. А, между тѣмъ, авторъ записокъ—негоціантъ, который долго жилъ въ Москвѣ (Форстенъ, Балтійскій вопросъ, I, 475). Литовецъ Михалонъ, котораго можно считать вполнѣ безпристрастнымъ, говоритъ то же самое. Правда, онъ же утверждаетъ будто на Руси не существуетъ кабаковъ—что явно противорѣчитъ истинѣ. По словамъ Тетальди, въ концѣ царствованія Ивана IV торговать спиртными напитками разрѣшено было въ Москвѣ только въ одномъ пригородѣ. Герберштейнъ, Гваньино и Олеарій также упоминаютъ о немъ, при чемъ каждый изъ нихъ искажаетъ имя этого пригорода, производя его отъ слова *наливать*. Настоящее его названіе было: *Наливки*; онъ поглощенъ теперь городомъ, но до сихъ поръ о немъ напоминаетъ церковь Преображенія *на Наливкахъ*. Торговля крѣпкими напитками, повидимому, была сосредоточена въ извѣстный моментъ въ этомъ мѣстѣ

стараго города. Между тѣмъ, другіе города и села пользовались въ этомъ отношеніи полною свободой подъ защитою кабаковъ, умножавшихся вездѣ въ интересахъ фиска. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мірскіе интересы боролись съ правилами стѣснительной морали и порождали компромиссы, которые могли ввести въ заблужденіе наблюдателей.

Какъ можно легко себѣ представить, Церковь преслѣдовала кабаки; но если даже судить по ея собственнымъ словамъ, ея поученія и проклятія, обыкновенно, имѣли весьма слабое дѣйствіе. Соборъ 1551 г. оставилъ намъ картину нравовъ, которая свидѣтельствуетъ о крайнемъ развратѣ, особенно въ низшихъ классахъ. Нѣкоторыя ночныя игрища, устраиваемыя въ честь христіанскихъ праздниковъ, сливались съ традиціями языческаго культа. Таковъ былъ, напр. Ивановъ день и праздникъ Ярилы,—славянскаго Пріапа. Тутъ пьянство вело за собою всѣ другія формы разврата. Мужчины и женщины, парни и дѣвушки проводили ночь въ какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ, плясали, пѣли, предавались всевозможнымъ излишествамъ. Мы читаемъ въ протоколахъ Собора о томъ, какъ на зарѣ они бѣгутъ съ дикими криками къ рѣкѣ купаться всѣ вперемежку, а, когда заблаговѣстятъ къ утрени, возвращаются домой въ полномъ изнеможеніи.

Очень характерно также, что члены Совѣта и всѣ духовные писатели того времени настойчиво указываютъ на существованіе содоміи.

Но мы знаемъ, что Церковь была очень, даже слишкомъ требовательна. Она со своей стороны грѣшила чрезмѣрной строгостью и осуждала всѣ формы общественности. Какъ удовольствія, такъ и мірское искусство одинаково воспрещались ею. Она преслѣдовала и скомороховъ. Народное преданіе, имѣющее религіозную подкладку, утверждаетъ, будто діаволъ принялъ видъ скомороховъ и бродячихъ фигляровъ, чтобы соблазнять человѣческія души. Но и безъ помощи діавола скоморохи нерѣдко мошенничали, даже грабили. Они стояли внѣ закона и вели себя соотвѣтствующимъ образомъ. Ради своей собственной безопасности они кочевали съ мѣста на мѣсто «ватагами» въ тридцать, въ пятьдесятъ человѣкъ и тогда ихъ приходилось опасаться. Будучи, въ своемъ родѣ, артистами, они дали начало развлеченіямъ, составляющимъ неотъемлемую часть жизни культурныхъ народовъ. Они разыгрывали комедіи, и народный театръ полу-

чилъ свое начало отъ ихъ смѣшныхъ и грубыхъ представленій. Но у нихъ были соперники, которыхъ съ одинаковымъ рвеніемъ преслѣдовала Церковь: это были вожаки медвѣдей, медвѣжатники.

Медвѣдь игралъ большую роль въ московской жизни того времени. По-своему артистъ, онъ не только былъ наученъ всевозможнымъ продѣлкамъ, но фигурировалъ, какъ главное лицо, въ разныхъ роляхъ комическаго репертуара, очень любимаго толпою. Онъ изображалъ то судью, изрекающаго нелѣпые приговоры, и желающаго, чтобы ему подмазали лапу, то обманутаго и побитаго мужа, русскаго Полишинеля и Сганареля. Но ему случалось выступать и въ трагической роли. Тогда любили физическія упражненія и борьбу всѣхъ родовъ: состязанія въ бѣгѣ, въ верховой ѣздѣ и въ стрѣльбѣ изъ лука, турниры всадниковъ, подхватывающихъ кольца на копье,—кулачные бои и бои на дубинахъ. Но больше всего любили травлю медвѣдя собаками, борьбу его съ другими звѣрями и, особенно, съ человѣкомъ. Вооруженный рогатиной, человѣкъ старался вонзить ее въ грудь своему ужасному противнику въ ту минуту, когда звѣрь поднимался на заднія лапы. Стоило промахнуться, и ему грозила опасность быть разорваннымъ на куски, что и случалось нерѣдко. Бойцы, большею частью, выбирались между царскими псарями, но въ спискѣ самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ мы находимъ также аристократическія имена. Такъ, князь Гундоровъ пожалованъ былъ въ 1628 г. кускомъ голубой камки за убитаго въ единоборствѣ медвѣдя; а боярскій сынъ Ѳедоръ Сытинъ былъ растерзанъ въ 1632 г. во время менѣе счастливой борьбы.

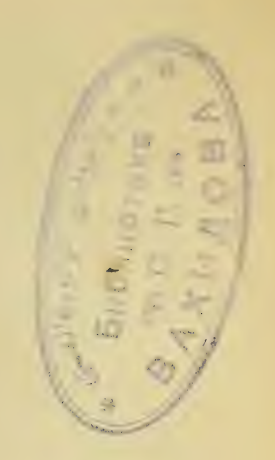
Дѣла чести рѣшались также съ помощью кулачной или палочной расправы; прибѣгать въ этомъ случаѣ къ мечу не было въ обычаѣ. Этого достаточно, чтобы понять, насколько грубъ и дикъ былъ этотъ формирующійся соціальный строй, и какъ далеко онъ стоялъ отъ изящныхъ формъ, уже сложившихся на Западѣ. Ничто не напоминало здѣсь тѣхъ дворцовъ Франціи и Италіи, гдѣ послѣ танцевъ и игры вели оживленную бесѣду; гдѣ особенно цѣнились гости, умѣющіе разсказать съ пріятностью анекдотъ и остроумно пошутить; гдѣ умѣли любоваться прекрасными предметами, несмотря на то, что еще не знали комфорта; гдѣ поэтически любили и ненавидѣли умно, и гдѣ послѣ ссоры, убивали другъ друга у порога дома, такъ же благородно, какъ и жили. Тамъ, въ расцвѣтѣ новаго искусства, создался свой идеалъ красоты и граціи; здѣсь народный духъ выработалъ совершенно противоположный типъ, который пользовался любовью народа и былъ тер-

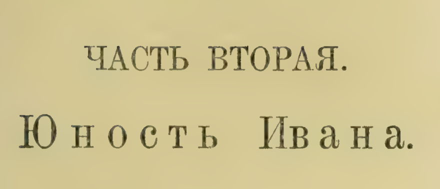
нимъ духовенствомъ. Я говорю о бродягахъ, называемыхъ *юродивыми* или *блаженными*. Это были ясновидцы и чудотворцы самаго грубаго пошиба, которые пользовались народною довѣрчивостью, чтобы скрывать свои плутни подъ видомъ сумасбродной суровости и яко бы чудотворной силы. Они ходили неодѣтыми въ самые большіе холода съ развѣвающимися, всклоченными волосами; притворялись, что не нуждаются ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, а сами заходили въ лавки и брали даромъ все, что имъ было нужно. И это считалось залогомъ благоденствія, благословеніемъ неба. Они слыли за святыхъ. Они пользовались правомъ говорить правду въ глаза самимъ государямъ, и мы увидимъ, какъ однажды Грозный, вступивъ въ споръ съ однимъ изъ нихъ, долженъ былъ отступить передъ его смѣлой рѣчью. Церковь терпѣла ихъ и даже отводила имъ мѣсто въ раю. На торжественныхъ похоронахъ блаженнаго Василія, — того самаго, во имя котораго выросъ шедевръ Бармы и Постникова на Кремлевской площади— самъ Иванъ несъ на своихъ плечахъ гробъ «святого».

Я сказалъ довольно, чтобы читатель могъ измѣрить пропасть, отдѣлявшую Европу отъ этого угла европейскаго міра въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ вступить въ соприкосновеніе съ сосѣдними культурами. Теперь будетъ понятенъ мой дальнѣйшій разсказъ о развитіи русскаго общества *).

---

*) Спр. общаго хар.: *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII, гл. I; *Карамзинъ*, VII, гл IV; *Костомаровъ*, Монографіи, XIX; *Забѣлинъ*, Домашній бытъ царей и царицъ — Источники: Флетчеръ, Дженкинсонъ, Ченслеръ (Hakluyt), Petreus, Rer. Ross. scriptores exteri; Ulfeld, Hodeporicon *(Старчевскій)*, Michalon, De Moribus Moscorum, Bâle, 1615; Mayerberg, Voyage en Moscovie, Bibliothèque russe et Polonaise, I et II; Buchau (Daniel Printz. v), Moscoviae artes et progressus, Scriptores rerum livonicarum, II; Tetaldi, по Шмурло, СПБ , 1891; Vigenère, Description du royaume de Pologne et des pays adjacents, 1573. Наконецъ, Домострой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Юность Ивана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый русскій царь.

I. Рожденіе Грознаго. — II. Правленіе бояръ. — III. Женитьба и вѣнчаніе на царство. — IV. Сильвестръ и Адашевъ. — V. Первый соборъ. Русскій парламентаризмъ.

I.

Рожденіе Грознаго.

Въ день рожденія Ивана IV—25 августа (4 сент.) 1530 г.—во всей странѣ слышались раскаты грома, сопровождаемые ужаснымъ сверканіемъ молній. Еще въ то время, когда дитя впервые зашевелилось въ материнскомъ чревѣ—стоявшія подъ Казанью московскія войска ощутили въ сердцахъ небывалое мужество и отвагу. Но достовѣрнѣе этихъ чудесъ, запечатлѣнныхъ народнымъ преданіемъ, были удары, потрясавшіе въ то время всю цивилизованную Европу: тамъ появились Виклефъ и Гуссъ, Лютеръ и Кальвинъ. По всему христіанскому міру, на поляхъ братоубійственныхъ сраженій и на площадяхъ, загроможденныхъ эшафотами, въ покинутыхъ храмахъ и при возмутившихся дворахъ государей—католики и протестанты, пастыри и солдаты, принцы и крестьяне—всѣ стремились заглушить военнымъ кличемъ, несшимъ смерть и насиліе, великій голосъ свободы, раздавшійся съ высоты Вартбурга. Потрясенная въ самыхъ своихъ основаніяхъ цер-

ковь вооружила всѣхъ, отъ нищаго монаха до самаго папы, на защиту ея привилегій. Но въ Римѣ, захваченномъ нѣмецкими войсками, Имперія и Франція оспаривали другъ у друга власть надъ міромъ. На Сѣверѣ, религіозная реформа служила первой ступенью для новой династіи, овладѣвшей шведскимъ и норвежскимъ трономъ.

Въ своемъ вѣковомъ одиночествѣ Русь оставалась чуждою этимъ движеніямъ. Она ничего не знала о нихъ и, можетъ быть, только иногда ощущала слабые отзвуки отдаленныхъ ударовъ. Но время уже спѣшило создать новыя узы на мѣсто порванныхъ. Чуждая, презираемая Москвою, Западная Европа уже начинала кое гдѣ интересоваться своей таинственной сосѣдкой. Съ XV в., когда уже начиналось въ Европѣ опасное броженіе, нарушившее ея единство и ея внутреннее согласіе, она увидѣла на своемъ горизонтѣ новую опасность: шуму грозы, грохотавшей въ ея нѣдрахъ противъ папства, отвѣчалъ извнѣ, какъ эхо, грозный голосъ ислама, готовящагося вступить въ борьбу съ христіанскимъ міромъ. Въ страхѣ передъ этой двойной опасностью, Римъ и Вѣна, Венеція и Генуя стали искать новыхъ помощниковъ— и открыли Москву. Итальянскіе дипломаты и левантинскіе посредники стараются съ этихъ поръ перекинуть мостъ черезъ пропасть. Черезъ свой бракъ съ дочерью Палеологовъ, дѣдъ Ивана IV вступилъ, подъ благословеніемъ Папы, въ семью европейскихъ государей. Въ 1473 г. Венеціанскій сенатъ напомнилъ московскому князю о его правахъ на престолъ Византіи. Въ 1480 и 1490 годахъ настоящій наслѣдникъ, Андрей Палеологъ, пытался въ самой Москвѣ, продать свои владѣтельныя права. Получивъ отказъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Карломъ VIII французскимъ. Но ключъ отъ этого сокровища былъ еще въ рукахъ Рима: думали, что съ помощью этого ключа онъ добудетъ московское войско для борьбы съ турками. Въ 1484 г. Сикстъ IV долженъ былъ успокаивать польскаго короля Казимира, который опасался за права своего старшинства среди семьи славянскихъ государствъ.

Заботясь болѣе о реальныхъ успѣхахъ, нежели о пріобрѣтеніи еще проблематическихъ титуловъ, Иванъ III отвѣтилъ пренебрежительнымъ отказомъ на заманчивыя предложенія. Однако, проектъ великаго славянскаго государства,—хотя бы и подъ опекой римскаго престола,—естественно связанъ былъ съ вопросомъ о положеніи русскихъ областей, являвш ихсяпредметомъ давняго спора между Польшей и Москвою. На этой почвѣ, гдѣ скрещивались враждебныя вліянія

и притязанія, естественно возникали новыя дипломатическія комбинаціи: ими поддерживалась и облекалась въ болѣе реальную форму все та же самая идея *панруссизма*. Андрея Палеолога великій князь московскій съ презрѣніемъ отсылалъ къ другимъ покупателямъ; совершенно иной—гораздо болѣе радушный пріемъ онъ оказалъ зато фонъ Турну, послу императора. Ему онъ заявилъ о своей готовности заключить «единачество» съ Максимиліаномъ, чтобы въ будущемъ общими силами дѣйствовать противъ султана. Но сперва онъ требовалъ, при помощи императора, свести историческіе счеты съ польскимъ сосѣдомъ. Поэтому, не дожидаясь папской буллы, онъ дозволилъ себѣ именоваться для своихъ подданныхъ *царемъ*. По понятіямъ православныхъ, этотъ титулъ соотвѣтствовалъ императорскому достоинству и былъ равносиленъ заявленію своихъ правъ на византійское наслѣдіе. Въ 1493 году, собственной властью, Иванъ III присвоилъ себѣ еще титулъ Государя всея Руси: этимъ онъ заявлялъ свои притязанія на Кіевъ и Вильно.

Такое самостоятельное рѣшеніе великой восточной проблемы подготовлялось еще задолго до Ивана III. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. Еще въ XIV вѣкѣ два государя—Душанъ сербскій и Александръ болгарскій одинъ за другимъ выступили съ тѣми же притязаніями. Оба они мечтали завладѣть Константинополемъ; оба начали съ провозглашенія себя царями. Въ манускриптахъ того времени мы видимъ упоминаніе о новомъ Царьградѣ: мѣсто ему было намѣчено въ Тырновѣ. Однако, Милюковъ справедливо замѣчаетъ, что, для осуществленія программы національнаго величія, Россія XVI вѣка нуждалась во внѣшнемъ толчкѣ—со стороны Европы. Такъ и для Россіи XVIII столѣтія нужно было подобное воздѣйствіе, чтобы воспринять и провести реформу Петра Великаго.

Умирая (1505), Иванъ III оставилъ пять сыновей, между которыми онъ и раздѣлилъ свои владѣнія. Однако, вопреки обычаю прошлаго, онъ предоставилъ своему старшему сыну уже не одну, а двѣ трети наслѣдства. Это составляло 66 городовъ и областей, не считая столицы. Первой женой Василія была дочь боярина—Соломонида Сабурова. Отъ нея у Василія не было дѣтей, что приводило его въ отчаяніе: «Счастливы птицы», говаривалъ онъ, глядя на гнѣздо пернатой пары. Неплодная супруга обращалась къ волшебству; но и это средство оказывалось безсильнымъ. Въ 1525 году боярская дума предложила Василію иную мѣру. Несомнѣнно, это предложеніе соотвѣт-

ствовало тайнымъ желаніямъ вѣнценоснаго супруга. «Безплодная смоковница посѣкается»—напомнили великому князю бояре. Только одинъ изъ нихъ осмѣлился возвысить свой голосъ противъ расторженія священныхъ узъ брака. То былъ Семенъ Курбскій, обладатель громкаго имени, которое вскорѣ должно было прославиться въ рядахъ боярской оппозиціи. Съ другой стороны, изъ среды духовенства, протестъ Курбскаго поддержали Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ. Оба были представителями партіи реформы. Однако, это не помѣшало развязкѣ. Соломонида была заточена въ монастырь, а Василій повелъ къ алтарю дочь литовскаго выходца—Елену Глинскую. Великій князь былъ страстно увлеченъ ею. Вѣроятно, и самое безплодіе Соломониды явилось для Василія лишь внѣшнимъ предлогомъ для развода. Послѣ того, какъ московскіе государи перестали брать себѣ невѣстъ изъ владѣтельныхъ домовъ Европы, они начали обращаться за тѣмъ къ своимъ соотечественницамъ. При этомъ, по обычаю, устраивалось нѣчто въ родѣ конкурса туземныхъ красавицъ. Дѣвицъ собирали цѣлыми сотнями, вызывая ихъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ государства. Весьма характерно, что, повидимому, при новомъ бракѣ Василія III въ Москвѣ обошлись безъ этого традиціоннаго обряда.

Красавица собой, воспитанная, сравнительно, заботливо, благодаря своему нерусскому происхожденію—Елена соединяла въ себѣ такія чары, какихъ Василій не могъ бы найти ни у одной изъ своихъ соотечественницъ. Елена рано осталась сиротою послѣ своего отца, Василія Львовича. Выросла она на рукахъ у своего дяди Михаила. Это былъ старый соратникъ Альберта Саксонскаго и императора Максимиліана,—странствующій рыцарь, который, въ поискахъ приключеній, попалъ въ Италію и даже умудрился принять тамъ католицизмъ. Вмѣстѣ съ Еленой въ московскій Кремль проникаютъ западныя вліянія. По свидѣтельству Герберштейна, въ угоду своей новой супругѣ, Василій даже сбрилъ себѣ бороду. Съ точки зрѣнія нравовъ того времени это было уже настоящей революціей.

«Заволжскіе старцы» объявили новый бракъ Василія блудодѣяніемъ. Казалось, и небу не угодно было сдѣлать этотъ союзъ болѣе счастливымъ, чѣмъ первый. Стали ходить слухи, будто Соломонида родила сына въ своемъ монастырѣ. Наконецъ, нашелся монахъ, менѣе строгій къ слабости великаго князя. То былъ Пафнутій Боровскій, впослѣдствіи, въ благодарность за заслуги передъ царствующимъ до-

момъ, признанный святымъ чудотворцемъ. Молитвы Пафнутія были услышаны. Елена произвела на свѣтъ желаннаго наслѣдника. Спустя три года, 15-го октября 1533 года, она родила второго сына—Юрія,— и тотчасъ овдовѣла. Иванъ III измѣнилъ старый порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго по смерти князя, власть переходила къ его братьямъ. Теперь имъ принадлежало лишь регентство. Едва ли можно думать, чтобы Василій, умирая, сдѣлалъ иное распоряженіе. Но Елена не даромъ происходила изъ рода авантюристовъ. Энергичная, честолюбивая,—она сумѣла создать себѣ могущественную партію: ею она и воспользовалась, чтобы захватить власть и удержать ее въ собственныхъ рукахъ.

Однако, Елена допустила двоякую ошибку. Во-первыхъ, она не раздѣлила власти со своимъ дядей, который, несомнѣнно, былъ весьма ловкимъ политикомъ. Съ другой стороны, она передала большую часть правительственныхъ полномочій своему возлюбленному,—князю Телепневу-Оболенскому. Этотъ любимецъ Елены оказался самымъ вздорнымъ смутьяномъ. Скоро въ государствѣ началось броженіе. Елена заточила въ тюрьму своего дядю, а также брата Василіева, Юрія, которые пытались присвоить себѣ правительственную власть. Послѣ этого, однако, ей пришлось бороться съ другимъ деверемъ, Андреемъ, который не хотѣлъ довольствоваться своимъ Старицкимъ удѣломъ. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее при помощи хитрости, поймавъ въ ловушку князя Андрея. Пришлось и ему засѣсть въ московскую темницу, откуда рѣдко люди выходили живыми. Голодъ и тяжесть оковъ ускорили здѣсь его кончину. Что касается его сторонниковъ,то,въ числѣ 30, они уже качались на висѣлицахъ, разставленныхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Новгородъ. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ Елены съ княземъ Андреемъ Новгородъ какъ будто поддерживалъ деверя правительницы.

Елена крѣпилась еще нѣсколько лѣтъ. Въ довершеніе всего, противъ нея соединились Польша и татары, чтобы воспользоваться слабостью ея правительства. Еленѣ пришлось бороться и съ ними. Въ 1538 году внутренніе враги повидимому отравили Елену. Иванъ осиротѣлъ. Власть перешла въ руки бояръ. На смѣну олигархіи явилась анархія.

II.

Правленіе бояръ.

Любимецъ Елены, князь Телепневъ-Оболенскій, былъ предоставленъ теперь собственнымъ силамъ. Тотчасъ же среди смутъ почва заколебалась подъ его ногами. Покойная правительница еще умѣла сдерживать своихъ враговъ; теперь они устремились къ трону, чтобы насладиться легкимъ мщеніемъ. Партія Елены пала: надъ ея развалинами подымали голову Шуйскіе. Будучи связаны съ престоломъ узами родства, они, однако, не удовлетворялись въ своихъ притязаніяхъ цѣлями временнаго господства. Какъ и Василій съ Иваномъ, они принадлежали къ потомству Александра Невскаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляли собой старшую линію династіи, въ которой царствующій домъ являлся лишь одной изъ младшихъ вѣтвей. Легко понять, какъ далеко заносились ихъ честолюбивыя мечтанія. Въ какихъ-нибудь восемь дней они расправились съ княземъ Оболенскимъ: и онъ, какъ другіе. исчезъ въ подземной темницѣ.Такъ Иванъ лишился своего опекуна; скоро у него отняли и кормилицу, Аграфену. Она была сестрою Оболенскаго и должна была раздѣлить его участь. Къ Василію Васильевичу Шуйскому присоединился двоюродный братъ его—Андрей, только что вышедшій изъ заключенія. Однако, скоро оба они очутились лицомъ къ лицу съ новымъ выходцемъ съ того свѣта. Изъ открывшихся темницъ на поприще борьбы устремлялись цѣлыя тучи соискателей власти. Между ними оказался и князь Иванъ Бѣльскій, который не намѣренъ былъ никому уступать въ своихъ притязаніяхъ. Въ противовѣсъ Рюриковичамъ онъ опирался на предка своего, литовца Гедимина. Отецъ Бѣльскаго, Ѳедоръ, женатъ былъ на племянницѣ Ивана III, княжнѣ рязанской. Спасаясь отъ преслѣдованій Елены, братъ его, Семенъ, бѣжалъ на чужбину. Скитаясь по Польшѣ, по Крыму, попавъ даже въ Константинополь, онъ искалъ тамъ не столько убѣжища, сколько политическаго союза. Его мечтою было—вернуть свои наслѣдственныя владѣнія—Бѣльскъ и Рязань, насильственно присоединенныя къ московской державѣ.

Такимъ образомъ, дѣлу младшихъ Рюриковичей угрожала опасность. Оно уже колебалось среди борьбы, которая съ 1538 до 1543 г. сдѣлала Москву мѣстомъ насилій и кровопролитія. Только жестокое соперничество Шуйскихъ съ Бѣльскими и ихъ свирѣпое взаимоистребленіе спасли самого Ивана и сохранили въ цѣлости его наслѣдіе.

Однако, царственному дитяти пришлось пережить ужасныя испытанія. Въ упоеніи торжествомъ, Шуйскіе переходили всякую мѣру: они грабили богатства царя, разыгрывая изъ себя полновластныхъ государей. Послѣ смерти Василія Васильевича, главою Шуйскихъ сталъ князь Иванъ. Онъ забывалъ всякое уваженіе къ государю...«Одно припомню: бывало, мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ!» писалъ впослѣдствіи Грозный Курбскому. Онъ вспоминалъ, какъ нѣкогда тотъ же Шуйскій ходилъ въ ветхой мухояровой шубейкѣ, а потомъ, восторжествовавъ надъ соперниками, сталъ ѣсть на золотѣ. «Такъ если бы у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бы шубу перемѣнить!... Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и пищѣ!..» Бояре не щадили и привязанностей новаго государя. Вслѣдъ за кормилицей отъ него удалили въ 1543 году перваго любимца его—Өедора Семеновича Воронцова. Преслѣдуя его, Шуйскіе ворвались въ «столовую избу» Кремля; они били его по лицу, угрожали ему лютою смертью. Только заступничеству митрополита былъ обязанъ несчастный Воронцовъ своей жизнью: однако это, не помѣшало его ссылкѣ въ Кострому. Впрочемъ и сама митрополичья власть не устояла отъ ударовъ. При каждомъ новомъ переворотѣ, восторжествовавшая сторона старалась смѣнить митрополита. Такъ, въ 1539 г. на мѣсто Іоасафа Бѣльскіе посадили Даніила. Въ 1542 году вновь взяли верхъ Шуйскіе: Иванъ Бѣльскій былъ сосланъ на Бѣлое озеро; вмѣстѣ съ нимъ кара постигла и Іоасафа. Не легче была судьба и мѣстныхъ областей государства. Особенными жестокостями и безпорядками отличалось правленіе Шуйскихъ. Только Новгородъ они щадили, такъ какъ имѣли тамъ своихъ приверженцевъ; зато въ другихъ мѣстахъ, по свидѣтельству современниковъ, намѣстники Шуйскихъ вели себя, «какъ лютые звѣри». Города пустѣли; кто могъ,—старался спастись бѣгствомъ. Между прочимъ, бѣжалъ за границу итальянскій зодчій Фрязинъ. Онъ былъ вызванъ еще Василіемъ и уже совсѣмъ было поселился въ русскомъ государствѣ: но теперь скрылся и онъ,—какъ разъ тогда, когда долженъ былъ заняться нѣкоторыми крѣпостными сооруженіями въ Себежѣ. Епископу Дерптскому онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что бояре дѣлаютъ жизнь въ землѣ Московской совершенно невозможной. Бѣльскіе выказали себя болѣе человѣчными и разумными правителями. Именно, въ пору ихъ недолгаго господства были предприняты нѣкоторыя мѣропріятія, подготовлявшія бу-

дущее самоуправленіе общинъ. Но, какъ и Шуйскіе, Бѣльскіе умѣли пользоваться властью не иначе, какъ только злоупотребляя ею.

Государство изнывало подъ невыносимымъ гнетомъ боярской тираннiи. Но и будущему государю дѣянія бояръ подавали самый печальный примѣръ. Благодаря имъ, духъ насилія все болѣе и болѣе овладѣвалъ воображеніемъ и чувствами Ивана. Все существо юнаго царя прониклось этимъ тлетворнымъ вліяніемъ. Въ атмосферѣ непрестанной борьбы за власть созрѣвалъ будущій деспотъ—мстительный, нервный до крайности, вспыльчивый и порой безчеловѣчный. Вмѣстѣ съ товарищами дѣтства, которыхъ выбирали ему другіе, Иванъ уже предавался жестокимъ потѣхамъ. Впрочемъ, здѣсь опять сказывалась зараза среды. На глазахъ царя мучили людей; онъ еще не могъ дѣлать то же самое,—и утѣшалъ себя, предавая мученіямъ животныхъ. Любимой забавой Ивана было бросать собакъ изъ верхнихъ теремовъ дворца и смотрѣть на ихъ предсмертныя судороги. Ему не мѣшали: его даже подстрекали. Но скоро должна была прійти очередь людей...

При такомъ воспитаніи Ивана было безуміемъ со стороны Шуйскихъ и Бѣльскихъ надѣяться надолго сохранить власть при юномъ государѣ. Вѣдь у Ивана уже начинала пробиваться борода; вѣдь къ своему положенію онъ уже относился вполнѣ сознательно. Молодой царь видѣлъ людей, которые, внѣ посторонняго глаза, осмѣливались оскорблять его и обижать, ссорились изъ за его наслѣдія и постоянно его расхищали... Но наступала какая-нибудь оффиціальная церемонія: происходило придворное торжество, или являлись послы иностранной державы,—и тѣ же самые люди, уже какъ должностныя лица, рабски пресмыкались предъ нимъ, простираясь ницъ у его трона. Очень скоро изъ всѣхъ этихъ наблюденій Иванъ долженъ былъ сдѣлать свой выводъ. Въ сентябрѣ 1543 года онъ позволилъ еще сослать Воронцова, но уже въ декабрѣ—онъ приказалъ своимъ псарямъ схватить самого Андрея Шуйскаго. Разумѣется, онъ раньше убѣдился въ покорности этой челяди. Псари повиновались и даже переусердствовали, исполняя приказаніе Ивана: они задушили боярина вмѣсто того, чтобы отвести его въ темницу. Иванъ рѣшилъ, что такъ и надо было сдѣлать,—и всѣ поняли, что въ государствѣ совершилась перемѣна. Правительственный порядокъ оставался, можетъ быть, прежнимъ. Зато, несомнѣнно, явился новый правитель.

Тѣ бояре, которыхъ еще не тронули, продолжали вершить государственныя дѣла по своему. Однако, они уже не смѣли перечить царю,

который задолго до Людовика XIV сумѣлъ показать имъ, что «государство—это я». Что же дѣлалъ Иванъ? Теперь онъ скакалъ по улицамъ, избивалъ народъ, насиловалъ женщинъ... При этомъ со стороны своихъ приближенныхъ онъ слышалъ лишь восторженныя одобренія. Въ свитѣ его былъ и Ѳедоръ Воронцовъ, который успѣлъ вернуться изъ ссылки. Но милости молодого государя обращались уже на менѣе знатныхъ и родовитыхъ слугъ. Онъ полагалъ, что они будутъ и послушнѣе, и доступнѣе для всѣхъ его капризовъ. Среди боярства Иванъ со страхомъ угадывалъ новыхъ Шуйскихъ; конечно, имъ онъ предпочиталъ своихъ псарей. Въ маѣ 1546 года царь охотился въ окрестностяхъ Коломны. Внезапно дорогу ему преградилъ вооруженный отрядъ. Оказалось, что это—пищальники новгородскіе, которые явились съ какою-то жалобой. Иванъ ничего не понималъ въ этихъ дѣлахъ; поэтому онъ приказалъ прогнать новгородцевъ. Произошла свалка, началась даже перестрѣлка. Молодой царь остался невредимъ. Однако, онъ былъ страшно перепуганъ. Вообще, Ивану никогда не хватало физической храбрости. Вполнѣ возможно, что этотъ недостатокъ былъ у него наслѣдственнымъ. Но, помимо того, Иванъ напуганъ былъ еще съ дѣтства: съ тѣхъ поръ, повидимому, и развилась въ немъ та нервная впечатлительность, благодаря которой онъ дрожалъ и терялся при малѣйшей тревогѣ. Иванъ ускакалъ прочь, но, вообразивъ себѣ цѣлый заговоръ, приказалъ произвести разслѣдованіе. Одинъ простой дьякъ, Василій Захаровъ, только и ждалъ такого случая, чтобы попасть въ царскіе любимцы. Ему легко удалось обратить на себя вниманіе Ивана, примѣшавъ къ дѣлу Воронцова съ родней, которые уже были на подозрѣніи и даже наполовину въ опалѣ. Способный ученикъ разомъ превзошелъ своихъ воспитателей. Фигура Грознаго появилась на сценѣ. Началась работа палача на плахѣ,—съ тѣмъ, чтобы уже почти не прекращаться. Ѳедоръ Воронцовъ и одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ его были казнены. Остальные соучастники мнимаго заговора подверглись ссылкѣ.

Быть можетъ, Захаровъ былъ и не единственнымъ виновникомъ этой кровавой расправы. Среди придворныхъ Ивана, въ кругу ближайшихъ ему людей, уже стоялъ человѣкъ, характеръ и дѣятельность котораго были превознесены впослѣдствіи извѣстнымъ направленіемъ историковъ. Его имя связывалось съ самой блестящей порой новаго царствованія: его внушеніямъ приписывали и сокращеніе казней, и рядъ благородныхъ попытокъ и славныхъ дѣяній Ивана. Какъ и

Захаровъ, не имѣя за собой знатныхъ предковъ, Алексѣй Адашевъ съ 1543 года состоялъ уже при царскомъ дворѣ. Здѣсь, по спискамъ, онъ числился въ постельникахъ. Нѣсколько ниже я попытаюсь подробно выяснить характеръ и дѣятельность этого историческаго лица.

Въ концѣ этого же 1546 года, Иванъ собрался болѣе рѣшительнымъ образомъ ознаменовать начало своего самостоятельнаго правленія. 17-го декабря по Москвѣ разнеслось извѣстіе, что Великій князь рѣшилъ сочетаться бракомъ съ дѣвицей русскаго рода.

III.

Бракъ и вѣнчаніе на царство.

Несомнѣнно, рѣшеніе Ивана явилось не столь внезапно, какъ это принято думать многими. Уже въ 1543 году изъ Москвы было отправлено посольство въ Польшу. Во главѣ его стояли Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ и Истома Стояновъ, которымъ было поручено намекнуть при польскомъ дворѣ, что государю ихъ уже пора подумать о бракѣ (*Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей, Чтенія Общества исторіи и древностей 1860 г., стр. 72). Вѣроятно, дѣлались и другія попытки въ томъ же направленіи,—но всѣ онѣ потерпѣли неудачу. Только послѣ этого отказался честолюбивый Иванъ отъ мысли путемъ брака съ иноземкою вернуться къ традиціямъ Ярослава. Но во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ вознаградить себя за эти неудачи. На другой день послѣ объявленія его воли, въ Успенскомъ соборѣ было служеніе. По его окончаніи, собравъ бояръ, Иванъ объявилъ имъ, что намѣренъ «исполнить чинъ» и сѣсть не на великое княженіе, какъ предки, а на царство. Другими словами, онъ хотѣлъ принять титулъ, котораго предшественники его еще формально не носили.

На тогдашнемъ языкѣ титулъ царя былъ равносиленъ императорскому. Правда, онъ уже нѣсколько утратилъ свое величіе. Это случилось тогда, когда распалось монгольское владычество; множество мелкихъ татарскихъ князей,—порою бывшихъ данниками Москвы или простыми правителями ея областей, присваивали себѣ царское званіе. Но, вѣдь, этотъ же санъ носили когда то и византійскіе императоры! А новая столица православія, Москва, только и мечтала о возстановленіи великой Восточной державы. Весьма широкое

содѣйствіе этому плану оказывала тогдашняя церковная литература. Въ каноническихъ книгахъ на славянскомъ языкѣ титуломъ царей безразлично обозначали самыхъ разнообразныхъ государей. Вмѣстѣ съ Іудейскими, Ассирійскими, Египетскими и Вавилонскими царями этимъ именемъ назывались и Римскіе, и Византійскіе императоры. Этого мало. При помощи постоянныхъ намековъ и хитроумныхъ сближеній читателю навязывалась идея объ исторической преемственности, будто бы соединяющей московскихъ государей со всѣми этими предшественниками. Мало-по-малу это своеобразное навожденіе овладѣвало и національнымъ сознаніемъ. Въ Апокалипсисѣ упоминалось какое-то «шестое царство». Являлся вопросъ: развѣ это не прямое указаніе на московскую державу? Далѣе,—развѣ еще до брака Ивана III съ Софіей не пріобрѣлъ домъ Рюрика въ лицѣ Владиміра Мономаха всѣхъ правъ на наслѣдіе и Порфирородныхъ, и Константина Великаго и самихъ римскихъ кесарей? Какъ мы видѣли, идея третьяго Рима втеченіе вѣковъ жила въ славянскомъ мірѣ. То была, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая греза; однако, она постоянно искала случая гдѣ-нибудь превратиться въ дѣйствительность. Пали славянскія государства Болгаръ и Сербовъ. Завоеванъ былъ турками Балканскій полуостровъ: тогда, естественно, этой идеѣ ничего не оставалось, какъ только перекочевать на сѣверъ, въ московское государство. Въ 1382 г. прибылъ въ Москву болгаринъ Кипріанъ, чтобы занять престолъ митрополита. Съ нимъ явилась и вся та идеологія, которую еще въ Тырновѣ создавалъ извѣстный Евѳимій. Въ Москвѣ для нея оказалась весьма благопріятная почва. Какъ только Константинополь былъ захваченъ турками, угнетенные славяне Юга окончательно перенесли на Москву всѣ свои надежды. Сербъ Пахомій даже влагаетъ въ уста самому Іоанну Палеологу торжественное признаніе царскаго достоинства за московскими государями. У другихъ писателей та же самая идея находила себѣ опору въ священныхъ преданіяхъ. Раньше всѣ пророческія предсказанія были перенесены на Александра Болгарскаго. Теперь приходилось только на мѣсто одного славянскаго государя поставить другого: для этого уже не требовалось особой работы мысли. Согласно греческимъ преданіямъ, Измаилу суждено было пасть отъ *Русаго* рода: этотъ русый родъ легко превратился въ *русскій*. Какъ извѣстно, множество подобныхъ легендъ византійскаго происхожденія было распространено среди славянскаго міра. Нѣкоторыя изъ нихъ проникали и дальше, на Западъ, то переплетаясь

съ нѣмецкой поэмой объ Аполлоніи Тирскомъ, то воскресая въ старыхъ французскихъ романахъ объ Оберонѣ или Гюонѣ Бордосскомъ. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ легендъп овѣствовала о томъ, что императоры изъ дома Порфирорадныхъ получили знаки своего царственнаго достоинства изъ Вавилона, куда посылалъ за ними императоръ Левъ. Другія преданія разсказывали, что эти «царскія утвари» были переданы Владиміру Мономаху или Владиміру Святому. Въ «Степенной Книгѣ» Макарій цѣлымъ ученымъ трактатомъ доказывалъ, что Владиміръ, умирая, завѣщалъ эту святыню своему шестому сыну—Юрію. Ему будто бы онъ повелѣлъ, чтобы онъ самъ и его потомство хранили эти утвари до той поры, пока не найдется на Руси князя, который сможетъ ими воспользоваться. Уже съ XI—XII вѣка славянскіе генеалогисты выводили домъ Асѣня отъ одной знатной римской фамиліи; такъ же точно въ XIV столѣтіи они старались породнить сербскихъ Нѣманей съ императоромъ Константиномъ и даже съ Августомъ. Макарію оставалось только слѣдовать такому примѣру. Онъ имъ и воспользовался, когда ввелъ въ житіе святой княгини Ольги какого-то Прусса, брата Августа и предка Рюрика.

Вотъ какой титулъ намѣревался присвоить себѣ Иванъ Васильевичъ. Слово *царь* окружено было легендами и символами, славными воспоминаніями и честолюбивыми мечтами. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно сплеталось съ дѣйствительностью—живою и доступной осязанію:

Вѣнчаніе Ивана на царство происходило 16-го января 1547 года. Было сдѣлано все, чтобы придать ему возможно больше торжественности. При огромномъ стеченіи народа, среди праздничнаго звона колоколовъ какъ бы сочетались воедино величіе Церкви и весь блескъ государственной власти. Епископы, священники и монахи возносили къ Богу мольбы о ниспосланіи новому царю духа правды и разума. Бояре разбрасывали кругомъ цѣлый дождь золотыхъ монетъ—предвѣстіе тѣхъ даровъ счастья, которыя ожидали Ивана. Однако, этотъ наслѣдникъ греческихъ и римскихъ императоровъ не рѣшился освѣдомить иностранныя державы о своихъ притязаніяхъ. Онъ помнилъ, какъ неудачны были подобныя попытки и отца его, и дѣда. Въ 1514 г., повидимому, съ согласія императорскаго посла Снитцпаннера, Василій попробовалъ было именовать себя кесаремъ въ договорѣ съ Максиміліаномъ. Однако, Вѣна опротестовала дѣйствія своего уполномоченнаго и отказалась подписывать договоръ въ такой редакціи. Что касается Польши, то, конечно, какъ и раньше, на ея согласіе расчиты-

вать было невозможно. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими германскими княжествами большую сговорчивость проявляли только константинопольскіе патріархи. Мы уже сказали, что для православной Церкви Москва оставалась послѣднею надеждой. И, все же, до 1561 года Иванъ не рѣшался и здѣсь выступить со своими притязаніями. Только въ указанномъ году, въ ореолѣ недавнихъ и самыхъ шумныхъ своихъ успѣховъ, онъ рѣшился попытать счастья съ этой стороны. Разумѣется, его просьба къ патріарху подкрѣплена была весьма значительнымъ даромъ. И, однако, успѣхъ ея былъ болѣе, чѣмъ скроменъ. Конечно, патріархъ Іоасафъ призналъ Ивана царемъ и потомкомъ царевны греческой Анны. Онъ даже предложилъ московскому государю еще разъ совершить надъ нимъ обрядъ вѣнчанія при участіи особо назначеннаго митрополита. Но это показалось уже излишнимъ. Во всякомъ случаѣ, изъ 37 подписей, скрѣплявшихъ утвердительную грамоту, присланную по этому поводу въ Москву изъ Константинополя, 35 впослѣдствіи оказались подложными (*Pierling*, La Russie et le Saint-Siège; *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, III, 71 стр. *Regel*, Analecta Byzantino Rossica, 1891).

Православная Церковь уклонялась отъ рѣшительнаго отвѣта. Правда, патріархи Александрійскій и Антіохійскій наперерывъ спѣшили признать совершившійся фактъ. Правда, что Іерусалимскій патріархъ пошелъ еще дальше и провозгласилъ новаго царя главою христіанства. Масса духовенства занимала совершенно иное положеніе. Такимъ образомъ, въ ту самую каѳолическую, греко-русскую церковь, гдѣ московскому государю какъ будто принадлежало верховенство, царская власть его проникала лишь съ трудомъ,—нагнувшись и даже оступившись на порогѣ. Но для русскаго народа этихъ унизительныхъ подробностей не существовало. Былинная поэзія свободно смѣшивала событія и эпохи; національная гордость и народное воображеніе сообща набрасывали чудесный покровъ на это темное начало русскаго царства и на его первыя неудачи. Теперь посланецъ за «царскими утварями» уже держалъ путь изъ Вавилона въ Царьградъ лишь для того, чтобы узрѣть восточную державу—въ развалинахъ, а Церковь православную—въ опасности. Теперь отъ береговъ Босфора онъ уже направлялся на Волгу, чтобы подъ стѣнами Казани обрѣсти истиннаго защитника Церкви, побѣдителя мусульманъ... Московскіе художники, украшавшіе символическій тронъ Ивана, донынѣ хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, прибавили новые вымыслы къ этимъ

сказаніямъ. И такъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своей обширной державы, Иванъ оказался въ ореолѣ величія и славы. Несомнѣнно, ни одному изъ его предшественниковъ не выпадало на долю такого счастья.

Но и въ бракѣ Ивану суждено было насладиться блаженствомъ, какого не вкусилъ, безспорно, никто изъ его предковъ. На сей разъ выборъ супруги долженъ былъ произойти согласно обычаю старины. Всѣмъ дѣвицамъ на возрастѣ, принадлежавшимъ къ семьямъ служилыхъ людей, приказано было явиться въ Москву. Для пріема были отведены огромныя палаты. Въ каждой изъ комнатъ тамъ стояло по 12 постелей. По свидѣтельству Франциска да-Колло, къ первому браку Василія было собрано 500 красавицъ; Герберштейнъ по тому же поводу разсказываетъ о 1500 дѣвицахъ. Несомнѣнно, однако, что выборы эти не могли быть одностепенными: первоначальный отборъ дѣвицъ долженъ былъ происходить еще на мѣстахъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ Византіи. Тамъ областные правители получали подробнѣйшія наставленія на счетъ выбора съ указаніемъ роста дѣвицъ и другихъ требуемыхъ качествъ. Когда въ сералѣ собирались всѣ кандидатки, туда являлся самъ властелинъ въ сопровожденіи одного изъ старѣйшихъ вельможъ. Слѣдуя по покоямъ, онъ дарилъ каждой изъ красавицъ по платку, вышитому золотомъ съ драгоцѣнными каменьями: этотъ платокъ онъ набрасывалъ дѣвицѣ на шею. По окончаніи выбора всѣ дѣвушки разсылались по домамъ съ новыми подарками.

Такъ въ 1547 году Иванъ избралъ себѣ въ жены Анастасію—дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Отецъ Анастасіи былъ представителемъ стараго боярства. Среди гибели княжескихъ родовъ онъ сумѣлъ, однако, сохранить близость къ престолу и остаться чуждымъ той жестокой борьбѣ за власть, отъ которой столько страдалъ молодой царь. Вполнѣ возможно, что въ данномъ случаѣ выборъ невѣсты явился простой формальностью. Захарьины-Кошкины были подлинными баловнями счастья. Одному изъ братьевъ Анастасіи суждено было положить основаніе еще болѣе славному дому: отъ него произошли впослѣдствіи Романовы. Вмѣстѣ съ Шереметьевыми, Колычевыми и Кобылиными, Захарьины-Кошкины слыли за потомковъ нѣкоего Андрея Кобылы. Лѣтописи считали его выходцемъ изъ Пруссіи. Однако, съ теченіемъ времени національное самолюбіе замѣнило Пруссію Новгородомъ. Это было не трудно, ибо въ Новгородѣ

была особая часть, жители которой именовались пруссами. Впрочемъ, едва ли можно оспаривать славянское происхожденіе Кобылы. Это ясно изъ самаго имени Андрея. Извѣстно, помимо того, что теперешняя столица Германіи лежитъ въ области, нѣкогда припадлежавшей славянамъ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній относительно брака Ивана IV. Но то, что сказано было въ предшествующей главѣ, вполнѣ примѣнимо и къ данному случаю. Мы видѣли, что Василій страстно любилъ жену Елену: не менѣе увлеченъ былъ своей супругой и сынъ его, Иванъ. Много лѣтъ спустя будетъ онъ вспоминать съ горькимъ сожалѣніемъ о радостяхъ союза съ Анастасіей, прерванныхъ судьбою слишкомъ рано. Повидимому, въ этомъ бракѣ онъ находилъ полнѣйшее удовлетвореніе тѣлесныхъ и духовныхъ потребностей. Однако, его медовый мѣсяцъ скоро былъ нарушенъ самымъ жестокимъ образомъ. Бракъ состоялся 3 февраля 1547 года; не прошло и 3 мѣсяцевъ, какъ въ Москвѣ вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій цѣлую часть города. Это вывело Ивана изъ сладкаго покоя, въ которомъ окружающіе готовы были видѣть залогъ лучшаго будущаго. Пригожая и ласковая царица Анастасія казалась ангеломъ хранителемъ, посланнымъ русскому государству съ неба: многіе надѣялись, что она спасетъ Ивана отъ вспышекъ его раздражительности; многіе мечтали, что жизнь русскаго народа потечетъ теперь спокойно. Однако, это было только самообманомъ. Вліяніе Анастасіи было, несомнѣнно, преувеличено: страна сказокъ, Русь осталась и здѣсь вѣрна своей природѣ. Видимая перемѣна въ характерѣ Ивана отнюдь не свидѣтельствовала о какомъ-либо коренномъ душевномъ переворотѣ. На нѣкоторое время Иванъ какъ будто дѣйствительно смягчился; но вскорѣ нравъ его обнаружился вновь самымъ бурнымъ образомъ 30 іюня 1547 года къ царю явились псковичи—тоже съ жалобой на своего намѣстника. Иванъ ихъ встрѣтилъ еще менѣе привѣтливо, чѣмъ нѣкогда новгородскихъ пищальниковъ. Ему вспомнились жестокія потѣхи дѣтскаго возраста: онъ приказалъ жечь псковичей, обливъ ихъ предварительно водкой. Затѣмъ онъ велѣлъ сорвать съ нихъ одежду: очевидно, имъ надо было ждать страшнаго конца. Однако, на счастье злополучныхъ псковичей, внезапная случайность отвлекла вниманіе Ивана въ другую сторону. Вся эта потѣха съ псковичами разыгралась невдалекѣ отъ столицы, въ Островкѣ. Вдругъ туда

прискакалъ гонецъ съ дурными вѣстями изъ Москвы: большой кремлевскій колоколъ сорвался съ колокольни. То было зловѣщее предзнаменованіе: по понятіямъ времени, за нимъ должны были послѣдовать еще большія несчастія. На этотъ разъ примѣта оказалась вѣрной. Вскорѣ произошли страшныя событія, которыя выдвинули новыхъ людей и сообщили царствованію Ивана совершенно особый характеръ. Иванъ тотчасъ забылъ о своихъ жертвахъ. Онъ потребовалъ коня и поскакалъ на мѣсто происшествія.

IV.

Сильвестръ и Адашевъ.

21-го іюня въ Москвѣ вспыхнулъ новый пожаръ. На этотъ разъ, бѣдствіе приняло небывалые размѣры. Запылалъ Кремль. Занялся верхъ соборной церкви, загорѣлись палаты царя и митрополита; постельная палата съ казною, оружничья палата, два монастыря и нѣсколько церквей со всѣми богатствами стали добычею пламени. Митрополитъ Макарій едва не задохся: спасаясь отъ огня, онъ упалъ и тяжко расшибся. Около 1700 людей—мужчинъ, женщинъ и дѣтей сгорѣли живыми въ страшномъ пожарищѣ. Въ торговой части были уничтожены всѣ лавки. Ивану негдѣ было жить: онъ переѣхалъ въ село Воробьево. Это—та самая возвышенность подъ Москвою, откуда впервые Наполеонъ созерцалъ будущую могилу своей славы. Въ Воробьевѣ царь держалъ совѣтъ съ приближенными. Его духовникъ Ѳедоръ Барминъ заговорилъ о чародѣяхъ, которые, будто бы, были виновниками несчастія. На этотъ счетъ распространялись уже сказки. Ходили слухи, что лихіе люди вынимали человѣчьи сердца и клали, въ воду; тою водой они кропили по Москвѣ. Отъ этого, будто бы, Москва и выгорѣла. Кое-кто изъ бояръ подтверждалъ эти обвиненія. Тогда принялись розыскивать виновныхъ. Нѣсколько дней спустя въ воскресенье, толпа народа собралась у Успенскаго собора. Очевидно, ее уже натравили заранѣе, потому что она стала открыто кричать имена виновныхъ. Правленіе Елены оставило по себѣ злую память. И мать, и братья правительницы были предметомъ непримиримой ненависти. Явились свидѣтели: они показывали, что видѣли, какъ Глинскіе кропили дома и улицы колдовскою водой. Дядя царя, Ми-

хаилъ Васильевичъ Глинскій, вмѣстѣ съ матерью Анной жилъ въ это время далеко, во Ржевѣ. Но братъ его, Юрій, оставался въ Москвѣ. Онъ поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но разъяренная чернь ворвалась и туда, убила князя Юрія, выволокла трупъ его и кинула на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили злодѣевъ. Затѣмъ народъ кинулся на дворъ Глинскаго и сталъ бить его людей. На третій день послѣ убійства Юрія Глинскаго, чернь повалила въ село Воробьево и громкими криками требовала, чтобы царь выдалъ ей и другихъ Глинскихъ на расправу. Около царя находились князья Шуйскіе. Послѣ казни князя Андрея, они были отправлены въ ссылку, но потомъ были помилованы и вернулись ко двору. Теперь эти Шуйскіе поддерживали требованіе народа и совѣтовали царю казнить виновниковъ пожара.

Но тутъ Иванъ рѣшилъ показать себя. Моментъ былъ критическій и полный трагизма. Шуйскіе толкали царя на страшный путь: онъ могъ бы создать для Ивана только кровавую память въ исторіи. Но уступать кому-нибудь было не въ натурѣ Грознаго. Пусть онъ былъ часто безпощаднымъ и пристрастнымъ судьею: все же никогда не позволялъ онъ навязывать себѣ чужую волю. Мы не знаемъ, что думалъ онъ объ самомъ обвиненіи Глинскихъ. Конечно, онъ былъ суевѣренъ, какъ и всѣ люди того времени. Вполнѣ возможно, что, особенно въ тогдашнемъ своемъ возрастѣ, онъ и считалъ вину чародѣевъ вполнѣ вѣроятной. Но тѣ, которые обвиняли Глинскихъ, осмѣливались посягнуть на его собственныя права; они дерзали подсказывать, даже предупреждать его рѣшенія. Естественно, что въ его глазахъ они были болѣе достойны кары, нежели поджигатели—дѣйствительные или мнимые. И Грозный прянулъ; онъ выпрямился во весь ростъ; онъ проявилъ себя во всей своей силѣ. До того времени подданные царя знали лишь тирана; теперь выступилъ государь, котораго скоро должны были всѣ почувствовать. Михаилъ Глинскій бѣжалъ уже къ Литовской границѣ. Онъ былъ задержанъ однимъ изъ Шуйскихъ, княземъ Петромъ. Иванъ приказалъ освободить своего дядю: разумѣется, тотъ не выдалъ своей матери, Анны. Однако, палачу пришлось поработать; но на плахѣ положили свои головы лишь зачинщики смуты, пытавшіеся поживиться на пожарищѣ Москвы или свести счеты со своими врагами.

Излагая исторію этихъ событій, первый біографъ Ивана, Курбскій, изобразилъ среди нихъ одинъ эпизодъ, который ввелъ въ заблу-

жденіе многихъ позднѣйшихъ историковъ. По словамъ Курбскаго, въ тотъ моментъ, когда царю угрожали пьяные мятежники, къ нему явился внезапно неизвѣстный священникъ. Его внѣшность напоминала пророка, сошедшаго съ иконы; рука его была простерта къ небу; суровое лицо дышало вдохновеніемъ. Онъ заговорилъ съ царемъ властно, какъ посланецъ неба; онъ уличалъ его Священнымъ Писаніемъ; въ происходящихъ событіяхъ онъ смѣло указывалъ перстъ Божій, карающій всевозможныя злодѣянія. Его слова, будто бы, подкрѣплялись знаменіями и чудесами... Однако, уже послѣдняго обстоятельства достаточно, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ правдоподобіе этого разсказа. Впрочемъ, у насъ есть еще другіе указанія, которыя позволяютъ намъ выяснить историческую истину. Авторъ Домостроя, Сильвестръ, уже нѣсколько лѣтъ до того состоялъ священникомъ Благовѣщенскаго собора. По своему положенію, онъ являлся оффиціальнымъ духовникомъ московскаго государя. Такимъ образомъ, лицо, которому Курбскій приписываетъ столь исключительное значеніе, не могло быть совершенно неизвѣстнымъ Ивану. Сильвестръ былъ въ дружбѣ съ однимъ изъ дядей царя—княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. За него онъ успѣшно ходатайствовалъ передъ Иваномъ еще въ 1541 году. Такимъ образомъ, еще задолго до московскаго пожара, ему удавалось вліять на царя,—но при самыхъ обычныхъ условіяхъ. Конечно, это вліяніе ограничивалось самой узкой сферой: естественные предѣлы ему создались и невиднымъ положеніемъ Сильвестра, и невысокимъ его умственнымъ уровнемъ. Надо думать, что Курбскій вспомнилъ о явленіи Наѳана къ Давиду; но въ языкѣ Домостроя не было и слѣда пророческаго вдохновенія. Просто-напросто наступалъ моментъ, когда безъ всякаго чуда при государѣ должны были выдвинуться новые люди. Всѣ они были одинаково безвѣстны; но всѣмъ суждено было занять первенствующее положеніе. Иванъ уже понималъ, что старые пріемы управленія для него негодны: новое положеніе, очевидно, требовало и новыхъ людей... Въ этомъ смыслѣ Иванъ безсознательно слѣдовалъ примѣру Людовика XI... «Не безъ основанія не довѣрялъ онъ людямъ образованнымъ и честнымъ; въ толпѣ безвѣстностей искалъ онъ себѣ смѣлыхъ сообщниковъ; онъ обращался къ людямъ, которые, ничему не учившись, въ своемъ успѣхѣ руководятся лишь вѣрнымъ инстинктомъ...» Положеніе Ивана во многомъ напоминало судьбу Людовика. Какъ и грозный французскій король, предпочиталъ онъ людей, «которыхъ самъ создавалъ изъ

ничтожества» (*Michelet*, Hist. de France, VII, 262). Вполнѣ вѣроятно, что наступленіе кризиса было ускорено катастрофой 1547 года; совершенно естественно, что личность Сильвестра выдвинулась, именно, среди возникшихъ безпорядковъ. И, однако, ничто не доказываетъ, что съ этого момента онъ пріобрѣлъ ту самую власть надъ Иваномъ, какую приписываютъ ему Курбскій и нѣкоторые другіе историки.

И въ самомъ дѣлѣ: такъ ли крупна была личность Сильвестра, чтобы играть столь выдающуюся роль около Ивана? Пресловутый Домострой менѣе всего свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ немъ не видно ни широкаго политическаго кругозора, ни нравственныхъ убѣжденій высшаго порядка. Кромѣ Домостроя, отъ Сильвестра до насъ дошли три его посланія. Однако, въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ чистаго вздора. Одно изъ нихъ адресовано къ Ивану: подлинность его гадательна, но глупость несомнѣнна. Къ чему сводится мораль этого пониманія? Къ проповѣди воздержанія отъ грѣха содомскаго. Однако, Иванъ знавалъ другого наставника нравственности; этимъ наставникомъ былъ митрополитъ Макарій. Въ смыслѣ познаній Сильвестръ далеко уступалъ этому іерарху. По возвышенности идей онъ не могъ и равняться съ той избранной группой, что держалась около Максима Грека. Словомъ, ни въ его личности, ни въ его духовномъ содержаніи не было ничего, что могло бы повліять или увлечь за собою. Впрочемъ, уже послѣ 1547 года, ему приписываютъ еще другую попытку назиданія Ивана; пожалуй, она и могла произвести извѣстное впечатлѣніе на молодого государя. Дѣло въ томъ, что послѣ опустошенія, причиненнаго пожаромъ, покои великокняжескаго дворца рѣшено было украсить по новому. Можно сказать, что стѣнная живопись всегда и вездѣ являлась точнымъ отраженіемъ господствующихъ понятій. Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка декоративная живопись не знала различія между храмомъ и домомъ мірянина. И церкви, и дома разрисовывались картинами, гдѣ стиль и сюжеты были почти одни и тѣ же. Главные мотивы этихъ изображеній заимствовались изъ Библіи и церковныхъ преданій. Надзоръ за работою художниковъ, расписывавшихъ кремлевскія палаты, былъ порученъ повидимому Сильвестру. Такъ возникли тѣ картины, которыя уцѣлѣли до конца XIII вѣка; точное описаніе ихъ даетъ намъ Забѣлинъ въ своемъ «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей» (стр. 149). Что можно сказать на этомъ основаніи въ пользу Сильвестра? Развѣ то лишь, что онъ обнаружилъ нѣкоторыя способности придворнаго льстеца. Впрочемъ,

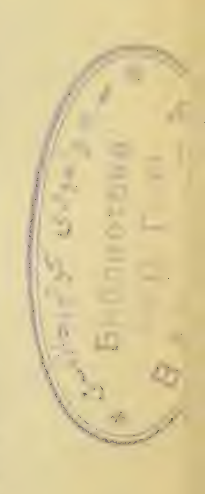
онѣ замѣтны уже и въ Домостроѣ. Нѣкоторыя картины изображали, правда, кающагося грѣшника; но въ большинствѣ ихъ можно было видѣть либо побѣдоноснаго воина, какъ Іисусъ Навинъ, берущій городъ, либо благодѣтельнаго и мудраго судью, какъ Соломонъ. И вездѣ, подъ всѣми этими именами и во всѣхъ лицахъ изображенъ былъ Иванъ. Его окружалъ цѣлый апоѳеозъ, гдѣ славныя дѣянія его царствованія были представлены въ символическомъ видѣ. Можетъ быть, тутъ было кое-что и назидательное для Ивана; но, во всякомъ случаѣ, это больше всего льстило его гордости. Мы уже не говоримъ о кровавыхъ сценахъ истребленія «всякой души живой», которыя сопутствовали подвигамъ библейскаго героя. Едва ли жестокіе инстинкты Ивана могли быть исправлены подобными примѣрами.

Защитники Сильвестра указываютъ на другое смѣлое новшество, которое, будто бы, внушилъ онъ невѣдомымъ художникамъ. Дѣло въ томъ, что на одной изъ этихъ картинъ, изображенъ былъ традиціонный Спаситель; рядомъ съ нимъ художникъ написалъ женщину—какъ будто, въ моментъ пляски. Эта картина вызвала цѣлую бурю: пришлось назначить особое церковное слѣдствіе. Однако, самъ Макарій выступилъ на защиту искусства. Онъ доказывалъ, что художникъ не допустилъ никакого кощунства: онъ просто хотѣлъ будто бы изобразить блудъ, какъ одинъ изъ пороковъ, посрамленныхъ и побѣжденныхъ святымъ словомъ Спасителя. Впрочемъ, въ эпоху Ивана Грознаго въ русское пластическое искусство проникаютъ, несомнѣнно, нѣкоторыя новыя вѣянія. Но это явленіе было связано съ извѣстными западными вліяніями, которымъ Сильвестръ оставался совершенно чуждъ. Одновременно съ украшеніемъ кремлевскихъ палатъ, для Благовѣщенскаго собора были написаны псковскими художниками двѣ новыхъ иконы. По мнѣнію Ровинскаго, въ этихъ иконахъ сказывается вѣяніе итальянской школы—въ частности, Чимабуе и Перуджино.

Періодъ преобразованій въ царствованіе Ивана IV открывается только созывомъ особаго собора. Впрочемъ, до настоящаго времени, историкамъ не удалось—ни установить точно время, ни выяснить характеръ этого совѣщанія. Достовѣрно одно: созывъ собора послѣдовалъ никакъ не раньше московскаго пожара 1547 года. Въ этотъ моментъ на сцену выступаетъ и Алексѣй Адашевъ, чтобы заключить союзъ съ Сильвестромъ. Однако, главная роль при занятіяхъ собора принадлежитъ еще, безспорно, Макарію. Сильвестръ здѣсь почти не выступаетъ. Только неправильное толкованіе документальныхъ дан-

ныхъ могло присвоить впослѣдствіи Сильвестру и Адашеву руководящую роль въ этихъ событіяхъ: ни тотъ, ни другой не были созданы для такого положенія. Въ частности, около личности Адашева создалась цѣлая легенда. Она окружила его непроницаемой тканью вымысла. Такимъ образомъ, въ глазахъ большинства историковъ, фигура Адашева почти совершенно заслонила собой Грознаго. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ были введены въ заблужденіе какъ пристрастными показаніями политическаго союзника Адашева т. е. Курбскаго, такъ и свидѣтельствомъ самого царя. Вотъ почему простой слуга сталъ на мѣсто государя; вотъ почему онъ и думалъ, и дѣйствовалъ за него. Соединяя Адашева съ Сильвестромъ, историки изображали какой-то правительственный дуумвиратъ, который въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, будто бы, обезпечивалъ государству всяческое благосостояніе.

Я постараюсь впослѣдствіи изобразить это положеніе въ должномъ свѣтѣ; я поставлю людей и дѣла на подобающее мѣсто. Тогда мы увидимъ, что подлинная картина менѣе всего соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ фантастическимъ измышленіямъ. Нужно помнить, что свидѣтельства Курбскаго и самого Грознаго относятся ко времени, когда обоихъ любимцевъ царя уже постигла немилость. Въ эту пору Курбскій былъ уже добровольнымъ изгнанникомъ. Естественно, онъ старался смягчить ударъ, нанесенный его честолюбію, придумывая себѣ болѣе или менѣе удачныя оправданія. Что касается Ивана, то онъ всегда отличался замѣчательнымъ искусствомъ въ измышленіи мотивовъ, помогавшихъ ему перенести всю отвѣтственность съ себя самого на голову своихъ враговъ. Скоро, какъ извѣстно, политика преобразованій вовлекла Грознаго въ жестокую борьбу; эта борьба не прекращалась до послѣднихъ лѣтъ его продолжительнаго и бурнаго царствованія. Было бы весьма трудно опредѣлить, какой партіей руководили въ этой борьбѣ Сильвестръ съ Адашевымъ, или къ какой сторонѣ они, по крайней мѣрѣ, примыкали. Оба они, какъ мы знаемъ, были выскочками: вотъ, почему многіе хотѣли видѣть въ ихъ лицѣ представителей тѣхъ *новыхъ людей*, какихъ выдвинулъ Иванъ въ своей борьбѣ съ боярскимъ самовластіемъ. Однако, Курбскій принадлежалъ, именно, къ этому старому боярству; съ другой стороны, какъ установлено, онъ былъ другомъ и единомышленникомъ Сильвестра и Адашева. Какъ же примирить это вопіющее противорѣчіе? Какъ же устранить и другія, повидимому столь же безысходныя? Остается одно—надо признать обоихъ любимцевъ царя за то, чѣмъ они и были

въ дѣйствительности. Мы хотимъ сказать, что они служили простыми статистами. Иванъ пользовался ими въ цѣляхъ борьбы съ боярствомъ; но они сами предпочли извлечь свою выгоду изъ тѣхъ же бояръ. Что касается послѣднихъ, то они весьма охотно готовы были двигать этими пѣшками Ивана. Тогда Грозный разрушилъ эти планы. Отбросивъ Сильвестра съ Адашевымъ, онъ призвалъ на ихъ мѣсто другихъ фигурантовъ. Впрочемъ, пора обратиться къ фактамъ.

V.

Первый соборъ. Русскій парламентаризмъ.

Въ 1547 году Иванъ расправился съ мятежной чернью и съ подстрекателями, которые толкали его самого на путь преступленій. Онъ произнесъ свой властный судъ, и кое-кто поплатился головою. Однако, какъ и прежде, правленіе оставалось въ рукахъ бояръ. А, между тѣмъ, безпорядки, вспыхнувшіе въ Москвѣ, были ничто въ сравненіи съ другими, постоянными, отъ которыхъ страдало и рушилось все государство. Иванъ далъ пройти еще двумъ или тремъ годамъ, чтобы убѣдиться въ необходимости покончить съ этимъ положеніемъ. Быть можетъ, этотъ срокъ былъ нуженъ ему и для того, чтобы удостовѣриться въ способности своей справиться съ подобными злоупотребленіями. Наконецъ, онъ рѣшился. Это случилось въ 1549 или 1550 году: послѣдняя дата болѣе вѣроятна. Согласно разсказу лѣтописей, въ этомъ году Иванъ созвалъ въ Москвѣ соборъ. Въ немъ участвовали представители всѣхъ сословій и областей. Собраніе происходило подъ открытымъ небомъ, на Красной площади, у Кремля. Здѣсь царь обращается къ народу съ рѣчью. Онъ начинаетъ съ обличенія боярскихъ неправдъ. Подробно перечисляетъ онъ всѣ эти злодѣянія; онъ обѣщаетъ прекратить ихъ во имя добра и любви. Въ заключеніе, онъ обращается къ митрополиту: «Молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желаешь. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца своего остался 4-хъ лѣтъ, послѣ матери—8; родственники о мнѣ небрегли, а сильные бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же,

яко глухъ, и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличеній. О, неправедные лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей; ожидайте воздаянія своего...» Затѣмъ, поклонившись на всѣ четыре стороны, царь обращается къ народу. Онъ проситъ его забыть на нѣкоторое время тѣ вражды и тяготи, кои были причинены боярами; онъ признаетъ, что теперь всего исправить нельзя. Но впредь онъ обѣщаетъ, насколько возможно, самъ быть имъ «судьей и обороной».

Въ этотъ же день Адашевъ былъ пожалованъ въ окольничьи. Ему было поручено принимать челобитныя. При этомъ Иванъ приказалъ ему съ особымъ вниманіемъ разбирать просьбы отъ простыхъ людей; онъ повелѣлъ ему не бояться сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ бѣдныхъ и немощныхъ.

Этотъ разсказъ лѣтописи нуждается въ комментаріи. Конечно, Иванъ всегда любилъ театральныя положенія. Быть можетъ, онъ и не предавался на соборѣ тѣмъ лирическимъ изліяніямъ, которыя вложены ему въ уста лѣтописцами. Замѣтимъ, впрочемъ, что онъ самъ далъ намъ нѣсколько образцовъ такого рода краснорѣчія. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ правдоподобно, что онъ могъ говорить на Красной площади, именно, при такой обстановкѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ. Дѣло въ томъ, что помимо всего Иванъ всегда любилъ красно поговорить. Однако какой же смыслъ имѣли и эти рѣчи, и вся эта mise en scène? Славянофильская школа толковала это по своему. Выступленіе молодого царя передъ собраніемъ народа было, въ глазахъ ея, разительнымъ примѣромъ идеально-любовныхъ отношеній между государемъ и подданными. Мало того: славянофилы утверждали, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ характерной особенностью славянской расы, которая одна будто бы способна воспринять подобныя государственныя начала. Многіе историки объясняли это событіе иначе. Имъ казалось, что соборъ 1549—1550 г. знаменовалъ собою какъ бы аппеляцію царя къ народу или призывъ поддержать государя въ борьбѣ съ боярскимъ самовластіемъ. Все это, однако, не болѣе, какъ одно вообраяженіе.

Въ нашихъ рукахъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ о составѣ собора 1550 года. Однако, мы можемъ судить объ этомъ на основаніи практики позднѣйшаго времени. Прежде всего, болѣе нежели сомни-

тельно, чтобы на соборѣ были представлены демократическіе элементы. Этого мало. Ничѣмъ не доказывается, чтобы въ основаніе собора былъ положенъ принципъ какого-нибудь представительства. Правда, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ пытались истолковать одно мѣсто изъ такъ-называемой Хрущовской лѣтописи. Эта рукопись—неизвѣстнаго происхожденія—хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Подобно сборнику Макарія, она представляетъ собою Степенную книгу—родъ обычной въ то время компиляціи. Однако, Платоновъ совершенно разбилъ указанное толкованіе. Онъ доказалъ, что данное мѣсто Хрущовской лѣтописи представляетъ собою позднѣйшую вставку. Относится она, повидимому, уже ко второй половинѣ XVII вѣка; по всѣмъ вѣроятіямъ, и произведена она была подъ вліяніемъ извѣстныхъ идей, распространявшихся впервые лишь въ указанное время. Такимъ образомъ, приходится видѣть въ этой вставкѣ какъ бы результатъ новой практики соборовъ, которые созывались преемниками Ивана при совершенно иныхъ условіяхъ. Между прочимъ, относительно собора 1550 года самъ Иванъ IV далъ намъ какъ разъ обратныя показанія. Уже на слѣдующій годъ, произнося рѣчь въ другомъ собраніи, онъ вспомнилъ о томъ, что говорилось имъ на Красной площади. Благодаря этому, подъ пышнымъ покровомъ и цвѣтами его обманчивой реторики можно разглядѣть ту истину, которая насъ такъ интерeсуетъ. Надо замѣтить, что въ Москвѣ всегда любили отдѣлываться словами: здѣсь умѣли удивительно ловко расплачиваться этой монетой въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось улаживать какіе-нибудь непріятные счеты. Кажется, положительно, не существуетъ народа, который питалъ бы такое пристрастіе къ показной сторонѣ рѣчи, къ ловкой выдумкѣ и всякой околичности. И, на этотъ разъ, Иванъ постарался быть не слишкомъ понятнымъ. Онъ напомнилъ лишь, что уже повелѣлъ боярамъ своимъ, властямъ и намѣстникамъ помириться со всѣми христіанами своей державы . Сопоставляя тексты и освобождая ихъ отъ всего лишняго, можно прійти къ слѣдующему правдоподобному предположенію. Соборъ 1550 года былъ не болѣе, какъ простымъ совѣщаніемъ должностныхъ лицъ; онъ явился лишь эпизодомъ административной жизни той эпохи. Выше мною уже была описана организація тогдашней правительственной системы. Можно быть увѣреннымъ, что коснуться ея основъ Ивану IV никогда не приходило въ голову.

Апеллировать къ народу противъ бояръ—это значило возбуждать его противъ должностныхъ лицъ государства. Никогда Иванъ не рѣшился бы на это. Вотъ почему, даже обличая бояръ со всею силою, царь въ сущности обращался все-таки только къ нимъ однимъ. Въ этомъ смыслѣ его рѣчь на Красной площади была обращеніемъ ad homines—лишь формулированнымъ въ третьемъ лицѣ. Какой же выводъ могъ бы сдѣлать изъ нея народъ? Какъ принялъ бы онъ ее съ перваго раза? Я имѣю въ виду, конечно, тѣхъ представителей этого класса, которые хотя что-нибудь смыслили въ государственныхъ вопросахъ. А много ли могло найтись въ этомъ народѣ людей, способныхъ исправить дѣло, испорченное другими?

Но, въ такомъ случаѣ, каковы же были истинныя намѣренія Ивана? Угадать ихъ не трудно. Разумѣется, Грозный не хотѣлъ коснуться ни системы *службы*, ни самихъ *служилыхъ людей*, которые столько времени злоупотребляли своимъ положеніемъ. Онъ просто стремился улучшить работу административной машины, принявъ управленіе ею въ собственныя руки. Одновременно съ этимъ, завѣдываніе второстепеными частями аппарата онъ желалъ довѣрить новымъ лицамъ, по собственному выбору. Этимъ объясняется его обѣщаніе самому быть «судьею и обороной»; отсюда же шло и обращеніе его къ Адашеву. Все это, конечно, относилось къ будущему. Что касается прошлаго, котораго «нельзя было исправить», то Иванъ хотѣлъ, по возможности, ликвидировать старые счеты. Дѣло въ томъ, что тысячи жалобъ оставались безъ разсмотрѣнія; цѣлыя груды бумагъ тщетно ожидали какого-нибудь движенія. Разобрать все это было невозможно въ путяхъ обычнаго производства, которое отличалось невѣроятной сложностью и медлительностью. Что же значило, такимъ образомъ торжество «добрыхъ дѣлъ и любви?» Какой смыслъ имѣло примиреніе «со всѣми христіанами?» Несомнѣнно, на своеобразномъ языкѣ этой эпохи это было равносильно призыву покончить всѣ дѣла полюбовнымъ соглашеніемъ. Повидимому, былъ установленъ и довольно краткій срокъ для этой цѣли. Это видно изъ того, что уже въ 1551 году Иванъ могъ объявить о благополучномъ разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ, накопившихся отъ прошлаго времени.

Созывъ народнаго собранія, въ точномъ смыслѣ этого слова, не укладывался въ рамки традиціонной правительственной системы. Иванъ наслѣдовалъ эту систему отъ предковъ и отнюдь не имѣлъ въ виду ея уничтоженія. Онъ стремился лишь со временемъ нѣсколько

усовершенствовать ея дѣйствіе въ соотвѣтствіи съ новыми нуждами. Никакому представительному учрежденію здѣсь, конечно, не было. мѣста: Иванъ былъ настолько далекъ отъ этой мысли, что даже сторонники родовой олигархіи, какъ Курбскій, никогда впослѣдствіи не высказывались принципіально противъ періодическихъ собраній по образцу 1550 года. Въ ихъ глазахъ этотъ соборъ оставался, очевидно, простымъ средствомъ административно-судебной работы. Нѣкоторые предлагали даже ввести подобныя совѣщанія въ обычное правило. Таковъ былъ авторъ извѣстной *Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ*. Впрочемъ, я еще вернусь къ этому политическому памфлету, который надѣлалъ много шума въ описываемое время.

Однако, новую попытку совѣщанія съ соборомъ мы видимъ только въ 566 году. Какъ и раньше, собору предстояла вполнѣ опредѣленная цѣль: онъ долженъ былъ разобрать возникшіе споры съ Польшей. До насъ дошелъ офиціальный списокъ участниковъ этого новаго совѣщанія. Здѣсь мы видимъ 32-хъ представителей высшаго духовенства, 258 бояръ или дѣтей боярскихъ, высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ; далѣе въ спискѣ перечисляются 9 земельныхъ собственниковъ московскихъ, 53 купца и 22 «смолянина»: то были тѣ же купцы или люди, имѣвшіе какія-либо дѣла съ городомъ Смоленскомъ. И здѣсь, какъ видно, демократическихъ элементовъ не было и слѣда. Передъ нами—одни служилые люди, къ которымъ присоединены коекакіе свѣдующіе спеціалисты. Оно и понятно: польскій вопросъ, вообще, былъ связанъ съ интересами торговли. Въ особенности близко затрагивалъ онъ нужды пограничныхъ купцовъ. Такъ же мало можно видѣть въ подобномъ совѣщаніи попытку вернуться къ старымъ вѣчевымъ традиціямъ или усвоить начала представительственныхъ собраній Запада. Намъ извѣстно, что такое такъ называемый, *освященный соборъ*. То было совѣщаніе высшихъ іерарховъ; оно созывалось періодически еще съ глубокой древности для обсужденія вопросовъ, касавшихся какъ Церкви, такъ и государства. Быть можетъ, практика этихъ освященныхъ соборовъ и подала мысль о созывѣ анологичныхъ совѣщаній, которыя впослѣдствіи и получили наименованіе земскихъ соборовъ. Терминъ *земскій*, какъ извѣстно, и донынѣ имѣетъ въ Россіи опредѣленный административный смыслъ.

Старое вѣче осталось далеко позади. Какъ политическій строй, такъ и соціальная организація московскаго государства создали слишкомъ неблагопріятную почву для развитія представительныхъ учре-

жденій изъ этихъ зачатковъ народнаго собранія. Въ этомъ отношеніи, молодая сѣверо-восточная держава представляла полную противоположность другимъ славянскимъ государствамъ или германскимъ племенамъ. Для перехода отъ вѣча къ народному представительству у нея недоставало такихъ промежуточныхъ формъ, какъ, напримѣръ, съѣзды дворянства,—magna consilia, Herrentage... и т. д. Подобно боярской думѣ, земскій соборъ явился лишь видоизмѣненнымъ обычаемъ старины: вѣдь мы знаемъ, что всѣ русскіе князья нѣкогда совѣщались со своею дружиною. Впослѣдствіи на мѣсто дружинниковъ стали служилые люди. Съ теченіемъ времени сфера администраціи расширилась и усложнилась; тогда естественно возникла потребность въ образованіи служебнаго представительства. Вѣдь всѣхъ служилыхъ людей собрать въ Москвѣ было невозможно. Такимъ образомъ, правительство признало своевременнымъ прибѣгнуть къ выборному началу для распредѣленія извѣстныхъ административныхъ функцій; съ другой стороны, эти избранные представители служилаго сословія оказались, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ бы его депутатами. Иными словами,—установился обычай созывать въ столицѣ совѣщанія избранныхъ должностныхъ лицъ: задачей ихъ было обсужденіе очередныхъ вопросовъ администраціи или совмѣстное рѣшеніе какихъ-нибудь общихъ дѣлъ. Эти совѣщанія происходили неправильно, въ зависимости отъ усмотрѣнія правительства,—и участники ихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, являлись какъ бы уполномоченными; однако, надо помнить, что то были чисто административныя полномочія; что касается доступа въ собранія, то онъ опредѣлялся особыми условіями. Были ли тутъ какіе-нибудь выборы, и въ какой формѣ—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, участники совѣщанія являлись туда на основаніи и во всеоружіи чисто служебныхъ своихъ правъ. Они были представителями не общественныхъ, а административныхъ интересовъ. Они выступали, какъ агенты правительства, отнюдь ни какъ защитники той или другой соціальной группы. Центральная власть призывала ихъ, чтобы получить свѣдѣнія и отдать распоряженія. Никакого дѣйствительнаго обсужденія вопросовъ не происходило. Пусть даже иногда правительство дѣлало видъ, что спрашиваетъ совѣта: на самомъ дѣлѣ, оно лишь приказывало своимъ слугамъ.

Разумѣется, ни о какихъ-либо политическихъ правахъ подобныхъ депутатовъ или ихъ избирателей никогда даже не подымалось вопроса. Правда, порою московское правительство какъ бы заигрывало съ этими

соборами, пользуясь нарочитой неопредѣленностью ихъ компетенціи Однако, на самомъ дѣлѣ, ни одно изъ этихъ совѣщаній не оставило по себѣ слѣдовъ законодательной работы. Мало того—мы не видимъ съ ихъ стороны ни одного самостоятельнаго рѣшенія. Въ этомъ повиненъ можно думать, крайне неустойчивый характеръ исконнаго русскаго порядка. Мы уже видѣли, что онъ неизмѣнно препятствовалъ общественной диференціаціи и мѣшалъ образованію прочно организованныхъ классовъ. Такимъ образомъ, группировка разрозненныхъ общественныхъ элементовъ стала задачею самой центральной власти. Она и занялась этимъ дѣломъ, и, совершенно естественно, не задумываясь о правахъ общества, озаботилась, прежде всего, наложеніемъ на него извѣстныхъ обязанностей. Вслѣдствіи этого, и въ своихъ основахъ, и въ подробностяхъ распорядка, новый политическій строй всецѣло свелся къ принципу повинности, т.-е. *тягла*. При такихъ условіяхъ, даже проникновеніе избирательнаго начала нисколько не затронуло коренныхъ устоевъ такого порядка. Мы уже видѣли, что въ тогдашнемъ обществѣ были недостаточно развиты соціальные интересы; можно сказать, что его элементы были слишкомъ мало проникнуты сознаніемъ даже собственныхъ нуждъ. Вслѣдствіе этого право выборовъ и самыя депутатскія полномочія представлялись только новымъ тягломъ, которое присоединяется къ существующимъ. Мы уже оговорились, что выборная основа соборовъ не доказуема. Однако, допустимъ даже, что она была несомнѣннымъ фактомъ. И, все же приходится заключить, что эти земскіе соборы явились въ русской исторіи не болѣе, какъ эпизодомъ, да и то самаго эфемернаго свойства. Учрежденіе соборовъ было нужно для правительства; оно не было торжествомъ созрѣвшихъ общественныхъ силъ; оно было продуктомъ административнаго творчества, а не плодомъ продолжительной національной работы. Вотъ почему земскіе соборы приходится разсматривать, какъ чисто внѣшнюю надстройку, механически приставленную къ старому и неуклюжему зданію государственнаго порядка; вотъ почему невозможно въ нихъ видѣть сколько-нибудь прочный результатъ внутренняго, органическаго развитія. Съ 1550 по 1363 годъ было созвано 16 земскихъ соборовъ. И, однако, когда закрылся самый послѣдній изъ нихъ, онъ не оставилъ по себѣ ни живой памяти, ни особыхъ сожалѣній. Соборы были вызваны къ жизни произвольнымъ рѣшеніемъ единственно реальной власти; такой же произвольный актъ и вернулъ ихъ въ небытіе,—и ни существованіе ихъ, ни исчезно-

веніе не оставили никакого слѣда въ судьбахъ русскаго народа. Пусть даже неправы тѣ историки, которые считаютъ эту вѣтвь славянства отъ природы неспособной къ воспріятію политической свободы; пусть клеветой звучитъ утвержденіе, будто русская нація обречена на вѣчное рабство абсолютизму. Во всякомъ случаѣ, приходится признать, что въ стѣнахъ Кремля въ XVI вѣкѣ не происходило ничего похожаго на серьезную попытку создать представительныя учрежденія.

Въ чемъ же заключается историческое значеніе собора 1550 года? Прежде всего важны были тѣ заботы, которыя заставили правительство прибѣгнуть къ этому средству. Далѣе,—не менѣе существенны были и тѣ государственныя мѣропріятія, которыя послѣдовали за соборомъ. Царь доказалъ уже, что онъ знаетъ, какія язвы разъѣдаютъ государственное тѣло. Онъ смѣлой рукой сорвалъ съ нихъ послѣдній покровъ. Теперь ему оставалось примѣнить къ нимъ лучшія врачеванія, а не тѣ средства, которыя считались до той поры всесильными. Уже слѣдующій годъ царствованія Ивана открываетъ за собой эпоху преобразованій (*).

*) Относительно біографическихъ данныхъ см. сочиненія *Карамзина, Соловьева и Бестужева-Рюмина*, l. c. Основными источниками являются лѣтописи и сочиненія *Курбскаго*, изд. *Устрялова*, II. — О Сильвестрѣ см. *Голохвастовъ*, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, 1874; *Замысловскій*, критическая статья о книгѣ Голохвастова въ Сборникѣ государственныхъ знаній, т II; *Иловайскій*, Исторія Россіи, 1890, III, 621 и сл.; *Костомаровъ*, Монографіи, XIII, 240, сл.; *Шмурло*, Очеркъ жизни и трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, 1899 Посланія Сильвестра изданы *Барсовымъ* въ *Христіанскомъ Чтеніи*, 1871, мартъ. Рецензія на это изданіе напечатана была *Ждановымъ* въ Ж. М. Н. Пр., 1876 іюль.— О первомъ земскомъ соборѣ: *Латкинъ*, Земскіе соборы древней

Руси, 1855; статьи *Павлова* въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 1935; *Костомарова* въ Новомъ Времени, 1880, № 1485 — О происхожденіи соборовъ: *Костомаровъ*, Монографіи, XIX, 324 сл.; *Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ, Москва 1866; *Загоскинъ*, Исторія права московскаго государства, Казань, 1887; *К. Аксаковъ*, Сочиненія, I, 204 сл ; *Сергѣевичъ*, Земскіе соборы въ московскомъ государствѣ, Сб. госуд зн , II; *Бѣляевъ*, Актовая рѣчь, произнесенная въ Моск. унив , 1867; *Ключевскій*, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси, Русская Мысль, 1890; *Соловьевъ*, см. Полемику со Шлецеромъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1857, VIII; *Забѣлинъ*, Очерки по исторіи московскаго самодержавія, Историческій Вѣстникъ, 1881 — Подлинные документы, относящіеся къ исторіи 1-го собора, отсутствуютъ; имѣются лишь нѣкоторыя офиціальныя данныя въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ*, II, № 37; что касается, вообще, исторіи соборовъ, см нѣкоторыя данныя въ *Актахъ Историческихъ*, 1841, I и II, и дополненіяхъ, I, а также въ *Актахъ Археографической Экспедиціи*, I — О политическомъ порядкѣ древней Руси см. *Сергѣевичъ*, Русск. юр. древн., II, часть 1-я. — О соборѣ 1566 года см. *Лѣтопись Александра Невскаго*, напечатанную недавно въ *Древней Русской Вивліоѳикѣ*, 1891, III: здѣсь содержатся интересныя данныя. Впрочемъ, этотъ документъ ждетъ еще особаго изслѣдованія со стороны происхожденія и содержанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первыя преобразованія.

I. Преобразовательныя теченія. — II. Новый законъ. — III. Реорганизація службы. — IV. Религіозная реформа.

I.

Преобразовательныя теченія.

Изъ среды образованнаго класса—въ количественномъ отношеніи еще ничтожнаго при Иванѣ IV, въ умственномъ—мало развитаго, но уже заинтересованнаго нѣкоторыми политическими и соціальными вопросами; изъ кружка людей мыслящихъ, спорящихъ, пишущихъ—исходило два преобразовательныхъ теченія. Отправныя ихъ положенія были рѣзко различны; но въ конечныхъ цѣляхъ они сходились весьма близко, если не вполнѣ были согласны. И то и другое направленіе выдвигало новыя понятія и планы: и здѣсь и тамъ они связаны были съ великимъ вопросомъ современности. Мы говоримъ о правѣ на землю. Моимъ читателямъ уже извѣстно, какую позицію заняли въ этомъ остромъ вопросѣ послѣдователи Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева. Новый толчокъ къ развитію идей *нестяжателей* сообщилъ тотъ памфлетъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. При своей причудливой формѣ, которая порою совершенно затемняетъ мысль автора, это произведеніе написано чрезвычайно энергичнымъ языкомъ, который долженъ былъ производить самое сильное впечатлѣніе. Въ памфлетѣ выводятся фантастическіе собесѣдники—именно, Валаамскіе чудотворцы—Сергѣй и Германъ. Что касается личности самаго автора, то она остается загадкой. Нѣкоторые отождествляли автора съ Патрикѣевымъ; но для смиреннаго монаха памфлетъ написанъ слишкомъ запальчиво и дерзко. Едва ли какой-нибудь инокъ рѣшился бы съ такою смѣлостью возставать противъ накопленія богатствъ въ

рукахъ чернаго духовенства и такъ горячо изобличать гибельныя послѣдствія этого зла! Правда, политическія воззрѣнія автора своей удивительной наивностью пожалуй могутъ напомнить какого-нибудь монаха. Такъ, напримѣръ, главной заботой постояннаго совѣта царскаго долженъ быть, по его мнѣнію, надзоръ за неуклоннымъ соблюденіемъ постовъ. Однако, замѣчательно, что авторъ *Бесѣды* требуетъ, чтобы совѣтниками царя были только міряне, а отнюдь не духовенство которое неправильно присваиваетъ себѣ подобное положеніе. Жить въ бѣдности и молиться—таковъ долженъ быть удѣлъ инока по мнѣнію неизвѣстнаго публициста. Могъ ли думать такъ Патрикѣевъ? Едва ли его честолюбіе примирилось бы съ такою ролью!

Въ своей новой постановкѣ, земельный вопросъ неожиданно расширялся. Онъ затрагивалъ уже иные, смежные интересы; изъ него вытекалъ цѣлый рядъ другихъ требованій. Чрезмѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія признавался зломъ. Прекрасно. Но развѣ меньшее зло представляла собою раздача земли служилымъ людямъ? Развѣ болѣе справедливымъ былъ постепенный захватъ земельной собственности этими привилегированными элементами? Вѣдь самъ Иванъ такъ недавно еще изобличалъ неправды этихъ сильныхъ людей? Отвѣтомъ на эти вопросы явился новый памфлетъ,—вышедшій одновременно съ *Бесѣдой чудотворцевъ*. Онъ былъ написанъ въ формѣ посланія или печалованія, адресованнаго царю какимъ-то *Иваномъ* или *Ивашкой Пересвѣтовымъ*. Мы не знаемъ, было ли то собственное имя автора, или псевдонимъ: этотъ вопросъ остается еще неяснымъ. Во всякомъ случаѣ, памфлетъ Пересвѣтова являлся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ служилаго землевладѣнія. «Вельможи своимъ чародѣйствомъ приворотили къ себѣ сердце царево и научили его во всемъ волю свою творити...» Они разбогатѣли сверхъ мѣры; они обездоливаютъ и безжалостно угнетаютъ разоренныхъ крестьянъ; живутъ они сами въ лѣности и въ развратѣ. Трусость ихъ такъ же велика, какъ и жадность: когда они выѣзжаютъ на битву, то губятъ людей царскихъ и теряютъ войско, а въ мирное время «берутъ на царя 10 рублей, а себѣ 100». Словомъ, они повинны во всѣхъ бѣдствіяхъ государства.

Какой же выводъ былъ изъ такого положенія? Что касается секуляризаціи церковныхъ земель, то она давно стояла въ программѣ московскаго правительства. Этимъ вопросомъ уже занимался Иванъ III, при которомъ дѣлались нѣкоторыя попытки въ указанномъ направле-

ніи. Теперь возникалъ вопросъ о служиломъ землевладѣніи; какъ же намѣренъ былъ рѣшить эту проблему Ивашка Пересвѣтовъ? Его предложенія были не менѣе радикальны. Онъ требовалъ уничтожить систему кормленія. Онъ хотѣлъ, чтобы государство вернуло себѣ земли, розданныя служилымъ людямъ. Онъ проектировалъ замѣну этой формы вознагражденія за службу уплатой ежегоднаго жалованія. Такимъ образомъ, въ рукахъ государя окажутся послушные исполнители; земля освободится и вернется къ своимъ законнымъ владѣльцамъ, а народъ избавится отъ невыносимаго гнета.

Если разсматривать оба памфлета съ литературной точки зрѣнія, то нетрудно установить между ними нѣкоторое сродство. Въ *Бесѣдѣ*, какъ мы видимъ, выступаютъ воображаемыя лица; въ сочиненіи Пересвѣтова также фигурируетъ какой-то волошскій воевода, у котораго авторъ будто бы прожилъ нѣкоторое время. Не менѣе причудливъ и самый стиль второго памфлета. Словомъ, форма этого произведенія крайне загадочна; оно изобилуетъ мудреными околичностями, неожиданными отступленіями, неясными и прямо темными мѣстами, столь характерными для всей тогдашней фразеологіи. И, однако, никогда и нигдѣ не предлагалось болѣе революціоннаго плана реформы. Ни въ одномъ государствѣ не бывало столь рѣшительныхъ сторонниковъ отвлеченнаго радикализма, какъ въ Россіи—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя эпохи. Въ этомъ смыслѣ, новѣйшій русскій радикализмъ имѣетъ подъ собою глубокіе корни въ прошломъ. Конечно, какъ теперь, такъ и тогда между теоріей и практикой лежала цѣлая бездна. Въ самомъ дѣлѣ: о чемъ шла рѣчь въ обоихъ памфлетахъ? Не болѣе не менѣе, какъ о коренномъ переустройствѣ всего соціально политическаго порядка. Правда, обѣ программы касались двухъ различныхъ категорій землевладѣнія; но между авторами, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, по существу не было противорѣчія. Напротивъ, оба проекта естественно дополняли и развивали другъ друга. Они представляли собою двоякое рѣшеніе одной и той же задачи. Но въ основѣ своей эта задача оставалась революціонной и демократической.

Какъ же смотрѣлъ Иванъ на такую задачу? Какъ относился онъ къ этому двойному теченію? Несомнѣнно, что относительно церковныхъ имуществъ Грозный былъ склоненъ слѣдовать по пути своего дѣда. При всѣхъ своихъ колебаніяхъ, московская политика оставалась въ этомъ вопросѣ неизмѣнной. Ея традиціи передавались однимъ государемъ другому; можно сказать, такое преемство сохранялось

даже между династіями. Однако, какъ дѣду, такъ и внуку, приходилось считаться съ извѣстными препятствіями; ослабить и устранить противодѣйствіе могло лишь долгое время. Реформа служилаго землевладѣнія представляла еще большія затрудненія. Конечно, кѣмъ бы то ни былъ Ивашка Пересвѣтовъ, и откуда бы ни заимствовалъ онъ свои идеи, но для того, чтобы говорить столь смѣлымъ языкомъ, онъ долженъ былъ чувствовать за собою могущественную поддержку. Порою, при чтеніи его памфлета, кажется, что слышишь эхо рѣчи, произнесенной молодымъ царемъ на Красной площади. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ немъ оффиціознаго публициста; можетъ быть, они были и не такъ далеки отъ истины. И все же—пусть недостойны были служилые люди; пусть обѣщалъ самъ царь дѣйствовать противъ нихъ со всею строгостью... Но вѣдь проектъ Пересвѣтова предлагалъ экспропріировать ихъ; онъ требовалъ ввести ихъ въ тѣсныя границы. О комъ же шла рѣчь? Объ арміи царя и о его чиновникахъ! Это значитъ о двухъ опорахъ государственнаго зданія! Замѣнить ихъ? Это—другое дѣло,—и Иванъ много думалъ по этому поводу. Но для этого надо было найти цѣлые тысячи Адашевыхъ. А пока что,—нужно было жить Для того же, чтобы продолжать существованіе, приходилось не только отказаться отъ мысли измѣнить существующій порядокъ въ ущербъ служилымъ людямъ, но, напротивъ, скорѣе упрочить ихъ положеніе. Еще никакая реформа не затронула этого положенія; но столь ненавистныя Пересвѣтову преимущества служилаго сословія оказывались уже подъ большимъ сомнѣніемъ. На вельможъ раздавались, болѣе или менѣе, справедливыя нареканія. Но такимъ обвиненіямъ они могли противопоставить столь же основательныя жалобы. Они угнетали сверхъ мѣры крестьянъ—землевладѣльцевъ? Но вѣдь сами крестьяне разоряли помѣщиковъ, покидая ихъ земли. Раньше правительство благосклонно смотрѣло на крестьянскіе переходы и даже имъ содѣйствовало: оно видѣло въ нимъ могущественное средство заселенія окраинъ. Теперь же сама власть усматривала въ крестьянскихъ переходахъ непосредственную опасность: она была не менѣе страшна, чѣмъ всевозможныя злоупотребленія *кормленщиковъ*, чѣмъ самое ихъ непокорство. Вѣдь, палачъ всегда можетъ усмирить строптивыхъ. Но какъ быть, если для войска и администраціи не хватитъ силъ? Что дѣлать, если помѣщики, и безъ того скудно надѣленные землею, въ одинъ прекрасный день лишатся куска хлѣба? Что будетъ тогда? Очевидно, государь окажется безъ рукъ.

Въ своихъ обличеніяхъ и планахъ Ивашка Пересвѣтовъ не дѣлалъ различія между крупными и мелкими землевладѣльцами, между обладателями временныхъ, скупо нарѣзанныхъ участковъ и счастливыми собственниками обширныхъ вотчинъ. Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, допускалъ ошибку: пренебрегая достижимыми цѣлями, онъ уходилъ слишкомъ далеко отъ реальныхъ условій. Земля оставалась въ Московскомъ государствѣ единственнымъ фондомъ, которымъ правительство располагало. Совершенно естественно, что, при отсутствіи иныхъ матеріальныхъ средствъ, оно и пользовалось ею для вознагражденія подданныхъ за службу. Но, конечно, не всѣ служилые люди были въ одинаковыхъ условіяхъ. Находясь въ рукахъ простыхъ помѣщиковъ, земельная собственность не представляла собою ни соціальнаго зла, ни политической опасности. При своихъ ограниченныхъ размѣрахъ, она являлась лишь временной формой землепользованія; дѣйствительно же привилегированный и опасный элементъ представляли собою только владѣльцы старыхъ вотчинъ. Среди постепеннаго разоренія слабыхъ помѣщиковъ, они одни сохраняли свое богатство. Пользуясь хозяйственнымъ кризисомъ и соціальнымъ ослабленіемъ своихъ сосѣдей, они даже увеличивали нерѣдко свое благосостояніе. Рабочія руки всегда были въ ихъ распоряженіи, такъ какъ они либо приманивали къ себѣ крестьянъ лучшей оплатой труда, либо силою переводили ихъ на свои земли. Такимъ образомъ, ихъ вотчины росли и оживлялись. Зависимое населеніе не только не покидало ихъ, но еще прибывало; самостоятельность самихъ землевладѣльцевъ не только не уменьшалась, но даже увеличивалась. Правда, и они «служили» государству. Но пользоваться ими приходилось лишь справляясь съ ихъ настроеніемъ, учитывая моментъ и ловя удобный случай. Словомъ, то была недесциплинированная, строптивая масса: она мало привыкла повиноваться и была почти недоступна карамъ.

Находясь между этими двумя группами землевладѣльцевъ, правительственная власть должна была неизмѣнно имѣть въ виду общегосударственные интересы. Она еще не знала, какъ обойтись безъ помѣщиковъ и безъ вотчинниковъ; поэтому, естественно, ей не приходилось думать о ихъ немедленномъ уничтоженіи. Удобнѣе всего было лишь противопоставить другъ другу эти стороны, и, ослабляя сильнѣйшую и опаснѣйшую, тѣмъ самымъ укрѣпить болѣе слабую и менѣе угрожающую. Достигнувъ этой цѣли, нужно было поскорѣе устранить

враждебные элементы. Другими словами, сохраняя неприкосновеннымъ все зданіе, приходилось оставить въ немъ необходимые устои и удалить излишнія переборки. Это значило завершить тотъ историческій процессъ, который продолжался уже болѣе вѣка: медленно, но неуклонно на мѣсто удѣльныхъ князей и вотчинъ онъ водворялъ единодержавнаго государя и систему помѣстій. Рано или поздно Иванъ долженъ былъ принять эту программу; только она соотвѣтствовала традиціямъ правительства и удовлетворяла настоятельнымъ потребностямъ государства.

До послѣдняго времени этого не понимали. Между тѣмъ здѣсь— вся исторія опричнины.

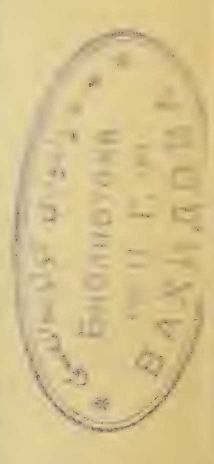
Разумѣется, Иванъ принялъ рѣшеніе не сразу. Въ ту пору царствованія, о которой мы говоримъ, онъ самъ, быть можетъ, блуждалъ, колеблясь между двумя направленіями политической мысли. Несомнѣнно, что ихъ смѣлость и новизна не могли не увлечь его предпріимчиваго и впечатлительнаго ума. Онъ внимательно прислушивался къ рѣчамъ нестяжателей; съ другой стороны, вполнѣ вѣроятно, что онъ поддерживалъ и Ивашку Пересвѣтова. Словомъ, онъ еще искалъ дороги; онъ вступалъ на нее осторожно, ощупью, пробуя почву и, когда нужно, дѣлая шагъ назадъ. Такова исторія 1550—1551 годовъ со всѣми относящимися сюда событіями. Мы говоримъ, главнымъ образомъ, о редакціи новаго закона и о созывѣ церковнаго собора. Благодаря извѣстному намъ обычаю вводить въ эти соборы міранъ и обсуждать государственные вопросы, церковный соборъ 1551 года создалъ цѣлую эпоху и въ политической жизни страны.

II.

Новый законъ.

Умирая, Людовикъ XI мечталъ собрать воедино всѣ обычаи Франціи. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась лишь въ царствованіе Генриха III. Впрочемъ, и здѣсь еще не имѣла мѣста настоящая кодификація. Русскимъ законодателямъ 1550—1551 года пришлось переработать уже существующій кодексъ. То былъ Судебникъ 1497 г., который, въ чрезмѣрномъ стремленіи къ государственному единообразію, пытался было установить общій для всѣхъ порядокъ судо-

устройства и судопроизводства. Такимъ образомъ, на сторонѣ русскихъ законодателей было, какъ будто, первенство въ сравненіи съ западными кодификаторами. Однако, такое преимущество было скорѣе кажущимся, нежели дѣйствительнымъ. Въ сущности, законодательство 1497 года почти не измѣнило юридическихъ понятій и нормъ Русской Правды XI-го вѣка: только въ отдѣльныхъ случаяхъ оно попыталось нѣсколько приспособить ихъ къ условіямъ новаго времени. Въ этомъ смыслѣ, Судебникъ 1497 года являлся лишь копіей съ древнѣйшаго памятника русскаго законодательства. Онъ отступалъ отъ Русской Правды, исключительно, въ области судопроизводства и судоустройства. Вообще, въ своей кодификаторской работѣ, Иванъ III, главнымъ образомъ, руководился соображеніями политической централизаціи. Что касается Ивана IV, то въ его законодательной дѣятельности сказались два направленія, которыя какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Въ извѣстномъ смыслѣ, Судебникъ 1550 г. представляетъ собою шагъ назадъ: въ соотвѣтствіи съ требованіями областнаго самоуправленія онъ опять передаетъ судебныя функціи старымъ мѣстнымъ организаціямъ. И, рядомъ съ этимъ, съ чисто юридической точки зрѣнія, тотъ же Судебникъ знаменуетъ собою хотя и робкое, но несомнѣнное движеніе впередъ.

Такимъ образомъ, Судебникъ Ивана IV можно разсматривать съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Та сторона, которую мы отмѣтили прежде всего, является и наиболѣе важной. Вся задача тогдашней администраціи сводилась, можно сказать, къ отправленію судебныхъ обязанностей. Поэтому, въ сущности, новый кодексъ 1550 года возвѣщалъ собою коренную реформу всего правительственнаго порядка. Правда, положительныя предначертанія Судебника были очень смутны и недостаточно вразумительны. Но отъ литературныхъ памятниковъ той эпохи, вообще, не приходится ждать большей опредѣленности. Иногда они оказываются весьма пространными по размѣру. Но, все же, говорятъ они крайне мало; то, что ими сказано,—обыкновенно, бываетъ выражено довольно неудачно; за словами текста, по большей части, чувствуется нѣчто недоговоренное,—положительный планъ бываетъ намѣченъ въ самыхъ общихъ, порою неуловимыхъ чертахъ... Но, во всякомъ случаѣ, въ Судебникѣ 1550 г. заключается извѣстный планъ реформы. Въ этомъ, намъ думается, главный смыслъ этого кодекса и, вмѣстѣ, цѣль того собора, который долженъ былъ утвердить эти предначертанія правительства.

Не слѣдуетъ думать, что реформа, о которой мы говоримъ, явилась произвольнымъ измышленіемъ самого Ивана или его совѣтниковъ. Мы уже упоминали выше, что программа Ивана III была проникнута духомъ централизаціи. И, однако, законодатель 1497 года уже допускаетъ само населеніе къ участію въ судѣ. Это участіе осуществлялось при посредствѣ выборныхъ представителей населенія, т.-е. сотскихъ, старостъ, добрыхъ людей. Очевидно, подобная уступка со стороны правительства была вызвана живучестью нѣкоторыхъ мѣстныхъ традицій. Впрочемъ, участіе этихъ выборныхъ лицъ ограничивалось простымъ контролемъ судопроизводства и оставалось чисто-факультативнымъ. Правительство разсматривало его, какъ нѣкоторый пережитокъ старыхъ, уже упраздненныхъ учрежденій; поэтому оно и ограничивало какъ рамки ихъ дѣятельности, такъ и самую область ихъ примѣненія. Старосты, сотскіе и добрые люди имѣлись далеко не вездѣ, а государство нисколько не было озабочено тѣмъ, чтобы распространить эти учрежденія повсемѣстно. Судебникъ 1550 г. возвѣщалъ о намѣреніи правительства ввести выборное начало повсюду и одновременно сообщить ему обязательную силу. Выборные люди и «цѣловальники» должны были явиться во всѣхъ мѣстныхъ округахъ. Но этого мало. Мы знаемъ, что въ малолѣтство Ивана шаткая политика центральнаго правительства создавала величайшіе безпорядки на мѣстахъ. Должностные лица государства нерѣдко пренебрегали своими обязанностями; тогда, силою вещей, рядомъ съ ними, создались новыя судебныя власти въ средѣ самого населенія. Нужно же было кому-нибудь задерживать, судить и наказывать всевозможныхъ разбойниковъ и хищниковъ, которыми кишѣла страна! Въ различныхъ мѣстахъ городскія и сельскія общины ходатайствовали передъ правительствомъ о предоставленіи имъ права—при помощи выборныхъ уполномоченныхъ выполнять эти судебно-административныя функціи. Такое право даровалось, обычно, особыми грамотами. Что касается этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, то они, вообще, стали именоваться губными старостами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ государства губою назывались мѣстные округа. Такъ, напримѣръ, дѣлились на губы псковскія и новоторжскія земли. Однако, первоначально, эти округа не имѣли ничего общаго съ организаціей уголовнаго суда. Судебникъ 1550 года долженъ былъ дать формальную санкцію уже существующему факту. Однимъ почеркомъ пера законодатель возложилъ всю уголовную юридикцію на обязанность мѣстныхъ общинъ. Но это

было только первымъ шагомъ реформы. Наступали войны, которыя требовали всеобщей мобилизаціи служилыхъ людей. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ этихъ должностныхъ лицъ, удерживаемыхъ подъ знаменами государства, наиболѣе удобнымъ казалось переложить всѣ ихъ обязанности на тѣхъ же самыхъ выборныхъ изъ среды населенія. Съ 1555 года, цѣлымъ рядомъ грамотъ правительство преобразовало и свою финансовую систему. Теперь какъ распредѣленіе, такъ и сборъ налоговъ передавались уже въ руки мѣстныхъ общинъ.

Въ сущности, это было не болѣе не менѣе, какъ частичное осуществленіе программы Ивашки Пересвѣтова. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, очевидно, стремилось упразднить систему кормленія. Этого оно достигало, уничтожая, по возможности, самихъ кормленщиковъ. Послѣ 1552 года Иванъ, какъ будто, и не хотѣлъ скрывать, что намѣренъ реформировать администрацію именно на этихъ началахъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ служилые люди должны были утратить едва ли не самую существенную основу своихъ правъ на землю. Свое званіе они еще могли сохранить, такъ какъ, попрежнему, составляли ратную силу государства. Весьма замѣчательно, что служилые люди и не протестовали противъ такой реформы; по крайней мѣрѣ, съ ихъ стороны мы не слышимъ никакой жалобы. Повидимому, они охотно готовы были отказаться отъ своихъ привилегій на землю; они мирились съ любой, даже весьма скромной денежной компенсаціей. Надо думать, что въ ихъ глазахъ она была болѣе надежна, нежели невѣрный доходъ съ помѣстій, близкихъ къ разоренію.

Казалось, реформа, задуманная Иваномъ IV, должна была дать общинамъ полное самоуправленіе; можно было думать, что, одновременно съ этимъ, она произведетъ коренную перемѣну въ хозяйственномъ, соціальномъ, и политическомъ строѣ государства... Но преобразовательная работа правительства, вдругъ, остановилась. Какъ и слѣдовало ожидать, люди оказались ниже идеала. Во многихъ мѣстахъ населеніе обнаружило совершенную неподготовленность къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей; такимъ образомъ, оно не могло воспользоваться благами самоуправленія, которыя оказывались ему не по силамъ. Далѣе, съ правомъ собственнаго суда для общины была связана тяжелая отвѣтственность. Нѣкоторыя области были слишкомъ рѣдко заселены; такимъ образомъ, самая организація общинъ встрѣчалась съ непреодолимыми препятствіями. Порою мѣстные элементы оказывались вполнѣ подготовленнымикъ какой угодно

формѣ общенія; однако, ихъ разбросанность по территоріи дѣйствовала въ совершенно обратномъ направленіи. Мы сказали выше, что кое-гдѣ населеніе не умѣло пользоваться самоуправленіемъ, а кое-гдѣ и боялось его отвѣтственности: въ довершеніе всего само государство предоставляло это благо не даромъ. Оно разсматривало его, какъ привилегію; а всякая привилегія естественно должна была оплачиваться. Поэтому правительство открыло торговлю грамотами, даровавшими мѣстное самоуправленіе; другими словами, общинамъ приходилось выкупать право юрисдикціи, котораго лишались прежнія должностныя лица. Многія изъ общинъ не рѣшались на такую денежную жертву: многія, даже готовыя понести ее, оказывались недостаточно богатыми. Въ этомъ отношеніи государство раздѣлилось на двѣ области: границей между ними служило верхнее и нижнее теченіе Оки. На сѣверѣ населеніе сидѣло гуще и было болѣе развито въ промышленномъ отношеніи: здѣсь реформа нашла благопріятную почву. Напротивъ, на югѣ самоуправленіе распространялось менѣе успѣшно: это зависѣло отъ недостатка матеріальныхъ средствъ и низкаго культурнаго уровня тамошняго населенія. Конечно, стремясь повсемѣстно провести свою реформу, правительство могло бы осуществлять ее постепенно; слѣдуя за ростомъ производительныхъ силъ и культуры, самоуправленіе могло бы прививаться тамъ, гдѣ общинная жизнь крѣпла и расширялась. Однако, это развитіе общинъ скоро пріостановилось: его начало душить крѣпостное право. Одновременно съ этимъ укоренялся бюрократическій режимъ; это чувствовалось и въ центрѣ государства, и въ тѣхъ областяхъ, которыхъ не коснулась реформа. Благодаря этому, правительство налагало руку на новыя учрежденія и, разумѣется, не поддерживала ихъ, а только искажало. Такимъ образомъ, уже съ конца XVI вѣка даже тамъ, гдѣ сохранялись губные старосты, они превратились въ простыхъ чиновниковъ государства. Само правительство ихъ назначало, почему они и зависѣли всецѣло отъ Москвы.

Неудачная попытка Ивана IV, которую я только что обрисовалъ, довольно близко напоминаетъ реформу, проведенную въ XII—XIII столѣтіяхъ французскими королями Филиппомъ-Августомъ и Людовикомъ IX. Какъ извѣстно, эта реформа создала во Франціи городскія общины. Еще большая близость обнаруживается между преобразованіями Грознаго и правительственными мѣропріятіями въ Франціи X—XI вѣка. Въ эту пору тамъ началось образованіе

сельскихъ общинъ; оно ознаменовано было цѣлымъ рядомъ особыхъ грамотъ, жалуемыхъ крестьянамъ, которые принадлежали какому-нибудь одному сеньору. Однако, между обоими явленіями существуетъ коренное различіе. Оно зависитъ отъ противоположности направленій, которымъ слѣдовалъ процессъ созданія общинъ въ Россіи и во Франціи. На Западѣ цѣлью движенія было освобожденіе крестьянства и буржуазіи; въ Россіи, напротивъ, этой цѣлью было закрѣпощеніе соотвѣтствующихъ классовъ. Русскіе крестьяне были уже болѣе или менѣе, рабами, когда Иванъ IV хотѣлъ воспользоваться ихъ стремленіемъ къ независимости для своей государственной реформы. Совершенно естественно, что идеалы царя-преобразователя остались вполнѣ чужды этой массѣ крестьянства. Словомъ, между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ нельзя было найти никакой общей почвы.

Можно сказать, что Иванъ IV слѣдовалъ также примѣру Эдуарда I, короля англійскаго, который возложилъ на *джентри* полицейскія и судебныя функціи. Но въ Англіи и въ теоріи, и на практикѣ, повинность всегда неразрывно связана была съ привиллегіей. Въ Россіи, напротивъ, между тѣмъ и другимъ жизнь воздвигла непроницаемую стѣну. Оказывалось, что между крестьянами нѣтъ кандидатовъ на должности по «самоуправленію». Само правительство не слишкомъ старалось отыскать такихъ кандидатовъ. Такъ эта выборная должность и сдѣлалась привиллегіей «служилыхъ людей». Другими словами, выбирая своихъ должностныхъ лицъ, община могла обращаться только къ кандидатамъ служилаго сословія. Что же оставалось на долю крестьянства? Никакихъ правъ; однѣ лишь обязанности. Впрочемъ, и сами «служилые люди» скоро почувствовали, что положеніе ихъ слишкомъ тяжело. Ему недоставало самаго существеннаго: оно было лишено необходимой независимости. Здѣсь передъ нами вскрывается самая характерная черта московской политики; мы видимъ передъ собою, если ни единственный, то, во всякомъ случаѣ, главный мотивъ преобразованій Ивана IV. Реформа Грознаго менѣе всего имѣла цѣлью государственную децентрализацію. Наоборотъ, можно говорить съ увѣренностью, что тенденція ея была совершенно противоположна.

Здѣсь мы можемъ совершенно ясно видѣть, насколько обманчивыми были внѣшніе пріемы московской политики. Реформа Ивана IV имѣла одинъ, весьма прочный результатъ, къ которому сознательно

стремился законодатель. Она содѣйствовала разложенію тѣхъ, сравнительно, независимыхъ политическихъ единицъ, которыя еще существовали въ Московскомъ государствѣ. Несомнѣнно, подобно своимъ предшественникамъ, Иванъ ставилъ своей задачей политическую централизацію. Но такая программа встрѣчала препятствіе въ наличности родовыхъ вотчинъ, обладатели которыхъ сохраняли нѣкоторыя владѣтельныя права на своихъ земляхъ. Молодой царь стремился уничтожить эти остатки прошлаго. Этого онъ надѣялся достигнуть, противопоставляя родовымъ вотчинникамъ новую правительственную систему. Эту систему онъ создалъ изъ смѣшенія всевозможныхъ элементовъ; ея дѣйствія онъ направлялъ самъ властною рукою хозяина. На Западѣ государственная централизація находила себѣ опору въ процессѣ освобожденія зависимыхъ классовъ; этотъ процессъ разрушалъ старыя феодальныя формы и уничтожалъ мѣстный партикуляризмъ. Въ Московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли, строгихъ классовыхъ дѣленій не существовало; городъ, монастырь, деревня какого-нибудь землевладѣльца, уѣздъ, населенный свободными крестьянами,—представляли собою рядъ обособленныхъ и замкнутыхъ мірковъ. Теперь государственная власть дѣлала попытку искусственно создать элементы, необходимыя для цѣлей политической централизаціи. Для этого она и образовала мѣстныя общины, между которыми распредѣляла извѣстныя повинности. Но указы никогда не могутъ создать подлинную жизнь. Теоретически надуманная реформа оказалась мертворожденнымъ дѣтищемъ. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться—въ извѣстномъ отношеніи она оказала свое дѣйствіе. Какое же? Она уничтожала слѣды прошлаго и подготовляла торжество новаго порядка, несущаго въ себѣ всеобщее порабощеніе.

Судебникъ 1550 года съ величайшей осторожностью затрогивалъ острый вопросъ о правѣ на землю. Во всякомъ случаѣ, законодатель становился въ оппозицію по отношенію къ передовымъ теченіямъ современности. Напротивъ, консервативные элементы общества могли быть вполнѣ удовлетворены его мѣропріятіями. Судебникъ сообщалъ силу закона тому обычаю, который закрѣплялъ право собственности на землю и придавалъ ему извѣстную неподвижность. Онъ призналъ право выкупа наслѣдственныхъ земель. Другими словами, продавецъ этихъ земель, а, за его отсутствіемъ, родственники его могли, когда угодно, вернуть себѣ отчужденную недвижимость. Для этого имъ нужно было только выплатить новому владѣльцу ту

сумму, за которую земля была продана. Правда, что дѣйствіе этого закона должно было сохранить свою силу лишь на 40 лѣтъ впередъ; съ другой стороны, воспользоваться правомъ выкупа могли лишь *боковые родственники*—не дальше. Все же, законодатель выступалъ противъ свободнаго обмѣна и хозяйственнаго прогресса. Своей мѣрой онъ закрѣплялъ одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ пережитковъ старины.

Въ законодательствѣ Ивана IV былъ затронутъ еще одинъ вопросъ, на почвѣ котораго сталкивались два противоположныхъ теченія, и двѣ враждебныхъ общественныхъ группы отстаивали свои права. И здѣсь, въ концѣ-концовъ, Иванъ принужденъ былъ капитулировать передъ силою. Мы знаемъ уже, какіе источники рабства устанавливались обычаями и Судебникомъ 1497 года. Какъ сказано было выше, законъ 1550 года попытался ограничить ихъ число. Онъ требовалъ свободы для дѣтей, рожденныхъ до перехода родителей въ холопы. Онъ запрещалъ родителямъ, потерявшимъ свободу, продавать дѣтей, рожденныхъ еще въ свободномъ состояніи. Онъ предписывалъ, чтобы всѣ договоры, касавшіеся перехода въ холопство, представлялись на разсмотрѣніе извѣстнымъ высшимъ должностнымъ лицамъ,—притомъ, непремѣнно, въ такихъ лишь городахъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ и т. д. Однако, наряду съ этимъ, мы видимъ въ Судебникѣ 1550 г. мѣропріятія совершенно противоположнаго характера. Между прочимъ, законодатель предоставлялъ крестьянамъ, желающимъ отказаться отъ свободы и продаться въ холопы, право въ любое время года покидать свои поля; съ другой стороны, онъ увеличивалъ размѣры уплаты за *пожилое*. Такимъ образомъ, Судебникъ еще туже стягивалъ петлю, которая и безъ того душила крестьянство.

Несомнѣнно, личныя склонности царя не играли никакой роли въ этихъ послѣднихъ мѣропріятіяхъ. Мы знаемъ, что отъ имени самого государя на соборъ долженъ былъ поступить цѣлый рядъ предложеній: всѣ они свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ настроеніи Ивана. Но тотъ, кто впослѣдствіи будетъ издѣваться надъ Баторіемъ, терпящимъ ограниченіе своей власти, на этотъ разъ не рѣшился воспользоваться своей самодержавной властью. Иванъ былъ слишкомъ молодъ. Быть можетъ, онъ самъ еще не вполнѣ довѣрялъ своимъ убѣжденіямъ и планамъ.

Въ области гражданскаго права Судебникъ 1550 года сохранилъ въ полной неприкосновенности существующій порядокъ наслѣдованія.

Лишь въ 1562 году и здѣсь произошло крупное измѣненіе: оно было новымъ шагомъ впередъ, съ точки зрѣнія политической программы Ивана IV. Было постановлено, что въ отсутствіе наслѣдниковъ мужчинъ родовыя вотчины князей поступаютъ въ собственность государства. Та же самая судьба должна была постигнуть и родовыя боярскія вотчины при отсутствіи «ближняго племени» или завѣщательнаго распоряженія. Спустя 10 лѣтъ, т.-е. въ 1572 году, право наслѣдованія было сохранено лишь по отношенію къ жаловалнымъ вотчинамъ; при этомъ въ наслѣдованіе шла только та вотчина, о которой въ жалованой грамотѣ было сказано, что она дается не одному первому пріобрѣтателю съ дѣтьми его, но и роду. Замѣтимъ, наконецъ, что пользоваться этимъ правомъ могли лишь прямые наслѣдники, а боковые—не дальше второй степени родства.

Какъ и Судебникъ 1497 года, законодательство 1550 года касалось по преимуществу вопросовъ судопроизводства. Съ этой стороны, Судебникъ Ивана IV выгодно отличается отъ кодекса 1497 года. Мы видимъ въ немъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью упорядочить судебное разбирательство. Мы узнаемъ изъ него о строгихъ наказаніяхъ, угрожавшихъ недобросовѣстнымъ или нерадивымъ судьямъ. Мы убѣждаемся, что Судебникъ Грознаго выступаетъ противъ ябедничества, подчиняетъ извѣстнымъ правиламъ примѣненіе пытокъ и регламентируетъ судебные поединки. Словомъ, въ этой специальной области, онъ сдѣлалъ все, что возможно, для борьбы съ глубоко укоренившимися и слишкомъ живучими недостатками судопроизводства. Въ заслугу Судебнику 1550 года можно поставить еще одно новшество, которое относилось уже къ иной сферѣ. А именно—это законодательство устанавливало вполнѣ опредѣленныя нормы для вознагражденія за безчестіе, различая послѣднее по степенямъ. Но, въ общемъ, въ этомъ памятникѣ законодательной работы Ивана IV духъ консерватизма оказывается рѣшительно преобладающимъ. Передъ Иваномъ все еще стояла торжествующая сила непокорнаго боярства; оно еще сохраняло попрежнему всѣ свои преимущества, права и привиллегіи. Какъ и раньше, оно не измѣняло своей склонности злоупотреблять своимъ положеніемъ въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ.

И, все же, слова Ивашки Пересвѣтова не пропали даромъ. Правда, Иванъ IV все еще колебался на распутьи. Онъ не зналъ еще, къ чему ему надобно стремиться; онъ не понималъ еще, какими средствами

слѣдуетъ пользоваться. Однако, въ томъ же 1550 году, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ по единственному пути, который передъ нимъ открывался. Онъ попробовалъ начать неизбѣжную борьбу, гдѣ на сторонѣ его были шансы побѣды. Онъ попытался примирить необходимую реформу со старой правительственной системой, уничтожить которую было немыслимо за невозможностью какой-либо ея замѣны. 10 октября былъ изданъ указъ, который долженъ былъ создать новое положеніе верхнему слою служилыхъ людей.

III.

Реорганизація службы.

Необходимо возможно лучше запомнить эту формулу заглавія. Въ ней—весь смыслъ опричнины. Въ ней же—все содержаніе внутренней исторіи царствованія Грознаго.

Указомъ было отдано распоряженіе отобрать въ различныхъ уѣздахъ 1000 дѣтей боярскихъ изъ «лучшихъ людей» и дать имъ помѣстья вокругъ Москвы и по сосѣднимъ уѣздамъ. Эти 1000 отборныхъ людей должны были составить высшую знать столицы; вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны были явиться главнымъ контингентомъ для несенія всякаго рода службы,—но, разумѣется, преимущественно военной. Къ этой же группѣ были отнесены представители аристократическихъ родовъ, уже раньше пріобрѣтшихъ осѣдлость въ этихъ примосковныхъ областяхъ. Сюда же, наконецъ, были причислены всѣ высшія должностныя лица. При этомъ, если они еще не владѣли землею, имъ также предоставлялись соотвѣтственные надѣлы. Въ зависимости отъ старшинства службы, вся эта новая аристократія была раздѣлена на три разряда—«*статьи*». Законодатель еще не рѣшался уничтожить мѣстничество; но, во всякомъ случаѣ, онъ пытался уже ввести его въ опредѣленныя границы. Всякому земельному надѣлу соотвѣтствовала строго и точно установленная служебная обязанность. Съ каждыхъ ста *четвертей* (около 50 десятинъ) владѣлецъ участка долженъ былъ выставить одного коннаго человѣка; если походъ предполагался на долгое время, всадникъ долженъ былъ имѣть запасного коня. Можно было замѣнить человѣка съ конемъ взносомъ извѣстной суммы денегъ; съ своей стороны, и государь обѣщалъ выдавать допол-

нительное вознагражденіе за всякаго лишняго человѣка. Независимо отъ того, всѣмъ участникамъ похода должно было выдаваться денежное жалованіе.

Такимъ образомъ установилась новая іерархія. Она смѣшивала всѣ положенія, она по своему опредѣляла всѣ званія и преимущества. Идея службы господствовала въ ней всецѣло. Очевидно, новая система дѣйствовала успѣшно: доказательство этого можно видѣть въ протоколахъ собора 1566 года. Въ спискѣ знатныхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ соборѣ, мы не находимъ ни одного княжескаго имени. Куда же исчезли князья? Очевидно, они поглощены были новымъ первенствующимъ сословіемъ, т.-е. чиновниками правительства. По крайней мѣрѣ, оффиціальныхъ князей уже какъ будто не существуетъ. Правда, среди подписей, скрѣпляющихъ протоколы собора, мы опять видимъ эти громкіе титулы. Такимъ образомъ, они заявляютъ и поддерживаютъ свои права на существованіе. Но законъ ихъ рѣшительно игнорируетъ: поэтому они и сами порою о себѣ забываютъ. Уже въ 1554 году одинъ изъ потомковъ старыхъ удѣльныхъ князей Воротынскихъ, Михаилъ Ивановичъ, величаетъ себя только простымъ званіемъ *дворянина*. Теперь это званіе выше всѣхъ другихъ. Съ своей стороны, и само правительство неуклонно стремится удалить послѣдніе остатки родовыхъ притязаній изъ области служебныхъ отношеній. Въ 1566 году, изъ 94 дворянъ перваго ранга лишь 33 оказываются членами старыхъ княжескихъ родовъ.

Таковъ былъ результатъ указа 1550 года. Нѣсколько лѣтъ спустя его принципы нашли себѣ еще болѣе широкое примѣненіе. Это случилось въ 1571 году, когда сторожевая служба по южному и юго-западному рубежу подверглась коренной реформѣ и была возложена на землевладѣльцевъ пограничныхъ областей. Уже въ малолѣтство Ивана въ Темниковѣ, на Мокшѣ, притокѣ Оки, было выстроено новое укрѣпленіе; одновременно вдоль линіи естественныхъ границъ государства были размѣщены вооруженные отряды для наблюденія за степными татарами. Въ 1555 году была впервые организована регулярная охрана всей области, расположенной по теченію Волги: несеніе сторожевой службы было поручено здѣсь стрѣльцамъ и казакамъ. Еще донынѣ Хоперскій казачій полкъ хранитъ обрывки знамени, переданнаго ему самимъ Иваномъ Грознымъ. Но Иванъ не остановился на этихъ мѣропріятіяхъ. По его распоряженію въ областяхъ, особенно угрожаемыхъ нападеніями враговъ, была помѣ-

щена цѣлая масса дѣтей боярскихъ, которые просили себѣ земли. Такимъ образомъ, эти служилые элементы были непосредственно заинтересованы въ охранѣ государственныхъ границъ; съ другой стороны, за пожалованныя земли они обязывались нести уже постоянную службу. Такъ возникла двойная цѣпь порубежныхъ укрѣпленій, тянувшихся отъ Алатыря и Темникова на Путивль и съ Нижняго Новгорода къ Звенигороду. Время доказало жизненность этой системы. Тогда подобная же организація распространилась постепенно на восточную и западную границы. Такъ создалось обширное кольцо, плотно замкнувшее государство и обезпечившее ему безопасность въ которой оно такъ нуждалось раньше.

Реформа службы была широко задумана правительствомъ и проводилась съ необыкновенной энергіей, несмотря на тяжелыя внутреннія потрясенія. Уже это одно является достаточнымъ оправданіемъ Ивана отъ тѣхъ обычныхъ, но неосновательныхъ обвиненій, которыя, главнымъ образомъ и относятся къ указанному періоду его царствованія. Грозный не только рубилъ головы въ это время. Между прочимъ, не его вина, что соборъ 1551 года, которому былъ представленъ его Судебникъ, не пожелалъ вписать въ исторію русскаго государства еще болѣе блестящую страницу.

IV.

Религіозная реформа.

Историки называютъ соборъ 1551 года Стоглавымъ. Такое имя онъ получилъ въ зависимости отъ совершенно произвольнаго раздѣленія его протоколовъ на 100 особыхъ главъ. Такой пріемъ былъ, вообще, въ ходу въ то время. Какъ обыкновенно, въ соборѣ участвовали митрополитъ, архіепископы Новгородскій и Ростовскій, а также большое число епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ. Мірской элементъ былъ представленъ на немъ высшими придворными чинами и боярской думой въ полномъ составѣ. Конечно, Иванъ не преминулъ произнести и на этомъ соборѣ рѣчь. Здѣсь были—и покаяніе въ грѣхахъ, и обращеніе къ молитвамъ и къ мудрости присутствующихъ... Словомъ—всѣ эффекты риторики. Какъ всегда, Иванъ заботился о должной mise en scène. Затѣмъ соборъ занялся разсмотрѣніемъ новаго закона.

Конечно, онъ былъ утвержденъ. Въ сущности, все это было простой формальностью. Если даже и возникали какія-нибудь пренія по поводу новыхъ законовъ, то они уже давнымъ давно были исчерпаны въ совѣщаніяхъ царя и его сотрудниковъ—міряръ, которые одни только интересовались этими вопросами. Теперешній соборъ воплощалъ въ своемъ лицѣ верховный нравственный авторитетъ всего государства; Ивану нужно было одно: чтобы это собраніе дало санкцію уже совершеннымъ или только обѣщаннымъ преобразованіямъ. То было обычнымъ пріемомъ и вмѣстѣ характернѣйшей чертой русской политики, постоянно игравшей парламентарными формами. Впрочемъ, кстати, царь рѣшилъ воспользоваться сотрудничествомъ собора и для обсужденія нѣкоторыхъ законопроектовъ, для которыхъ ему нужны были не только согласіе, но и дѣйствительныя познанія собравшихся. Между тѣмъ, правительство предполагало запретить мѣстническіе счеты въ военное время; далѣе, оно намѣрено было произвести общій пересмотръ пожалованныхъ помѣстій, съ цѣлью установить должное соотвѣтствіе между размѣрами земельныхъ участковъ и служебными повинностями; затѣмъ, оно желало внести большую опредѣленность въ раскладку государственныхъ налоговъ, принявъ рядъ мѣръ противъ постояннаго передвиженія тяглыхъ элементовъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, предполагалось—уничтожить кабаки, надѣлить землею вдовъ и осиротѣвшихъ дочерей боярскихъ и произвести перепись земель.

Отъ законодателей того времени нечего ждать ни ясности, ни послѣдовательности плана. Ихъ работа полна загадокъ и случайностей. Однако соборъ все же постарался выполнить предложенную задачу. Конечно, было не легко найти средства для борьбы съ вѣчными передвиженіями тяглыхъ элементовъ; поэтому соборъ и не указываетъ никакой подходящей мѣры. Проектъ уничтожить кабаки возникъ въ зависимости отъ религіозныхъ вліяній; но онъ шелъ въ разрѣзъ съ интересами фиска; поэтому, и онъ остался въ области пожеланій. Что касается мѣстничества, то соборъ постановилъ—запретить его счеты въ военное время. Перепись и ревизію жалованныхъ земель было рѣшено произвести безотлагательно; наконецъ, было положено надѣлять вдовъ и осиротѣвшихъ дочерей боярскихъ землею для временнаго пользованія: вступая въ замужество или постригаясь въ монашество тѣ и другія лишались права на свои участки. Впрочемъ, все это явилось лишь добавленіемъ къ собственной программѣ собора;

вотъ почему ни въ одной изъ «ста главъ» его мы не найдемъ никакого слѣда этихъ рѣшеній. На соборѣ 1551 года Церковь занимала преобладающее мѣсто; естественно, что умы были заняты иными, не мірскими вопросами. Правда, планъ Ивашки Пересвѣтова былъ отвергнутъ, по крайней мѣрѣ, сведенъ къ такому минимуму, въ которомъ его трудно было и узнать. Однако вопросы, выдвинутые Валаамскими чудотворцами, продолжали стоять на очереди. То, чего требовали *нестяжатели*, все еще не сошло со сцены.

Въ этомъ направленіи Иванъ обнаружилъ первоначально, какъ будто, нѣсколько больше настойчивости и инициативы. Несомнѣнно, онъ находился подъ вліяніемъ Нила Сорскаго. Отъявленному противнику осифлянъ, Артемію, скоро затѣмъ назначенному Троицкимъ игуменомъ, было поручено представить государю особый докладъ; здѣсь совершенно опредѣленно говорилось о секуляризаціи монастырскихъ земель. До насъ дошло одно изъ писемъ этого Артемія: оно достаточно ясно свидѣтельствуетъ о его планахъ. Въ числѣ участниковъ собора мы видимъ далѣе епископа рязанскаго, Касіана: какъ думаютъ, онъ былъ авторомъ сочиненія, въ которомъ растлѣніе умовъ и нравовъ въ средѣ духовенства изображалось безпощадно рѣзкими чертами. Конечно, русское государство было еще обособлено отъ Запада; тѣмъ не менѣе, и оно не осталось вполнѣ чуждо новымъ вѣяніямъ, которыя производили въ то время цѣлый переворотъ въ Европѣ. Однако, митрополитъ Макарій оказался достойнымъ дѣтищемъ своей alma mater—Волоколамской обители: онъ самымъ энергическимъ образомъ высказался противъ радикальныхъ мѣръ. До насъ дошло его знаменитое посланіе, явившееся, быть можетъ, отвѣтомъ на какой-нибудь законодательный проэктъ молодого царя; ссылаясь на греческихъ литераторовъ, русскихъ государей и даже татарскихъ хановъ, Макарій доказываетъ здѣсь, что всѣ они уважали собственность Церкви. Вообще осифляне составляли подавляющее большинство на соборѣ. Поэтому и здѣсь Ивану пришлось итти на уступки. Волей-неволей онъ согласился смягчить остроту очередного вопроса и, на первыхъ порахъ, ограничился укоризненнымъ указаніемъ собору на непорядки въ завѣдываніи монастырскими имуществами, а также на чрезмѣрную алчность чернаго духовенства.

Въ теоріи, соборъ высказался за прекращеніе подобныхъ злоупотребленій. Затѣмъ,—правда послѣ упорной борьбы, онъ постановилъ принять нѣкоторыя практическія мѣры. Прежде всего, было поло-

жено—возвратить государству боярскія вотчины, отданныя монастырямъ «безъ государева доклада»; та же самая мѣра распространялась и на всякія другія земли, столь же неправильно присвоенныя Церковью. Далѣе, рѣшено было возвратить государству всѣ «милостыни и руги», полученныя Церковью въ малолѣтство Ивана. На будущее время было запрещено монастырямъ покупать старыя княжескія вотчины; одновременно съ этимъ все духовенство лишалось права покупать всякія вотчины безъ разрѣшенія государя. Члены собора указывали, что Церковь уже несетъ нѣкоторыя важныя повинности. Они напоминали, что она выставляетъ ратныхъ людей на службу, и въ нѣкоторыхъ городахъ участвуетъ въ расходахъ по содержанію укрѣпленій. Однако на соборѣ 1551 года, Церкви пришлось принять на себя нѣкоторыя новыя повинности. Такъ, напримѣръ, она принуждена была своими средствами содѣйствовать «окупу» плѣнныхъ «изъ бусурманскихъ рукъ». За первыми уступками со стороны Церкви должны были неизбѣжно послѣдовать и другія. Въ 1573 году, по приказу царя, освященный соборъ приговорилъ: «въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать». Далѣе, бъ 1580 году, на будущее время соборомъ было запрещено и черному и бѣлому духовенству пріобрѣтать какія бы то ни было земли—какъ въ качествѣ дара, такъ и покупкою за деньги.

Такимъ образомъ, былъ положенъ предѣлъ непрерывному росту церковнаго землевладѣнія.

Въ томъ же, 1551 году, Иванъ рѣшилъ еще смѣлѣе пойти навстрѣчу передовымъ теченіямъ своего времени,—но уже въ другой области. Эти намѣренія царя обнаружились въ цѣломъ рядѣ запросовъ, съ которыми обратился онъ къ засѣдавшему собору. Тонъ этихъ запросовъ былъ чрезвычайно горячъ и рѣзокъ. При чтеніи ихъ кажется, порою, что передъ вами знаменитая Blackbook 1534 года или же не менѣе суровый обвинительный актъ, составленный соратниками Томаса Кромвеля противъ сомнительной нравственности монаховъ, противъ ихъ жестокости и грубости. Иногда укоризны Ивана напоминаютъ собою тѣ скандальные разсказы, которыми Лэйтонъ когда-то оживлялъ свою корреспонденцію. Любопытно, что въ составъ Стоглава, какъ литературнаго памятника, вошли и эти, порою обидные, вопросы царя, и отвѣты собора и, наконецъ, дополнительныя замѣчанія Ивана. Этому матеріалу принадлежитъ значительная часть памятника. Порою передъ читателемъ развивается удивительно забавный діалогъ.

Ясно видно, что на первыхъ порахъ соборъ старался избѣгнуть обсужденія щекотливаго вопроса. Первыя 40 главъ представляютъ собою рядъ нескромныхъ вопросовъ царя, идущихъ непрерывной чередою. Затѣмъ слѣдуетъ общій отвѣтъ собора. Однако, онъ не представляетъ собою ничего цѣльнаго. Мы прекрасно замѣчаемъ, что соборъ старается затемнитъ дѣло всяческими отступленіями или ищетъ себѣ защиты на зыбкой почвѣ намѣренно создаваемыхъ qui pro quo. Иванъ съ большою настойчивостью указываетъ на дурное пользованіе монастырскими богатствами: соборъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ упрека и въ отвѣтъ выдвигаетъ цѣлый рядъ богослужебныхъ вопросовъ. Вполнѣ возможно, что теперешняя редакція Стоглава въ точности соотвѣтствуетъ порядку и характеру происходившихъ преній. Начиная съ 41 главы, дѣло принимаетъ иной оборотъ: можетъ быть, самъ царь призналъ необходимымъ измѣнить нѣсколько планъ обсужденія вопросовъ. Теперь вопросы и отвѣты слѣдуютъ другъ за другомъ въ правильной очереди, хотя, конечно, духовные отцы все еще стараются увернуться и избѣгнуть слишкомъ опредѣленныхъ рѣшеній. Порою уже затронутыя темы вновь ставятся на обсужденіе: но дѣло отъ этого не выигрываетъ нисколько. Рѣчь идетъ, напримѣръ, о нравственной распущенности духовенства. Соборъ, конечно, не безъ язвительнаго лукавства распространяется въ жалобахъ по поводу грѣха содомскаго, растущаго среди мірянъ; затѣмъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, онъ переходитъ къ неожиданному вопросу аскетической морали. Если какая-нибудь монахиня заболѣла—глубокомысленно спрашиваютъ себя святые отцы—можетъ ли она исповѣдаться у кого-нибудь изъ бѣлаго духовенства? Иногда діалогъ настолько оживляется, что принимаетъ бранчливый тонъ и даже переходитъ на личную почву. Иванъ указываетъ на нѣкоторые недостатки въ иконописи. Соборъ отвѣчаетъ: а что дѣлается въ Кремлѣ? Дѣло идетъ о знаменитой иконѣ, написанной Рублевымъ въ XV вѣкѣ: недавно она была замѣнена новымъ образомъ нѣсколько сомнительнаго православія. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ уверткамъ и отклоненіямъ, общая идея церковнаго преобразованія какъ бы теряется, разпыляется: ей никакъ не удается облечься въ конкретную форму. Мы видимъ только частичныя улучшенія. Сюда относится учрежденіе поповскихъ старостъ и десятниковъ, обязанныхъ наблюдать за нравственностью духовенства. Далѣе—въ монастыряхъ предписывается строго соблюдать обособленность обоихъ половъ; вмѣстѣ съ тѣмъ,

подчеркивается необходимость болѣе точнаго соблюденія общежительныхъ правилъ. Все это было принято въ принципѣ, но, на практикѣ этимъ улучшеніямъ суждено было остаться мертвой буквой. Соборъ былъ вынужденъ признать наличность извѣстныхъ безпорядковъ, которые порочили русскую Церковь и даже угрожали ея будущему. Онъ не скрывалъ отъ себя, что главной причиной этихъ неустройствъ является невѣжество, въ которомъ коснѣло, какъ бѣлое, такъ и черное духовенство. Для борьбы съ этимъ зломъ соборъ рѣшилъ создаіе возможно больше школъ, гдѣ могли бы получать свое образовант будущіе священники. Но и здѣсь онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы обезпечить выполненіе своего плана. Соборъ воображалъ—искренне или лицемѣрно,—что для этой цѣли можно будетъ воспользоваться усердіемъ и самоотверженіемъ бѣдныхъ поповъ. Между тѣмъ, въ своемъ большинствѣ, эти попы жили чуть не милостыней. Что касается богатыхъ епископовъ и архимандритовъ, то и они сами были недостаточно образованы. Они отказывались отъ всякаго содѣйствія намѣченному мѣропріятію и, конечно, никакъ не хотѣли признать, что въ данномъ дѣлѣ надо было начинать, именно, съ начала. Это значило, что прежде всего нужно было поднять умственный уровень высшаго духовенства. Замѣчательно, между прочимъ, что въ выборѣ и толкованіи текстовъ самъ Макарій дѣлалъ порою самыя грубыя ошибки.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ Максима Грека соборъ занялся вопросомъ объ искаженіяхъ священныхъ книгъ и постановилъ открыть въ Москвѣ типографію. Эта типографія должна была перепечатывать эти книги, исправляя ихъ согласно наиболѣе точнымъ образцамъ. Но—увы! Эта первая русская печатня, какъ мы уже знаемъ, подверглась нападенію черни и, такимъ образомъ, просуществовала слишкомъ недолго. Зато болѣе прочнымъ оказалось другое постановленіе собора. Мы говоримъ объ осужденіи нѣкоторыхъ книгъ, которыя были признаны соборомъ за нечестивыя и еретическія. Однако, что же то были за книги? Увы—*Secreta secretorum*, этотъ сборникъ средневѣковой мудрости! Стоглавый соборъ называлъ его *Аристотелемъ*, очевидно, приписывая его греческому философу. Далѣе, сюда же относятся астрономическія картины *Эммануила Бенъ Якоба*: въ постановленіяхъ собора онѣ называются *Шестокрыломъ*. Но вѣдь здѣсь была, можно сказать, вся свѣтская литература той эпохи! Съ другой стороны, очевидно, соблюдая свое внѣшнее достоинство, соборъ рѣшилъ отвѣтить на обвиненія въ безнравственности. Для этого, идя навстрѣчу аскети-

ческимъ стремленіямъ времени, онъ, тономъ самаго строгаго ригоризма, вновь подвердилъ суровое осужденіе Церковью всякихъ мірскихъ удовольствій.

Между прочимъ, новое законодательство проектировало нѣкоторое подобіе церковно-административной реформы, основывая ее на началахъ самоуправленія. До той поры церковный судъ, по порученію владыкъ, вершили ихъ уполномоченные—бояре, дворецкіе, десятники. Подобная организація суда вызывала постоянныя жалобы. Объ упраздненіи этихъ должностей нечего было и помышлять: вѣдь онѣ существовали «еще при святыхъ отцахъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ!» Тогда было рѣшено дать священникамъ право имѣть своихъ представителей на судѣ: такими представителями должны были явиться выборные поповскіе старосты и десятскіе. Впрочемъ, соборъ не потрудился точно опредѣлить роль этихъ выборныхъ лицъ.

Мы видимъ, каковы были слабыя стороны и недостатки церковной реформы 1551 года. Несмотря на все это, она, по-моему, не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія, какое установилось къ ней въ наше время. Самая анаѳема, постигшая ее позднѣе, на соборѣ 1667 года, достаточно ясно свидѣтельствуетъ, какія цѣли преслѣдовала эта, сравнительно, смѣлая попытка. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ передъ собою общество, почти совершенно невѣжественное и даже развращенное; оно вполнѣ чуждо всякимъ идеаламъ и живетъ самыми грубыми инстинктами. И, вдругъ, въ этой темной средѣ, появляется кучка людей, которые добиваются кое-чего положительнаго и требуютъ еще гораздо большаго. Развѣ этого недостаточно, чтобы отнестись къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ и даже съ уваженіемъ? Нѣкоторые историки преуменьшали, даже совсѣмъ отрицали личныя заслуги Ивана въ этомъ дѣлѣ. Говорили, что все оно создано Сильвестромъ или Адашевымъ, Максимомъ Грекомъ или Макаріемъ. Утверждали даже, что знаменитые вопросы, послужившіе основаніемъ для соборныхъ рѣшеній, были внушены Ивану и даже проредактированы этими лицами. Безспорно, молодой царь ни проводилъ, ни обдумывалъ реформы въ полномъ одиночествѣ. Во время занятій собора, первыя рѣшенія его были отосланы въ Сергіево-Троицкій монастырь. Тамъ проживали тогда бывшій митрополитъ Іоасафъ, бывшій епископъ Ростовскій Алексѣй и еще нѣкоторыя духовныя лица. Имъ было предложено дать свое заключеніе по вопросамъ, затронутымъ на соборѣ.

Мы знаемъ, что, между прочимъ, вопросъ о монастырскихъ земляхъ былъ первоначально снятъ съ очереди, а затѣмъ опять поставленъ на обсужденіе. Вполнѣ возможно, что извѣстное намъ рѣшеніе его было принято соборомъ въ зависимости отъ указаній изъ Троицкаго монастыря. Однако, какъ Іоасафъ, такъ и его единомышленники являлись опальными сановниками Церкви и признанными сторонниками Нила Сорскаго. Привлечь ихъ къ участію въ трудахъ собора могла лишь верховная власть, стоявшая выше и внѣ этого совѣщанія. Среди духовенства, вернувшагося изъ Троицы съ заключеніями Іоасафа упоминается, между прочимъ, Сильвестръ. Конечно, онъ никогда не рѣшился бы поддерживать подобныя мнѣнія за свой собственный страхъ. Даже сомнительно, чтобы онъ пожелалъ въ этомъ дѣлѣ быть заодно съ извѣстными намъ Заволжскими старцами. Правда, что на его Домостроѣ лежитъ печать грубоватаго аскетизма. Но тѣмъ же самымъ отличались и осифляне. Таковъ былъ духъ самой господствующей Церкви. Къ тому матеріалу, который легъ въ основаніе работъ собора 1551 года, нѣкоторыя относили извѣстное посланіе, написанное Ивану благовѣщенскимъ протопопомъ. Но, прежде всего, какъ сказано, авторство Сильвестра здѣсь весьма сомнительно. Далѣе, изъ вопросовъ этого посланія соборъ затронулъ лишь одинъ, именно, ношеніе мірянами бороды. Этотъ вопросъ былъ связанъ у Сильвестра съ борьбою противъ содомскаго грѣха, который, повидимому, особенно занималъ автора Домостроя. Однако, на той же точкѣ зрѣнія, обычно, стояли и всѣ моралисты извѣстнаго направленія. Они были убѣждены, что, уподобляясь женщинамъ, безбородые люди легче могутъ возбуждать порочныя желанія.

При всей своей молодости, и по уму своему, и по образованію Иванъ IV стоялъ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ развитія. Замѣтимъ, что вопросы, предложенные на обсужденіе собора, были не только внесены отъ имени царя, но отчасти, и написаны его собственной рукою. Сравнивая ихъ съ позднѣйшими литературными произведеніями царственнаго писателя, мы ясно видимъ въ нихъ отпечатокъ его своеобразной личности. Передъ нами не только мысли, но и самая рѣчь, и стиль Ивана Грознаго. Это стиль порывистый и рѣзкій, язвительный, ѣдкій и колкій. Здѣсь—нѣтъ ничего похожаго на Сильвестра, этого убогаго писателя и ничтожнаго мыслителя. Иногда разсужденіе касается богослужебныхъ вопросовъ. Въ этой области, естественно, Макарій могъ и долженъ былъ руководить Иваномъ.

Но и тутъ молодой государь неизмѣнно обнаруживаетъ весьма обширныя познанія.

Добавимъ ко всему, что изученіе Стоглава началось, собственно, еще совсѣмъ недавно. При этомъ самый текстъ памятника былъ недостаточно полнымъ и подавалъ поводъ къ многимъ недоразумѣніямъ. Съ 1667 года Стоглавъ находился подъ запретомъ какъ еретическое произведеніе; благодаря этому, болѣе 2-хъ столѣтій онъ былъ недоступенъ для любознательности историковъ. Повидимому, на Макарія приходится возложить главную отвѣтственность за относительную неудачу реформы 1551 г. Надо думать,что онъ былъ главнымъ виновникомъ того противодѣйствія, которое оказалъ соборъ—какъ преобразовательнымъ идеямъ сторонниковъ Нила Сорскаго, такъ и реформаторскимъ порывамъ молодого государя.

Правда, что митрополитъ былъ самъ сторонникомъ реформы. Но онъ понималъ ее въ совершенно обратномъ направленіи. Отвергая всякія требованія прогресса, онъ видѣлъ спасеніе лишь въ одномъ—именно, въ покаянномъ возвращеніи къ прошлому, въ воскрешеніи его забытыхъ или нарушенныхъ преданій. Иначе говоря—онъ стремился къ идеаламъ первобытнаго христіанства, которое, впрочемъ, понималъ совершенно произвольно. Макарій хотѣлъ возстановить древлее благочестіе,выражающееся въ мелочномъ соблюденіи всевозможныхъ обрядностей. Онъ мечталъ о строго іерархической Церкви, составляющей, своего рода, аристократію и непрерывно умножающей богатства, посылаемыя ей Богомъ. Онъ желалъ союза этой Церкви съ государствомъ на основаніяхъ обоюдной поддержки. Наконецъ, онъ былъ сторонникомъ безпощаднаго искорененія всякой ереси: что касается школьнаго образованія, то къ нему онъ относился безусловно отрицательно. Таковы были идеалы Макарія. Что касается заключеній Іоасафа, то, конечно, по собственному почину, соборъ не запросилъ бы ихъ и, тѣмъ болѣе, не принялъ бы ихъ къ руководству. Для этого нужна была всемогущая воля, одна способная бросить большинству собора подобный вызовъ. Особыя мнѣнія Іоасафа были включены въ Стоглавъ и такимъ образомъ естественно подавали поводъ къ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые предполагали, что соборъ присоединился къ нимъ и, слѣдовательно, принялъ въ нѣкоторомъ родѣ программу нестяжателей. На самомъ дѣлѣ, передъ нами—лишь частичная капитуляція собора. Честь этой побѣды, несомнѣнно, принадлежитъ самому Ивану.

Конечно, сама по себѣ, то была скромная побѣда. Значеніе ея было еще ослаблено впослѣдствіи всяческими усиліями побѣжденной стороны. Кое-гдѣ, по мѣстамъ, рѣшенія собора 1551 года долго оставались никому неизвѣстными. Сама господствующая Церковь старалась помѣшать ихъ практическому осуществленію. Въ 1554 году былъ созванъ новый соборъ для сужденія о ереси Матвѣя Башкина и его послѣдователей. Здѣсь Церковь вознаградила себя за понесенное ею пораженіе. Это достигнуто было тѣмъ, что въ дѣло Башкина были намѣренно припутаны самые выдающіеся сторонники коренныхъ преобразованій Церкви. Этого мало: вскорѣ консервативное духовенство, затронутое или угрожаемое въ самыхъ чувствительныхъ своихъ интересахъ, заключило союзъ съ другими недовольными элементами. Мы увидимъ, что, проводя свою преобразовательную программу, Иванъ естественно объединялъ противъ себя всѣ оппозиціонныя силы общества. Тогда, не различая религіозныхъ интересовъ отъ политическихъ, Грозный началъ противъ той и другой стороны самую безпощадную борьбу. Изъ этой борьбы онъ вышелъ, правда, побѣдителемъ. Но зато его имя и память донынѣ вызываютъ въ потомствѣ содроганіе ужаса.

Итакъ, религіозная реформа оказалась неудачной. Съ тѣмъ большей рѣшительностью приступилъ Иванъ къ государственнымъ преобразованіямъ. Но здѣсь—уже начался терроръ.

Впрочемъ, еще до того Ивану предстояло рѣшить нѣкоторыя важныя задачи. Какъ и при его предшественникахъ, мужающая держава Московская непрерывно расширялась. Этотъ ростъ призывалъ Ивана на границы государства. Законодатель неизбѣжно долженъ былъ стать завоевателемъ *).

---

*) Для исторіи судебныхъ и административныхъ реформъ Ивана IV см. *Дмитріевъ*, Сочиненія, I, 47 сл.; *Милюковъ*, Очерки, III, 67 сл.; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 1868, 89 сл.; Maciejowski, Historia prawodawstiv Slawianskien, IV, стр. 43—44; *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 68 сл.; *Ключевскій*, О составѣ представительства,

Р. М., 1890. — О преобразовательныхъ теченіяхъ эпохи см. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, 181 сл. — Посланіе Ивашки Пересвѣтова, откуда *Карамзинъ* приводитъ всего нѣсколько мѣстъ въ IX томѣ своей Исторіи пр. 849, недавно было издано въ Москвѣ (1901 г.) по рукописи, принадлежащей П. И. *Щукину*. Одновременно была установлена дата этого посланія (1549). — О законодательствѣ 1550 года: *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 1888, 411—430; *Латкинъ*, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1890; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1887. — О реформѣ службы: *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898, 108 сл.; *Бѣляевъ*, О сторожевой службѣ на польской окраинѣ, 1848, 4 сл.; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII, гл. 1. — О Стоглавомъ соборѣ: *Ждановъ*, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Ж. М. Н. Пр., 1876; *Лебедевъ*, Стоглавый соборъ, М., 1882; *Заустинскій*, Митрооплитъ Макарій, Ж. М. Н. Пр., 1881; *Милюковъ*, Очерки, III, 60; *Ключевскій*, Боярская Дума, М. 1883, 445; *Макарій*, Исторія Русской Церкви, С.-Пб., VI, 229; *Латкинъ*, о. с.; *Соловьевъ*, О. с. VII, гл. о; возраженія Соловьеву см. въ Русской Бесѣдѣ, 1858; *Пыпинъ*, Исторія русск. литер., Спб. 1898, II, 198 сл. — Существуетъ три главныхъ редакціи Стоглава. Первая, такъ называемая, пространная издана дважды — въ Лондонѣ и въ Казани. Вторая редакція представляетъ собою сокращеніе первой, произведенное, повидимому, въ XVIII вѣкѣ; издана въ Петербургѣ въ 1868 году Кожанчиковымъ. Третья, такъ называемая, краткая, сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ Качаловымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Движеніе на Востокъ — Взятіе Казани.

I. Остатки Монгольскаго царства.—II. Войско Ивана.—III. Взятіе Казани.—IV. Послѣдствія завоеванія Казани.—V. Взятіе Астрахани.—VI. Казаки.—VII. Крымъ и Ливонія.

I.

Остатки Монгольскаго царства.

При вступленіи Ивана IV на престолъ, татарское иго было не болѣе, какъ тяжелымъ воспоминаніемъ. Великое царство Монголовъ уже распалось; его обломки были захвачены новыми завоевателями. На западной и южной границѣ еще существовали остатки Золотой Орды. Здѣсь—въ Казани, Астрахани и Крымскихъ степяхъ живы еще почти независимыя ханства или царства, примыкающія къ рубежу Московской державы. Отступая въ Азіатскія степи, Монгольское море оставляло за собою какъ бы небольшія озера. Ихъ поверхность постоянно волнуется: ихъ зыбь принимаетъ иногда угрожающій характеръ; но сила ихъ все болѣе и болѣе убываетъ. Теперь нѣтъ уже ни пяди русской земли, которая осталась бы во власти татаръ. Какъ сказано выше, напоръ татарской силы никогда не имѣлъ на Руси стихійнаго могущества океана. Теперь начинаютъ дѣлать свое дѣло русская колонизація и политика завоеваній. Онѣ переходятъ въ наступленіе и съ каждымъ годомъ, едва ли не днемъ, продвигаясь въ область минувшаго нашествія, все глубже и глубже проникаютъ въ материкъ финно-татарскаго населенія. Медленно, но вѣрно московскіе государи расширяютъ свою область. Къ пріобрѣтеннымъ землямъ они присоединяютъ все болѣе и болѣе пространныя сферы своего вліянія. Раньше они были подвластны татарамъ; теперь они сами стали покровителями ближайшихъ ханствъ,—такъ что, напримѣръ, въ Казани, ханъ Сафа-Гирей сдѣлался ихъ данникомъ.

Однако, въ Крыму татары образовали новый центръ своего господ

ства. З
ганизац
имъ уд
тѣ узы,
непріят
прямую
лось у
вооруж
Бѣльск
убѣжип
въ тон
татарск
не иду.
землѣ
мало д
возвращ
непрері
чество
подробн
птемиш
при пом
князя
никомъ
Гирей у
скій; в
прислал
ментъ, к
царь оста
митрополи
мужествен
взрослые
пасное м
больше,
ліей, гд
земли—
Иван

Когда я любить
Спросил ты меня
Папу и маму
ответила я.
Но больше на свете люблю я тебя

Гирея отступить. Ханъ представилъ себѣ, что за этимъ царемъ-дитя-

I. Взя-
Астра-

е болѣе,
въ уже
ми. На
й Орды.
це почти
Москов-
ре оста-
стоянно
рактеръ;
ни пяди
сказано
тихійнаго
русская
ступленіе и
сть минув-
къ финно-
ари рас-
присоеди-
Раньше
зителями
нъ Сафа-

Гирей сдѣлался ихъ данникомъ.

Однако, въ Крыму татары образовали новый центръ своего господства. Здѣсь они создали болѣе сильную военную и политическую организацію, основанную на стародавнихъ началахъ. Благодаря этому имъ удалось объединить подъ свою власть сосѣднія ханства и порвать тѣ узы, которыя уже подчиняли ихъ Москвѣ. Сначало это было только непріятностью для московскихъ государей; скоро она превратилась въ прямую опасность. Въ 1539 году хану крымскому Саипъ-Гирею удалось утвердить свое вліяніе въ Казани и даже оставить тамъ свои вооруженныя силы. При дворѣ его появился русскій бѣглецъ, Семенъ Бѣльскій, или привлеченный туда ханомъ, или самъ искавшій у него убѣжища. Послѣ этого Саипъ-Гирей отправилъ въ Москву посланіе, въ тонѣ котораго слышались какъ будто грозные раскаты былого татарскаго всемогущества. «Вотъ, я иду: ты будь готовъ; я украдкой не иду. Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать—въ моей землѣ не будешь». Москва обѣщала не трогать Казани; но этого было мало дерзкому хану. Онъ требовалъ ежегодной дани, что было уже возвращеніемъ къ старому позору. Съ 1539—1552 г. съ татарами шла непрерывная борьба, тревогами которой были полны дѣтство и отрочество Ивана. Впрочемъ, я позволю себѣ не обременять читателя ея подробностями. Въ Казани сторонники Сафа-Гирея, а затѣмъ его сына Утемишъ-Гирея, возстали противъ московской партіи. Послѣдней, при помощи одного изъ самыхъ знаменитыхъ воиновъ того времени, князя Булата, удалось замѣнить ставленника Саипъ-Гирея сторонникомъ Ивана, Шахомъ-Али или Шигъ-Алеемъ. Но вскорѣ Саипъ-Гирей уже угрожалъ самой Москвѣ. Съ нимъ попрежнему былъ Бѣльскій; войско его было усилено турецкими подкрѣпленіями; султанъ прислалъ ему также транспортъ ружей и пушекъ... Былъ моментъ, когда въ Москвѣ уже обсуждался вопросъ, долженъ ли юный царь оставаться въ Москвѣ для ея защиты. Только вмѣшательство митрополита Іоасафа заставило восторжествовать мнѣніе наиболѣе мужественныхъ. Правда, при подобныхъ обстоятельствахъ даже взрослые предки Ивана старались скрыться куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Но, по мнѣнію Іоасафа, теперь Москва была уже больше, чѣмъ столицей; она являлась святымъ городомъ, митрополіей, гдѣ хранилось все, что было наиболѣе дорогого для русской земли—вѣра и святыя мощи, надежды и гордость народа.

Иванъ остался въ Москвѣ. Одно его присутствіе заставило Саипъ-Гирея отступить. Ханъ представилъ себѣ, что за этимъ царемъ-дитя-

тей, нежелавшимъ бѣгства, сплотилась могучая сила, способная истребить его татаръ. А вѣдь то были уже не былые соратники Батыя; они являлись не столько воинами, сколько грабителями, охотниками до легкой поживы. Придя въ возрастъ, Иванъ сдѣлалъ еще больше. Два раза, въ 1548 и 1549 году, жертвуя своимъ личнымъ спокойствіемъ, онъ самъ водилъ походы на Казань. Однако, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ его предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ. Войско выступало слишкомъ поздней осенью; такимъ образомъ его захватила зима. Люди вязли въ снѣгу, пушки тонули въ Волгѣ. Служилые люди, въ ожесточенныхъ спорахъ изъ-за мѣстъ, забывали о своемъ долгѣ передъ родиной и государемъ. Два раза, въ слезахъ безсильнаго гнѣва, Иванъ приказывалъ рати своей отступать. Казанцы и крымцы становились все смѣлѣе; они опустошали лучшія области Московской Державы.

Впрочемъ, при второмъ походѣ все же удалось достигнуть косчего положительнаго. На вражеской землѣ, по близости отъ Казани русскими былъ основалъ новый городъ. То былъ Свіяжскъ, стоявшій при сліяніи рѣкъ Свіяги и Волги. Скоро для сосѣднихъ горныхъ племенъ, черемисовъ, чувашей и мордвы, Свіяжскъ сдѣлался естественнымъ центромъ притяженія. Съ другой стороны, казанцы увидѣли въ немъ такое пріобрѣтеніе непріятеля, съ которымъ волей-неволей приходилось считаться. Между тѣмъ, это ханство уже разлагалось. Крымскіе татары покинули Казань въ числѣ 300 человѣкъ, оставивъ тамъ своихъ женъ и дѣтей и предварительно подвергнувъ злополучный городъ страшному грабежу. Казанцы были недовольны Утемишемъ и выдали его Москвѣ. Но такъ же мало удовлетворялъ ихъ и Шигъ-Алей. Поэтому татары попросили царя назначить имъ намѣстника по своему выбору. Иванъ уже торжествовалъ безкровную побѣду. Въ февралѣ 1552 года къ стѣнамъ Казани подходилъ князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій, назначенный туда намѣстникомъ волею московскаго государя; съ нимъ вмѣстѣ былъ Адашевъ. Но козни Шигъ-Алея, съ видимой покорностью удалившагося въ Свіяжскъ, и подстрекательство посланцевъ Саипъ-Гирея внезапно направили событія въ иную сторону. Ворота Казани оказались запертыми; въ городѣ призывали къ оружію. Въ Крымъ летѣли гонцы съ просьбой о подкрѣпленіи. Словомъ то, что казалось пріятнымъ приключеніемъ, грозило превратиться въ бѣду.

Микушинскій удалился въ Свіяжскъ, гдѣ и заперся со своими не-

большими силами. Ему уже казалось, что онъ окруженъ татарами и погибаетъ. Въ русскомъ войскѣ начался моръ; съ нимъ вмѣстѣ воцарился духъ неповиновенія. Къ матеріальнымъ страданіямъ присоединилась нравственная распущенность. «Бритву накладующе на брады своя... Блудъ содѣевающе съ младыми юношами», разсказываетъ лѣтопись... Въ Москвѣ бояре были собраны на совѣтъ. Но они могли предложить только сомнительныя средства спасенія. По ихъ предложенію изъ Благовѣщенскаго собора съ крестнымъ ходомъ были перенесены мощи въ Успенскій соборъ; съ нихъ была освящена вода и отправлена въ Свіяжскъ. Вмѣстѣ съ водою къ войску было послано поученіе, составленное новымъ митрополитомъ Макаріемъ. Но Иванъ со своими ближайшими совѣтниками рѣшили предпринять нѣчто другое. Дѣло шло о престижѣ Москвы; все будущее ея политики въ юго-восточныхъ областяхъ висѣло на волоскѣ... Приходилось рѣшиться; нужно было или побѣдить теперь, или навсегда отказаться отъ всякихъ надеждъ на побѣды. Можетъ быть, въ случаѣ пораженія, Москвѣ угрожало новое вѣковое иго татарщины. Саипъ осмѣлѣлъ и, конечно, не отступитъ. Опытъ прошлаго говорилъ, что нужно торопиться. Тогда царь передалъ царицѣ Анастасіи дѣла правленія въ свое отсутствіе; по указу его были освобождены изъ темницъ многіе заключенные; помимо того, чтобы призвать благословеніе небесное на свое предпріятіе, Иванъ совершилъ еще нѣкоторыя благочестивыя дѣла. Послѣ этого, 16-го іюня 1552, года онъ выступилъ изъ Москвы съ всѣми силами, какія были въ его распоряженіи. Теперь мнѣ предстоитъ опредѣлить, хотя бы приблизительно, размѣры этихъ силъ, ихъ составъ и качество.

II.

Войско Ивана.

Московское государство не знало феодализма. Однако, его военная организація въ то время была чисто феодальной, по крайней мѣрѣ, въ своихъ существенныхъ чертахъ. Слѣдомъ подобной организаціи во Франціи оставалось только такъ называемое народное ополченіе. Въ сущности то были всего на всего какихъ-нибудь двѣ-три тысячи человѣкъ; конечно, то были совершенные пустяки рядомъ съ постоян-

нымъ, регулярнымъ войскомъ—единственнымъ, которое знаетъ новое время. Что касается московскаго государства, то Иванъ только приступалъ къ созданію извѣстнаго контингента регулярныхъ силъ. Ядромъ ихъ должно было явиться *стрѣлецкое войско*. Имя стрѣльцовъ впервые выступаетъ во время похода на Казань въ 1552 году. Какъ показываетъ само имя, стрѣльцы были стрѣлками изъ пищалей; они набирались изъ свободныхъ сословій и должны были служить всю жизнь. Въ большинствѣ, они были женаты и представляли особую касту, гдѣ воинское званіе передавалось по наслѣдству. Вооружены и снаряжены стрѣльцы были по европейскому образцу. Они получали по рублю на постройку дома и столько же годового жалованія. Помимо того, имъ выдавались платье, порохъ и нѣкоторое количество муки съ крупою. Когда оказалось, что этого недостаточно, правительство рѣшилось надѣлять стрѣльцовъ землею. Одновременно съ тѣмъ, стрѣльцамъ дозволялось заниматься различными подсобными промыслами. Въ общемъ, правительство имѣло въ виду постепенно слить стрѣльцовъ со служилымъ сословіемъ. Въ концѣ царствованія Ивана IV стрѣльцовъ насчитывалось 12,000; изъ нихъ 7500 стояли въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ городовыми козаками стрѣльцы составляли первую регулярную пѣхоту, какой обладали русскіе цари. Одновременно было организовано постоянное артиллерійское войско: оно дѣлилось на пушкарей (канонировъ), зачинщиковъ (крѣпостные артиллеристы), гранатчиковъ (гренадеры) и т. д. Наконецъ, при Иванѣ же былъ составленъ особый отрядъ пищальниковъ.

Все это, однако, не составляло еще арміи. Кадромъ вооруженныхъ силъ были попрежнему служилые люди. Рядомъ съ ними стояла такъ называемая *рать*. То былъ другой зачатокъ регулярнаго войска. Въ военное время, съ одной стороны, государство созывало служилыхъ людей; съ другой—оно приказывало произвести наборъ. Это значило, что извѣстный городъ, область или уѣздъ должны были выставить опредѣленное количество пѣшихъ или конныхъ людей, которые набирались уже не изъ воинскаго сословія. Такъ составлялись *рать* или *посоха*; въ томъ походѣ, который былъ предпринятъ Иваномъ съ цѣлью отбить городъ Полоцкъ у поляковъ, участвовало 8000 такихъ *посошанъ*. Конечно, они не представляли собою дисциплинированнаго войска, которое могло бы съ честью дѣйствовать на полѣ сраженія. Поэтому обыкновенно посошныхъ людей употребляли для земляныхъ работъ или для приготовленія воинскихъ припа-

совъ. Впрочемъ, московское правительство допускало—и даже весьма охотно—освобожденіе этихъ ратныхъ людей отъ службы за деньги. Обыкновенно, за это платили по два рубля съ человѣка. Такимъ образомъ создавался какъ бы новый налогъ.

Мобилизація вооруженныхъ силъ производилась по распоряженію *Разряда*, который извѣщалъ объ этомъ мѣстныхъ воеводъ. Въ распоряженіи указывались и число потребныхъ людей, и сборныя мѣста, и необходимое вооруженіе. Со времени Ивана IV служилые люди—бояре, дѣти боярскія и дворяне дѣлились на 5 полковъ: большой полкъ, передовой полкъ, правая рука, лѣвая рука и сторожевой полкъ. Если царь принималъ участіе въ походѣ, то къ прочимъ военнымъ силамъ присоединялась еще царская дружина. Большой полкъ дѣлился на три, а два другіе—на двѣ части, которыя въ свою очередь распадались на сотни. Полки находились подъ командою воеводы; ихъ части—подъ начальствомъ помощниковъ въ чинѣ того же воеводы; сотнями командовали дворяне высшаго ранга. Въ отсутствіе царя, все войско подчинялось дворцовому воеводѣ. То былъ *magister militum* древнихъ римлянъ или современный генералиссимусъ. Его окружалъ многочисленный штабъ. Тутъ были сборщики (собиравшіе войско), окладчики (дѣлившіе военныя силы), посыльные люди (нѣчто въ родѣ адъютантовъ), становщики (инженеры). Сюда же относились иноземные спеціалисты осаднаго дѣла, а также судьи, лекари и духовенство.

Какова же была численность такого войска? Что касается 1552 г., то мы не имѣемъ точныхъ указаній на этотъ счетъ. Но въ 1556 г. передовой полкъ, въ полномъ составѣ, заключалъ въ себѣ всего 1500 конныхъ людей. Въ 1578 г., правда, усиленное татарской конницей, войско, шедшее походомъ въ Литву, имѣло въ своихъ рядахъ всего на всего 39.681 человѣкъ. Эти силы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Русскихъ и черкесскихъ князей	212
Бояръ и дѣтей боярскихъ изъ московской области	9200
Служилыхъ людей новогородскихъ и юрьевскихъ	1109
Татаръ и мордвы	6461
Стрѣльцовъ московскихъ	2000
Стрѣльцовъ и казаковъ мѣстныхъ	13119
Посошныхъ людей изъ сѣверныхъ областей	7580
	39681

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторую часть наличныхъ вооруженныхъ силъ государства Ивану пришлось, повидимому, оставить для охраны границъ. Зато, съ другой стороны, каждый бояринъ, являвшійся на службу, приводилъ съ собою, по крайней мѣрѣ, двухъ ратныхъ людей со своего помѣстья, а иногда—до 50-ти и даже больше. Одинъ изъ иноземныхъ путешественниковъ по тогдашней Руси, Клементъ Адамсъ, говоритъ, что подъ знаменами царя Ивана могло собраться до 90.000 человѣкъ. Впрочемъ, изъ этого количества царь взялъ съ собой въ походъ только одну треть; остальныя двѣ онъ принужденъ былъ оставить для сторожевой службы по своимъ крѣпостямъ. Нельзя не отмѣтить полнаго совпаденія этихъ данныхъ съ тѣми цифрами, какія сообщаютъ намъ списки 1578 года.

За исключеніемъ стрѣльцовъ, спеціальныхъ отрядовъ и посошныхъ людей, все это войско представляло собой одну лишь конницу. Однако, вооруженіе этихъ силъ было въ высшей степени разнообразно. Правда, еще во времена Ивана IV, излюбленнымъ орудіемъ большинства русскихъ воиновъ были лукъ и кривая сабля, наподобіе турецкой. Только немногіе замѣняли ихъ пищалями или пистолетами. Топоръ, висящій на сѣдельной лукѣ, кинжалъ, а также копье дополняли походное вооруженіе. Броню въ то время носили очень немногіе. Только самые знатные вельможи красовались порою въ великолѣпныхъ латахъ и кольчугахъ; въ такомъ случаѣ они надѣвали также шлемы или шишаки. Всадники обходились безъ шпоръ, которые замѣнялись плетью. Сидя на конѣ, всадникъ держалъ въ лѣвой рукѣ поводья и лукъ; правая рука его сжимала саблю и плеть. Разумѣется, когда ему приходилось стрѣлять, онъ бросалъ и саблю и плеть, которыя свѣшивались внизъ на ремнѣ. Какъ только непріятель подходилъ на разстояніе выстрѣла, русское войско осыпало его тучею стрѣлъ; затѣмъ, не взирая на то, держится ли врагъ или подался, оно тотчасъ отступало само, не дожидаясь встрѣчи. Вотъ почему въ открытомъ полѣ русская конница никогда не могла устоять передъ польскими эскадронами, которые, какъ разъ наоборотъ, были пріучены ударять на врага со всею силою. Главнымъ достоинствомъ русскихъ были выносливость и легкость передвиженія. Лошади ихъ были по большей части очень мелки; къ тому же ихъ не ковали, и сбруя на нихъ была очень неудобна. Но русскіе всадники совершали на этихъ конькахъ огромные переходы, свободно вынося величайшую усталость и самыя тяжелыя лишенія. Мы ясно представляемъ

ихъ себѣ по описаніямъ Адамса и Ченслера. Мы видимъ, какъ они располагаются на отдыхъ въ глубокомъ снѣгу, разводятъ огонекъ и довольствуются ужиномъ, приготовленнымъ изъ горсти муки, растворенной въ кипящемъ котелкѣ. Намъ разсказываютъ, какъ они затѣмъ располагаются на ночлегъ, завернувшись только въ верхнее платье и подложивъ себѣ камень подъ голову. Англійскій путешественникъ спрашиваетъ себя, многіе ли изъ воиновъ его родины, не исключая наиболѣе извѣстныхъ своей доблестью, были бы способны хотя бы одинъ мѣсяцъ воевать съ такими закаленными людьми? Естественно, онъ приходитъ къ заключенію, что если бы русскіе знали свою силу, никто ни могъ бы оказать имъ сопротивленія.

Но выносливость еще далеко не все, что нужно для войска. Войска Ивана были плохо обучены и недостаточно подчинялись дисциплинѣ. Въ сущности, они не знали даже элементарныхъ основъ военнаго дѣла. Внезапно напасть на врага; окружить его силами, въ два-три раза превосходящими его собственныя; оглушить его крикомъ и ужасающимъ концертомъ своихъ трубъ и бубенъ,—вотъ, единственная боевая тактика, которую знали русскіе. Конечно, по своему, они были храбры, поскольку оставались трезвыми. Даже тогда, когда сила ихъ бывала сломлена и имъ угрожало пораженіе, они рѣдко просили пощады. Но опрокинуть ихъ не представляло труда. Словомъ, они были совершенно безпомощны въ смыслѣ правильныхъ стратегическихъ пріемовъ; не лучше были они подготовлены и къ веденію осады, которая предстояла имъ подъ стѣнами Казани. Зато въ оборонѣ своихъ укрѣпленій они едва ли знали соперниковъ. Разъ они были за стѣнами, и имъ нельзя было спастись бѣгствомъ,—они обнаруживали рѣдкую стойкость. Безропотно переносили они стужу и голодъ; тысячами погибали на своихъ деревянныхъ и земляныхъ укрѣпленіяхъ, которыя постоянно возобновлялись ихъ усиліями; сдавались они лишь въ послѣдней крайности... Вотъ почему въ русскомъ войскѣ широко примѣнялись переносныя укрѣпленія. Они сколачивались изъ досокъ въ видѣ щита съ отверстіями для ружейныхъ дулъ. Эти сооруженія назывались *гуляй-городами*. Этимъ же предпочтеніемъ къ оборонительной тактикѣ объясняется и удивительно раннее развитіе у русскихъ сильной артиллеріи.

Первыя пушки были привезены въ русское государство изъ Европы. Но уже при Иванѣ III иноземные литейщики начали выливать пушки и въ Москвѣ. До сихъ поръ въ петербургскомъ арсеналѣ хранится

одно изъ орудій этого мѣстнаго производства; оно двухъ-фунтоваго калибра, съ датою 1485 года. При Иванѣ IV эта русская артиллерія уже усвоила себѣ послѣднія слова тогдашней европейской баллистики. Мы видимъ въ ея составѣ серпантины, называющіяся здѣсь *змѣями;* мы находимъ фальконеты *(сокольники)* и различныя мортиры—въ родѣ *гауфницъ* (гаубицъ) или *волкометокъ*. По свидѣтельству Флетчера, ни у одного государя христіанскаго міра не было тогда подобнаго множества орудій. Въ 1557 году Дженкинсонъ любовался упражненіями русскихъ канонировъ, которые отличались другъ передъ другомъ въ быстротѣ и вѣрности орудійнаго прицѣла.

Лѣтописи утверждаютъ, будто къ стѣнамъ Казани Иванъ привезъ въ 1552 году 150 пушекъ. Несомнѣнно, эта цифра преувеличена. Не менѣе сомнительно и сообщеніе о 150.000 человѣкъ, которые составляли будто бы армію Ивана. Однако, во всякомъ случаѣ, безспорно, что на этотъ разъ царь долженъ былъ выступить въ походъ со значительными силами. Конечно, чтобы рѣшиться на это предпріятіе, Ивану нужно было серьезное усиліе воли. Забудемъ даже о его нерасположеніи ко всякимъ случайностямъ войны, что было столь характерно для подлиннаго Рюриковича. Другіе мотивы удерживали Ивана въ Москвѣ. Супруга его должна была скоро разрѣшиться первымъ ребенкомъ; далѣе—просьбы казанцевъ о помощи отъ крымцевъ не остались напрасными: полчища новаго хана, Девлетъ-Гирея уже обступили Тулу. Однако, молодой царь не измѣнилъ своего рѣшенія. Тула держалась стойко,—и уже 13 августа Иванъ былъ въ Свіяжскѣ. Здѣсь его присутствіе оказалось болѣе дѣйствительнымъ, нежели кропленіе святою водой и подчиненія митрополита Макарія. 23-го августа Иванъ стоялъ подъ Казанью.

III.

Взятіе Казани.

Казань защищена была лишь деревянными и земляными укрѣпленіями. Но защитники ея, въ числѣ 30.000 человѣкъ, согласно лѣтописямъ, уже съ первыхъ дней осады обнаружили готовность къ самому жестокому сопротивленію. Они правильно разсуждали, что Казани нечего ждать пощады; они понимали, что въ вѣковой

борьбѣ двухъ расъ, двухъ государствъ и религій наступаетъ рѣшительный моментъ. До той поры, за исключеніемъ кое-какихъ передовыхъ постовъ или недавно основаннаго Свіяжска, Москва ограничивалась возвращеніемъ себѣ прежнихъ русскихъ земель. Со взятіемъ Казани, она должна была захватить одинъ изъ древнѣйшихъ оплотовъ мусульманства. Царь Едигеръ-Магометъ получилъ изъ Крыма подкрѣпленіе въ лицѣ полководца и отряда отборныхъ воиновъ; татары вспомнили свою былую доблесть и успѣшно отбили первые приступы русскихъ. Это опять грозило, къ ужасу Ивана затянуть дѣло до роковой зимы.

Въ сентябрѣ подъ Казанью разразилась страшная буря. Въ московскомъ станѣ разбросано было множество шатровъ; на Волгѣ разбило не мало судовъ съ запасами для войска. Осажденные ликовали. Съ высоты укрѣпленій, которыхъ никакъ не могла пробить артиллерія Ивана, они уже издѣвались подъ «бѣлымъ царемъ». Съ безстыдными тѣлодвиженіями, обернувшись задомъ къ нему и подымая платье, они кричали ему дерзко, по словамъ лѣтописи: «Гляди, царь! Такъ-то ты возьмешь Казань!» Они дико кривлялись и испускали страшные вопли, какъ бы заклиная; суевѣрныя души русскихъ были смущены этимъ страннымъ зрѣлищемъ.

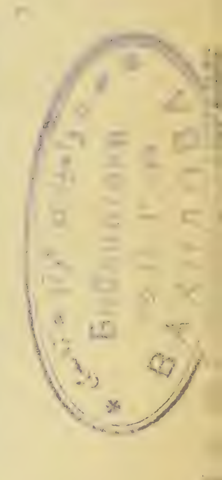
Но Иванъ не палъ духомъ. Чародѣйство татаръ вызывало страшные ливни; онъ велѣлъ привезти изъ Москвы чудотворный крестъ, съ которымъ пришла и ясная погода. Татары искусно поддерживали свои укрѣпленія; царь прибѣгъ къ иноземнымъ размысламъ, которые, при помощи апрошныхъ сооруженій усилили дѣйствіе стрѣльбы и ускорили развязку. Народное воображеніе разукрасило эту осаду: она превратилась въ нѣчто подобное взятію Трои. Оно заставило Ивана провести восемь и даже тридцать лѣтъ подъ стѣнами татарской столицы. На самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ сентября, пушечный огонь достаточно подготовилъ почву; поэтому рѣшено было начать настоящій приступъ. Онъ открылся 2-го октября 1552 года. Побѣда, обезпеченная заранѣе, была уже въ рукахъ наступающихъ; но Иванъ, дотолѣ проявлявшій твердость и рѣшимость, на этотъ разъ оказался не на высотѣ. Войска привыкли уже повиноваться его собственнымъ приказаніямъ. Его боялись, и потому слушались его безпрекословно. Теперь полки шли одни: напрасно искали Ивана въ челѣ его рати. Вождь исчезъ; остался лишь Рюриковичъ. Онъ бѣжалъ опасности, сторонился отъ крововой сѣчи и медлилъ, припадая къ ал-

тарю съ горячими молитвами. На зарѣ князь Михаилъ Воротынскій готовился взорвать послѣднія укрѣпленія Казани. Въ это время, въ церкви, устроенной среди русскаго стана, шло торжественное богослуженіе. Преданіе говоритъ, что успѣхъ русскихъ подкоповъ подъ стѣны Казани обнаруживался въ соотвѣтствіи съ самыми торжественными моменами православной обѣдни. Когда діаконъ провозгласилъ: «покорити подъ нози его всякаго врага и супостата», раздался первый взрывъ; за возгласомъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь»—послѣдовалъ новый взрывъ, сильнѣе прежняго. Но діакона и размыслы сдѣлали свое дѣло; теперь нужно было ворваться въ брешь. Въ воздухѣ свистѣли стрѣлы и пули. Призывы христіанскаго Бога и Магомета смѣшивались среди сѣчи. Къ царю прискакалъ, задыхаясь, бояринъ: «Государь! Время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя»... Но Иванъ важно отвѣтствовалъ ему словами изъ священнаго писанія. Люди его времени и развитія хранили въ памяти неистощимый запасъ подобныхъ цитатъ. Весьма кстати приведенный имъ текстъ говорилъ о пользѣ долгихъ молитвъ. Иванъ не тронулся съ мѣста. Прибѣжалъ новый гонецъ съ болѣе тревожными вѣстями. Наступающія войска ослабѣваютъ; татары опять берутъ верхъ; царю необходимо во что бы то ни стало появиться во главѣ русскихъ силъ... Иванъ испустилъ глубокій вздохъ; обильныя слезы полились изъ глазъ его; громкимъ голосомъ онъ воззвалъ къ небу о помощи...

Въ образѣ дѣйствій молодого царя ясно сказался характеръ русской натуры. Конечно, многое зависѣло здѣсь и отъ той исключительной нервности, которой, какъ знаемъ мы, отличался самъ Иванъ. Была ли то трусость? Отнюдь нѣтъ. Скоро этотъ же человѣкъ, невзирая на страшную ненависть окружающихъ, будетъ тираннически, огнемъ и мечемъ подчинять ихъ своей несокрушимой волѣ; двадцать лѣтъ подрядъ будетъ онъ неуклонно преслѣдовать свою задачу, пренебрегая слабостью, злобой или предательствомъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей. Нѣтъ, глава опричнины не былъ и не могъ быть трусомъ по природѣ. Иванъ, просто, былъ достойнымъ преемникомъ князей Московскихъ, собиравшихъ великую землю русскую—но не на полѣ битвы, не доблестными подвигами храбрости. Они добились этого темными средствами всяческихъ казней, торгашества и скопидомства; они творили чудеса—но только терпѣнія, хитрости, геройской выносливости подъ гнетомъ всяческихъ униженій. Съ другой стороны, Иванъ много перенялъ отъ прежнихъ властителей русской

земли, пришедшихъ съ Востока. Они научили его этой азіатской нѣгѣ, презрѣнію къ тѣлеснымъ усиліямъ, высокомѣрному безстрастію. Сражаться, наносить удары, самому подвергаться ихъ опасности? о, нѣтъ, это не было дѣломъ царя, какъ они его понимали. Для этого у властелина есть рабы. Самому ему остается повелѣвать, посылать людей на гибель—и молиться.

Однако, бояре, окружавшіе Ивана, иначе понимали его обязанности. Вполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ пытался и силою вовлечь государя въ битву... Но прежде Ивану нужно было приложиться къ чудотворной иконѣ Сергія; прежде онъ долженъ былъ выпить святой воды, съѣсть кусокъ просфоры, принять благословеніе духовника, держать рѣчь къ духовенству, просить его о прощеніи и благословеніи... Вѣдь, онъ шелъ «пострадать за вѣру православную». Послѣ этого, наконецъ, царь сѣлъ на коня.

Битва приходила къ концу, и нечего было бояться возврата къ нападенію со стороны осажденныхъ. Но даже теперь, по свидѣтельству очевидца, Курбскаго, противъ достовѣрности котораго Грозный не рѣшился возражать, лишь съ извѣстнымъ трудомъ удалось заставить царя двинуться впередъ: для этого бояре должны были взять его лошадь подъ уздцы...

Уже московскіе стяги развѣвались надъ стѣнами и первыя колонны наступающихъ проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ татаръ напрасно пытались спастись вбродъ черезъ Казанку въ окрестности города. Иванъ не думалъ прекращать убійства. Въ то время даже на Западѣ городъ, захваченный приступомъ, обрекался на смерть. Только женщины и дѣти были пощажены и взяты въ плѣнъ. Послѣ этого, подъ пѣніе молитвы «Тебе Господи хвалимъ», царь водрузилъ своими руками большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіе битвы развѣвался стягъ послѣдняго хана Казани. Здѣсь должны были построить церковь, и уже 2 дня спустя она была готова и освящена. Въ концѣ недѣли князья Александръ Борисовичъ Горбатый и Василій Семеновичъ Серебряный были посажены правителями покореннаго города. Побѣдитель же спѣшилъ вернуться въ Москву, чтобы свидѣться съ Анастасіей.

По дорогѣ въ столицу, во Владимірѣ, его ждала радостная вѣсть: царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Дмитріемъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ селъ окрестностей Москвы—Тайнинскомъ, куда Иванъ впослѣдствіи долженъ былъ удалиться среди постигшихъ

его испытаній, братъ его Юрій съ именитѣйшими боярами принесли ему первыя поздравленія. Въ Москвѣ, вышедшей ему навстрѣчу со всѣмъ духовенствомъ, митрополитъ сравнилъ его подвигъ съ дѣяніями Дмитрія Донского, Александра Невскаго и Константина Великаго, а затѣмъ, земно поклонившись, благодарилъ царя за побѣду, дарованную имъ странѣ и православной Церкви.

Побѣда была, дѣйствительно, велика. Она была значительнѣе по своимъ непосредственнымъ и болѣе отдаленнымъ результатамъ, нежели пріобрѣтеніе Трехъ Епископствъ, сдѣланное въ томъ же году Генрихомъ II на противуположномъ концѣ Европы.

IV.

Послѣдствія завоеванія Казани.

Въ 1555 году первый архіепископъ казанскій и свіажскій, Гурій, отправился на мѣсто своего назначенія, сопровождаемый цѣлой свитой священнослужителей. Это было какъ бы повтореніемъ того исхода изъ Византіи греческаго духовенства, которое принесло въ княженіе Владиміра проповѣдь истинной вѣры въ Корсунь. Послѣ освященія храма Заступницы Пресвятой Богородицы, построеннаго въ Кремлѣ, въ память новой побѣды, Гурій вошелъ на судно: здѣсь пѣснопѣнія и молитвы продолжались. По всему пути отъ Москвы до Волги громадныя толпы охваченнаго энтузіазмомъ народа привѣтствовали представителя истинной вѣры. Россія приступала въ свою очередь къ апостольской дѣятельности. На стѣнахъ Казани понесъ пораженіе весь магометанскій міръ. Рождающееся значеніе крымскихъ хановъ, благодаря этому пораженію, должно было испытать непоправимый ущербъ. Не могло быть больше и рѣчи о томъ, чтобы Иванъ «билъ имъ челомъ», какъ еще недавно дѣлалъ онъ это въ сношеніяхъ съ опасными сосѣдями. Теперь царь претендовалъ на равную честь съ германскимъ императоромъ и султаномъ! И съ матеріальной стороны Казань, расположенная на среднемъ теченіи Волги, представляла изъ себя чрезвычайно цѣнную добычу: если этотъ осколокъ монгольскаго могущества уже не угрожалъ больше Москвѣ, то, все же, онъ преграждалъ ей путь на Востокъ и ставилъ препятствія ея естественному развитію. Здѣсь нѣкогда произошло первое столкновеніе христіанства съ ис-

ламомъ въ битвѣ между магометанами болгарами, первоначальными обладателями страны, и первыми князьями новой, сѣверо-восточной Руси. Для Азіи Казань была торговой и промышленной метрополіей, для монгольскаго міра послѣднимъ прочнымъ оплотомъ, сохраненнымъ въ Европѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, стѣсненные въ Крымскомъ ханствѣ, монголы представляли изъ себя лишь станъ кочевниковъ, бродящихъ по южнымъ степямъ Россіи. Правда, оставалась еще Астрахань. Однако, послѣ паденія Казани уничтоженіе этой плотины, преграждавшей путь московскому потоку, было неизбѣжно. Завоеванія, какъ и колонизація, разъ начавшись, должны были съ непреодолимой силой устремиться въ богатыя области, орошенныя западными притоками Волги и восточными—Дона.

Наконецъ, Казань была естественнымъ центромъ для многочисленныхъ дикихъ народностей—черемисовъ, мордвы, чувашей, вотяковъ и башкировъ, занимавшихъ какъ нагорный, такъ и луговой берегъ Волги. Привлеченный подъ сѣнь Свіяжска, нагорный берегъ уже входилъ въ нѣдра Московскаго царства. За нимъ наступала очередь лугового берега.

Въ своемъ нетерпѣніи вернуться къ радостямъ супружеской жизни и насладиться почестями, которыя ожидали его въ Москвѣ, Иванъ черезчуръ поторопился покинуть покоренную область. По словамъ Курбскаго, бояре настаивали, чтобы царь подождалъ до весны. Однако, возможно, что они же дали ему поводъ къ противуположному рѣшенію. Если Иванъ ихъ настояніями въ послѣдній моментъ былъ увлеченъ подъ стѣны Казани, то они же—его служилые люди, еще не дойдя до нея, неоднократно, казалось, готовы были покинуть царя, жалуясь на истощеніе силъ и средствъ. Между царемъ и боярами уже завязалась глухая борьба. Царь чувствовалъ, что бояре не въ его рукахъ; бояре же видѣли, что царь не долго будетъ оказывать имъ свое колеблющееся, капризное и ненадежное послушаніе. Совершенныя и готовыя уже къ выполненію реформы создавали въ рядахъ высшей аристократіи недовольство, которое обнаруживалось при всякомъ удобномъ случаѣ. Среди этихъ воиновъ, которые указывали царю его мѣсто въ битвѣ и руководили имъ въ ней, хотя бы противъ его воли, Иванъ безъ сомнѣнія чувствовалъ себя не достаточно спокойно. Результатомъ этой поспѣшности было то, что уже въ декабрѣ мѣсяцѣ передъ побѣдителями возникла угроза потерять всѣ плоды одержанной побѣды. Какъ въ самой Казани, такъ и въ ея окрестностяхъ обнаружи-

лись симптомы, вызывающіе безпокойство; затѣмъ вспыхнуло открытое возстаніе. Казаки и стрѣльцы оккупаціоннаго отряда потеряли тысячу человѣкъ въ одномъ столкновеніи съ племенами «горной стороны». Возмутившіяся племена нагорнаго берега основали даже новый городъ на Мешѣ въ 70 верстахъ отъ Казани. Въ 1554 году пришлось прибѣгнуть къ регулярной войнѣ противъ непокорныхъ, и прошло еще 5 лѣтъ, прежде чѣмъ мирное обладаніе краемъ было хоть нѣсколько обезпечено. За это время Москва въ другомъ мѣстѣ уже сдѣлала новый и великій шагъ.

V.

Взятіе Астрахани.

Весною того же 1554 года 30.000 русскаго войска подъ начальствомъ князя Григорія Ивановича Пронскаго отправились на судахъ внизъ по Волгѣ. 29 августа, когда Иванъ праздновалъ въ Коломнѣ день своихъ именинъ, гонецъ привезъ ему вѣсть о взятіи Астрахани. Это взятіе не было еще полной побѣдой. Пронскій ограничился тѣмъ, что по своему выбору посадилъ на астраханскій престолъ царемъ Дербишъ Али, обязавъ его платить ежегодную дань и предоставить жителямъ московскаго государства свободное плаваніе отъ Казани до Астрахани. По отношенію къ Астрахани московскіе политики вновь примѣнили игру, которая удалась имъ въ Казани съ Шигъ-Алеемъ. Результаты ея оказались тѣми же самыми. Между своими новыми покровителями, и мѣстными татарами, непосредственно вліявшими на Дербишъ-Али, крымскимъ ханомъ, пытавшимся проводить свое вліяніе, и, наконецъ, турками, въ свою очередь расположенными вмѣшиваться въ эти распри, положеніе новаго царя было трудно. Скоро онъ вошелъ въ сношенія съ сосѣднимъ племенемъ ногайскихъ татаръ, въ которомъ два брата Измаилъ и Юсуфъ враждовали изъ-за власти. При поддержкѣ одного изъ соперниковъ онъ пытался добиться независимости. Въ виду этого новая военная экспедиція стала неизбѣжной. Дербишъ соединился съ Юсуфомъ, а послѣ того, какъ онъ былъ убитъ своимъ братомъ, съ дѣтьми убитаго. Москва заключила союзъ съ Измаиломъ, купивъ его помощь цѣною скромныхъ подарковъ. Онъ просилъ трехъ охотничихъ птицъ—кречета, сокола

и голубятника, а также большое количество свинцу, шафрана, цвѣтныхъ матерій, бумаги и 500.000 гвоздей... Дербишъ былъ изгнанъ, его замѣстилъ Измаилъ. Но послѣ того, какъ Измаилъ обнаружилъ непослушаніе, онъ долженъ былъ, въ свою очередь, уступить мѣсто племянникамъ. Москва еще долго ссорилась съ этими непокорными вассалами. Но, несмотря на это, устья Волги были ею пріобрѣтены окончательно. Въ то же самое время мелкія княжества, расположенныя по сосѣдству съ Кавказомъ, вмѣшивая ее въ свои ссоры, прося ея посредничества или ища поддержки, незамѣтно втягивали ее почти противъ воли все дальше на востокъ въ новыя предпріятія. Мало-по-малу эти предпріятія раздвигали границы ея всепоглощающей гегемоніи.

Колонизація шагъ за шагомъ слѣдовала за завоеваніями этой политики, иногда даже опережая ихъ. Отъ береговъ Дона и Терека, гдѣ она уже встала на прочную почву, колонизація направлялась къ Крыму до воротъ Азова, постоянно расширяя область такъ наз. казатчины. Казатчина вышла изъ неопредѣленныхъ и вѣчно подвижныхъ слоевъ неустоявшагося еще населенія. Для осуществленія задачи территоріальнаго расширенія государства она представляла неоцѣнимую силу. Но въ ней же была и опасность.

VI.

Казаки.

Власть метрополіи надъ этой стихіей, непостоянной и буйной по природѣ, была и должна была долго остаться чисто номинальной. Лишь въ 1570 году одинъ изъ намѣстниковъ Грознаго—Новосильцевъ, придалъ казакамъ на берегахъ Дона нѣсколько болѣе прочную организацію. Трехсотлѣтній юбилей этого событія современное войско Донское праздновало 30 лѣтъ тому назадъ. Однако, въ 1577 году Иванъ долженъ былъ отправить цѣлый отрядъ своего войска подъ начальствомъ Мурашкина, чтобы подавить разбои и насилія этихъ непокорныхъ подданныхъ. Полагаютъ, что именно тогда будущіе завоеватели Сибири, Ермакъ и его товарищи, чтобы спастись отъ заслуженной кары, отправились искать убѣжища у Строгановыхъ, колонизаторовъ другого типа, безпредѣльныя владѣнія которыхъ соприкасались съ Азіей.

Такъ было подготовлено новое, еще болѣе великое завоеваніе. Но пока жизнь казатчины и ея самовольныя предпріятія шли своимъ чередомъ, Москва увидѣла, что передъ ней стоитъ неизбѣжная борьба съ послѣднимъ обломкомъ татарскаго могущества. Не имѣя возможности подчинить своей власти тысячи вооруженныхъ людей, подобныхъ Ермаку, на границахъ Крыма, Иванъ самъ долженъ былъ первымъ начать эту борьбу. Завершилась она лишь въ царствованіе Екатерины II.

Въ 1555 году была сыграна прелюдія будущихъ экспедицій Голицына и Миниха: царь отправилъ въ походъ 13.000 человѣкъ подъ начальствомъ Шереметьева. Какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, болѣе подвижный и болѣе рѣшительный ханъ оказался въ выигрышѣ: отступивъ передъ силою царя, онъ все-таки нанесъ серьезный ущербъ его полководцу. Это не помѣшало въ слѣдующемъ году отряду казаковъ, подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго, произвести рекогносцировку до самаго Очакова, вызвавъ тѣмъ самымъ большое возбужденіе и подъемъ воинственнаго духа среди жителей Приднѣпровья. Послѣ этого одинъ изъ подданныхъ польскаго короля, князь Дмитрій Вишневецкій, занявъ и укрѣпивъ одинъ изъ острововъ Днѣпра — Хортицу, бросилъ вызовъ сосѣднему ханству заключеніемъ союза съ царемъ. Въ 1557 году онъ былъ прогнанъ съ острова, но въ слѣдующемъ году отплатилъ за это подъ стѣнами Азова. Въ этомъ году начальникъ московскихъ силъ Даніилъ Адашевъ достигъ устья Днѣпра, захватилъ 2 турецкихъ корабля и, высадившись въ Крыму, терроризировалъ его.

Казалось, наступилъ моментъ покончить съ Крымомъ однимъ ударомъ, и окружающіе Ивана настойчиво убѣждали его рѣшиться на это. Но молодой и славный царь уже измѣнилъ прежнимъ своимъ стремленіямъ. Его предпріимчивый духъ перенесся отъ Востока къ Западу, куда манили его большее духовное сродство, болѣе соблазнительныя перспективы. Его захватили дѣла Ливоніи которыя должны были на многіе годы поглотить его вниманіе. Это было уже началомъ исторіи Петра Великаго.

VI.

Крымъ и Ливонія.

Одновременная борьба съ Крымомъ и Ливоніей была невозможна. Какъ бы ни была заслужена та критика, которой подвергался Гроз-

ный какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, выборъ, сдѣланный имъ, былъ совершенно основателенъ. Итти на Крымъ было не то, что итти на Казань и Астрахань. Съ береговъ Москвы къ берегамъ Волги переправа войскъ и провіанта была обезпечена сѣтью рѣчныхъ путей, пересѣкающихъ относительно заселенныя области. Дорога въ Крымъ уже отъ Тулы и Пронска представляла изъ себя пустыню, громадныя пространства безъ пристанища, безъ средствъ пропитанія. Объ эти степи до XVIII столѣтія разбивались неоднократныя усилія лучшихъ полководцевъ Россіи. И, при всемъ томъ, за Крымомъ была опасность встрѣтиться съ Турціей XVI столѣтія, Турціей Сулеймана Великаго. Съ другой стороны, выборъ Ивана не былъ совершенно свободенъ. Съ 1554 года онъ велъ войну изъ-за Ливоніи со Швеціей. Изъ-за нея же были постоянныя войны съ Польшей, прекращавшіяся лишь благодаря непрочнымъ перемиріямъ. Разрѣшеніе этихъ двухъ великихъ задачъ и диктовалось одинаковой необходимостью. Какъ ни былъ безпокоенъ Крымъ, съ нимъ все-таки можно было подождать. Въ Ливоніи же ни поляки, ни шведы не ждали. Они, въ свою очередь, не могли отложить до другого времени вмѣшательство въ дѣла Ливоніи, такъ какъ Москва должна была ихъ предупредить, чтобы навсегда не лишиться доступа къ Балтикѣ. Старая колонія тевтонскихъ рыцарей къ этому времени приходила въ то состояніе, которое впослѣдствіи извѣдаетъ Польша. Оно всегда, въ нѣкоторомъ родѣ, будитъ алчность сосѣдей: домъ горѣлъ: онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый придетъ гасить огонь. Иванъ не могъ и думать о томъ, чтобы отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Даже Казань была побѣждена имъ при содѣйствіи Запада, съ помощью европейскихъ инженеровъ и мастеровъ, которыхъ онъ набиралъ въ Германіи, Венгріи и Италіи. Но, если въ Италіи и, отчасти, въ Германіи были склонны помочь этому, другія страны Европы, въ особенности наиболѣе близкія, держали себя недовѣрчиво и враждебно. Онѣ перехватывали мастеровъ, препятствовали покупкѣ болѣе совершенныхъ военныхъ матеріаловъ и, вообще, пытались сохранить между собою и черезчуръ предпріимчивымъ сосѣдомъ стѣну вѣкового обособленія. Ливонія была окномъ—тѣмъ самымъ окномъ, которое Петръ Великій прорубилъ впослѣдствіи ударами своего топора. Представлялся случай сдѣлать это сейчасъ и, видимо, безъ большихъ усилій. Отказаться отъ этого было бы безуміемъ. Но развѣ Иванъ не могъ воспользоваться для той же цѣли принадлежа-

щимъ ему побережьемъ Финскаго залива отъ впаденія Сестры до устья Наровы? Такое возраженіе дѣлалось, но оно не убѣдительно. Сынъ Василія не думалъ основывать Петербургъ. Даже если бы онъ обладалъ геніемъ Петра, возможно, онъ счелъ бы себя неспособнымъ возложить на своихъ подданныхъ гигантское и парадоксальное бремя подобнаго сооруженія. Чтобы это дѣло, спорное по своей цѣнности, стало возможнымъ полтора столѣтія позже, необходима была полуторавѣковая работа, обезпечивающая побѣду самодержавной власти и дающая въ руки сына Алексѣя орудіе, которымъ не обладалъ Иванъ Васильевичъ. Съ другой стороны, самъ Петръ не удовольствовался этимъ болотистымъ портомъ на негостепріимномъ берегу, и, казалось, что Ивану надо было только протянуть руку, чтобы найти лучшій.

И, въ самомъ дѣлѣ, если его предпріятіе не удалось, то, исключительно, потому, что онъ натолкнулся на неожиданность, которую нельзя было предвидѣть. Эта неожиданность, это чудо была фантастическая карьера Баторія. То былъ настоящій король въ странѣ, гдѣ давно уже были короли только для смѣха,—венгерскій рыцарь, укротившій польскаго коня и стремительно бросившійся на немъ, чтобы преградить дорогу московскому всаднику. Скачка продолжалась только 10 лѣтъ, но этого было достаточно, чтобы совершенно измѣнить вза- имное положеніе и шансы. Этого было довольно, чтобы замѣнить Польшу Ягеллоновъ, которую Москва знала, которой не вѣрила и не боялась, другою Польшей, силы которой она не подозрѣвала и не могла угадать. Эта скачка превратила тріумфъ, который, казалось, держитъ уже въ своихъ рукахъ покоритель Казани и Астрахани, въ его пораженіе; она обратила въ разорительную обузу предпріятіе, въ которомъ, судя по всему, царь долженъ былъ положиться на свою счастливую звѣзду.

Въ это дѣло онъ несъ обаяніе своихъ недавнихъ подвиговъ и сіяніе славы, блескъ котораго былъ ярче лишь у единственнаго изъ его преемниковъ. Онъ несъ въ него никѣмъ не превзойденную популярность. Побѣды и реформы Петра Великаго, какъ менѣе понятныя, должны были получить менѣе высокую оцѣнку. Иванъ же, побѣдитель ислама, законодатель, заботливо пекущійся объ интересахъ низшихъ классовъ населенія, грозный судья только для «великихъ» — вызывалъ удивленіе даже у иностранцевъ. По мнѣнію Дженкинсона, высказанному въ 1557 году., ни одинъ христіанскій властитель не былъ одновременно и такъ страшенъ своимъ подданнымъ, и такъ лю-

бимъ ими. Говоря съ похвалой о правосудіи, творимымъ этимъ несравненнымъ государемъ съ помощью простыхъ и мудрыхъ законовъ, хваля его привѣтливость, гуманность, разнообразіе его познаній, блескъ двора и могущество его арміи, венеціанскій посолъ Фоскарини отводитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди властителей того времени-будущему противнику Баторія. Съ чувствомъ удовлетворенія перечисляетъ онъ его отряды, обмундированные по-французски, его пушкарей, выправленныхъ по-итальянски, его удивительно обученныхъ пищальниковъ и утверждаетъ, что ни одна европейская держава не обладаетъ такимъ страшнымъ военнымъ аппаратомъ. Ослѣпленный призракомъ побѣды, онъ уже видитъ 2 арміи въ 100,000 человѣкъ каждая, готовыхъ двинуться въ походъ по мановенію великаго царя. «Все это почти невѣроятно,—прибавлялъ онъ,—и, однако, безусловно вѣрно». Впрочемъ, дѣйствительность, которую я пытался выше выяснить, не обезпечивала въ настоящій моментъ Ивану перевѣса надъ сосѣдями, шведами и поляками. Онъ имѣлъ многочисленную армію, полную казну, преимущество сильно укрѣпленной власти, наконецъ, увѣренность въ себѣ, которую даетъ успѣхъ. Но его могущество, слава, популярность, все это готово было низвергнуться въ безднукоторой не видѣли ни Иванъ, ни другіе, и глубину которой никто не могъ измѣрить *).

---

*) Для справокъ объ арміи Ивана: Stein, Geschichte des russichen Heeres, 1895, стр. 15—22; *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898, стр. 119 и сл.; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 1869, стр. 179 и сл. Источники: Chancellor и Jenkinson, Hakluyt, I; *Флетчеръ* о. с.; Vigenère, Pologne, 1573, стр. LXXXI и сл. — Объ осадѣ Казани: *Ричковъ*, Очеркъ исторіи Казани, 1867; *Царинскій*, Очеркъ древней Казани, 1877; *Щербатовъ*, Исторія Россіи, т. V; *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. III, гл. IV. Источники: русскія лѣтописи, именно Царственная книга, разсказъ который воспроизведенъ въ никоновской лѣтописи. *Курбскій* сомнителенъ. Критика этихъ источниковъ *Иловайскимъ* въ Исторіи Россіи, т. III 624 и *Аѳанасьевымъ* въ соч. Къ 350 лѣтію покоренія Казани 1902 г. О Крымѣ и о Ливоніи *Карамзинъ*, т. VIII, гл. V; *Полевой*, Исторія русскаго народа 1833 г., т. VI, гл. III; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VI, гл. III; *Костамаровъ*, Статья въ Вѣстникѣ Европы, 1871, октябрь; *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія Россіи, т. II, гл. V; *Иловайскій*, Исторія Россіи, III, 218, 266.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Завоеваніе Ливоніи.

I. Историческіе прецеденты. — II. Ливонія въ XVI вѣкѣ. — III. Московское завоеваніе. — IV. Вмѣшательство Европы.

I.

Историческіе прецеденты.

Борьба изъ за господства надъ Балтикой была въ XVI столѣтіи борьбой между наслѣдниками. Наслѣдство осталось отъ Ганзы, великаго политическаго и торговаго союза, разореннаго открытіемъ Новаго Свѣта и безоружнаго передъ алчностью сосѣдей. Это столкновеніе было грозно по соперникамъ, бросившимся въ борьбу: Швеціи, Даніи, Московскому царству и Польшѣ; оно было грозно также въ виду промышленныхъ, торговыхъ, культурныхъ и религіозныхъ интересовъ, поставленныхъ на карту. До 1540 года Москва играла въ немъ только подчиненную роль, какъ помощница двухъ скандинавскихъ державъ. Но въ разсматриваемую нами эпоху общій врагъ—ганзейцы, были почти побѣждены, и стала неизбѣжной борьба вчерашнихъ союзниковъ изъ за раздѣла добычи.

Историческія основанія московскихъ домогательствъ были наиболѣе исконными. Что Ливонія и Эстонія составляли часть древней русской державы, доказательства этого можно было найти даже въ лѣтописи Нестора. Перечисляя народы, подчиненные власти варяжскихъ князей, старый лѣтописецъ говоритъ о ливахъ и чуди, живущихъ по Балтійскому побережью. Впрочемъ, эти указанія достаточно проблематичны. Первая достовѣрная попытка русскихъ утвердиться на Ливонскомъ побережьѣ восходитъ къ 1030 году. Въ этомъ году, въ княженье Ярослава Мудраго, былъ основанъ Юрьевъ въ Чудской странѣ. Однако, этотъ захватъ остался непрочнымъ, благодаря

пораженію, которое вскорѣ потерпѣли русскіе отъ сосѣдей—семигаловъ. Въ слѣдующемъ же столѣтіи возникло болѣе опасное соперничество благодаря появленію нѣмцевъ.

Исторія нѣмецкой колонизаціи Ливоніи связана съ основаніемъ Любека Генрихомъ Львомъ въ 1158 году. Купцы этого новаго города въ поискахъ пути въ скандинавскія страны и на далекій востокъ были Колумбами этой Америки. Тогда-то между нѣмцами, русскими и скандинавами возникло соревнованіе изъ-за обладанія теченіемъ Двины, связаннымъ уже со всей рѣчной системой Россіи и даже съ бассейномъ Днѣпра. Въ Ливоніи былъ ключъ отъ Двины, и здѣсь, какъ во многихъ странахъ въ прошломъ и настоящемъ, германская колонизація встрѣтила помощь со стороны тевтонскихъ миссіонеровъ. Во второй половинѣ XII вѣка, августинскій монахъ Мейнхардъ построилъ около города Юкскюль церковь, которая стала резиденціей епископства и центромъ крѣпости. Преемникъ Мейнхарда, епископъ Бертхольдъ, цистерціанецъ, былъ прелатомъ въ духѣ Барбароссы: опоясанный мечомъ, онъ служилъ больше ему, нежели кресту. Снабженный въ 1198 году папской буллой, благословляющей его на крестовый походъ, онъ появился въ устьѣ Двины во главѣ флота и арміи. Послѣ цѣлаго ряда успѣховъ и неудачъ честь окончательной побѣды досталась только третьему епископу Ливоніи, Альберту, потомку знаменитой фамиліи города Бремена. Онъ же основалъ Ригу и орденъ меченосцевъ. Организованные по образцу ордена тампліеровъ, меченосцы находились въ меньшемъ подчиненіи непосредственной власти папы. Во главѣ со своимъ гроссмейстеромъ, жившимъ въ Ригѣ, съ капитуломъ, состоящимъ изъ 5 главныхъ начальниковъ и со всѣми своими рыцарями, одинаково подчиненными авторитету епископа, новое братство сразу создало весьма централизованное государство. Однако, элементъ свѣтскій и монашескій не долго жили въ добромъ согласіи. Скоро завязалась борьба, и орденъ развилъ матеріальную и политическую стороны своей организаціи въ ущербъ своему духовному назначенію. Въ этомъ онъ нашелъ свою гибель, встрѣтивъ другихъ соперниковъ.

Рядомъ съ этими рыцарями, на бѣлыхъ мантіяхъ которыхъ были красные кресты, въ сосѣдней Пруссіи уже показывались черные кресты рыцарей Германа де Сальза. То былъ отпрыскъ ордена госпиталя Святой Маріи въ Іерусалимѣ, съ 1191 года преобразованный папой въ орденъ госпитальеровъ. Послѣ 1198 г. германскіе князья пре-

вратили его въ духовный рыцарскій орденъ. Въ 1227 году герцогъ Мазовецкій и Куявецкій надѣлилъ этотъ орденъ славянской землей, къ несчастью, призвавъ его себѣ на помощь, чтобы покорить и обратить въ христіанство язычниковъ пруссовъ. Уже въ слѣдующемъ вѣкѣ Святая Бригитта должна была раскрыть злодѣянія тампліеровъ и навлекла страшную кару на этихъ лжеапостоловъ, «сражающихся только для того, чтобы питать свою гордость и дать волю своей алчности». Гордые и алчные, они чувствовали себя тѣсно въ своей области, и сосѣдняя Ливонія казалась имъ желанной добычей. Въ 1236 году неожиданный случай создалъ благопріятныя условія для осуществленія ихъ желаній. Меченосцы были почти совершенно уничтожены въ битвѣ съ литовцами на Саулѣ. Сліяніе, желанное для обѣихъ сторонъ, было рѣшено въ Римѣ, и красные кресты исчезли.

При новой комбинаціи все-таки пришлось подѣлиться съ сосѣдями. Въ 1238 году Данія получила Ревель, Харріенъ и Вирландъ. Въ 1242 году, послѣ несчастнаго сраженія съ русскими подъ предводительствомъ Александра Невскаго на озерѣ Пейпусъ, черные кресты, уже распространявшіе свою власть на Финское побережье, должны были отступить и оставить свои недавнія пріобрѣтенія.

Въ концѣ XIII вѣка ордену пришлось считаться съ другою враждебной силой. Мощно развившаяся къ этому времени городская буржуазія, выступила противъ рыцарей въ защиту епископовъ. Но она была побѣждена, и около средины XIV столѣтія рыцари торжествовали еще болѣе крупную побѣду: подъ ихъ исключительной властью соединились Курляндія, Ливонія и Эстонія. Данія сохранила надъ своими давнишними пріобрѣтеніями лишь номинальныя права. Ихъ она заставила признать позже.

Однако, то былъ непродолжительный тріумфъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ на сцену выступила Польша. 1-го сентября 1435 года войска ордена и русско-литовскій отряды подъ предводительствомъ Свидригайло, коварно направленные Польшей на братоубійственную борьбу, нанесли другъ другу полное пораженіе. Въ то же время прусскіе черные кресты подверглись большей опасности. 15-го іюля 1410 года въ достопамятной битвѣ, была утолена двухвѣковая вражда, чтобы впослѣдствіи, возродившись, вѣчно существовать въ другихъ формахъ. Въ этотъ разъ болѣе справедливо раздѣленные между двумя враждебными лагерями, германскій міръ и нарождающійся славянскій поставили лицомъ къ лицу своихъ избранныхъ воиновъ.

Это былъ великій день Грюнвальдскаго боя, когда цвѣтъ тевтонскаго рыцарства палъ подъ напоромъ польско-литовской арміи Ягелло и Витольда, и могущество ордена рушилось въ прахъ на кровавомъ полѣ этой эпической битвы.

Въ этой борьбѣ Польша ставила на карту свою судьбу. Орденъ готовъ былъ противъ нея заключить союзъ даже со славянами, хотя отъ нея онъ получалъ все, что имѣлъ. Изъ ненависти же къ славянамъ, онъ обращался съ ней, какъ съ наслѣдственнымъ врагомъ, и замышлялъ ея гибель, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Еще въ предшествующемъ вѣкѣ онъ началъ работать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать пріемлемымъ для Швеціи, Венгріи и Австріи планъ ея раздѣла,—первый планъ этого рода (Treitschke, Historische und politiche Aujsätze, 1867, p. 35. Ср. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, V. Введ., стр. VI.)-Тогда же, въ постоянныхъ попыткахъ предотвратить соглашеніе между Польшей и Москвой, которое должно было стать для ордена роковымъ, онъ пытался усвоить лозунгъ будущей свѣтской Пруссіи: союзъ съ Москвой противъ своихъ благодѣтелей, которымъ платили такой монетой!

День Грюнвальдской битвы на нѣкоторое время ликвидировалъ эти счеты. Принужденные въ слѣдующемъ году принять въ Торнѣ условія мира, которые сократили ихъ прусскія владѣнія, рыцари почувствовали, что и въ Ливоніи имъ угрожаетъ то же польско-литовское соглашеніе, которое они напрасно пытались разрушить. Союзъ же съ Москвой былъ не болѣе, какъ мечтой отдаленнаго будущаго. А пока что, надо было оказать сопротивленіе натиску московской силы. Въ 1483 году между воюющими было заключено перемиріе. Но прежде, нежели оно кончилось, русскіе начали строить у устья Наровы на ея восточномъ берегу Ивангородъ—свою Нарву, угрожающую тевтонской, расположенной на другомъ берегу.

Въ то же самое время орденъ испытывалъ внутреннее разложеніе. Оно было ускорено возникновеніемъ реформаціи и переходомъ на ея сторону Альберта Бранденбургскаго, который былъ гроссмейстеромъ съ 1510 года. Въ 1525 году, когда послѣ одной неудачной войны Альбертъ призналъ сюзеренитетъ Польши надъ своимъ секуляризированнымъ государствомъ, Ливонія обнаружила на Вольмарскомъ ландтагѣ склонность къ такому же шагу. Впрочемъ, у главы ливонскихъ рыцарей, Вальтера Плеттенберга, не хватило на это достаточно рѣшимости. Въ то же время изъ нѣдръ городовъ протестантизмъ рас-

пространялся съ непреодолимой силой, потрясая твердыни братства, проникая вплоть до епископскихъ дворовъ и оставляя въ странѣ лишь внѣшность католическихъ установленій. Это бросало страну въ ту анархію, которая, откуда бы она ни шла, дѣлаетъ катастрофу неизбѣжной. Въ 1554 году преемникъ Плеттенберга, Фюрстенбергъ, заключилъ союзъ съ Москвой. Однако, въ 1557 году, несмотря на видимое пренебреженіе къ Польшѣ, онъ принужденъ былъ явиться къ королю Сигизмунду-Августу въ Позволъ и принять оборонительный и наступательный союзъ противъ Москвы. Тогда стало ясно, что Ливонія становится ареной, на которой будутъ состязаться сосѣди въ своихъ интересахъ. Ей нечего было спасать, даже чести.

II.

Ливонія XVI вѣка.

И въ нѣмецкой литературѣ той эпохи, и въ народной поэзіи, подготовлявшееся московское нашествіе, со всѣми сопутствовавшими ему ужасами, изображалось какъ Божья кара. Страна въ то время дѣйствительно представляла печальное и отталкивающее зрѣлище. Орденъ переживалъ полное разореніе. Прежній воинственный духъ рыцарей исчезъ, не замѣнившись гражданскими доблестями. Обязательное безбрачіе выродилось въ разнузданный, грязный развратъ. Женщины дурного поведенія все въ большемъ и большемъ количествѣ селились около замковъ. Постоянныя оргіи и роскошь, выставляемая рыцарями напоказъ, приводили народъ къ ужаснѣйшей нищетѣ. Въ своей «Космографіи», опубликованной въ 1550 году (фр. переводъ, 1575 г., стр. 1618), Себастьянъ Мюнстеръ изъ этихъ пировъ и изъ ихъ обратной стороны—нищеты создалъ мрачную и отталкивающую картину. Проповѣдникъ того времени, Тильманъ Бракель столь же безпристрастно изобразилъ нравы высшаго духовенства, жаднаго, распущеннаго, окруженнаго наложницами и незаконными дѣтьми. Порча нравовъ въ то время была общей во всей Европѣ. Однако, этой одной причины недостаточно, чтобы объяснить разложеніе всѣхъ мѣстныхъ учрежденій Ливоніи. Способствовали этому и другія причины. Съ XII вѣка Ливонія представляла парадоксальное зрѣлище нѣмецкой колоніи, преслѣдующей, по примѣру

греческихъ колоній на берегахъ Малой Азіи или Сициліи, образованіе самостоятельнаго государства безъ національной основы. Мѣстное населеніе финской и литовской расы, подчиняясь иноземнымъ господамъ, наложившимъ на него ярмо, не имѣло съ ними ничего общаго: ни языка, ни обычаевъ, ни религіи: обращенное насильно въ католичество, понуждаемое затѣмъ къ переходу въ протестантизмъ, оно оставалось либо безразличнымъ, либо враждебнымъ. Итакъ въ Ливоніи отсутствовала точка опоры въ низахъ населенія, и не было никакой серьезной связи съ метрополіей, источникомъ направляющей власти. Императоръ сохранялъ надъ орденомъ такую же номинальную власть, какъ римскій папа надъ Церковью. Не было никакой дѣйствительной централизаціи, никакого единства. Это была постоянная борьба свѣтскихъ и духовныхъ властей изъ за границъ, плохо опредѣленныхъ и безконечно измѣняемыхъ. Всѣ города обнаруживали общее стремленіе безъ разбора сбросить съ себя власть этихъ соперничающихъ силъ. Всюду былъ антогапизмъ. Отсюда *Дройзенъ* сдѣлалъ правильное наблюденіе (Geschichte der Gegenreformation, 1893, стр. 204), что въ то время, какъ семь нидерландскихъ провинцій изъ великой войны viribus unitis выносили начала новаго европейскаго государства, Ливонія распадалась viribus dissolutis подъ вліяніемъ центробѣжной дѣятельности своихъ разрозненныхъ элементовъ. Противъ четырехсторонней угрозы польскаго, московскаго, шведскаго и датскаго нашествій у Ливоніи не было собственныхъ средствъ. Какъ военная сила, орденъ больше не существовалъ, а чтобы собрать армію, не могло быть денегъ тамъ, гдѣ не было желанія ихъ давать. Не на что было надѣяться и извнѣ. Правда, расчитывали въ моментъ опасности объявить себя частью Германской имперіи. Но ужъ въ теченіе 2-хъ вѣковъ Ливонія изъ-за высокомѣрнаго и недовѣрчиваго партикуляризма требовала отъ Германіи признанія своихъ правъи вольностей. Свою поддержку предлагала и даже навязывала ей Польша. Однако, раздираемая внутренними несогласіями, ослабленная пороками своего правительства, поглощенная великимъ дѣломъ объединенія съ Литвой, Польша скорѣе вызывала страхъ, какъ врагъ, нежели обѣщала безопасность, какъ союзница. Въ 1554 году шведскій король Густавъ I хотѣлъ воспользоваться затрудненіями Ивана, связаннаго въ то время своими восточными завоеваніями. Однако, союзъ, къ которому онъ склонялъ Ливонію, Польшу и Литву, не могъ осуществиться. Онъ былъ оставленъ одинъ въ борьбѣ съ

Москвой, и долженъ былъ въ 1557 году согласиться на сорокалѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ, несчастная Ливонія осталась безъ поддержки, лицомъ къ лицу съ четвертымъ хищникомъ, у котораго не было недостатка ни въ причинахъ, ни во внѣшнихъ поводахъ къ нападенію.

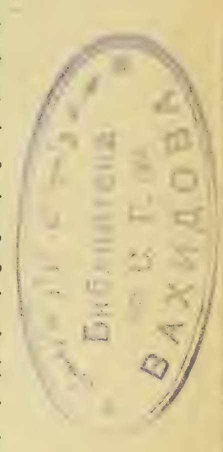
Мотивы? Въ молчаливомъ соглашеніи части Западной Европы держать на запорѣ двери, сообщающія ее съ могущественнымъ сосѣдомъ съ сѣверо-востока, Ливонскія провинціи брали на себя добровольно роль сторожа. Знаменитое дѣло Ганса Шлитта свидѣтельствовало объ ихъ усердіи въ ту эпоху. Въ 1548 году Шлиттъ получилъ разрѣшеніе отъ императора Карла V вербовать въ Германіи ремесленниковъ и ученыхъ на службу царю. Тѣмъ не менѣе, этотъ саксонскій авантюристъ со всей своей компаніей были задержаны ливонцами. Самъ Шлитте былъ брошенъ въ тюрьму и содержался тамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его люди, отъ 100 до 300 человѣкъ,—документы сообщаютъ различныя цифры,—не разбѣжались.

Другой мотивъ заключалась въ слѣдующемъ. Разъ Новгородъ былъ включенъ въ составъ Московскаго царства, завоеваніе Ливоніи для Россіи стало необходимостью. Новые господа города начали съ того, что разрушили нѣмецкую факторію—нѣмецкій дворъ .Однако, отнятая такимъ образомъ у ганзейцевъ торговля сейчасъ же перешла въ ливонскіе города: Ригу, Нарву и другіе центры, откуда Москва подвергалась эксплуатаціи. Въ этихъ вражескихъ городахъ запрещалось иностранцамъ учиться русскому языку, торговать непосредственно съ Россіей, наконецъ, въ нихъ запрещалось открывать кредитъ русскимъ купцамъ подъ страхомъ денежной пени (*Richter*, Geschichte der Ostseeprovinzen 1875, II, 422).

Каковы же были предлоги? Между ливонскимъ городомъ Нейхаузеномъ и Псковомъ издавна существовала спорная область, надъ которой Москва послѣ долгихъ споровъ добилась своего рода верховенства. Ливонскіе земледѣльцы этой области должны были ежегодно уплачивать Москвѣ подать въ размѣрѣ 10 фунтовъ меда каждый. Когда начали исчезать пчелы вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ, подать сначала была переведена на деньги—по нѣкоторымъ источникамъ въ размѣрѣ 6 ефимковъ,—а затѣмъ совершенно забыта. Въ 1503 году Москва вспомнила опять объ этой старинной подати. Требованія ея она соединила со своими притязаніями на Дерптъ, прежній русскій Юрьевъ. Въ 1554 году, непосредственно послѣ взятія Астрахани, Иванъ ко всѣмъ

этимъ поводамъ прибавилъ и болѣе недавнія обиды: нарушеніе границъ и конфискацію православныхъ церквей протестантскими фанатиками.

Въ 1556 году, упрочивъ свои новыя владѣнія на Востокѣ, царь заговорилъ болѣе рѣзкимъ тономъ. Одинъ изъ его предшественниковъ уже отправилъ однажды ливонцамъ кнутъ въ качествѣ предостереженія. Царскій посолъ, видимо, вдохновился теперь этимъ прецедентомъ. Подать въ 10 ф. меду или въ 6 ефимковъ въ его устахъ превратилась въ оброкъ, равный одной маркѣ съ души населенія. Что же касается требуемой недоимки, то она поднялась до 50.000 ефимковъ! Епископъ дерптскій пытался вывернуться изъ затруднительнаго положенія дипломатическими средствами. Обѣщая заплатить все, онъ поставилъ исполненіе обѣщанія въ зависимость отъ одобренія германскаго императора, которому ливонцы одновременно съ этимъ писали, не трудно догадаться, въ какомъ духѣ. Посолъ Терпигоревъ сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ въ этой хитрости. «Какое дѣло моему государю до Кесаря? говорите прямо, будете вы платить или нѣтъ?» заявилъ онъ. Вмѣсто денегъ ему прислали объяснительное письмо для Ивана. «Ого»,—воскликнулъ онъ, пряча заботливо документъ въ шелковый платокъ, «надо беречь этого теленка, чтобы онъ выросъ и разжирѣлъ!» И приказавъ подать выпить изумленнымъ представителямъ города, онъ весело началъ прыгать, вскакивая на столы. Испуганные представители города сослались на то, что невозможно въ нѣсколько дней собрать такую значительную сумму. Ладно! Въ кладовыхъ ратуши есть 12 бочекъ денегъ...

Можетъ быть! Но ключи отъ кладовыхъ находятся не только въ ихъ рукахъ. Одинъ ключъ въ Ригѣ, другой принадлежитъ Ревелю...

Хорошо, хорошо! Если они не хотятъ дать денегъ, царь придетъ за ними самъ!

И царь, дѣйствительно, готовъ былъ притти. Развѣ Макарій не сравнилъ его съ Александромъ Невскимъ послѣ завоеванія Казани? Иванъ былъ задѣтъ за живое этой лестью, и хотѣлъ оправдать ее, идя по стопамъ національнаго героя. Онъ вновь избралъ тотъ путь, оставить который въ XIII столѣтіи вынудила русскихъ необходимость защищаться противъ татарскаго востока. Но времена перемѣнились. Вмѣстѣ съ Польшей, Швеціей и Даніей въ эту борьбу теперь должна была вмѣшаться вся Европа. Даже Испанія въ своей мечтѣ о всемірной монархіи, стремясь завладѣть и далекимъ Сѣверомъ и

Зундомъ, оспаривая у Даніи союзъ съ Маріей Стюартъ, претендовала на вмѣшательство.

III.

Московское завоеваніе.

Въ февралѣ 1557 года въ Москвѣ появилась ливонская депутація вновь просить объ отсрочкѣ, но получила отказъ. Иванъ не пожелалъ видѣть пословъ, поручилъ Адашеву отправить ихъ обратно и началъ организовать карательную экспедицію. Это было просто и ужасно. Въ концѣ года армія, составленная въ значительной части изъ татаръ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго хана Шигъ-Алея, напала на Ливонію и произвела тамъ страшныя опустошенія. Тутъ было все: и женщины, изнасилованныя до смерти, и дѣти, вырванныя изъ чрева матерей, и сожженныя дома, и уничтоженные урожаи. Можетъ быть, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Но войны того времени всюду были отвратительнымъ варварствомъ, и черемисы Шигъ-Алея, конечно, ни въ чемъ не уступали нѣсколько болѣе дисциплинированнымъ разбойникамъ герцога Альбы. По словамъ одного изъ составителей хроникъ, отобравъ наиболѣе красивыхъ плѣнницъ и насытивъ съ ними свои желанія, воины Шигъ-Алея привязывали ихъ къ деревьямъ и упражнялись въ стрѣльбѣ надъ этими живыми мишенями. Все это, конечно, возможно, хотя присутствіе двухъ русскихъ начальниковъ—князя Михаила Васильевича Глинскаго и Даніила Романовича Захарьина, брата царицы Анастасіи, должно было наложить нѣкоторую узду на этихъ дикарей. Впрочемъ, дѣло здѣсь шло не столько о завоеваніи, сколько о взысканіи manu militari. Какъ уже заявилъ Терпигоревъ, русскіе пришли за деньгами. Такимъ образомъ, террористическіе пріемы до нѣкоторой степени оправдывались.

Сопротивленія почти не было оказано. На протяженіи около 200 верстъ завоеватели встрѣтили лишь слабые отряды. Ихъ безъ труда разбивали и обращали въ бѣгство. Однако, результаты этой кампаніи обнаружились не сразу. Весьма вѣроятно, Иванъ не остановился на опредѣленномъ планѣ, а шелъ наугадъ. Въ январѣ 1558 года Шигъ-Алей, собравъ громадную добычу, согласился на перемиріе, и новая ливонская депутація отправилась въ Москву. Она везла съ собою нѣкоторую сумму денегъ въ счетъ предъявленныхъ требованій, и была принята.

Посредничество московскихъ купцовъ, заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Дерптомъ и сосѣдними городами, а, можетъ быть, и деньги, данныя кому надо, казалось, обѣщали депутаціи такія условія мира, на которыя она не могла и надѣяться раньше. Иванъ согласился вести переговоры, на время отказавшись отъ взысканія контрибуціи въ виду истощенія страны. Однако, новая неожиданность разстроила переговоры. Нарва отказалась принять перемиріе и продолжала перестрѣлку съ Ивангородомъ. Въ 1558 году городъ сдался, но крѣпость продолжала сопротивлятьсн. 11-го мая она была взята приступомъ. Адашевъ, ведшій переговоры, сейчасъ же измѣнилъ тонъ. До этого событія былъ поднятъ въ самыхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ выраженіяхъ вопросъ объ уплатѣ дани лишь Дерптскимъ епископствомъ. Теперь заговорили совсѣмъ о другомъ: дани требовали уже отъ всей Ливоніи. Кромѣ того, настаивали на признаніи Ливоніей московскаго верховенства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Казани и Астрахани: гроссмейстеръ Фюрстенбергъ, епископы дерптскій и рижскій должны были отправиться въ Москву выполнить свой вѣрноподданическій долгъ въ качествѣ новыхъ вассаловъ. Наконецъ, Нарва и другіе уже покоренные города просто присоединялись къ Московскому царству.

Эта манера итти этапами, какъ бы послѣдовательными скачками, была въ традиціяхъ московской политики. Иванъ, очевидно, и не думалъ, что эти условія будутъ приняты. Онъ пускался въ авантюру и изъ военной экспедиціи пытался устроить завоеваніе. Война продолжалась, при чемъ несчастная Ливонія неизмѣнно обнаруживала неспособность къ защитѣ. Только города на нѣкоторое время задержали нашествіе. Фюрстенбергъ, которому удалось собрать всего 8.000 человѣкъ, въ отчаяніи предоставилъ командованіе своему помощнику Готтхарду Кеттлеру. Кеттлеръ обнаружилъ не больше предпріимчивости. Скоро начали сдаваться крѣпости: сначала Нейхаузенъ, потомъ Маріенбургъ. Всюду царило малодушіе и предательство: съ этимъ согласны даже нѣмецкіе лѣтописцы.

Marienburg das edle Schloss
War uebergeben, ohne Schoss
(Славный замокъ Маріенбургъ
Сдался безъ выстрѣла.)

риѳмовалъ нѣкій ливонецъ Таубе.

Въ іюлѣ 1558 года былъ осажденъ Дерптъ. Видимо, епископъ и его окружающіе торопились сдаться, чтобы добиться кое-какихъ личныхъ преимуществъ. Въ войнахъ XVI вѣка эта капитуляція представляла исключительный случай, говорящій въ пользу Москвы. Русскій воевода князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, далъ жителямъ этого города полную амнистію, свободное исповѣданіе ихъ вѣры, сохранилъ старое городское управленіе и судебную автономію, наконецъ, предоставилъ свободную, безпошлинную торговлю съ Россіей. Эти условія были сначала соблюдаемы добросовѣстно. Шуйскій держалъ свое войско въ суровой дисциплинѣ и запрещалъ всякое насиліе. Такимъ образомъ, Москва избрала иную тактику, измѣнивъ свои намѣренія. Въ Нарвѣ послѣ приступа былъ организованъ правильный грабежъ. Петербургская кунсткамера еще до сего времени хранитъ свидѣтельства этого грабежа. Хотя Ливонія и не нашла денегъ для своей защиты, но она все-таки была богата. У одного горожанина Тизенгаузена, нашли до 80.000 марокъ золотой монетой. Полагаютъ, что были разрыты даже могилы. Законы войны того времени разрѣшали или, по крайней мѣрѣ, допускали и не такія еще оскверненія! Но какъ только сума была набита, побѣдители смягчились и обнаружили большую мудрость. Привиллегіи, которыхъ добился Дерптъ, были распространены и на Нарву. Сейчасъ же занялись возстановленіемъ города: начали поощрять окрестныхъ земледѣльцевъ и помогать имъ. Иванъ полагалъ, что для побѣжденныхъ дѣлается черезчуръ много. Онъ утвердилъ договоръ, на который согласился Шуйскій, лишь съ извѣстными ограниченіями. Такъ, въ муниципальный судъ долженъ былъ войти представитель Москвы. Аппеляція на рѣшенія суда отъ рижской палаты передавалась на судъ воеводы или направлялась царю. Торговля съ русскими городами облагалась пошлиной, за исключеніемъ сношеній съ Новгородомъ, Псковомъ, Ивангородомъ и Нарвой. Въ замѣну всего этого жители Дерпта получали право селиться въ предѣлахъ Московскаго государства тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится. Эти льготы, видимо, были достаточно соблазнительны, такъ какъ до наступленія осени выразили покорность еще 20 городовъ.

Однако, было еще далеко до окончанія войны. Ревель продолжалъ сопротивленіе. Въ сентябрѣ, съ приближеніемъ зимы, по неизмѣнному обычаю русскихъ военачальниковъ, Шуйскій отступилъ. Кеттлеръ воспользовался этимъ, чтобы начать наступленіе. Собравъ 10.000 че-

ловѣкъ, онъ взялъ приступомъ Рингенъ. Говорятъ, что это стоило ему 2.000 человѣкъ. Затѣмъ онъ достигъ Себежа и Пскова, у котораго сжегъ пригороды. Видя передъ собой угрозу со стороны крымскихъ татаръ, Иванъ принужденъ былъ, подавивъ свой гнѣвъ, заключить въ маѣ 1559 года перемиріе съ ливонцами. Но уже на слѣдующій годъ, когда опасность со стороны Крыма миновала, онъ взялъ реваншъ. 2-го августа подъ стѣнами Феллина Курбскій настигъ ливонскую знать, соединившуюся, наконецъ, ради общаго великаго дѣла, и раздавилъ ее однимъ ударомъ. Вскорѣ захваченный Феллинъ выдалъ Курбскому Фюрстенберга, который уже отказался отъ власти въ пользу Кеттлера. Вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками: ландмаршалломъ Филиппомъ Шаль фонъ Белль, его братомъ Вернеромъ Шаль фонъ Белль, комторомъ Гольдрингена, Генрихомъ фонъ Галенъ, судьею Баушенбурга, бывшій гроссмейстеръ былъ отправленъ въ Москву. По свидѣтельству ливонскихъ лѣтописцевъ, съ плѣнниками обошлись тамъ въ высокой степени варварски: они будто бы были проведены по улицамъ подъ ударами желѣзныхъ прутьевъ, а затѣмъ послѣ пытокъ убиты и выброшены на добычу хищнымъ птицамъ. По отношенію къ Фюрстенбергу это безусловно вымышлено. Онъ остался живъ. Въ Ярославской области ему была дана земля: еще въ 1575 году въ письмѣ къ своему брату онъ заявлялъ, что не имѣетъ основаній жаловаться на судьбу. Въ моментъ его прибытія въ Москву тамъ находились датскіе послы. Они удостовѣрили, что бывшій гроссмейстеръ встрѣтилъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. На возвратномъ пути они сообщили объ этомъ ревельскимъ магистратамъ, прибавивъ при этомъ, что остальные плѣнники были казнены. Надо признать, что эти казни были вполнѣ послѣдовательны съ точки зрѣнія Ивана. Успѣхи его оружія въ Ливоніи воскрешали старыя воспоминанія, вызываемыя чувствомъ національной гордости. Совершенно естественно, что царь пришелъ къ тому, что началъ смотрѣть на эту землю, какъ на свою законную собственность, а на ея обитателей—какъ на подданныхъ, возмутившихся противъ своего законнаго государя. Развѣ онъ не отвѣтилъ датскому королю, предъявлявшему свои права на Эстонію, что еще 500 лѣтъ тому назадъ Ярославъ пріобрѣлъ болѣе серьезныя права, построивъ Юрьевъ и покрывъ всю страну православными храмами? Для возстановленія событій этой войны источники ливонскіе или нѣмецкіе не внушаютъ къ себѣ довѣрія, русскіе же, къ сожалѣнію, недостаточны. Даже въ народной поэзіи

эти событія не нашли отзвука. Взятіе Казани, покореніе Сибири—все это сильно дѣйствовало на воображеніе русскаго народа, прежде, какъ и теперь, одновременно и склоннаго къ мистицизму, и весьма реалистически настроеннаго: онъ ясно видѣлъ тѣ религіозные и экономическіе интересы, которые были связаны съ этими событіями. Въ ливонской рѣзнѣ, чуждой обаянія военныхъ подвиговъ, народъ ничего не понималъ. Эти убійства были черезчуръ далеки отъ его ума и сердца.

Однако, они были совершенно ясны для Ивана.

Дѣло покоренія Ливоніи было уже на три четверти закончено. Будучи въ состояніи поддерживать лишь защиту нѣкоторыхъ крѣпостей, унижаемые въ Эстоніи, Кеттлеръ и его сотрудники поочередно обращались за помощью къ императору, Даніи, Швеціи и Польшѣ. Однако, возможность вмѣшательства оставалась весьма проблематичной.

IV.

Вмѣшательство Европы.

Впечатлѣніе, произведенное этими событіями на всѣ страны Западной Европы, въ дѣйствительности, было очень велико. Внимательно слѣдя всюду интриги Испаніи, протестантскіе публицисты съ самаго начала войны были освѣдомлены относительно участія въ событіяхъ Филиппа II. Какъ католическій государь и какъ король Англіи, онъ вдвойнѣ былъ заинтересованъ въ извлеченіи выгоды изъ этой распри,—во-первыхъ, чтобы нанести ударъ протестантизму въ Ливоніи, во-вторыхъ,—чтобы получить спорный пунктъ на берегахъ Балтійскаго моря. Безъ сомнѣнія, и папа былъ замѣшанъ въ значительной степени въ этой игрѣ. Пришлось дѣйствовать и императору. Однако, императоромъ въ это время былъ Фердинандъ I, государь, склонный къ бюрократизму и обнаруживавшій въ политикѣ пассивность. Онъ заставилъ присылать себѣ донесенія, завязалъ корреспонденцію съ Иваномъ, обмѣнивался взглядами съ королями Польши, Швеціи и Даніи,—и все-таки не двигался съ мѣста.

Съ другой стороны, Иванъ умѣлъ обходиться съ этимъ высокимъ авторитетомъ. Отношенія Москвы съ домомъ Габсбурговъ завязались въ концѣ XVI столѣтія. Со стороны Москвы они поддерживались исключительно при помощи постоянныхъ уступокъ,—тамъ, гдѣ другіе сосѣди неизмѣнно встрѣчали самую щепетильную требовательность. На этотъ разъ, еще увеличивъ свое самоуничиженіе, Иванъ даже рѣшился приписать несчастія Ливоніи отступничеству ея отъ католицизма!

Приморскіе города и князья Германіи казались надежнѣйшей опорой Ливоніи. И тѣ и другіе заявляли о своемъ желаніи притти на помощь своимъ братьямъ — ливонцамъ, находящимся въ крайности. На Аугсбургскомъ рейхстагѣ въ 1559 году это доброе расположеніе привело лишь къ тому, что Ливонія получила субсидію въ размѣрѣ 100.000 флориновъ. Депутатское собраніе въ Спирѣ обнаружило еще больше безпокойства. Оно объявило всю Германію угрожаемой, а Мекленбургъ—въ непосредственной опасности. Однако, результаты и здѣсь были еще невелики: была рѣшена новая субсидія въ 400.000 флориновъ, на торговлю съ Москвой наложено запрещеніе, и проектирована отправка въ Москву чрезвычайнаго посольства. Въ то же самое время запрещеніе ливонцамъ поддерживать отношенія съ Польшей и другими сосѣдними державами выдавало истинныя заботы собранія. Ни одно изъ постановленныхъ рѣшеній не было осуществлено. По выраженію Дройзена, Германія того времени умѣла лишь querulіren, protestiren, duplіciren и triplіciren. 26-го ноября 1561 года Фердинандъ, наконецъ, обнаружилъ активность, опубликовавъ знаменитый манифестъ, запрещавшій навигацію по Наровѣ. Этимъ была сдѣлана попытка запретить ввозъ въ Московское государство западно-европейскихъ товаровъ, въ особенности же, военныхъ матеріаловъ. Однако, Англія уже нашла другіе пути и пользовалась ими, хотя это и отрицалось устами лукавой Елизаветы, въ 1558 году занявшей престолъ послѣ Маріи Тюдоръ. Да и Ганза, вопреки болѣе или менѣе искреннимъ симпатіямъ къ ливонцамъ, обнаружила склонность конкуррировать въ этомъ отношеніи съ англійской торговлей, а также использовать въ своихъ интересахъ постигшую Ливонію катастрофу, которая избавляла ее отъ опасныхъ соперниковъ въ лицѣ Риги, Ревеля и Дерпта. Несчастная Ливонія была покинута всѣми. Отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, она принуждена была усиленно стучаться въ двери иностранцевъ, доступъ къ которымъ пытались закрыть ей ея естественные защитники, въ то же самое время предавая ее. Въ январѣ 1559 года посланникъ ордена появился передъ польскимъ сеймомъ въ Петроковѣ. Однако, онъ нашелъ сеймъ поглощеннымъ внутренними дѣлами страны, и тогда обратился къ королю. Въ то время королемъ былъ Сигизмундъ Августъ. Представитель истощенной расы, лѣнивый гуляка, слабый и не заботящійся о завтрашнемъ днѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, носилъ въ своихъ жилахъ кровь великихъ политиковъ Италіи. Извѣстна его мать, Бона Сфорца, которая съ культурой

и нравами своей страны принесла въ Краковъ духъ интригъ и жестокіе инстинкты своей семьи. Въ вопросахъ внѣшней политики сынъ Сфорца, обычно, обнаруживалъ глубокое пониманіе интересовъ, поставленныхъ на карту. Онъ выслушалъ посланника, и спустя 2 мѣсяца, вступивъ въ переговоры съ Кеттлеромъ, предложилъ свои условія. Польша будетъ защищать Ливонію, несмотря на рискъ войны съ Москвой, но за это она получитъ Кокенгаузенъ, Юкскюль, Динабургъ и Ригу—иначе говоря, ключи отъ горящаго дома. Рискъ, дѣйствительно, былъ великъ. Однако, воспитанникъ Боны Сфорца не могъ повторить безумную ошибку своего отца, Сигизмунда I, у котораго ускользнула изъ рукъ отдавшаяся ему Пруссія и который помогъ возстановить въ интересахъ Бранденбургскаго дома рушившееся государство. Пріобрѣтеніе естественной границы на сѣверѣ и побережья Балтійскагоморя стало для Польши вопросомъ жизни или смерти. Хотя теперь представлялся менѣе благопріятный случай, однако, онъ былъ еще достаточно заманчивъ.

Кеттлеръ нѣкоторое время колебался. Сначала онъ отправился въ Вѣну, пытаясь добиться лучшихъ условій, затѣмъ рѣшилъ появиться на Аугсбургскомъ сеймѣ, но возвратился въ Вильну. Въ это время король велъ переговоры со своими упрямыми сенаторами. Наконецъ, передъ логикой самихъ фактовъ пришлось склониться всѣмъ. Съ 31-го августа по 15 сентября было подписано 2 трактата. Обѣщавши помощь противъ Ивана и принявъ обязательство уважать религію, права и преимущества жителей, Польша получала около $^1/_6$ части Ливонской территоріи—именно пограничную полосу отъ Друи до Ашерадена. Что касается возможныхъ захватовъ у Москвы, то Польша обѣщала ихъ вернуть Ливоніи по уплатѣ ею вознагражденія въ размѣрѣ 700.000 флориновъ. Сигизмундъ совершенно основательно расчитывалъ, что эта сумма никогда не будетъ уплачена. Но какъ быть съ авторитетомъ императора? Король утверждалъ, что онъ его даже охраняетъ, этотъ авторитетъ. Что же касается перемирія, которое только-что было заключено съ царемъ, то Сигизмундъ вмѣшивался въ дѣло, какъ законный государь спорныхъ областей и не нарушалъ принятыхъ на себя обязательствъ. Съ другой стороны, король не торопился приводить въ исполненіе эту сложную и достаточно сомнительную программу. Эта бездѣятельность не могла быть объяснена только нерасположеніемъ польской шляхты сдѣлать то усиліе, котораго отъ нея ждали. Игра была большая, и нужно было приготовиться къ ней основательно, сочетавъ всѣ благопріятные шансы.

Хотя Ливонія и просила помощи, но она еще не отдавалась этимъ самымъ въ чужія руки. Храбрая, но недисциплинированная польская армія могла оказаться ниже возложенныхъ на нее задачъ. Получить Ригу было хорошо, но что было дѣлать съ ней безъ морской силы, безъ военнаго либо торговаго флота? Дипломатъ по крови, Сигизмундъ мечталъ о лигѣ, объединяющей подъ его руководствомъ скандинавскія государства и ганзейскіе города. Осторожный политикъ, онъ думалъ пріобрѣсти тѣ орудія, которыхъ у него не было: регулярныя войска, флотъ и гавани. Но—увы! онъ ошибся и въ разсчетахъ времени, и въ надеждахъ на своихъ предполагаемыхъ союзниковъ. Совершенно другое было въ намѣреніяхъ Ганзы; что же касается скандинавскихъ государствъ, то они сами мечтали получить то, чего добивалась Польша. Сейчасъ же послѣ взятія Дерпта, ревельская знать обратилась къ шведскому королю. Умирающій Густавъ Ваза помнилъ то униженіе, виновницей котораго была Ливонія. Нѣкогда бросивъ его, она тѣмъ самымъ принудила его къ миру 1557 года, договариваться о которомъ непосредственно съ королемъ Московскій царь отказался. Довольно и воеводъ новгородскихъ, чтобы вести переговоры съ «ничтожнымъ» королемъ Стокгольма! Этотъ обычай договариваться черезъ посредниковъ восходилъ еще ко времени новгородской вольности. На возраженія по поводу такого способа вести переговоры, Иванъ отвѣтилъ: что такое Стекольна (sic) и ея господинъ? Это городъ, подчинившійся купеческому сыну вмѣсто государя. Ужъ слишкомъ много для него чести! Поэтому ливонскіе послы должны были дождаться восшествія на престолъ сына Густава, горячаго и честолюбиваго Эрика XIV. Онъ принялъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Въ маѣ 1561 года, несмотря на нѣкоторую оппозицію со стороны Кеттлера, Ливонія заключила новый трактатъ, по которому Ревель, а также территоріи Харріена, Вирланда и Іервена подчинялись Швеціи. Правда, въ Ревелѣ былъ польскій гарнизонъ, но флотъ Эрика и нѣмецкіе наемники быстро его осилили: 4-го іюня гарнизонъ капитулировалъ. Это было началомъ вѣкового единоборства, которое впослѣдствіи разорило Рѣчь Посполитую и подготовило побѣду Москвы благодаря истощенію обоихъ противниковъ. Но вотъ, въ свою очередь, на сцену выступила Данія. Въ 1558 году, отправивъ посольство въ Москву заключить миръ и требовать возвращенія Эстоніи ея законному государю, король Христіанъ III началъ параллельные переговоры съ эзель-

скимъ епископомъ Іоганномъ Мюнхаузеномъ. Это было отвѣтомъ на просьбы несчастныхъ ливонцевъ, не пренебрегшихъ постучаться и въ эту дверь. Христіанъ вскорѣ умеръ, и новаго соглашенія было очень легко достигнуть съ его преемникомъ. Фридрихъ II имѣлъ двадцатилѣтняго брата, Магнуса, который долженъ былъ получить свою долю въ наслѣдствѣ именно Шлезвигъ-Гольштинію. По своему ли побужденію или по внушенію брата, эзельскаго епископа Христофора Мюнхаузена, человѣка очень предпріимчиваго, король рѣшилъ предложить своему младшему брату Ливонію въ качествѣ компенсаціи. Не имѣя на то никакихъ правъ, Іоганнъ Мюнхаузенъ распорядился епископствомъ за 30.000 гульденовъ. Вдовствующая королева Даніи, Доротея, дала взаймы эту сумму, и въ апрѣлѣ 1560 года Магнусъ высадился въ Аренсбургѣ. Епископскій довѣренный передалъ ему замокъ, гдѣ съ нимъ встрѣтились нѣкоторые ливонцы. Въ то же самое время Христофоръ Мюнхаузенъ самовольно назвалъ себя намѣстникомъ короля Даніи въ Эстоніи, Гарріи, на Эзелѣ и пр.

Предназначенный къ фантастической карьерѣ, Магнусъ, — этотъ законченный типъ князей — авантюристовъ того времени, принялъ титулъ короля Ливоніи.

Такимъ образомъ подготовлялась великая и запутанная борьба, въ которой и будущее оспариваемыхъ областей, и шансы соперниковъ болѣе 20 лѣтъ оставались неопредѣленными.

Сигизмундъ Августъ былъ принужденъ дѣйствовать скорѣе, чѣмъ диктовала ему его политическая мудрость. Въ августѣ 1560 года виленскій воевода Николай Радзивиллъ Черный во главѣ польской арміи появился въ Ригѣ. Безъ обиняковъ онъ объявилъ подчиненіе всей Ливоніи Польшѣ, а также прямую аннексію и секуляризацію областей по правому берегу Двины. Хотя Кеттлеръ и прослылъ за предателя между своими соотечественниками, но, вѣрнѣе, онъ былъ только плохимъ игрокомъ. Онъ искалъ союзника. Однако, вѣдь никто не заключаетъ союза съ трупомъ, какъ сказалъ одинъ писатель, оправдывая Сигизмунда-Августа. Съ другой стороны, несчастный преемникъ Фюрстенберга истощилъ всѣ средства сопротивленія и, насколько возможно, отсрочилъ конецъ. Только на исходѣ этого рокового года онъ долженъ былъ уступить, когда, благодаря Польшѣ, возникла необходимость бороться съ тремя противниками вмѣсто одного. Признавъ актомъ 21 ноября 1561 года, какъ глава тевтонскаго ордена, соединеніе Ливоніи и Литвы и принявъ, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ

титуломъ герцога, въ обладаніе Курляндію и нѣкоторыя сосѣднія области, Кеттлеръ 5-го марта 1562 года передалъ Радзивиллу свой крестъ, мантію и ключи отъ Рижскаго замка.

Въ этотъ моментъ балтійскія провинціи представляли исключительное зрѣлище, даже въ ту эпоху постояннаго территоріальнаго соперничества. Миланъ и Фландрія были превзойдены. Блѣдная копія перваго герцога Пруссіи, новый герцогъ курляндскій и семигальскій начиналъ управлять областью къ югу отъ Двины. Польскій король утверждалъ свое господство надъ сѣверной частью прежнихъ владѣній ордена и объявлялъ свое верховенство надъ всей Ливоніей. Подчиненная той же власти, но въ теоріи оставаясь свободнымъ имперскимъ городомъ, Рига сохраняла лишь видимость независимаго города. Шведы удерживали за собою Ревель и Харріенъ. Эзель, Викъ и Пильтенъ признавали Магнуса. Наконецъ, основавшись въ дерптскомъ епископствѣ, въ Вирландѣ и на латышской границѣ, русскіе были склонны оспаривать обладаніе всей страной у остальныхъ захватчиковъ.

«Теперешняя Ливонія—что дѣвица, вкругъ которой всѣ танцуютъ», писалъ одинъ свидѣтель того времени. Одно явленіе, характерное для цѣлой эпохи, отходило въ это время въ область исторіи. Наступалъ конецъ крестовыхъ походовъ и рыцарскихъ орденовъ. Въ этотъ моментъ, когда исторія готовилась принять этотъ періодъ въ свое лоно, Европа того времени соединилась съ Московскимъ царствомъ, чтобы, ликвидируя прошлое, положить основанія новаго политическаго порядка. Но этотъ порядокъ еще долженъ былъ выйти изъ хаотической и гигантской борьбы, перипетіи которой я долженъ теперь вкратцѣ намѣтить *)

---

*) Нѣмцы къ трактуемому вопросу обнаружили особый интересъ. Литература вопроса настолько значительна, что не представляется возможнымъ дать здѣсь ея полный перечень. *Винкельманнъ* въ 1878-мъ году опубликовалъ въ Берлинѣ библіографію вопроса, которая содержитъ болѣе 10.000 нумеровъ. Основной источникъ — ливонскія лѣтописи: Hiaern, Monumenta Livoniae antiquae, Riga, 1844, I т.; Nyenstaedt ibid.; Russow, Scriptores rerum livonicarum, Riga et Lepzig, 1853, I т.; Henning, ibid.; Bredenbach, Olmen, у Старчевскаго, I т.; Benner, Livländische Historien, Göttingen, 1876. Лѣтопись Rüssów'а подверглась всяческимъ измѣненіямъ въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ. Для изданія хроники Hiaern'а издатели видимо использовали рижскую рукопись, страдающую боль-

шими недочетами, нежели рукопись дерптская. Изданіе вышеупомянутой лѣтописи Franz'a Nyenstaedt'a оставляетъ точно также желать многаго, и авторъ ея представляется сомнительнымъ свидѣтелемъ. Съ другой стороны, въ теченіе послѣдняго столѣтія оригиналъ этой лѣтописи затерялся. Рукопись, найденная въ Ревелѣ, опубликованная въ 1-мъ томѣ—Beiträge zur Kunde Est., Liv. und Curlands, Ревель, 1868—71 гг. — слыветъ за наиболѣе точную. Ганзейское изданіе хроники Heinrich'a von Lettland заслуживаетъ рекомендаціи, благодаря хронологическимъ исправленіямъ и тщательно составленному указателю; но, помимо нѣкоторыхъ измѣненій, она содержитъ текстъ, прошедшій черезъ многія руки, отъ Gruber'a до Arndt'a, и переполненный вставками. Точно такъ же неточный текстъ риѳмованной лѣтописи Ливоніи подвергся многимъ измѣненіямъ. Между собраніями документовъ наиболѣе предпочтительны: *Schirren*, Quellen zur Geschichte des Untergangs Livl. Selbständigkeit (Archiw für die Geschichte Liv. Est. und Curl. Neue Folge, 1861); тотъ же авторъ: Neue Quellen, Reval, 1883—84; *Bienemann*, Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands, Riga, 1865—79. — Изъ работъ: *Jannau*, Geschichte Liv. und Esthlands (Hüpel's,Neue nordische *Miscellaneen*, Riga 1871—98): этотъ писатель очень тенденціозенъ въ проведеніи русской точки зрѣнія; *Richter*, Geschichte der Ostsee Provinzen, Leipzig, 1857—58; *Rutenberg*, Geschichte der Ostsee Provinzen, Leipzig, 1859 (тѣ же тенденціи); *Fahne*, Livland, 1875; *Schiemann*, Charakterköpfe und Sittenbilder aus d. baltische Geschichte, 1877; *Bienemann*, Aus baltischer Vorzeit, 1870. — Для исторіи нѣмецкихъ орденовъ: *Buttner*, *Die* Vereinigung d. Liv. Schwertbruder Ordens mit d. deutschen Orden, 1865; *Lamprecht*, Deutsche Geschichte, 1891, II т.; *Bunge*, Der Orden der Swertbruder, 1875. — Для исторіи ливонской войны основнымъ сочиненіемъ является: *Форстенъ*, Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ, Петербургъ, 1884; ср. его же Балтійскій вопросъ, Петербургъ, 1893, т. I; для справокъ: *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія Россіи, 1885, т. II; *Бинеманъ*, Положеніе Риги при распаденіи Ливонскаго орденскаго государства, Русское Обозрѣніе 1877; *Костомаровъ*, Ливонская война (Монографіи, т. III); *Reimann*, Das Verhalten des Reiches gegen Livland, 1859—1561. Historische Zeitschrift, 1870; *Hansen*, Geschicte der Stadt Narva, 1858. — Въ очеркѣ о Касимовскихъ царяхъ, Пет., 1876, *Вельяминовъ-Зерновъ* подвергъ критикѣ русскіе и нѣмецкіе источники, относящіеся къ первой Ливонской войнѣ. Для часто искажаемой хронологіи событій этой войны см. Est und livlandische Brieflade, Chronologie der Ordenmeister, изд. Schwartz, по бумагамъ барона Толля, Рига, 1879; а также: *Lisch*, Jahrbücher für Mecklemburgische Geschichte 1857, n. 21, p. 84.

ГЛАВА V.

Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ.

I. Швеція и Польша.—II. Коалиціи.—III. Разстройство союзовъ. Магнусъ. — IV. Кандидатура Ивана на польскій престолъ. — V. Избраніе Баторія.

I.

Швеція и Польша.

Разрѣшенъ ли окончательно въ настоящее время вопросъ объ обладаніи балтійскими провинціями? Было бы черезчуръ смѣло утверждать это. Вполнѣ возможно, что вопросъ этотъ вновь станетъ, если не причиной, то, по крайней мѣрѣ, объектомъ новой борьбы, которая направитъ другъ на друга силы еще болѣе грозныя, нежели тѣ, столкновеніе и бѣшеную схватку которыхъ видѣлъ XVI, вѣкъ.

Элементы вопроса, конечно, измѣнились; однако, это измѣненіе не такъ велико, чтобы дѣйствительность—живая либо могущая возродиться, не узнала себя въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя я попытаюсь вызвать. Тутъ-то и есть главный интересъ этой страницы исторіи. Физіономія Ивана рельефно вырисуется въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, на которые я попытаюсь бросить свѣтъ: въ этомъ ихъ единственная привлекательность. Для большей ясности я заранѣе намѣчу фазы, различаемыя въ послѣдовательности событій, сложность и исключительная запутанность которыхъ требуетъ руководящей нити. Заранѣе я призываю къ терпѣнію моихъ читателей. Думая о будущемъ, быть можетъ, близкомъ, они съ удовольствіемъ вернутся къ поучительному прошлому или, по крайней мѣрѣ, оцѣнятъ пользу этого возврата.

Первая фаза борьбы заканчивается 1564 годомъ: колеблясь между союзомъ съ Польшей и договоромъ со Швеціей, Иванъ ведетъ осторож-

ную политику съ Даніей и побѣдоносно разитъ Польшу. Вторая фаза соотвѣтствуетъ времени съ 1584 по 1568 годъ. Сигизмундъ-Августъ заключаетъ союзъ съ Фридрихомъ II; это вызываетъ сближеніе Москвы со Швеціей и сухопутную войну между шведами и датчанами. Въ Ливоніи Ивану удается занять преимущественное положеніе; но подобно тому, какъ въ Польщѣ всѣ силы правительствъ было поглощены и парализованы внутренними смутами, такъ и борьба съ боярами и старымъ порядкомъ отвлекаетъ Ивана отъ ливонской войны. Это эпоха опричнины. Слѣдуетъ третья фаза. Въ 1568 году Эрикъ XIV низложенъ съ трона, на который вступаетъ Іоаннъ III, шуринъ Сигизмунда-Августа. Между Швеціей и Даніей заключается перемиріе при дѣятельномъ посредничествѣ Польши. Передъ угрозой новой коалиціи, Иванъ старается привлечь Магнуса на свою сторону. Наступаетъ четвертый періодъ войны. Смерть Сигизмунда-Августа въ 1572 году на время выводитъ Польшу изъ строя. Иванъ заявляетъ свои притязанія на наслѣдіе Ягеллоновъ. Наконецъ, открывается пятый періодъ войны. Избраніе Баторія содѣйствуетъ новому, побѣдоносному выступленію Польши на сцену и рѣшаетъ исходъ борьбы почти исключительно въ ея интересахъ.

Несмотря на то, что борьба велась изъ-за нѣмецкихъ земель или, по крайней мѣрѣ, изъ-за областей, подвергшихся германизаціи, сама Германія, какъ видимъ мы, не принимаетъ въ войнѣ никакого участія. Ей выпали роль и положеніе нейтральной страны, хотя отъ времени до времени она и дѣлала безсильныя попытки вмѣшаться. Германія оставалась внѣ борьбы, ожидая своего часа; конечно, она ничуть не отказывалась отъ своихъ правъ и ничѣмъ не поступалась ни въ своемъ честолюбіи, ни въ своихъ надеждахъ. Въ 1514 году Москвѣ удалось отнять у Польши Смоленскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сказано, въ теченіе полувѣка отношенія между обоими государствами сохраняли колеблющійся характеръ—ни мира, ни войны. Враги то воевали, то мирились; иногда и то и другое происходило одновременно. Формально споръ шелъ, какъ будто, объ одномъ Смоленскѣ и прилегающей области; но, въ сущности, дѣло касалось гораздо болѣе крупныхъ вопросовъ. Переговоры между сторонами постоянно возобновлялись. Конечно, они оставляли за собою документальный слѣдъ. Какъ только опять начинались эти сношенія, Польша требовала уже не только Смоленска, но и Новгорода со Псковомъ, какъ старыхъ владѣній Литовскаго княжества. Съ своей стороны, Москва не ограничивалась

этими городами, но еще заявляла притязанія на всѣ русскія земли, подпавшія польскому владычеству. На этомъ переговоры обрывались. Польскіе или русскіе послы объявляли, что мирныя сношенія прекращаются, что правительство отзываетъ ихъ обратно; иногда они уѣзжали совсѣмъ внезапно, но всякій разъ охотно уступали просьбамъ вернуться и, за невозможностью окончательнаго разрѣшенія спора, соглашались на какую-нибудь временную уступку. Вопросъ о наслѣдственныхъ владѣніяхъ оставался открытымъ. Но тогда возникалъ новый споръ. Польша не хотѣла признать царскій титулъ за Московскимъ государемъ, а Иванъ упрямо отказывался величать Сигизмунда-Августа королемъ. Наконецъ, дабы выйти изъ затрудненія, составляли двойную редакцію договора: одну на польскомъ, а другую на русскомъ языкѣ. Тогда послы подписывали перемиріе.

Мы видимъ, какъ трудны были польско-русскія отношенія. Ливонскій вопросъ не только не упростилъ ихъ, но еще внесъ въ эту область новое осложненіе. Впрочемъ, въ 1560 году, какъ разъ тогда, когда по договору съ магистромъ Кеттлеромъ Польша самымъ рѣшительнымъ образомъ собиралась вмѣшаться въ русско-ливонскую войну, Иванъ уже снаряжалъ въ Варшаву чрезвычайнаго посла, который долженъ былъ сдѣлать королю весьма миролюбивыя предложенія. Но тутъ произошло неожиданное событіе, значеніе котораго многими преувеличивалось; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что оно повліяло на настроеніе государя, на его характеръ и даже, въ нѣкоторой степени, на самую его политику. Царь лишился своей супруги, царицы Анастасіи. Мы уже видѣли, что молва создала изъ нея какого-то ангела-хранителя при Грозномъ; къ своему сожалѣнію, я вынужденъ былъ отнестись къ этой легендѣ нѣсколько скептически. Конечно, Иванъ горячо любилъ мать своихъ дѣтей; вполнѣ вѣроятно, что тихія семейныя радости, которыми наслаждался онъ только съ ней одной, и сдерживали нѣсколько его жестокіе и грубые порывы. Быть можетъ, горе, причиненное утратой любимой подруги, произвело на характеръ Ивана совершенно обратное дѣйствіе. Ничего болѣе точнаго сказать объ этихъ отношеніяхъ нельзя. Но, во всякомъ случаѣ, ни любовь, ни печаль Ивана не могли быть особенно глубокими: мы знаемъ, что первой заботой царя, тотчасъ послѣ смерти Анастасіи, было найти себѣ новую супругу.

У Сигизмунда-Августа было двѣ незамужнихъ сестры. Поэтому главной цѣлью посольства, снаряженнаго Иваномъ въ Польшу въ

лицѣ окольничьяго Ѳедора Ивановича Сукина, было добиться руки одной изъ нихъ для Московскаго государя. Это предложеніе было принято королемъ довольно нелюбезно; послѣ долгихъ переговоровъ, онъ съ трудомъ согласился позволить послу тайкомъ посмотрѣть обѣихъ сестеръ въ костелѣ. Случайно или намѣренно,—младшая, Екатерина, обернулась лицомъ къ Сукину; это явилось прологомъ одной изъ самыхъ мрачныхъ трагедій того времени,—вообще, богатаго всякими драматическими эпизодами. Сукинъ постарался расписать царю прелести королевны въ самыхъ яркихъ краскахъ; но, и помимо того, въ глазахъ самого Ивана эта невѣста имѣла особую привлекательность. Братъ ея, король Сигизмундъ-Августъ, не имѣлъ по себѣ прямого наслѣдника: такимъ образомъ, Екатерина являлась представительницей дома, на наслѣдственныхъ правахъ владѣвшаго Литвою. Съ рукою ея царь всея Руси получалъ новое и неоспоримое право заявить свои притязанія на вотчину свою—литовскія земли. Своенравный и страстный характеръ Ивана заставлялъ его все болѣе и болѣе увлекаться этимъ замысломъ. Въ ближайшіе годы, какъ мы увидимъ, эта идея явится руководящимъ началомъ всей внѣшней политики Грознаго.

Вполнѣ вѣроятно, что единственной цѣлью Сигизмунда-Августа въ этомъ сватовствѣ было затянуть дѣло подъ приличнымъ предлогомъ. Конечно, затрудненія создавались уже различіемъ вѣры между царемъ и его невѣстой. Но, помимо того, именно вопросъ о наслѣдственныхъ правахъ на литовскія земли и казался Польшѣ самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ браку Екатерины съ Иваномъ. Этотъ союзъ угрожалъ цѣлости Польскаго государства; онъ могъ погубить все дѣло объединенія Польши и Литвы, завершить которое стремился послѣдній изъ Ягеллоновъ. Наконецъ, Екатерина уже была почти помолвлена за брата Шведскаго короля—Іоанна, герцога Финляндскаго. Въ 1562 году это сватовство заключилось бракомъ. И, тотчасъ же, между Польшей и Московскимъ государствомъ возобновились враждебныя дѣйствія.

Опять началось то, что было раньше: среди войны шли мирные переговоры, мирные переговоры прерывались новыми вооруженными столкновеніями. Иванъ писалъ Сигизмунду-Августу оскорбительныя посланія; въ отместку за нихъ, польскій король подстрекалъ крымскаго хана къ набѣгу на русскія земли. Въ февралѣ 1563 года самъ царь сталъ во главѣ многочисленнаго войска, въ которомъ везли гробъ,

приготовленный, по словамъ царя, либо для польскаго короля, либо для него самого. Этотъ походъ увѣнчался крупной побѣдой: вслѣдъ за Смоленскомъ въ рукахъ русскихъ оказался и Полоцкъ. То былъ центръ крупнѣйшаго польско-литовскаго воеводства; одновременно съ тѣмъ онъ являлся важнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній съ Ригою. Превосходство русской артиллеріи сказалось и здѣсь; до самаго выступленія Баторія она, обыкновенно, рѣшала дѣло при осадѣ городовъ. Настойчивѣе, чѣмъ прежде, Иванъ заговорилъ о возвращеніи ему Кіева; онъ издѣвался безпощадно, какъ всегда, надъ своимъ несчастнымъ противникомъ, который въ поискахъ поддержки своимъ притязаніямъ на Ливонію, взывалъ къ Шведскому королю, величая его братомъ: «Это ли брата нашего правда, что ссылается съ Шведскимъ на насъ?—спрашивалъ Иванъ,—а что онъ не бережетъ своей чести, пишется Шведскому братомъ ровнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назывался братомъ—въ томъ его воля...» Но уже въ слѣдующемъ году полякамъ удалось отплатить за свое пораженіе: это произошло близъ Орши, на берегу Улы, на томъ полѣ битвы, которое уже два раза—въ 1508 и 1514 году—оказывалось роковымъ для русскаго войска. Здѣсь кн. Николай Радзивиллъ Рыжій наголову разбилъ кн. Петра Ивановича Шуйскаго.

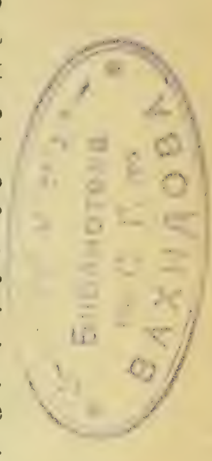
Царь тотчасъ забылъ о своемъ недавнемъ презрѣніи къ «Шведскому», и самъ сталъ искать сближенія съ Эрикомъ XIV. Еще при вступленіи своемъ на престолъ, этотъ король поспѣшилъ отправить въ Москву чрезвычайное посольство. Правда, отъ русскаго правительства онъ видѣлъ потомъ самое оскорбительное отношеніе. Но, не взирая на это, не слушая признаннаго своего совѣтника Филиппа де Морнэ, указывавшаго на преимущество союза съ Польшой, онъ упорно слѣдовалъ своей первоначальной политикѣ. Одновременно съ этимъ онъ старался расширить свои владѣнія въ Ливоніи. Въ 1563 году при содѣйствіи помощника рижскаго епископа, Кристофа, добивавшагося руки сестры короля, принцессы Елисаветы, Эрикъ XIV сдѣлалъ въ Ливоніи крупное пріобрѣтеніе. Онъ получилъ городъ Вольмаръ, Венденъ, Кексгольмъ, Пернау и Падисъ. Теперь, послѣ пораженія на Улѣ, царь дѣлалъ ему неожиданныя предложенія. Эрикъ рѣшилъ, что дѣло его выиграно. Сначала былъ возбужденъ вопросъ о дѣлежѣ ливонскихъ земель поровну между обоими; но потомъ «Шведскому» пришлось уступить. Сперва Иванъ требовалъ себѣ львиную часть, предоставляя Эрику лишь Ревель, Пернау и Виттен-

штейнъ. Потомъ, совершенно неожиданно, онъ опять заговорилъ о польской королевнѣ Екатеринѣ. Теперь она была уже герцогиней Финляндской; но Иванъ когда-то надѣялся обладать ею, и не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній. Ему нужна была почти вся Ливонія, а, въ придачу къ ней, злополучная Екатерина. Она была замужемъ: Ивану не было до этого дѣла. Какой-то герцогъ Финляндскій— стоило ли говорить объ немъ! Самъ царь былъ женатъ. Но и это ничего не значило: супруга была подданная его, раба. Впослѣдствіи Иванъ старался оправдать свое покушеніе на свободу желанной женщины и на святость ея брачныхъ узъ и собственнаго семейнаго очага. По его словамъ, онъ думалъ, что герцогъ Іоаннъ уже умеръ... Онъ увѣрялъ, что у него и на умѣ не было жениться на Екатеринѣ или сдѣлать ее своей наложницей. Онъ просто хотѣлъ въ ея лицѣ имѣть политическій залогъ...

Словомъ, царь давалъ самыя неправдоподобныя объясненія своему образу дѣйствій. Но, во всякомъ случаѣ, налицо остается возмутительный фактъ: Иванъ, безъ всякаго стыда, упорно заявлялъ требованія о выдачѣ ему этой новой Елены, изъ-за которой собирались воевать между собою народы. Конечно, его намѣренія были далеко нечистыми. Побужденія его были очень ясны. Разумѣется, бѣшеный деспотъ добивался женщины; но еще больше предметомъ его властныхъ желаній была вся та же вотчина его—Литва.

На первыхъ порахъ король Эрикъ XIV проявилъ почти геройское мужество. Онъ не хотѣлъ ни выдать своей невѣстки, ни отказаться отъ Ливоніи. Онъ уже заговаривалъ о союзѣ съ Польшей, съ императоромъ, со всѣми нѣмецкими князьями въ цѣляхъ совмѣстной расправы съ московскимъ варваромъ. Но скоро его мстительныя надежды столкнулись съ самой угрожающей дѣйствительностью. Уже съ 1561 года между Польшей и Даніей начались переговоры. Теперь они только-что пришли къ концу. 5-го октября 1563 года обѣ стороны подписали въ Штетинѣ условія оборонительнаго и наступательнаго союза. Затѣмъ послѣдовало соглашеніе съ Любекомъ, послѣ чего къ коалиціи долженъ былъ присоединиться весь Ганзейскій союзъ. Со своей стороны, Иванъ IV также началъ переговоры съ Даніей. 7-го августа 1562 года въ Можайскѣ имъ былъ подписанъ договоръ, въ силу котораго оба государства обязывались совмѣстно дѣйствовать противъ Польши и Швеціи. При этомъ Иванъ призналъ права Даніи на Эстонію, Эзель и Пильтенъ. Такимъ образомъ Швеція ока-

залась изолированной. Ей пришлось капитулировать. Быть можетъ, она обнаружила излишнюю уступчивость и готовность итти на жертвы. Послы Эрика отправились въ Дерптъ и выразили согласіе сноситься съ московскимъ правительствомъ не иначе, какъ черезъ посредство намѣстника Новгорода и русской Ливоніи—Михаила Яковлевича Морозова. Далѣе, они пошли почти на всѣ условія, которыя ставилъ Иванъ еще раньше. Они отказались въ его пользу отъ Ливоніи, за исключеніемъ Ревеля, Пернау, Виттенштейна и Каркгуза. Въ довершеніе всего, по тайному договору, они обязывались, повидимому, выдать царю Екатерину. Впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ, Иванъ неотступно требовалъ выполненія этого условія. Надобно признаться, однако, что у насъ нѣтъ достаточно опредѣленныхъ и надежныхъ свидѣтельствъ, которыя подверждали бы наличность подобнаго договора. Правда, Эрикъ всегда былъ противникомъ того брачнаго союза, который дѣлалъ его брата естественнымъ сторонникомъ Польши. Съ другой стороны, какъ разъ, когда совершалось бракосочетаніе герцога Іоанна и Екатерины, въ Польшѣ находились Датскіе послы. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что дипломотическія комбинаціи, поставившія теперь Швецію въ столь затруднительное положеніе, намѣчались, быть можетъ, еще тогда. Повидимому, тогда же былъ возбужденъ вопросъ и о независимости Финляндіи. Во всякомъ случаѣ, не дожидаясь подтвержденія своихъ подозрѣній, Эрикъ поспѣшилъ воспрепятствовать своему непокорному брату выполнить его тайные планы. Послѣ непродолжительной борьбы, Іоаннъ былъ захваченъ въ плѣнъ и заключенъ въ замокъ Грипсгольмъ. Екатерина рѣшилась раздѣлить участь своего мужа. Теперь король могъ поступить съ ней такъ, какъ было угодно его грозному союзнику.

Таковы ли были истинныя намѣренія Эрика, или же его послы сами превысили свои полномочія? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать рѣшительный отвѣтъ. Достовѣрно одно: Дерптскій трактатъ не удостоился утвержденія въ Стокгольмѣ. Начались новые переговоры: на этотъ разъ они закончились лишь временнымъ перемиріемъ. Во всякомъ случаѣ, Эрикъ оказался лицомъ къ лицу съ двумя врагами—Польшей и Даніей; это заставило его, волей-неволей, сдѣлаться союзникомъ Ивана. Подобный союзъ ставилъ его на скользкій путь, который рано или поздно долженъ былъ привести его къ гибели. Такъ или иначе, создались двѣ коалиціи. Что касается Магнуса, владѣнія котораго ограничивались теперь Эзелемъ, Даго и нѣсколь-

кими крѣпостями, то онъ держался пока въ сторонѣ отъ борьбы. Онъ ждалъ лишь удобнаго случая, чтобы занять въ ней наиболѣе выгодное положеніе.

II.

Каолиціи.

Сигизмундъ-Августъ пытался привлечь на свою сторону даже Соединенныя Провинціи (Нидерланды). Однако, ему удалось только вызвать ихъ неудовольствіе своими мѣрами, направленными къ подрыву нарвской торговли. Въ Ливоніи обѣ стороны дѣйствовали съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1565 году взяли Пернау; зато шведы опустошили Эзель. Впрочемъ, вскорѣ на Швецію обрушилось сразу два удара. Въ январѣ Фридрихъ II заперъ Зундъ, чтобы изолировать шведовъ отъ Европы. Въ ноябрѣ же, по настоянію Фридриха Саксонскаго, императоръ Максимиліанъ, игравшій роль настоящаго Агамемнона въ этой войнѣ народовъ, издалъ особый манифестъ. Въ немъ императоръ предавалъ осужденію шведовъ, какъ нарушителей мира и союзниковъ варварской державы. Успѣхи Эрика въ Ливоніи были парализованы этимъ манифестомъ; партія его брата вновь подняла голову. Однако на Максимиліана постарались подѣйствовать въ обратномъ направленіи представители нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ въ Германіи, имѣвшихъ связи съ Москвою. Эти агенты дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы мнѣніе императора о Москвѣ измѣнилось. Особенно усердствовалъ одинъ изъ нихъ—именно, уполномоченный по торговымъ дѣламъ герцога Баварскаго въ Любекѣ—Вейтъ Ценге. Развѣ Иванъ IV не гордится своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ? Въ самомъ дѣлѣ, то была одна изъ причудъ Грознаго. Вейтъ Ценге увѣрялъ даже, что въ жилахъ царя течетъ баварская кровь. Онъ утверждалъ, что Московскій государь горячо желаетъ завязать отношенія съ императоромъ и мечтаетъ получить отъ него какой-нибудь знакъ отличія. За эту честь онъ будто бы готовъ отдать въ его распоряженіе 30.000 лучшей своей конницы, для дѣйствій противъ турокъ, а также уплатить ему большую денежную сумму. Мало того: онъ откажется отъ Ливоніи и подчинитъ свою Церковь власти римскаго папы. По словамъ Ценге, этому сближенію, столь желанному для всего христіанскаго міра, лучше всего можно содѣйствовать брачными союзами. У Ивана дочь

и сынъ на возрастѣ, а въ теремахъ московскихъ скрываются такія сокровища красоты, о которыхъ и не грезилось нѣмецкимъ государямъ. На нѣсколькихъ съѣздахъ германскихъ князей выдумки Ценге подверглись обсужденію. Любопытно, что онѣ повліяли на настроеніе имперіи и ея главы. Впрочемъ, тутъ и безъ того были склонны къ холодному и осторожному нейтралитету.

Въ 1566 году, тѣснимый шведами, Магнусъ попытался сблизиться съ Польшей. Его притязанія были весьма значительны. Онъ требовалъ руки второй сестры Сигизмунда-Августа—съ Ливоніей въ качествѣ приданаго. Послѣдній изъ Ягеллоновъ пренебрежительно отнесся къ этимъ предложеніямъ; въ 1567 году онъ вознамѣрился нанести врагу рѣшительный ударъ: для этого онъ самъ двинулся съ войскомъ въ Ливонію. Ближайшей цѣлью похода былъ Данцигъ. И раньше этотъ приморскій городъ былъ весьма слабо связанъ съ Польшей и неохотно мирился со своимъ зависимымъ положеніемъ; съ самаго начала войны онъ довольно ясно высказалъ свое тяготѣніе къ враждебной сторонѣ. Но агенты Данцига, жившіе въ Варшавѣ, поспѣшили успокоить своихъ земляковъ сообщеніемъ, что король страдаетъ подагрой въ правой рукѣ и лѣвой ногѣ; они увѣряли, что это ясно видно по самому вооруженію Сигизмунда-Августа. И, дѣйствительно, походъ короля завершился самой плачевной неудачей. Сигизмундъ-Августъ расчитывалъ, что подъ его знаменами соберется 200.000 поляковъ и 170.000 литовцевъ: однако, ему удалось найти всего какую-нибудь десятую часть этого состава. Впрочемъ, на счастье Сигизмунда, русскія войска потерпѣли пораженіе отъ отряда поляковъ въ Руннаферѣ. Послѣ этого Иванъ выразилъ готовность завязать мирные переговоры. Надо замѣтить, что руки его были связаны внутренней смутой: на Руси нарождалась опричнина. Не менѣе горячо желали мира и въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, что соединеніе съ Литвой ждало еще окончательнаго завершенія. На ряду съ этимъ, королевское правительство приступало къ пересмотру законодательства. Далѣе, отношенія Польши къ прусскимъ городамъ сохраняли самый натянутый характеръ; наконецъ, ко всѣмъ затрудненіямъ присоединялись внутренніе раздоры. Однако, Иванъ требовалъ себѣ Ревеля и Риги. Одновременно съ тѣмъ онъ началъ полемическую переписку съ литовскими вельможами, которая менѣе всего могла содѣйствовать мирному улаженію конфликта.

До той поры князь Курбскій доблестно сражался съ Ли-

воніей во главѣ царскихъ войскъ, съ которыми одерживалъ громкія побѣды. Но въ 1562 году непріятелю удалось нанести ему пораженіе при Невелѣ. Быть можетъ, эта неудача была подготовлена какими-то подозрительными сношеніями князя съ Польшей. Съ тѣхъ поръ бывшій любимецъ Ивана уже наполовину впалъ въ немилость. Разумѣется, это еще болѣе способно было возстановить его противъ деспотическихъ замашекъ Московскаго государя. Наконецъ, въ 1564 году раздражительный и крутой бояринъ открыто возсталъ противъ Ивана. Онъ сдѣлалъ это совершенно по-московски: онъ бѣжалъ за предѣлы Московскаго государства. Его бѣгство вызвало въ Польшѣ предположенія, что опричнина создастъ множество такихъ же недовольныхъ; вполнѣ понятно, что полякамъ представлялось весьма соблазнительнымъ завязать сношенія съ подобными лицами. Скоро Иванъ узналъ, что нѣкоторые изъ подданныхъ его получили письма, присланныя имъ великимъ гетманомъ литовскимъ, Григоріемъ Хоткевичемъ, нѣкоторыми другими литовскими вельможами и даже самимъ королемъ. Въ страхѣ и гнѣвѣ царь сперва созвалъ соборъ 1566 года, о которомъ я уже упоминалъ. Этотъ соборъ единодушно высказался противъ всякихъ уступокъ въ Ливоніи. Владѣльцы земель, расположенныхъ по литовской границѣ, заявили Ивану, что они готовы скорѣе умереть, чѣмъ отдать врагу хотя бы одну пядь своей земли. Утѣшенный и ободренный этимъ, царь принялся диктовать отвѣты на польскія письма. Быть можетъ, лучше всего было бы отнестись къ нимъ съ презрительнымъ молчаніемъ. Но Иванъ всегда страдалъ неизлечимымъ зудомъ писательства. Сигизмундъ-Августъ, въ письмѣ къ князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, предлагалъ ему богатыя земли въ Литвѣ. Теперь король долженъ былъ узнать, можно ли вести съ подданными Московскаго царя подобные переговоры. Въ своемъ отвѣтѣ Сигизмунду-Августу князь Бѣльскій называлъ его «братомъ». Онъ писалъ ему, что вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ; но самому королю совѣтовалъ принять наиболѣе благоразумное рѣшеніе. Такимъ рѣшеніемъ было бы уступить Литву Московскому царю и за то, пользуясь верховнымъ покровительствомъ Ивана, сохранить за собой Польшу и, подобно Бѣльскому, стать подданнымъ лучшаго изъ государей. Легко представить себѣ, что писалъ Иванъ въ другихъ отвѣтахъ. Во всякомъ случаѣ, они могли бы служить любопытнымъ образцомъ эрудиціи, которой такъ щеголялъ Иванъ, сводя счеты со своими врагами. Онъ величалъ ихъ то Сеннахерибами, то Навухо-

доносорами, и, вообще, обнаруживалъ пристрастіе къ образамъ восточной мудрости.

Счастье, повидимому, начинало вновь покровительствовать Ивану. Дѣйствительно, возобновляя свои попытки соглашенія, Эрикъ обнаруживалъ готовность пойти на всякія уступки. Онъ хотѣлъ только, чтобы Иванъ предоставилъ ему свести свои счеты съ Польшей. Если вѣрить Дальману (Dissertatio de occasione foederum regis Erici XIV cum Russia Upsala, 1783), который изслѣдовалъ подлинные дипломатическіе документы,—Эрикъ обѣщалъ даже выдать Ивану Екатерину. Уже въ 1556 году, король, будто бы, предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе своего совѣта. Члены его отказались одобрить выдачу финляндской герцогини. Тогда король предписалъ своему посланнику, Гилленстирна, до послѣдней возможности оказывать сопротивленіе царю въ этомъ требованіи; если же союзъ съ Москвою будетъ зависѣть отъ этого условія, король разрѣшалъ своему уполномоченному уступить. Показанія Дальмана, повидимому, заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ едва ли можно допустить, чтобы Гилленстирна превысилъ на этотъ разъ свои полномочія. Такъ или иначе, 16 февраля 1567 года, въ Александровской слободѣ, гдѣ опричнина уже начинала свои кровавыя оргіи, посолъ шведскій подписалъ союзный договоръ съ Москвою; всѣ статьи этого соглашенія были обусловлены выдачей Екатерины. Договоръ признавалъ всѣ наличныя владѣнія Швеціи и Москвы въ Ливоніи; на будущее время онъ предоставлялъ обѣимъ сторонамъ полную свободу въ дѣлѣ новыхъ пріобрѣтеній. Впрочемъ, Иванъ настоялъ, чтобы Рига, во всякомъ случаѣ, принадлежала только ему. За это Московскій государь обѣщалъ свое посредничество для примиренія Швеціи съ Даніей и Ганзейскимъ союзомъ; въ томъ же случаѣ, если эти попытки не увѣнчаются успѣхомъ, Иванъ долженъ былъ оказать Швеціи вооруженную поддержку. Такимъ образомъ Иванъ связывалъ свою судьбу съ будущностью Швеціи. Разумѣется, все это обусловливалось требованіемъ выдачи Екатерины. Въ случаѣ смерти герцогини, весь договоръ долженъ былъ потерять свою силу, такъ какъ самая важная его статья не могла быть выполнена Швеціей.

Нѣкоторые русскіе историки восхищаются договоромъ 16 февраля 1567 года. Едва ли такое отношеніе къ нему вполнѣ основательно. Правда, что Иванъ создавалъ себѣ довольно выгодное положеніе. Удерживая Ригу въ своихъ рукахъ, онъ, можно сказать, уничтожалъ

Ревель, принадлежащій шведамъ; тѣмъ же самымъ онъ устранялъ тотъ главный мотивъ, который могъ заставить Польшу оспаривать Ливонію у Швеціи и Москвы. Предполагаемая поддержка ганзейскихъ городовъ обѣщала русско-шведскому союзу значительное преимущество надъ польско-датской коалиціей. Все это такъ. Но Иванъ не довольствовался выгодами такого положенія. Онъ подчинялъ ихъ, быть можетъ, неосуществимому и, во всякомъ случаѣ, недостойному условію. Вмѣстѣ съ своей долей Ливоніи онъ хотѣлъ большаго. Онъ добивался не женщины, конечно, или, по крайней мѣрѣ, не одной женщины: онъ желалъ наслѣдницы Ягеллоновъ, т.-е., другими словами, части Польскаго королевства. Къ этому Иванъ стремился вопреки всякимъ доводамъ разума и совершенно не считаясь съ условіями дѣйствительности. Вѣдь дѣло касалось замужней женщины, которая, даже овдовѣвъ, едва ли согласилась бы стать супругою своего похитителя. Однако, Иванъ непоколебимо преслѣдовалъ свою цѣль. Это доказываетъ, между прочимъ, что жестокая смута, свирѣпствовавшая въ его государствѣ, не такъ уже тревожила его, какъ принято думать. Во всякомъ случаѣ, однако, его идея принимала въ головѣ его такіе размѣры и формы, которые свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ ослабленіи его умственныхъ способностей. Повидимому, въ этомъ сказывалось также вліяніе самыхъ темныхъ инстинктовъ его натуры, которые особенно рѣзко стали обнаруживаться въ немъ въ эту пору царствованія. У людей съ могучимъ темпераментомъ опьяненіе нерѣдко вызываетъ какъ бы частичное помѣшательство. А Иванъ былъ во власти опьянѣнія уже нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ захваченъ ожесточенной борьбою; онъ привыкъ постоянно злоупотреблять силою; онъ былъ распаленъ свирѣпыми казнями, которыя совершались по его приказанію, чуть не его руками. Словомъ, онъ былъ опьяненъ гнѣвомъ, гордостью и кровью. Но это нисколько не мѣшало ему, даже шатаясь, итти своею дорогой и, несмотря на припадки слабости или безумія, отлично сознавать свою роль, интересы и обязанности.

Случайность,—быть можетъ, счастливая,—помѣшала выполненію договора, заключеннаго въ Александровской слободѣ. Въ маѣ 1567 г. въ Упсалу прибыло московское посольство съ требованіемъ ратификаціи договора и выдачи Екатерины Ивану. Между прочимъ, царь уже надумалъ просить руки одной изъ сестръ Эрика для своего старшаго сына, которому было 18 лѣтъ. Невѣстѣ было 16, и молва пре-

возносила ея красоту. Но этого было мало царю: въ приданое за нею онъ требовалъ Ревеля. Но это было уже слишкомъ. Къ тому же московскимъ посламъ пришлось найти въ Швеціи тоже опричнину своего рода, которая своими насиліями и безумствами нисколько не уступала московскому оригиналу. Эрикъ отчаянно боролся со шведской аристократіей, которая не прощала ему его происхожденія и была возмущена его деспотизмомъ. Въ этой борьбѣ коронованный «купеческій сынъ», какъ называлъ его Иванъ, терялъ свой послѣдній разумъ. Между тѣмъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ разыгрывалась самая раздирающая драма. Бывшій герцогъ финляндскій уже нѣкоторое время ожидалъ неминуемой смерти. Судъ, состоявшійся въ 1563 году, вынесъ ему смертный приговоръ, и любимецъ короля Персонъ, самъ обреченный впослѣдствіи ужасному концу, настаивалъ на выполненіи казни. Уже съ 1562 года кровь лилась потоками въ Швеціи по приказанію Эрика; но, въ данномъ случаѣ, совѣсть мѣшала ему посягнуть на жизнь брата. Желая удовлетворить Ивана, онъ попробовалъ разлучить Екатерину съ ея супругомъ. Но наслѣдница Ягеллоновъ обнаружила безтрепетное мужество: она сумѣла устоять какъ противъ самыхъ ужасныхъ угрозъ, такъ и противъ наиболѣе соблазнительныхъ предложеній. Между прочимъ, она показала посланнымъ короля перстень, на которомъ вырѣзаны были слова: «ничто кромѣ смерти...» Эрикъ исчерпалъ всѣ доводы и средства убѣжденія. Онъ видѣлъ, что ему самому угрожаетъ все большая и большая опасность мятежа. Онъ думалъ уже искать убѣжища въ Московской державѣ. Наконецъ, какъ признаютъ и самые горячіе защитники несчастнаго короля (*Celsius* Histoire d'Eric, trad. franc. de 1777, II, 139), хотя Персонъ и отрицалъ это до самой своей казни, Эрикъ рѣшилъ, что этотъ злой геній даетъ ему наилучшій совѣтъ. Смерть Іоанна должна была устроить все. Московскіе послы уже готовились получить свою добычу, когда бѣдный разсудокъ Эрика, уже мутившійся на страшномъ пути преступленій, окончательно измѣнилъ королю. Эрикъ упалъ въ темную бездну. Все смѣшалось въ его головѣ. Онъ вообразилъ себя самого плѣнникомъ и, вернувъ свободу герцогу Финляндскому, умолялъ его о помилованіи. Этотъ болѣзненный кризисъ продолжался до конца слѣдующаго года, причемъ послы Ивана расчитывали извлечь изъ него нѣкоторыя выгоды и добиться своего.

Но совѣтъ короля упорно стоялъ на своемъ, отказываясь выдать Екатерину. Самъ Эрикъ, въ моментъ просвѣтленія, не только не согласился

выдать за царевича какую-нибудь изъ своихъ сестеръ, но счелъ совершенно достаточнымъ предложить ему руку нѣкоей Виргиніи Персдоттеръ. Эта невѣста была дочерью одной изъ многочисленныхъ наложницъ короля. Легко представить себѣ, какую ярость долженъ былъ испытывать Иванъ. Но тутъ, въ сентябрѣ 1567 года, въ дѣло вмѣшался Сигизмундъ-Августъ, и это ускорило развязку. Супругъ Екатерины вступилъ на королевскій тронъ. Эрикъ, едва не ставшій палачемъ брата, самъ былъ заключенъ въ тюрьму. Такъ началась новая эра въ исторіи все усложнявшагося конфликта, въ которомъ Ливонія служила яблокомъ раздора. Но теперь первая роль должна была перейти къ Магнусу.

III.

Разстройство союзовъ. Магнусъ.

Будучи женатъ на представительницѣ дома Ягеллоновъ, новый шведскій король естественно являлся союзникомъ Сигизмунда-Августа и орудіемъ католической реакціи противъ протестантима. Договоръ 1563 года, заключенный между Польшей и Даніей, фактически терялъ свою силу, такъ какъ Швеція переходила въ противоположный лагерь. Король Іоаннъ былъ искуснымъ и свѣдущимъ полководцемъ. Правда, онъ былъ скорѣе теоретикомъ войны, нежели ея практическимъ дѣятелемъ. Но скоро своею борьбою противъ Москвы, своей геройской защитой Ревеля въ 1570—1571 гг., наконецъ, блестящей побѣдой при Венденѣ въ 1577 году Іоаннъ положилъ основаніе военному могуществу своего государства. Этой силой Швеціи суждено было обладать болѣе столѣтія—до злополучнаго дня Полтавской битвы. Въ ноябрѣ 1568 года Іоаннъ уже готовъ былъ поздравить себя съ заключеніемъ мира съ Даніей и Любекомъ въ Рескильде, но онъ не могъ согласиться на тѣ уступки, на которыя пошли было его уполномоченные. При посредничествѣ императора и польскаго короля эти переговоры затянулись до 1570 года. Но здѣсь дѣло датчанъ было испорчено благодаря договору Магнуса съ Московскимъ государствомъ. Съ другой стороны, Сигизмундъ-Августъ своимъ вмѣшательствомъ въ ходъ переговоровъ и стремленіемъ принудить Швецію къ отказу отъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній въ Ливоніи и къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы еще болѣе усложнилъ дѣло. Онъ же самъ

заключилъ съ Иваномъ перемиріе на 3 года, при чемъ предоставилъ царю право поддерживать Магнуса противъ шведовъ.

Я боюсь, что у моихъ читателей закружится голова отъ всѣхъ этихъ подробностей; но избѣгнуть ихъ не представляется возможнымъ. Насколько могу, я упрощаю и сокращаю свое изложеніе, хотя, конечно, читатель этого не замѣчаетъ. Дѣйствовалъ ли Магнусъ въ Ливоніи въ качествѣ представителя Даніи? Этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Въ то время о немъ спорили безъ конца. Съѣзжались отдѣльные дипломаты и цѣлые конгрессы; возникали диспуты изъ-за dominium maris baltici и по вопросу о морскихъ сношеніяхъ съ Нарвою. Наконецъ, въ февралѣ 1571 года въ Штеттинѣ былъ подписанъ новый договоръ. Здѣсь, на ряду съ обѣими сторонами, выступала почти вся Европа — Имперія, за ней, при посредствѣ императора, Франція, Испанія, Англія, Шотландія и, наконецъ, Ганзейскіе города. Послѣдніе, впрочемъ, были не вполнѣ удовлетворены договоромъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти государства выразили согласіе на условія трактата. Это не помѣшало ему, впрочемъ, остаться на бумагѣ точно такъ же, какъ и многимъ другимъ.

Устанавливая соглашеніе между Швеціей и Даніей, договоръ 1571 года формально ставилъ Ивана лицомъ къ лицу со шведами и поляками. Отнынѣ они могли дѣйствовать противъ него соединенными силами. Данія соглашалась открыть шведскимъ судамъ свободный проходъ черезъ Зундъ и свое посредничество въ сношеніяхъ съ царемъ и Магнусомъ. Съ своей стороны, Швеція обязывалась не чинить помѣхъ морской торговлѣ Даніи съ Нарвою. Однако, при вмѣшательствѣ польскаго короля, Іоаннъ неизбѣжно долженъ былъ нарушить въ скоромъ времени свои обѣщанія. Что касается императора, то онъ соглашался выкупить у Швеціи тѣ земли, какія были заняты ею въ Ливоніи. Конечно, ни онъ самъ, ни его преемники никогда и не подумали о такомъ выкупѣ; съ своей стороны, и Ливонія была далека отъ мысли признать надъ собою суверенныя права имперіи. Данія выходила побѣдительницей изъ борьбы и, повидимому, сохраняла за собою преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Однако дѣйствительный ключъ къ dominium maris baltici оставался въ Ливоніи,—а тамъ, при помощи Магнуса, ставшаго вскорѣ орудіемъ Москвы, рѣшительное преимущество было на сторонѣ Ивана IV.

Ни полякамъ, ни шведамъ не удавалось сокрушить могущество Московской державы. Сигизмундъ-Августъ мечталъ завести поль-

скій флотъ; но это такъ и осталось мечтою. Онъ успѣлъ направить противъ царя нѣмецкихъ и фламандскихъ корсаровъ; но Иванъ набралъ себѣ другихъ, и этотъ флотъ, подъ начальствомъ знаменитаго Керстена Роде, угрожалъ даже самому Данцигу. Правда, здѣсь вмѣшалась Данія, которая распорядилась схватить отважнаго пирата; но попытки ея укрѣпиться на ливонскомъ берегу оставались рѣшительно безплодными. Иванъ IV отправилъ войско въ Финляндію, гдѣ между русскими и шведами то летали пушечныя ядра, то разъѣзжали посланники для переговоровъ. Впрочемъ, уполномоченные шведскаго короля неизмѣнно наталкивались на требованіе царя вернуться къ точному выполненію договора 1567 года. Сперва шведскіе послы были задержаны въ Новгородѣ; потомъ ихъ повезли изъ Москвы въ Муромъ, а изъ Мурома въ Клинъ. Словомъ они оказались настоящими военноплѣнными, при чемъ, по ихъ словамъ, ихъ подвергали самымъ возмутительнымъ насиліямъ. Московское правительство оправдывало свой образъ дѣйствій двоякими соображеніями. Во-первыхъ, оно ссылалось на нарушеніе шведами договора 1567 года; во-вторыхъ, по его словамъ, оно наказывало шведовъ за тѣ обиды, какимъ подверглись будто бы русскіе послы по прибытіи своемъ въ Стокгольмъ. Такъ или иначе, съ несчастными посланниками мира обходились такъ, какъ съ врагами, захваченными на войнѣ. Связавъ имъ руки, ихъ водили по улицамъ при гиканьѣ толпы; имъ грозили батогами, если они не согласятся на всѣ требованія царя. Разумѣется, на первомъ мѣстѣ здѣсь опять стояла выдача Екатерины. Герцогъ Финляндскій не умеръ; онъ былъ теперь королемъ Швеціи, а супруга его стала королевой. Но Иванъ дѣлалъ видъ, что ему ничего не извѣстно. Мало ли что болтаютъ люди!

Въ это время царь боролся со внутренними смутами, которыя явились послѣдствіемъ его реформъ. Но вскорѣ его постигло новое ужасное испытаніе. Съ 1563 года до 1570 Иванъ напрасно старался предотвратить татарское нашествіе, которымъ угрожала ему Польша. Тщетно послы его, какъ Нагой или Ржевскій, являлись къ хану съ миролюбивыми рѣчами и великолѣпными подарками. То же самое и даже въ большей мѣрѣ дѣлала и Польша, между тѣмъ какъ султанъ, раздраженный взятіемъ Казани и Астрахани, явно былъ на сторонѣ Сигизмунда-Августа. Въ 1569 году Астрахани угрожало нашествіе татаръ, соединившихся съ турками: на одномъ изъ судовъ, прибывшихъ съ мусульманами, въ числѣ гребцовъ сидѣли Семенъ Мальцевъ,

отправленный Иваномъ къ нагайскимъ татарамъ и перехваченный казаками.

Въ 1570 году, желая задобрить султана, Иванъ согласился срыть крѣпость, недавно выстроенную на Терекѣ. Но султанъ немедленно потребовалъ возвращенія Казани и Астрахани и признанія Московской державы подвластною Портѣ. Разумѣется, переговоры съ нимъ были прерваны. Въ маѣ 1571 года, беспрепятственно перейдя Оку, татары появились подъ Москвою. На этотъ разъ, Иванъ послѣдовалъ примѣру предковъ. Сперва онъ скрылся въ Серпуховѣ, затѣмъ—въ Александровскую слободу и, наконецъ, уѣхалъ въ Ростовъ. Москва, покинутая на произволъ судьбы, стала добычей огня и мѣстомъ ужаснаго кровопролитія. Вполнѣ вѣроятно, что свидѣтельства современниковъ нѣсколько преувеличиваютъ количество жертвъ: они сообщаютъ, что въ пламени погибло цѣлыхъ 800.000 человѣкъ! Митрополитъ, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, ждалъ смерти, запершись въ Успенскомъ соборѣ; князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, которому была поручена оборона Москвы, задохся въ погребѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. По своему обыкновенію, татары отказались отъ приступа на Кремль и ушли, уводя съ собою 150.000 плѣнныхъ. Повидимому, и эта цифра не совсѣмъ надежна. Впрочемъ, надо помнить, что въ подобныхъ случаяхъ все окрестное населеніе сбѣгалось въ столицу.

Во всякомъ случаѣ, несчастіе, постигшее Москву, было ужасно. Но еще горше было униженіе. Уходя, ханъ писалъ царю: «жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани... А ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я—Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бы пришелъ противъ насъ и стоялъ... Захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно: желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я и видѣлъ, и опозналъ...» Иванъ проглотилъ обиду. Очевидно, не только въ бѣгствѣ слѣдовалъ онъ примѣру своихъ предковъ; какъ я говорилъ, его безуміе прекрасно уживалось съ проявленіями великой трезвости мысли. Отвѣтъ его хану былъ полонъ смиренія и такта. Иванъ просилъ о перемиріи и предлагалъ хану Астрахань. Но въ письмахъ къ Нагому, жившему въ Крыму, царь придавалъ своей уступкѣ весьма двусмысленный характеръ. Ему хотѣлось, чтобы ханъ посадилъ въ Астрахани одного изъ своихъ сыновей, а при немъ былъ бы бояринъ царя, какъ въ Касимовѣ. Касимовъ являлся небольшимъ татарскимъ ханствомъ: оно подчинилось на этихъ усло-

віяхъ верховенству Москвы и уже почти было поглощено ею. Мирныя предложенія Ивана подкрѣплялись обѣщаніями денегъ. Иванъ готовъ былъ даже унизиться до уплаты ежегодной дани!

Начались переговоры. Ханъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ, если ему не возвратятъ Казани и Астрахани, не ставя никакихъ условій. Такъ какъ сношенія съ Москвою затягивались, онъ потребовалъ отъ Ивана 2.000 рублей въ счетъ будущей дани. По его словамъ, эти деньги были ему нужны для покупки всякой рухляди и товаровъ по случаю нѣкоторыхъ семейныхъ торжествъ. Однако, Иванъ уже успѣлъ принять свои мѣры, и спѣшно собиралъ всѣ свои военныя силы. Ссылаясь на истощеніе казны вслѣдствіе татарскаго набѣга, онъ послалъ хану «все что случилось»—200 рублей! Магометъ-Гирей понялъ, наконецъ, что царь явно старается лишь выиграть время. Тогда, въ 1572 году, онъ опять двинулся черезъ Оку. Но на берегу Лопасни, въ 50 верстахъ отъ Москвы, онъ столкнулся съ войсками князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Хану пришлось отступить. Иванъ немедленно измѣнилъ тонъ. Отказываясь отъ всѣхъ уступковъ, сдѣланныхъ хану, онъ уже не унижался передъ нимъ, а явно насмѣхался. «Ты въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились, и намъ вопреки твоей грамотѣ какъ можно посылать такіе великіе запросы?» Въ этихъ издѣвательствахъ обнаруживался весь характеръ Ивана IV.

Между тѣмъ, жестокія смуты поддерживали въ Иванѣ постоянное возбужденіе, съ которымъ онъ уже не могъ справиться. Онъ обвинялъ бояръ въ несчастіи, постигшемъ Москву; онъ готовъ бы заподозрить ихъ въ соглашеніи съ татарами... Одному изъ бояръ, Мстиславскому, пришлось, дѣйствительно, принести въ этомъ свою повинную. Казни слѣдовали за казнями. Между прочимъ, и несчастнымъ посламъ шведскимъ довелось испытать на себѣ тяжесть царскаго гнѣва. Въ 1571 году Иванъ двинулся на Новгородъ. Мы еще послѣдуемъ за нимъ въ этотъ походъ, и увидимъ, какіе ужасы творились тамъ по повелѣнію Грознаго. Здѣсь царь пожелалъ видѣть шведскихъ пословъ и объясниться съ ними насчетъ Екатерины. Аудіенція происходила на улицѣ. Иванъ заявилъ посламъ, что все было бы хорошо, если бы во время ему выдали Екатерину. Бракъ герцога Іоанна съ этой полячкой испортилъ все дѣло въ Ливоніи. Впрочемъ, царь увѣрялъ, что давно считалъ Екатерину вдовою: развѣ могла бы ему притти въ голову мысль разлучить жену съ мужемъ, а мать съ дѣтьми? Но содѣяннаго зла уже

нельзя было поправить: теперь царю нужна вся Ливонія, иначе война будетъ продолжаться. По возвращеніи изъ Новгорода, царь нѣсколько смягчился. Казалось, пролитая кровь утишила немного его гнѣвъ. Послы были приглашены къ царскому столу, и совершенно неожиданно Иванъ приказалъ своимъ уполномоченнымъ запросить ихъ о дочери короля Іоанна. Говорили, что она красива собою: царь пожелалъ имѣть ея «парсонъ»—портретъ.

Очевидно, Иванъ хлопоталъ уже не о сынѣ. Послѣ смерти Анастасіи онъ успѣлъ уже нѣсколько разъ жениться и, вообще, до конца своихъ дней былъ всегда поглощенъ интересами такого рода. Въ этомъ смыслѣ жизнь Ивана Грознаго напоминаетъ исторію Генриха VIII или сказку о Синей Бородѣ. Донесеніе шведскаго посольства, составленное главою его Паулемъ Юнстеномъ (Beiträge zur Kentniss Russlands, Derpt, 1816), изобилуетъ на этотъ счетъ самыми любопытными подробностями. И, однако, выражая по отношенію къ Швеціи столь исключительно дружественное расположеніе, Иванъ опять прибѣгалъ къ своему излюбленному пріему эпистолярной полемики съ королемъ Іоанномъ. Въ этихъ письмахъ темпераментъ Грознаго развертывался во всю свою ширь.

«...Намъ цесарь Римскій братъ и другіе великіе государи; а тебѣ ихъ братомъ назваться невозможно... Ты говоришь что Шведская земля вотчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали, и на королевствѣ былъ ли и съ которыми государями ему братья и дружба была?»

Далѣе шли новыя объясненія по поводу Екатерины.

«Мы просили жены твоей Екатерины затѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, Польскому королю, а у него взять Лифляндскую землю безъ крови. Намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось; еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены бы твоей и не просили; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно...»

Иванъ вспоминалъ, какія обиды чинились посламъ его въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ): а вѣдь то были вельможи, а не какіе мужики, какъ послы короля Іоанна... Новый шведскій король также любилъ и умѣлъ писать. Онъ отвѣчалъ царю какъ могъ ядовитѣй. Но Иванъ не смущался:

«То правда истинная, писалъ онъ, что ты мужичьяго рода...»

Затѣмъ царь опять принимался за свой допросъ.

Чей сынъ былъ отецъ Іоанна, Густавъ? Развѣ не бывало, спрашивалъ Иванъ, что пріѣдутъ русскіе купцы въ Финляндію съ саломъ и воскомъ, а король Густавъ надѣнетъ рукавицы и пойдетъ до Выборга щупать товары да торговаться? А Іоаннъ говоритъ еще о короляхъ, своихъ предшественниковъ! Какіе короли? Откуда онъ ихъ беретъ? Ужъ не изъ своего ли чулана?

Впрочемъ, царь объявлялъ, что согласенъ мириться съ сыномъ торговца саломъ. Онъ требовалъ лишь, чтобы онъ повинился передъ нимъ—«покорился бы, поддался и почтилъ чѣмъ пригоже...» Тогда царь обойдется съ нимъ по родственному. «А что Крымскому безъ насъ, отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ спроси, узнаешь...» Одно посланіе слѣдовало за другимъ. Иванъ то писалъ королю строгіе приказы, то угрожалъ ему рѣшительными мѣрами. Наконецъ, утомившись ли или же сраженный какимъ-нибудь особенно острымъ отвѣтомъ, Иванъ объявилъ внезапно, что не намѣренъ больше продолжать споръ на бумагѣ. Онъ упрекалъ короля, что тотъ лаетъ противъ него, какъ песъ. Онъ говорилъ, что не пригоже царю связываться съ ругателемъ. Онъ предлагалъ ему, если тотъ хочетъ непремѣнно подвизаться въ этихъ спорахъ, поискать себѣ какого-нибудь мужика вмѣсто царя Московскаго.

Въ настоящее время эти письма опубликованы (Древняя Россійская Вивліоѳика, I, 1 ч., стр. 23, сл. 2 ч., стр. 52, сл.). Конечно, они не внушали королю охоты продолжать переговоры съ подобными примѣчаніями, и не подавали ему надеждъ на благополучный конецъ этихъ сношеній. Къ тому же король зналъ, что царь старается вступить въ сношенія съ заключеннымъ Эрикомъ и готовится къ союзу съ Магнусомъ.

Это соглашеніе явилось дѣломъ двухъ ливонскихъ ренегатовъ, Таубе и Крузе. Одинъ изъ нихъ былъ совѣтникомъ дерптскаго епископа; другой—членомъ ливонскаго посольства, отправленнаго въ Москву въ 1557 году. Будучи захвачены царемъ, они перешли на его сторону и съ тѣхъ поръ стали дѣятельными агентами его политики. Въ 1568 году они вспомнили о старой попыткѣ сближенія между Альбертомъ Прусскимъ и отцомъ Ивана. На этомъ основаніи они создали новую дипломатическую комбинацію, къ которой тогдашній вассалъ Польши отнесся, повидимому, весьма благосклонно. Впослѣдствіи, несмотря на неудачу своихъ плановъ, оба были награждены

царемъ: одинъ—титуломъ князя, а другой—званіемъ боярина. Наконецъ, въ 1570 году они нашли и свой путь, и нужнаго имъ человѣка. Дѣло въ томъ, что уже съ 1567 года Иванъ задумывалъ сдѣлать правителемъ Ливоніи кого-нибудь изъ прежнихъ членовъ ордена. Фюрстенбергъ и Кеттлеръ отказывались. Тогда взоры обоихъ ренегатовъ обратились къ Магнусу.

Прогнанный отъ Ревеля въ 1560 году, Магнусъ на слѣдующій годъ былъ вызванъ братомъ, который надѣялся сдѣлать его помощникомъ епископа въ богатой гильдесгеймовской епархіи. Однако Магнуса спровадили и оттуда; послѣ этого онъ опять отправленъ былъ въ Ливонію, гдѣ на глазахъ его шведы и поляки дѣлили между собою земли, о которыхъ онъ самъ мечталъ въ своемъ честолюбіи. Магнусъ напрасно пытался вступить въ союзъ съ той или другой стороной. Что же представлялъ собою этотъ принцъ-авантюристъ? Католическіе писатели, правда, не вполнѣ заслуживающіе довѣрія, изображаютъ его какимъ-то недоноскомъ,—кривымъ и колченогимъ... Теперь Магнусъ исчерпалъ всѣ свои источники и средства. Легко представить его радость, когда Таубе и Крузе предложили ему не болѣе не менѣе, какъ королевскую власть въ Ливоніи подъ верховнымъ покровительствомъ царя. Для соблюденія формы Магнусъ испросилъ согласія своего брата Фридриха II, увѣряя его, что новое королевство останется въ полной зависимости отъ Даніи. Конечно, это было ложью и безсмыслицей. Также pro forma, старшій братъ представилъ нѣкоторыя возраженія противъ плана Магнуса,—и дѣло было рѣшено. Уполномоченные Магнуса привезли изъ Москвы самыя неожиданныя, великолѣпныя условія. Ливонская корона должна была стать наслѣдственной въ роду новаго короля. При отсутствіи у него законныхъ преемниковъ мужского пола она переходила къ датскому королю. Москва отказывалась отъ всѣхъ завоеваній въ Ливоніи—настоящихъ и будущихъ; Иванъ обѣщалъ Магнусу свою помощь для взятія Риги, Ревеля и другихъ городовъ. Все это предлагалось Магнусу лишь на одномъ условіи: онъ долженъ былъ служить царю въ военное время. Въ маѣ 1570 года Магнусъ самолично отправился въ Москву. Его сопровождала свита въ 400 человѣкъ. Вмѣстѣ съ короной Ливоніи Магнусъ получилъ руку племянницы Ивана, Евѳиміи; въ приданое за нею царь обѣщалъ 5 бочекъ золота. Ливонія сохраняла свою вѣру и порядки: царь отказывался посылать туда русскихъ должностныхъ лицъ.

Все это казалось сномъ. Ничѣмъ другимъ оно и не было въ дѣйствительности. Германія и вся Европа стали обнаруживать нѣкоторое безпокойство. Тогда Фридрихъ II поспѣшилъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за происшедшее. По его увѣреніямъ, Магнусъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома. Между тѣмъ, втихомолку агенты датскаго короля старались измѣнить общественное мнѣніе. Они утверждали, что самъ императоръ виноватъ, если Ливонію захватываетъ всякій, кто хочетъ; они ссылались еще на примѣръ Альберта Прусскаго. Когда Магнусъ формально увѣдомилъ своего брата о принятіи короны, Фридрихъ отвѣтилъ ему поздравительнымъ письмомъ. Но уже первые шаги новаго короля оказались неудачными. Во главѣ наемнаго войска при помощи московскихъ силъ Магнусъ попытался отнять у шведовъ Ревель. Осада длилась 30 недѣль, съ 21 августа 1570 года до 11 марта 1571 года. Въ концѣ-концовъ, Магнусу пришлось отступить. При этомъ онъ сжегъ свой лагерь и распустилъ свои войска. Что касается Таубе и Крузе, то они бѣжали въ Дерптъ. Здѣсь они завели сношенія съ поляками, подготовляя удачное нападеніе на русскій гарнизонъ.

Судьба обоихъ этихъ плутовъ представляется весьма поучительной. Послѣ ряда интригъ, измѣнъ и предательствъ они, наконецъ, удостоились милостей самого Баторія. Впослѣдствіи Таубе былъ назначенъ въ ливонскій Ландтагъ, отказывавшійся принять его въ свою среду; что касается Крузе, то онъ готовился выполнить важное порученіе короля въ Пруссіи, когда его постигла смерть. Таковы были нравы той эпохи!

При осадѣ Ревеля Магнусъ тщетно ждалъ помощи отъ датчанъ. Припомнимъ, что, какъ разъ въ это время подготовлялся извѣстный Штеттинскій договоръ.

Послѣ его подписанія Сигизмундъ Августъ потребовалъ помощи отъ Даніи противъ московскаго царя. 17 сентября 1571 года особымъ манифестомъ онъ возвѣщалъ о своемъ намѣреніи прервать торговыя сношенія съ Нарвой и подвергнуть этотъ городъ вооруженной блокадѣ. При этомъ онъ давалъ значительно большую свободу дѣйствій и средствъ своимъ наемнымъ корсарамъ. Казалось, король вотъ вотъ осуществитъ то, чего такъ долго отъ него ждали. Конечно, Таубе и Крузе уже учитывали возможныя послѣдствія этого выступленія. Однако, произошло неожиданное событіе, которое на нѣкоторое время смѣшало шашки на ихъ доскѣ. Сигизмундъ Августъ простудился и скончался

7-го іюля 1572 года. Конецъ династіи Ягеллоновъ и установленіе въ Польшѣ избирательной монархіи опять измѣнили условія борьбы и взаимоотношенія ея участниковъ.

IV.

Кандидатура Ивана на польскій престолъ.

Какъ въ Ливоніи, такъ и въ Польшѣ Сигизмундъ Августъ оставилъ запутанное наслѣдство. Правда, его дипломатія дѣлала настоящія чудеса въ сношеніяхъ съ Кеттлеромъ, скандинавскими государствами и ханомъ. Но—увы—изнѣженность самого короля, вмѣстѣ съ безпечностью и анархическимъ духомъ его подданныхъ совершенно парализовали значеніе всѣхъ этихъ успѣховъ.

Въ сущности, въ Польшѣ не было той реальной силы, которая могла бы сообщить имъ дѣйствительную цѣну. Конечно, польско-литовская унія являлась, въ своемъ родѣ, побѣдою надъ Москвою. Однако, въ католической Польшѣ шла борьба противъ протестантизма, а также всѣхъ инославныхъ исповѣданій. Совершенно естественно, что такая религіозная политика вызывала реакцію со стороны православнаго населенія королевства и бросала его въ объятія Москвы. Страстная пропаганда іезуитовъ, уже утвердившихъ свое вліяніе въ виленской епархіи, еще усиливала это руссофильское движеніе. Съ другой стороны, проникая въ самую Ливонію, она вносила и туда новыя осложненія. У Польши не было своего флота. Такимъ образомъ, блокада Нарвы грозила остаться чистой фикціей, между тѣмъ какъ она портила отношенія королевства съ сосѣдними морскими державами и даже съ Данцигомъ. Наконецъ, за отсутствіемъ регулярнаго войска, шансы сухопутной борьбы съ превосходными силами Ивана оказывались весьма сомнительными. Вотъ почему, едва Сигизмундъ Августъ сомкнулъ глаза—въ Литвѣ и, особенно, въ Польшѣ обнаружилось стремленіе рѣшить судьбу выморочнаго польскаго наслѣдства такимъ образомъ, чтобы обезпечить королевство вѣрнѣе, нежели условіями самаго выгоднаго мира. Въ Москву явился уполномоченный польско-литовской державы Воропай, чтобы сообщить царю о кончинѣ Сигизмунда Августа. При этомъ онъ передалъ Ивану, что многіе желали бы найти въ царевичѣ кандидата на престолъ умершаго короля.

Такое желаніе было далеко не единодушнымъ и даже не совсѣмъ искреннимъ у тѣхъ, которые его выражали. Въ сущности, выборъ Ѳеодора являлся лишь компромиссомъ. Масса избирателей принимала его лишь потому, что кандидатура самого Ивана вызывала разногласія. Нѣкоторые весьма горячо ее поддерживали; зато другіе не менѣе страстно противъ нее возставали. Что касается, напримѣръ, высшей аристократіи какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, то она рѣшительно не мирилась съ такимъ претендентомъ. Она совершенно основательно была убѣждена, что выборъ такого государя ни въ коемъ случаѣ несовмѣстимъ съ дальнѣйшимъ существованіемъ олигархіи. Имѣются свѣдѣнія, будто бы Радзивиллы даже составили заговоръ съ цѣлью отравить царскаго посла, прибывшаго на сеймъ. Впрочемъ, тотъ историкъ, который поддерживаетъ такое обвиненіе, ссылается лишь на копію одного, нѣсколько сомнительнаго письма (*Уманецъ*, Вырожденіе Польши, 1872, 71). Разумѣется, мелкое дворянство не могло руководиться такими соображеніями; скорѣе обратно, считаясь съ ними, оно именно потому и отдавало предпочтеніе московскому кандидату. По крайней мѣрѣ шляхта съ энтузіазмомъ встрѣтила мысль объ избраніи Ивана. Можно ли думать, что она не знала о характерѣ и нравахъ Грознаго? Едва ли это вѣроятно. Избирательные манифесты, издававшіеся въ эту пору, свидѣтельствовали какъ разъ объ обратномъ. Здѣсь свойства московскаго государя подвергались всесторонней оцѣнкѣ; равнымъ образомъ, ужасы опричнины являлись предметомъ обсужденія и спора. Оно и понятно. Развѣ не было у поляковъ Курбскаго и другихъ бѣглецовъ московскихъ, которые могли прекрасно освѣдомить ихъ о московскихъ отношеніяхъ? Да, конечно, Иванъ представлялся суровымъ и неумолимымъ государемъ. Но вѣдь въ Москвѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими подданными, которые вполнѣ заслуживали подобнаго режима своими измѣнами. Въ Польшѣ — другое дѣло. Здѣсь народъ обезоружитъ Ивана своею преданностью порядку; что касается характера царя, то онъ смягчится подъ вліяніемъ высшей культуры..... Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ московскаго царя Польша пріобрѣтетъ энергичнаго и твердаго, отважнаго и предпріимчиваго государя. Словомъ, поляки были горячо увлечены этой идеей. Вотъ почему, когда послы Ивана прибыли въ королевство, они убѣдились, что въ Варшавѣ, еще раньше рѣшенія вопроса, распространилась мода на все московское. Эта мода отражалась и на покроѣ платья, и на экипажахъ, и на за-

пряжкѣ лошадей (Сборникъ И. Истор. О-ва, LXXI, 763 сл.). Что касается Литвы, то тамъ настроеніе избирателей было менѣе единодушнымъ. Дѣло въ томъ, что тамошніе дворянчики еще не такъ давно стали пользоваться льготами, привиллегіями и вольностями, которыя обезпечивалъ имъ польскій режимъ. Но они очень скоро вошли во вкусъ этого положенія и тѣмъ больше опасались утратить его навсегда. Однако, и они находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блестящей побѣдой Ивана надъ Полоцкомъ. Такимъ образомъ они колебались между двумя опасеніями: съ одной стороны, они боялись подчиниться Ивану, а съ другой, страшились его враждебныхъ дѣйствій. Въ концѣ, концовъ, скрѣпя сердце и надѣясь на неудачу Ивана, сама литовская знать готова была помириться на кандидатурѣ Грознаго: въ ней она видѣла наилучшее средство, насколько возможно, продолжить миръ съ Москвою. Въ общемъ, на своей сторонѣ Иванъ имѣлъ несомнѣнное большинство, и надо признать, что въ этотъ критическій моментъ мелкое дворянство, настроеніе котораго представлялъ Воропай, обнаружило наибольшій политическій смыслъ и совершенно исключительную широту взгляда. Еще раньше однѣми своими руками это сословіе рѣшительно содѣйствовало необходимой реформѣ литовскаго строя; теперь, опять оставаясь одинокимъ, оно питало надежду завершить эту преобразовательную работу при помощи грознаго, но могучаго государя, котораго оно призывало себѣ на поддержку. Подъ эгидой его мелкое дворянство мечтало создать великую славянскую державу съ центромъ въ Польшѣ. Оно уповало, что эта держава выполнитъ, наконецъ, ту великую историческую миссію, которая оказывалась не подъ силу ни Польшѣ, ни Москвѣ, взятымъ отдѣльно.

Въ сущности, идея подобной уніи отнюдь не являлась совершенно новой. Въ 1506 году, по смерти Александра Ягеллона, происходило нѣчто въ родѣ выборовъ короля. Тогда отецъ Ивана, Василій, выступилъ среди соискателей королевскаго престола. Иванъ IV помнилъ объ этомъ. Поэтому онъ радушно принялъ Воропая. Однако онъ недоумѣвалъ—зачѣмъ говорить о Ѳеодорѣ? Избраніе царевича не прекратило бы соперничества между обоими государствами. Пространно, прибѣгая ко всевозможнымъ доказательствамъ и метафорамъ, царь защищалъ свою собственную кандидатуру. Онъ говорилъ, что у него два сына, какъ два глаза; зачѣмъ же хотятъ сдѣлать его кривымъ? «Въ вашей землѣ многіе говорятъ что я золъ,»—разсуждалъ Иванъ: «Правда, я золъ и гнѣвливъ, не хвалюся; однако, пусть спросятъ меня, на кого я

золъ?...» Воропаю пришлось выслушать подробнѣйшій разсказъ о злодѣйствахъ боярскихъ, на которыя жаловался Иванъ. Развѣ поляки станутъ измѣнять ему и ковать противъ него крамолу? Конечно, нѣтъ; поэтому Иванъ и будетъ обходиться съ ними иначе. «Напередъ обѣщаю Богу и имъ, что сохраню всѣ ихъ права и вольности и, смотря по надобности, большія... Кто противъ меня золъ, на того и я золъ, и кто добръ, тому не пожалѣю отдать и эту цѣпь съ себя и это платье....» Здѣсь Иванъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы готовясь снять съ себя то и другое.... «А, если меня въ государи взять не захотятъ, то пусть пріѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго постановленія. Я за Полоцкъ не стою и со всѣми пригородами его уступлю и свое Московское, пусть только уступятъ мнѣ Ливонію по Двину: и заключимъ мы вѣчный миръ съ Литвой»... Это все, что нужно Ивану, а избраніе Ѳеодора ничему не поможетъ.

Польскіе и литовскіе олигархи знали Ивана слишкомъ хорошо, поэтому они и поддерживали нелѣпое предложеніе о выборѣ царевича. Не представляя никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ, оно, естественно, имѣло наименьшіе шансы на успѣхъ. Однако масса избирателей оставалась вѣрна своей идѣе и все болѣе и болѣе рѣшительно выказывала свое предпочтеніе Ивану. Тогда аристократія придумала новое средство. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москву явился другой польско-литовскій посолъ, Михаилъ Гарабурда. Онъ предлагалъ Ивану выбирать между собственной кандидатурой и избраніемъ царевича; но при этомъ онъ ставилъ условія, о которыхъ Воропай не говорилъ ни слова. Между тѣмъ въ Варшавѣ уже открывался торгъ изъ-за престола. Посланникъ Генриха Валуа, Монлюкъ, готовился посрамить всѣхъ его соперниковъ «Если они захотятъ, чтобы я понудилъ будущаго короля выстроить золотой мостъ черезъ Вислу, я спрошу ихъ: «А какое золото вамъ нужно — красное или зеленое?...» Гарабурда былъ менѣе требовательнымъ; онъ добивался лишь установленія новыхъ границъ, по которымъ Польша должна была получить не только Полоцкъ, но также Смоленскъ, Усвятъ и Озерище.

Но тутъ между сторонами произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Ему суждено было затянуться, причемъ его одного оказалось достаточно, чтобы помѣшать успѣху московской кандидатуры. Иванъ никакъ не могъ себѣ представить, что онъ долженъ хлопотать о голосахъ польскихъ избирателей, а, въ особенности, платить за нихъ. Развѣ онъ нуждается въ Польшѣ? Конечно, нѣтъ! Вѣдь это ей нуженъ король по ея

вкусу! Если такой король — Иванъ, пусть Польша и дѣйствуетъ, какъ должно. Пусть она бьетъ ему челомъ и проситъ смиренно, какъ всѣ тѣ, которые каждый день являются ходатайствовать передъ царемъ о какой-нибудь милости. Отъ этого Иванъ никакъ не хотѣлъ отступиться. Онъ заявлялъ, что никогда не согласится измѣнить своему обычаю, и, не стѣсняясь, говорилъ о томъ Гарабурдѣ. При этомъ свое нежеланіе дѣйствовать иначе, въ сущности, вполнѣ основательное, онъ объяснялъ уже не слишкомъ убѣдительными соображеніями. «Знаемъ, что цесарь и король Французскій прислали къ вамъ; но намъ это не примѣръ, потому что кромѣ насъ да турецкаго султана нѣтъ ни въ одномъ государствѣ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ 200 лѣтъ,—потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа-кесаря изначала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно...»

Тѣмъ не менѣе, самая идея избранія на польскій престолъ весьма улыбалась Ивану. Поэтому, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время онъ, казалось, готовъ былъ уступить требованіямъ поляковъ и согласиться на избраніе Θеодора. Но уже на слѣдующій день Гарабурда былъ призванъ вновь, и царь постарался вернуться къ первоначальной постановкѣ вопроса. По его мнѣнію, дѣйствительное объединеніе обоихъ государствъ могло бы произойти только подъ его державой. Впрочемъ, онъ соглашался, чтобы обѣ стороны были удовлетворены извѣстными уступками. Пусть Польша получитъ Полоцкъ и Курляндію; за то она должна будетъ отказаться отъ Ливоніи и уступить Кіевъ. Мало того, Иванъ требовалъ, чтобы титулъ царя всея Руси онъ могъ ставить впереди новаго своего королевскаго титула.

Можетъ быть, царь требовалъ слишкомъ многаго. Но легко допустить, что при своемъ тонкомъ умѣ и большой чуткости, онъ отлично угадывалъ скрытую игру польскихъ магнатовъ. Съ другой стороны, онъ могъ предвидѣть, что̀ повлечетъ за собою его вступленіе на тотъ тронъ, которымъ торговала эта знать. Польскіе вельможи, эти настоящіе царьки, заботились только о своихъ привилегіяхъ. Они старались лишь занять царя, опасаясь, чтобы онъ не возобновилъ враждебныхъ дѣйствій противъ королевства, лишеннаго главы. Но съ какимъ лицомъ долженъ былъ бы стоять передъ ними Иванъ, если бы онъ и достигъ престола, уступивъ ихъ надменнымъ притязаніямъ? Послѣднія слова царя, съ которыми онъ отпустилъ Гарабурду довольно ясно обнаруживали заднюю мысль Ивана. «Лучше было бы, говорилъ онъ,—

если бы Польша и Литва взяли въ государи цесарскаго сына... Скажи панамъ раднымъ, чтобы не выбирали въ короли француза, потому что онъ будетъ больше желать добра турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьмете француза, то вы, Литва, знайте, что мнѣ надъ вами промышлять...» На дорогѣ Гарабурду нагналъ гонецъ, который передалъ ему еще менѣе пріемлемыя условія. Въ Польшѣ воображали, что московскій государь приметъ католическую вѣру. Но Иванъ заявлялъ: короноваться и ставиться на корону польскую и в. к. Литовское государю нашему по христіанскому обычаю отъ архіепископовъ и епископовъ и Римскаго закона бискупамъ по Римскому закону въ то время не дѣйствовать; далѣе Иванъ выговаривалъ себѣ право строить въ королевствѣ столько православныхъ церквей, сколько ему будетъ угодно; наконецъ, на старости лѣтъ ему должно быть предоставлено отойти въ монастырь.

Всѣмъ этимъ былъ подготовленъ успѣхъ Генриха Валуа. Впрочемъ, нѣкоторыя показанія изъ противоположнаго лагеря свидѣтельствуютъ, что еще наканунѣ выборовъ кандидатура Ивана была очень популярна (Ср. Записки секретаря Монлюка—*Choisnin*, coll. Michaud et Pouyoulat, p. 423. Далѣе см. донесеніе *Липпомано* въ Historica Russiae Monumenta, изд. А. И. Тургенева, I, 270). Мелкое дворянство крѣпко стояло за своего кандидата, а исходъ выбора зависѣлъ отъ нея. Все дѣло было испорчено рѣчами царскаго посла, который еще рѣзче подчеркнулъ надменность Ивана и его непримиримость. Этимъ впечатлѣніемъ и воспользовался французскій соискатель престола. Общее мнѣніе было таково: Иванъ—варваръ, вполнѣ заслуживающій своей дурной славы.

Лучше ли поступилъ бы Иванъ, если бы обнаружилъ бо̀льшую покладливость и, оставаясь царемъ Московскимъ, показалъ бы Польшѣ, какимъ онъ можетъ быть королемъ? Что касается Баторія, то онъ сразу выказалъ значительно больше податливости; но вѣдь Баторій не имѣлъ дѣла съ боярами. Ему не приходилось отстаивать въ своемъ государствѣ мужающую самодержавную власть; ему не нужно было противопоставлять своимъ полякамъ свое «государство всея Руси». Конечно, въ поведеніи Ивана сказывалась нѣкоторая эксцентричность, столь свойственная его уму и темпераменту; тѣмъ не менѣе, не трудно понять и даже оправдать образъ дѣйствій главы опричнины и завоевателя Полоцка.

Во всякомъ случаѣ избраніе Генриха Валуа явилось для Ивана

довольно чувствительнымъ ударомъ. Конечно, царь намѣренно преувеличивалъ характеръ и важность дружественныхъ отношеній «Француза» къ султану. Но, помимо всего, избраніе Генриха смѣшивало шашки въ той игрѣ, гдѣ Ивану и безъ того приходилось далеко не легко. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на этой почвѣ должны были возникнуть новыя политическія комбинаціи. Какъ извѣстно, уже Иванъ III чувствовалъ себя слишкомъ обособленнымъ благодаря расторженію тѣхъ семейныхъ узъ, которыя обезпечивали ему союзъ съ Польшей. Правда, теперь у него развязывались руки; но, такъ или иначе, онъ искалъ себѣ поддержки въ сближеніи хотя бы съ Испаніей. Съ другой стороны, Франція мечтала ослабить Московское государство съ помощью Датскаго королевства. Ей хотѣлось установить свой протекторатъ надъ Ливоніей и тѣмъ самымъ подорвать торговыя отношенія Нидерландовъ со всѣми восточными рынками. Поэтому Франція выказывала полную готовность поддержать Фридриха II въ самыхъ смѣлыхъ его начинаніяхъ. Однако, съ этой стороны ее ожидало разочарованіе. Тогда она рѣшила перенести всѣ свои планы и надежды въ Стокгольмъ, женивъ одного изъ Валуа на шведской принцесѣ. (*Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 629).

Въ оцѣнкѣ создавшагося положенія и въ попыткахъ использовать его въ своихъ интересахъ, Иванъ обнаружилъ чрезвычайную зоркость и всѣ данныя крупнаго политика. Съ Польшей можно было и не считаться. У новаго короля было достаточно заботъ объ укрѣпленіи на престолѣ. Въ Ливоніи его полководецъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи и 200 лошадей и напрасно ждалъ выдачи ассигновки въ 3.000 флориновъ (Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschite Livlands, Riga, 1874—1858, IV, 178, сл.). Отлично освѣдомленный обо всемъ и превосходно владѣя собою, царь рѣшилъ не терять времени. Первой своей задачей онъ поставилъ—разгромить шведовъ въ Эстоніи. Послѣ этого можно было приняться и за поляковъ. Впрочемъ, пока, въ виду угрожающихъ передвиженій войска по спорной русско-польской границѣ, царь готовъ былъ начать съ новымъ королемъ переговоры. Онъ хотѣлъ продленія мира и старался выказать дружественное расположеніе къ Генриху Валуа. Однако, внезапное бѣгство послѣдняго опять разстроило всѣ его планы.

Теперь все нужно было начинать снова. Конечно, Иванъ не могъ остаться равнодушнымъ къ новымъ выборамъ короля. Къ тому же и поляки, и литовцы опять, видимо, готовы были возобновить съ царемъ

свою игру, которая оказалась уже такой удачной. Вообще все положеніе представлялось теперь въ гораздо болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, движеніе въ пользу Москвы, повидимому, все крѣпло. Этому содѣйствовала католическая пропаганда, раздражавшая населеніе, и безъ того обезпокоенное военными демонстраціями на границѣ. Въ Ливоніи Магнусъ дѣлалъ все, чтобы навести страхъ на Польшу, лишенную короля. Впрочемъ, Иванъ выказалъ по отношеніи къ этому искателю приключеній слишкомъ мало царственнаго великодушія и щедрости. Правда, 12 апрѣля 1573 года онъ выдалъ за него одну изъ своихъ племянницъ, Марію Владиміровну. То была сестра той самой Евфиміи, которую предназначали сперва въ жены Магнусу, и которая уже умерла. Отецъ Маріи, двоюродный братъ царя, только что былъ казненъ по приказанію Ивана. Свадьба была отпразднована весьма торжественно. Иванъ самъ управлялъ хоромъ пѣвчихъ, стоя на клиросѣ. Вмѣсто палочки регента, онъ пользовался своимъ жезломъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, порою отбивая имъ счетъ по головамъ исполнителей. Петръ Великій впослѣдствіи такъ же точно выражалъ свою артистичность... Но обѣщанное приданое, въ видѣ пяти бочекъ золота и пр., такъ и осталось обѣщаніемъ. Магнусу пришлось удовольствоваться очень скромнымъ удѣломъ: царь отдалъ ему городокъ Каркгузъ. Очевидно, Магнусъ долженъ былъ еще выслужить и деньги, и корону, которыми его соблазняли. И Магнусъ старался изо всѣхъ силъ. Подкрѣпивъ нѣмецкія войска отрядомъ татаръ, онъ оставилъ шведскія владѣнія, которыя были сравнительно лучше защищены; онъ направилъ всѣ свои усилія на польскую область, стараясь вынудить къ сдачѣ замокъ Салисъ и угрожая Пернау и Ригѣ. Разумѣется, для польскихъ и литовскихъ вельможъ это было только лишнимъ доводомъ въ пользу испытанной ими политики. Попрежнему они стремились подольше занять своего страшнаго сосѣда, приманивая его той короной, которую совсѣмъ не намѣрены были ему вручить. Совершенно иначе было настроено мелкое дворянство. Среди него уже ходила пословица: «By byl Fiodor jak Jagiello—dobrze by nam bylo». Донесенія папскаго нунція Винцента Лаурео совершенно ясно изображаютъ такое настроеніе. Въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ находятся и показанія данцигскихъ агентовъ, вообще отличавшихся прекрасной освѣдомленностью (*Wierzbowski*, Vincent Laureo, 1888, 69, 147, 238, 257, ср. *Форстенъ*—Балтійскій вопросъ, I, 627).

Для того, чтобы воспользоваться такимъ настроеніемъ, Иванъ недостаточно хорошо зналъ ту среду, въ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Отъ него ускользало то глубокое различіе, которое существовало между политическими правами обоихъ государствъ. Обольщаясь обманчивой видимостью, царь по-своему, какъ настоящій полуазіатскій властелинъ, объяснялъ себѣ свою популярность въ Польшѣ. Ему казалось, что тѣ голоса, которые зовутъ его на королевскій престолъ, тѣ гонцы, которые пріѣзжаютъ къ нему отъ сосѣдей, отдаютъ ему королевство въ полное распоряженіе. Ему нужно было бы отправить посольство, которое позаботилось бы собрать для него голоса избирателей, заранѣе расположенныхъ въ его пользу; вмѣсто этого, онъ самъ ждалъ пословъ изъ Варшавы. На предварительномъ сеймѣ въ Стезичѣ (май 1575 года) всѣ были крайне удивлены прибытіемъ отъ царя простого вѣстника, который къ тому же ничего положительнаго не привезъ и даже не обѣщалъ. Всѣ надѣялись, что на избирательномъ сеймѣ въ ноябрѣ Иванъ проявитъ больше готовности итти навстрѣчу націи. Самъ архіепископъ Уханскій, являвшійся главою правительства въ эпоху междуцарствія, былъ явно на сторонѣ Ивана и даже посылалъ ему образцы тѣхъ грамотъ, которыя царь долженъ былъ бы отправить важнѣйшимъ магнатамъ. При этомъ Уханскій не сомнѣвался, что царь долженъ прежде всего объявить о своемъ обращеніи въ католицизмъ. Депутаты и сенаторы находились въ напряженномъ ожиданіи. Они разсылали гонцовъ по дорогамъ навстрѣчу тому московскому посольству, которое должно было, навѣрно, привести самыя блестящія предложенія и щедроты со стороны царя. Какое горькое разочарованіе ожидало ихъ! Въ рѣшительный моментъ Иванъ ограничился присылкой одного письма, которое, къ тому же, было составлено въ самыхъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ. Оно возвѣщало, что по позднѣй прибудетъ «легкое посольство», какъ оно полагается при отсутствіи въ странѣ государя.

Что же происходило въ Москвѣ? Упоминаемое Иваномъ посольство было снаряжено уже въ августѣ 1575 года. Во главѣ его былъ поставленъ Лука Захарьевичъ Новосильцевъ. Это посольство и должно было явиться на сеймъ. Новосильцеву было предписано предложить въ короли царевича Θеодора и поддержать его кандидатуру обѣщаніями денежныхъ наградъ и почестей, которыми царь надѣлитъ главныхъ вельможъ. Однако, посольство было задержано на пути по приказанію самого царя. Дѣло въ томъ, что Ивану пришло въ го-

лову отправить въ Вѣну одного изъ довѣренныхъ людей своихъ—Скобельцына. Царь поручилъ ему разузнать, какъ можетъ отнестись императоръ къ мысли о соглашеніи съ Москвою относительно польско-литовскаго наслѣдія. Условія, на которыхъ предлагалась царю польская корона, казались Ивану не вполнѣ удовлетворительными. Поляки и литовцы не торопились поднести Ивану эту корону на золотомъ блюдѣ. Поэтому царь дѣлалъ видъ, что идетъ имъ навстрѣчу, но, въ дѣйствительности, уже задумывался надъ другимъ вопросомъ, который уже не разъ возбуждался—и не только въ Москвѣ. Мы говоримъ о раздѣлѣ выморочнаго польско-литовскаго наслѣдства. Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ являлся сынъ императора, Эрнестъ. Царь готовъ былъ уступить ему Польшу, а за это получить Литву, разумѣется, снявъ формально свою кандидатуру. Скобельцынъ вернулся въ Москву съ пустыми руками: въ Вѣнѣ думали, что побѣда Эрнеста въ Польшѣ уже обезпечена сама по себѣ. Однако, потомъ Иванъ узналъ, что вѣнскій дворъ раскаивается въ недостаточно привѣтливомъ пріемѣ Скобельцына, и что императорское посольство уже ѣдетъ въ Москву. Вотъ почему Новосильцеву и приходилось ожидать на пути въ Польшу окончанія переговоровъ между Москвой и Вѣной.

Несомнѣнно, на этотъ разъ Иванъ хотѣлъ уже слишкомъ легко распорядиться тѣмъ, на что не распространялась его самодержавная власть. Разумѣется, онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Сеймъ не хотѣлъ ждать. Въ сентябрѣ 1575 года турецкій султанъ съ своей стороны высказался противъ кандидатуры Ивана: онъ совѣтовалъ избрать Баторія, при чемъ въ подкрѣпленіе своей рекомендаціи двинулъ къ Польшѣ 120.000 татаръ. Въ Варшавѣ царила паника. 12 декабря Баторій былъ избранъ польскимъ королемъ. На этихъ выборахъ онъ побѣдилъ самого императора Максимиліана, за котораго была подана нѣкоторая часть голосовъ, минуя Эрнеста.

Это раздѣленіе голосовъ до нѣкоторой степени подкрѣпляло комбинацію, предложенную Иваномъ Вѣнѣ. Потому въ январѣ 1576 г. начались новые переговоры обѣихъ сторонъ въ Можайскѣ. Вѣна прислала сюда, въ качествѣ уполномоченныхъ императора, двухъ лицъ—Кобенцля и Принца фонъ-Бухау. Но эти переговоры не привели ни къ чему. Максимиліанъ долженъ былъ бы самъ опередить Баторія въ Польшѣ. Вмѣсто этого, онъ упорно навязывалъ ей своего сына и требовалъ, чтобы царь поддержалъ эту кандидатуру. Этого мало: онъ хотѣлъ, чтобы Иванъ вывелъ свои войска изъ Ливоніи и

заключилъ союзъ противъ турокъ. За это онъ обѣщалъ ему Константинополь и владычество надъ всѣмъ Востокомъ.

Игра, которая велась такимъ образомъ, была, конечно, проиграна.

V.

Избраніе Баторія.

Иванъ еще разъ попытался начать снова эту игру. Однако, на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ безъ достаточной ловкости. Очевидно, у него уже мутилось въ головѣ отъ опричнины. Онъ принялся писать отдѣльно польскимъ магнатамъ и литовской знати. Однимъ онъ рекомендовалъ Эрнеста, угрожая имъ самой ужасной местью, если они будутъ поддерживать султанскаго ставленника (Баторія); другимъ онъ предлагалъ уже самого себя—либо въ качествѣ короля, либо какъ государя, который будетъ владѣть Литвою, уже отдѣленной отъ Польши. Къ сожалѣнію, Новосильцевъ, которому, наконецъ, было разрѣшено ѣхать дальше, еще укрѣплялъ Ивана въ его заблужденіи. Хоткевичъ и Радзивиллъ объявляли московскому послу, что они ни за что не хотятъ избранія «Обатуры». Они объясняли свое голосованіе въ пользу Максимиліана только тѣмъ, что потеряли надежду, видя, что царь ничѣмъ не желаетъ имъ помочь. Иванъ рѣшилъ, что пока еще дѣло въ его рукахъ. Подобная ошибка была вполнѣ извинительна. Уже въ апрѣлѣ 1576 года нунцій Лаурео сообщалъ въ Римѣ, что новые выборы, повидимому, неизбѣжны вслѣдствіе раздѣленія голосовъ: при такихъ условіяхъ кандидатура московскаго царя имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ сравнительно съ Эрнестомъ. Однако, во всякомъ случаѣ, Иванъ и Максимиліанъ не должны были терять драгоцѣнное время. Между тѣмъ, это время шло и шло. Императоръ самостоятельно сносился съ поляками, а царь послалъ въ Вѣну князя Захара Ивановича Сугорскаго для возобновленія можайскихъ переговоровъ. Пользуясь этимъ, Обатура спѣшилъ въ Варшаву, чтобы, наконецъ, принять тамъ корону.

Однако, и это не обезоружило Ивана. Послѣ избранія Баторія онъ предлагалъ императору совмѣстно дѣйствовать противъ похитителя польскаго королевства. Но когда съ Максимиліаномъ начинали рѣчь о Польшѣ, онъ неизмѣнно заговаривалъ о Ливоніи. Послѣ смерти императора, происшедшей въ томъ же году, его преемникъ Рудольфъ

продолжалъ ту же самую тактику. Во всякомъ случаѣ о законномъ избраніи на польскій престолъ теперь уже не приходилось мечтать. Тогда царь опять вернулся къ ливонской проблемѣ, благопріятное рѣшеніе которой казалось ему теперь легче достижимымъ. Конечно, Баторій былъ уже королемъ. Но, какъ Генриху Валуа, ему было слишкомъ много дѣла въ собственномъ государствѣ. Въ Данцигѣ вспыхнулъ мятежъ, такъ какъ этотъ городъ отказывался признать вновь избраннаго короля. Это еще болѣе осложнило положеніе Баторія, между тѣмъ какъ ударъ, нанесенный французскому вліянію въ Варшавѣ, отразился соотвѣтственнымъ образомъ и въ Стокгольмѣ. Иванъ отрѣшился отъ своихъ химеръ: къ нему вернулись его блестящія способности политика. Теперь онъ положилъ своей задачей—использовать въ своихъ интересахъ создавшуюся конъюнктуру. Годомъ раньше, желая развязать себѣ руки въ Польшѣ, онъ оставилъ въ покоѣ Швецію и заключилъ съ нею довольно странное перемиріе: по его условіямъ, враждебныя дѣйствія сторонъ прекращались только въ Финляндіи и въ Новгородской области. Тотчасъ послѣ этого, собравъ всѣ свои силы въ Ливоніи, Иванъ осадилъ Пернау: то былъ важный стратегическій пунктъ, который былъ предоставленъ Сигизмундомъ-Августомъ для стоянки его корсаровъ. При осадѣ Пернау царь потерялъ 7.000 человѣкъ. Однако городъ былъ взятъ; та же участь постигла Гельметъ, Ермисъ, Руэнъ и Пуркель. Теперь царь рѣшилъ оставить поляковъ въ покоѣ и вернуться къ своему прежнему плану дѣйствій. Какъ мы помнимъ, онъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего покончить со шведами. Поэтому Иванъ двинулся въ Эстонію. Въ нѣсколько недѣль, весною 1576 года, ему сдались безъ сопротивленія Леаль, Лоде, Финкель и Гапсаль. Въ послѣднемъ городѣ въ самый день сдачи жители затѣяли игры и танцы. «Что за странный народъ нѣмцы,—говорили русскіе;—если бы мы, русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы и глазъ поднять на честнаго человѣка, а царь нашъ не зналъ бы, и какою казнью насъ казнить». Эзель былъ опустошенъ; Падисъ сданъ послѣ мѣсячной осады; шведы тщетно покушались взять его обратно.

Но скоро всѣмъ этимъ побѣдамъ пришелъ конецъ. Въ 1577 году русскія войска подъ начальствомъ князя М. Ѳ. Мстиславскаго и Шереметева подступили къ Ревелю. Однако, послѣ шестинедѣльной осады имъ пришлось отступить передъ геройскимъ сопротивленіемъ шведовъ. Шереметевъ, обѣщавшій или взять городъ или

погибнуть, былъ убитъ. Очевидно, не такъ-то легко можно было справиться со шведскимъ гостинцемъ: объ него можно было и поломать зубы. Иванъ рѣшилъ, что ему нечего упорствовать. Въ крайнемъ случаѣ, можно было и подѣлиться добычей съ такимъ соперникомъ, который ни за что не хотѣлъ уступить своей доли. Онъ тотчасъ собралъ свои войска въ Новгородѣ и самъ повелъ ихъ оттуда въ новый походъ. Однако, не возобновляя неудачныхъ попытокъ взять Ревель, онъ, неожиданно для всѣхъ, обрушился на польскую Ливонію. Здѣсь дѣло пошло, какъ по маслу. За исключеніемъ Риги вся область въ нѣсколько дней оказалась въ рукахъ завоевателя.

Торжество побѣдителя было ужасно. Мстя за свое двойное униженіе подъ Ревелемъ и въ Варшавѣ, Иванъ далъ волю своей ярости. Въ Леневарденѣ онъ приказалъ ослѣпить старика ландъ-маршалка, Каспара фонъ Мюнстеръ; послѣ этого несчастный умеръ подъ плетьми (*Карамзинъ*, Исторія IX, пр. 465). Другіе военачальники захваченныхъ городовъ подверглись четвертованію, были посажены на колъ или изрублены топоромъ. Въ Ашераденѣ, съ одного берега Двины на другой, въ продолженіе 4 часовъ можно было слышать крики 40 дѣвушекъ, которыхъ русскіе насиловали въ саду (*Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 697). Новые подвиги Магнуса еще болѣе вывели царя изъ себя. Иванъ уже готовъ былъ заподозрить своего союзника въ тайномъ соглашеніи съ Польшей. Конечно, это свидѣтельствовало о большой прозорливости царя. Впрочемъ, «король Ливоніи» пока еще не дошелъ до такой смѣлости. Онъ видѣлъ просто, что, выбирая между нимъ и царемъ, ливонцы безъ колебанія останавливались на меньшемъ изъ двухъ золъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ ихъ, Магнусъ начиналъ дѣйствовать самовластно: ясно, что онъ хотѣлъ создать себѣ положеніе настоящаго короля. Безъ всякихъ приказаній со стороны царя, онъ самовольно занялъ Кокенгузъ, Ашераденъ, Леневарденъ, Роннебургъ и Вольмаръ; Дерпту также грозила подобная участь. Магнусъ осмѣлѣлъ до того, что началъ требовать отъ русскихъ не безпокоить его «вѣрноподданныхъ». Онъ дѣйствовалъ точно во снѣ. Но тѣмъ горше было его пробужденіе. Иванъ устремился въ Кокенгузъ, гдѣ предалъ смерти 50 нѣмцевъ изъ свиты «короля». Послѣ этого онъ приказалъ Магнусу немедленно явиться къ нему. «Если не захочешь насъ слушать,—объяснялъ онъ Магнусу,—то мы готовы... Ступай въ свою землю, за море... Приставовъ въ твои городки, сколько Богъ помощи подастъ, пошлемъ, а деньги у насъ—сухари, какіе слу-

чились». Злополучный Магнусъ попробовалъ завязать съ Иваномъ миролюбивые переговоры. Однако, царь велѣлъ высѣчь его пословъ и вновь повторилъ свое приказаніе. На другой день Магнусъ уже былъ у ногъ Ивана. «Глупецъ,—воскликнулъ царь,—бродяга, нищій, принятый въ мое семейство; одѣтый, обутый мною...—ты измѣнилъ мнѣ!..» Послѣ этого онъ приказалъ запереть Магнуса подъ стражу и продержать его нѣсколько дней на соломѣ въ какой то лачугѣ. Затѣмъ, оставивъ Ашераденъ, гдѣ войска его чинили указанныя выше насилія, онъ повлекъ его за собою въ Венденъ. Этотъ городъ сдался; защитники крѣпости взорвали себя на воздухъ. Иванъ распорядился посадить на колъ на глазахъ населенія одного изъ знатныхъ плѣнниковъ—Георга Вике. Изъ Вендена вмѣстѣ со своимъ плѣнникомъ онъ тронулся на Дерптъ, который готовился къ не менѣе ужасной участи.

Вопреки ожиданіямъ, Иванъ помиловалъ городъ. Чувствуя въ своихъ рукахъ окончательную побѣду, Иванъ уже готовъ былъ смягчиться. Былъ прощенъ и Магнусъ, которому пришлось помириться всего на нѣсколькихъ небольшихъ городкахъ, предоставленныхъ ему во владѣніе. Зато онъ долженъ былъ заплатить царю 40.000 золотыхъ флориновъ... Однако, у него ничего не было за душою. Скоро послѣдній оплотъ его эфемернаго королевства, Оберпаленъ, оказался въ рукахъ шведовъ. Это было концомъ фантастической исторіи Магнуса. Самъ онъ бѣжалъ, добрался до Пильтена, а затѣмъ со всѣми своими задвинскими владѣніями, которыя принадлежали ему только номинально, передался Баторію. Однако, послѣдній отказался заключить съ нимъ какой-либо окончательный договоръ. Послѣ этого, до само своей смерти въ 1583 году, злополучный «король» влачилъ самое жалкое существованіе. Порою онъ доходилъ до крайней нужды, а иногда опять нѣсколько оправлялся, получивъ помощь то отъ брата своего курфюрста Саксонскаго, то отъ польскаго короля, которые, каждый по-своему, пытались воспользоваться его услугами. Что касается его несчастной вдовы, о которой Фридрихъ II говаривалъ, что ее всегда можно сдѣлать счастливой нѣсколькими кусками сахара и яблокомъ, то она вмѣстѣ съ двухлѣтней дочерью вернулась, наконецъ, въ Москву. Въ царствованіе Ѳеодора обѣ онѣ умерли въ Троицкомъ монастырѣ.

Между тѣмъ, Ивану скоро пришлось убѣдиться, что онъ допустилъ крупную ошибку. Онъ воображалъ себѣ, что окончательно раздѣлался съ поляками, и что теперь ему остается только сговориться

со шведами. На самомъ дѣлѣ нужно было бы поступить совершенно наоборотъ: первоначальный планъ Ивана оказывался наилучшимъ. Вполнѣ возможно, что Баторій охотно пошелъ бы на миръ съ царемъ. Какъ разъ при вступленіи его на польскій престолъ обнаружился обширный заговоръ—вручить Баторію венгерскую корону (*Szadeczky*, Bathory Istvan въ Szazadok отъ 15 дек. 1886 г. и въ Ungarische Revue, апрѣль—май 1887 г.). Конечно, для воеводы трансильванскаго Венгрія съ лихвою окупала какую-нибудь Ливонію. Однако, Иванъ лишалъ Баторія свободы дѣйствій: онъ вынуждалъ его забыть объ этой соблазнительной перспективѣ въ заботахъ о нападеніи съ Востока, которое новый польскій король не могъ оставить безнаказаннымъ. Иначе его положеніе въ Варшавѣ стало бы совершенно невозможнымъ. Волей-неволей счастливый соперникъ Максиміліана долженъ былъ принять вызовъ, брошенный Москвой. Вотъ почему, обезпечивъ себя со стороны Данцига покореніемъ этого города въ 1577 году, Баторій приготовился бросить на вѣсы судьбы свой мечъ, свой геній и все свое счастье выскочки, добившагося короны.

Можно, до извѣстной степени, оправдывать политику Ивана. Ни въ прошломъ самой Польши, ни въ предшествующей карьерѣ ея новаго короля ничто не предвѣщало того рѣзкаго перехода къ наступательнымъ дѣйствіямъ, съ которымъ это государство обрушилось на державу Ивана IV. Это налетѣло на Грознаго, какъ буря. И случилось оно именно тогда, когда и Москва, и Польша едва только оправлялись отъ пережитой внутренней смуты. Вліяніе этой смуты было, несомнѣнно, весьма значительно. Оно сказалось и на отмѣченныхъ выше перипетіяхъ борьбы, уже шедшей къ концу, и на самой ея развязкѣ. Ниже намъ еще придется коснуться послѣднихъ эпизодовъ этой борьбы. Но прежде необходимо выяснить, что ослабляло и, можно сказать, обезоруживало Ивана въ предѣлахъ его собственнаго государства*).

---

*) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ текстѣ и въ дополненіи къ библіографическимъ указаніямъ предшествующей главы, касающихся исторіи Ливоніи см.: *Fechner*, Chronik der evangelichen Gemeinde in Moscau,, Moscau, 1870, *Bienemann*, Aus baltisher Vorzeit, Leipzig, 1870, онъ же: Briefe und Urkunden, Riga, 1865, vol. V; *Karwowski*, De Livonia, Halle, 1870. — По исторіи Швеціи за эту эпоху см. *Annerstedt*, Die Begrüudung der scvedichen Herrchaft in Livland, Stockholm, 1868. *Evers*, Beiträge zur Kentniss Rus-

sland, Derpt, 1816, vol. X. — Нѣкоторые документы — въ Древней Русской Вивліоѳикѣ, 1891, т. I ч. 2-я.—По исторіи Даніи см. переписку Фрдриха II, изданную *Форстеномъ*, Акты и письма къ исторіи балт. вопроса, 1889—93; см. рецензію на это изданіе у *Th. Schiemann*, Historishe Zeitsherift, 1890, II, 382; Büschings Magazin, VII, Asrchiv—Nachrichten von Unterhandlungen zvischen Russ. und Dan. Höfe.—О сношеніяхъ Ивана съ императоромъ: см. Памятники дипломатическихъ сношеній. Спб. I; *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, I, введеніе.—О заключеніи Іоанна III см. работу о польскихъ процессахъ изъ дома Ягеллоновъ *Przezdzicçki*, Краковъ, 1868—78, III, 54 сл. (по польски); *Kraushaar*, Historya prawdziva. Краковъ, 1892.—О военныхъ дѣйствіяхъ—*Соловьевъ*, Исторія, VI; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія II.—Источники—русскія лѣтописи, Hist. Russiae monumenta, изд. Тургенева I; *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей въ 7 т. О-ва Ист. и Др. Dogiel, Codex Diplomaticus, 1758, t. V; *Strijkovski*, Zboir dzieyopisów polskich, I—II, 1766. *Sulicovius*, Commentarius brevis rerum polomicarum, Danzig, 1647, I. *Fletcher*, Russia at the close of XVI Century, London, 1856—О междуцарствіи въ Польшѣ—*Трачевскій*, Польское безкоролевіе, M. 1869, I т.; *Уманецъ*, Вырожденіе Польши, Спб., 1872, т. I, ср. статью *Малиновскаго* въ Чтеніяхъ О. И. и Др. VI; *Zakrzewsky*, Dzieje Bezkrólewia... 1574—1575. 1878 Краковъ; *De Noailles*, Henri de Valois et la Pologne, Paris, 3 v. 1867; *Czermak*, Parlamentaryzm litewski, Lemberg, 1 r.; *Reimann*, Die Polnische Königswahl von 1573, Historische Zeitschrift. 1867. *Вержбовскій*, Двѣ кандидатуры на польскій престолъ, Варшава, 1869, 1 т.; *Szadecky* Bathory Istvan, Budapest, 1887. Источники—*Сборники Историческаго О-ва*, LIX и LXXI. Scriptores rerune livonicarum, Riga-Leipzig, 1853—57, v. II; Historica Russiae monumenta, v. I.; *Broel-Plater*—Zbiór Pamietników, 1858 3 m. Варшава; *Schirren*, Quellen zur Gesch. des Untergangs Livl. Selbständigkeit, Archiv f. d. Gesch. Liv. Eslt. u. Curl., Reval, 1883—85; Mittheilrugen aus des liol. Gesch., Riga, 1847—58, III.; Reiträge zur Kunde Est. Livl. u Curl., Reval, 1868— *Kelch* Lieflädische Historia, Reval, 1695

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВНУТРЕННІЙ КРИЗИСЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Идейная и политическая эволюція.

1. Конфликтъ идей и принциповъ. — Опала Сильвестра и Адашева. — Бѣгство Курбскаго.

I.

Конфликтъ идей и принциповъ.

«Послѣ битвы при Монлери (1465), епископъ парижскій, совѣтники и духовенство явились къ королю Людовику XI въ Турнелль. Смиренно просили они его предоставить управленіе дѣлами государства «доброму совѣту». Въ этомъ совѣтѣ должны были засѣдать шестеро горожанъ, шестеро совѣтниковъ изъ парламента и столько же представителей университета... 16 лѣтъ спустя, въ 1481 году, графъ дю Першъ былъ арестованъ, по приказанію Людовика XI, и заключенъ въ самую тѣсную тюрьму, какая когда-либо существовала. Длина ея равнялась одному шагу съ половиной. Такая кара постигла графа зато, что онъ хотѣлъ покинуть Францію». (*Michelet*, Histoire de France, VII, 301, VIII, 343.)

Нѣчто подобное такой драмѣ разыгралось и въ Москвѣ, въ періодъ 1551—1571 гг. Конечно, обстоятельства дѣла были иныя, чѣмъ во Франціи; однако, они во многомъ ихъ напоминали. Я уже отмѣтилъ выше то идейное движеніе, которымъ сопровождалось начало личнаго правленія Ивана. Ливонская война съ ея дипломатическими осложненіями еще ближе подвинула Москву къ Европѣ. Разумѣется, это

только усилило указанное теченіе и поставило ему новыя задачи. Уже при отцѣ Ивана IV и подъ его покровительствомъ въ Москвѣ образовалась цѣлая слободка, заселенная иноземцами, призванными, будто бы, для личной охраны князя. Скоро тѣ поляки и литовцы, которые жили здѣсь, слились съ окружающимъ населеніемъ. Но спустя немного времени въ Москву прилила новая струя иноземцевъ. То были военноплѣнные побѣдоносныхъ войскъ Ивана или невольные переселенцы, приведенные либо съ поля битвы, либо изъ городовъ и селъ Ливоніи. Имъ отвели мѣсто на правомъ берегу Яузы. Здѣсь они и впослѣдствіи пользовались извѣстной автономіей и образовали нѣкоторый очагъ европейской культуры или разсадникъ людей, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи государства. Мы уже видѣли, какова была карьера Таубе и Крузе. Другіе выходцы Нѣмецкой Слободы—ливонцы Клоссъ, Бекманъ и др. заняли мѣсто въ кругу приближенныхъ царя и стали дѣятельными агентами московской дипломатіи.

Въ 1554 году случайная высадка англійскихъ мореплавателей на сѣверной окраинѣ московскаго государства ознаменовала для него начало новой эпохи, характеризуемой проникновеніемъ въ московскую державу европейскихъ вліяній. Одновременно съ этимъ, навстрѣчу западнымъ вліяніямъ шло движеніе изъ нѣдръ самой Москвы. Иванъ IV отправилъ въ Германію своего нарвскаго воеводу, Михаила Матвѣевича Лыкова; отецъ этого Лыкова взорвалъ себя на воздухъ, чтобы не сдать непріятелю города. Во время своего путешествія Михаилъ Матвѣевичъ долженъ былъ учиться и смотрѣть. Даже поѣздки русскихъ людей на Востокъ, предпринимавшіяся дотолѣ исключительно съ благочестивыми цѣлями, стали пріобрѣтать теперь совершенно новый характеръ. Въ 1560 году изъ Москвы выѣхалъ купецъ Василій Поздняковъ, которому было поручено передать денежную помощь патріарху Александрійскому и архіепископу горы Синайской. Между прочимъ, онъ долженъ былъ изучить и описать нравы тѣхъ странъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать. Этому отчету о путешествіи Позднякова посчастливилось перейти къ потомству и пріобрѣсти исключительную извѣстность—правда, подъ чужимъ именемъ и въ силу нѣкотораго недоразумѣнія.

Еще XV вѣкъ обогатилъ русскую литературу нѣсколькими разсказами паломниковъ къ святымъ мѣстамъ. Если вѣрить извѣстному лингвисту Срезневскому,—по своему интересу эти воспоминанія не

уступаютъ путевымъ впечатлѣніямъ Васко де Гама. Однако, они оставались неизвѣстными для широкаго круга читателей. Лѣтъ двадцать по возвращеніи Позднякова въ Москву его отчетъ о путешествіи былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ и всѣ прочіе. Но другому паломнику, именно, Трифону Коробейникову удалось привлечь къ себѣ общее вниманіе. Разсказъ о его приключеніяхъ извѣстенъ намъ болѣе, чѣмъ въ 200 спискахъ: онъ пережилъ 40 послѣдовательныхъ изданій и донынѣ является одною изъ самыхъ распространенныхъ книгъ. Можно найти его и въ лѣтописяхъ, и даже въ сборникахъ житій святыхъ отцовъ. А, между тѣмъ, Поздняковъ и Коробейниковъ представляютъ одно и то же. Точнѣе говоря, разсказъ второго былъ копіей съ перваго. Правда, Коробейниковъ посѣтилъ Константинополь два раза—въ 1582 и въ 1593 году. Но до святыхъ мѣстъ онъ такъ и не добрался. Конечно, подобное недоразумѣніе весьма обидно для памяти наиболѣе достойнаго изъ двухъ путешественниковъ. Во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствуетъ, что въ короткое время въ извѣстной области сдѣланъ былъ крупный шагъ впередъ. Правда, главное вниманіе Позднякова направлено въ сторону религіи, а также на страданія христіанскихъ народовъ подъ игомъ мусульманъ. Однако, тотъ интересъ и сочувствіе, которые вызывалъ его разсказъ у многочисленныхъ читателей, вскрываютъ передъ нами совершенно новую черту ихъ любознательности. Русское общество, очевидно, начинало выходить изъ той берлоги, въ которой оно спало уже 5 вѣковъ подъ рядъ. Оно стремилось на свѣжій воздухъ. То, что происходило тамъ, и тревожило его, и манило къ себѣ. Исторія Ганса Шлитте, упомянутая мною, въ этомъ смыслѣ имѣла еще особую, нѣсколько загадочную сторону. Во всякомъ случаѣ мы убѣждаемся, что этотъ вербовщикъ европейскихъ мастеровъ и рабочихъ для царя весьма широко понималъ свою миссію (*Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, I, 324, сл.). Онъ мистифицировалъ одновременно и Карла V, и папу Юлія III, выдавая себя за посла московскаго, которому поручено вести переговоры о соединеніи церквей. Вѣроятно, Иванъ ничего и не подозрѣвалъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, ганноверскій авантюристъ сумѣлъ воспользоваться покровительствомъ императора и былъ весьма тепло принятъ въ Римѣ. Естественно, что вокругъ его миссіи создался шумъ, привлекшій къ нему вниманіе какъ Германіи, такъ и Италіи, и весьма взволновавшій Польшу. Несомнѣнно, исторія Шлитте представляетъ собою одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи сближенія Россіи съ

Европой. Очевидно, это сближеніе должно было совершаться не сразу, а ощупью и постепенно.

Какъ мы знаемъ, Шлитте потерпѣлъ неудачу даже въ той части своей миссіи, выполняя которую онъ никого не обманывалъ. Однако, этотъ неуспѣхъ имѣлъ извѣстныя косвенныя послѣдствія, которыя, въ концѣ-концовъ, оказались не безполезными для самого дѣла. Узнавъ о томъ, какъ обошлись ливонцы съ его агентомъ, Иванъ издалъ особый указъ, распространявшійся на Новгородъ и его области. Этимъ указомъ запрещалось продавать въ Германію и Польшу военноплѣнныхъ нѣмцевъ. Ихъ приказано было отправлять на московскіе рынки. Одновременно царь потребовалъ, чтобы въ Москву присылались всѣ плѣнники, оказавшіеся знающими рудное дѣло или мастерами металлическаго производства.

Въ одномъ изъ своихъ любопытныхъ донесеній извѣстный намъ баварскій агентъ Вейтъ Ценге отмѣчалъ въ 1567 году удивительную способность русскихъ усваивать всякую иноземную цивилизацію— въ частности, промышленность, искусства, торговлю. Послѣ взятія Нарвы русскіе тотчасъ же завели сношенія съ нидерландскими провинціями и даже съ Франціей. Какъ только имъ показывали какую-либо новинку, они немедленно перенимали ее съ удивительной легкостью. Иванъ не хотѣлъ, чтобы эта способность его подданныхъ направлялась исключительно на матеріальныя блага. Начало книгопечатанія у славянъ, этого могущественнаго орудія идейной пропаганды, завѣщаннаго новой исторіи, относится къ 1491 году. Иванъ IV пожелалъ, чтобы въ числѣ другихъ мастеровъ, Шлитте доставилъ ему и книжныхъ печатниковъ. Въ Вильнѣ они появились уже въ 1525 году. Въ 1550 году Иванъ обратился съ такою же просьбой къ Датскому королю. Два года спустя тотъ прислалъ ему мастера—печатника и вмѣстѣ миссіонера, Ганса Яна Миссенгейма, который привезъ съ собою протестантскую библію и книги религіозно-полемическаго содержанія. Намъ неизвѣстно точно, къ чему привела эта попытка. Во всякомъ случаѣ, миссіонеръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности; но у печатника оказались ученики. Въ 1553 году въ Москвѣ появляются два первыхъ русскихъ печатника, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ; въ 1556 году мы видимъ въ Новгородѣ литейщика буквъ Василія Никифорова. Въ 1554 было окончено печатаніемъ первое произведеніе русскаго типографскаго искусства. То были Дѣянія Апостоловъ и Посланія св. Апостола Павла.

Съ точки зрѣнія орфографіи это изданіе страдаетъ многими недочетами; но внѣшность его была превосходна. Къ сожалѣнію, работа первыхъ печатниковъ была прервана бунтомъ московской черни. Припомнимъ, что и Людовику XI-му пришлось защищать своихъ первыхъ печатниковъ, вызванныхъ изъ Страссбурга, противъ обвиненія въ колдовствѣ. Ѳедоровъ и Никифоровъ принуждены были бѣжать въ Польшу. Однако, въ 1568 году, у нихъ нашелся подражатель, Андроникъ Невѣжа, который возобновилъ ихъ работу въ Москва. Здѣсь онъ напечаталъ Псалтирь; второе изданіе этой книги появилось въ 1578 году въ Александровской Слободѣ.

Значитъ, то были все еще однѣ церковныя книги? Несомнѣнно. Но тогдашніе читатели, даже на Западѣ умѣли найти въ этихъ книгахъ цѣлую бездну вещей, которыя мы уже разучились отыскивать. Во всякомъ случаѣ, то была литература, т.-е. умственная нища. Впрочемъ, на ряду съ перепиской Ивана и Курбскаго, о которой мнѣ придется говорить, вмѣстѣ съ разсказами о путешествіяхъ, только что упомянутыми мною, въ эту эпоху зарождалась на Руси и чисто мірская литература. Она пыталась уже проникнуть въ область, можно сказать, романтическаго творчества.

Національное русское творчество началось съ переработки нѣкоторыхъ мотивовъ чужеземнаго происхожденія, перешедшихъ къ этому времени вмѣстѣ со всѣмъ литературнымъ наслѣдіемъ прошлаго. Эти старые мотивы были дополнены и пріурочены къ текущей современности. Такой метаморфозѣ подверглось, между прочимъ, извѣстное сказаніе о князѣ Волошскомъ Дракулѣ. Разсказъ о томъ, какъ воевода велѣлъ прибить гвоздями шапки иностранныхъ пословъ къ ихъ головамъ, сталъ уже относиться теперь къ Ивану. Въ своемъ знаменитомъ посланіи къ царю Ивашка Пересвѣтовъ упоминаетъ о какихъ-то двухъ книжкахъ, переданныхъ имъ государю. Одна изъ нихъ остается намъ неизвѣстной. Другая представляетъ собою нѣчто въ родѣ романа—не то политическаго, не то историческаго содержанія. Въ ней приводятся рѣчи воеводы Волошскаго Петра, которыя, впрочемъ, повторяются и въ посланіи Ивашки. Далѣе идетъ разсказъ о тѣхъ казняхъ, которымъ султанъ Магометъ подвергалъ неправедныхъ судей и ябедниковъ. Очевидно, этотъ матеріалъ имѣлъ цѣлію оправдать грозный режимъ Ивана IV. Воспроизведено это сочиненіе въ запискахъ Казанскаго университета въ 1865 году.

Духовныя вліянія внѣшняго міра проникали всѣми указанными

путями въ русское общество XVI вѣка. Реакція, возбуждаемая ими здѣсь, принимала самыя разнообразныя формы. Конечно, наиболѣе доступенъ для всякаго идейнаго воздѣйствія былъ верхній слой общества, т.-е. то образованное боярство, самымъ выдающимся представителемъ котораго былъ Курбскій. Здѣсь новыя умственныя теченія создавали такое же оппозиціонное настроеніе, съ которымъ Людовикъ XI боролся въ XV вѣкѣ во Франціи. Эти теченія несли съ собою духъ свободы, они возбуждали жажду независимости и, естественно, влекли къ прямому конфликту съ самодержавіемъ, крѣпнувшимъ на почвѣ старыхъ традицій. Совершенно иначе вліяло такое идейное возбужденіе на самого представителя московской государственной власти. Конечно, онъ отнюдь не оставался чуждъ той умственной пищѣ, которая приходила съ Запада. Но ею онъ склоненъ былъ пользоваться для самыхъ практическихъ цѣлей; онъ стремился къ преобразованію своего государства на новыхъ, но менѣе всего либеральныхъ началахъ. Война, въ которую вовлеченъ былъ Иванъ стоила ему дорого; она ясно обнаруживала недостатки его державы съ точки зрѣнія военной, финансовой и административной организаціи. Грозный ясно понималъ, что не можетъ равняться со своими европейскими соперниками. Когда же онъ пытался вооружить свое государство по ихъ образцу, противъ него возставалъ цѣлый міръ старинныхъ правъ, наслѣдственныхъ привилегій и родовыхъ преимуществъ. Власть этого стараго порядка чувствовалась даже на полѣ брани. Она мѣшала Ивану. Она стѣсняла его дѣйствія, парализовала его силы и вносила разладъ въ его распоряженія.

Конечно, Иванъ Васильевичъ не былъ противникомъ родового начала. Онъ самъ опирался на него въ своихъ правахъ и притязаніяхъ. Ему нужны были, однако, сотрудники незнатнаго происхожденія: онъ хотѣлъ, чтобы ему служили и повиновались. Но когда одинъ изъ такихъ слугъ попалъ въ руки татарамъ и умолялъ царя о помощи, Иванъ не преминулъ написать ему, посылая выкупъ въ 2000 рублей, что прежде такіе людишки не стоили и 50 рублей! Разумѣется, высшее боярство, занесенное въ списки служилыхъ людей, не умѣло такъ служить и повиноваться; научиться же этому отъ другихъ оно не имѣло ни малѣйшей охоты. Затянувшаяся ливонская война требовала мобилизаціи всѣхъ наличныхъ силъ и постояннаго содержанія ихъ въ боевой готовности. Это неизбѣжно должно было повести къ конфликту, въ которомъ старая удѣльная Русь и московскій госу-

дарственный порядокъ должны были возобновить свою вѣковую борьбу въ иной, болѣе современной формѣ. Что представляла собою эта старая Русь? Механическое соединеніе большихъ и малыхъ княжествъ. Руководящимъ началомъ ихъ политическаго порядка былъ свободный договоръ между княземъ и его вольными слугами, которые помогали ему какъ и когда хотѣли. Словомъ, здѣсь не было ни тѣни принужденія, но зато и ничего прочнаго и постояннаго. Совершенную противоположность являло собою московское государство. Оно было сковано принципомъ централизаціи и опиралось на обязательную службу всѣхъ подданныхъ, раздѣленныхъ на группы и несущихъ на себѣ строго установленныя обязанности. Подножіе этого порядка представляли собою тяглые люди, занятые земледѣліемъ или промыслами и дающіе доходъ государственной казнѣ. Надъ ними стояли служилые люди государства, несущіе на себѣ военныя и административныя обязанности и отдающіе царю всю свою жизнь чуть ли не съ дѣтства до послѣдняго издыханія. Одни были потомствомъ когда-то свободныхъ крестьянъ; предками другихъ являлись вольные дружинники князя. Но и тѣ, и другіе стали теперь послушными колесами правительственной машины. Ими—этими воеводами, губными старостами и цѣловальниками—государственная власть пользовалась для того, чтобы выкачивать источники народнаго благосостоянія. Что же то былъ за порядокъ? Полнѣйшее и повсемѣстное подавленіе свободы; господство служебнаго долга, дисциплины и рабства.

Около половины шестнадцатаго столѣтія дѣдъ Ивана Грознаго уже разгромилъ два крупнѣйшихъ рода—Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ. Этотъ ударъ только обострилъ оппозиціонное движеніе, центромъ котораго являлась келія Максима Грека. Въ самомъ дѣлѣ, борьба двухъ религіозныхъ и умственныхъ теченій эпохи находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ враждою двухъ политическихъ партій. Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи *осифляне* являлись проводниками византійскаго ученія о самодержавной власти государя. Напротивъ, защитники стараго свободно-договорнаго порядка находили себѣ поддержку въ *заволжскихъ старцахъ* . Оба оппозиціонныхъ лагеря, какъ политическій, такъ религіозный, сходились лишь въ вопросѣ о раздѣленіи власти и о законномъ воздѣйствіи на государя. Одни требовали для бояръ права участія въ совѣтѣ царскомъ, другіе—для духовенства права предстательства и защиты обвиняемыхъ передъ верховной властью.

Такія задачи стояли предъ Иваномъ. Разрѣшая ихъ, онъ частью опирался на историческіе прецеденты, частью же дѣйствовалъ въ духѣ личныхъ склонностей и настроеній. Во всякомъ случаѣ, его нельзя признать ни первымъ самодержцемъ, ни первымъ сторонникомъ террора. Послѣдній сталъ уже съ XV вѣка обычнымъ средствомъ правительственной политики русскихъ государей.

Грозный былъ представителемъ и борцомъ самодержавной и мощно централизованной государственной власти. Онъ наслѣдовалъ эту власть отъ прошлаго, но пытался сообщить ей новую силу. Можно ли признать его тѣмъ разочарованнымъ идеалистомъ, какимъ изображаютъ его нѣкоторые славянофилы? Можно ли думать, что, въ порывѣ отчаянія, онъ разилъ своими руками то, что не поддавалось его преобразовательной работѣ? Можно ли оправдывать его тѣмъ, что онъ изливалъ свою тоску, окружая себя развалинами и ища опьянѣнія своему страждущему духу среди хаоса разрушенія и крови? Такое представленіе объ Иванѣ слишкомъ упрощаетъ его фигуру. Во всякомъ случаѣ, принять его безъ оговорки является совершенно невозможнымъ.

Разумѣется, въ дѣятельности Ивана Грознаго, какъ и раньше я указывалъ, было много похожаго на опьянѣніе и даже на безуміе. Немудрено, что, какъ личность, такъ и политика этого государя встрѣчали себѣ, донынѣ, лишь отрицательную оцѣнку. Можно сказать, что все дѣло Грознаго едва не было предано полному забвенію. Однако, вліяніе нѣкоторыхъ его реформъ чувствуется въ Россіи и до нашихъ дней. Оно сообщаетъ политическому и соціальному строю этого государства тотъ особый отпечатокъ, который невольно бросается въ глаза постороннему наблюдателю.

Было бы несправедливостью, вслѣдъ за Константиномъ Аксаковымъ признавать Іоанна IV за трагическаго лицедѣя, который изыскивалъ живописныя позы и драматическія положенія (*К. Аксаковъ*, Сочиненія, 2-е изд., I, 114 сл.). Такъ же невозможно согласиться съ Костомаровымъ, который клеймилъ Ивана, какъ самаго низменнаго и вульгарнаго деспота. Наконецъ, нельзя принять и точку зрѣнія Михайловскаго, который усматривалъ въ Иванѣ самаго обыкновеннаго маніака (Критическіе Опыты, 1895, 112). Отъ своихъ предшественниковъ Иванъ унаслѣдовалъ государство, основанное на самыхъ архаическихъ началахъ. Однако, оно уже начинало преобразовываться. При этомъ оно стремилось освободиться отъ нѣкоторыхъ

принциповъ стараго, удѣльнаго порядка; но, съ другой стороны, оно хотѣло удержать, сохранить и развить кое-какія изъ тѣхъ же старыхъ основъ въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями жизни. Духовными наставниками Ивана были Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Топорковъ. Отъ нихъ онъ воспринялъ идею своей божественной власти. Эта власть не можетъ быть ни ограничена, ни раздѣлена ни съ кѣмъ, ни подчинена какому-либо контролю. Наконецъ, многое Иванъ получилъ и отъ самой природы. Она дала ему своенравный, деспотическій и раздражительный характеръ. Она одарила его пылкимъ и необузданнымъ воображеніемъ. Она надѣлила его тонкимъ, живымъ, проницательнымъ и острымъ умомъ. Однако, этотъ умъ страдалъ недостаткомъ положительности и былъ неуравновѣшенъ: онъ постоянно впадалъ въ крайности и преувеличенія. Въ томъ, какъ понималъ и выполнялъ Иванъ свою роль, сказывались всѣ эти данныя и свойства Грознаго. Иванъ ставилъ себя на недосягаемую высоту: онъ полагалъ, что все ему должно повиноваться. Сталкиваясь съ препятствіями, онъ ломалъ ихъ точно такъ же, какъ его предшественники. Но при этомъ ему приходилось затрачивать больше силъ, ибо оказываемое ему сопротивленіе было уже болѣе упорнымъ. Наконецъ, онъ дѣйствовалъ болѣе тираннически: но таковъ былъ его темпераментъ.

Такъ же, какъ и его предшественники, Иванъ не допускалъ никакого посягательства на свою волю. Онъ не терпѣлъ совѣтовъ, которыхъ самъ не спрашивалъ. Какъ и другіе московскіе государи, онъ правилъ самовластно. Но при этомъ онъ вносилъ въ свое правленіе больше жестокости и эксцентричности. Конечно, это опять зависѣло отъ его крутого характера и отъ его ума, всегда склоннаго ко всему фантастическому. Я постараюсь показать, однако, что несмотря на это, Иванъ неизмѣнно оставался строго послѣдовательнымъ. Упорно идя своимъ путемъ, вопреки большинству, если не всѣмъ, онъ утверждалъ, однако, что далекъ отъ всякаго деспотизма. Въ свое оправданіе этотъ практикъ и реалистъ ссылался на самую отвлеченную, трансцендентальную теорію. Царь подчинялъ своихъ подданныхъ суровымъ законамъ; онъ навязывалъ имъ нерѣдко такія задачи, отъ которыхъ многіе старались уклониться. Ради чего, во имя какой цѣли все это дѣлалось? Хотѣлъ ли Иванъ создать великую державу? Думалъ ли онъ завоевать Ливонію послѣ Казани и Астрахани? Мечталъ ли онъ о побѣдахъ, которыя увѣнчаютъ его славою? О, нѣтъ! Единственною

цѣлью царя было просвѣтить своихъ подданныхъ свѣтомъ Божественной Истины. Противъ власти его возставали; но развѣ не безумными, развѣ не слѣпцами были тѣ, которые злоумышляли противъ его особы? Его правленіе, разумѣется, не было деспотическимъ; но такъ же мало было оно и дѣломъ его личной воли. Въ самомъ дѣлѣ,—какія силы руководили его политикой? Милосердіе Божіе, милость Пресвятой Богородицы, молитвы всѣхъ святыхъ и благословеніе прежнихъ государей... Самъ царь являлся лишь живымъ орудіемъ всѣхъ этихъ высшихъ началъ. Какое же мѣсто могли занять рядомъ съ нимъ бояре? Очевидно, эти люди, дающіе назойливые или вѣроломные совѣты, эти смутьяны и предатели, эти псы, раскрывающіе пасть свою на господина, должны были совершенно стушеваться. Царь слушалъ того, кого хотѣлъ. Онъ награждалъ того, кого было ему угодно Онъ наказывалъ тогда, когда считалъ нужнымъ это сдѣлать. Такимъ образомъ въ своемъ государствѣ онъ утверждалъ какъ бы Царствіе Божіе.

Очевидно, что съ человѣкомъ, такъ понимавшимъ свою власть и свою миссію, былъ невозможенъ какой бы то ни было споръ. Тѣмъ менѣе мыслимо было для него раздѣленіе власти. Впрочемъ, обратимся къ самой исторіи рокового конфликта.

II.

Опала Сильвестра и Адашева.

Много спорили и спорятъ донынѣ о характерѣ и роли тѣхъ двухъ лицъ, вліянію и совѣтахъ которыхъ Иванъ, какъ будто, подчинялся нѣкоторое время. И въ дѣятельности, и во взглядахъ Сильвестра съ Адашевымъ можно отмѣтить не мало противорѣчій. Сперва, повидимому, они колебались между двумя враждебными сторонами. Затѣмъ, надо думать, въ нихъ возобладали тѣ склонности, которыя естественно вытекали изъ ихъ происхожденія, идейныхъ симпатій и политическихъ связей. Словомъ, они примкнули къ оппозиціонному лагерю. Здѣсь, въ концѣ-концовъ, они попытались было составить особую избранную группу, въ которой сохраняли за собою руководящее положеніе. Мы знаемъ, что оба эти дѣятеля были предметомъ самой горячей защиты со стороны князя Курбскаго. Это обстоятельвсто устраняетъ почти всякія сомѣннія насчетъ дѣйствительной роли Сильвестра и Адашева.

Начиная съ 1551 г. главное совѣщательное учрежденіе государства, боярская дума, дѣйствовало неправильно, съ перерывами; очевидно, оно было оттѣснено на второй планъ тѣмъ личнымъ совѣтомъ царя, существованіе котораго въ эту эпоху было уже мною отмѣчено. Въ исторіи западныхъ монархій можно найти соотвѣтственныя учрежденія. Таковы были consistorium principis или consilium aulicum въ Германіи, commune consilium норманнскихъ королей въ Англіи и, наконецъ, consilium regium во Франціи. Адашевъ и Сильвестръ принимали участіе въ этомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ Курбскимъ, а также нѣкоторыми другими боярами и представителями духовенства. Курбскій упоминаетъ въ ихъ числѣ митрополита Макарія и трехъ Морозовыхъ—Михаила, Владиміра и Льва. Другіе документы указываютъ еще князей Дмитрія Курлятева и Семена Ростовскаго. Повидимому, до самой Ливонской войны Сильвестръ занималъ въ совѣтѣ, если не совершенно исключительное, то, во всякомъ случаѣ, преобладающее положеніе. Мы знаемъ, что направленіе Сильвестра было чисто-церковнымъ. Намъ извѣстны его властный характеръ и мелочный педантизмъ. Въ соединеніи съ качествами ловкаго и тонкаго царедворца, сказывающимися въ Домостроѣ, всѣ эти данныя сообщали Сильвестру извѣстное обаяніе въ глазахъ молодого государя. Надо помнить, что Иванъ былъ глубоко религіозенъ и еще недостаточно увѣренъ въ самомъ себѣ. Въ 1553 году, однако, началось первое охлажденіе между наставникомъ и его ученикомъ. Иванъ тяжко заболѣлъ. Опасаясь конца, онъ, естественно, озаботился назначеніемъ себѣ наслѣдника. Наслѣдованіе престола по порядку первородства установилось еще, сравнительно, недавно. Поэтому царь счелъ за лучшее привести своихъ подданныхъ къ присягѣ малолѣтнему сыну, Дмитрію. Но тутъ выступилъ двоюродный братъ царя, князь Владиміръ Андреевичъ. Онъ заявилъ свои права на московскій престолъ. То было возвращеніемъ къ старому порядку, когда дядья имѣли преимущество предъ племянниками въ наслѣдственныхъ правахъ. Легко представить себѣ, какъ взволновался и разгнѣвался больной государь, когда, на глазахъ его, большинство бояръ примкнуло къ Владиміру Андреевичу, открыто поддерживая его притязанія! Какіе мотивы руководили ими? Конечно, прежде всего привязанность къ прошлому. Но еще больше, пожалуй, сказывалась тутъ оскорбленная гордость этой знати передъ лицомъ тѣхъ родственниковъ молодого царевича съ материнской стороны, которымъ они должны были служить отнынѣ. Само по себѣ, царство-

ваніе дитяти улыбалось боярамъ: оно надолго обезпечивало олигархическое господство. Но чье? Въ правленіе Елены Глинской изъ-за власти спорили Шуйскіе съ Бѣльскими. Но тѣ, по крайней мѣрѣ, были потомками древнихъ князей. Теперь наступала очередь самыхъ обыкновенныхъ выскочекъ... И вотъ, у самаго ложа, гдѣ мучился царь въ ожиданіи конца, его вельможи упорно отказывались ему повиноваться. «Не хотимъ цѣловать крестъ Захарьинымъ!» Между тѣмъ, Владиміръ съ матерью не теряли времени. Чтобы возбудить рвеніе своихъ сторонниковъ, они раздавали деньги и обѣщали всевозможныя милости. Сами Захарьины, повидимому, оробѣли: было ясно, что они готовы отступить отъ своихъ правъ.

Въ этотъ критическій моментъ взоры Ивана, естественно, обратились на Сильвестра и Адашева. Онъ надѣялся, что они безъ колебаній выступятъ для того, чтобы всѣмъ своимъ авторитетомъ поддержать слабѣйшую сторону законнаго наслѣдника престола. Но Ивану суждено было горькое разочарованіе. Только князь Владиміръ Воротынскій да дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый проявили несокрушимую преданность и энергію; имъ удалось привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ бояръ. Что касается Сильвестра и Адашева, то они не пошевелили и пальцемъ. Правда, они не отказывались принести присягу Дмитрію. Однако, они сохраняли благоразумный нейтралитетъ, не вмѣшиваясь въ тѣ страстные споры, которые въ самыхъ покояхъ умирающаго нарушали тишину и еще увеличивали страданія Ивана. Отецъ царскаго любимца, окольничій Θедоръ Адашевъ, уже прямо высказывался въ пользу Владиміра. Въ этихъ бурныхъ сценахъ прошелъ цѣлый день. На утро царь почувствовалъ себя легче. Тогда число сторонниковъ Дмитрія сразу увеличилось. Владиміръ Андреевичъ въ безпокойствѣ прибѣжалъ во дворецъ: онъ хотѣлъ было проникнуть въ комнату царя, куда не пожелалъ и заглянуть наканунѣ. Но преданные Ивану бояре задержали его на порогѣ. Только одинъ голосъ раздался въ его защиту, требуя, чтобы Владиміръ Андреевичъ былъ допущенъ къ царю. То былъ голосъ Сильвестра. Мы знаемъ уже, что онъ былъ связанъ съ княземъ старинной дружбой.

Иванъ выздоровѣлъ, но не забылъ пережитаго. Желая выполнить обѣтъ, данный по время болѣзни, онъ отправился вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ отдаленный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. По словамъ Курбскаго, Максимъ Грекъ пытался воспрепятствовать выполненію этого благочестиваго намѣренія. Дѣло въ томъ, что монахи

Кирилло-Бѣлозерской обители были сторонниками Іосифа Волоцкаго. Этого мало. По пути царь долженъ былъ заѣхать въ Пѣсношскій монастырь на Яхромѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ выдающихся представителей того же направленія—Вассіанъ Топорковъ. Онъ заточенъ былъ сюда боярами еще въ 1542 году. Курбскій разсказываетъ, будто Максимъ Грекъ даже предсказалъ Ивану, что сынъ его умретъ на дорогѣ. Это пророчество оправдалось. Быть можетъ, слабый ребенокъ не вынесъ суровой зимы; легко допустить, что онъ сталъ жертвой какой-либо случайности—напримѣръ, утонулъ, какъ разсказываетъ одно преданіе... Во всякомъ случаѣ, царь вернулся съ трупомъ младенца. Но зато онъ свидѣлся съ Топорковымъ и, по словамъ Курбскаго, обратился къ нему за совѣтомъ. Какъ нужно царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи? Вассіанъ прошепталъ въ отвѣтъ: «не держи при себѣ ни одного совѣтника, который бы былъ умнѣе тебя». Собственно говоря, такой совѣтъ граничилъ съ дерзостью. Врядъ ли можно допустить, чтобы Вассіанъ осмѣлился дать его въ подобной формѣ. Впрочемъ, этотъ эпизодъ воспроизводится въ одномъ изъ писемъ Курбскаго къ Грозному, при чемъ царь оставляетъ его безъ возраженія. Можно предположить, слѣдовательно, что въ основѣ его заключается истина. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что послѣ пережитыхъ событій между царемъ и боярами должны были господствовать обоюдное озлобленіе и недовѣріе. Если непокорные вельможи отказались цѣловать крестъ Дмитрію, то ясно, что такимъ образомъ они заявляли протестъ противъ новаго порядка вещей. Въ ихъ глазахъ вступленіе на престолъ малолѣтняго царевича изъ дома Захарьиныхъ освящало собою ненавистный имъ государственный строй.

Въ ближайшіе затѣмъ годы боярская оппозиція еще усилилась. Конечно, открытое сопротивленіе, другими словами, борьба съ оружіемъ въ рукахъ—не имѣло мѣсто за этотъ періодъ. Поэтому нѣкоторые историки и готовы были совершенно отрицать самый фактъ оппозиціи. Очевидно, однако, что они смѣшивали московское царство XVI вѣка съ французской монархіей Людовика XI. Мы знаемъ уже, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не было твердой организаціи общественныхъ элементовъ. Поэтому борьба имѣла здѣсь совершенно особый характеръ. Она не была коллективной и такимъ образомъ не могла силѣ противопоставить силу. Но, вѣдь, были же тамъ такіе люди, какъ Бѣльскій, которые предлагали свою помощь внѣшнимъ врагамъ государства въ надеждѣ вернуть при ихъ поддержкѣ

свои прежнія, но уже утраченныя права? Были же другіе, которые, подобно Мстиславскому, показывали татарамъ дорогу на Москву? Развѣ не были мятежниками эти перебѣжчики и предатели?

Характерно, что, именно, съ 1554 года эмиграціонное движеніе московскаго боярства принимаетъ угрожающіе размѣры. Въ іюлѣ былъ настигнутъ и схваченъ на дорогѣ въ Литву князь Никита Дмитріевичъ Ростовскій. Обнаружилось, что вся его семья съ обширной родней—Лобановыми, Пріимковыми, вступила въ сношенія съ польскимъ королемъ. Съ точки зрѣнія удѣльно-княжескихъ нравовъ, въ подобномъ образѣ дѣйствій не было ничего преступнаго. Князь Ростовскій пользовался только исконнымъ правомъ *отъѣзда*. Очевидно, старыя понятія и обычаи сохраняли еще значительную силу: это ясно изъ того, что царь не рѣшился примѣнить къ виновному слишкомъ суровыя мѣры. По настоянію многихъ вліятельныхъ лицъ, Ростовскій былъ, просто, сосланъ въ Бѣлоозеро. Но, разумѣется, царь былъ не очень доволенъ подобнымъ вмѣшательствомъ. А, между тѣмъ, въ числѣ заступниковъ мы опять видимъ Сильвестра!

Вполнѣ вѣроятно, что, именно, съ этого времени, положеніе Сильвестра и Адашева замѣтно поколебалось. Началась Ливонская война— и здѣсь образъ дѣйствій обоихъ этихъ лицъ никакъ не могъ вернуть имъ прежнее вліяніе. Сильвестръ съ Адашевымъ открыто стали на сторону бояръ, которые высказывались противъ этого предпріятія Ивана. Очевидно, московская знать хотѣла избѣгнуть безпокойствъ, связанныхъ съ войною, а также была недовольна отступленіемъ московской внѣшней политики отъ старыхъ традицій. Впрочемъ, до самаго іюля 1560 года, Адашевъ, повидимому, еще игралъ нѣкоторую роль въ дипломатическихъ отношеніяхъ. Но затѣмъ онъ уже удаляется отъ двора и ѣдетъ какъ бы въ почетную ссылку. Другими словами, онъ отправляется въ дѣйствующую ливонскую армію, чтобы занять мѣсто третьяго воеводы большого полка. Одновременно съ этимъ Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлоозерскій монастырь. Какъ извѣстно, эта обитель всегда служила убѣжищемъ для великихъ міра сего, низвергнутыхъ съ высоты. Излагая исторію Ивана Грознаго, Курбскій, очевидно, путаетъ событія и даты: въ его изображеніи опала Сильвестра и Адашева была связана съ болѣзнью и смертью царицы Анастасіи. По словамъ Курбскаго, оба царскихъ любимца были обвинены въ отравленіи Анастасіи. Однако, царица заболѣла въ ноябрѣ 1559 года; умерла она лишь десять мѣсяцевъ спустя,—слѣдовательно,

уже послѣ удаленія Адашева и Сильвестра. Помимо того, царица болѣла долго,—что совершенно исключаетъ, повидимому, всякую мысль объ отравленіи. Да, наконецъ, если бы и раскрылось подобное злодѣяніе, разумѣется, виновные понесли бы иное наказаніе. Впрочемъ, послѣ смерти царицы, Сильвестръ съ Адашевымъ были привлечены къ суду. Но немилость никогда не постигаетъ человѣка сразу. По соображеніямъ ли осторожности, или же въ память прежняго своего расположенія къ бывшимъ любимцамъ—но Иванъ не рѣшился вдругъ обрушить на нихъ всю тяжесть своего гнѣва. На этотъ разъ оба они отдѣлались сравнительно, легко. Одинъ былъ сосланъ въ болѣе отдаленный Соловецкій монастырь. Другой заключенъ былъ въ тюрьму, послѣ короткаго пребыванія въ ливонскомъ Феллинѣ: сюда онъ былъ сперва назначенъ воеводой, но, повидимому, не сумѣлъ повести себя съ должною осторожностью. Ясное дѣло, что судьи отвергли обвиненіе въ отравленіи царицы; весьма вѣроятно, что этотъ вопросъ даже и не обсуждался. А, между тѣмъ, судъ того времени былъ не слишкомъ требователенъ по отношенію къ уликамъ. Правда, впослѣдствіи самъ Иванъ упрекалъ своихъ невѣрныхъ друзей въ томъ, что они разлучили его съ возлюбленной его «юницей». Но то говорилось въ припадкахъ изступленія, среди яростныхъ воплей, напоминающихъ ревъ зубра, тоскующаго въ лѣсахъ по своей самкѣ. Но и тогда царь призывалъ Сильвестра на судъ божественнаго Агнца: онъ не хотѣлъ, по его словамъ, вступать съ нимъ въ тяжбу здѣсь, на землѣ. Да и въ самыхъ обвиненіяхъ Ивана было слишкомъ много противорѣчій. То онъ утверждалъ, будто его безродные любимцы старались возвысить своихъ клевретовъ изъ московской знати едва ли не на одинъ уровень съ царемъ; то, напротивъ, онъ приписывалъ имъ стремленіе принизить этихъ вельможъ до собственнаго уровня. Порою онъ поносилъ ихъ за то, что они содѣйствовали нѣкоторымъ его преобразованіямъ,—и тутъ же указывалъ на самыя дорогія для него реформы, какъ, напримѣръ, на обращеніе вотчинъ въ помѣстья. Очевидно, что всѣ эти упреки, встрѣчающіеся въ перепискѣ Ивана съ Курбскимъ, являются не болѣе, какъ простымъ полемическимъ пріемомъ; а мы уже знаемъ, что въ полемикѣ Иванъ никогда не заботился ни о точности выраженій, ни о самой правдѣ. Онъ всячески старался доказать, что въ правленіи его принимали участіе постороннія руки: такимъ образомъ онъ надѣялся уменьшить свою собственную отвѣтственность за то, что происходило въ его царствованіе. Во имя этой

цѣли, Иванъ, нисколько не смущаясь, преувеличивалъ и извращалъ факты. Если вѣрить ему, Сильвестръ съ Адашевымъ держали его всецѣло подъ своею опекою: они даже устанавливали число часовъ, потребныхъ для сна государя! По словамъ Ивана, онъ былъ точно младенецъ, не имѣющій собственной воли. Подчеркивая это, Иванъ тѣмъ самымъ пытался отразить упреки Курбскаго, который жаловался на непомѣрные труды свои, несомые по царскому повелѣнію. Кто могъ такъ распоряжаться Курбскимъ? Развѣ вмѣстѣ съ попомъ и съ Адашевымъ—этимъ псомъ, поднятымъ изъ «гноища», не былъ князь когда-то полновластнымъ государемъ?

Мы знаемъ, что Ливонская война была начата Иваномъ и продолжалась по его желанію вопреки всей «избранной радѣ». Эта война, въ извѣстной мѣрѣ, подтверждаетъ указанія царя. По свидѣтельству Курбскаго, послѣ взятія Казани, всѣ «люди разума» совѣтовали Ивану остаться на нѣкоторое время въ городѣ. Мы знаемъ, однако, что царь принялъ совершенно иное рѣшеніе. Нѣсколько позже, въ 1555 году, тѣ же совѣтники Ивана имѣли уже нѣсколько большій успѣхъ, когда уговаривали государя не бѣжать отъ татаръ. Сопоставляя эти факты, мы ясно видимъ, въ какой мѣрѣ подчинялся царь вліянію своихъ приближенныхъ. Что касается, въ частности, Сильвестра, то его роль опредѣляется еще однимъ указаніемъ: его мы находимъ въ письмѣ самого Благовѣщенскаго протоіерея къ митрополиту Макарію по поводу назначенія одного игумена. Изъ письма видно, что царь поручилъ Сильвестру выяснить достоинства имѣвшихся кандидатовъ. Заключенія Сильвестра по этому дѣлу были изложены въ особомъ докладѣ. Однако, царя не было въ Москвѣ: поэтому все дѣло оставалось безъ движенія.

Съ того самаго дня, когда Сильвестръ и Адашевъ отказались выступить на защиту Дмитрія, они уже не могли пользоваться расположеніемъ царицы Анастасіи. Вполнѣ возможно, что преждевременная смерть молодой государыни оказала свое вліяніе на ихъ судьбу. Можно допустить также, что паденіе обоихъ любимцевъ было ускорено какимъ-нибудь другимъ событіемъ, которое намъ, однако, неизвѣстно. Вообще, весь этотъ періодъ царствованія остается довольно темнымъ.

Послѣдніе годы жизни Сильвестра также покрыты мракомъ. Черезъ два года по заключеніи въ тюрьму Адашевъ умеръ. «Если бы вы не отняли у меня мою юницу», повторялъ Иванъ,—«то Кроновыхъ жертвъ и не было бы...» Нужно запомнить это характерное призна-

ніе. Курбскій разсказываетъ объ одной вдовѣ польскаго происхожденія, Маріи Магдалинѣ: ее обвинили въ преступныхъ сношеніяхъ съ Адашевымъ; вмѣстѣ съ пятью сыновьями она была предана смерти. Одновременно съ этимъ подверглись казни нѣсколько родственниковъ бывшаго любимца: таковы были его братъ Даніилъ съ двадцатилѣтнимъ сыномъ и съ тестемъ своимъ, Туровымъ. Съ ними погибли и трое братьевъ Сатиныхъ, сестра которыхъ была замужемъ за Алексѣемъ Адашевымъ; кромѣ нихъ, были и еще другія жертвы. Словомъ, было пролито не мало крови. Иванъ начиналъ уже проводить свою систему массовыхъ казней. Онъ истреблялъ своихъ враговъ цѣлыми семьями, и красный потокъ, заструившійся въ это время, долженъ былъ литься еще много лѣтъ. Правда, жестокость была, вообще, свойственна нравамъ той эпохи, даже на Западѣ. Стоитъ вспомнить только кровавыя гекатомбы Генриха VIII и Елисаветы, Филиппа II и Карла IX... Но въ казняхъ Ивана сказывались порывы его бурнаго темперамента и причуды полуазіатскаго деспота. Курбскій разсказываетъ, что въ эту пору царствованія нѣкій князь, Михаилъ Рѣпнинъ, былъ приглашенъ на пиръ во дворецъ. Здѣсь онъ отказался дѣлить общее веселіе: когда ему хотѣли надѣть личину, онъ сорвалъ ее съ себя и растопталъ ногами. Нѣсколько дней спустя, по приказанію царя, князь былъ убитъ въ церкви во время чтенія евангелія. Такая же судьба постигла и князя Юрія Кашина. Собственно говоря, Иванъ не отрицалъ самихъ фактовъ; онъ только утверждалъ, что не осквернялъ никогда Божьяго храма. По свидѣтельству Гваньино въ ту же пору погибъ другой представитель высшей знати, именно, молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ. Онъ повздорилъ съ новымъ любимцемъ царя, молодымъ Ѳедоромъ Басмановымъ, которому онъ бросилъ въ лицо оскорбительный упрекъ: «Предки мои и я служили всегда съ пользою государю», воскликнулъ онъ, «а ты служишь ему гнусною содоміей...» Однако, въ данномъ случаѣ, показанія итальянскаго свидѣтеля расходятся со свидѣтельствомъ Курбскаго. Это опять предостерегаетъ насъ противъ излишняго довѣрія къ разсказамъ московскаго изгнанника. Какъ извѣстно, опала Сильвестра и Адашева распространилась и на ихъ друзей. Таковы были князь Дмитрій Курлята и другіе, менѣе знатные представители той же группы. Ихъ казнили и ссылали цѣлыми десятками. Въ ихъ числѣ Курбскій упоминаетъ и князя Михаила Воротынскаго. Сперва онъ былъ сосланъ въ Бѣлоозеро въ 1559 году; въ 1564 году его вызвали оттуда, но вскорѣ

опять отправили на старое мѣсто. Курбскій разсказываетъ, что этотъ вельможа, доблестный воинъ, прославленный во многихъ битвахъ, былъ подвергнутъ пыткѣ при допросѣ. Въ присутствіи Ивана князя Воротынскаго жгли на медленномъ огнѣ; при этомъ самъ царь пригребалъ своимъ посохомъ горящіе уголья къ тѣлу несчастнаго. Послѣ этого князь Воротынскій, будто бы, умеръ на дорогѣ въ Бѣлоозеро. Такъ передаетъ дѣло Курбскій. Между тѣмъ, въ нашихъ рукахъ находятся оффиціальные документы, относящіеся къ первой ссылкѣ князя Воротынскаго. Изъ нихъ можно видѣть, что этотъ заточникъ жилъ въ довольно комфортабельной обстановкѣ. Онъ жалуется, напримѣръ, что ему не присылаютъ рейнскихъ и французскихъ винъ, которыя полагаются ему по праву. Онъ требуетъ себѣ всевозможныхъ припасовъ—свѣжей рыбы, изюму, лимоновъ, чернослива. Все это нужно для него самого, для его семьи и двѣнадцати слугъ, которые, какъ и онъ, содержатся на счетъ государства. Такимъ образомъ, заключеніе Воротынскаго очень мало напоминало собою адскія муки. Мы видимъ, какъ человѣчно обходилось правительство Ивана съ подобными людьми; возможно ли допустить, чтобы до ссылки ихъ подвергали такимъ страшнымъ мученіямъ? (Акты Историческіе, 1841, I, № 174).

Съ дѣломъ Сильвестра и Адашева было связано много процессовъ. Тѣ достовѣрные документы, которые относятся къ нимъ, рѣшительно не говорятъ—ни о пыткахъ, ни о казняхъ. Главнымъ мотивомъ обвиненія противъ того или другого лица служитъ здѣсь, обыкновенно, попытка его къ «отъѣзду». Дѣло неизмѣнно кончается принятіемъ нѣкоторыхъ предупредительныхъ мѣръ. Обвиняемый признается оправданнымъ или милуется государемъ: при этомъ онъ только обязуется не покидать отечества и представить поручителей. Такъ было съ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Глинскимъ въ 1561 году. Тѣмъ же самымъ закончилось въ слѣдующемъ году дѣло князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго: ему пришлось представить письменное поручительство 29-ти знатныхъ лицъ, за которыхъ въ свою очередь ручались еще 120 другихъ.

Легко замѣтить, что въ подобномъ разбирательствѣ дѣлъ объ «отъѣздахъ» заключалось скрытое признаніе стариннаго права, на которое могли ссылаться обвиняемые. Въ самомъ дѣлѣ, въ принципѣ, это право оставалось какъ бы нерушимымъ. Имъ пользовались когда-то еще въ удѣльной Руси; конечно, въ единой московской державѣ

оно утрачивало всякій смыслъ. Тѣмъ не менѣе, оно продолжало существовать, являясь аналогіей той свободы, которую сохраняли крестьяне, вѣчно переходившіе съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, съ XV вѣка стало развиваться болѣе широкое эмиграціонное движеніе, которое увлекало уже всѣ классы общества. Это движеніе происходило въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: оно шло изъ Московскаго государства въ Польшу и обратно.

Дворъ царя Ивана кишѣлъ потомками Гедемина. Съ другой стороны, при варшавскомъ дворѣ былъ цѣлый легіонъ всевозможныхъ Рюриковичей. Какъ извѣстно, женою князя Ольгерда была тверская княжна. Такимъ образомъ множество польскихъ семействъ, происходившихъ отъ этого литовскаго князя, было связано узами родства съ извѣстными русскими домами. Предки князей Одоевскихъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ какъ бы дѣлились между обоими государствами: одни изъ нихъ служили Казимиру польскому, другіе Ивану III московскому. Мстиславскіе выѣхали изъ Литвы только въ 1526 году. На ихъ мѣсто водворились Чарторижскіе, одинъ изъ родичей которыхъ былъ когда-то намѣстникомъ псковскимъ. Въ 1521 году въ Литву бѣжалъ послѣдній князь Рязанскій. За нимъ послѣдовали представители знатнѣйшихъ московскихъ родовъ: въ ихъ числѣ мы находимъ Бѣльскаго, Ляцкаго, Вишневецкаго и Шереметева.

Это эмиграціонное движеніе все продолжалось, и самъ Грозный колебался нѣкоторое время принять противъ него какія-либо рѣшительныя мѣры. Какъ сказано, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій былъ отпущенъ Иваномъ на поруки. Однако, онъ скоро опять возобновилъ свою попытку бѣжать. Царь простилъ его и на этотъ разъ. Въ 1564 году Иванъ Васильевичъ Шереметевъ пытался сдѣлать то же самое, что и Бѣльскій. Курбскій увѣряетъ, что за это его подвергли пыткамъ и заковали въ самыя тяжелыя оковы. Мало того. Царь, будто бы, наказалъ его въ лицѣ его брата, Никиты, который былъ задушенъ по повелѣнію Ивана. Однако, мы ничего не знаемъ объ этомъ Никитѣ. Зато, съ другой стороны, нѣкоторое время спустя мы видимъ, что Иванъ Васильевичъ попрежнему исполняетъ всѣ свои служебныя обязанности. Только много лѣтъ послѣ этого онъ былъ, дѣйствительно, сосланъ въ Бѣлоозеро. Но и здѣсь, повидимому, онъ устроился довольно комфортабельно.

Всѣ эти подробности необходимы для того, чтобы понять одинъ эпизодъ, совершенно тождественный по существу съ выше приведен-

ными случаями. Исключительная важность этого эпизода зависѣла только отъ того, что героемъ его явилась не совсѣмъ дюжинная личность.

III.

Бѣгство Курбскаго.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій родился около 1528 года. Черезъ родичей своихъ, старыхъ князей смоленскихъ и ярославскихъ, онъ былъ связанъ съ потомствомъ Владиміра Мономаха и, вмѣстѣ съ ними принадлежалъ къ старшему поколѣнію Рюриковичей. Опала друзей Курбскаго, Сильвестра и Адашева, естественно, отразилась и на его судьбѣ. Мы знаемъ уже, что князь Андрей Михайловичъ понесъ пораженіе при Невелѣ. Затѣмъ послѣдовали его неудачныя и даже нѣсколько подозрительныя сношенія со шведами по поводу уступки Гельмета. Конечно, у Курбскаго были особыя причины подумать объ отъѣздѣ изъ предѣловъ московскаго государства. Наконецъ, въ 1564 году онъ рѣшился на такой шагъ. Впрочемъ, какъ и всѣ другіе, онъ увѣрялъ, что поступилъ такъ лишь подъ угрозой неминуемой бѣды. По его словамъ, оставаясь во власти Ивана, онъ рисковалъ своею головою. Польскій король принялъ знатнаго перебѣжчика весьма радушно. Разумѣется, Курбскій заранѣе подготовилъ почву для этого. Такъ или иначе, онъ занялъ въ Польшѣ видное положеніе, вполнѣ соотвѣтственное своему высокому происхожденію. Служа своему новому государю, Курбскій рѣшился даже поднять оружіе противъ своей родины... Въ Польшѣ онъ прожилъ 19 лѣтъ, но, повидимому, не сумѣлъ пріобрѣсти ничьего расположенія. О бѣгствѣ Курбскаго сложилась цѣлая легенда. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о Василіи Шибановѣ, который будто бы привезъ первое письмо князя къ царю Ивану.

Быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей знаютъ картину, изображающую Ивана, который принимаетъ этого гонца: царь слушаетъ чтеніе посланія, опершись на посохъ, которымъ онъ пригвоздилъ къ полу ногу Шибанова... Въ Москвѣ существуетъ книгопродавецъ, носящій это имя, прославленное легендой. И теперь еще на своихъ изданіяхъ и циркулярахъ онъ печатаетъ оттискъ съ этой картины. Къ несчастью, она не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ историческихъ фактахъ. Курбскій бѣжалъ въ Польшу безъ Шибанова. Вмѣ-

стѣ съ другими слугами бѣжавшаго вельможи Шибановъ былъ схваченъ и подвергнутъ пыткѣ. На эшафотѣ онъ выказалъ несокрушимую преданность своему князю и геройское мужество. Онъ не только не отрекался отъ своего господина, но открыто выступалъ на его защиту. Повидимому, какъ и отвѣты Ивана, письма Курбскаго доставлялись по назначенію инымъ способомъ. Несомнѣнно, не нашлось бы гонцовъ, которые взялись бы выполнить подобное порученіе. Ясно, что эти посланія являлись какъ бы открытыми письмами: они предназначались гласности и только такимъ путемъ доходили до свѣдѣнія лицъ, которымъ были адресованы. Одно изъ писемъ царя заключаетъ въ себѣ 60 страницъ: конечно, ради одного Курбскаго царь не сталъ бы тратить столько энергіи. Именно, этотъ публичный характеръ переписки Ивана съ Курбскимъ возвышаетъ ее надъ уровнемъ банальности и составляетъ главный ея интересъ, не утраченный и по настоящее время.

Среди безпечныхъ поляковъ, которые дали пріютъ Курбскому, у князя должно было оказаться достаточно досуга. Курбскій воспользовался имъ для того, чтобы написать уже упомянутую мною исторію Ивана. Это сочиненіе представляетъ собою сплошной обвинительный актъ противъ личнаго управленія Ивана IV; съ другой стороны, оно является горячимъ панегирикомъ избранной радѣ со всѣми ея участниками. Курбскій съ опредѣленнымъ расчетомъ дѣлитъ все царствованіе Грознаго на двѣ части. Блестящій періодъ простирается до опалы Сильвестра, Адашева и Курбскаго; послѣ этого начинается пора несчастій, преступленій и безславія. Для своихъ цѣлей Курбскій слишкомъ часто прибѣгаетъ къ помощи фантазіи; какъ мы видѣли, въ перечисленіи злодѣйствъ Ивана можно отмѣтить не мало ошибокъ. Впрочемъ, нѣкоторую часть обвиненій Курбскаго—молчаливо или открыто признаетъ и самъ Иванъ IV; другія обвиненія подтверждаются свидѣтельствомъ постороннихъ документовъ. Курбскій пробовалъ свои матеріальныя силы даже въ области церковной исторіи. Направленіе этихъ попытокъ было нѣсколько неожиданнымъ въ сравненіи съ прошлымъ русскаго вельможи. На родинѣ онъ былъ связанъ узами дружбы не только съ Максимомъ Грекомъ, но и съ тѣмъ самымъ Артеміемъ, который былъ уличенъ въ ереси на соборѣ 1531 года. Когда же Курбскій оказался въ Польшѣ, онъ сталъ тамъ лицомъ къ лицу съ католической пропагандой, угрожавшей его единовѣрцамъ. Это совершенно неожиданно вызвало изъ какихъ-то тай-

никовъ его ума и сердца мрачную тѣнь самаго угрюмаго и непримиримаго православія.

Одновременно съ этимъ религіознымъ настроеніемъ въ душѣ Курбскаго заговорилъ голосъ національнаго чувства. Въ своихъ чудесныхъ стихахъ одинъ польскій поэтъ сравниваетъ отчизну со здоровьемъ: ее начинаешь цѣнить только тогда, когда утратишь. Однажды Курбскій отослалъ князю Острожскому славянскій переводъ одной изъ рѣчей св. Іоанна Златоуста. Каково же было его негодованіе, когда этотъ магнатъ, самъ православный, несмотря на свое подданство королю,—задумалъ переводить эту рѣчь на «варварскій» польскій языкъ! Мало того: Курбскій вступилъ въ ожесточенные споры съ литовскими сторонниками Ѳедора Косого и другихъ русскихъ ересіарховъ: между тѣмъ они были когда-то его друзьями. Онъ боролся также и съ іезуитами: онъ называлъ ихъ волками, которыхъ пускаютъ въ овчарню, и не хотѣлъ съ ними примириться даже тогда, когда рвеніе ихъ направлялось уже противъ протестантовъ. Однако, хотя и поздно, онъ самъ сталъ усердно изучать латынь. Зачѣмъ? Очевидно, не для того, чтобы выть заодно съ волками; напротивъ, онъ хотѣлъ быть лучше вооруженнымъ для борьбы съ врагомъ. По его настоянію, одинъ изъ товарищей его по изгнанію, молодой князь Михаилъ Оболенскій, оставилъ жену и дѣтей и уѣхалъ учиться—сначала въ Краковъ, а затѣмъ въ Италію. Этотъ Оболенскій былъ какъ бы предтечей тѣхъ безчисленныхъ русскихъ студентовъ и студентокъ, которые въ настоящее время рвутся въ двери нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. До насъ дошли кое-какіе слѣды этой многообразной дѣятельности Курбскаго. Таковы переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста и Евсевія, а также предисловіе къ Новому Маргариту.

Однако, раньше написанія всѣхъ этихъ литературныхъ трудовъ, Курбскій вооружился лучшимъ своимъ перомъ, чтобы объясниться съ Иваномъ. Впрочемъ, въ свою защитительную рѣчь онъ внесъ больше риторики, нежели истины, меньше разсудка, нежели страсти. Онъ напоминалъ царю о своихъ заслугахъ и обидахъ. Онъ укорялъ его въ злоупотребленіи властью и во всяческихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Онъ обличалъ его порочную жизнь, его недостойныхъ любимцевъ, развратниковъ, какъ Басмановъ, или кровопійцъ, какъ Малюта Скуратовъ. Весьма пространно и съ величайшимъ жаромъ онъ развивалъ эти благодарныя положенія своей защиты. Однако, самый

существенный вопросъ оставался гдѣ-то въ сторонѣ. Мы разумѣемъ тѣ глубокія и сложныя причины, которыя вызвали непримиримое несогласіе между государемъ и извѣстной общественной группой, отказывавшейся подчиниться царю.

Разумѣется, это значительно ослабляетъ историческую цѣнность переписки Курбскаго. Однако, надо помнить, что этотъ изгнанникъ осмѣлился вызвать на литературный поединокъ самого царя всея Руси, котораго онъ заставилъ принять этотъ вызовъ. Нельзя забывать, что онъ обобщилъ значеніе постигшей его опалы и питаемыхъ имъ мстительныхъ чувствъ. Въ его изображеніи личный конфликтъ съ царемъ пріобрѣлъ смыслъ великой борьбы между прошлымъ и будущимъ, между сторонниками стараго и защитниками новаго порядка, между двумя враждующими линіями рюрикова дома. Одного этого достаточно для признанія за перепиской Курбскаго весьма крупнаго значенія. Этотъ литературный памятникъ знаменуетъ собою цѣлую эпоху русской исторіи. Съ нимъ вмѣстѣ великая сѣверная держава торжественно выступаетъ на поприще новой исторіи.

Конечно, при своемъ санѣ, Иванъ могъ и пренебречь вызовомъ Курбскаго. Казалось бы, непомѣрная гордость царя должна была бы заставить его принять, именно, такое рѣшеніе. Однако, какъ темпераментъ Ивана, такъ и его стремленія новаго человѣка вовлекли его въ полемику съ Курбскимъ. Благодаря этому, мы не только располагаемъ драгоцѣннымъ историческимъ документомъ, но и знакомимся съ замѣчательнымъ писателемъ. Конечно, я говорю не о Курбскомъ. Его изложеніе многорѣчиво, несвязно и безцвѣтно. Правда, что Иванъ еще болѣе словоохотливъ; безспорно, что онъ вноситъ въ споръ не больше ясности, чѣмъ Курбскій, и такъ же мало заботится о томъ, чтобы сосредоточить его въ должныхъ предѣлахъ. Какъ и Курбскій, Иванъ говоритъ о постороннихъ предметахъ, отражая удары своего противника, или нападая на него въ области, казалось бы, второстепенныхъ интересовъ и фактовъ. Правда ли, что онъ погубилъ такого-то боярина въ церкви или тюрьмѣ? Замышлялъ ли онъ противъ жизни Курбскаго, или нѣтъ? Конечно, все это, сравнительно, не важно. И, однако, царь не разстается съ подобными вопросами. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, онъ вноситъ въ свою полемику нѣчто такое, чего не достаетъ его противнику. Разумѣется, я не говорю о стилѣ. Если у Курбскаго стиль плохъ, то у Ивана онъ совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ, я имѣю въ виду вдохновеніе, пылъ, силу; я разумѣю

слова и замѣчанія, которыя бьютъ прямо въ цѣль, какъ стрѣла... «Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по ложному слову своихъ друзей?..» Прибавьте къ этому самую разнообразную эрудицію, которая наполняетъ переписку; въ особенности охотно Иванъ прибѣгаетъ къ библейской экзегезѣ. Читая эту переписку, чувствуешь себя между учеными людьми. Доказывая, что государь долженъ слушать своихъ совѣтниковъ, Курбскій ссылается на Священное писаніе: а развѣ онъ забылъ Моисея? Князь объявляетъ преступными тѣ казни, что совершаются по повелѣнію Ивана: а что дѣлалъ царь Давидъ? Что касается права отъѣзда, или другихъ привиллегій, которыя защищаетъ Курбскій, какъ достояніе всѣхъ людей его круга,—то объ этомъ Иванъ благоразумно не говоритъ ни слова. Его вниманія удостоивается лишь одна политическая теорія, которую онъ напоминаетъ Курбскому, подробно формулируя и въ своихъ письмахъ: это—теорія абсолютной власти государя. «...До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить... Жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ также вольны...»

Мною уже было отмѣчено въ политической жизни Москвы XVI вѣка характерное явленіе, къ которому я еще вернусь впослѣдствіи. Я имѣю въ виду нѣкоторое молчаливое соглашеніе, какъ будто заключенное между дѣятелями той эпохи съ цѣлью прикрывать дѣйствительность пріемами чисто показной политики. Порою такая система совершенно спутываетъ событія, лица и роли. Какъ сказано выше, Иванъ IV и Курбскій вступали между собою въ публичный поединокъ. При этомъ оба всячески старались не отступать отъ упомянутой тактики умолчаній; имъ не хотѣлось снимать съ дѣйствительности тѣ покровы, подъ которыми они наносятъ другъ другу самые яростные удары. Между прочимъ, защищаясь противъ массы цитатъ, которыми царь засыпалъ своего противника, Курбскій ссылался на превосходство своего литературнаго образованія. Онъ стыдилъ царя тѣмъ, что тотъ пишетъ, «яко бы неистовыхъ бабъ басни»; онъ упрекалъ его, что онъ шлетъ свои нестройныя посланія въ страну, гдѣ слишкомъ достаточно людей, знающихъ грамматику и риторику, діалектику и философію. Въ этихъ укоризнахъ можно видѣть ясное указаніе на гласный характеръ переписки царя съ Курбскимъ. Но и та, и другая сторона въ своей борьбѣ тщательно избѣгали называть главные предметы спора своими именами.

Мы не знаемъ, когда были отправлены три первыхъ посланія изъ этой переписки. Что касается четвертаго, то Иванъ самъ помѣтилъ его Вольмаромъ, при чемъ, очевидно, оно было написано сейчасъ же послѣ взятія этого города царемъ въ 1577 году. Конечно, царь не преминулъ извлечь изъ этой побѣды аргументъ въ свою пользу. Ему такъ хотѣлось подчеркнуть, что она досталась ему безъ всякой помощи Курбскаго и его друзей! Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Курбскій ссылался на Цицерона; но противникъ его уже безмолвствовалъ. Курбскій шлетъ новое посланіе: отвѣта нѣтъ. На сцену явился Баторій: голова царя занята новыми заботами.

У своихъ соотечественниковъ знаменитый противникъ Грознаго нашелъ себѣ одинаково убѣжденныхъ защитниковъ и обвинителей. Повидимому, въ настоящее время первые преобладаютъ въ Россіи. Въ ожиданіи статуи, которая, несомнѣнно, украситъ собою со временемъ какую-нибудь изъ московскихъ площадей, они сооружаютъ литературный памятникъ въ честь этого національнаго героя. Къ числу апологетовъ Курбскаго относятся ученый авторъ «Исторіи русской литературы» (*Пыпинъ*, II, 171—2), а также болѣе ранній біографъ князя (*П......скій*, Казань, 1873 года). Для нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Курбскій является самымъ выдающимся представителемъ идей, усвоенныхъ русскимъ государствомъ XVI вѣка. Онъ служитъ показателемъ того, сравнительно, высокаго уровня культуры, до котораго могъ подняться русскій человѣкъ XVI столѣтія. Разумѣется, въ оцѣнкѣ этого уровня, нужно помнить, что русское общество жило въ отдаленіи отъ источниковъ западной цивилизаціи; надобно помнить, что оно встрѣчало препятствіе въ своихъ исканіяхъ истины и было подавлено правительственнымъ терроромъ... Какъ воинъ, Курбскій не щадилъ своей крови на защиту отечества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и образованнымъ человѣкомъ, старавшимся расширить сферу тѣхъ познаній, которыми довольствовалось большинство его соотечественниковъ. Далѣе, Курбскій былъ первымъ русскимъ публицистомъ. Наконецъ, онъ являлся первымъ гражданиномъ своего отечества, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, ибо онъ былъ увлеченъ идеей прогресса и смѣло возвышалъ свой голосъ противъ грубаго деспотизма.

Всѣ эти сужденія чрезвычайно лестны для Курбскаго; однако они нуждаются въ критической провѣркѣ. Дѣятельность Курбскаго въ московскомъ государствѣ остается еще далеко не вполнѣ ясной.

Лучше извѣстно намъ все то, что относится къ его пребыванію въ Польшѣ. Здѣсь, вообще, жили болѣе на глазахъ у всѣхъ. То, что знаемъ мы о Курбскомъ въ эту эпоху, отнюдь не говоритъ въ его пользу. Какъ извѣстно, въ своемъ изгнаніи Курбскій былъ обезпеченъ вполнѣ приличными владѣніями и доходами. Какъ господинъ, онъ былъ ненавидимъ своими людьми; какъ сосѣдъ, онъ былъ самымъ неудобнымъ человѣкомъ; наконецъ, какъ подданный, онъ былъ самымъ невыносимымъ и непокорнымъ слугою короля. Пусть онъ переводилъ св. Іоанна Златоуста и возставалъ противъ деспотизма. Наряду съ этимъ, онъ позволялъ себѣ самому или своимъ людямъ не менѣе чудовищныя злоупотребленія властью, чѣмъ тѣ, въ какихъ повиненъ былъ Иванъ. Такъ, напримѣръ, онъ сажалъ евреевъ въ темницы, наполненныя водой съ піявками. Онъ вздорилъ рѣшительно со всѣми, не исключая самаго короля, который однакоже совсѣмъ не былъ тираномъ. Онъ постоянно пртивился всякой власти,—даже тогда, когда ему приходилось платить налоги или производить воинскіе сборы въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Словомъ, Курбскій возстановлялъ противъ себя положительно всѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться.

Какой же соціальный элементъ представляетъ своей личностью князь Андрей Михаиловичъ Курбскій? Онъ воплощаетъ собою ту группу московскихъ людей, съ которыми пришлось бороться Ивану. Правда, эти люди были доступны извѣстнымъ культурнымъ вліяніямъ; правда, имъ свойственны были нѣкоторыя стремленія къ свободѣ. Но и то, и другое они понимали въ самомъ узкомъ смыслѣ, приспособляя эти блага къ эгоистическимъ интересамъ касты, или сословія привилегированныхъ. Нѣкоторые пытались отрицать, что Курбскій примыкалъ къ боярству упорно защищавшему свои устарѣлыя привилегіи. Но развѣ самъ Курбскій не заявлялъ своихъ правъ на Ярославское княжество? Ссылались на бѣдность Курбскаго; но въ такомъ случаѣ, переходя въ Польшу, онъ являлся самымъ низменнымъ и корыстолюбивымъ карьеристомъ. Вѣдь мы знаемъ, что польскій король предоставилъ ему Кревскую старостію, десять селъ съ четырьмя тысячами десятинъ земли въ Литвѣ, городъ Ковель съ замкомъ и двадцать восемь селеній въ Волыни... Словомъ, Курбскій получилъ хорошій кушъ. Да, наконецъ, если онъ былъ и бѣденъ, то онъ самымъ недостойнымъ образомъ обманулъ Сигизмунда Августа. Награждая Курбскаго, король думалъ, что только возмѣщаетъ

ему потери, понесенныя вслѣдствіе бѣгства съ родины. Объ этомъ ясно говорятъ тѣ грамоты, которыми Сигизмундъ Августъ жаловалъ Курбскому указанныя богатства.

Мы видѣли, что получилъ Курбскій въ своемъ новомъ отечествѣ. Пусть даже, оставаясь въ Московскомъ государствѣ, онъ не мечталъ вернуть себѣ владѣнія своихъ предковъ. Характерно, однако, что нѣсколько позже, вступая на тронъ, одинъ изъ равноправныхъ Курбскому князей,—Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ разъ, ссылался на свои родовыя права. Но, положимъ, что опальный вельможа Ивана IV-го лишь стремился защитить противъ посягательствъ государственный власти и расширить на ея счетъ иныя свои наслѣдственныя права. Мы разумѣемъ право участія въ совѣтѣ царя и подачи голоса при обсужденіи государственныхъ дѣлъ; сюда же относилось право служить государю лишь въ той мѣрѣ, въ какой это угодно боярину. Такимъ образомъ, при всемъ своемъ сочувствіи къ прогрессу, Курбскій являлся политически отсталымъ человѣкомъ: онъ защищалъ тѣ начала, которыя были завѣщаны слишкомъ глубокой стариной. Несомнѣнно, у него были свои политическіе идеалы; но въ нихъ—самъ, быть можетъ, того не замѣчая, онъ сходился съ Польшей, которая его пріютила, и которую онъ ненавидѣлъ и презиралъ, несмотря на то, что ѣлъ ея хлѣбъ. Однако, эти идеалы оказывались анархическими даже на своей родинѣ,—въ Польшѣ; они были, несомнѣнно, опасны и даже гибельны. Перенести ихъ на московскую почву было совершенно невозможно; здѣсь они сталкивались съ чуждыми понятіями и нравами. Благодаря этому, они превращались въ чистое отрицаніе государства, выражаясь въ отказѣ отъ службы, въ бѣгствѣ за границу или въ предательствѣ родины. Напрасно Курбскій старался представить своего коронованнаго противника гонителемъ угнетенной невинности; народное творчество приписало Ивану совсѣмъ иную роль: онъ былъ и остается донынѣ государемъ, который искоренялъ крамолу изъ русской земли... Вотъ что понялъ народъ въ той великой исторической драмѣ, гдѣ ему самому пришлось играть роль античнаго хора. Впрочемъ, этого мало: онъ зналъ, что преслѣдуя и истребляя бояръ, царь защищаетъ убогихъ и немощныхъ.

Разумѣется, эта послѣдняя легенда требуетъ объясненій. Но судьба Курбскаго можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ нашему вопросу. Большинство историковъ Ивана IV не хотѣло допустить и мысли, что на сторонѣ этого тирана былъ самъ русскій народъ.

Дѣйствительно, что дѣлалъ Иванъ для массы тогдашняго крестьянства? Еще незадолго до него эти люди были свободными землевладѣльцами; но теперь они оказались уже наполовину рабами. А впереди— ихъ ожидала уже окончательная утрата вольности... Согбенные надъ своей сохой, прикованные къ жалкому клочку земли, они выносили при Иванѣ еще болѣе тяжкое бремя, нежели раньше. Государство все болѣе и болѣе безпощадно эксплуатировало эту массу въ соотвѣтствіи съ непрерывно-растущими своими потребностями. Все это совершенно вѣрно, но фактъ остается фактомъ. Тотъ самый народъ рабовъ, нищету и кабалу котораго увеличивалъ Иванъ IV, воспѣвалъ, превозносилъ, обожалъ своего Грознаго царя. Очевидно, когда страданія становятся невыносимыми, всякая перемѣна кажется благодѣяніемъ,—пусть даже она ухудшаетъ положеніе. Въ 1582 году крестьяне одной изъ областей польскихъ, предоставленныхъ Курбскому, открыто заявили жалобу на своего новаго господина. Конечно, они знали и другихъ господъ, у которыхъ имъ тоже жилось не сладко; но съ Курбскимъ они никакъ не могли примириться. Жалоба крестьянъ была признана справедливой. Но это было въ Польшѣ. Легко себѣ представить, какъ пользовался своей властью тотъ же Курбскій, когда жилъ еще на родинѣ и распоряжался судьбою бѣдныхъ мужиковъ въ своихъ родовыхъ вотчинахъ! А, вѣдь, такихъ Курбскихъ были цѣлыя тысячи! И, вѣдь, князь Андрей Михайловичъ былъ еще либераломъ и передовымъ человѣкомъ! Вотъ на этой-то ненависти народа къ притѣснителямъ-боярамъ и строилась популярность Ивана среди угнетенныхъ массъ.

Курбскій скончался въ Ковелѣ въ маѣ въ 1583 году. Его семья успѣла уже принять католичество въ Польшѣ; вернувшись на родину, она вновь обратилась къ православію и вымерла къ 1771 году. Несомнѣнно, въ великой борьбѣ между старымъ и новымъ порядкомъ, Курбскій былъ самымъ блестящимъ защитникомъ прошлаго. Однако, нельзя признать его ни героемъ, ни мученикомъ. Не безъ расчета старался я познакомить съ нимъ моихъ читателей, прежде чѣмъ ввести ихъ въ самый центръ битвы, ближе къ кровавымъ кошмарамъ опричнины. Я хотѣлъ показать такимъ образомъ, съ какими противниками пришлось мѣрять свои силы Ивану *).

---

*) Относительно біографическихъ данныхъ, касающихся Сильвестра и Адашева, см. арх. *Леонидъ* (Голохвастовъ), Благовѣщен-

скій іерей Сильвестръ, Чтенія О-ва исторіи и древ. Рос., 1874; ср. разборъ этого труда въ статьъ *Замысловскаго* въ Сборникѣ политическихъ Знаній, 1875, II; *Ждановъ*, матеріалы для исторіи Стоглавнаго собора, Ж. М. Н. Пр., 1876 №№ 7 8. Нѣкоторыя подробности см. у *Сергѣевича*, Русскія юридич. древн., II, 367 сл. Документальныя данныя содержатся въ Львовской лѣтописи и въ Царственной Книгѣ. Біографическія данныя относительно Ивашки Пересвѣтова можно найти въ брошюрѣ *М. И. Соколова*, Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности... Моск. Археологическаго О-ва, 1902. — О Курбскомъ: *Ясинскій*, Сочиненія кн. Курбскаго, СПБ., 1889; *Курбскій*, Сочиненія изд. Устрялова СПБ , 1868; *Горскій*, Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго, Казань, 1858; *Опоковъ*, Кн. А. М. Курбскій, Кіевъ, 1872; *Иваничевъ*, Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ, Кіевъ, 1849; *Кавелинъ*, Замѣтки по Рус. исторіи—въ Вѣстникѣ Европы, 1866; ср. ст. *Арцыбашева*, въ томъ же журналѣ за 1821 годъ; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI. — Документальныя данныя у Bielski, Kronika polska, XVII; ср. Strijkowski, Zbiór dzeijopisów, 1766, II; ср. данныя Nyenstaedt, Russov; лѣт. Алекс. Невскаго, О правѣ отъѣзда, см. *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей, СПБ., 1889; *Сергѣевичъ* — въ Наблюдателѣ, 1887, № 3.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опричнина.

I. Правда и вымыселъ въ драмѣ опричнины. — II. Терроръ.— III. Царь Симеонъ.—IV. Опричнина въ оцѣнкѣ исторіи.

I.

Правда и вымыселъ въ драмѣ опричнины.

Какъ большинство русскихъ, такъ и нѣкоторая часть моихъ французскихъ читателей знакомы съ приключеніями князя Серебрянаго по роману гр. Алексѣя Толстого. Возвращаясь на родину изъ посольства къ иноземцамъ, герой этого произведенія встрѣчается съ отрядомъ вооруженныхъ людей. По ихъ внѣшности и поступкамъ князь заключаетъ, что передъ нимъ шайка настоящихъ разбойниковъ. На глазахъ князя Серебрянаго они грабятъ деревню, убиваютъ людей или подвергаютъ ихъ всевозможнымъ насиліямъ. Въ благородномъ порывѣ князь вмѣшивается въ побоище; но вскорѣ онъ самъ уже схваченъ и узнаетъ, что его обвиняютъ въ дерзостномъ посягательствѣ на царскихъ людей. Воображаемые разбойники, дѣйствительно, оказываются слугами государя, а ихъ безчинства—обычнымъ явленіемъ новаго политическаго порядка. Провинившагося князя приводятъ въ новую резиденцію царя, т.-е. въ Александровскую слободу. Здѣсь его ждутъ все новыя и притомъ ужасныя открытія. Уже на дворѣ царскомъ онъ видитъ медвѣдей, которыми травятъ всякій пришлый людъ. Затѣмъ онъ оказывается на пиру у царя, куда гости попадаютъ, минуя застѣнки и подземныя темницы. Въ столовой палатѣ засѣдаютъ клевреты царя, переодѣтые чернецами ;самъ царь, зловѣще усмѣхаясь, надѣляетъ своихъ гостей кубками съ отравой. Здѣсь нога скользитъ въ лужахъ крови; воздухъ насыщенъ опьяняющимъ запахомъ бойни; веселые клики охмелѣвшихъ гостей смѣшиваются съ

раздирающими воплями жертвъ, мучимыхъ тутъ же, рядомъ, въ застѣнкахъ. Словомъ, этотъ дворецъ напоминаетъ собою адъ кромѣшный или мясную лавку. Въ чемъ же дѣло? Князь Серебряный не знаетъ, но догадывается. То тѣшится царь. Таковы его страшныя забавы.

Изображая эту картину, авторъ отнюдь не творилъ ее однимъ своимъ воображеніемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что пишетъ свой романъ, какъ историкъ,—и, дѣйствительно, у исторической науки въ лицѣ самыхъ блестящихъ ея представителей на родинѣ гр. Алексѣя Толстого, онъ заимствовалъ и свой основной рисунокъ, и свои краски. Въ изображени Карамзина, Соловьева, Костомарова и, ближе къ намъ, Ключевскаго съ Михайловскимъ—опричнина оказывается кровавой эпопеей безсмысленныхъ и безцѣльныхъ убійствъ, совершавшихся по повелѣнію государя, который тѣшилъ себя этими безчеловѣчными забавами. Исполнителями его воли являются люди безъ стыда и безъ совѣсти. Украшенные своими страшными эмблемами—собачьей головой и метлою у луки сѣдла, они скачутъ по большимъ дорогамъ. Имъ данъ приказъ грабить и убивать. Обрызганные кровью, увозя съ собой богатую добычу, возвращаются они въ Александровскую слободу. Здѣсь ко всѣмъ преступленіямъ ихъ присоединяется кощунство: облекшись въ черныя рясы, вмѣстѣ со своимъ игуменомъ—царемъ, они предаются самымъ гнуснымъ оргіямъ. Вотъ, что такое опричники.

Однако, на смѣну указаннымъ историкамъ явились другіе, которые занялись тѣмъ же самымъ вопросомъ. Изслѣдуя тѣ же факты, опираясь на показанія тѣхъ же свидѣтелей, они пришли къ совершенно иному пониманію опричнины. Эта волнующая историческая загадка нашла у нихъ новое объясненіе. За ошеломляющей обстановкой и ужасными формами опричнины имъ почудилась нѣкоторая руководящая идея; подъ обманчивою видимостью кровавой маніи они разглядѣли зрѣло обдуманный планъ, проводимый съ чрезвычайной послѣдовательностью и силой. Въ дѣятельности главы опричнины—Грознаго, они усмотрѣли обширную программу хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ преобразованій. Конечно, она осуществлялась достойными порицанія средствами; но, быть можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, то было неизбѣжно. Однако, надо замѣтить, что до сихъ поръ загадка опричнины такъ и остается не вполнѣ разрѣшенной. Всѣ попытки изслѣдователей разбиваются о ея тайну. Несомнѣннымъ приходится признать только одно. Въ своемъ пониманіи

и изображеніи опричнины историки старой школы допустили тройную ошибку: видимость они приняли за дѣйствительность, подробность—за существенное, часть—за цѣлое.

Воспользуюсь примѣромъ, дабы лучше пояснить мою мысль. Представимъ себѣ вполнѣ возможный случай: допустимъ, что вся исторія французской революціи сведена къ изображенію отдѣльныхъ сценъ или личностей изъ клуба якобинцевъ, тюрьмы Тампль или площади Націи. Такая интерпретація великой исторической эпохи вполнѣ соотвѣтствовала бы тому, что намъ долгое время предлагали въ качествѣ существеннаго содержанія десятилѣтняго періода въ правленіи Ивана Грознаго. Этому нечего удивляться. Дѣло въ томъ, что самый необходимый документъ для исторіи этой эпохи остается для насъ неизвѣстнымъ. Я говорю объ учредительной грамотѣ опричнины. Она хранится въ государственныхъ архивахъ, но еще донынѣ не издана и даже недоступна для изслѣдователей. Другіе документы, частью затеряны, частью также неизвѣстны. Поэтому обратимся къ твердо установленнымъ фактамъ.

Бѣгство Курбскаго не было единичнымъ явленіемъ. И до, и послѣ него мы видимъ однородныя попытки. Нѣкоторыя изъ нихъ были удачны, другія такъ и остались въ области покушеній. Во всякомъ случаѣ, отъѣздъ Курбскаго не могъ не смутить Грознаго, отнимая у него увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Мы знаемъ, какія цѣли ставилъ себѣ Иванъ во внутренней и внѣшней политикѣ. Между той и другой программой его существовала тѣснѣйшая связь, ибо внутреннія преобразованія служили необходимой подготовкой для осуществленія внѣшнихъ задачъ московскаго государства. Все это требовало людей и денегъ. Гдѣ же было ихъ взять? Если люди Ивана не проигрывали сраженій въ мѣстническихъ спорахъ или благодаря измѣнническимъ соглашеніямъ со врагами государства, то они бѣжали за рубежъ, очевидно, заботясь больше о своихъ выгодахъ, нежели о благѣ родины. Что касается денегъ, то ими распоряжались тѣ же ненадежные слуги: отъ нихъ зависѣли и расходы государства, и надзоръ за финансовой дѣятельностью правительства. Мы знаемъ, что служилые люди стояли во главѣ государственнаго управленія и владѣли главнымъ богатствомъ страны, т.-е. землею. Все въ государствѣ совершалось при ихъ участіи; воеводы, намѣстники, судьи, члены боярской думы, начальники приказовъ,—они все держали въ своихъ рукахъ. Мы не говоримъ уже о старыхъ вотчинникахъ, которые, сидя на своихъ на-

слѣдственныхъ земляхъ, гдѣ у нихъ были собственныя военныя силы и дворъ, обладали тамъ почти безапелляціонною судебною властью и были почти совершенно свободны отъ налоговъ. Они разыгрывали роль настоящихъ государей въ своихъ владѣніяхъ. Опираясь на формальное превосходство своей знатности, они предъявляли къ своему *младшему* родичу, царствующему въ Москвѣ, такія притязанія, которыя не могли его не безпокоить, хотя и были, въ сущности, безсильны и безсмысленны.

Можно ли было раскассировать всю эту военную и правительственную организацію? Такая мысль никогда не приходила въ голову Ивану. Московское государство XVI вѣка жило извѣстными традиціями. Съ отдѣльными лицами царь могъ сдѣлать все; но передъ существующимъ общимъ порядкомъ онъ оставался безпомощенъ. Вѣдь, и онъ самъ со своимъ саномъ, достоинствомъ и властью являлся лишь составною частью этого порядка. По привычкѣ разсматривая управленіе государствомъ, какъ свое достояніе, какъ нѣчто, принадлежащее имъ по праву, князья и бояре считали свою службу вполнѣ независимой отъ государя. Съ такой точки зрѣнія, въ мѣстничествѣ они видѣли извѣстную гарантію своихъ наслѣдственныхъ привиллегій. Какъ могъ царь протестовать противъ такого взгляда? Вѣдь, его собственная власть исходила изъ того же источника и опиралась на такія же точно права. Потомки Рюрика или Гедимина, бояре когда-то правили Русью всѣ врозь, каждый въ своемъ удѣлѣ; теперь приходилось править ею сообща, причемъ одинъ сидѣлъ на тронѣ, а другіе завѣдывали какимъ-нибудь приказомъ или цѣлой областью государства. Но вся эта правящая группа представляла собою одно цѣлое, какъ бы одну семью: въ ней никто не могъ бы сказать другимъ—«домъ принадлежитъ мнѣ; можете уходить прочь». Повторяемъ, съ отдѣльными лицами Иванъ, несомнѣнно, могъ бы справиться, но кѣмъ бы онъ замѣнилъ ихъ? Послѣ Сильвестра и Адашева онъ взялъ «отъ гноища» такихъ людей, какъ Скуратовъ или Грязной. Онъ поставилъ ихъ на первыя мѣста, отыскивая новыхъ слугъ, по большей части, среди тѣхъ *поповичей*, которые донынѣ играютъ замѣтную роль въ жизни русской интеллигенціи. Но они отнюдь не могли замѣнить для него ту матеріальную и нравственную силу, какую представляли собою бояре и княжата. Политика Ивана неизбѣжно приводила его къ столкновенію съ этой аристократіей; и, въ то же время, внѣ ея, у него не было никакихъ средствъ: отбрасывая отъ себя знать, царь

оказывался въ пустомъ пространствѣ. Словомъ, боярство и самодержавіе являлись неразрывно связанными силами: ихъ раздѣльная жизнь была исторически невозможна. Такимъ образомъ, естественно, приходилось думать о компромиссѣ: на немъ и остановился Иванъ въ самый трагическій моментъ своей исторіи. Впрочемъ, онъ намѣренно избѣгалъ открыто говорить о томъ, что рѣшилъ сдѣлать про себя. Мы знаемъ, русское государство XVI вѣка было настоящимъ царствомъ тайны. На всѣхъ лицахъ тамъ были маски; на всѣ дѣла было наброшено покрывало.

3-го декабря 1564 года, въ воскресный день, Иванъ внезапно покинулъ свою столицу. Вмѣстѣ съ собою онъ увезъ свою вторую жену, черкешенку родомъ, Марію Темрюковну: то была почти настоящая дикарка, жестокая и вспыльчивая, какъ и самъ царь. За государемъ слѣдовали цѣлыя сотни возовъ, нагруженныхъ его сокровищами, казною, утварью, драгоцѣнными каменьями, иконами. Все это сопровождала огромная свита, гдѣ находились бояре, набранные въ различныхъ городахъ, весь дворъ и челядь Ивана. Нѣкоторое время въ Москвѣ не было никакихъ вѣстей о царѣ; никто не зналъ, куда и зачѣмъ онъ уѣхалъ. Сперва царскій поѣздъ направился въ село Коломенское; здѣсь дурная погода задержала его недѣли на двѣ. Затѣмъ нѣсколько дней онъ простоялъ въ другомъ подмосковномъ селѣ—Тайнинскомъ и, далѣе, въ Троицѣ. Наконецъ, онъ расположился въ одной изъ слободъ городка Александрова, къ сѣверу отъ Владиміра. Только тогда царь рѣшилъ объявить о причинахъ и цѣли столь необычайнаго отъѣзда. 3-го января 1565 года въ Москву прибылъ гонецъ съ письмомъ отъ царя къ митрополиту. Въ этомъ посланіи царь распространялся о всевозможныхъ злодѣяніяхъ, совершаемыхъ воеводами и всякими должностными лицами, а также высшимъ и низшимъ духовенствомъ. Въ заключеніе онъ объявлялъ, что «опалился» на всѣхъ въ своемъ государствѣ отъ перваго до послѣдняго человѣка. Опалою въ это время называлось нѣчто въ родѣ отлученія: лица, которыхъ она постигала, попадали въ немилость и лишались права на какую бы то ни было дѣятельность какъ при дворѣ, такъ и на службѣ государству. Объявляя о своей опалѣ, Иванъ сообщалъ митрополиту о своемъ рѣшеніи покинуть свое государство и поселиться, гдѣ Богъ укажетъ. Несомнѣнно, между обѣими частями посланія было нѣкоторое противорѣчіе. Мы видѣли, что царь отказывался отъ престола; и въ то же время, опираясь на свою власть, онъ налагалъ кару на своихъ под-

данныхъ. Этого мало: за первымъ посланіемъ послѣдовало другое. Оно было адресовано купцамъ и всему православному народу московскому. Здѣсь царь заявлялъ, что на этихъ людей онъ ни въ чемъ не жалуется и не имѣетъ никакого гнѣва.

Что все это значило? Вполнѣ возможно, что и тогда, какъ впослѣдствіи, никто не зналъ, что и думать объ этомъ. Но въ московскомъ государствѣ привыкли къ загадкамъ такого рода; поэтому, тамъ отлично поняли, что надо дѣлать. Очевидно, что царь былъ недоволенъ нѣкоторыми своими подданными и таилъ противъ нихъ какой-то мрачный замыселъ. Какой замыселъ—это должно было показать ближайшее будущее, а пока, по своему обыкновенію, царь создавалъ только эффектную театральную обстановку. Москва покорно рѣшила поддерживать зловѣщую комедію. Какъ и полагалось, бояре пришли въ смятеніе; народъ взволновался, закричалъ, умилился душою; купцы заявили о своей готовности пожертвовать деньгами, что было достаточно краснорѣчивой формой сочувствія общему горю. Наконецъ, митрополиту было поручено умолить государя смѣнить гнѣвъ на милость. Царя упрашивали не покидать своего народа: пусть онъ правитъ, какъ ему угодно, и, какъ хочетъ, судитъ тѣхъ, противъ которыхъ онъ опалился гнѣвомъ. Въ Александровскую слободу отправилась цѣлая депутація. Конечно, царь склонился на ея мольбы. Но при этомъ онъ поставилъ нѣкоторыя условія. Онъ заявилъ, что намѣренъ держать въ опалѣ всѣхъ крамольниковъ и предателей; онъ предупредилъ, что нѣкоторые бояре будутъ казнены, а имущество ихъ будетъ конфисковано. Наконецъ, онъ обѣщалъ вернуться въ Москву не раньше, чѣмъ устроитъ свою *опричнину*.

На языкѣ того времени опричниной называлась вдовья часть, которая давалась женамъ умершихъ знатнѣйшихъ вельможъ. На пирахъ тѣмъ же именемъ назывались лучшія яства, которыя хозяинъ оставлялъ при себѣ, чтобы дѣлиться ими съ избранными гостями. Наконецъ, опричниками (опричь—кромѣ) именовалась извѣстная категорія крестьянъ, поселившихся на земляхъ нѣкоторыхъ монастырей. Припомнимъ теперь уже упомянутый нами указъ 10 октября 1550 года. Какъ мы знаемъ, онъ создалъ для Московскаго уѣзда особое территоріальное и политическое устройство. Въ этотъ уѣздъ переселялись отборные служилые люди, взятые съ различныхъ ступеней чиновной іерархіи и изъ всѣхъ областей московскаго государства Существующій порядокъ вещей оставался незатронутымъ въ своихъ

основахъ подобнымъ мѣропріятіемъ. Однако, перемѣщая людей и внося извѣстныя измѣненія въ условія землевладѣнія, Иванъ создавалъ такимъ образомъ ядро придворной аристократіи, войска, администраціи и новой знати на совершенно особыхъ началахъ.

Что же представляла собою опричнина 1565 года?

Въ своихъ основныхъ чертахъ она являлась лишь болѣе широкимъ и послѣдовательнымъ осуществленіемъ только что указаннаго первоначальнаго плана.

Все свое государство Иванъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ одной должны были сохраниться прежній строй и старое управленіе. Другими словами, какъ и раньше, здѣсь продолжали управлять воеводы, намѣстники, судьи и кормленщики всякаго рода вмѣстѣ съ вотчинниками и помѣщиками. Впрочемъ, въ цѣляхъ централизаціи этого управленія, въ Москвѣ было создано особое учрежденіе подъ руководствомъ двухъ бояръ. Въ составъ другой половины государства должны были войти различныя области вмѣстѣ съ нѣкоторыми городами и извѣстными частями самой столицы. Такимъ образомъ, царь оставлялъ для себя нѣчто въ родѣ упомянутой вдовьей доли или особаго удѣла. Здѣсь, съ тысячью бояръ и дѣтей боярскихъ по своему выбору, онъ намѣревался продолжать опытъ 1550 года.

Выясняя общій смыслъ этого опыта, мы должны отмѣтить въ немъ два главныхъ момента. Я говорю, во-первыхъ, о преобразованіи вотчиннаго землевладѣнія въ помѣщичье и, во-вторыхъ, о перенесеніи слугъ государевыхъ въ совершенно новую для нихъ среду. У вотчинника отбирали его наслѣдственную землю, свободную отъ всякихъ повинностей. Его отрывали отъ родного угла, гдѣ вѣками создавались, развивались и укрѣплялись его благосостояніе и общественное значеніе. Его удаляли отъ искони зависимаго отъ него населенія, расторгая всѣ его связи. Извлекая его, обособляя и лишая привычнаго мѣста, его сажали на другой участокъ земли, возможно дальше отъ первоначальнаго мѣстожительства. Правда, его надѣляли новымъ владѣніемъ, но уже условнымъ и временнымъ, обязывая его служить государству и нести общія со всѣми повинности. Такимъ образомъ, создавали новыхъ людей—безъ прошлаго, безъ почвы и безъ защиты. Вотъ какова была основная задача опричнины. По крайней мѣрѣ, мы можемъ предполагать это, ибо самъ Иванъ такъ и не раскрылъ своихъ тайныхъ намѣреній. До настоящаго времени очевидная связь двухъ актовъ, именно указа 1550 года и мѣропріятій 1565 года, не обращала

на себя должнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ здѣсь извѣстную систему. Все, что мы знаемъ о характерѣ и примѣненіи обѣихъ мѣръ, оправдываетъ, повидимому, извѣстную гипотезу Платонова и, отчасти, Милюкова. Первый, мнѣ кажется, ближе подошелъ къ истинѣ, нежели послѣдній, такъ какъ въ реформахъ Ивана, равно какъ и преобразованіяхъ Петра Великаго авторъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» видитъ, исключительно, финансовыя мѣропріятія (*Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, СПБ, 1899, I, 137; *Милюковъ*, Ор. с. 1896, I, 147 сл.).

Политическій кругозоръ Ивана IV былъ, несомнѣнно, значительно шире. Однако, и при его жизни, и даже послѣ его смерти объ опричнинѣ было приказано не распространяться. Въ 1565 году въ Польшу отправилось царское посольство. Можно было предвидѣть, что поляки зададутъ ему вопросъ объ опричнинѣ. Московская дипломатія, обыкновенно, предусматривала подобные нескромные вопросы и заранѣе принимала мѣры противъ излишней откровенности своихъ представителей: имъ она, по большей части, указывала, что нужно отвѣчать на это. На случай, если бы пословъ спросили, что такое опричнина, они должны были бы заявить, что даже не понимаютъ, о чемъ съ ними говорятъ. На Руси нѣтъ никакой опричнины. Царь живетъ тамъ, гдѣ ему угодно, а при немъ находятся тѣ слуги, которыми онъ доволенъ; большинство изъ нихъ тутъ же, поблизости, и владѣютъ землею. Другіе слуги государевы живутъ подальше; вотъ и все. Если же невѣжественный народъ и толкуетъ о какой-то опричнинѣ, то на это не стоитъ обращать вниманія. Такой же точно приказъ молчать объ опричнинѣ былъ данъ и другимъ посольствамъ въ 1567 и 1571 гг. (Сборникъ И. Ист. О-ва, LXXI, 461, 777).

Однако, вмѣсто людей говорятъ факты. Первоначальная территорія опричнины постепенно все увеличивалась; наконецъ, она захватила собою большую часть государства. Соотвѣтственно этому и число опричниковъ возрасло съ тысячи до шести тысячъ человѣкъ. Въ 1565 году къ опричнинѣ были присоединены области Вологодская, Устюжская, Каргопольская, Можайская и Вяземская. Въ 1566 г. сюда же отошли всѣ земли Строгановыхъ, а въ 1571—часть Новгородской области. Всякое расширеніе территоріи опричнины сопровождалось раздачей новыхъ вотчинъ и помѣстій, которыя отнимались у прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдніе вознаграждались за это земельными надѣлами въ другихъ областяхъ, гдѣ они, въ свою очередь,

водворялись на мѣсто опричниковъ, переселяемыхъ на отобранныя у нихъ земли. Такимъ образомъ всякій, кто не попадалъ въ опричнину, неизбѣжно подвергался или экспропріаціи или ссылкѣ. Правительство Ивана Грознаго намѣренно отбирало для опричнины тѣ части центральныхъ областей государства, гдѣ пережитки удѣльнаго порядка сохраняли наибольшую силу и размѣры. Такимъ образомъ, система Ивана проникала въ наслѣдственныя владѣнія ростовскихъ, стародубскихъ, суздальскихъ и черниговскихъ князей. Она захватывала также *заокскія* земли, т.-е. вотчины другой группы князей—Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ князей стали подъ знамя новаго порядка и доказали Ивану свое вѣрноподданническое усердіе. Таковы были князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и князь Никита Ивановичъ Одоевскій. Взамѣнъ Одоева князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій получилъ Стародубъ-Ряполовскій, за нѣсколько сотъ верстъ дальше къ Западу. Другіе землевладѣльцы изъ той же области получили земли по сосѣдству съ Москвою, въ окрестностяхъ Коломны, Дмитрова и Звенигорода. О практическихъ послѣдствіяхъ всей этой перетасовки можно судить по слѣдующему примѣру. До Ивана IV на 272 вотчины, находившихся въ Тверской области, 53 землевладѣльца совершенно не несли службы государству. Одни изъ нихъ служили двоюродному брату царя, князю Владиміру Андреевичу; другіе были обязаны тѣмъ же самымъ по отношенію къ потомкамъ прежнихъ удѣльныхъ князей—Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскимъ, Голицынымъ, Курлятевымъ и даже простымъ боярамъ. Опричнина кореннымъ образомъ измѣнила такое положеніе. Она вытѣснила собою всѣ другія повинности, но при этомъ заставила всѣхъ служить уже одному государю. На ряду съ этимъ, опричнина уничтожила всякія частныя вооруженныя силы, опираясь на которыя, непокорные вассалы царя часто бывали для него опаснѣе внѣшнихъ враговъ. Наконецъ, опричнина утверждала начало личной службы государя и устанавливала на всей своей территоріи цѣлую систему прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ казну.

Конечно, я не могу отрицать того, что опричнина, между прочимъ, имѣла въ виду извѣстныя экономическія и финансовыя задачи. Этимъ объясняется ея стремленіе, во что бы то ни стало, вобрать въ себя тѣ города, которые были расположены на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ государства. Весьма характерно, что купцы этихъ городовъ

отнюдь не заявляли своего недовольства по поводу такой перемѣны режима. Представители англійской торговой компаніи добивались даже, какъ милости, чтобы ихъ подчинили опричнинѣ. О томъ же самомъ просили и Строгоновы. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ столицу державы съ порубежными областями, опричнина не затронула только южныхъ путей, шедшихъ черезъ Тулу и Рязань. Повидимому, присоединеніе ихъ къ опричнинѣ не представляло въ глазахъ правительства никакихъ особыхъ выгодъ.

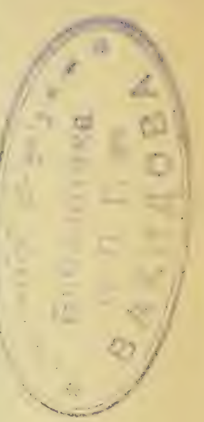
За отсутствіемъ точнаго документальнаго матеріала мы только съ большимъ трудомъ можемъ установить, какое, въ общемъ, количество земли отошло къ опричнинѣ между 1570 и 1580 гг. Повидимому, въ окончательномъ итогѣ, опричнина представляла собою весьма значительную территорію, въ которую входили какъ сѣверныя, такъ и южныя области съ городами и подчиненными имъ округами. Другими словами, къ опричнинѣ относились Поморье, всѣ области Замосковья, Заокскія земли и изъ пяти Новгородскихъ пятинъ двѣ—именно, Обонежская и Бѣжецкая. На сѣверѣ опричнина упиралась «въ великое Окіянъ-море», а въ цѣломъ представляла собою какъ бы клинъ, врѣзывающійся въ область стараго порядка, т.-е. въ земщину, и раздѣляющій ее на двое. На югѣ территорія опричнины простиралась до Оки, на востокъ до Вятки, а на западъ до Литовско-нѣмецкой границы. Внѣ опричнины оставались на востокѣ области Пермская и Вятская съ Рязанью, а на западѣ земли, подчиненныя Пскову и Новгороду, съ такими пограничными городами, какъ Великіе Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ. На югѣ раздѣленныя опричниной области земщины примыкали съ обѣихъ сторонъ къ украинскимъ землямъ и къ «*дикому полю*».

Въ центрѣ, какъ я сказалъ, дѣйствіе опричнины распространялось только на нѣкоторыя части территоріи: здѣсь подчиненные ей округа, города и участки смѣшивались съ такими же элементами земщины въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Эту картину трудно не только объяснить, но и просто представить себѣ ясно. Изъ крупныхъ городовъ за земщиной оставались только Тверь, Владиміръ и Калуга. При этомъ, вообще говоря, области земщины отодвигались, по возможности, къ окраинамъ государства. Такое устройство территоріи представляло полную противоположность древнимъ римскимъ порядкамъ. Какъ мы знаемъ, вся сила великой античной державы была сосредоточена по периферіи, съ очевиднымъ расчетомъ сковать центръ государства желѣзнымъ кольцомъ грозныхъ легіоновъ.

Около 1572 года опричнина утратила свое первоначальное наименованіе. Съ этихъ поръ она стала называться *дворомъ*. Между тѣмъ, она успѣла уже усвоить всѣ признаки правильно организованнаго государственнаго учрежденія. Впрочемъ, въ своемъ дѣйствіи, эта система сохраняла формы прежняго управленія. Поэтому, изслѣдуя какой-нибудь оффиціальный документъ, относящійся къ этой эпохѣ, мы лишь съ величайшимъ трудомъ можемъ рѣшить, исходитъ онъ отъ земщины или опричнины. Формально опричнина не уничтожала даже самаго мѣстничества; она только исключала его счеты въ собственныхъ предѣлахъ. Словомъ, она дѣйствовала параллельно съ земщиной и въ полномъ съ ней согласіи, причемъ и та, и другая были подчинены центральнымъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ финансы и воинскія силы государства. Въ той и другой системѣ администраціи дѣйствовали обыкновенные дьяки, въ рукахъ которыхъ находилось все дѣловое производство земщины и опричнины. По крайней мѣрѣ, мы можемъ предположить такую организацію, опираясь на несомнѣнный фактъ одновременнаго существованія и согласованной работы обѣихъ системъ. Этого одного достаточно, чтобы совершенно разрушить легенду объ опричнинѣ, вся роль которой будто бы, сводилась къ функціямъ политической полиціи. Въ 1570 году, какъ узнаемъ мы изъ подлинныхъ документовъ, опричнина и земщина были созваны для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ Литовской границей. И та, и другая сторона были представлены своими боярами, которые являлись какъ бы особыми делегатами. Обсужденіе вопросовъ тѣми и другими происходило отдѣльно. Но рѣшенія ихъ, оказалось, вполнѣ совпали. Такимъ образомъ, мы не видимъ никакихъ признаковъ вражды или треній между обѣими силами. Въ томъ же самомъ и въ слѣдующемъ годахъ воинскіе отряды опричнины и земщины сообща и въ совершенномъ согласіи дѣйствуютъ противъ татаръ.

Конечно, та задача, которая стояла предъ Иваномъ, не нашла себѣ въ опричнинѣ окончательнаго и полнаго разрѣшенія. Собственно говоря, Грозный долженъ былъ бы устранить двойное противорѣчіе, которое существовало въ его государствѣ. Политическое противорѣчіе заключалось въ томъ, что государь, котораго сама исторія сдѣлала носителемъ абсолютной власти на демократическихъ основахъ, былъ вынужденъ осуществлять эту самую власть при посредствѣ аристократіи. Что касается соціальнаго противорѣчія, то оно сводилось къ тому, чтобы этотъ самодержавный государь, въ поискахъ новыхъ

средствъ, необходимыхъ ему для удовлетворенія честолюбивыхъ замысловъ, волей-неволей долженъ былъ сковывать цѣпями рабства производительный классъ. Связавъ его по рукамъ и по ногамъ, онъ отдавалъ его на произволъ непроизводительнымъ элементамъ общества, т.-е. служилымъ людямъ—своимъ воинамъ и собирателямъ налоговъ.

Опричнина оказалась безсильной совершенно уничтожить аристократію; она лишь нанесла этому классу весьма чувствительный ударъ. Впрочемъ, быть-можетъ, дальше этого и не шли намѣренія самого царя. Нѣкоторые знатные и могущественные вельможи стали въ ряды опричнины и такимъ образомъ были обезврежены. Но, помимо нихъ, система Ивана IV пощадила только очень немногихъ представителей стараго боярства. Такъ, между прочимъ, во главѣ земщины Грозный рѣшилъ поставить рядомъ двухъ князей—Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго. Оба они, въ сущности, были совершенно безобидными и даже полезными Ивану людьми. Что касается политическаго значенія боярства, то оно было окончательно уничтожено опричниной. Результаты этого сказывались и послѣ смерти Ивана, когда руководящая роль перешла въ руки такихъ безродныхъ креатуръ царя, какъ Захарьины или Годуновы. Какъ мы знаемъ, система переселенія была связана въ опричнинѣ съ массовыми казнями и конфискаціями имущества. Чтобы пополонить пустоту, образовавшуюся отъ подобныхъ мѣропріятій, правительство Ивана IV обращалось къ низшимъ классамъ общества. Такъ изъ крестьянъ, казаковъ и даже татаръ образовался довольно значительный контингентъ служилыхъ людей, который являлся могущественнымъ орудіемъ демократической нивеллировки. Не даромъ говорилъ Иванъ въ письмѣ къ Васюшкѣ Грязнову, что бояре великаго князя Василія и его собственные привыкли измѣнять государю; поэтому-де и обращается царь къ нимъ, мужикамъ, на вѣрность и преданность которыхъ онъ разсчитываетъ. Въ отвѣтъ Грязный смиренно заявлялъ, что царь, «аки Богъ, изъ мала велика чинитъ...»

И все же опричнина представляла собою цѣлую революцію, которая не могла совершиться безъ извѣстныхъ потрясеній. Она сказалась даже на положеніи низшихъ классовъ общества, расторгая вѣковыя узы, связывавшія ихъ со старинными господами. Она ввела въ города и деревни новый элементъ, при чемъ, благодаря дробленію крупныхъ земель, создала сельскохозяйственный и промышленный

пролетаріатъ. Словомъ, опричнина затрагивала многообразные интересы и чувства. Выше я уже отмѣтилъ фактъ разложенія стараго крестьянскаго самоуправленія: тамъ, гдѣ раньше крестьяне зависѣли отъ одного лишь государства, они должны были теперь подчиниться новымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, хотя и косвенно, опричнина содѣйствовала развитію крѣпостного права. Впрочемъ, ближайшимъ результатомъ ея было усиленіе эмиграціи среди разрозненныхъ ею массъ. Съ другой стороны, болѣе энергичная ихъ эксплуатація ускорила процессъ постепеннаго оскудѣнія народа. Съ этой точки зрѣнія, дѣло Ивана не выдерживаетъ критики. Въ недалекомъ будущемъ, при столкновеніи московскаго государства съ Польшей, должны были обнаружиться эти недостатки его реформы. Замѣтимъ, впрочемъ, что она имѣла и нѣкоторыя положительныя стороны и въ извѣстномъ смыслѣ была даже необходима.

На практикѣ опричнина повела къ различнымъ злоупотребленіямъ. Это тоже, конечно, заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Впрочемъ, то бывало всегда при кризисахъ подобнаго рода; едва ли историкъ можетъ указать хоть одну такую эпоху, которая была бы свободна отъ подобныхъ темныхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя разсматривать опричнину подъ этимъ однимъ угломъ зрѣнія и произносить надъ ней слишкомъ категорическій приговоръ. Правда, мы знаемъ многое о тѣхъ жестокостяхъ, которыми запятнано и опозорено было дѣло опричнины. Впослѣдствіи эти жестокости закрыли и извратили въ сознаніи потомства дѣйствительный характеръ и подлинную цѣль реформы Ивана Грознаго. Такъ или иначе, касаясь этой стороны дѣла, историкъ долженъ заранѣе ожидать, что встрѣтится съ извѣстными преувеличеніями. Нельзя принимать безъ критической провѣрки тѣ свидѣтельства, которыя изображаютъ намъ ужасы опричнины. Эти показанія исходятъ или отъ заинтересованныхъ лицъ, какъ Курбскій, или отъ предубѣжденныхъ недоброжелателей, какъ большинство иностранцевъ. Къ сожалѣнію, у насъ почти отсутствуютъ средства провѣрки всего этого матеріала. Тѣмъ не менѣе, я попытаюсь—если не установить истину, то, по крайней мѣрѣ, подойти къ ней возможно ближе.

II.

Терроръ.

Иванъ оставилъ за собою право покарать нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ. Конечно, всякій понималъ, что Грозный не откажетъ себѣ въ этомъ. Курбскій былъ уже слишкомъ далеко: поэтому царь обрушился на его дѣйствительныхъ или мнимыхъ сообщниковъ. На этомъ основаніи были казнены князь Александръ Борисовичъ Шуйскій со своимъ молодымъ сыномъ Петромъ. Съ ними подверглись той же участи нѣкоторые изъ родственниковъ,—между прочимъ, двое Ховриныхъ, князь Иванъ Сухой Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ и т. д. .. Другіе несчастные, какъ князь Иванъ Куракинъ или князь Дмитрій Нѣмой поплатились головою за вины, о которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній. За казнями послѣдовали ссылки и конфискаціи. Удовлетворивъ такимъ образомъ свой гнѣвъ и начавъ страшное дѣло опричнины, царь согласился, наконецъ, вернуться въ столицу. По свидѣтельству лѣтописца царь измѣнился до неузнаваемости: лицо его казалось совершенно чужимъ; волосы съ головы и лица выпали. Слѣдуетъ отмѣтить это извѣстіе, какъ первое доказательство работы воображенія, старавшагося усилить и безъ того мрачное впечатлѣніе драмы. Какъ извѣстно, подобно всѣми современникамъ, царь брилъ себѣ голову. Поэтому его внезапная плѣшивость едва ли могла настолько поразить зрителей. Къ тому же незадолго до пріѣзда въ Москву царь, очевидно, пользовался превосходнымъ здоровьемъ и отнюдь не обнаруживалъ слабости.

Мои читатели помнятъ, что царемъ были перехвачены нѣкоторыя письма изъ Польши. Такимъ образомъ, были скомпрометированы и оказались на подозрѣніи нѣкоторыя лица, къ которымъ были адресованы эти письма. Въ числѣ ихъ были старый Иванъ Петровичъ Челяднинъ съ женою, князь Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, трое князей Ростовскихъ и еще нѣсколько бояръ. Всѣ они были привлечены къ этому дѣлу. Ихъ предали палачу, подвергли жестокимъ пыткамъ, наконецъ, казнили. Не избѣгла общей участи и Церковь. Несомнѣнно, съ нѣкоторыми жертвами новаго порядка ее связывало единство интересовъ. Но, помимо того, ужасы опричнины давали ей постоянный поводъ къ заступничеству за несчастныхъ: мы уже говорили, что это право Церкви было драгоцѣннѣйшей ея привиллегіей и самой славной заслугой. Одинъ изъ преемниковъ Макарія въ санѣ митрополита

Московскаго навлекъ на себя громы Ивана. Впрочемъ, и самъ Макарій нѣсколько разъ ходатайствовалъ предъ царемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, которыхъ еще раньше постигалъ гнѣвъ государя. Конечно, онъ дѣйствовалъ съ большою осторожностью, но, повидимому, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Между прочимъ, онъ выступилъ на защиту Воронцова и, вѣроятно, самого Сильвестра. Ближайшимъ преемникомъ Макарія былъ Аѳанасій изъ Чудова монастыря: этотъ митрополитъ обнаруживалъ еще менѣе смѣлости и оставался безучастнымъ зрителемъ первыхъ звѣрствъ опричнины. Заболѣвши, онъ уступилъ свое мѣсто въ 1566 году архіепископу казанскому Герману. Однако, этотъ послѣдній не удержался на своей каѳедрѣ. Новые любимцы Ивана добились его удаленія; при этомъ они указали государю на другого кандидата. Если не предположить, что на Ивана дѣйствовали другія вліянія, то окажется совершенно невозможнымъ примирить его новый выборъ съ той звѣрской жестокостью, которой, будто бы, отличались его совѣтники изъ опричнины.

Представитель знатнаго рода Колычевыхъ, удалившійся отъ двора вслѣдствіе опалы своихъ сородичей и принужденный принять монашество, Филиппъ былъ настоятелемъ Соловецкаго монастыря. Здѣсь онъ пріобрѣлъ извѣстность своими высокими нравственными качествами и рѣдкими дарованіями администратора. Иванъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, еще съ дѣтства зналъ и любилъ Филиппа. Теперь Соловецкому игумену предложили занять постъ митрополита. Сперва Филиппъ не соглашался принять этотъ санъ иначе, какъ при условіи, что опричнина будетъ уничтожена. Однако, въ концѣ-концовъ, онъ уступилъ, при чемъ обязался письменно не вмѣшиваться ни въ дѣла управленія, ни въ частную жизнь царя. Между тѣмъ, эта жизнь становилась все болѣе и болѣе безпорядочной и разнузданной: этимъ она вызывала противъ себя всеобщее осужденіе. Однако, Иванъ самъ призналъ за новымъ митрополитомъ право заступничества за виновныхъ. Онъ заявилъ Филиппу, что долгъ святителя—не переча царю, смягчать его гнѣвъ. Такъ или иначе, но скоро царь сталъ избѣгать митрополита. Однако, они жили слишкомъ близко другъ отъ друга. Даже проживая въ Александровской слободѣ, царь, отъ времени до времени, считалъ необходимымъ наѣзжать въ столицу и молиться у ея святынь. При такихъ условіяхъ уклониться отъ встрѣчи съ митрополитомъ было невозможно.

31 мая 1568 года, въ воскресенье, царь вошелъ въ Успенскій со-

боръ со своими опричниками въ монашескихъ одѣяніяхъ и, по обычаю, попросилъ благословенія митрополита. Филиппъ молчалъ. Царь троекратно повторялъ свою просьбу, но не получалъ отвѣта; наконецъ, къ митрополиту обратились бояре. Тогда святитель прервалъ свое молчаніе. На глазахъ у присутствующихъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса, завязался трагическій діалогъ между царемъ и митрополитомъ. Въ длинной рѣчи Филиппъ изобличалъ преступленія и пороки государя. Иванъ напрасно пытался прервать эти суровыя укоризны...

«Самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!» говорилъ пастырь.

«Только молчи, одно тебѣ говорю, молчи, отецъ святой! Молчи и благослови насъ!» повторялъ царь.

«Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ...»

«Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?.. Не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!»

«Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана; зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?»

Иванъ овладѣлъ собою. Казалось даже, что въ немъ проснулись человѣческія чувства... Но на другой день по его приказу былъ замученъ въ самыхъ страшныхъ пыткахъ князь Василій Пронскій... Въ іюлѣ того же года произошло новое столкновеніе царя съ митрополитомъ у Новодѣвичьяго монастыря. Оно рѣшило судьбу Филиппа. Владыки Новгородскій, Суздальскій и Рязанскій самымъ постыднымъ образомъ выразили готовность произвести надъ митрополитомъ пародію суда. Главнымъ свидѣтелемъ обвиненія выступилъ преемникъ Филиппа въ Соловецкомъ монастырѣ игуменъ Паисій. Стоя передъ этимъ судилищемъ, Филиппъ хотѣлъ было, не дожидаясь приговора, сложить съ себя знаки своего пастырскаго достоинства. Но Иванъ остановилъ его, говоря, что ему должно ждать суда, а не быть самому судьею. На слѣдующій день онъ повелѣлъ ему служить обѣдню, какъ обыкновенно.

Это было въ Михайловъ день. Между тѣмъ, уже готовъ былъ приговоръ, присуждавшій виновнаго къ вѣчному заточенію въ монастырѣ, и царь, вѣрный своей привычкѣ къ эффектамъ, готовилъ театральную сцену. Во время богослуженія опричники ворвались въ соборъ, сорвали съ митрополита облаченіе, надѣли на него дырявую

рясу и, бросивши его въ сани, увезли, при чемъ заметали за нимъ слѣдъ своими метлами и ими же его хлестали. Онъ былъ заточенъ въ Твери, и на слѣдующій годъ, на пути въ Новгородъ, Иванъ послалъ къ нему самаго кровожаднаго изъ своихъ приспѣшниковъ, Малюту Скуратова. Царь еще осмѣливался просить благословенія узника! Никто не знаетъ достовѣрно, что тогда произошло. Нѣкоторыя сказанія утверждаютъ, что Скуратовъ положилъ конецъ бурной сценѣ тѣмъ, что задушилъ бывшаго митрополита. По другимъ свидѣтельствамъ, узникъ былъ увезенъ въ Александровскую слободу, и тамъ его сожгли живымъ. Послѣ смерти Ивана тѣло святого было перевезено въ Соловецкій монастырь и сдѣлалось тамъ предметомъ поклоненія; въ 1652 году при Алексѣѣ, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, и еще до сихъ поръ на поклоненіе его мощамъ стекаются толпы богомольцевъ въ Успенскій соборъ, гдѣ началось его мученичество.

Рѣшеніе Ивана—разить изо всей силы и не щадить никого—все крѣпло. Онъ уже не могъ допустить, чтобы кто-нибудь становился между нимъ и тѣмъ, кто мѣшалъ ему на его пути. И вотъ, онъ начинаетъ наносить страшные удары даже собственной семьѣ. Когда онъ упоминалъ въ спорѣ съ Филиппомъ о возставшихъ противъ него родныхъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Еще въ 1563 г. онъ заподозрилъ его въ принадлежности къ заговору, сдѣлалъ ему публичный выговоръ и заставилъ его разстаться со всѣми его приближенными. Даже мать его, Евфросинію, постригли насильно въ монахини. Въ 1566 г., онъ лишилъ его удѣла, давши въ обмѣнъ за Старицу два неважныхъ мѣстечка, Дмитровъ и Звенигородъ. По утвержденію иностраннаго лѣтописца, этотъ несчастный князь собирался въ 1569 г. поступить на службу къ польскому королю. Вслѣдъ затѣмъ онъ исчезъ. Былъ ли онъ задушенъ, обезглавленъ, или отравленъ со всѣми своими домочадцами тѣмъ самымъ ядомъ, который будто бы приготовилъ для царя? Свидѣтельства не согласуются одно съ другимъ. Таубе и Крузе, приводящіе послѣднюю версію утверждаютъ, будто Иванъ присутствовалъ при агоніи всей этой семьи; потомъ онъ забавлялся тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ дворовыхъ женщинъ раздѣвали, выгоняли плетьми на улицу, стрѣляли въ нихъ изъ пищалей или рубили палашами, оставляя наконецъ тѣла ихъ на растерзаніе птицамъ. Это сказаніе весьма сомнительно. Старшій сынъ Владиміра былъ еще живъ въ 1572 г., такъ какъ онъ упомянутъ Иваномъ въ завѣщаніи, относящемся къ этому вре-

мени. Что же касается до Евфросиніи, то Иванъ ничего не возражаетъ Курбскому, когда тотъ говоритъ, что въ это же время или раньше она была взята изъ монастыря и утоплена.

Закономъ всякаго террора является его прогрессивное возрастаніе. Разгорающіяся страсти вмѣстѣ съ притупившейся воспріимчивостью требуютъ все болѣе сильныхъ, болѣе ужасающихъ эффектовъ. Можетъ быть, Владиміръ былъ уличенъ въ какихъ-нибудь преступныхъ переговорахъ съ Польшей; въ слѣдующемъ году цѣлый городъ поплатился за подобное подозрѣніе. Нѣкій Петръ, по прозванію Волынецъ, бродяга, имѣвшій непріятности съ новгородскими властями, донесъ на жителей: они де готовы передаться Сигизмунду-Августу, и написанный договоръ хранится за иконой Пресвятой Богородицы въ храмѣ св. Софіи. До самаго XVIII вѣка на Руси охотно прибѣгали къ подобнаго рода тайникамъ. Петръ Волонецъ не заслуживалъ особаго довѣрія, но раньше повторявшіеся подобные случаи придавали его доносу нѣкоторое вѣроятіе. Вольный Новгородъ уже проявлялъ свое тяготѣніе къ Литвѣ и Польшѣ, и, когда дѣло коснулось его независимости, формально сталъ подъ покровительство короля Казимира и выразилъ ему свою покорность. Дѣйствительно, выше упомянутый документъ былъ найденъ въ указанномъ доносчикомъ мѣстѣ, и на немъ стояли подлинныя подписи архіепископа Пимена и многихъ именитыхъ гражданъ. Было начато слѣдствіе, подробности котораго приводитъ *Карамзинъ* (Ист. Гос. Рос. Т. IX, прим. 299). Оно обнаружило сообщниковъ: между ними были нѣкоторые новые любимцы царя, какъ Басмановъ, казначей Фуниковъ и дьякъ Висковатый. Было задумано не болѣе, не менѣе, какъ предать Литвѣ Псковъ и Новгородъ, а затѣмъ, съ помощью Польши, посадить вмѣсто Ивана на московскій престолъ Владиміра. Самое дѣло едва-ли могло быть въ рукахъ знаменитаго историка: уже въ его время оно лишь только упоминается въ архивныхъ инвентаряхъ, и надо считать его исчезнувшимъ. Такимъ образомъ, передъ нами встаетъ новая загадка. На этотъ разъ, Иванъ будетъ мстить ужаснѣйшимъ образомъ, онъ превзойдетъ все бывшее въ томъ же родѣ прежде, даже на Руси и во время его царствованія. Вѣроятно, эта месть имѣла, если не свое оправданіе, то по крайней мѣрѣ, нѣкоторое объясненіе. Но въ какой степени была она заслужена?

Царь нерѣдко посѣщалъ Новгородъ, и до этой поры его отношенія съ архіепископомъ и, вообще, духовенствомъ не оставляли желать

ничего лучшаго. Пименъ только что прогостилъ пятнадцать недѣль въ Москвѣ и увезъ съ собою довольно значительную сумму денегъ— даръ царя на обновленіе одного храма. Такимъ образомъ, ничего не предвѣщало грозы, разразившейся надъ городомъ въ январѣ 1570 г. Въ студеное зимнее время Иванъ собрался какъ бы въ походъ, взявъ съ собою опричниковъ и цѣлое войско. Дѣйствительно, дѣло шло о военной экзекуціи, передъ которой должны были поблѣднѣть ужасныя воспоминанія о первомъ ливонскомъ походѣ. Она уже началась сейчасъ же на границѣ Тверской земли и повела за собою систематическій разгромъ всей области. На протяженіи всего пути отъ Клина до Новгорода царь оставлялъ за собою пустыню. 2 января его передовые отряды показались подъ стѣнами города и со всѣхъ сторонъ его окружили. Пригородные монастыри были преданы разграбленію, и до 500 человѣкъ монаховъ уведены. На другой день опричники проникли въ городъ и собрали священниковъ и дьяконовъ всѣхъ церквей; послѣ этого всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ монахами, поставили на правежъ. Ихъ били ежедневно съ утра и до вечера, требуя по 20 р. выкупа съ головы. Судя по документамъ, есть основаніе предполагать, что между ними нашлись кое-какіе счастливцы, избавившіеся отъ пытки этою цѣной. Другихъ ждала страшная участь. Царскіе пристава въ то же время рыскали по домамъ и сгоняли жителей за ограду, охраняемую войскомъ. 6-го января, въ пятницу, прибылъ самъ Иванъ, съ нимъ его сынъ и пятьсотъ стрѣльцовъ, и первымъ его дѣломъ былъ приказъ бить палками до смерти всѣхъ монаховъ, стоявшихъ на правежѣ. Трупы ихъ были развезены по монастырямъ и тамъ погребены.

Наступалъ чередъ бѣлаго духовенства. Въ воскресенье передъ, обѣдней, архіепископъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ навстрѣчу царю на мостъ черезъ Волховъ и собирался благословить его. Иванъ не принялъ благословенія и назвалъ его «волкомъ хищнымъ». Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ ему служить обѣдню у Св. Софіи. Онъ готовилъ для него повтореніе своей расправы съ Филиппомъ. Какъ всегда, царь принялъ отъ епископа приглашеніе къ столу. Онъ казался веселымъ и кушалъ съ охотою, какъ вдругъ, среди трапезы, онъ громко вскрикнулъ. По этому знаку опричники быстро принялись исполнять то, что имъ было заранѣе приказано. Въ одно мгновеніе весь домъ архіепископа подвергся разгрому; съ него самого сорвали одежду и бросили его со всей челядью въ темницу. Въ слѣдующіе дни терроръ достигъ

ужасающихъ размѣровъ. На главной городской площади было воздвигнуто подобіе трибунала, окруженное, какъ всегда, разнообразными орудіями пытокъ, и царь приступилъ къ быстрому суду. Горожанъ приводили сотнями, пытали, жгли на маломъ огнѣ, съ особо-утонченными, повидимому, новыми пріемами (поджоръ); затѣмъ почти всѣхъ приговаривали къ смерти и везли топить. Окровавленныхъ и трепещущихъ, ихъ привязывали къ санямъ; ихъ спускали по крутому откосу къ рѣчной быстринѣ, гдѣ никогда не замерзалъ Волховъ, и они погружались въ пучину. Топили младенцевъ, привязывая ихъ къ матерямъ, а опричники, съ пиками стоя на лодкахъ, смотрѣли, чтобы никто не спасся.

По словамъ Третьей Новгородской лѣтописи, эти избіенія длились пять недѣль, и рѣдкіе дни не отправлялось на тотъ свѣтъ такимъ образомъ 500—600 человѣкъ обоего пола. Случалось, что въ одинъ день, число жертвъ возрастало до полутора тысячъ. Первая псковская лѣтопись говоритъ, что, въ общемъ, погибло 60.000. Эти цифры кажутся неправдоподобными. Для общей статистики Ивановыхъ казней мы можемъ пользоваться документами, исходящими отъ него самого. Показанія этихъ документовъ, въ большинствѣ случаевъ, согласуются съ показаніями Курбскаго и различныхъ лѣтописцевъ. Мои русскіе читатели, конечно, догадываются, что я имѣю въ виду «Синодики», родъ поминаній, которыя царь имѣлъ обыкновеніе разсылать по монастырямъ, чтобы монахи молились по убіеннымъ. Подобно тому, какъ это было съ Людовикомъ XI, свирѣпость Ивана, даже обращенная противъ духовенства, всегда сопровождалась педантическимъ соблюденіемъ всѣхъ обрядовыхъ формъ. Что касается Новгорода то списокъ, сохранившійся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, приводитъ только полторы тысячи именъ; но другой синодикъ, принадлежащій Спасскому монастырю въ Прилукахъ, говоритъ намъ о томъ, что такимъ образомъ сохранившіяся имена принадлежали только людямъ именитымъ. Гваньино и Одерборнъ говорятъ, въ томъ же смыслѣ, о 2780 убитыхъ новгородцевъ, не считая простонародья.

Какъ бы то ни было, отвратительная рѣзня достигла самыхъ ужасающихъ размѣровъ, и когда Ивану некого было больше убивать, онъ обратилъ свою ярость на неодушевленные предметы. Онъ съ особымъ звѣрствомъ обрушился сначала на монастыри, гдѣ предполагалъ измѣну. Вѣроятно, по той же причинѣ онъ сталъ безпощадно уничтожать торговлю и промышленность большого города. Всѣ лавки

въ самомъ городѣ и въ пригородахъ, въ которыхъ сосредоточилась вся торговая и промышленная жизнь, а за ними самые дома были разграблены и разрушены до основанія. Самъ царь присутствовалъ при этомъ, а опричники рыскали по окрестностямъ на 200—250 верстъ кругомъ, если вѣрить лѣтописцамъ, и вездѣ дѣлали то же самое.

Наконецъ, когда уже нечего было больше разрушать, 13 января 1570 года, Иванъ приказалъ привести къ нему именитѣйшихъ новгородцевъ изъ оставшихся въ живыхъ, по стольку-то съ каждой улицы. Ни живы, ни мертвы предстали они передъ государемъ, ожидая для себя неслыханныхъ казней. Но, противъ всякаго ожиданія, онъ взглянулъ на нихъ привѣтливымъ окомъ и, очевидно, успокоенный, обратился къ нимъ съ милостивой рѣчью: онъ предлагалъ имъ отбросить отнынѣ всякій страхъ и жить мирно, моля Бога о томъ, чтобы Онъ хранилъ царя и его державу отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену.

Такъ простился Грозный съ Новгородомъ. Онъ отбылъ въ тотъ же день и увезъ съ собою архіепископа и съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ священниковъ и діаконовъ. Хотя они и не откупились отъ правежа, но все же избѣгли участи, постигшей монаховъ.

Новгородъ вздохнулъ; но тѣмъ не менѣе онъ никогда уже не оправился отъ нанесеннаго ему удара. Вмѣстѣ съ цвѣтомъ его населенія, погибло и его благоденствіе. Хотя бы у Ивана была тысяча причинъ быть неумолимымъ, онъ все-таки преступилъ всякую мѣру. Все же, принимая въ расчетъ неизбѣжныя преувеличенія всѣхъ лѣтописей въ томъ, что касалось этого мрачнаго эпизода, не будемъ забывать еще одного обстоятельства: аналогичные этому факты имѣли мѣсто приблизительно въ ту же эпоху на Западѣ. Возьмемъ, для примѣра, изъ десяти подобныхъ драмъ повѣствованіе о разгромѣ Льежа Карломъ Смѣлымъ, произведенномъ въ 1468 г., при любезномъ содѣйствіи французскаго кузена. Можно подумать, что Иванъ былъ только подражателемъ. Мы читаемъ у Мишле: «Самое ужасное въ этомъ уничтоженіи цѣлаго племени было то, что это не было рѣзней послѣ приступа, яростью побѣдителя, а длительной экзекуціей. Находимыхъ въ домахъ людей сторожили, до времени охраняли, а затѣмъ по порядку и методически бросали въ Мезу. Прошло три мѣсяца, а людей все еще топили... И городъ былъ преданъ сожженію въ большомъ порядкѣ (Hist. de France, VIII, 148). А вотъ, что говоритъ Анри Мартенъ, ссылаясь на Комминъ, на Жана де-Труа и Оливье де-ла Маршъ. «Женщинъ, монахинь насиловали и потомъ убивали; священниковъ убивали

передъ алтаремъ... Всѣ плѣнники, которыхъ пощадили солдаты, были повѣшены или утоплены въ Мезѣ» (Hist. de France, VII, 44).

Копія, какъ двѣ капли воды, походитъ на оригиналъ; даже число жертвъ указано одно и то же—больше пятидесяти тысячъ. Даже сходна внѣшняя обстановка: рѣзня происходила тоже зимою, въ ноябрѣ и декабрѣ.

Изъ Новгорода Иванъ двинулся къ Пскову. Онъ сталъ лагеремъ въ пригородѣ, и всю ночь напролетъ звонили колокола! Какое зловѣщее бодрствованіе! Однако же, на этотъ разъ наказаніе ограничилось общимъ грабежомъ, и народное чувство приписало неожиданную милость царя заступничеству одного изъ блаженныхъ, которыми кишѣла тогда вся московская земля. Юродивый Николай Салосъ, будто бы, рѣшился протянуть Грозному кусокъ сырого мяса. «Постъ!» закричалъ ему Иванъ. «Постъ? А ты собираешься пожирать человѣческое мясо!» Вѣрнѣе, однако, что пресыщеннаго казнями Ивана обезоружила покорность жителей, хорошо обученныхъ воеводою. Но изо Пскова, такъ же, какъ изъ Новгорода, многія семьи были переселены во внутрь страны. Въ этомъ Иванъ опять только подражаетъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. «Людовикъ XI поклялся, что не будетъ больше Арраса, что всѣ жители его будутъ изгнаны, и имъ позволятъ даже увезти съ собою ихъ добро, а изъ другихъ провинцій, до самаго Лангедока будутъ взяты семьи и разные ремесленники, чтобы они заселили страну (Ibid. VIII, 322).

Я долженъ прибавить, что, вскорѣ послѣ описаннаго, поляки осадили Псковъ и встрѣтили геройское сопротивленіе. Не поступилъ ли бы городъ иначе безъ этого страшнаго урока вѣрности? Такое сомнѣніе вполнѣ позволительно. Насильно присоединенные къ Москвѣ, нарушившей ихъ обычаи и интересы, оба города только страха ради исполняли свои новыя обязанности.

Возвращаясь въ Москву, царь пожелалъ устроить себѣ торжественный въѣздъ въ столицу, какъ послѣ счастливаго похода. Къ чему онъ присоединилъ ради забавы шутовской маскарадъ, подобный тѣмъ, которые такъ любилъ впослѣдствіи Петръ Великій. Предшествуемый шутомъ, верхомъ на быкѣ, царь ѣхалъ во главѣ опричниковъ, украшенный ихъ страшными знаками отличія—метлой и песьей головой. Затѣмъ онъ занялся разборомъ дѣла многочисленныхъ соучастниковъ Новгородской и Псковской измѣны. На это ушло не мало времени, и только 25 іюля 1570 года царь со своими подданными дол-

женъ былъ присутствовать на Красной площади при пыткѣ виновныхъ. Ихъ насчитывалось до трехсотъ. Всѣ они еле живы вышли изъ застѣнка, замученные и истерзанные. Но, къ удивленію Ивана, площадь была пуста. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ ничто не могло привлечь зрителей: ни жаровни, ни раскаленные до красна клещи, ни желѣзныя когти и иглы, ни веревки, которыми перетирали пополамъ тѣла пытаемыхъ, ни котлы съ кипящей водою. Вплоть до самаго XVIII вѣка ни одно зрѣлище не привлекало въ Москвѣ и въ Петербургѣ такого стеченія любопытныхъ, какъ пытка; но въ послѣднее время оно повторялось слишкомъ часто, и слишкомъ многихъ доставала неумолимая рука палача. Всѣ стали прятаться. Царь былъ принужденъ разослать по городу глашатаевъ съ успокоительными рѣчами: «Ступайте! не бойтесь! никому ничего не будетъ...» Изъ подваловъ и съ чердаковъ появились, наконецъ, необходимые зрители, и вотъ Иванъ, невозмутимый и неистощимый, начинаетъ длинную рѣчь: «могъ ли онъ не карать измѣнниковъ?... но онъ обѣщаетъ быть милостивымъ и держитъ слово: изъ 300 осужденныхъ, 180 будутъ помилованы».

Зато остальные пускай заплатятъ сторицею. Грозный былъ несомнѣннымъ виртуозомъ въ искусствѣ пытки и умерщвленія; но и въ этомъ онъ только слѣдовалъ общей склонности людей его времени, воображеніе которыхъ вдохновлялось и возбуждалось въ этомъ направленіи извѣстными произведеніями духовной литературы. Таковы были житія святыхъ, любопытный образчикъ которыхъ былъ недавно (1902) изданъ братьями Успенскими. Они въ этомъ смыслѣ особенно возбуждали жестокое чувство. Гваньино съ особою охотою распространяется о мученіяхъ, которымъ въ этотъ ужасный день подвергался дьякъ Висковатый: его повѣсили за ноги и разрубали на части, какъ мясную тушу; а казначея Фуникова обрызгивали поочередно то кипяткомъ, то ледяной водою, такъ что кожа сходила съ него, какъ съ угря...

Раньше, чѣмъ вернуться въ свой новый дворецъ, гдѣ онъ теперь жилъ, предоставивъ Кремль земщинѣ, Иванъ, будто бы, заѣзжалъ въ домъ Фуникова и увелъ оттуда жену казначея, молодую и красивую сестру князя Аѳанасія Вяземскаго. За то, что она не хотѣла или не могла сказать, гдѣ мужъ ея спряталъ свои сокровища, царь велѣлъ раздѣть ее на глазахъ ея пятнадцатилѣтней дочери, посадить верхомъ на веревку, протянутую отъ одной стѣны къ другой, и таскать ее по

этой веревкѣ. Потомъ ее заключили въ монастырь, гдѣ она вскорѣ умерла вслѣдствіе этой ужасной пытки. Ея братъ уже нѣсколько лѣтъ былъ довѣреннымъ лицомъ при царѣ, который только изъ его рукъ соглашался принимать лекарство. Теперь его также отдали въ руки палача. Главный любимецъ, Басмановъ, тоже не избѣжалъ насильственной смерти: по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ убитъ по приказанію царя царевичемъ Θеодоромъ, будущимъ наслѣдникомъ престола. Пимена увезли въ Александровскую слободу, гдѣ онъ служилъ нѣкоторое время забавою для опричниковъ, а потомъ его отправили въ изгнаніе въ Рязанскій городъ Веневъ.

Итальянецъ и католикъ Гваньино, собиравшій свѣдѣнія для своей скандальной хроники въ Польшѣ, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ мало довѣрія. Но и англичанинъ Горсей даетъ намъ такія же ужасныя подробности пытокъ, на которыхъ онъ яко бы присутствовалъ. Онъ видѣлъ какъ одного человѣка—князя Бориса Телепнева, котораго онъ называлъ Т е l о u р а—посадили на колъ, и онъ мучился на немъ втеченіе пятнадцати часовъ, въ то время, какъ на его глазахъ до ста человѣкъ стрѣльцовъ насиловали его мать, пока она не умерла. Но тотъ же Горсей говоритъ о 70000 человѣкъ, убитыхъ въ Новгородѣ! Дальше я выскажу нѣсколько соображеній относительно этихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, которыми мы принуждены пользоваться за неимѣніемъ другихъ. Слишкомъ довѣряя имъ, большинство историковъ дошли до убѣжденія, что Неронъ и Калигула были превзойдены въ Москвѣ, и что Иванъ въ эту эпоху не владѣлъ своими умственными способностями, былъ на краю безумія или даже прямо сумасшествія. Я уже высказалъ свое мнѣніе относительно этого послѣдняго пункта. Я прибавлю, что самъ Грозный далъ намъ самое достовѣрное указаніе на состояніе своей души въ это время. Я упоминалъ о его завѣщаніи 1572 г. Несомнѣнно, это произведеніе человѣка, глубоко и болѣзненно уязвленнаго въ своихъ чувствахъ, но отнюдь не безумнаго. Конечно, какъ всегда, онъ ищетъ лирическихъ эффектовъ, видитъ вещи и передаетъ впечатлѣнія въ неизбѣжно преувеличенномъ видѣ: поэтому нельзя принимать его слова въ буквальномъ смыслѣ. Но, именно, его старанія и искусные пріемы, имъ употребляемые, исключаютъ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ, всякое предположеніе о безуміи. Рѣшительно, для человѣка, лишеннаго здраваго смысла, онъ горюетъ, жалуется, защищается слишкомъ умѣло. Онъ не чувствуетъ себя въ безопасности на престолѣ, и не увѣренъ въ

будущности своего рода. Онъ въ своемъ царствѣ—изгнанникъ, и не видитъ конца борьбѣ съ лютыми врагами. Силы его истощились и умъ его помутился; раны его душевныя и тѣлесныя безчисленны, и нѣтъ у него никого, кто бы ихъ уврачевалъ, пожалѣлъ бы его и утѣшилъ. Ему заплатили зломъ за добро, а за любовь—ненавистью. Онъ согласенъ видѣть въ этихъ испытаніяхъ справедливое проявленіе гнѣва Божія, наказующаго за частое попраніе имъ закона и осуждающаго его на скитаніе вдали отъ столицы, *откуда выгнали его себялюбивые бояре*. Можетъ быть, его сыновьямъ посчастливится пережить это тяжелое время. И вотъ, составляя свое завѣщаніе, онъ желаетъ имъ дать нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Не собирается ли онъ умирать? Собственно говоря—нѣтъ. Правда, смерть была бы для него сладкой и желанной; но онъ предполагаетъ, что ему не суждено еще такъ скоро вкусить этого блаженства, дабы онъ могъ нищенской жизнью искупить свои грѣхи. Бредитъ ли онъ? Нисколько! его совѣты превосходны, отмѣчены самымъ твердымъ и свѣтлымъ умомъ, хотя, можетъ быть, запечатлѣны излишней недовѣрчивостью. Иванъ готовъ вездѣ видѣть враговъ; предостерегая своихъ сыновей отъ предстоящихъ имъ козней, онъ совѣтуетъ имъ лично входить во всѣ дѣла и никогда, ни въ чемъ не довѣрять *другимъ*,—иначе *другіе* на самомъ дѣлѣ будутъ властвовать, а имъ останется только видимость власти. Такъ говорить можетъ только великій мастеръ въ искусствѣ властвовать, а не безумецъ (это завѣщаніе было напечатано въ Актахъ Историческихъ, Доп. I, и 222).

Но, вотъ, еще болѣе разительное доказательство не только полнѣйшей ясности, но и невѣроятной гибкости ума, проявленной этимъ человѣкомъ въ такую минуту, когда сильнѣйшій характеръ могъ бы обнаружить, по крайней мѣрѣ, мимолетные признаки смущенія и слабости. На другой же день послѣ московскихъ казней, служившихъ продолженіемъ новгородскихъ и, дѣйствительно, ужасныхъ, какъ бы не были преувеличены о нихъ разсказы,—Иванъ принимаетъ участіе въ теологическомъ спорѣ, самъ начинаетъ его и ведетъ безъ малѣйшаго смущенія и утомленія, хотя, казалось бы, и во всякое другое время подобный споръ долженъ былъ поставить втупикъ профана.

Именно, какъ разъ въ это время, имѣлъ мѣсто его знаменитый публичный споръ съ Яномъ Рогитою, однимъ изъ членовъ общества моравскихъ и богемскихъ братьевъ.

Протестанты пользовались тогда въ Москвѣ, относительно, привилегированнымъ положеніемъ. Въ нихъ, главнымъ образомъ, видѣли союзниковъ въ борьбѣ съ ненавистными латинянами. Лютеранамъ и кальвинистамъ позволено было строить въ столицѣ свои церкви, и Иванъ ласково принималъ представителей нѣмецкой или англійской реформаціи, которые посѣщали его дворъ или у него служили. Ему даже нравилось слушать поученія Магнусова капеллана, Христіана Бокборна, и онъ съ похвалой о нихъ отзывался. Онъ говорилъ, что если бы Лютеръ, нападая на папство, не затронулъ также древней духовной іерархіи и не осквернилъ бы своего толкованія священнаго писанія тѣмъ, что постыдно отрекся отъ монашескихъ правилъ и одежды—его ученіе было бы пріемлемо. Но Бокборнъ и его единовѣрцы, поглощенные заботами о своей карьерѣ или торговыми интересами, не извлекали никакой особой пользы изъ своихъ преимуществъ. Проповѣдь Миссенгейма чуть ли не является единичнымъ фактомъ. Одинъ изъ сотрудниковъ датскаго миссіонера, Гаспаръ Эберфельдъ, которому приписываютъ попытку обратить царя въ протестантство, чуть ли не одно и то же лицо съ Гаспаромъ Виттенбергскимъ. Если вѣрить Одерборну, послѣдній самъ перешелъ въ православіе и сталъ ярымъ хулителемъ своей прежней вѣры. Въ областяхъ, лежавшихъ по сосѣдству съ Швеціей и владѣніями Ливонскаго ордена, велась нѣкоторая протестантская пропаганда, терпимая изъ политическихъ видовъ. Въ другихъ мѣстахъ терпимость являлась только выраженіемъ презрительнаго равнодушія.

Являлось также совершенно исключительнымъ обстоятельствомъ, что Рогита, сопровождавшій въ Москву польское посольство, задумалъ итти по стопамъ Миссенгейма. Онъ былъ родомъ чехъ и слылъ за одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Богемскаго братства, жившихъ въ королевствѣ Сигизмунда. Въ его корреспонденціи есть нѣкоторыя указанія на миссіи, на которую онъ и его близкіе возлагали честолюбивыя надежды. Посольство прибыло въ Москву въ февралѣ 1570 г., въ то трагическое время, когда Иванъ былъ занятъ описанными нами казнями, и до 4 мая должно было дожидаться возвращенія царя. 7-го мая посламъ былъ назначенъ пріемъ, а три дня спустя Рогитѣ было предложено говорить всенародно, при чемъ возражать ему будетъ самъ Иванъ.

Диспутъ происходилъ въ Кремлѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Очевидно, милостивыя

бесѣды съ Бокборномъ и другими представителями Реформаціи только вооружили государя для борьбы съ ними. Онъ сталъ говорить первый и обрушился какъ на основные принципы новаго ученія, такъ и на его примѣненіе, причемъ обнаружилъ близкое знакомство съ предметомъ. Не обошлось, по обыкновенію, и безъ нѣкотораго увлеченія съ его стороны, выразившагося въ грубостяхъ; между прочимъ, Иванъ замѣтилъ, что судя по дѣламъ ихъ, послѣдователи евангелической вѣры свиньи. По этому началу можно было предположить, что диспутъ кончится плохо. Ничуть не бывало. Иванъ обѣщалъ не прерывать своего оппонента, и сдержалъ слово. Но напрасно Рогита въ своемъ отвѣтѣ, сказанномъ по-славянски, пустилъ въ дѣло все свое чувство мѣры и проявилъ крайнюю ловкость, обдуманно нападая только на слабости римской церкви; царь слушалъ его терпѣливо, похвалилъ его краснорѣчіе, выразилъ желаніе имѣть его рѣчь написанною и сказалъ, что онъ все-таки отвѣтитъ; черезъ нѣсколько недѣль, прощаясь съ иноземцемъ, онъ велѣлъ ему вручить свой отвѣтъ, богато переплетенный, и этимъ все ограничилось.

Читая это произведеніе, оригинальный текстъ котораго былъ недавно открытъ и напечатанъ, Рогита могъ убѣдиться, что онъ даромъ потерялъ время. Съ литературной точки зрѣнія отвѣтъ не дѣлаетъ чести государю. Во вкусѣ того времени, т.-е. очень плоско, Иванъ играетъ именемъ Лютера, котораго онъ называетъ *Лютымъ*, подобно тому, какъ въ Германіи Мюнцеръ называлъ его Luegner (лгунъ); къ самому Рогитѣ и его единовѣрцамъ онъ также примѣняетъ различные бранные эпитеты. Произведеніе это не отличается ни ясностью идей, ни основательностью разсужденій, ни логичностью. Зато въ немъ обнаруживается масса знаній, вѣрность памяти, живость ума, сила діалектики—словомъ, Иванъ является здѣсь въ полномъ обладаніи всѣми присущими ему способностями. Пріемы—если не сказать стиль—вездѣ тѣ же, что и въ перепискѣ съ Курбскимъ. «Ты говоришь о пророкахъ?... Ну такъ будемъ отвѣчать тебѣ ихъ словами... Вспоминаешь о Моисеѣ? сличимъ тебя съ Моисеемъ...» Словомъ—передъ нами—произведеніе самоучки и нервнаго человѣка, не получившаго систематическаго образованія, но не лишеннаго ума и много думавшаго.

Мрачная исторія опричнины содержитъ въ себѣ одинъ эпизодъ, который можетъ заставить усомниться въ душевномъ здоровьи Ивана, подтверждаемомъ приведенными фактами. Это—одинъ изъ самыхъ

загадочныхъ моментовъ драмы, и мы должны на немъ остановиться. Между 1574 и 1575 г.—время точно неизвѣстно—при жизни Ивана. *на Руси явился новый царь.*

III.

Царь Симеонъ.

Царь довѣрилъ Мстиславскому и Бѣльскому управленіе Земщиной. Въ 1571 году первый изъ нихъ признался въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ татарами, но былъ прощенъ, благодаря предстательству митрополита Кирилла. За него поручились три именитыхъ боярина, представившихъ съ своей стороны 285 поручниковъ; они внесли огромную по тому времени сумму въ 20.000 р. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславскій опять попался въ подобномъ же преступленіи, на этотъ разъ,—при соучастіи двоихъ сыновей. Ему снова удалось избѣгнуть смерти; но, повидимому, эта новая измѣна повлекла за собою многочисленныя казни, причемъ, по словамъ иностраннаго лѣтописца отъ 1574 г., приказано было метать головы казенныхъ подъ дворъ Мстиславскаго. Въ то же время, одинъ Казанскій царевичъ, царствовавшій въ Касимовѣ подъ именемъ Семеона Бекбулатовича, былъ провозглашенъ «царемъ всея Руси» и поселенъ въ Кремлѣ. Настоящій же царь отказался отъ всѣхъ своихъ титуловъ и соотвѣтствующихъ почестей, приказалъ себя звать просто «Иваномъ Московскимъ» и ѣздилъ на поклонъ къ новому государю «въ оглобляхъ», какъ послѣдній бояринъ.

Что означала эта комедія?

Въ московской политикѣ было принято прежнихъ татарскихъ царей устраивать на новыя мѣста, давать имъ земли, гдѣ они продолжали зваться царями и яко-бы царствовали. Такимъ образомъ, Москва привязывала къ себѣ этихъ буйныхъ князей,—а, въ то же время, была избавлена отъ разбирательства щепетильной іерархіи «служилыхъ людей» и подчеркивала передъ Крымскими ханами свое доброе отношеніе къ магометанству. Другой казанскій царевичъ, Кайбулъ, былъ такимъ же царемъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ) и прежній царь Астраханскій, Дербишъ-Али,—въ Звенигородѣ. Симеонъ Бекбулатовичъ и умеръ бы, конечно, въ Касимовѣ, если бы не принялъ христіанства и не женился на дочери того самаго Мстиславскаго, о которомъ я говорилъ. Бла-

годаря этому, быть царемъ ему уже было нельзя, такъ какъ въ Касимовѣ магометане преобладали и требовали себѣ царя одной съ ними вѣры. Но гдѣ было жить въ Москвѣ татарскому царю, хотя бы и лишенному престола? Иванъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что уступилъ зятю Мстиславскаго свой престолъ и титулъ. Какъ? Зачѣмъ? Это осталось тайной. Мы знаемъ только одинъ достовѣрный фактъ. Отъ 1575 г. мы имѣемъ много документовъ, гдѣ Симеонъ Бекбулатовичъ зовется «царемъ всея Руси». Изучая другіе документы, мы видимъ, какъ Иванъ расточаетъ этому своему двойнику знаки самаго глубокаго почтенія, обращается къ нему съ просьбами, какъ любой изъ его подданныхъ, и выходитъ изъ саней, не доѣзжая до дворца, отданнаго новому государю. Чуть ли Симеонъ не былъ коронованъ, хотя Иванъ, который упомянулъ объ этомъ фактѣ въ разговорѣ съ англійскимъ агентомъ Даніиломъ Сильвестромъ, и старался потомъ опровергнуть свои слова. Это дѣло не рѣшенное, увѣрялъ онъ, ссылаясь на семь вѣнцовъ и на другіе знаки царскаго достоинства, которые у него оставались. Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ восьми вѣнцовъ едва ли не красовался нѣкоторое время на головѣ Симеона.

Комедія длилась до 1576 г., и надо ли говорить, что во все это время Грозный ни одной минуты не имѣлъ въ виду, на самомъ дѣлѣ, передать своему замѣстителю что-либо иное, кромѣ внѣшнихъ признаковъ власти? Какъ мы знаемъ, въ это время велись переговоры относительно польскаго наслѣдства, и мы ни разу не встрѣчаемся здѣсь съ именемъ Симеона Бекбулатовича. Въ 1576 году, во время пребыванія въ Москвѣ императорскихъ пословъ, Кобенцля и Принца ф. Бухау, Иванъ держалъ себя такъ, какъ будто бы новаго царя и не было. Вскорѣ затѣмъ онъ отпустилъ его и отдалъ ему Тверское княжество. Оно, какъ извѣстно, было недавно разорено и заключалось всего въ двухъ городахъ—Твери и Торжкѣ съ пригородами. Жители этой области были счастливы тѣмъ, что такимъ образомъ имъ возвращаютъ хотя нѣкоторые остатки прежняго самоуправленія. Но Симеонъ и не думалъ держать себя самовластнымъ государемъ, какъ это бывало съ прежними удѣльными князьями: онъ писался Ивановымъ «холопомъ». Во время Ливонскаго похода онъ командовалъ войскомъ и принималъ также участіе въ войнахъ съ Польшею, но нигдѣ не отличился. Онъ пережилъ Ивана, какъ бы лишь затѣмъ, чтобы испытать при его преемникѣ всѣ превратности судьбы. Ѳеодоръ лишилъ его княжества; Борисъ Годуновъ ослѣпилъ его, видя въ немъ возможнаго соперника;

наконецъ, по однимъ свидѣтельствамъ онъ скончался въ 1611 г. на Соловкахъ, а по другимъ—въ Москвѣ, послѣ того, какъ въ 1616 г. Михаилъ Ѳедоровичъ вызвалъ его въ столицу.

Но зачѣмъ же вся эта комедія?

Горсей объясняетъ ее мотивами финансоваго характера. Иванъ будто бы придумалъ этотъ пріемъ для того, чтобы оказаться какъ бы банкротомъ, сложивъ на царя Симеона нѣкоторыя обязательства, которыхъ не могъ оправдать самъ. Нѣчто подобное имѣетъ въ виду и Флетчеръ. По его словамъ, при царѣ Симеонѣ была произведена конфискація церковныхъ земель. Послѣ этого Иванъ, будто бы, немедленно вновь принялъ власть въ свои руки и возвратилъ церквамъ и монастырямъ отчужденное у нихъ имущество. Однако, при этомъ онъ удержалъ за собою нѣкоторую его часть, да еще заставилъ уплатить себѣ значительную сумму въ благодарность. Впрочемъ, тотъ же Флетчеръ увѣряетъ будто, дѣлая Симеона царемъ, Грозный имѣлъ другую тайную мысль: онъ хотѣлъ наглядно показать, что можетъ быть еще худшее правленіе, нежели его собственное, которое многимъ начинало казаться невыносимымъ.

Всѣ эти догадки слишкомъ фантастичны: отчасти, онѣ прямо опровергаются фактами. На самомъ дѣлѣ, Симеонъ не былъ ни плохимъ, ни хорошимъ правителемъ. Онъ даже совсѣмъ не управлялъ государствомъ. Вполнѣ вѣроятно, что онъ сталъ на мѣсто Мстиславскаго и Бѣльскаго во главѣ Земщины; можетъ быть, облекая этого татарскаго князя царскимъ титуломъ, отъ котораго отказывался, будто бы, самъ законный государь, Грозный тѣмъ самымъ старался примирить боярство со своимъ выборомъ. Но возможно также, что у Ивана были при этомъ и нѣкоторыя заднія мысли. Такъ напримѣръ, легко предположить, что, провозглашая царемъ Симеона Бекбулатовича, Грозный старался сообщить большее правдоподобіе своему воображаемому «изгнанію» и, такимъ образомъ, заранѣе оправдать свой гнѣвъ противъ злыхъ бояръ и свои карательныя мѣры. Этого мало. Вспомнимъ, что и Петръ Великій жилъ въ деревянномъ домикѣ, при чемъ на долю Меньшикова, обитавшаго по сосѣдству, въ роскошномъ дворцѣ, выпали всѣ заботы и расходы, связанныя съ представительствомъ власти. Добавимъ къ этому, что послѣ Полтавской битвы «полковникъ Петръ» представлялъ свой рапортъ «Кесарю» Ромодановскому, который сидѣлъ при этомъ на особомъ тронѣ. Принято думать, что Великій Преобразователь такимъ способомъ являлъ

своимъ подданнымъ высокій примѣръ той покорности, съ которой всѣ должны выполнять возложенную на нихъ службу. Однако, кто же, какъ не Иванъ Грозный, впервые, установилъ этотъ законъ всеобщей служебной повинности? Взглянемъ далѣе на исторію Западной Европы. И тамъ мы найдемъ попытки поставить государя на одинъ уровень съ подданными, подчиняя его обязательной для всѣхъ дисциплинъ Вспомнимъ Людовика XV наканунѣ битвы при Фонтенуа. Конечно, нельзя безъ всякихъ оговорокъ сравнивать молодого французскаго короля, повинующагося распоряженіямъ своего полководца, съ Московскимъ государемъ, устраивающимъ свой невѣроятный маскарадъ съ какимъ-то татарскимъ князькомъ. Разумѣется, какими бы тайными намѣреніями ни диктовалась подобная комедія, она была бы слишкомъ рискованной во всякомъ другомъ государствѣ. Но, повидимому, предшественнику Петра Великаго суждено было извѣдать всю мѣру безграничной власти, испытывая ее надъ народомъ, вѣками чужеземной или родной тираніи воспитаннымъ въ духѣ безконечнаго терпѣнія и безпредѣльной покорности.

Можетъ быть, наконецъ, какъ нѣкоторые и предполагали, комедія «съ царемъ» татариномъ была связана съ тѣми сношеніями, которыя Иванъ заводилъ въ то время съ Англіей. Ниже я покажу, что Иванъ искалъ союза съ королевой Елисаветой; чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ этотъ союзъ, онъ даже готовъ былъ отправиться за море. Повидимому, порою онъ даже подумывалъ заручиться у королевы убѣжищемъ для себя на всякій случай. Для роли временнаго правителя, который долженъ былъ замѣнить Ивана въ его отсутствіе, личность Симеона представлялась наиболѣе подходящей. Оставивъ его въ Москвѣ, Иванъ не рисковалъ, по возвращеніи, найти свой тронъ дѣйствительно занятымъ новымъ государемъ. Симеонъ былъ совершеннымъ ничтожествомъ: онъ не интересовался, особенно, никѣмъ и ничѣмъ, и, конечно, никто, съ своей стороны, не захотѣлъ бы постоять за него. Въ 1576 году надежды Ивана на Елисавету рухнули. За то прибытіе императорскихъ пословъ нѣсколько успокоило тревоги Московскаго государя. Тогда Иванъ рѣшилъ, что пора и кончить комедію.

На своемъ тронѣ, Симеонъ оставался простою куклой. Стоя во главѣ управленія, онъ, однако, не въ чемъ не успѣлъ выказать свои административныя способности. Тѣ документы, которые связаны съ его именемъ, сообщаютъ намъ о самыхъ мелкихъ и незначительныхъ

мѣропріятіяхъ. Повидимому, послѣ его удаленія дѣла пошли совершенно такъ, какъ и раньше. Впрочемъ, въ послѣднія восемь лѣтъ царствованія Ивана вспышки казней происходили лишь съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами. Является вопросъ—пережила ли опричнина царя Симеона? Мы ничего объ этомъ не знаемъ. Но, повидимому, терроръ уже сказалъ свое послѣднее слово.

Однако, исторія еще не произнесла надъ опричниной своего окончательнаго приговора. Теперь мнѣ остается лишь просмотрѣть тѣ свидѣтельства и сужденія, которыя относятся къ этому загадочному и волнующему эпизоду изъ исторіи Грознаго.

IV.

Опричнина въ оцѣнкѣ исторіи.

Въ своей оцѣнкѣ опричнины, Соловьевъ, въ общемъ, примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Однако, онъ попытался уловить извѣстный политическій смыслъ тамъ, гдѣ авторъ Исторіи Государства Россійскаго видитъ только рядъ ужасовъ и безумствъ. По крайней мѣрѣ, на послѣднихъ страницахъ VI тома соловьевской исторіи, глава опричнины уже характеризуется, какъ преобразователь государства. То же самое находимъ мы и у Кавелина (Сочиненія, I). Однако, Погодинъ (Историко-критическіе отрывки, М., 1846), Юрій Самаринъ (Сочиненія, V, 203), и самъ Константинъ Аксаковъ (Сочиненія, I),—правда, съ нѣкоторыми оговорками повторяютъ Карамзина. У нихъ опричнина представляетъ собою созданіе капризнаго деспота, прихоть новаго Нерона, являющагося подлиннымъ художникомъ всякихъ злодѣйствъ. Еще сравнительно недавно Бестужевъ-Рюминъ присоединился къ Соловьеву во II томѣ своей Исторіи Россіи. Этимъ онъ навлекъ на себя рѣзкую критику со стороны Костомарова (В. Е., 1871, № 10) и Иловайскаго (Русскій Архивъ, 1889, 363). Оба эти историка рѣшительно примыкаютъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Между прочимъ, въ самомъ бѣгствѣ Курбскаго Иловайскій видитъ лишь естественное послѣдствіе безчеловѣчныхъ жестокостей Грознаго. Онъ ни за что не хочетъ видѣть въ этомъ предательствѣ одну изъ причинъ и, тѣмъ менѣе, оправданіе опричнины.

Всѣ подобные приговоры, очевидно грѣшили излишне суровой категоричностью. Совершенно естественно, что они вызвали извѣстную реакцію. Какъ всегда бываетъ, эта первоначальная реакція

ударилась въ противоположную крайность. Апологеты Ивана настолько увлеклись своей задачей, что пришли къ заключеніямъ. подъ которыми едва ли возможно подписаться. Между прочимъ, въ основаніе своей статьи, напечатанной въ Журналѣ М. Н. Пр. въ 1886 году (Объ историческомъ значеніи русскаго боярства), Бѣловъ положилъ тезисъ, который съ нѣкоторыхъ поръ въ большомъ ходу у нѣмецкихъ теоретиковъ государственнаго права. Бѣловъ заявлялъ, что Новгородская бойня, учиненная Иваномъ, можетъ найти себѣ объективное объясненіе въ общемъ возбужденіи умовъ, характерномъ для этой эпохи; что же касается мученической смерти Филиппа, то она явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вмѣшательства этого іерарха въ область политики. Другіе историки пошли еще дальше въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, одинъ изъ біографовъ Курбскаго, Горскій (Казань, 1858) рѣшился прямо оправдывать осужденіе Сильвестра и Адашева безъ выслушанія объясненій самихъ обвиняемыхъ. По мнѣнію Горскаго, бывшіе царскіе любимцы, все равно, не признали бы за собой вины. Я уже упоминалъ о казни князя Пронскаго. По свидѣтельству Курбскаго, его утопили, а по словамъ Таубе и Крузе—растерзали на части. Отсюда Горскій заключаетъ, что Пронскій спокойно скончался на своемъ смертномъ одрѣ. Что касается архіепископа Новгородскаго, Леонида, то всѣ свидѣтельства согласны, что его зашили въ медвѣжью шкуру и затравили собаками. Однако, по мнѣнію Горскаго, этотъ пастырь былъ несомнѣнно виновенъ, а Иванъ поступилъ съ нимъ согласно требованіямъ справедливости. Столь извращенныя сужденія, связанныя съ очевиднымъ недостаткомъ нравственнаго чувства, производятъ самое удручающее впечатлѣніе. Однако, оставимъ въ сторонѣ, какъ апологетовъ, такъ и противниковъ Грознаго. Мы должны подойти къ вопросу съ объективной стороны. Для этого нужно точнѣе проанализировать всѣ элементы опричнины и ближе выяснить тѣ историческія условія, при которыхъ создалось это любопытное явленіе.

Нужно замѣтить, прежде всего, что, среди современниковъ Ивана, даже иностранцы отнюдь не смотрѣли на Грознаго царя, какъ на чудовище преступленія, или, просто, какъ на жестокаго государя. Я уже не говорю о тѣхъ свидѣтеляхъ защиты, которыхъ Форстенъ отыскалъ въ Любекѣ (Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ, СПБ., 1884, 167). Ихъ показанія уже слишкомъ снисходительны: они превозносятъ гуманность Грознаго, увѣряя, что онъ

искренне стремился къ соединенію церквей. Конечно, все это—лишь дѣло торговой рекламы. Если венеціанскій посолъ въ 1775 году, Липпомано, и представлялъ Ивана праведнымъ судіею, то онъ, очевидно, руководился подобными же побужденіями (Hist. Russiae Monumenta, I, 271). Однако, обратимся къ польскимъ избирателямъ 1572 и 1575 гг.; мы знаемъ уже, что они были очень склонны поддержать кандидатуру Ивана. Безспорно, это является уже болѣе вѣскимъ показаніемъ въ пользу Московскаго государя.

Иноземные лѣтописцы и историки той эпохи, въ общемъ, нарисовали страшную и отвратительную картину жизни опричнины и ея создателя. Однако, должны ли мы довѣрять разсказу Таубе и Крузе? Повѣствуя объ убійствахъ въ Новгородѣ, какъ очевидцы, они помѣщали этотъ городъ на берегу... Волги! Ливонскій лѣтописецъ Геннингъ разсказываетъ, какъ одинъ ребенокъ былъ взятъ опричниками изъ колыбели и принесенъ къ Ивану. Царь сначала цѣловалъ и ласкалъ его, а затѣмъ зарѣзалъ ударомъ кинжала и выбросилъ трупъ его въ окно. Это мерзко, но вѣдь, Геннингъ беретъ этотъ анкедотъ либо отъ Магнуса, либо отъ виленскаго воеводы Радзивилла, — т.-е. плохихъ авторитетовъ въ этомъ отношеніи! Одерборнъ (Ioannis Basilidis vita, Витебскъ, 1585, см. у Старчевскаго II, 228) приписывалъ Грозному проявленіе жестокости еще болѣе лютой, если только это возможно, при томъ же приправленной садизмомъ: женщинъ хватали въ ихъ домахъ для удовлетворенія похоти царя и его товарищей, затѣмъ ихъ душили, тащили обратно въ дома ихъ мужей, и вѣшали на цѣлыя недѣли надъ столомъ, на которомъ мужья ихъ должны были ѣсть. Въ другихъ случаяхъ дѣвушекъ и почтенныхъ женщинъ, изнасилованныхъ при встрѣчѣ въ городѣ или деревнѣ, обнажали на жестокомъ холодѣ и ставили на снѣгъ на позоръ проходящимъ. Одерборнъ былъ протестантскимъ пасторомъ. Онъ составилъ и отпечаталъ свой трудъ на польской территоріи. Это было въ ту эпоху, когда протестантизмъ утратилъ въ Московскомъ государствѣ свои прежнія привиллегіи. Въ то время Польша подготовляла завоеваніе Москвы и, пуская въ ходъ всякое оружіе, не пренебрегала и помощью прессы, въ которой она въ своихъ цѣляхъ пользовалась извѣстнымъ документальнымъ матеріаломъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до этого не менѣе тенденціозное произведеніе Гваньино уже фигурировало въ качествѣ средства борьбы въ рукахъ Баторія.

Съ другой стороны, по отношенію къ книгѣ Одерборна у насъ есть критерій, который можно приложить и къ другимъ подобнымъ писаніямъ. Померанскій историкъ посвятилъ одну изъ наиболѣе сенсаціонныхъ страницъ своей книги описанію сопровождавшагося убійствами разграбленія, которое въ 1578 или 1580 г. положило конецъ благополучію Московской Нѣмецкой слободы. Во время этого погрома насиловали дѣвушекъ, а затѣмъ убивали ихъ на глазахъ царя. Самъ Иванъ поражалъ намѣченныя жертвы копьемъ и сбрасывалъ ихъ въ рѣку. 2 сына государя, будучи свидѣтелями этого гнуснаго зрѣлища, испытывали такое отвращеніе къ происходившему вокругъ нихъ, что младшій бѣжалъ оттуда, рискуя подвергнуться гнѣву царя. Тутъ было все. Богатые купцы предлагали выкупъ за своихъ близкихъ. Царь отказалъ имъ. Тогда они начали поносить его. Въ бѣшеномъ гнѣвѣ Иванъ подвергъ за это несчастныхъ нѣмокъ ужаснымъ пыткамъ. Ихъ били до крови кнутомъ, вырывали у нихъ ногти; когда же онѣ среди пытокъ продолжали молиться, призывая имя Іисуса, у нихъ вырывали языки. Наконецъ, ихъ убили и, пронизывая раскаленными до бѣла копьями, сожгли. Сохранились и другіе разсказы объ этомъ событіи. Разсказъ Горсея, строго говоря, долженъ быть отнесенъ къ другому событію того же рода, такъ какъ авторъ не былъ въ Россіи въ 1578 году, къ которому Одерборнъ пріурочиваетъ разгромъ. Однако, мало вѣроятно, чтобы слобода была разрушена два раза подрядъ. И какъ англійскій писатель, такъ и французъ Маржеретъ относятъ событіе къ 1580 году. Версіи какъ того, такъ и другого въ своихъ ужасныхъ и отвратительныхъ деталяхъ далеки отъ передачи Одерборна. Маржеретъ упоминаетъ только о разрушеніи двухъ портестантскихъ церквей и о грабежѣ въ нѣмецкихъ домахъ. При этомъ обитатели ихъ «безъ уваженія къ ихъ возрасту и полу», не смотря на зимнее время, «были раздѣты до нага, оставшись въ чемъ мать родила». Горсей говоритъ, что на мѣстѣ погрома нѣкоторыя женщины и дѣвушки были изнасилованы, нѣкоторыя увезены опричниками, нѣсколько же обнаженныхъ женщинъ скрылись въ домѣ одного изъ его соотечественниковъ. Маржеретъ и не думаетъ жалѣть пострадавшихъ: «они не могли обвинять никого другого, кромѣ самихъ себя. Ихъ поведеніе было такъ гордо, ихъ манеры такъ надменны и ихъ одежды такъ великолѣпны, что всѣхъ ихъ можно было принять за принцевъ и принцессъ». Обитатели слободы создавали свои богатства, продавая крѣпкіе напитки: они

злоупотребляли своей монополіей, получая отъ этой торговли громадные барыши.

Въ заключеніе намъ остается сослаться на свидѣтеля, наиболѣе достовѣрнаго. Въ одномъ небольшомъ латинскомъ сочиненіи, озаглавленномъ Pzalmorum Davidis parodia heroica, авторъ—родомъ изъ Любека, по имени Бохъ или Bochius, записываетъ нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся къ его пребыванію въ Москвѣ въ 1578 году. Возможно, что его присутствіе тамъ было связано съ переговорами, начавшимися тогда между Римомъ и Москвой. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ тамъ, когда разыгрались событія, изображенныя Одерборномъ. Онъ воспользовался гостепріимствомъ одного своего соотечественника, жившаго въ домѣ по сосѣдству съ Нѣмецкой слободой. Однажды, въ обѣденный часъ, слобода была занята воинами, одѣтыми въ черное. Во главѣ ихъ былъ царь, котораго сопровождали сыновья и многіе представители знати. Немедленно дома были разграблены, жители раздѣты и выгнаны на улицу.

При большомъ морозѣ мужчины, женщины и дѣти, совершенно нагіе бѣгали, ища крова. Ихъ преслѣдовали и били безъ жалости. Хотя приказано было только грабить, а не бить, говоритъ авторъ, но самъ онъ былъ избитъ до неузнаваемости кулаками по лицу и плетьми по тѣлу. Раздѣтый такъ же, какъ и другіе, онъ былъ извлеченъ изъ убѣжища, которое нашелъ. Его нѣсколько разъ въ ночь били кнутомъ и всячески мучили до утра. Днемъ одинъ ливонскій дворянинъ вступился за него, избавилъ отъ мучителей и призвалъ ему на помощь врача.

Эта сцена достаточно возмутительна, но сразу видно ея отличіе отъ описаній предшествующихъ авторовъ. Здѣсь не было ни изнасилованій, ни убійствъ: передъ нами не болѣе, какъ полицейскій пріемъ—немножко грубый, но въ духѣ того времени. Бохъ утверждаетъ, что этотъ погромъ вызвалъ митрополитъ, указавъ на то, что иноземцы развращаютъ воиновъ царя въ своихъ кабакахъ. Очевидно, Одерборнъ и Горсей вышили свой разсказъ по этой канвѣ, которая могла бы, однако, обойтись и безъ преувеличеній. Чтобы уличить ихъ въ этомъ клеветническомъ измышленіи, намъ пришлось остановиться на болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствахъ.

Строгій и жестокій, переходящій всякую мѣру и сумасбродный судъ Грознаго не имѣетъ оправданій. Одинъ только Синодикъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отмѣчаетъ 3470 жертвъ царя. При-

писанные ко многимъ именамъ памятки въ родѣ: «съ женою и дѣтьми,—съ дочерьми,—съ сыновьями» невольно вызываютъ дрожь. Тамъ же находятся такія записи: «Казаринъ Дубровскій съ двумя сыновьями и болѣе, чѣмъ съ 10 людьми, пришедшими ему на помощь;—двадцать человѣкъ села Коломенскаго;—восемьдесятъ изъ Матвѣихи». А подъ Новгородской рубрикой: «Помяни, Господи, души рабовъ твоихъ числомъ 1500, жителей сего города».

Точно такъ же Людовикъ XI молился за своего брата, герцога Беррійскаго.

Въ другомъ мѣстѣ, уставъ перечислять свои жертвы, Иванъ обращается къ самому Богу. Онъ поручаетъ Всевышнему убіенныхъ мужей, женъ и младенцевъ—«имена же ихъ Ты, Господи, вѣси». Въ Синодикѣ Свіяжскаго монастыря упомянуты княжна монахиня Евдокія, монахиня Марія и монахиня Александра, утопленная въ Шекснѣ, притокѣ Бѣлоозера. Княжна Евдокія была Ивану теткой. Александра—одна изъ его невѣстъ; Марія же—сестра Владиміра. Грозный не берегъ своихъ близкихъ, и, если фантазія или какой-нибудь расчетъ заставляли его щадить человѣка, онъ поражалъ его родственниковъ. «Надъ чернецомъ что опалятися», писалъ онъ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по поводу Терентьева, «ино есть его братія въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити?» Все это дѣлала опричнина или, по крайней мѣрѣ, во всемъ этомъ она принимала участіе. Но по донесенію агента польскаго короля (*Schlichting* см. Scriptores rer. pol. I 145—147) безъ такихъ пріемовъ террора Иванъ не могъ бы удержаться на престолѣ. Когда царь собственноручно поразилъ кинжаломъ Ивана Петровича Шуйскаго, онъ имѣлъ въ рукахъ документъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что этотъ бояринъ въ сообществѣ со многими другими обязался предать его польскому королю, какъ только послѣдній проникнетъ на московскую территорію.

Нѣкоторые отрицали, что существовала борьба между царемъ и защитниками стараго порядка. Но вѣдь подготовлять такія покушенія—это и есть борьба, иначе слова вообще не имѣютъ никакого смысла. Эта упорная и дикая борьба была и съ той, и съ другой стороны доведена до крайности, до забвенія чувства долга или чести, съ одной стороны, и до забвенія всякой жалости съ другой.

Однако, горячность и жестокость этой борьбы не исключали той примиренности съ совершившимся фактомъ, той покорности передъ высшей силой, которыя составляютъ неискоренимую черту націо-

нальнаго русскаго характера. Это обмануло многихъ наблюдателей. Отправленный въ 1576 году Иваномъ къ императору Максимиліану, князь Сугорскій, задержанный въ пути тяжкой болѣзнью, жаловался: «Если бы я могъ подняться... Жизнь моя ничто, только бы государь нашъ здравствовалъ».—«Какъ вы можете такъ усердно служить такому тирану?» спросилъ герцогъ Курляндскій.

Сугорскій отвѣчалъ:

«Мы, русскіе, преданы царямъ и милосерднымъ и жестокимъ...» Для поясненія онъ разсказалъ, что одинъ бояринъ нѣсколько времени тому назадъ, посаженный на колъ по приказанію царя, терпѣлъ 24 часа эту ужасную пытку, не переставая говорить съ женой и дѣтьми и все время повторялъ: «Боже, помилуй царя». Этотъ фактъ передаетъ Карамзинъ (IX гл. IV).

Враги мѣтили царю въ сердце и поражали его съ тылу. Иванъ же не довольствовался тѣмъ, что возвращалъ ударъ за ударъ. Даже въ народной поэзіи, относящейся къ нему съ такимъ снисхожденіемъ, прорывается подчасъ сознаніе, что, наказавъ за несправедливость и наградивъ за правду, царь становился все болѣе и болѣе жестокъ, и не соразмѣрялъ уже своихъ милостей и своихъ казней съ заслугами и преступленіями (*Кирѣевскій*, Собраніе пѣсенъ. Москва 1860—1862 VI выпускъ, стр. 2015). Какъ призракъ, стоящій надъ грудой труповъ, на кровавомъ фонѣ сѣвернаго сіянія, Иванъ не представлялъ, однако, изъ себя исключительнаго явленія. Въ своей странѣ онъ лишь продолжалъ традиціи прошлаго, воскрешая пріемы Ниневіи и Вавилона, когда съ жестокостью переселялъ массами народъ изъ Новгорода въ Москву, или изъ Пскова въ Рязань. Василій уже прибѣгалъ къ подобнымъ пріемамъ по отношенію къ извѣстнымъ семьямъ. Онъ бралъ ихъ изъ тѣхъ же областей и отправлялъ внутрь страны, на ихъ же мѣсто заставлялъ пріѣзжать другія семьи изъ бассейна Волги. За 30 лѣтъ до опричнины Максимъ Грекъ уже говоритъ о мнимыхъ преступленіяхъ, вмѣняемыхъ невиннымъ и караемыхъ. Когда хотѣли найти виноватыхъ, агенты царя подбрасывали трупъ или украденную вещь въ намѣченный домъ и судъ государевъ творилъ свое дѣло.

Въ своемъ вѣкѣ Иванъ имѣлъ и примѣры, и подражателей въ 20 европейскихъ странахъ. Нравы его эпохи оправдывали его систему. Посмотрите на Италію. Читайте Бурхарда, хладнокровно писавшаго свои протокольныя замѣтки въ средѣ Александра VI и семьи Борджіа.

Прочтите иронически-снисходительныя депеши венеціанскаго посланника Джустиньяни или циническіе мемуары Челлини. Перенеситесь въ Феррару къ наиболѣе цивилизованному двору всего полуострова: вы увидите тамъ кардинала Ипполита д'Эстэ, соперничающаго въ любви со своимъ братомъ Джуліо и приказывающаго вырвать ему глаза въ своемъ присутствіи. Пробѣгите протоколы giustizie того времени. Ужасы Красной площади покажутся вамъ равными ужасамъ этой юстиціи, если не превзойденными ими: люди, повѣшенные и сожженные въ одно и то же время, кровоточащіе обрубки рукъ и ногъ, раздавленные между двумя блоками—все это дѣлается среди бѣла дня и никто не удивляется, никто не приходитъ въ ужасъ, никто не возмущается. Пойдите въ другой конецъ материка, въ Швецію: васъ ждетъ тамъ Эрикъ XIV, великій король до своего безумія, со своимъ Малютой Скуратовымъ, любимцемъ Персономъ. Оба они выходятъ изъ знаменитой кровавой бани 1520 г., когда 94 епископовъ, сенаторовъ и патриціевъ были казнены въ одинъ день въ Стокгольмѣ! Но вотъ на престолѣ Іоаннъ III. Персонъ натворилъ черезчуръ много зла. Поэтому, по приказу новаго короля, его вѣшаютъ, но такъ, что душатъ не вполнѣ; затѣмъ ему дробятъ руки и ноги, а такъ какъ онъ еще дышитъ, ему пронзаютъ грудь ножомъ. Не пренебрегайте и Нидерландами Пусть погромъ Льежа, о которомъ я упоминалъ, произошелъ раньше на одно столѣтіе. Но развѣ Иванъ не пользовался уроками европейской цивилизаціи? Онъ могъ даже на такомъ разстояніи вдохновиться примѣрами Хагенбаха—этого правителя Эльзаса по системѣ Карла Смѣлаго, о подвигахъ котораго вы знаете. Можетъ быть, царю разсказали о знаменитомъ праздникѣ, на которомъ приглашенные мужчины, по приказу правителя, должны были узнать своихъ женъ, раздѣтыхъ донага и съ лицами, закрытыми вуалью. Тѣхъ, которые ошибались, спускали внизъ съ лѣстницы. Я могъ бы напомнить капитуляцію Монса, условія которой были нарушены въ 1572 г. намѣстникомъ Альбы Нуаркармомъ. 11 мѣсяцевъ побѣдители предавались тамъ кровавымъ эксцессамъ. Я могъ бы напомнить о 20.000 гражданъ Гарлема переколотыхъ въ слѣдующемъ году лично самимъ герцогомъ въ то время какъ Филиппъ II въ оффиціальномъ письмѣ предлагалъ награду за убійство Вильгельма Оранскаго! Такъ какъ мы теперь на испанской территоріи, то не забудьте инквизицію и 40 протестантовъ, сожженныхъ 12 марта 1559 года въ Валладолидѣ! Если, покинувъ еще горячій пепелъ этого аутодафе,

вы пойдете во Францію, ноги ваши будутъ скользить въ крови Варѳоломеевской ночи. Переѣхавъ море, вы найдете Генриха VIII, увидите казематы и висѣлицы, вы увидите голову рочестерскаго епископа Фишера, гніющую на рѣшеткѣ Лондонскаго моста, и въ то же время изящное зрѣлище—короля въ бѣломъ шелковомъ одѣяніи, ведущаго къ алтарю Анну Сеймуръ на другой день послѣ того, какъ онъ приказалъ обезглавить Анну Болейнъ!

Въ той исторической средѣ, изъ которой вышли эти призраки, они получаютъ плоть и кровь въ лицѣ Грознаго. И, если мы примемъ въ расчетъ различія въ культурѣ, этотъ царь не покажется намъ черезчуръ далекимъ, душою и тѣломъ, отъ цивилизованнаго и христіанскаго міра Европы той эпохи.

Я говорю объ оправданіи Грознаго нравами той эпохи. Если оно доказано по отношенію къ Европѣ, то не менѣе достовѣрно оно и со стороны Россіи. Курбскій, давшій тонъ хулителямъ царя, былъ стороной въ этой тяжбѣ, представителемъ непокорнаго меньшинства. Масса же выражала свои впечатлѣнія при помощи народнаго поэтическаго творчества, и вы уже знаете духъ его. Народъ не только переносилъ Ивана, онъ имъ восхищался, удивлялся ему и любилъ его. Въ толпѣ его сотрудниковъ онъ удержалъ въ памяти только 2 имени и 2 лица: выскочку Никиту Романовича Захарьина и палача Малюту Скуратова. Исторія мало знаетъ о первомъ. Братъ царицы Анастасіи онъ, какъ и Сіэйсъ, извѣстный свидѣтель французскаго террора въ XVIII столѣтіи, «умѣлъ жить». Легенда сдѣлала изъ него героя. Она изобразила, какъ онъ отказывается отъ милостей царя и довольствуется печалованіемъ о болѣе мягкихъ для народа новыхъ законахъ. Но та же легенда отдаетъ предпочтеніе Малютѣ Скуратову, идеализируя его, какъ истребителя бояръ и князей.

Этотъ демократическій инстинктъ властно обнаруживается во всѣхъ воплощеніяхъ народнаго слова. Онъ раскрываетъ намъ тайну опричнины, ея идею, а также легкость, съ которой Грозный навязалъ ее однимъ и вызвалъ одобреніе у подавляющаго большинства. Въ сценахъ, въ которыхъ народное творчество ставитъ лицомъ къ лицу бояръ и крестьянъ, первые всегда играютъ неказистую роль. Это либо плуты, либо дураки. Въ одной легендѣ разсказывается о загадкѣ, которую государь долженъ былъ разгадать; отъ этого зависѣла его судьба. Помогъ ему въ этомъ крестьянинъ, тогда какъ всѣ знатные, призванные царемъ, не могли ничего придумать. Легенда производитъ

царя изъ простой семьи, она же придаетъ его власти народное происхожденіе. Послѣ смерти одного царя, народъ идетъ на рѣку со свѣтильниками, которые нужно окунуть въ воду, а потомъ зажечь. Царство должно достаться тому, кто первый зажжетъ свой свѣтильникъ. «Пойдемъ къ рѣкѣ», говоритъ одинъ бояринъ Ивану: «если я стану царемъ, я дамъ тебѣ волю».—Пойдемъ», отвѣчаетъ Иванъ: «если я стану царемъ, я прикажу срубить тебѣ голову». Иванъ выигрываетъ и сдерживаетъ свое слово.

Здѣсь—вся философія народа. Повидимому, онъ не сохранилъ никакихъ воспоминаній о внѣшнихъ войнахъ Ивана; что же касается административныхъ реформъ Грознаго, то народное сознаніе отмѣтило только ихъ нивеллирующую тенденцію.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ то обѣщаетъ содрать кожу съ князей и бояръ, то сварить ихъ живьемъ.

Онъ благочестивъ: народная поэзія подчеркиваетъ это. И, однако, помолившись за обѣдней, онъ собирается рубить «головушки» тѣмъ же боярамъ съ князьями...

Вотъ, что важно. Впрочемъ, возможно, что кромѣ ненависти и мести, здѣсь безсознательно сказалось и другое чувство. Быть можетъ, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, въ своей борьбѣ съ боярами, Иванъ защищалъ основныя начала русской жизни—православія, самодержавія, народности; во всякомъ случаѣ, Иванъ, вообще, боролся за единство русской земли. Какъ мы видѣли, въ своемъ православіи и въ привязанности къ русскому, Курбскій не уступалъ самому ярому фанатику изъ своихъ мужиковъ Далѣе, по крайней мѣрѣ, въ эту эпоху едва ли можно признать преданность самодержавію характерной чертой народнаго духа: вѣдь, память о прежнемъ вѣчевомъ устройствѣ еще не могла окончательно исчезнуть въ XVI вѣкѣ. Но Курбскій и ему подобные заводили тайныя сношенія съ Польшей. Такимъ образомъ, они измѣняли своему царю и отечеству; они ковали крамолу при помощи иноземцевъ. Значитъ, *измѣна*, вотъ, что является основнымъ мотивомъ народной поэзіи, воспѣвающей Грознаго. Эта измѣна преслѣдуетъ царя по пятамъ; она тонетъ въ крови и опять возрождается, принимая самыя разнообразныя формы.

Оправдывая всеобщимъ предательствомъ жестокости Грознаго, народная легенда, однако, по своему объясняетъ происхожденіе зла. Здѣсь логика народа, какъ будто, оказывается непослѣдовательной; во всякомъ случаѣ, она производитъ довольно странное впечатлѣніе.

Впрочемъ, это отнюдь не рѣдкое явленіе въ области народнаго творчества. Покоривъ себѣ всѣхъ земныхъ царей, какъ и подобаетъ герою легенды, Иванъ требуетъ отъ нихъ дани. Тѣ соглашаются и даже обѣщаютъ прислать царю еще двѣнадцать бочекъ золота, если только онъ разгадаетъ три загадки. Какъ и всегда, мудрость обычныхъ совѣтниковъ государя, бояръ и князей, оказывается въ данномъ случаѣ безсильной. Царю помогаетъ въ его затрудненіи простой плотникъ: за его находчивость Иванъ обѣщаетъ ему одну бочку золота. Но вмѣсто золота, царь насыпаетъ туда песку. Тогда мужикъ, угадавшій этотъ обманъ такъ же легко, какъ онъ разрѣшилъ заданные царю вопросы, предвѣщаетъ Ивану заслуженное наказаніе. Онъ говоритъ ему, что его постигнетъ то, въ чемъ онъ самъ согрѣшилъ. Отъ него пошла измѣна по русской землѣ, и самъ онъ будетъ больше всего терпѣть отъ нея (*Рыбниковъ*, Сборникъ народныхъ пѣсенъ, II, 232—236).

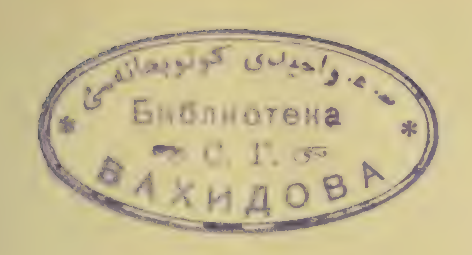
Народъ—это подлинный enfant terrible. Однако, я сошлюсь еще на одно показаніе, которое нельзя не признать вѣскимъ. Какъ мы знаемъ, свидѣтелемъ кровавыхъ казней Ивана былъ англійскій путешественникъ Ченслеръ. Любопытно, что, разсуждая чисто практически, онъ пришелъ къ заключенію, въ которомъ, повидимому, выразился взглядъ просвѣщенныхъ и культурныхъ современниковъ Ивана. «Дай Богъ», писалъ онъ, «чтобы и нашихъ упорныхъ мятежниковъ можно было такимъ же образомъ научить ихъ обязанностямъ по отношенію къ государю». (Hakluyt, I, 240).

Я намѣренно не касался до сихъ поръ сношеній Ивана IV съ Англіей. Дѣло въ томъ, что ихъ можно понять лишь при свѣтѣ вышеизложенныхъ фактовъ. Теперь пора обратиться къ этому вопросу, ибо какъ въ жизни Ивана, такъ и въ исторіи его царствованія, эта страница имѣетъ немаловажное значеніе *).

---

*) Главнымъ пособіемъ по исторіи опричнины является книга *Платонова*—Очерки по исторіи смуты. СПБ., 1899. Ср. *Милюковъ*, Очерки, СПБ., 1896, I; *Сергѣевичъ*, Русскія юридич. древн., II. *Бѣловъ*, Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Грознаго, М. М. Н. Пр., 1897; *его же* Русская исторія, СПБ., 1895; *Чичеринъ*, Опыты по ист. р. пр., М. 1858; *Дьяконовъ*, Очерки по исторіи сельскаго населенія СПБ., 1898; *Ключевскій*, Боярская Дума, М., 1883; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія, М., 1887; сюда же относятся сочиненія, указанныя въ текстѣ. — О святомъ Филиппѣ — его жизнеописаніе, составленное вскорѣ послѣ его смерти и напеча-

танное, въ качествѣ приложенія къ біографіи этого святителя— московскаго изданія, 1869 года. Ср. *Леонидъ*—та же біографія, М. 1861; *Валуевъ*—ср. соотвѣтствующую статью въ Библіотекѣ для воспитанія 1845; *Уманецъ*—статья на ту же тему въ Древней и Новой Россіи, 1877; *Макарій*, Исторія Русской Церкви СПБ., 1877, VI; *Гумилевскій*, Исторія Русской Церкви, М. 1888, III. — О Рогитѣ: *Цвѣтаевъ*, Протестантизмъ и протестанты въ Россіи, М. 1890; *Гумилевскій*, О. с. Рѣчь Рогиты съ довольно значительными варіантами воспроизводится у Lasicius, de Russorum religione, Spire, 1582 и у *Одерборна*. Послѣдняя редакція, повидимому, болѣе точна, ибо въ основу ея положена рукопись одного изъ непосредственныхъ свидѣтелей бесѣды. Отвѣтъ Ивана былъ изданъ *Поповымъ*, въ 1878 г. въ Чтеніяхъ О-ва Исторіи и древностей кн. II. О Симеонѣ Бекбулатовичѣ: *Лилеевъ*, Симеонъ Бекбулатовичъ, Тверь, 1891. — Источники—русскія лѣтописи, въ особенности, лѣтопись Александра Невскаго, вторая и третья Новгородскія лѣтописи и первая Псковская; Ливонскія лѣтописи: *Геннинга* (Script. rer. livon, II), *Руссова* (Ibid., I), *Реннера* (Livl. Historien. Goetingen, 1876); Heidenstein Rer. Polonic. libri, XII; Ulefeld, Legatio moscovitica (Startshevski, I); Oderborn, Joannis Basilidis vita, Vitebsk, 1585; Guagnino, Omnium regionum Moscoviae descriptio (Startchevski, I); Taube et Kruse, Zar Ivan der Grausame, 1572 (Evers, Berträge zur Kentniss Russlands, 1816); Margeret, Etat prèsent de l'empire de Russie, Paris, 1669; Fletcher, Treatisee of Russia, Londres, 1856; Horsey, Travelo, London, 1851; критику этихъ источниковъ см. у *Арцыбашева*, въ его статьѣ, напечатанной въ В. Евр., 1821 году; ср. Сборникъ *Муханова*, М., 1836; Акты историческіе, 1841 т. I.—Синодикъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря былъ напечатанъ *Устряловымъ* въ его изданіи соч. Курбскаго, СПБ., 1868; другіе синодики см. у *Толстого*, Русскія Древности, СПБ., 1897, I и въ Сѣверной Пчелѣ, 1847, № 50. — Документальныя данныя, относящіяся въ частности къ Симеону Бекбулатовичу, см. въ Сокращенномъ Временникѣ, манускриптъ И. П. Б. (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI, пр. 94); далѣе Морозовская хроника (*Карамзинъ*, Исторія IX); ср. Кубасовскій Хронографъ (Катыревъ-Ростовскій, приписываемый *Кубасову*) въ изданіи *Попова* (Обзоръ Хронографовъ, М., 1869).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Англоманія Грознаго.—Иванъ и Елисавета.

I. Первые англичане въ Россіи. — II. Проекты союза. — III. Проектъ брака.—IV. Марія Гастингсъ.—V. Голландское соперничество и разрывъ.

I.

Первые англичане въ Россіи.

Въ тотъ моментъ, когда Иванъ старался вступить въ сношенія съ Западомъ черезъ Ливонію и Балтійское море, въ различныхъ государствахъ Европы нашлись, какъ мы видѣли, люди, желавшіе пойти ему навстрѣчу. То была героическая пора путешествій и открытій. Изъ Испаніи и Португаліи увлеченіе смѣлыми морскими предпріятіями уже перешло на берега Ламанша. Французы проникали съ Жаномъ де-Лери въ Бразилію, съ Жакомъ Картье въ Канаду, съ первыми колонистами-протестантами—въ Флориду. За ними, по слѣдамъ Колумба, Кортеца и де-Гама двинулась цѣлая армія англійскихъ мореплавателей, которые одушевлены были ревнивой мечтой открыть своему отечеству путь въ Индію или увеличить колоніальныя владѣнія. Всѣ эти Кабота, Ралей, Дрэки, Дэвисы, Фробишеры отправлялись изслѣдовать Лабрадоръ, открывали Луизіану, совершали, по примѣру Магеллана, чудесное путешествіе вокругъ свѣта или углублялись въ снѣжныя равнины сѣверной Америки.

Во всѣхъ этихъ смѣлыхъ предпріятіяхъ Англія была заинтересована болѣе всѣхъ другихъ странъ. Дѣло въ томъ, что и тогда, какъ нынѣ, ея индустрія переживала кризисъ: при такихъ условіяхъ пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ становилось для Англіи вопросомъ жизни или смерти.

Въ 1552 г. въ Лондонѣ были начаты переговоры между группою коммерсантовъ и знаменитымъ венеціанскимъ мореплавателемъ, Себастьяномъ Кабота. На слѣдующій годъ они закончились проектомъ экспедиціи для открытія новыхъ земель на сѣверо-востокѣ. По подпискѣ были собраны необходимыя средства—6.000 ливровъ,—и 23 мая 1553 года три корабля вышли изъ Гарвичскаго порта. Это были: Bona Esperanza, подъ командой сэра Гюга Уилльоуби; Bonaventure, подъ начальствомъ Ричарда Ченслера и Bona Confidentia, подъ начальствомъ Корнеліуса Дэрфорса. Кабота былъ рѣдкимъ знатокомъ космографіи. Такъ какъ самые первые сановники страны—лордъ-казначей, маркизъ Винчестеръ, гофмейстеръ, графъ Арундель, хранитель печати, графъ Пемброкъ—интересовались экспедиціей, то есть основаніе предполагать, что, между прочимъ, ей былъ приданъ и научный характеръ. По всѣмъ вѣроятіямъ, хотя случай и долженъ былъ сыграть важную роль въ перипетіяхъ этого путешествія, было приблизительно извѣстно, гдѣ оно окончится: когда одинъ изъ кораблей присталъ къ русскому берегу, на немъ оказались переводчики.

Мартенсъ (Собраніе трактатовъ IX введ., ст. VI) упоминаетъ о документахъ, которые, будто бы, указываютъ на болѣе раннія дипломатическія сношенія между Иваномъ и Эдуардомъ VI. Мы не знаемъ, въ чемъ они заключались. Во всякомъ случаѣ, они не послужили къ распространенію хотя бы мало-мальски разумныхъ топографическихъ свѣдѣній о великой сѣверной державѣ. Двадцать лѣтъ спустя Герберштейнъ еще говоритъ о ней, какъ о странѣ чудесъ. Онъ серьезнѣйшимъ образомъ повторяетъ нелѣпыя сказки о громадномъ идолѣ—«*Золотая баба*», передъ которымъ вѣчно трубятъ вставленныя въ землю мѣдныя трубы; онъ разсказываетъ о племенахъ, которыя умираютъ осенью, чтобы воскреснуть къ веснѣ; онъ упоминаетъ о большой рѣкѣ, гдѣ водятся рыбы, «имѣющія голову, глаза, носъ, ротъ, руки и ноги наподобіе человѣческихъ, но нѣмыя и весьма пріятныя на вкусъ...»

Но не встрѣча съ такими чудовищами, а другія, болѣе реальныя испытанія ожидали Уилльуоби и его храбрыхъ спутниковъ. Буря разсѣяла эскадру, и Ченслеръ на «Bon Adventure» потерялъ изъ виду другія суда. Онъ ихъ напрасно прождалъ въ Вардегузѣ, условленномъ мѣстѣ сбора на норвежскомъ берегу, и одинъ отправился въ путь. 24 августа онъ зашелъ въ какую-то бухту, гдѣ его появленіе обратило въ бѣгство нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Онъ послѣдовалъ за ними,

настигъ ихъ, и неизвѣстные ему люди сообщили, что онъ у предѣловъ Московіи. Холмогорскія власти поспѣшили извѣстить Ивана, и онъ пригласилъ чужестранцевъ въ Москву, предоставляя имъ, однако, право не предпринимать этого дальняго пути и начать торговлю, если они пріѣхали за этимъ. Но, не дожидаясь этого извѣщенія, Ченслеръ прибылъ въ Москву, провелъ тамъ 13 дней, видѣлся съ царемъ и пустился въ обратный путь, въ Англію. Онъ везъ съ собою дружественный отвѣтъ государя на циркулярное посланіе, которымъ были снабжены руководители экспедиціи.

На слѣдующую зиму въ Москвѣ распространился слухъ, что на берегу Бѣлаго моря найдены два судна, полныя товаровъ и съ трупами людей. Это были «Bona Esperanza» и «Bona Confidentia» со своимъ экипажемъ. Здѣсь было 83 человѣка изъ ста двадцати пяти, сѣвшихъ въ Гарвичѣ. Уилльоуби былъ занесенъ бурею въ одну изъ бухтъ, и одинъ за другимъ передъ нимъ погибли отъ голода и стужи всѣ его спутники. По запискамъ, которыя онъ имѣлъ мужество вести, видно, что онъ пережилъ ихъ до января 1554 года.

Когда Ченслеръ вернулся въ Англію, Эдуарда VI уже не было въ живыхъ. Послѣ сдѣланнаго имъ доклада, Марія и Филиппъ Испанскій отправили его снова въ Москву представителемъ новаго «Товарищества англійскихъ купцовъ для открытія новыхъ рынковъ» (Fellowship of english merchants for discovery of new trades). Это общество возникло на мѣсто первоначальнаго «Общества для открытія новыхъ странъ», которое и организовало экспедицію (Society for the dicsovery of unknown lands). На дѣлѣ, эта компанія носила просто названіе Московской или Русской. Два спеціальные агента, Ричардъ Грей и Джорджъ Киллинворсъ были прикомандированы къ представителю новой миссіи, и имъ была вручена инструкція, обнаруживающая поразительно тонкое пониманіе руководящихъ интересовъ. Агенты должны были изучить характеръ и нравы населенія Московіи, а равно познакомиться съ налогами, деньгами, мѣрами вѣса, принятыми въ странѣ; они должны были слѣдить за строгимъ соблюденіемъ русскихъ законовъ всѣми ихъ соотечественниками; основать въ Москвѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ конторы и магазины; узнать характеръ и качество товаровъ, могущихъ найти тамъ достаточный сбытъ—и въ то же время заняться изысканіемъ удобнѣйшихъ путей на крайній Востокъ и, главнымъ образомъ, въ Китай. Инструкція указывала равнымъ образомъ на русскіе продукты,—какъ воскъ, сало, деготь,

конопля, ленъ, мѣха,—вывозъ которыхъ въ Англію является желательнымъ. Она предлагала взять образцы руды, которую можно было бы разработывать на земляхъ царя, и поручала навести справки о нѣмецкихъ или польскихъ тканяхъ, которыя можно было бы замѣнить англійскими на русскихъ рынкахъ. Она предполагала возможность монополизаціи нѣкоторыхъ отраслей внѣшней русской торговли. Словомъ, выработана была цѣлая программа, и надо сказать, что слѣдовавшіе ей Ченслеръ, Грей, Киллингворсъ и ихъ преемники оказались на должной высотѣ.

Ченселеръ снова сѣлъ на «Bonaventure» и прибылъ благополучно въ Москву. Онъ вступилъ тамъ въ переговоры съ дьякомъ Висковатымъ, и ему удалось получить грамоту, обезпечивавшую за компаніей самыя цѣнныя льготы: полное освобожденіе отъ пошлинъ, спеціальный судъ для всѣхъ живущихъ въ Россіи англичанъ, совершенно автономный для дѣлъ, возникающихъ между англійскими подданными, и зависящій только отъ одного царя, когда дѣло касалось лицъ обѣихъ національностей. Сначала прибыли, реализированныя компаніей, были громадны. По донесенію одного изъ агентовъ, она продавала въ Новгородѣ за 17 рублей или ливровъ по тогдашнему курсу, штуку сукна, стоившаго съ перевозкой шесть ливровъ. Но эта удача породила скоро опасную конкурренцію. Норвежскія, а можетъ быть, и голландскія суда уже шли по пути, открытому англійскими мореплавателями (см. предисловіе *Кордта*, къ документамъ, напечатаннымъ имъ въ 116 т. Сборника И. Ист. О-ва, 1902, стр. XVIII). Монополіи, которая, казалось, за ними была обезпечена, грозила опасность. Начались пререканія, и Иванъ былъ принужденъ, въ свою очередь, послать въ Англію посредника, чтобы положить конецъ осложненіямъ.

21 іюля 1556 г. Осипъ Григорьевичъ Непѣя, вологодскій намѣстникъ, выѣхалъ въ Англію съ цѣлымъ флотомъ, шедшимъ подъ командой Ченслера и нагруженнымъ товарами. Между судами находился «Bonaventure», два корабля Уилльуоби, починенныхъ русскими, и *Филиппъ-Марія*, только что прибывшій изъ Англіи. Увы! черезъ годъ англійская экспедиція, во главѣ со Стефеномъ Борро, отправилась на поиски трехъ изъ этихъ судовъ, которые, однако, пропали безслѣдно (The voyage of M. Stephen Burrough, An. 1557, from Colmogro to Wardhouse, wich was sent to secke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia and the Philip-and Mary. Hakluyt, I, 328). Послѣ

трехъ мѣсяцевъ бурнаго плаванія «Bonaventure» одинъ достигъ Англіи и разбился у шотландскихъ береговъ. Ченслеръ, который былъ на немъ вмѣстѣ съ Непѣей, погибъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ и частью экипажа, героически спасая московскаго посла. Семь человѣкъ русскихъ, сопровождавшихъ его, также погибли, а товары, стоившіе 7000 ф. стер., и поглотившіе все состояніе Непѣи, утонули и частью были разграблены жителями. Разслѣдованіе, назначенное по приказанію королевы Маріи, едва могло вырвать изъ ихъ рукъ кое-какіе жалкіе остатки. Посланный самъ уцѣлѣлъ. Но это разслѣдованіе его задержало, и онъ прибылъ къ воротамъ столицы только въ февралѣ 1557 г. Чтобы вознаградить его, ему была устроена торжественная встрѣча. Сто сорокъ купцовъ со всѣми своими слугами составляли его свиту. Для въѣзда ему подвели роскошно убраннаго коня, и лордъ-мэръ вышелъ ему навстрѣчу. Филиппъ принялъ посла въ мартѣ, когда вернулся изъ Фландріи, а въ маѣ новоиспеченный дипломатъ Непѣя могъ считать счастливо законченной свою миссію, имѣвшую такое ужасное начало. Ему удалось получить для своей страны почти тѣ же самыя привиллегіи, какія были даны англичанамъ: безпошлинную торговлю въ Англіи, спеціальный судъ, подчиненный непосредственно лорду канцлеру для русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Англіи, наконецъ, позволеніе набирать тамъ же для царской службы ремесленниковъ, инженеровъ и лекарей. Правда, не рѣшенъ былъ главный вопросъ о коммерческомъ соперничествѣ на московской территоріи, но въ этомъ вопросѣ Филиппъ и Марія расчитывали на командира корабля, съ которымъ Непѣя отплылъ обратно изъ Гравезенда. Дѣйствительно, этому командиру суждено было сыграть значительную роль въ исторіи сближенія двухъ государствъ.

Его звали Антоніемъ Дженкинсонъ, и онъ поступилъ на службу Московской компаніи на 40 ф. ст. жалованья. На самомъ дѣлѣ, онъ стоилъ больше. Съ 1546 г. онъ объѣздилъ почти всю Европу, а равно и берега Азіи и Африки. Онъ высадился въ Россіи въ іюлѣ 1557 г., долго присматривался къ русской жизни въ Холмогорахъ и Вологдѣ и прибылъ въ Москву лишь въ декабрѣ. Иванъ его встрѣтилъ хорошо; онъ оказался до такой степени the right man in the right place, что, узнавъ этого англичанина, государь не хотѣлъ имѣть дѣла ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ него. Повидимому, онъ представлялъ собою совершенный образчикъ расы такъ наз. business-men, которымъ Великобританія обязана своимъ теперешнимъ положеніемъ въ свѣтѣ; ихъ от-

личительными признаками являются: великолѣпнѣйшее знаніе дѣла, широта взглядовъ, предпріимчивость, не передъ чѣмъ не отступающая, непоколебимое сердце и желѣзная воля. На слѣдующій годъ, проведя зиму въ Москвѣ, онъ уже въ апрѣлѣ появляется въ Астрахани; а въ августѣ онъ первый изъ англичанъ поднимаетъ флагъ съ краснымъ крестомъ на волнахъ Каспія. Въ сопровожденіи только двоихъ товарищей онъ везетъ огромный грузъ товаровъ: ими онъ нагрузитъ тысячу верблюдовъ, которыхъ найметъ у туркменъ, и отправится черезъ Туркестанскія степи въ Бухару—и дальше, если это возможно. Почему же не въ самый Китай? Но въ Бухарѣ застанетъ его война: самаркандскій ханъ угрожаетъ городу. Но Дженкинсонъ настолько же осмотрителенъ, какъ и предпріимчивъ: онъ во время ретируется, чѣмъ избѣгаетъ засады и слѣдующаго за ней грабежа, и въ сентябрѣ 1559 г. снова появляется въ Москвѣ, а съ нимъ бухарское посольство и 25 русскихъ плѣнныхъ, отбитыхъ у Туркменъ. Царь милостиво принимаетъ его подарки: хвостъ бѣлаго буйвола и татарскій барабанъ. А въ Англію онъ везетъ съ собою молодую азіатку, султаншу Ауру, которую онъ предназначаетъ для новой королевы Елисаветы. На самомъ дѣлѣ, изъ своего путешествія онъ вынесъ убѣжденіе, что, съ коммерческой точки зрѣнія, видѣнныя имъ страны крайняго Востока непредставляютъ никакого интереса; но, все же, онъ предлагаетъ начать сношенія съ Персіей. Въ 1561 г. онъ снова покидаетъ Англію, онъ ласково принятъ въ Казбинѣ, столицѣ шаха Тамаса и почтенъ личной дружбой Абдулъ-Хана, владыки Ширвана.

Заботясь о пріобрѣтеніи этого новаго рынка и объ укрѣпленіи за своей родиной тѣхъ привиллегій, которыми англичане пользовались въ Москвѣ, онъ не на шутку борется съ итальянскими и брабантскими конкуррентами. Итальянскому агенту Рафаэлю Барберини удалось добыть у королевы Елисаветы патентъ на торговлю съ Россіей; и вотъ онъ старается распространить убѣжденіе, что англичане служатъ лишь посредниками и доставляютъ на московскій рынокъ продукты голландскаго и французскаго производства. Дженкинсонъ отвѣчаетъ тѣмъ, что добываетъ новую грамоту для московской компаніи. Она подтверждаетъ прежнюю монополію и распространяетъ ее отъ устья Сѣв. Двины до береговъ Оби, включая Холмогоры, Колу, Мезень, Печору и Соловки. Она предоставляетъ ему одному право держать «дворъ» въ Москвѣ и устраивать склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Н.-Новгородѣ, Казани, Астрахани,

Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Юрьевѣ. Наконецъ, она дастъ ему право свободнаго провоза товаровъ, отправляемыхъ въ Бухару и Самаркандъ.

Безъ сомнѣнія, подобныя уступки были неожиданны и, конечно, чрезмѣрны, если имѣть въ виду интересы Москвы. Вѣроятно, онѣ были основаны на соображеніяхъ особаго порядка, и Дженкинсонъ служилъ лишь объектомъ для выраженія новыхъ отношеній, возникавшихъ между Англіей и Россіей.

II.

Проекты союза.

Величіе и геній англійской націи, о которыхъ Иванъ могъ судить и догадываться благодаря сношеніямъ съ англійскими гостями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. сильно его поразили. Съ другой стороны, его удручало сознаніе своего одиночества, при постоянной борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами. И, вотъ, въ его умѣ, пылкомъ, властномъ и упрямомъ, эти два чувства породили идею, которая не покидала его до могилы. Онъ сталъ мечтать пріобрѣсти для борьбы противъ внѣшнихъ враговъ съ ихъ арміями, флотомъ и богатствами, сильную союзницу, морскія силы, торговля и кредитъ которой начали уже покорять міръ: А противъ своихъ внутреннихъ враговъ какъ было бы хорошо имѣть сильную поддержку и вѣрный пріютъ! Пожалуй, въ своемъ воображеніи Иванъ уже видѣлъ себя въ изгнаніи; но, благодаря своей сильной союзницѣ, онъ самъ назначитъ часъ своего побѣдоноснаго возвращенія. Можетъ быть, хотя и трудно судить объ этомъ, къ этимъ соображеніямъ примѣшивались и нѣкоторые планы болѣе романтическаго характера. Елисаветѣ было суждено быть постояннымъ предметомъ, болѣе или менѣе, лестныхъ исканій, гдѣ къ политикѣ примѣшивалась любовь. Можетъ быть, не взирая на свой преклонный возрастъ, на охотно имъ преувеличиваемые, но все же, дѣйствительные недуги, не смотря на свою нелюдимость и на четыре или пять умершихъ и живыхъ женъ, Иванъ пожелалъ стать въ число претендентовъ. Съ другой стороны, Елисавета рано усвоила искусство увертываться отъ матримоніальныхъ объясненій, не оскорбляя и не отнимая надежды у искателей. Дженкинсонъ, какъ хорошій дипломатъ, могъ проникнуться идеями и тактикой своей повелительницы

на этотъ счетъ. Дѣло въ томъ, что когда въ 1567 г. онъ возвращался въ Англію, ему было дано нѣкое тайное порученіе, содержаніе котораго намъ неизвѣстно. Вѣроятно, оно было довольно щекотливаго свойства, такъ какъ отвѣтъ на него послѣдовалъ не скоро.

Онъ замедлилъ до такой степени, что это отразилось на англійской торговлѣ въ Московіи. Нарвская гавань была открыта для иностранцевъ, и въ Антверпенѣ и даже въ самой Англіи возникли общества, которыя могли оказаться опасными конкуррентами. Эти событія слѣдовали быстро одно за другимъ и угрожали монополіи той сильной компаніи, интересы которой были такъ хорошо обезпечены Дженкинсономъ. Въ 1568 г. Елисавета увидѣла себя поставленной въ необходимость исправить ошибку. Такъ какъ она не могла прибѣгнуть къ помощи Дженкинсона въ данную минуту, она рѣшилась замѣнить его очень значительнымъ посломъ, начальникомъ королевской почты, Томасомъ Рэндольфомъ. Изъ данныхъ ею инструкцій мы, отчасти, можемъ угадать смыслъ тайныхъ предложеній Грознаго. Рэндольфу было поручено официально «возстановить порядокъ въ англійской торговлѣ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отклонить, по возможности, предложенія царя, увѣривъ его, однако, что, въ случаѣ бѣды, королева не откажетъ ему въ гостепріимствѣ. Повидимому, Иванъ серьзно думалъ объ Англіи. Но хуже всего было то, что онъ соглашался условно воспользоваться пріютомъ лишь съ тѣмъ, чтобы заплатить тою же услугой. Его гордость не позволяла ему принимать болѣе того, что онъ могъ дать самъ. Онъ требовалъ, чтобы королева, которая также должна была бороться съ мятежниками и подвергаться опасностямъ, согласилась считать оффиціальнымъ прибѣжищемъ Кремль. Можно легко себѣ представить, какъ должна была отнестись къ подобному условію дочь Генриха VIII.

Рэндольфъ прибылъ въ Москву въ октябрѣ—въ очень неудачный моментъ: какъ мы знаемъ, это было время, когда митрополитъ Филиппъ досаждалъ Ивану. Грозный былъ раздраженъ. Можно предположить, что агенты Московской Компаніи проявили нѣкоторую рѣзкость по отношенію къ ихъ соперникамъ или даже къ самому царю. Очевидно, они не приняли никакихъ мѣръ, чтобы обезпечить успѣхъ возложеннаго на нихъ порученія. Продолжительное молчаніе Елисаветы, наконецъ, оскорбило и разгнѣвало вспыльчиваго монарха. Слѣдствіемъ всего этого былъ пріемъ, нерѣдко практиковавшійся въ то время въ Москвѣ при дипломатическихъ сношеніяхъ: до февраля

1569 г. посланникъ содержался какъ въ плѣну въ отведенномъ для его пребыванія домѣ; къ нему никого не допускали, и онъ былъ поставленъ въ невозможность исполнить возложенное на него порученіе. Четыре мѣсяца спустя, ему удалось добиться аудіенціи, но онъ былъ принятъ безъ обычныхъ почестей и не удостоился приглашенія къ царскому столу, какъ это полагалось. Что произошло при этомъ первомъ свиданіи? Мы не знаемъ; но, очевидно, оно нѣсколько измѣнило настроеніе царя, такъ какъ черезъ нѣсколько дней Иванъ снова позвалъ Рэндольфа во дворецъ. Свиданіе было обставлено большою тайной, происходило ночью, и посолъ долженъ былъ итти въ чужомъ платьѣ. Аудіенція длилась три часа, и о ея содержаніи можно лишь дѣлать предположенія. На другой день царь уѣхалъ въ слободу и вернулся только въ апрѣлѣ; на этотъ разъ его отношеніе къ послу круто измѣнилось. Онъ не только соглашался возстановить права компаніи на пользованіе прежними льготами, но и жаловалъ ее еще новыми привиллегіями: предоставляя ей право свободной торговли съ Персіей, разрѣшая открыть въ Вычегдѣ желѣзные пріиски и предпринять на свой страхъ перечеканку денегъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, онъ обѣщалъ закрыть Нарвскій портъ для новаго общества, организованнаго въ Англіи, а старой компаніи позволялъ съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовать суда другихъ націй, отважившихся пуститься по Бѣлому морю.

Очевидно, Рэндольфъ внушилъ царю какія-то новыя надежды, для осуществленія которыхъ московскій посолъ былъ отправленъ въ Лондонъ.

Этотъ преемникъ Непѣи носилъ фамилію Савина. Увы! проживши десять мѣсяцевъ на берегахъ Темзы, онъ привезъ съ собою только письмо Елизаветы, составленное въ довольно туманныхъ выраженіяхъ и очень неопредѣленное. Къ обѣщаніямъ помощи, на которую трудно было разсчитывать, королева прибавляла только новыя увѣренія въ своей дружбѣ къ царю. Она писала, что, когда ему заблагоразсудится воспользоваться ея гостепріимствомъ, она приметъ его съ подобающими почестями и возьметъ на себя всѣ его расходы и заботу о его содержаніи. Она предлагала ему не союзъ, о которомъ онъ мечталъ, а милостыню.

Иванъ, какъ будто, проснулся отъ сладкаго сна, и проснулся не въ духѣ. Утративъ, по обыкновенію, всякую мѣру, онъ написалъ Елисаветѣ отвѣтъ въ стилѣ тѣхъ посланій, какими онъ честилъ въ то же

время шведскаго короля. Онъ не допускалъ, что Елисавета сама такъ неуважительно отнеслась къ потомку Римскихъ кесарей. Онъ-де думалъ, что она себѣ госпожа и свободна въ своихъ дѣйствіяхъ; но теперь видитъ, что ею управляютъ другіе. А кто эти другіе? Простые мужики! И сама она не болѣе не менѣе, какъ «*пошлая дѣвица*», и ведетъ себя подобающимъ образомъ. Онъ не желаетъ поддерживать съ нею отношенія. Москва обойдется и безъ англійскихъ мужиковъ.

На ругательства не стоило обращать вниманія: они могли только заставить улыбнуться Елисавету, привыкшую къ мадригаламъ. Но еще раньше, чѣмъ гонецъ прибылъ въ Лондонъ, туда дошла вѣсть, что царь отнялъ у Московской Компаніи всѣ льготы—и старыя, и новыя, отобралъ у нея всѣ товары и наложилъ запретъ на ея торговлю. Это уже было серьезно. Закрылись пути, пріобрѣтенные цѣною такихъ усилій! Погибла надежда отнять восточные рынки у венеціанцевъ и португальцевъ! Необходимо было избѣжать этого несчастія, и, казалось, только одинъ человѣкъ былъ въ силахъ это сдѣлать. Поставивъ Роберта Беста во главѣ новаго почетнаго посольства, Елисавета снарядила съ нимъ Дженкинсона.

Но даже и этому смѣлому изслѣдователю пришлось сначала испытать на себѣ перемѣну обстоятельствъ. Въ 1571 г. онъ высадился въ бухтѣ Св. Николая на островѣ, названномъ англійскими мореплавателями Rose-Island—благодаря найденнымъ тамъ дикимъ розамъ; отсюда онъ сообщилъ въ Москву о своемъ пріѣздѣ черезъ посредство прежняго переводчика при Санинѣ, Даніила Сильвестра. Но этотъ послѣдній не могъ ни проѣхать самъ, ни переслать вѣсти, благодаря чумѣ, которая не переводилась въ странѣ съ самаго татарскаго нашествія, и для борьбы съ которой по всѣмъ дорогамъ устраивались карантины и заставы. Одинъ гонецъ чуть не былъ сожженъ живымъ, пытаясь пробиться силою. Сверхъ того, Иванъ отправился въ походъ противъ шведовъ, и, по словамъ русскихъ властей, нечего было и думать его догнать. Къ этому они прибавляли, что, если бы Дженкинсонъ и рѣшился на это—его жизнь была бы въ опасности, такъ какъ царь обвинялъ его лично въ крушеніи своихъ проектовъ и объявилъ, что отрубитъ ему голову, если онъ посмѣетъ явиться въ Россію.

Англичанинъ нисколько не испугался, и, хотя холмогорскій воевода велъ себя съ нимъ соотвѣтственнымъ образомъ, т.-е. отказывалъ ему въ помѣщеніи, провіантѣ и покровительствѣ, а населеніе относилось къ нему недружелюбно, пробылъ въ этомъ негостепріимномъ

краю до января 1572 г. Затѣмъ, смѣло миновавши заставы, онъ не побоялся прiѣхать къ Грозному въ его убѣжище—Александровскую слободу. Очевидно, ему удалось оправдаться еще заранѣе, потому что онъ былъ принятъ царемъ необыкновенно милостиво. Иванъ поторопился окончить обычныя церемонiи прiема и быстро перешелъ къ конфиденцiальной бесѣдѣ, въ присутствiи только двухъ своихъ приближенныхъ. По своему обыкновенiю, онъ прибавилъ къ дѣлу, которое одно его интересовало, еще десятокъ другихъ. Онъ долго говорилъ о какихъ-то англiйскихъ купцахъ, которые, будто бы, привозили письма, позорящiя его и его государство. Только послѣ всякихъ околичностей онъ приступилъ къ главному дѣлу. Онъ спросилъ, какъ обстояло «тайное дѣло», о которомъ онъ бесѣдовалъ съ Дженкинсономъ, и по поводу котораго Рэндольфъ принялъ на себя извѣстныя обязательства? Дженкинсонъ отвѣтилъ: «я слово въ слово передалъ королевѣ адресованныя къ ней черезъ меня предложенiя, и, *милостиво ихъ выслушавъ*, ея Величество поручила Рэндольфу вести дальнѣйшiе переговоры; онъ же увѣряетъ, что никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ онъ на себя не принималъ. По винѣ этого посредника и произошло недоразумѣнiе». Чтобы подкрѣпить свои увѣренiя, Дженкинсонъ вручилъ царю письмо Елисаветы.

Иванъ былъ прiятно удивленъ, не найдя въ немъ отвѣта на свои дерзости. Съ большимъ достоинствомъ дочь Генриха VIII говорила только, что ея подданные не даютъ ей ни малѣйшаго повода къ неудовольствiю, и ей нечего опасаться того, что ей придется искать пристанища въ какой бы то ни было чужой странѣ. Помимо всего этого, она пребываетъ въ наилучшихъ чувствахъ по отношенiю къ царю, и, если онъ согласенъ забыть свое *законное* неудовольствiе противъ англiйскихъ купцовъ и вернуть имъ льготы, она готова дать ему самыя очевидныя доказательства своей дружбы. Ловкiй Дженкинсонъ поставилъ, конечно, дѣло такъ, что Грозный принялъ за уступчивость то, что лишь доказывало презрѣнiе. Елисавета не отвѣчала ему грубостями; онъ очень былъ этимъ доволенъ, и это его обезоружило. Онъ опять далъ Дженкинсону аудiенцiю въ Старицѣ и, послѣ нѣкоторыхъ колебанiй, согласился вернуть свою милость, но безъ всякихъ условiй Московской Компанiи и ея главѣ, Вилльяму Гарретъ. Онъ отказывался въ данное время отъ всякихъ тайныхъ соглашенiй, и, когда Дженкинсонъ спросилъ у него имена англiйскихъ подданныхъ, давшихъ ему поводъ къ неудовольствiю, онъ отвѣтилъ въ свою очередь

съ большимъ достоинствомъ: «на что? если я ихъ простилъ, такъ не для того, чтобы ихъ наказала королева».

Трудно сказать, были ли у него въ данное время какія-либо заднія мысли; дѣло въ томъ, что успѣхъ Дженкинсона оказался преходящимъ и личнымъ. Въ іюлѣ 1572 г. искусный дипломатъ навсегда покинулъ Москву, а, въ слѣдующемъ году, Сильвестръ, отправленный оттуда Московской Компаніей въ Лондонъ, привезъ печальныя вѣсти. Ссылаясь на отношенія, которыя англійскіе купцы завязали съ Польшею, Иванъ наложилъ на нихъ, подъ видомъ пошлинъ, извѣстныя пени; правда, онѣ были меньше тѣхъ, которыми облагались всѣ другіе иностранцы, но все же онѣ нарушали дарованныя раньше льготы. И бывшій посредникъ между двумя націями не сомнѣвался въ томъ, что это возобновленіе непріязненныхъ отношеній объяснялось разочарованіемъ царя въ его надеждахъ на союзъ. Тогда Елисавета рѣшилась возложить на самого Сильвестра новое порученіе: она соглашалась вести съ Иваномъ тайные переговоры, какіе будетъ угодно московскому государю; но она не можетъ дать понять своимъ подданнымъ, что среди нихъ она не чувствуетъ себя спокойной, чтобы, дѣйствительно, не очутиться въ опасности. Сильвестръ долженъ былъ постараться внушить это Ивану.

Въ ноябрѣ 1575 г. онъ нашелъ царя въ новомъ дворцѣ, который Иванъ велѣлъ выстроить себѣ въ Кремлѣ. Онъ жилъ тамъ, яко бы, какъ частное лицо, предоставивъ Кремль и тронъ царю Симеону. «Вы видите, сказалъ онъ англійскому послу, я не напрасно обращался къ вашей государынѣ, а она неумно поступила, отвергнувъ мои предложенія». Сильвестръ никакъ не могъ себѣ выяснить, какъ онъ долженъ отнестись къ этому новому положенію вещей, совершенно непредвидѣнному въ Лондонѣ, и какъ къ нему приноровиться. Онъ еще ничего не рѣшилъ, когда Иванъ покинулъ столицу, чтобы ѣхать навстрѣчу императорскимъ посламъ. По возвращеніи, государь заговорилъ совершенно иначе. Если онъ не получитъ отъ Елисаветы полнаго удовлетворенія, вся торговля въ его царствѣ будетъ представлена Венеціи и нѣмцамъ.

Вѣроятно, посолъ поѣхалъ съ этимъ ультиматумомъ въ Лондонъ. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ, потому что, возвращаясь въ Москву, онъ былъ убитъ молніей въ Холмогорахъ, и всѣ его бумаги сгорѣли съ домомъ, гдѣ онъ жилъ. Уступила ли Елисавета? Русскій историкъ, наиболѣе глубоко изучившій эту главу исторіи, готовъ до-

пустить возможность уступки (*Толстой*, Первые сорокъ лѣтъ сношеній Россіи съ Англіей, стр. 31); однако же, это мало вѣроятно, такъ какъ, въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ, повидимому, прекратились всѣ сношенія между обѣими странами. Чтобы они возобновились, нужно было, чтобъ Иванъ увлекся новой несбыточной мечтой, которую внушилъ ему одинъ изъ иностранцевъ, жившихъ со времени посольства Санина въ извѣстной близости къ государю.

III.

Проектъ брака.

Его звали Елисей Бомель, или Бомеліусъ. Онъ былъ родомъ изъ Везеля въ Вестфаліи, изучалъ медицину въ Кембриджѣ, но занимался, главнымъ образомъ, астрологіей. Благодаря пріобрѣтенной на этомъ поприщѣ извѣстности, онъ, по приказанію лондонскаго архіепископа, находился въ тюрьмѣ въ то время, когда въ Лондонъ пріѣхалъ Савинъ. Такъ какъ его соглашались освободить изъ тюрьмы только на томъ условіи, что онъ уѣдетъ изъ Англіи, онъ рѣшился отправиться съ московскимъ посломъ, чтобы поступить на службу къ царю. Въ Москвѣ онъ очень быстро пріобрѣлъ большое состояніе и очень плохую славу: онъ слылъ за довѣреннаго составителя ядовъ, предназначаемыхъ Иваномъ для своихъ жертвъ. Его обвиняли также въ томъ, что кощунственными разговорами онъ растлѣваетъ разумъ царя, а также уговариваетъ его искать убѣжища въ чужихъ земляхъ.

Какъ мы видѣли, еще до появленія этого авантюриста, Иванъ обратилъ свои взоры на Англію и, можетъ быть, даже на Елисавету; но многое указываетъ намъ на то, что Бомель постарался направить его честолюбіе въ другую сторону. Но ему самому, однако, не пришлось присутствовать при развитіи начатой такимъ образомъ интриги. Въ 1579 г. онъ былъ вовлеченъ въ заговоръ. Зависть и злоба, которую онъ внушилъ многимъ, помогли доказать его вину, и онъ погибъ въ ужаснѣйшихъ пыткахъ. Но жена его, Анна Ричардсъ, родомъ англичанка, осталась въ Россіи, и только послѣ смерти Ивана, вмѣстѣ со своими соотечественниками, лекаремъ Ричардомъ Эльсисъ и аптекаремъ Френшемъ была выслана въ Англію. Подобная же участь постигла въ это время всѣхъ иностранцевъ.

Бомелiусъ, котораго ненавидѣли, былъ выданъ скорѣе въ качествѣ нѣмца, чѣмъ англичанина, и, предавъ несчастнаго астролога пыткѣ, Грозный выразилъ намѣренiе начать переговоры съ Англiей сызнова.

Въ 1580 г. агенту Московской Компанiи, Джерому Горсей, было поручено царемъ выхлопотать у Елисаветы присылку военныхъ припасовъ: свинца, мѣди, селитры, сѣры, пороху. Иванъ собирался мѣряться силами съ Баторiемъ. Но инструкцiи, которыя Горсей спряталъ въ сосудѣ съ водкой, этимъ не ограничивались. Подъ влiянiемъ Бомелiуса царь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, желалъ найти въ Англiи другое. Если сама Елисавета упрямо отклоняла всѣ исканiя,— у ея были родственницы—невѣсты.

Въ 1581 г. Горсей привелъ съ собою три судна, нагруженныя просимыми продуктами. Съ нимъ вмѣстѣ прiѣхало не мало цырюльниковъ и аптекарей; взамѣнъ Бомелiуса прибылъ одинъ лекарь, котораго Елисавета не мало цѣнила и, посылая его царю, по словамъ ея, сама себя оскудила. Въ Россiи онъ былъ извѣстенъ больше подъ именемъ Романа Елизарьева; настоящее же его имя было Джекъ Робертсъ. Этотъ лекарь,—по своей ли волѣ, или по иному указанiю—постарался обратить мысли Ивана на одну изъ родственницъ королевы.

Въ томъ же году московскiй посланникъ Ѳедоръ Ивановичъ Писемскiй отплылъ въ Англiю съ наказомъ договориться о союзѣ и начать дѣло о сватовствѣ. Иванъ остановилъ свой выборъ на племянницѣ королевы, дочери «князя Титунскаго» (sic). Дѣло шло о Марiи Гастингсъ, дочери лорда Гонтингдонъ. Ея бабка приходилась двоюродной сестрой Елисаветѣ.

IV.

Марiя Гастингсъ.

Иванъ только что вступилъ въ шестой бракъ съ дочерью одного изъ своихъ думскихъ дворянъ, Марiей Нагой. Но это не шло въ счетъ. До такой степени это казалось не важнымъ, что отцу царицы, Аѳанасiю Нагому, было поручено съ другими боярами разспросить Робертса о новой невѣстѣ. Еще до отъѣзда Писемскаго, въ iюлѣ 1581 г. въ Архангельскѣ высадился представитель англiйскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россiей. Онъ привезъ съ собою письмо Елисаветы, данное въ Вестминстерѣ 23 января 1581 г. Тамъ говорилось о датскомъ ко-

ролѣ, ставившемъ препятствія для англійской торговли: владѣя Норвегіей и Исландіей, онъ предъявлялъ свои права на всѣ суда, плавающія между этими двумя землями. Итакъ, посолъ долженъ былъ отвезти Елисаветѣ отвѣтъ царя по этому спеціальному вопросу. Иванъ предлагалъ королевѣ конвоировать военными судами товары, направляемые въ русскіе порты подъ англійскимъ флагомъ. Но, прежде всего, Писемскій долженъ былъ добиться у Елисаветы позволенія повидать *Титунскую княжну*. Писемскому надлежало разсмотрѣть ее хорошенько, замѣтить, какого она роста, красива ли, бѣла ли, дородна ли; узнать, какихъ она лѣтъ и какова ея семья; наконецъ, онъ долженъ былъ привезти ея портретъ—«парсонъ» и точную мѣрку *«на бумагѣ»*. Если ему укажутъ на недавнюю женитьбу царя, пусть отвѣтитъ, что это не имѣетъ значенія, такъ какъ новая царица простого боярскаго роду. Это не помѣшаетъ Маріи стать царицею. Престолъ перейдетъ, однако, къ царевичу Ѳеодору, а дѣти отъ будущаго брака получатъ подобающіе надѣлы. Конечно, будущая царица должна принять греческую вѣру равно, какъ и тѣ изъ ея приближенныхъ, которые останутся при ней. Наконецъ, заключеніе союза по надлежащей формѣ должно было предшествовать помолвкѣ. Иванъ не просилъ одолженія: въ обмѣнъ за политическую услугу онъ предлагалъ самого себя. Для того, чтобы Марія Гастингсъ могла стать счастливою соперницей Маріи Нагой, Англія должна была помочь Ивану своей арміей и флотомъ въ борьбѣ противъ Баторія.

Для рѣшенія вопросовъ, касающихся торговли, къ Писемскому былъ присоединенъ одинъ изъ агентовъ Московской Компаніи, Эгидъ Крью. Въ качествѣ переводчика съ нимъ же ѣхалъ лекарь Робертсъ, которому было дано особое порученіе: онъ долженъ былъ сообщить Елисаветѣ о намѣреніи царя тайно посѣтить Англію. Какъ мы видимъ, Иванъ готовился къ серьезной аттакѣ, долженствовавшей, на этотъ разъ, какъ онъ думалъ, увѣнчать успѣхомъ его завѣтную мечту.

Писемскій, по прибытіи въ Англію въ сентябрѣ 1582 г., былъ допущенъ къ первой аудіенціи въ Виндзорѣ лишь 11-го ноября. Уже въ этотъ моментъ, казалось, часть его порученія потеряла свою силу: въ своей борьбѣ съ Баторіемъ Иванъ былъ побѣжденъ и принялъ условія предложеннаго побѣдителемъ мира. Московскій посолъ притворился, что не знаетъ объ этомъ событіи. Очень вѣроятно, что онъ уже былъ снабженъ новыми инструкціями, предписывающими ему, во что бы то ни было, настаивать на предполагаемомъ союзѣ, чтобы явилась

возможность начать новыя военныя дѣйствія противъ побѣдоносной Польши. Но онъ не хотѣлъ поступать открыто и былъ въ особенно смѣшномъ положеніи еще оттого, что и посолъ Баторія находился въ Лондонѣ, и не терялъ времени даромъ. Чтобы выяснить отношеніе къ Польшѣ со стороны англійскаго кабинета, мы не имѣемъ другого пути, какъ разсмотрѣніе тактики того же кабинета по отношенію къ московскому послу: англійскіе и польскіе архивы на этотъ счетъ молчатъ, а, можетъ быть, и еще не достаточно изслѣдованы. Казалось, что и на поприщѣ политическомъ Польшѣ суждено было преодолѣть Россію, такъ какъ къ пріѣзду Писемскаго Елисавета или уже приняла, или готова была принять нѣкоторое рѣшеніе. Какъ ни старался Писемскій ускорить начало переговоровъ,—они откладывались подъ разными предлогами съ недѣли на недѣлю. То мѣшали придворные празднества, то чума. «Вѣдь не мѣшаетъ же вамъ чума вести переговоры съ поляками!» ворчалъ Писемскій. Онъ долженъ былъ дождаться отъѣзда поляка, и тогда лишь, умудренный опытомъ, догадался, что его хотятъ вѣжливо спровадить. Торжественно введенный къ королевѣ графомъ Лейчестеръ, лордомъ Говардъ, сэромъ Кристофомъ Гэттонъ и самимъ графомъ Гонтингдонъ, онъ вручилъ Елисаветѣ подарки отъ лица царя, свои и отъ своего главнаго атташе. Самое имя его—Неудача—не предвѣщало ничего хорошаго. Дары эти заключались, по обыкновенію, въ дюжинахъ куньихъ шкурокъ. По донесенію посла, Елисавета была очень милостива; «стала веселою», спрашивала о царевомъ здоровьѣ, говорила, что любитъ его, какъ брата, рада будетъ его видѣть и заключить съ нимъ союзъ. Но, послѣ аудіенціи, о переговорахъ не было и рѣчи. Только въ концѣ мѣсяца Писемскій былъ званъ ѣхать на охоту, бить оленей! Онъ отвѣтилъ немного рѣзко, говоря, что гулять ему ѣздить теперь не годится, да и нынче постъ, никто изъ русскихъ мяса не ѣстъ. Все-таки, хотя и съ неудовольствіемъ, онъ долженъ былъ принять приглашеніе, а 13 декабря узналъ, что графу Лейчестеръ, лорду Генсдонъ, сэру Кристофу Гэттонъ и секретарю Фрэнсису Уольсингэму было поручено вести съ нимъ переговоры. Совѣщанія должны были происходить въ Гринвичѣ, и заинтересованные въ торговлѣ съ Россіей купцы имѣли на нихъ присутствовать.

Съ самаго начала возникли несогласія о собственномъ предметѣ переговоровъ. Предлагая Англіи пропускать всѣ русскіе вывозимые ею товары «безъ вывѣта», Писемскій просилъ у нея союза противъ

Польскаго короля, «которому помогаютъ папа, цесарь и другіе государи». Ему отвѣтили: «Папа хвалится, что помирилъ царя съ Баторіемъ». Московскій посолъ упрямо не хотѣлъ выйти изъ своей роли и отвѣтилъ: «Воля папѣ, что хочетъ, то говоритъ заочно; а если бы онъ государя нашего съ королемъ помирилъ, то государь бы нашъ литовскаго короля себѣ недругомъ не называлъ». Очевидно, нечего было и думать договориться до чего-нибудь при такихъ условіяхъ. Въ данный моментъ Елисавету наиболѣе интересовало защитить отъ посягательства Даніи свою торговлю на Бѣломъ морѣ. Чтобы добиться отъ царя и его посла необходимаго содѣйствія, она согласилась въ январѣ 1583 г. дать Писемскому тайную аудіенцію. Онъ же, со своей стороны, разсчитывалъ поднять вопросъ о сватовствѣ. Но онъ былъ крайне удивленъ, когда, прибывши въ Ричмондъ въ назначенный часъ, засталъ во дворцѣ празднество: тамъ гремѣла музыка, всѣ танцовали. Ему объяснили, что такъ бываетъ ежедневно; впрочемъ, королева покинула балъ, чтобы принять посла наединѣ, только въ присутствіи Робертса, необходимаго въ качествѣ переводчика. Неудачу позвали только часъ спустя, и Елисавета привела въ свое извиненіе «что очень увлеклась разговоромъ».

Легко можно догадаться, что разговоръ шелъ о Маріи Гастингсъ. Писемскій настаивалъ, чтобы ему позволили видѣть молодую дѣвушку и списать съ нея портретъ, но королева выказала большое смущеніе: она была бы очень счастлива быть съ царемъ въ свойствѣ, но она слышала, что царь любитъ красивыхъ дѣвицъ, ея же племянница не красива. Кромѣ того, она только что болѣла оспою, и теперь нечего и думать списывать съ нея портретъ. Но лукавая государыня сдѣлала все-таки видъ, что интересуется брачными условіями. Она казалась обезпокоенной участью будущихъ дочерей ея племянницы. «Наши государи, гордо отвѣтилъ Писемскій, выдаютъ своихъ дочерей за иноземныхъ властителей». И онъ привелъ примѣръ—единственный за нѣсколько вѣковъ—союза княжны Елены въ 1495 г. съ польскимъ королемъ Александромъ. Но раньше чѣмъ думать о свадьбѣ, надобно заключить союзъ. Посолъ представилъ по этому поводу записку и сталъ ждать отвѣта. Елисавета обѣщала ускорить дѣло, и этимъ все кончилось.

Прошло еще два мѣсяца. Когда, наконецъ, посолъ получилъ такъ долго ожидаемый отвѣтъ, онъ былъ глубоко разочарованъ. Королева соглашалась вступить въ союзъ съ царемъ и помогать ему противъ

всѣхъ его враговъ. Но за это она требовала для Англіи монополіи на всю внѣшнюю торговлю Россіи! Писемскій еще разъ доказалъ свою наивность, не догадавшись, что смѣются надъ нимъ и надъ его государемъ. Онъ сталъ спорить и торговаться изъ-за выраженій документа, какъ будто бы онъ не былъ непріемлемымъ по самому существу. Тамъ предложенія были названы *просьбами*, и царя величали *племянникомъ* королевы. Англійскіе дипломаты соглашались перемѣнить стиль документа, но не условія. Въ апрѣлѣ они пригласили посла на банкетъ, гдѣ присутствовало семнадцать сановниковъ: Эдуардъ Клинтонъ, графъ Линкольнскій, Джоджъ Тальботъ, гр. Шрьюсберійскій, Ѳома Рэдклифъ, графъ Суссэкскій, Амбруазъ Дедлей, графъ Варвикскій, Фрэнсисъ Рессель, графъ Бедфордскій и пр. Королева пила за здоровье Ивана, и, когда пиръ кончился, навязчивому дипломату было сказано, что королева дастъ ему прощальную аудіенцію. Такъ какъ по его словамъ, у него не было инструкціи для принятія англійскихъ предложеній, не лучше ли ему вернуться на родину, чтобы облечься новыми полномочіями?

Несчастный воскликнулъ: «а дѣло о сватовствѣ?» Ему возразили, указавъ на вѣсти о томъ, что у Маріи Нагой отъ государя родился сынъ. И снова Писемскій отговорился незнаніемъ: «Пускай королева такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣритъ; лихіе люди ссорятъ, не хотятъ видѣть добраго дѣла между ею и государемъ». Онъ такъ сердился и волновался, что, въ концѣ-концовъ, Елисавета рѣшилась на комедію— ибо нѣтъ сомнѣнія, что это была комедія—способная обмануть посла и поддержать Ивана въ его иллюзіяхъ. 17-го мая Писемскому было предложено отправиться въ сопровожденіи одного только Робертса, въ лѣтнюю резиденцію канцлера, лорда Бромлей. Этотъ послѣдній встрѣтилъ его торжественно и церемоніально у входа и повелъ въ садъ, гдѣ было приготовлено угощеніе. Вскорѣ группа женщинъ показалась въ одной изъ аллей. Впереди, между лэди Бромлей и лэди Гонтингдонъ шла та, которую посолъ уже называлъ «царской невѣстой». Издали обмѣнялись поклонами, и канцлеръ сказалъ Писемскому, что королева приказала показать ему свою племянницу «не въ комнатѣ, а на открытомъ мѣстѣ, чтобы онъ могъ ее хорошенько разглядѣть». Ему предложили пройтись по парку, чтобы онъ нѣсколько разъ могъ встрѣтиться съ предметомъ своего любопытства. Наконецъ, Бромлей у него спросилъ: «хорошо ли вы ее разсмотрѣли?»—«Я дѣлалъ, что приказано», отвѣтилъ онъ и писалъ въ своемъ донесеніи:

«Княжна Гунтинскъ, Марія Гантисъ (sic) ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе».

Горсей по своему передаетъ эту сцену, которая и въ приведенномъ пересказѣ Писемскаго могла быть уже нѣсколько видоизмѣнена. Англійскій повѣствователь утверждаетъ, что при видѣ «невѣсты», посланникъ въ волненіи сталъ пятиться говоря, что смѣетъ лишь разъ кинуть взглядъ на *ангела*, которому суждено стать женою его государя. Но при этомъ Горсея не было, и надо сказать, что ангелу было ужъ подъ тридцать...

Елисаветѣ вздумалось довести комедію до конца. Она позвала Писемскаго и снова выразила ему свое сожалѣніе, что ея племянница недостаточно красива, чтобы понравиться царю. «Да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?» сказала она. Но русскій посолъ отвѣтилъ:

«Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божіимъ».

И онъ началъ настаивать, чтобы королева открыла ему свои намѣренія на этотъ счетъ. Но уже Елисавета придумала новое средство, какъ оттянуть дѣло: она хотѣла отправить съ Писемскимъ въ Россію одно довѣренное лицо, которому, какъ послу, будутъ даны инструкціи и необходимыя полномочія. Скоро послѣдовала прощальная аудіенція: Писемскій снова выслушалъ не мало лестныхъ рѣчей и банальныхъ увѣреній въ дружбѣ. Королева заявляла, что пропуститъ черезъ свою территорію всѣхъ царскихъ пословъ, которыхъ ему будетъ угодно отправить къ иностраннымъ государямъ, но только не къ папѣ: «Только бы не выдалъ меня вашъ государь папѣ!» будто бы сказала Елисавета. Но, повидимому, и на этотъ разъ Робертсъ оказался невѣрнымъ посредникомъ. Въ половинѣ іюня портретъ Маріи Гастингсъ былъ готовъ. Писемскій и Неудача, послѣ того, какъ они присутствовали на смотру англійскаго флота—онъ состоялъ изъ 24 судовъ съ 70—80 пушками и съ 1000 матросами на каждомъ—отплыли въ Россію. Съ ними ѣхалъ Джеромъ Боусъ, посолъ, назначенный королевой. Хотя она и отправляла дипломата, подающаго надежды, ея выборъ оказался, однако, не особенно удачнымъ.

V.

Соперничество Голландіи и разрывъ.

Боусу предстояла трудная задача: говорить о торговлѣ и только о торговлѣ съ человѣкомъ, который ни о чемъ не хотѣлъ слышать, кромѣ союза политическаго и матримоніальнаго. А. между тѣмъ, торговыя сношенія переживали тяжелый кризисъ. Владѣя номинально своими льготами, или, по крайней мѣрѣ, платя лишь половину пошлинъ, англійскіе купцы видѣли себя принужденными нести побочные поборы, налагаемые произвольно и все возраставшіе. Это происходило благодаря той войнѣ, которую государь желалъ начать съ помощью Англіи, и которая страшно истощала страну. Между тѣмъ, конкурренція другихъ странъ становилась все опаснѣе. Для пополненія опустѣвшей казны, новыя льготы продавались наиболѣе тароватымъ, въ то время какъ умно распредѣляемыми щедрыми подарками голландцы пріобрѣтали неоцѣненныхъ сторонниковъ среди приближенныхъ государя; три главныхъ совѣтчика Ивана—Никита Романовичъ Захарьинъ, котораго преданіе называетъ неподкупнымъ,—Богданъ Бѣльскій и Андрей Щелкаловъ были всецѣло на ихъ сторонѣ. Очень можетъ быть, что въ этой конкурренціи царь видѣлъ средство оказать давленіе на Елисавету и сдѣлать ее болѣе сговорчивой. Дѣйствительно, съ 1578 г. Антверпенскія суда регулярно посѣщали берега Бѣлаго моря. Какъ разъ, въ это время капитанъ Карлейль готовилъ Московской Компаніи записку, гдѣ онъ вычислилъ, что поддержаніе ускользающей монополіи стоило уже 80,000 ф. стерлинговъ; онъ предлагалъ направить на Америку тѣ усилія, которыя, очевидно, окажутся безплодными въ Россіи (A briefe and summary discourse upon the intended voyage to the hithermost parts of America, april 1583, Hakluyt, Collection of the early voyages, III, 228).

Боусъ ничѣмъ не походилъ на Дженкинсона. Онъ былъ высокомѣренъ и рѣзокъ, невѣжливъ и неловокъ, и такъ же ярко воплощалъ въ себѣ всѣ отрицательныя стороны національнаго характера, какъ Дженкинсонъ—положительныя. Онъ началъ съ довольно непріятнаго спора по поводу коня, предложеннаго ему для въѣзда въ столицу: онъ показался ему недостаточно казистымъ. Инструкціи, которыя онъ привезъ съ собою, не могли загладить его неудачное выступленіе. Елисавета не только настаивала на исключительной монополіи; она еще придавала чрезвычайно своеобразный характеръ союзу, который

являлся условіемъ sine qua non для осуществленія этой монополіи. Она соглашалась принять сторону Ивана противъ его враговъ только съ тѣмъ, что она употребитъ всѣ средства, чтобы возстановить миръ. Это значило сказать царю: «вы желаете моей помощи, чтобы отплатить Баторію, хорошо; но я прежде всего сообщу королю о вашихъ намѣреніяхъ».

Относительно этихъ переговоровъ у насъ есть два источника: донесеніе Боуса (Hakluyt, I, p. 458 et suiv,) и протоколы московскаго приказа (Сб. И. Ист. О-ва, XXXVIII, 71 сл.). Оба эти документа противорѣчатъ другъ другу. Сообщая о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ и неизбѣжныхъ непріятностяхъ, англійскій посредникъ хвалится своей удачей по всѣмъ пунктамъ. Иванъ, будто бы, былъ готовъ вернуть подданнымъ королевы всѣ льготы и даже ихъ увеличить. Въ то же время онъ окончательно рѣшилъ искать жену себѣ въ Англіи и, въ случаѣ отказа Маріи Гастингсъ согласенъ остановить свой выборъ на какой-нибудь другой родственницѣ Елисаветы. Онъ съ этою цѣлью готовъ ѣхать въ Лондонъ. Онъ даже выразилъ желаніе ознакомиться съ основными принципами протестантизма, и «predicant» англійскаго посольства Гэмфри Коль, представилъ царю записку, которая была прочтена передъ многолюднымъ собраніемъ, послѣ чего авторъ ея былъ щедро награжденъ. Царь строго наказывалъ тѣхъ изъ своихъ бояръ, которые враждебно смотрѣли на Боуса, и требовалъ отъ нихъ иного отношенія къ англичанину. Наконецъ, вѣнцомъ всѣхъ успѣховъ былъ договоръ, будто бы уже составленный, подписанный и припечатанный; оставалось только вручить его посланнику, какъ вдругъ, неожиданная смерть царя разрушила такъ счастливо завершенное дѣло и, превративъ торжество въ пораженіе обезпечила побѣду противной сторонѣ.

Русская версія совершенно иная. На англійскій ультиматумъ Иванъ, будто бы, отвѣчалъ слѣдующими предложеніями: такъ какъ польскій король, нарушивъ договоръ, отнялъ у царя Полоцкъ и Ливонію, королева должна предложить ему вернуть свои завоеванія, а, буде онъ откажетъ, помочь московскому государю арміей и принудить его къ этому силою. Взамѣнъ она получитъ монополію въ извѣстныхъ гаваняхъ, хотя права брабантскихъ и французскихъ гостей останутся за ними. Король французскій послалъ нѣсколько судовъ въ Кольскую гавань. Онъ ищетъ государевой дружбы и предлагаетъ ему отправить во Францію посольство. Этимъ Иванъ, какъ будто бы, хо-

тѣлъ сказать Боусу: «Смотрите, у насъ нѣтъ недостатка въ выгодныхъ связяхъ!»

Англичанинъ могъ только отговориться отсутствіемъ полномочій. Но тогда русскіе посредники—Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ приступили къ «тайному дѣлу».—«Что скажетъ о немъ Боусъ?»—«Могу сказать одному царю». Ему обѣщали особую аудіенцію, а пока стали говорить о предполагаемомъ союзѣ. Елисавета разрѣшила царскимъ посламъ свободный проѣздъ по своей территоріи, но она желала сдѣлать исключеніе для представителей враждебныхъ ей державъ. Это необходимо было выяснить. Относительно Рима споровъ быть не могло. «Царь не выдастъ королевы папѣ». Со своей стороны, онъ считалъ врагами королей польскаго, шведскаго и датскаго. Теперь надлежало высказаться Боусу, и согласіе тотчасъ же было нарушено.«Императоръ»,будто бы,сказалъ англійскій посолъ,—«врагъ королевы, а король испанскій—другъ, какого можно пріобрѣсти за деньги. Но королю датскому Елисавета послала орденъ Подвязки, что ставитъ его въ число лучшихъ друзей, и то же можно сказать про шведскаго короля». Обратились къ вопросу о монополіи. Въ видѣ послѣдней уступки царь соглашался, чтобы англичане входили въ пять Бѣломорскихъ пристаней. Исключались изъ этого числа Кола, предоставленная французамъ, и Пудожерскъ, при устьѣ С. Двины, гдѣ Жанъ де Валле, на Руси прозванный Бѣлобородымъ, имѣлъ свои склады.

Боусъ запротестовалъ: а гдѣ же были прежнія льготныя грамоты, данныя Московской Компаніи? Ему отвѣчали, что англійскіе гости Томасъ Гловеръ и Родольфъ Риттеръ заслужили государеву немилость тѣмъ, что составляли противъ царя съ его врагами заговоръ и служили имъ доносчиками. Боусъ возразилъ: «Прежній гость Томасъ былъ точно, воръ; а что вы говорите, что вмѣстѣ со шведами пойманы были и англичане, то англійскимъ воинскимъ людямъ вездѣ вольно наниматься. Только ваши французы и брабантцы не возятъ вамъ такого товара, какъ наши...» Настала очередь русскихъ возмущаться. Они какъ разъ жаловались на англійскія сукна. Стали показывать образчики. —«Я въ сукнахъ толку не знаю!» сказалъ Боусъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

Я соединилъ въ одно 25 совѣщаній, которыя ничѣмъ не кончились.

Особая аудіенція была дана 13 декабря 1583 г. Боусъ долженъ былъ

отправиться безъ оружія и свиты, такъ какъ царь приметъ его «съ глазу на глазъ», чтобы говорить о «тайномъ дѣлѣ». Однако, бесѣда «съ глазу на глазъ» происходила въ присутствіи цѣлой дюжины лицъ. Между ними былъ и Борисъ Годуновъ, теперешній царскій любимецъ, въ близкомъ будущемъ—царь. Передъ этими зрителями продолжалась комедія, начатая Елисаветой. Иванъ хотѣлъ знать намѣренія королевы относительно Маріи Гастингсъ, а Боусъ утверждалъ, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы слышать, что будетъ говорить царь. Припертый къ стѣнѣ, посланникъ запутался въ увerткахъ и различныхъ отговоркахъ. «Племянница королевина княжна Марія, по грѣхамъ больна; болѣзнь въ ней великая, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется... Эта племянница королевнѣ всѣхъ племянницъ дальше въ родствѣ, а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ея въ въ родствѣ...» Иванъ прервалъ его съ живостью:

«Кто же это такія?»

Боусъ отвѣчалъ:

«Мнѣ объ этомъ наказа нѣтъ».

На этотъ разъ Грозный не могъ сдержать своего гнѣва. Слѣдуя своей обыкновенной тактикѣ, онъ, чтобы поймать своего противника, прибѣгъ къ диверсіи. Боусъ имѣлъ съ русскими купцами нѣсколько столкновеній, во время которыхъ у него вырвались какіе-то неосторожныя слова. Теперь Иванъ ему объ этомъ напомнилъ, а когда тотъ сталъ отпираться, онъ по обыкновенію, разгорячился. Русскій протоколъ не распространяется объ этомъ эпизодѣ, но Боусъ передаетъ его очень подробно. Меня уже упрекали за то, что я ввожу діалоги въ мои повѣствованія о прошломъ, еще менѣе отдаленномъ, чѣмъ это. Предполагалось, что я могу такимъ образомъ искажать тексты, которыми я пользовался. Если мои критики пожелаютъ обратиться къ документамъ, приводимымъ мною здѣсь, они должны будутъ убѣдиться, что, если я ихъ искажаю, то лишь удаляясь отъ формы діалогической, которая встрѣчается въ нихъ гораздо чаще, чѣмъ думаютъ. Боусъ записалъ въ своемъ докладѣ слѣдующія слова:

Царь, обращаясь ко Боусу: Вы обращались съ моими уполномоченными свысока, чего нельзя допустить, потому что между равными мнѣ государями я знаю такихъ, которые не чета вашей государынѣ.

Боусъ. Моя повелительница такая же великая государыня, какъ любой христіанскій государь, она равна считающимъ себя наиболѣе сильными и можетъ преодолѣть всѣхъ.

Царь. Вы говорите о короляхъ Франціи и Испаніи?

Боусъ. Конечно. Я думаю, королева можетъ считать себя равною имъ.

Царь. А императору?

Боусъ. Король, отецъ моей повелительницы, нѣкогда держалъ императора на жалованьѣ, во время своихъ войнъ съ Франціей...

Если вѣрить посланнику, эти слова привели Ивана въ такую ярость, что онъ даже погрозился, что велитъ выкинуть своего гостя въ окошко. Боусъ будто бы возразилъ ему, что царь воленъ дѣлать, что хочетъ, но что королева Англіи умѣетъ мстить за обиды, наносимыя ея представителямъ. Вслѣдъ за этимъ, Грозный грубо приказалъ удалиться своему смѣлому собесѣднику, а когда тотъ вышелъ, отозвался о немъ съ похвалою, говоря, что желалъ бы имѣть такихъ слугъ.

Русскіе тексты объ этомъ умалчиваютъ. По ихъ словамъ, начался споръ изъ за того, что Боусъ сталъ отпираться отъ своихъ дерзкихъ словъ, за которые его упрекали русскіе гости, но царь положилъ конецъ препирательствамъ пространной рѣчью. Онъ говорилъ о томъ, какъ началась торговля съ Англіей, почему пришлось отнять у нея часть дарованныхъ раньше особыхъ льготъ, почему нельзя ихъ вернуть. Англійскіе подданные не достаточно хорошо и обильно обслуживаютъ русскіе рынки. Иванъ снялъ съ руки перстень и увѣрялъ, что де-Валле взялъ за него только 60 рублей, а за большой изумрудъ на шапкѣ—только тысячу. А перстню цѣна не меньше 300 рублей изумрудъ же стоитъ тысячъ сорокъ, если не больше; Боусъ принужденъ былъ согласиться. Черезъ Писемскаго царь наказалъ привезти суконъ, высокаго качества шелковыхъ тканей, и кружевъ. Кружевъ онъ такъ и не получилъ, а сукна, равно какъ и шелкъ, никуда не годились. Польскіе были лучше. По знаку государя принесли ткани. Щупая ихъ и сравнивая, Иванъ продолжалъ разглагольствовать. Боусъ снова отговорился тѣмъ, что онъ въ этомъ толку не знаетъ. И какую это дружбу предлагала королева, желая, чтобы торговали только съ нею и соглашаясь заключить съ нимъ союзъ только на словахъ!

Посолъ могъ только ссылаться на свои инструкціи, и новое, еще болѣе конфиденціальное свиданіе, опять ни къ чему не привело. Оно происходило черезъ пять дней, 18 декабря, и на немъ не присутствовалъ никто изъ бояръ, кромѣ Трубецкого, Захарьина, Бѣльскаго, Щелкалова и Фролова, да и тѣ стояли въ другомъ концѣ горницы

у печки. Между тѣмъ черезъ Джска Робертсонъ, который, вѣроятно, служилъ переводчикомъ при всѣхъ этихъ свиданіяхъ, Иванъ получилъ извѣщеніе, что Боусъ, будто бы, желаетъ говорить съ нимъ безъ всякихъ свидѣтелей. Посолъ сталъ отказываться отъ своихъ словъ. Онъ де только сказалъ, что, будучи посломъ у французскаго и другихъ государей, онъ съ ними о важныхъ дѣлахъ говорилъ наединѣ безъ постороннихъ лицъ.

— Намъ не образецъ французское государство —ворчалъ Иванъ.— Что съ тобою сестра наша наказала про сватовство, то ты и говори.

— Я слышалъ, что государыня наша, Елисавета королевна, мимо всѣхъ государей хочетъ любовь держать къ тебѣ; а я тебѣ хочу служить и службу свою являть.

— Ты скажи именно, кто племянницы у королевны, дѣвицы, и я отправлю своего посла ихъ посмотрѣть и портреты снять...

— Я тебѣ въ этомъ службу свою покажу.

Я привожу здѣсь русскую версію. Судя по этому документу, Боусъ отпирался отъ своихъ прежнихъ словъ и увѣрялъ, что онъ ничего не говорилъ о другихъ родственницахъ Елисаветы, которыхъ царь могъ предпочесть Маріи Гастингсъ. Онъ то лгалъ, то ссылался на свои наказы, то принималъ таинственный видъ и давалъ понять, что скоро онъ сумѣетъ угодить государю, только «не пришло еще его время». Онъ испрашивалъ разрѣшенія послать въ Англію по сухому пути гонца за болѣе широкими полномочіями; онъ поднималъ пустые споры изъ-за качества и количества отпускаемыхъ ему припасовъ, требовалъ до 10 пудовъ (160 клгр.) масла въ день; просилъ царя, чтобы онъ «manu propria» строго наказалъ Щелкалова, который навлекъ на себя неудовольствіе посла. Наконецъ, Грозный обратился къ нему съ рѣчью, состоявшей изъ пяти частей и законченной такъ: «Неученый ты человѣкъ! Какъ къ намъ пришелъ, то посольскаго дѣла ничего не дѣлалъ».

Казалось бы, что послѣ этого говорить больше не о чемъ. Но Иванъ слишкомъ привязался къ своей идеѣ. Онъ съ упрямствомъ маніака преслѣдовалъ ускользающую мечту, снова призывалъ Боуса для конфиденціальныхъ разговоровъ и все повторялъ ему тѣ же самые доводы. Онъ говорилъ, что Боусъ упоминалъ о десяти или двадцати дѣвицахъ, между которыми можно выбрать царю невѣсту, а именъ ихъ назвать не хочетъ. Но безымянно кто сватается? Вѣрно, въ Англіи

24

больше тысячи невѣстъ, межъ ними не мало стряпухъ. Не ко всѣмъ же имъ свататься?

Эти разговоры, постоянно возобновлявшiеся въначалѣ 1584 г., кончились 14 февраля новымъ сильнымъ столкновенiемъ, судя по русскому тексту. Боусъ предложилъ взять съ собою посла, котораго царь отправилъ ко французскому двору, но настаивалъ на данномъ ему обѣщанiи: королева приказала ему ѣхать сухимъ путемъ.

— Чтобъ продать меня недругамъ? вскричалъ Иванъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Не потерплю этого!

Съ потерей Ливонiи ѣхать сухимъ путемъ, значило ѣхать черезъ Польшу.

Овладѣвъ собою, но еще гнѣваясь, Иванъ сказалъ, что, такъ какъ Боусъ прiѣхалъ не съ серьезными намѣренiями, то можетъ съ тѣмъ же и уѣхать, его сейчасъ же отпустятъ.

Боусъ уже зналъ, какъ относиться къ этимъ вспышкамъ гнѣва, и, даже по свидѣтельству русскаго протокола, ничуть не оробѣлъ. Его и не подумали отпустить, и черезъ три дня онъ былъ позванъ присутствовать при чтенiи проекта договора, гдѣ царь излагалъ minimum своихъ требованiй и желанiй. Мы можемъ судить о содержанiи документа только по тѣмъ возраженiямъ, которыя сдѣлалъ на него Боусъ. Коротко говоря, Иванъ желалъ заключить наступательный союзъ, чтобы вернуть Ливонiю. Посолъ, какъ всегда, отвѣчалъ уловками. Его повелительница набожна и не гонится за побѣдами. Она не взяла ни Нидерландовъ, которыя ей отдавались, ни Францiи, которая охотно признала бы ея власть...

— Дѣло не въ побѣдахъ!—возразилъ царь.—Ливонiя наша старинная вотчина...

— Вѣрно ли такъ?

Иванъ вскипѣлъ.

— Мы сестру свою, Елисавету королевну, не въ судьи просимъ между нами и польскимъ королемъ!..

На этотъ разъ прощальный прiемъ былъ назначенъ на 20 февраля. Онъ былъ отложенъ изъ за болѣзни государя, а 18 марта, Щелкаловъ велѣлъ сказать Боусу, что «его англiйскiй царь померъ». Какъ это было и съ Рондольфомъ, англiйскiй посолъ очутился плѣнникомъ въ своемъ домѣ и сталъ терпѣть всевозможныя обиды. Такъ продолжалось до мая, когда сынъ Ивана отослалъ его обратно въ Англiю съ

письмомъ, гдѣ не было рѣчи ни о союзѣ, ни о какихъ-либо льготахъ для англійскихъ гостей.

По увѣренію Горсея, Щелкаловъ и другіе враги посла замышляли на его жизнь и только вмѣшательство его соотечественника предупредило катастрофу. Но, вѣроятно, Горсей, просто хвастался. Настоящимъ государемъ былъ въ то время Борисъ Годуновъ, и мы знаемъ, что, хотя и тайно, но онъ отправилъ Боусу отъ себя подарокъ съ увѣреніемъ въ преданности. Но, несмотря на самохвальство Боуса, на правомъ берегу С. Двины, въ сосѣдствѣ со стариннымъ монастыремъ, уже росъ молодой городъ и укрѣплялась новая гавань. Голландцы сами указали имъ мѣсто, гдѣ они обѣщали Россіи создать новую Нарву. Сначала, исключительно съ ихъ помощью, здѣсь сконцентрировалась вся морская торговля Россіи, окончательно освободившаяся отъ англійской монополіи. Это былъ Архангельскъ. Англичане попали туда значительно позже, и заняли второе мѣсто. Побѣда въ этой борьбѣ, повидимому, неравной, осталась за Голландіей, что и отозалось впослѣдствіи на исторіи Петра Великаго.

Въ 1838 г. графъ Віельгорскій, будучи въ Италіи и собирая тамъ старинные предметы для возникающаго русскаго музея, наткнулся на портретъ Ивана, хорошо написанный и сохранившійся, который, вѣроятно, былъ посланъ въ Лондонъ въ 1570 г. (Рус. арх. 1888, I, 123). Единственный образчикъ русскаго искусства XVI в. этотъ портретъ принадлежалъ русскому консулу въ Генуѣ г. Смирнову, который купилъ его у одного лондонскаго антикварія. Къ сожалѣнію, я не могъ узнать, что сталось съ этимъ полотномъ. Если портретъ является дѣйствительно подлиннымъ то онъ драгоцѣненъ какъ для исторіи русскаго искусства, такъ и для исторіи оригинальнаго дипломатическаго эпизода, съ которымъ я только что познакомилъ своихъ читателей. Ни русскіе, ни англійскіе источники ни однимъ словомъ не упоминаютъ о портретѣ царя, отправленномъ въ Англію.

Итакъ, мы видѣли, что Иванъ страстно желалъ заключенія союза съ Англіей—прежде всего, подъ вліяніемъ душевнаго перелома, а затѣмъ—благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ, угрожавшимъ его политикѣ и счастью. Перехожу къ повѣствованію объ этой послѣдней порѣ его царствованія *).

*) Документы, относящіеся къ путешествіямъ Ченслера и его продолжателей, находятся въ коллекціи *Hakluyt*, Voyages, London, 1809. См. также *Forster*, Gechichte der Entdeckungen im

Norden, Francfurt, 1784; *Barrow*, A chronological History of voyages, London, 1818. — По сношеніямъ между Москвою и Лондономъ— капитальный трудъ *Толстого*, Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей, СПБ., 1875, I т. Сочиненіе *Hamel*, напечатанное въ СПБ., 1847 г. подъ оригинальнымъ названіемъ: Tradescaut der aeltere 1618 in Russland, и переведенное на англійскій языкъ— *Leigh*, England and Russia, London, 1854, въ данное время не представляетъ почти никакого интереса. То же можно сказать и про второй трудъ этого же автора, посвященный торговымъ и политическимъ сношеніямъ между Англіей и Россіей въ XVI и XVII вв., СПБ. 1845. Документы находятся въ Сборникѣ И. Имп. О-ва, XXXVIII, въ коллекціи Hakluyt и въ Сѣверномъ Арх., 1882, I. См. кромѣ того повѣствованія *Горсея* и книгу *Флетчера*—Russia at the close of the XVI Century, London, 1856. По сношеніямъ съ Нидерландами, кромѣ упомянутаго изслѣдованія *Кордта*, *Wassenaer* Historisch verhal aller gedencwaerdigen Geschiedenissen, VIII. — По исторіи Московской Компаніи *Cawston* and *Keane*, The early chartered Companies London, 1896; *Hewins*, Englisch trade and finance, London, 1892. — О Дженкинсонѣ см. *Deimar-Morgan*, Eerly voyages... to Russia, Lon., 1886.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

ГЛАВА I.

Польское нашествіе. Баторій.

I. Баторій. II. Столкновеніе. III. Польская армія. IV. Московская армія. V. Взятіе Полоцка. VI. Поляки въ Московскомъ царствѣ. VII. Дипломатическое посредничество. VIII. Осада Пскова.

I.

Баторій.

Съ 1572 г. фиктивно избирательная польская монархія стала таковой въ дѣйствительности, и съѣзды на полѣ Воля сдѣлались мѣстомъ азартной игры. Въ этой игрѣ принимала участіе вся Европа. Но на протяженіи 2-хъ вѣковъ игрокамъ всего одинъ разъ удалось выбрать настоящаго короля. Этотъ король явился незнакомцемъ. Чистой венгерской расы какъ по своему отцу, Стефану Баторію Сомліо, такъ и по своей матери, Катеринѣ Телегда, Баторій происходилъ изъ хорошаго дворянскаго рода. Онъ съ честью служилъ въ императорскихъ войскахъ и еще съ большимъ успѣхомъ подвизался за дипломатическими кулисами Вѣны и Константинополя. Его служба шла такъ удачно, что уже 38 лѣтъ отъ роду, въ 1571 году, онъ сдѣлался воеводой Трансильваніи благодаря расположенію султана и императора. Въ Польшѣ очень мало знали объ этомъ иностранцѣ. Онъ слылъ за хорошаго правителя маленькой страны. Позже утверждали, что онъ учился въ Падуанской академіи, гдѣ послѣдній изъ его преемниковъ на тронѣ Ягеллоновъ въ 1789 г. поставилъ ему памятникъ—посред-

ственное творенie Карло или Феррари. Вновь избранный король не зналъ по-польски. Онъ либо говорилъ со своими подданными по-латыни, либо молчалъ. Послѣднее стоило еще большого въ странѣ, гдѣ всѣ говорили черезчуръ много. На выборахъ 1575 года онъ былъ кандидатомъ султана противъ кандидата императора. Какъ извѣстно, Иванъ устранился отъ выборовъ. Что же касается сына Максимилiана, то его избранie обѣщало союзъ съ Австрiей, противъ турокъ. Вести ли войну противъ Турцiи въ союзѣ съ Австрiей или же противъ Москвы, если не съ поддержкой, то, по крайней мѣрѣ, при нейтралитетѣ Порты—вотъ какова была дилемма. Однако польскie избиратели, поглощенные своими дѣлами, раздѣлились подъ влiянieмъ другихъ соображенiй. Аристократiя поддерживала Максимилiана, такъ какъ онъ могъ предложить ей титулы и деньги. Мелкое дворянство стояло за венгерца, такъ какъ мечтало, что эта ничтожная фигура будетъ ея королемъ и рабомъ. Шляхта думала, что ея избранникъ будетъ управлять при помощи, или же она безъ его участiя поведетъ борьбу противъ олигархiи магнатовъ.

Оказалось, что этотъ неизвѣстный кандидатъ хотѣлъ быть королемъ всѣхъ, и что онъ умѣлъ добиваться того, чего хотѣлъ. Онъ началъ съ того, что появился въ Варшавѣ раньше своего противника. Это было легко сдѣлать, такъ какъ Максимилiанъ не могъ торопиться безъ большого риска. Его подстерегали турки. Смерть императора, послѣдовавшая въ октябрѣ 1576 года, сдѣлала Баторiя единственнымъ кандидатомъ. Ему оставалось разобраться въ томъ положенiи, въ которомъ Генрихъ Валуа даже и не пытался орiентироваться. Бывшiй воевода Трансильванiи неожиданно обнаружилъ вѣрный взглядъ и несравненное умѣнie управлять. Согласно портрету, нарисованному въ 1538 году неизвѣстнымъ художникомъ и хранимому въ костелѣ отцовъ миссiонеровъ въ Краковѣ, по внѣшности онъ былъ настоящимъ мадьяромъ: т. е. плотенъ, невысокаго роста, съ выдающимися скулами, длиннымъ носомъ и низкимъ лбомъ. Лицо его массивно, энергично и сурово. Никакой заботы о внѣшности, никакого изящества. Взглядъ неопредѣленный и дикiй. Ведя постоянно простой образъ жизни, какъ по необходимости, такъ и благодаря своимъ вкусамъ, новый король ни минуты не думалъ оставить свои привычки и не представлялъ себѣ, что его короновали для того, чтобы онъ пожилъ въ свое удовольствie. Было отмѣчено, что онъ не носилъ перчатокъ; разсказывали также, что, обуваясь по-польски, онъ прене-

брегалъ чулками, употребленіе которыхъ распространялось въ то время. Его здоровье было неважно. Онъ страдалъ уже давно какой-то таинственной болѣзнью, которая ускорила, видимо, его смерть. На лѣвой ногѣ у него была рана, которая никогда не закрывалась; и такъ какъ эта болѣзнь прогрессировала, то многіе вспоминали, что еще при императорскомъ дворѣ этотъ человѣкъ, на видъ столь здоровый, страдалъ припадками апоплексіи или эпилепсіи. Врачи того времени плохо различали болѣзни. Впрочемъ, прибывъ въ Польшу, новый король не обнаружилъ никакой болѣзненности. Онъ заставилъ работать своихъ секретарей, самъ же цѣлый день проводилъ на конѣ и на досугѣ показалъ себя неустрашимымъ охотникомъ.

Въ моральномъ отношеніи Баторій представлялъ любопытную смѣсь гибкости и твердости, самодержавныхъ замашекъ и либерализма, жестокости и мягкости. Tace nebulo! крикнулъ онъ, схватившись за саблю, одному депутату сейма, возвысившему голосъ. Тотъ же жестъ повторилъ онъ со словами «Docebo istum regulum» по поводу непріемлемыхъ претензій шведскаго короля. Вопреки обычаямъ, онъ осудилъ и приказалъ обезглавить одного буйнаго дворянина, принадлежавшаго къ вліятельнѣйшей польской фамиліи. На всѣ просьбы и угрозы: «canis mortuus non mordet», повторялъ онъ непреклонно: plectatur!

Съ возмутившимися казаками онъ поступилъ такъ, какъ сдѣлалъ бы самъ Иванъ Грозный. Онъ приказалъ казнить ихъ десятками, и, какъ передаютъ, трупы ихъ разрубать на части. Однажды, во время аудіенціи, данной одному иностранцу, его разсердила собака; ударомъ сапога, на которомъ была надѣта шпора, онъ швырнулъ ее въ противоположный конецъ комнаты. Но со своимъ, увѣнчаннымъ тюрбаномъ, сюзереномъ онъ умѣлъ соблюдать самое мягкое обращеніе. Выражая сочувствіе протестантизму въ Трансильваніи, онъ былъ ярымъ католикомъ въ Польшѣ. Онъ устроилъ такъ, что избирательному сейму его представилъ аріанецъ Бландрата. Послѣ же избранія въ короли, совѣтниками его стали іезуиты. Въ своемъ королевствѣ онъ хотѣлъ быть господиномъ. При этомъ онъ не дѣлалъ разницы между польскимъ старостой и евреемъ, хотя царствованіе его и относится еще къ XVI вѣку. Онъ думалъ уничтожить барщину и замѣнить наказаніе кнутомъ денежнымъ штрафомъ. На поляхъ сраженія ему случалось жаловать дворянствомъ простыхъ крестьянъ. Этотъ человѣкъ, строгій къ другимъ и къ себѣ, въ то же время былъ нѣженъ, даже сентимента-

ленъ и способенъ былъ заболѣть отъ огорченія при потерѣ друга. При дворѣ, который итальянизировался при послѣднихъ Ягеллонахъ, въ странѣ, широко охваченной умственными теченіями вѣка, онъ сначала производилъ впечатлѣніе простого крестьянина. Но, придя въ соприкосновеніе съ новой средой, онъ тотчасъ же сталъ во главѣ просвѣщеннѣйшихъ государей эпохи, хотя и совершенно отказался отъ утонченностей, чуждыхъ его темпераменту и его характеру. Онъ былъ основателемъ виленской академіи, сторонникомъ и проводникомъ календарной реформы, организаторомъ почты и финансовъ, создателемъ новой судебной организаціи.

Сверхъ всего этого онъ, дѣйствительно, управлялъ страной. Онъ внесъ порядокъ въ механизмъ, который начиналъ портиться. Такимъ образомъ, чуждый странѣ по расѣ, языку и нравамъ, Баторій превосходно представлялъ Польшу въ ея живыхъ силахъ,—Польшу XVI вѣка, которая была и остается—я надѣюсь никого не оскорбить этимъ утвержденіемъ—высшимъ историческимъ выраженіемъ славянской расы, какое только было извѣстно міру до сего времени. Это была страна, подорванная уже анархіей, но еще не истощенная матеріально, какъ она доказала это скоро великимъ и грознымъ подъемомъ. Морально она была еще способна къ благороднымъ завоеваніямъ человѣческаго духа. Это была страна замѣчательныхъ солдатъ, вдохновенныхъ поэтовъ, увлекательныхъ политическихъ писателей и ораторовъ, поднимавшихся до вершинъ свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія. Страна, гдѣ Фрицъ Моджевскій, провозглашая въ программѣ соціальной реформы всеобщее равенство правъ, опередилъ всѣхъ публицистовъ эпохи, гдѣ Кохановскій соперничалъ по увлекательности и изяществу съ Ронсаромъ, а Скарга предвосхищалъ Боссюэта. Иностранецъ по происхожденію и грубый съ виду, Баторій былъ истиннымъ представителемъ этой страны благодаря своему генію. Именно, какъ представитель дѣйствительныхъ интересовъ Польши, онъ подготовилъ борьбу съ Москвой прежде всего изъ-за Ливоніи, а затѣмъ ради самого существованія государства. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ сумѣлъ понять, что Польша, какою онъ ее видѣлъ, эта цивилизованная, гражданственная, либеральная, и въ то же время буйная страна, проникнутая католицизмомъ, должна поглотить свою великую сосѣдку и навязать ей свою культуру и свой политическій строй, если не вѣру; въ противномъ случаѣ ей самой предстояло быть поглощенной и подчиниться чужимъ порядкамъ.

Одновременное существованіе двухъ великихъ славянскихъ государствъ, двигающихся по различнымъ орбитамъ и независимо другъ отъ друга, если и не въ противорѣчіи, развивающихъ свои силы, пожалуй, и не было невозможностью. Но для этого надо было, чтобы Польша Пястовъ и Ягеллоновъ развивалась въ согласіи со своимъ происхожденіемъ, т.-е. чтобы, оставаясь въ сторонѣ отъ Запада, она притягивала къ себѣ западныхъ и южныхъ славянъ. Однако, вытѣсненная отсюда германскимъ Drang nach Osten, она направила свою дѣятельность на Востокъ. Она основала большое государство полупольское, полу-русское, полу-католическое, полу-православное. Она соединила въ себѣ элементы монархіи и республики, цивилизацію и варварство.

Въ этой сферѣ была одна орбита и два центра притяженія, было два государя Всея Руси для одной державы.

Баторій, сѣвши на польскій тронъ, долженъ былъ подавить возстаніе Данцига. Онъ обладалъ извѣстной опытностью въ осадныхъ войнахъ; однако, въ этой кампаніи онъ не обнаружилъ блеска. Поляки еще не были въ его рукахъ. Впрочемъ, оспариваютъ его права на почетное мѣсто среди великихъ полководцевъ времени. Конечно, ошибочно ему приписываютъ изобрѣтеніе каленыхъ ядеръ, примѣненіе которыхъ у Данцига дало, помимо всего, ничтожные и въ лучшемъ случаѣ посредственные результаты. По Мейнерту (Geschichte des Kriegwesens, I, 370) употребленіе этихъ снарядовъ восходитъ, по меньшей мѣрѣ, къ первымъ годамъ XV вѣка. Можетъ быть, какъ то утверждаетъ одинъ изъ біографовъ короля, Альбертранди, польская армія обязана Баторію усовершенствованными образцами пушекъ и полезными измѣненіями въ обмундировкѣ и вооруженіи кавалеріи. Но безспорно, что въ теченіе его царствованія была создана военная организація казаковъ. Въ 1576 году онъ создалъ королевскую гвардію, а въ 1578 сформировалъ пѣхоту, при помощи рекрутскаго набора въ королевскихъ владѣніяхъ. Эти дѣянія являются болѣе вѣрнымъ основаніемъ его военной славы. Присоединивъ къ созданному имъ войску значительное количество иностранныхъ полковъ, венгерскую пѣхоту и нѣмецкую кавалерію, Баторій произвелъ въ своемъ новомъ отечествѣ революцію, которая уже ранѣе измѣнила на Западѣ основы военнаго могущества и даже военнаго искусства. Онъ далъ Польшѣ постоянную армію, вооруженную и обученную по-европейски. Наконецъ, три войны, приведшія его въ сердце Московскаго царства, при-

знаны спеціалистами за столь же удачно задуманныя, какъ и выполненныя. Конечно эти кампаніи имѣютъ нѣсколько слабыхъ мѣстъ. Однако, если и пытались ограничить во всемъ этомъ роль его личной иниціативы, то это было неудачной затѣей. Баторій, можетъ быть, не обнаружилъ высшихъ талантовъ, но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, ему не позволяла развернуть ихъ тактика, принятая Иваномъ. Истинная же его заслуга заключалась въ томъ, что онъ, дѣйствительно, былъ главою дѣла, съ даромъ, инстинктомъ, съ геніемъ руководителя. Наконецъ, пріемы, примѣненные имъ, чтобы обезпечить всѣ возможныя выгоды въ борьбѣ съ московскимъ государемъ, которую онъ считалъ неизбѣжной, можно разсматривать, какъ высшее обнаруженіе искусства.

II.

Столкновеніе.

Въ это столкновеніе оба врага шли съ одинаковой рѣшимостью. До смерти Максимиліана Иванъ, отправляя въ Вѣну гонца за гонцомъ, упорно держался плана, начертаннаго въ Можайскѣ. Послѣ смерти императора Иванъ выпроводилъ оба посольства, которыя Баторій, для выигрыша времени, отправилъ къ царю одно за другимъ, и рѣзко пресѣкъ переговоры, предъявивъ невозможныя требованія. Заявляя притязанія на Кіевъ послѣ Витебска, какъ навѣрное потомъ онъ потребовалъ бы Варшавы, Иванъ думалъ только, какъ бы воспользоваться преимуществами, достигнутыми уже въ Ливоніи. Въ мартѣ 1578 года царь согласился подписать новое перемиріе на три года. Однако, остановка враждебныхъ дѣйствій, очевидно, не относилась къ территоріи, гдѣ обѣ стороны чувствовали себя дома. Такое, именно, отношеніе было къ Ливоніи и съ той, и другой стороны. Болѣе того—въ русскій текстъ договора Иванъ приказалъ произвольно включить одну статью, которая запрещала полякамъ вмѣшиваться въ Ливонскія дѣла.

Результаты всего этого были таковы, что уже весной того же года произошло столкновеніе изъ-за обладанія Венденомъ. Иванъ отправилъ сюда армію въ 18,000 человѣкъ. По его мнѣнію, этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы взять верхъ надъ полками Ходкевича и Сапѣги, не столь многочисленными и, какъ мы знаемъ, лишенными до

той поры всего необходимаго. Когда явился новый посолъ отъ Баторія, царь приказалъ ему подождать: «скоро будутъ вѣсти изъ Ливоніи». Вѣсти пришли, и Иванъ узналъ, что кое-что измѣнилось въ Варшавѣ.

Въ началѣ своего царствованія Баторій поторопился отправить въ Стокгольмъ каштеляна Санокскаго Ивана Гербурта, который привезъ ему изъ Швеціи оборонительный и наступательный договоръ въ цѣляхъ захвата Ливоніи.

Теченіе Наровы должно было служить линіей раздѣла между захваченными уже владѣніями и тѣми, которыя будутъ пріобрѣтены послѣ этого. Поляки, подъ начальствомъ Андрея Сапѣги, и шведы, подъ командой Боэ, объединились и, заставивъ московскихъ военачальниковъ принять бой въ открытомъ полѣ, лишній разъ доказали свое превосходство въ такихъ сраженіяхъ. Въ этомъ сраженіи пало четыре воеводы, четверо было взято въ плѣнъ, въ русскомъ станѣ было убито 6.000 человѣкъ, при чемъ пушкари Ивана задушили себя на своихъ пушкахъ. Таково было донесеніе, полученное царемъ. Только его татарская конница подъ начальствомъ Голицына избѣгла этого разгрома. По польскимъ источникамъ, Голицынъ ускорилъ пораженіе, обратившись въ бѣгство. Съ собою онъ увлекъ нѣкоторыхъ знатныхъ своихъ соратниковъ: вмѣстѣ съ нимъ бѣжали старый воинъ, окольничій Ѳедоръ Шереметьевъ и довѣренный царя, дьякъ Щелкаловъ. Послѣ этого не могло болѣе быть и рѣчи ни о перемирьи, ни о переговорахъ. Иванъ отпустилъ польскаго посла Гарабурду, по-своему взявъ съ него реваншъ. Еще по восшествіи на престолъ Баторія онъ отказался называть его братомъ. «А если бы вы захотѣли избрать Ивана Костку», говорилъ онъ полякамъ, «что же и его я долженъ былъ бы величать братомъ?»— Костка былъ простой дворянинъ. «Что такое вашъ трансильванскій князь?» говорилъ онъ также. «Никто до сего времени не слышалъ ни слова объ этомъ княжествѣ». Въ этомъ родѣ Гарабурда услышалъ отъ царя много ѣдкихъ словъ. Въ то время послы царя, Карповъ и Головинъ, были въ Варшавѣ. Баторій ихъ третировалъ, слѣдуя примѣру Ивана. Согласно протоколу, на ихъ пріемѣ Баторій не всталъ и не спросилъ у нихъ вѣстей о ихъ государѣ. Послѣ этого послы объявили, что не могутъ выполнить возложенную на нихъ миссію. Кромѣ того, они видѣли, что страна охвачена воинственнымъ воодушевленіемъ. Собравшійся 19 января 1578 года сеймъ вотировалъ на

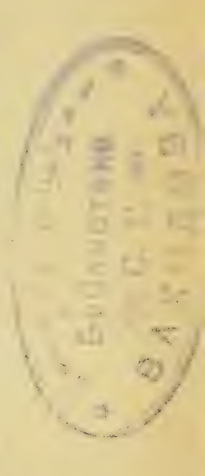
2 года экстраординарный налогъ. Доходъ съ него исчисляли въ 800 тысячъ и даже 1,200,000 флориновъ. Конечно, это было немного. Ежегодный расходъ на содержаніе въ Нидерландахъ испанской арміи въ ту же эпоху поднимался до 7,000,000 дукатовъ (Philippson O. cit. p. 200). Однако, Рѣчь Посполитая никогда до сего времени не шла на такія жертвы, и если бы поступленія соотвѣтствовали сдѣланнымъ исчисленіямъ, этого было бы достаточно. Однако, эти исчисленія не оправдались. Но Баторій сумѣлъ и подчинить своей волѣ сеймъ, и добыть денегъ. Не дѣлая большихъ личныхъ расходовъ, онъ могъ обратить въ военную казну всѣ доходы со своихъ помѣстій. Онъ нашелъ кредитъ за границей, а, получивъ деньги, нашелъ и людей.

III.

Польская армія.

Польская знать представляла отличный матеріалъ для кавалеріи, которая только что доказала свои достоинства подъ Венденомъ. Однако, было вѣроятно, что русскіе воспользуются новымъ опытомъ и будутъ ждать поляковъ подъ защитой своихъ крѣпостей. Что касается польской пѣхоты, то, по свидѣтельству польскаго историка, Длугоча, можно заключить о ея существованіи съ начала XV вѣка. Однако, эта незначительная войсковая часть едва достигала 2,000 человѣкъ, и была вооружена только пиками. Баторій далъ ей болѣе современное вооруженіе: мушкеты, сабли и топоры, а также утроилъ ея численность, призвавъ въ свои ряды крестьянъ, принадлежащихъ коронѣ. Тотъ, кто шелъ добровольно, освобождался отъ всѣхъ повинностей. Въ добровольцахъ не было недостатка. Они отличались большой храбростью, а нѣкоторые изъ нихъ обнаружили чудеса героизма. Кромѣ того, король имѣлъ около 5,000 человѣкъ венгерской пѣхоты, польскій отрядъ, обмундированный по венгерски и составленный изъ нестроевыхъ, и еще одинъ отрядъ, набранный изъ рядовъ знати. Эти силы онъ подкрѣпилъ различными вспомогательными отрядами того же оружія: нѣмцами, организованными въ большіе карре, шотландцами, казаками. Въ кавалерію онъ ввелъ нѣмецкихъ и польскихъ пищальниковъ. Общее количество такъ организованнаго войска, вклю-

чая литовскія силы, не превышало 20,000 человѣкъ. Надо отмѣтить, что, несмотря на извѣстное стремленіе къ самостоятельности, Литва, по крайней мѣрѣ, ея знать, наполовину русская и православная, въ этой войнѣ была всѣмъ сердцемъ на сторонѣ Баторія. Съ этимъ согласны даже русскіе историки (*Лаппо* Великое княжество Литовское въ 1569—1586 гг. Петербургъ 1901 г., стр. 179). Братскій народъ далъ то, что онъ имѣлъ: нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые представляли неоцѣненную силу—особенно въ зимнее время. Лучше перенося ужасный климатъ, съ которымъ должна была бороться польская армія, а также менѣе удаленные отъ своихъ очаговъ, литовцы представляли серьезный противовѣсъ дезорганизаціи главной арміи. Эта армія была лишь горстью людей, но она была первой арміей такого рода и такого качества въ славянской землѣ. Въ ней въ большомъ количествѣ были чужеземцы, но въ XVI вѣкѣ въ этомъ не было ничего исключительнаго. Въ сраженіи при Дрё армія Гиза насчитывала въ своихъ рядахъ 12,000 нѣмцевъ, швейцарцевъ и испанцевъ при 6,000 французовъ. Такой же составъ былъ и въ арміи противниковъ.

Слабое мѣсто поляковъ въ этой и послѣдующихъ войнахъ было сильной стороной ихъ противниковъ. Мы имѣемъ въ виду артиллерію. Какъ ни старался Баторій набрать въ Германіи и даже Италіи литейщиковъ пушекъ, какъ ни просилъ онъ у Курфюрста Саксонскаго осадныхъ орудій и артиллерійскихъ матеріаловъ, его артиллерія все время была недостаточной, а количество артиллеристовъ въ 1580 году не превышало 73 человѣкъ, въ слѣдующемъ же году оно упало до 20.

Послѣ этихъ расчетовъ ясно, что королю надо было много смѣлости, чтобы начать кампанію, которую онъ имѣлъ въ виду, съ такими средствами. Вѣдь дѣло шло уже не о повтореніи Венденскаго сраженія и не о продолженіи въ Ливоніи обманчивыхъ враждебныхъ дѣйствій. Въ этой странѣ, истощенной пятнадцатилѣтней непрерывной войной, земля уходила изъ-подъ ногъ соперниковъ. Призрачныя арміи оспаривали тамъ призрачныя побѣды. Въ этой пустынѣ, усѣянной развалинами, не было никакой возможности добиться въ будущемъ опредѣленнаго успѣха и даже вести болѣе или менѣе продолжительную кампанію. Сигизмундъ-Августъ уже въ 1562 году разсудилъ, что ключъ отъ этой провинціи въ другомъ мѣстѣ, что его надо искать въ Москвѣ, напавъ на главнаго соперника въ его жилищѣ. Но у него не было средствъ, чтобы выполнить этотъ смѣлый наступательный планъ.

Теперь на это рѣшился Баторій; онъ задумалъ сдѣлать нашествіе на Москву въ этой рѣшительной борьбѣ, гдѣ ставка превысила первоначальный предметъ спора.

Борясь за Ливонію, на самомъ дѣлѣ, боролись изъ-за власти надъ сѣверовостокомъ, изъ-за захвата или сохраненія гегемоніи надъ славянскимъ міромъ.

Въ этомъ предпріятіи Польша могла разсчитывать только на самое себя. Швеція заключила съ ней союзъ только для Ливоніи и въ Ливоніи. Въ новомъ планѣ Баторія она видѣла лишь средство развязать себѣ руки. Стремясь держаться только буквы договора, они намѣревались безъ участія Польши сдѣлать свое дѣло. Предупрежденная Данія также уклонилась: ея отношенія съ Иваномъ становились миролюбивыми. Ханъ предложилъ свою помощь. Онъ обѣщалъ двинуть своихъ татаръ въ августѣ 1578 г. и тѣмъ не менѣе не пошевелилъ пальцемъ. Баторій посвятилъ въ свой проектъ великаго визиря Магомета Соколли, но знаменитый полководецъ далъ ему обезкураживающій отвѣтъ: царь страшенъ и во всемъ мірѣ съ нимъ можетъ помѣриться только одинъ султанъ. Такимъ образомъ, и султанъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ.

Впрочемъ, безъ сомнѣнія, король предвидѣлъ эти неудачи и сообразно съ этимъ строилъ свои расчеты. Оставалось выбрать пунктъ аттаки. Литовцы хотѣли, чтобы Баторій шелъ на Псковъ. Дѣло въ томъ, что, достигнувъ Пскова, поляки преградили бы единственный путь, въ то время соединявшій Московское царство съ Прибалтійскимъ побережьемъ. На сѣверѣ сообщенію препятствовало большое количество озеръ, на югѣ же непроходимые лѣса, болота и рѣки. Но для того, чтобы подойти къ Пскову, надо было пересѣчь Ливонію и доканать страну, которую хотѣли пощадить, либо двинуться по русской территоріи и оставить у себя въ тылу рядъ крѣпостей и незащищенную Литву. Баторій рѣшилъ свое первое усиліе направить на Полоцкъ. Расположенный на Двинѣ, этотъ городъ въ извѣстной, степени, командовалъ надъ путями, ведущими въ Ливонію и Литву. Недавно оторванный отъ Польши, онъ заслуживалъ первой очереди. Оттуда рѣшено было итти на Псковъ.

Остановившись на этомъ планѣ, великій венгерецъ сдѣлалъ чудо. Онъ удачно выбралъ Свирь мѣстомъ концентраціи, такъ какъ здѣсь можно было до послѣдняго момента скрыть истинную цѣль экспедиціи. Онъ искусно распредѣлилъ свои силы между дорогами, веду-

щими къ этому мѣсту соединенія. Онъ съ большимъ умѣніемъ произвелъ фланговое движеніе отъ Свира къ Диснѣ, въ то же время прикрывая Вильну и обозы, сопровождавшіе главную армію. Онъ остроумно воспользовался водными путями и плашкоутными мостами для переправы большихъ грузовъ. Специалисты возражали, что система дѣйствій на коммуникаціонныя линіи противника изобрѣтена въ Европѣ только въ концѣ XVII вѣка. Можетъ быть. Но изобрѣтатели методовъ часто идутъ въ хвостѣ людей практики.

Впрочемъ, Баторію не удалось осуществить свой планъ, какъ онъ его задумалъ. Соединеніе въ Свирѣ было фиксировано на 4-ое мая 1579 г. Но, не смотря на энергію, которую обнаружилъ король, съ этимъ все-таки опоздали. Не было ни денегъ, ни снабженія, ни войска. Ради этого и пословъ московскихъ перевозили изъ города въ городъ, водили съ одной аудіенціи на другую и отпустили только въ іюнѣ мѣсяцѣ. Тогда только польскій курьеръ отвезъ въ Москву формальное объявленіе войны. Нѣсколько дней спустя, Баторій началъ кампанію. Армія перешла съ нимъ Дисну по плашкоутному мосту, сооруженному въ теченіе 3-хъ часовъ. Въ ней было съ польской стороны 6,517 всадниковъ, изъ которыхъ 1,338 были нѣмцы и венгры, и 4,830 пѣхотинцевъ, изъ которыхъ нѣмцевъ и венгровъ насчитывалось 3,451 человѣкъ; въ литовскомъ отрядѣ было 40,000 всадниковъ. Среди иностранныхъ офицеровъ находился Георгъ Фаренсбахъ; нѣкогда полковникъ датской службы, онъ еще недавно состоялъ воеводой на службѣ у царя. Его совѣты, конечно, принесли большую пользу. 15,000 человѣкъ безъ гарнизоновъ и резервовъ—вотъ и все, чѣмъ располагалъ Баторій, чтобы вторгнуться въ громадное Московское царство и подчинить его своей власти.

Съ польской стороны начало кампаніи во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало европейскимъ нравамъ той эпохи. Прежде, нежели заставили говорить ружья и пушки, истратили много чернилъ—даже типографскихъ. Объявленіе войны, отправленное Баторіемъ, было предварено длиннымъ историческимъ введеніемъ, начиненнымъ датами, дипломатическими текстами и ѣдкими замѣчаніями. Не забыли даже Пруса, знаменитаго брата цезаря Августа, отъ котораго Иванъ пытался вести свое происхожденіе.

Есть брошюра, весьма неточно воспроизводящая этотъ документъ. Она опубликована въ Нюренбергѣ въ 1580 году и сохранилась въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Она содержитъ

виньетку, которая изображаетъ посла Баторія, Венцеслава Лопацинскаго, выполняющаго свою миссію: съ обнаженной саблей за поясомъ, этотъ дворянинъ вызывающимъ жестомъ протягиваетъ письмо царю. Картина эта такъ же фантастична, какъ и текстъ, сопровождающій ее, недавно исправленный аббатомъ *Польковскимъ* (Acta historica, Краковъ 1887, XI, 162). Иванъ не допустилъ къ себѣ Лопацинскаго. Баторій, желая произвести впечатлѣніе своей декларацією, расчитывалъ главнымъ образомъ на гласность. Онъ приказалъ отпечатать ее по-польски, нѣмецки и венгерски, на станкахъ, которые сопровождали его втеченіе всей кампаніи. Въ Свирѣ, куда онъ прибылъ 12 іюля 1579 года, онъ къ тому же выпустилъ манифестъ, предназначенный, безъ сомнѣнія, по его замыслу, оправдать его предпріятіе и примирить съ нимъ общественное мнѣніе—какъ внутри страны, такъ и за границей. Никогда еще военачальникъ въ подобнаго рода документахъ не вдохновлялся столь благородными идеями: здѣсь были обѣщанія уважать личность, собственность и привиллегіи мирнаго населенія; здѣсь король обязывался запрещать и подавлять всякаго рода насиліе. Здѣсь были всѣ формулы, впослѣдствіи сдѣлавшіяся банальными и, увы, столь же лживыми! Въ то время онѣ были новинкой, которой Польша XVI вѣка имѣла право гордиться. Точно также никогда военачальникъ не обнаруживалъ большей заботы найти моральную поддержку въ щекотливой и недовѣрчивой публикѣ. Всѣ послѣдующія событія этой кампаніи стали предметомъ подобныхъ же декларацій. Библіографія той эпохи содержитъ много брошюръ и памфлетовъ, отпечатанныхъ либо оффиціально, либо оффиціозно, оцѣнивающихъ и поясняющихъ малѣйшія событія этой борьбы. Эта литература отправлялась въ Польшу, въ Германію, даже въ Римъ, гдѣ посланникъ короля, полоцкій епископъ Петръ Дунинъ Вольскій, перепечатывалъ ее. Не трудно догадаться, что она не отличалась особымъ вниманіемъ къ исторической правдѣ. Она должна была руководить нѣмецкой прессой, усердно старавшейся со своей стороны держать въ извѣстности читателей, жадныхъ до новостей. Одинъ такой летучій листокъ (Zeitung), описывающій побѣду Баторія, въ короткое время выдержалъ четыре изданія. Съ 1581 года къ широко использованнымъ средствамъ полемики король присоединилъ строгости цензуры. Одинъ нѣмецкій историкъ (*Hausmann* Studien zur Geschichte des Königs Stephan, Derpt, 1889, p. 34 и слѣд.) утверждаетъ, что указъ, изданный въ это время, угрожалъ

смертной казнью авторамъ и издателямъ враждебныхъ сочиненій. Съ этимъ можно согласиться, такъ какъ одинъ памфлетъ, опубликованный въ Краковѣ, вызвалъ такое наказаніе. Въ пользу этого говоритъ также то, что нѣмецкіе законы о печати того времени не отличались большой мягкостью.

Я отмѣчаю эти подробности, такъ какъ, мнѣ кажется, онѣ необходимы, чтобы обрисовать завязавшуюся борьбу въ ея истинномъ свѣтѣ.

Бросились въ борьбу два народа одной и той же семьи. Но это были, все-таки, два различныхъ міра. Пестрая смѣсь солдатъ всѣхъ странъ, сопровождаемыхъ писаками и типографщиками, была типичной представительницей латинскаго запада. Подъ славянскимъ знаменемъ она повторяла великія восточныя нашествія — только въ обратномъ направленіи. Эта побѣдоносная война можетъ разсматриваться, какъ завѣтъ Польши. Историческое воспроизведеніе ее съ такой точки зрѣнія должно представить большой интересъ.

Манифесты нападающей стороны въ настоящее время не внушаютъ намъ довѣрія. Но Баторій остался вѣренъ своему слову. Никогда война не велась съ большей умѣренностью и съ большей человѣчностью по отношенію къ земледѣльцамъ и мирнымъ гражданамъ. Такъ о королѣ свидѣтельствуетъ русскій историкъ Карамзинъ (Ист. Госуд. Росс. IX гл. V). Это же отмѣчаютъ и 2 другихъ документа: циркуляръ 7 мая 1580 г., съ которымъ Баторій обратился къ дворянству Полоцкой земли, и особенно военный регламентъ, примѣненный въ этой кампаніи. Циркуляръ былъ настоящей хартіей, обезпечивающей заинтересованнымъ наиболѣе цѣнныя льготы. Что касается регламента, то онъ запрещалъ убивать дѣтей, стариковъ и духовныхъ лицъ, насиловать женщинъ, уничтожать или даже портить посѣвы, хотя бы для корма лошадей! Этотъ регламентъ примѣнялся не смотря на всякіе эксцессы со стороны русскихъ. Въ русскихъ источникахъ есть упоминаніе о вызывающихъ поступкахъ со стороны московской арміи. Карамзинъ говоритъ объ убійствѣ нѣкотораго числа польскихъ плѣнниковъ, совершенномъ въ началѣ осады Полоцка защитниками города. Трупы ихъ были брошены въ рѣку и плыли по Двинѣ на глазахъ у осаждающихъ. Не смотря на это, польская армія прибѣгала къ репрессіямъ чрезвычайно рѣдко, давая такимъ образомъ міру зрѣлище, въ которомъ наиболѣе цивилизованные народы того времени могли почерпнуть урокъ. Военные судьи, снабженные весьма

широкими полномочіями, сумѣли поддержать въ рядахъ польской арміи строгую дисциплину. Король, не жалѣя самого себя, давалъ всѣмъ лучшій примѣръ. Онъ изгонялъ всякій безпорядокъ и ненужную роскошь. Часто онъ спалъ на ложѣ изъ сухихъ листьевъ, ѣлъ на скамьѣ безъ скатерти. Онъ былъ безжалостенъ къ мародерамъ. Въ то же время онъ умѣлъ поддерживать и поднимать мораль своихъ солдатъ, опираясь на религіозное чувство, столь глубокое у массы... Для этого служили даже слова пароля, которые онъ приказывалъ давать имъ. Одинъ разъ пароль былъ: «Боже, прости насъ грѣшныхъ», въ другой же: «Господь наказываетъ злыхъ».

Все это не исключало нѣкоторыхъ жестокостей, употребительныхъ въ то время и считавшихся необходимыми. Такъ, напр., пытали плѣнниковъ, чтобы добиться отъ нихъ полезныхъ свѣдѣній.

Исключительный пылъ, охватившій въ началѣ войны польскихъ воиновъ—какъ благородныхъ, такъ и простыхъ крестьянъ, мѣшалъ предупрежденію нѣкоторыхъ отступленій отъ регламента. Этотъ пылъ доходилъ до того, что простые солдаты, разогнавъ коней въ галопъ, ломали свои копья о стѣны осажденныхъ городовъ. Иногда было очень трудно сдержать этихъ сумасшедшихъ. Венгерская пѣхота, искусная въ осадной войнѣ, была первой на приступѣ, но и первой въ грабежѣ. Она часто обнаруживала неповиновеніе. Наконецъ, мятежный духъ польской шляхты въ промежуткахъ между сраженіями обнаруживался въ спорахъ о важности уже достигнутыхъ выгодъ и объ условіяхъ новаго усилія, которое отъ нихъ требовали. Въ общемъ же, принимая во вниманіе, что варварство нигдѣ и никогда не отдѣлялось отъ кровавой игры, именуемой войной, мы можемъ утверждать, что со стороны поляковъ это была, все-таки, благородная война. Лѣтописи XVI столѣтія не отмѣтили ни одной такой же войны.

При одинаковой храбрости противники имѣли совершенно различныя физіономіи.

IV.

Московская армія.

Если Баторій потерпѣлъ неудачу въ Стокгольмѣ, пытаясь обезпечить участіе шведовъ въ этой войнѣ, то Иванъ имѣлъ не большій успѣхъ въ Вѣнѣ. Отправленный въ 1578 году къ Рудольфу, Квашнинъ на-

прасно старался добиться заключенія союза, предположеннаго еще при Максимиліанѣ. Какъ перваго условія императоръ требовалъ признанія его верховенства надъ Ливоніей! Та же неудача постигла Ивана въ переговорахъ съ ханомъ. Этотъ послѣдній требовалъ Астрахани и большой суммы денегъ. Одинъ моментъ Иванъ даже имѣлъ основаніе бояться, что татары будутъ его противниками, какъ этого желалъ Баторій. Посланникъ короля, Иванъ Дрогойовскій, въ самомъ дѣлѣ, пытался вести переговоры въ Константинополѣ относительно союза, въ который вошелъ бы ханъ. Однако, Порта нуждалась въ татарахъ, чтобы направить ихъ противъ персовъ. Въ результатѣ, король и царь въ войнѣ остались одни другъ противъ друга. Разница въ ихъ положеніи заключалась въ томъ, что Иванъ не долженъ былъ ни выпрашивать субсидій у упрямаго сейма, ни взывать къ доброй волѣ своихъ подданныхъ, чтобы пополнить свою армію. Личность и имущество его подданныхъ были въ его власти. При извѣстіи о движеніи поляковъ, Иванъ, оставивъ гарнизоны въ 80 городахъ по Окѣ, Волгѣ, Дону и Днѣпру, приказалъ концентрировать военныя силы въ Новгородѣ и Псковѣ.

О значительности этихъ силъ мы обладаемъ весьма противорѣчивыми свѣдѣніями. Оцѣнка Карамзина явно преувеличена и по отношенію къ польскимъ силамъ, составъ которыхъ намъ извѣстенъ лучше. Столь же неточна его оцѣнка и русскихъ силъ. Вообще, хорошо освѣдомленный Флетчеръ принимаетъ составъ русской арміи въ 30,000 человѣкъ. Но нѣкоторые авторы, напр., Бѣляевъ, недавно подняли эту цифру до милліона. Поэтому утвержденіе Карамзина, что Иванъ могъ бы однимъ словомъ потопить польскую армію въ человѣческихъ волнахъ своего войска и направить ихъ несокрушимое теченіе на Вильну и Варшаву, получило новое подтвержденіе. Позднѣйшія изслѣдованія, однако, съ очевидностью обнаружили ошибку знаменитаго историка. Исчисленія *М. Павлова-Сильванскаго* (Государевы служилые люди, стр. 117 и слѣд.) показываютъ, что, за вычетомъ вышеупомянутыхъ гарнизоновъ изъ общей суммы, приблизительно равной 23,000 бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, находившихся въ распоряженіи Ивана, у царя оставалось въ рукахъ около 10,000 служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ приводилъ съ собою двухъ вооруженныхъ всадниковъ. Это составляетъ 30,000 всадниковъ, или, по точнымъ цифрамъ автора, 31,596. Далѣе у царя было 15119 стрѣльцовъ и казаковъ, сражавшихся пѣшими и конными, 6,461 татаръ и 4,513 че-

ловѣкъ различныхъ родовъ оружія, среди которыхъ было извѣстное количество иностранцевъ, голландцевъ, шотландцевъ, датчанъ и грековъ. Въ общемъ, это составляло 57,689 чел. изъ приблизительной цифры 110,000, образующей вооруженныя силы государства. Посошные люди, набираемые въ различныхъ количествахъ сообразно нуждамъ каждой войны, значительно увеличивали общее количество войска. Однако, эти люди могли употребляться только для услугъ въ лагерѣ, либо для земляныхъ работъ. Да и польская армія также вела съ собою очень большое количество этихъ нестроевыхъ.

Въ общемъ, соотношеніе силъ сражающихся равнялось, приблизительно, 1-му противъ 4-хъ.

Повидимому, при превосходствѣ силъ Ивана, попытка Баторія была безразсудной. Но это была только видимость. Подъ вліяніемъ Курбскаго нѣкоторые историки предполагали, что на положеніи царя тяжело отзывалось въ этотъ моментъ отсутствіе лучшихъ его полководцевъ, которыхъ онъ лишился, благодаря опричнинѣ. Несомнѣнно, что на перипетіяхъ и исходѣ этой рѣшительной борьбы сказались слѣдствія того крупнаго политическаго, соціальнаго и экономическаго кризиса, который только что пережила страна. Но, во всякомъ случаѣ, этимъ однимъ нельзя объяснять всѣхъ неудачъ Ивана. Лучшимъ полководцемъ съ начала царствованія Ивана былъ Петръ Шуйскій, но и онъ не отличился подъ Оршей. Страна была раздавлена и истощена. Она вскорѣ обнаружила свою неспособность къ продолжительному усилію. Но для начала кампаніи еще оставались военныя силы, нетронутыя опричниной. За исключеніемъ русской артиллеріи, а также нѣсколькихъ сотенъ иностранныхъ солдатъ и офицеровъ, лицомъ къ лицу съ *европейской* арміей Баторія стояла старая московская армія, слабость которой Грозный уже испыталъ въ битвахъ со шведами и поляками. Это была милиція, въ которой личныя качества сражающихся, выносливость и героическая самоотверженность начальниковъ и рядовыхъ не искупали слабости вооруженія, отсутствія дисциплины или, по крайней мѣрѣ, дрессировки, наконецъ, недостатковъ командованія.

Въ этотъ критическій моментъ рѣшеніе Ивана опредѣлилось настолько же темпераментомъ царя, настолько и отчетливымъ пониманіемъ причинъ относительной слабости его войска. Я уже показалъ, что Иванъ не былъ солдатомъ. При создавшихся условіяхъ, ему не могла прійти въ голову мысль броситься противъ нашествія и встрѣ-

тить Баторія во главѣ своихъ бояръ. Это было невидано въ Москвѣ съ отдаленной и легендарной эпохи Дмитрія Донскаго. Уже сынъ этого національнаго героя передъ новой татарской тучей, угрожавшей столицѣ, бѣжалъ въ Кострому. Это стало традиціей, которой царь въ этотъ разъ, болѣе чѣмъ когда-либо, долженъ былъ остаться вѣренъ. Опричнина не отняла у него его арміи, но эта армія заранѣе была обречена на пораженіе при встрѣчѣ съ поляками и венграми Баторія въ открытомъ полѣ.

Иванъ сначала ошибся относительно намѣреній своего противника. Онъ думалъ, что, какъ и прежде, усилія Польши будутъ направлены на Ливонію. Прибывъ въ Новгородъ въ іюлѣ 1579 года, онъ отдѣлилъ нѣсколько тысячъ своей азіатской конницы и далъ ей порученіе принять первый ударъ противника. Не встрѣчая никакого сопротивленія, этотъ отрядъ возобновилъ подвиги Шигъ—Алея. Между тѣмъ, предоставивъ несчастную провинцію ея собственной участи и ограничившись нѣкоторыми мѣрами предосторожности для прикрытія своей арміи съ фланга, Баторій шелъ на Полоцкъ. Пока выяснили съ русской стороны ближайшій планъ кампаніи, было уже слишкомъ поздно, чтобы привести городъ въ оборонительное состояніе. Иванъ и не думалъ преграждать путь Баторію. Онъ рѣшительно раздѣлилъ свои силы, отправивъ одну часть арміи къ Феллину противъ шведовъ, другую къ Острову. Князьямъ Лыкову и Палецкому онъ поручилъ итти на помощь Полоцку. При этомъ онъ, однако, предупредилъ ихъ, что они должны ограничиться лишь тѣмъ, чтобы тревожить врага и перехватить его обозы. Такимъ образомъ, Грозный остановился на системѣ вялой защиты, прерываемой попытками дипломатическаго рѣшенія спора. Онъ долженъ былъ держаться такой системы. Безъ сомнѣнія, онъ расчитывалъ истощить поляковъ осадной войной. Въ такой войнѣ артиллерія и упорство русскихъ должны были обнаружиться съ особенно выгодной стороны.

Какъ и предвидѣлъ Баторій, ему, дѣйствительно, приходилось вести осадную войну. Но и здѣсь его геній и счастье парализовали стратегію и дипломатію царя.

V.

Взятіе Полоцка.

Въ началѣ августа 1579 года Полоцкъ былъ осажденъ. Гарнизонъ держался храбро. Артиллерія сто семью огненными пастями отражала поляковъ. Но въ концѣ третьей недѣли, въ виду отсутствія помощи, городъ долженъ былъ сдаться. Епископъ Кипріанъ отказался признать сдачу. Съ нѣкоторыми боярами онъ заперся въ церкви Святой Софіи. Тамъ пришлось взять ихъ силой. Эта подробность свидѣтельствуетъ объ отчаянномъ сопротивленіи. Добыча, взятая въ этой церкви, слывшей за цѣлую сокровищницу, а также добро, награбленное въ городѣ, обманули ожиданія побѣдителей. Самой цѣнной частью добычи была библіотека, содержащая многочисленныя лѣтописи и славянскій переводъ отцовъ церкви. Она была сожжена. Не смотря на это разочарованіе, успѣхъ поляковъ былъ все-таки великъ, и Баторій не остановился на немъ. Послѣ ужаснаго кровопролитія онъ взялъ еще Соколъ, а также занялъ нѣкоторыя сосѣднія крѣпости. Въ то же время князь Константинъ Острожскій опустошалъ Сѣверскую область до Стародуба, а староста Орши, Кмита, дѣлалъ то же въ Смоленской области. Иванъ не препятствовалъ имъ.

Царь бѣжалъ. Стремительно покинувъ Новгородъ, онъ прибылъ въ Псковъ. Оттуда, какъ истый восточный дипломатъ, ничѣмъ не выдавая своего положенія, онъ, чтобы завязать переговоры, отправилъ письма двумъ главнѣйшимъ литовскимъ магнатамъ, воеводѣ Виленскому, Радзивиллу и канцлеру Литвы, Воловичу. Въ нихъ онъ писалъ, что отказался помочь Полоцку и вновь захватить его вооруженной рукой только по настоянію своихъ бояръ, которые желали прекратить пролитіе христіанской крови. Онъ выражалъ въ письмахъ надежду, что Радзивилъ и Воловичъ, одушевляемые тѣми же чувствами, приложатъ свои усилія, чтобы возстановить міръ.

Можно представить себѣ, какой пріемъ встрѣтили эти предложенія. Впрочемъ, въ виду того, что годъ подходилъ къ концу, Баторій обнаружилъ готовность поддержать дипломатическія сношенія до ближайшей кампаніи, къ которой онъ долженъ былъ подготовиться. Въ это время посолъ Лопатинскій, привезшій въ Москву объявленіе войны, силою удерживался тамъ. Король потребовалъ его освободить. При этомъ гонецъ побѣдителя, простой курьеръ, былъ принятъ Ива-

номъ съ большой предупредительностью и даже приглашенъ къ царскому столу. Лопатинскій былъ освобожденъ, царь же, не отказываясь еще совершенно отъ своихъ притязаній, выразилъ желаніе принять польское посольство для мирныхъ переговоровъ. Не трудно догадаться объ отвѣтѣ Баторія: теперь уже не ему приходилось отправлять пословъ!

Смущенный Иванъ опять обратился къ Вѣнѣ. Онъ отправилъ туда Аѳанасія Рѣзанова съ новымъ, еще болѣе настоятельнымъ призывомъ. Однако, пока со стороны царя не было еще самоуниженія. Посолъ имѣлъ приказъ, если онъ будетъ приглашенъ къ столу императора, согласиться только на первое мѣсто, хотя бы для этого пришлось столкнуться съ представителями французскаго короля и турецкаго султана! На вопросъ, какимъ образомъ польскій король смогъ взять Полоцкъ, посолъ долженъ былъ отвѣчать, что это случилось благодаря неожиданному нападенію и нарушенію перемирія, заключеннаго на три года. Рѣзановъ прибылъ по назначенію въ мартѣ 1580 года и былъ выпровоженъ такъ же, какъ и его предшественники. У Баторія было черезчуръ много средствъ революціонизировать Венгрію, чтобы въ Вѣнѣ была охота ссориться съ нимъ. Съ другой стороны, онъ держалъ въ своихъ рукахъ Вѣну при помощи Рима, а Римъ при помощи іезуитовъ. Послѣ взятія Полоцка папа отправилъ королю саблю и копье. Торжественно освященные на Рождественской мессѣ, они должны были быть вручены королю съ большою пышностью. Въ Вѣнѣ Рѣзанову лишь наговорили много хорошихъ словъ. Выражали мнѣніе, что у Баторія скоро истощатся средства. «Ему не прокормить солдатъ своими венгерскими вшами», презрительно говорилъ графъ Кинскій.

Въ концѣ-концовъ, Иванъ понялъ необходимость сбавить тонъ съ Польшей. Теперь, посылая курьера за курьеромъ въ Варшаву, онъ обнаруживалъ готовность сдѣлать первый шагъ для предупрежденія войны, если только было вѣрно, что Баторій ее замышляетъ. Его посланцы теперь уже не обращали вниманіе, поднимается ли король, чтобы спросить вѣстей о царѣ, или нѣтъ. Баторій хорошо принялъ посланниковъ мира, но не прекращалъ своихъ приготовленій. Въ іюнѣ онъ предоставилъ царю 5 недѣль для присылки посольства, въ противномъ случаѣ грозилъ «сѣсть на коня». Иванъ, «принимая во вниманіе склонность своего сосѣда удовлетворить его требованія», какъ было сказано въ данныхъ царемъ инструкціяхъ, отправилъ посольство въ путь. Это посольство, со своей громадной свитой въ 500 че-

ловѣкъ, не пройдя и полъ-дороги, узнало, что ему нечего больше дѣлать въ Варшавѣ. Не дожидаясь его, польскій король «сѣлъ на коня» и покинулъ Вильну во главѣ своей арміи.

IV.

Поляки въ Московскомъ царствѣ.

Взятіемъ Полоцка Московскому государству еще не былъ нанесенъ серьезный ущербъ. Это было не болѣе, какъ обратный захватъ ранѣе отнятаго у Польши города. Только теперь Баторій и его армія готовы были, дѣйствительно, проникнуть въ сердце непріятельской страны. Какъ и въ началѣ кампаніи, въ польскомъ лагерѣ мнѣнія раздѣлились. Часники, служившіе въ этотъ разъ мѣстомъ концентраціи, были на равномъ разстояніи отъ Смоленска и отъ Великихъ Лукъ. Одни хотѣли итти на самый Смоленскъ, другіе же на Псковъ. Баторій рѣшилъ двигаться на Великіе Луки. Эта крѣпость служила для русскихъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ припасовъ и обычной базой для операціи противъ Литвы. Она-же была центромъ богатой и населенной области.

Подкрѣпленная пѣхотой, набранной въ королевскихъ владѣніяхъ съ нѣкоторымъ запозданіемъ, армія нападающихъ была нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Она состояла, приблизительно, изъ 17,500 человѣкъ. Изъ этого количества 8,321 человѣкъ приходилось на польскую и венгерскую пѣхоты и около 10,000 чел. на литовцевъ. Походъ на Великія Луки былъ тяжелъ. Чтобы не переходить Двину подъ пушками Велижа, другой крѣпости этой области, поляки проложили путь черезъ дремучіе лѣса и раздѣлили свои силы. Одинъ отрядъ въ 6,000 человѣкъ даже порвалъ связь съ главной арміей. Эта операція подвергалась критикѣ, какъ черезчуръ рискованная. Но удаленность московскихъ силъ, все время сконцентрированныхъ далеко отъ театра войны въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ, повидимому, оправдывала эту смѣлость. Отрядъ же, рискнувшій порвать съ главной арміей, имѣлъ во главѣ новаго польскаго начальника, въ которомъ Баторій неожиданно нашелъ одного изъ лучшихъ полководцевъ. Его звали Янъ Замойскій. Онъ занялъ мѣсто военачальника старой школы, Николая Мелецкаго, который въ предшествующую кампа-

нію обнаружилъ больше храбрости, чѣмъ воинскихъ талантовъ. Государственный человѣкъ болѣе, чѣмъ военачальникъ, прежній ректоръ Падуи, Замойскій, повидимому, не былъ предназначенъ превзойти Мелецкаго. Его военный талантъ былъ какъ бы откровеніемъ. Въ то время, какъ король на своемъ пути занялъ Усвятъ, Замойскій обошелъ Велижъ, взялъ его и соединился съ главной арміей передъ Великими Луками. У Великихъ Лукъ поляки наткнулись на неожиданность: туда прибыло московское посольство. Иванъ нѣкоторое время колебался, какъ поступить съ этимъ посольствомъ. Для него было жестокимъ униженіемъ приказать посламъ слѣдовать за арміей нападающихъ. Послѣ взятія Велижа царь созвалъ одинъ изъ тѣхъ какъ соборовъ, исторію которыхъ я изложилъ выше. Такъ соборъ высказался за энергичное сопротивленіе, то царь приказалъ послать Ивану Сицкому, Роману Михайловичу Пивову и Ѳомѣ Пантелееву вернуться. Однако, послѣ этого лазутчики, отправленные на развѣдки, принесли тревожныя вѣсти: «поляки многочисленны, какъ саранча». Тогда Грозный смирился и далъ своимъ уполномоченнымъ новыя инструкціи, обнаружившія, что царь лучше защищается на дипломатической почвѣ, чѣмъ на полѣ брани. Онъ предлагалъ Баторію Курляндію, которая никогда не принадлежала Москвѣ, болѣе 65 ливонскихъ городовъ, очень искусно выбранныхъ, а 35 другихъ должны были остаться за нимъ. Сверхъ того, Сицкій и Пивовъ начали просить немедленнаго снятія осады съ Великихъ Лукъ и аудіенціи *на польской территоріи*: никогда де царь не соглашался договариваться на своей землѣ. Такъ какъ имъ дали на это довольно жестокій отвѣтъ, они согласились начать переговоры и на мѣстѣ. Баторій требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ и Смоленска. Переговоры затянулись. Между тѣмъ, Замойскій тѣснымъ кольцомъ окружилъ городъ. Какъ большинство московскихъ крѣпостей, Великія Луки имѣли только деревянныя стѣны. Онѣ состояли изъ двойного ряда толстыхъ дубовыхъ досокъ, между которыми была насыпана земля. Эти стѣны оказались непроницаемыми для раскаленныхъ ядеръ.

Съ другой стороны, недостаточная и плохо обслуживаемая артиллерія Поляковъ слабо поддерживала канонаду, наносившую болѣе серьезный вредъ осаждающимъ. Однако, гарнизонъ осажденнаго города запросилъ капитуляціи, когда одинъ мазовецкій крестьянинъ съ опасностью для своей жизни поджегъ одну изъ крѣпостныхъ башенъ. Пока спорили относительно условій сдачи, венгры не сдержа-

лись. Подъ начальствомъ своего безстрашнаго вождя, Гаспара Бекеши, бывшаго политическаго соперника Баторія, они всегда обнаруживали столько же стремительности, сколько и недостатка дисциплины. Боясь, какъ бы желанная добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ, или же опасаясь, какъ бы лучшей частью ея не воспользовались поляки, они стремительно ворвались въ городъ. Въ бѣшеной схваткѣ на этотъ разъ не былъ пощаженъ никто. Даже были перебиты монахи, вышедшіе крестнымъ ходомъ съ иконами и крестами. Замойскій напрасно старался возстановить порядокъ. Ему удалось спасти только двухъ воеводъ.

Послѣ взятія Великихъ Лукъ вся область оказалась во власти побѣдителей. Князь Хилковъ, оперировавшій въ ней во главѣ сильнаго отряда, былъ разбитъ польской, венгерской и нѣмецкой кавалеріей, которой командовалъ князь Збаражскій. Подожженный Невель, въ свою очередь, сдался, и поляки по отношенію къ нему не обнаружили большой щепетильности въ соблюденіи принятыхъ условій. Въ европейскихъ войнахъ того времени это было почти правиломъ. Всегда находился предлогъ нарушить условія. Озерище отдалось почти безъ сопротивленія. Городъ Заволочье, лучше защищенный озеромъ Подсохомъ, дѣлавшимъ изъ города родъ укрѣпленнаго острова отразилъ первый приступъ. Подъ нападающими обрушился мостъ, и шляхта заговорила послѣ этого объ отступленіи отъ города. Дѣло въ томъ, что она хотѣла вернуться домой къ Рождеству. Однако, Замойскій показалъ себя такимъ же опытнымъ дипломатомъ, какъ и полководцемъ. Онъ вызвалъ соревнованіе въ храбрости между поляками и венграми на двухъ новыхъ мостахъ, замѣнившихъ разрушенный.

Къ этому примѣшалось и религіозное чувство. Послѣ соотвѣтствующей проповѣди и причастія волонтеры, простившись другъ съ другомъ передъ битвой, согласились итти въ аттаку, и 23 октября 1580 года городъ былъ взятъ. По свидѣтельству польскаго лѣтописца воеводы, рѣшившіеся во что бы то ни стало сопротивляться, должны были сдаться лишь благодаря неповиновенію гарнизона.

Успѣхъ одного изъ полководцевъ царя, Ивана Михайловича Бутурлина, не вознаградилъ этихъ потерь. Напавъ врасплохъ у литовской границы на воеводу Смоленска, Филона Кмиту, московскій военачальникъ окружилъ его превосходными силами, перебилъ у него 600 человѣкъ и отнялъ артиллерію въ составѣ 10 пушекъ. Тѣмъ не менѣе, поляками была пріобрѣтена большая русская область, и они

вернулись на свои зимнія квартиры. Литовцы же продолжали кампанію. Они захватили Холмъ, сожгли Старую Русу, даже проникли въ Ливонію. Тамъ они завладѣли замкомъ Шмильтенъ и вмѣстѣ съ Магнусомъ разорили дерптскую область до самыхъ московскихъ границъ.

Не остались спокойными наблюдателями и шведы. Въ ноябрѣ 1580 года Понтусъ де ла Гарди ворвался въ Карелію и взялъ Кексгольмъ, гдѣ, по свидѣтельству ливонскихъ лѣтописцевъ, нашли свой конецъ 2,000 русскихъ. Другой отрядъ шведовъ осадилъ Падисъ, расположенный на разстояніи 6 миль отъ Ревеля. Послѣ 13 недѣль отчаяннаго сопротивленія, въ теченіе котораго защитники подъ начальствомъ Чихачева принуждены были ѣсть кожи, солому и даже, какъ полагаютъ, человѣческое мясо, городъ былъ взятъ приступомъ. Затѣмъ наступила очередь Ливоніи; ворвавшись туда неожиданно весною 1581 г., Понтусъ де ла Гарди захватилъ Везенбергъ. Такимъ образомъ, третій хищникъ готовъ былъ отнять у царя плоды того завоеванія, которое уже навлекло на него побѣдоносное нашествіе поляковъ, бывшихъ на полъ-дорогѣ отъ его столицы!

Между тѣмъ, Баторій готовился уже къ третей кампаніи, добившись въ февралѣ 1581 года новой субсидіи, вотированной сеймомъ еще на 2 года. Куда же идетъ онъ теперь, увѣнчанный славой, съ его опытностью ,съ привыкшей къ войнѣ арміей, воодушевленный своими тріумфами? По слѣдамъ короля шла другая армія. Это іезуиты вели религіозную пропаганду, успѣхи которой уже давали себя чувствовать въ русско-литовскихъ областяхъ до самой Ливоніи. Баторій оказывалъ имъ поддержку, надѣясь съ ихъ помощью разорвать узы, связывающія эти области съ православной Москвой и протестантской Германіей. Въ 1576 году отцы іезуиты отпраздновали въ Вильнѣ обращеніе 80 лютеранъ и 50 послѣдователей греческаго обряда (*Любковичъ*, Очерки по исторіи іезуитовъ въ русско-литовской области. Варшава 1888).

Эта миссіонерская работа мѣтила далеко и охватывала широкіе горизонты. Побѣдоносное движеніе католицизма черезъ Ливонію должно было достигнуть Швеціи, гдѣ Римъ вновь получалъ точку опоры, благодаря Екатеринѣ изъ рода Ягеллоновъ. Возвращеніемъ потерянной земли въ лоно католицизма думали замкнуть реформацію въ кругъ, гдѣ она и задохнется. Побѣжденная Москва, въ свою очередь подчинится тогда натиску торжествующаго латинства. Такимъ образомъ, наиболѣе развитое въ то время славянское племя, отдавши себя

въ руки героическаго вождя, при помощи побѣдъ, въ которыхъ современники уже видѣли знаменіе Божіе, разрѣшила бы двойную проблему—политическую и религіозную. Отъ разрѣшенія ея зависѣло будущее сѣверо-восточной Европы. Это было бы созданіемъ «Третьяго Рима» и осуществленіемъ самыхъ честолюбивыхъ надеждъ.

Безъ сомнѣнія, Грозный не предвидѣлъ всего этого: онъ просто чувствовалъ свое безсиліе отразить опасность вооруженной рукой. Поясъ крѣпостей, за которымъ онъ считалъ себя въ безопасности, былъ прорванъ. Нашествіе подвигалось медленно, но вѣрно. Послѣ Великихъ Лукъ передъ нимъ должны были открыть свои ворота Новгородъ и Псковъ. И менѣе, чѣмъ когда-либо, царь могъ думать противупоставить плохо снаряженныя, плохо обученныя, разрозненныя толпы своей милиціи грознымъ полкамъ поляковъ, передъ которыми не выдерживали и его крѣпости. Въ его распоряженіи оставались только дипломатическія средства.

VII.

Дипломатическое посредничество.

Въ сентябрѣ 1580 года, не дожидаясь даже возвращенія Рѣзанова, Иванъ рѣшилъ аппеллировать къ Риму. Его новому посланцу, Истомѣ Шевригину, было поручено добиваться посредничества папы и представить «Батуру», какъ союзника султана. Иванъ продолжалъ коверкать имя короля—отчасти по незнанію, отчасти же изъ презрѣнія. Результаты этой попытки не могли, однако, сказаться сейчасъ же. Въ то же время послы царя, умножая уступки и терпя весьма тяжкія обиды, переѣзжали съ мѣста на мѣсто въ свитѣ побѣдителя. Въ январѣ 1581 года имъ было приказано отправиться въ Варшаву. Тамъ они разсчитывали добиться перемирія и предварительныхъ условій мира, увеличивъ число ливонскихъ городовъ сравнительно съ тѣмъ, что они предлагали раньше. Однако, они получили такой отвѣтъ: «либо вся Ливонія, либо война». Они сообщили въ своемъ донесеніи, что угрозами и оскорбленіями ихъ принудили цѣловать руку королю, и что король не поднялся на этотъ разъ при имени царя и даже не поручилъ имъ отъ себя привѣтствовать ихъ государя. Такимъ образомъ, послы должны были уйти съ пустыми руками.

Иванъ понялъ, что надо уступить. Приходилось склоняться передъ судьбой все ниже и ниже. Онъ написалъ «Батурѣ» очень смиренное письмо, въ которомъ впервые называлъ короля братомъ и извѣщалъ о присылкѣ новаго посольства. Послы Евстафій Михайловичъ Пушкинъ, Өедоръ Андреевичъ Писемскій и Андрей Трофимовъ получили приказъ безъ жалобъ перенести всѣ униженія и даже побои. Вотъ до чего дошелъ царь!

Онъ предлагалъ теперь всю Ливонію за исключеніемъ четырехъ городовъ. Онъ отказывался даже отъ своего титула. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не смогъ удержаться и примѣшалъ къ своей кротости желчь, приправилъ свою величайшую уступку ѣдкимъ замѣчаніемъ. Послы должны были заявить, что все-таки ихъ господинъ «государь не со вчерашняго дня». И если ихъ спросятъ, что они подъ этимъ подразумѣваютъ, отвѣтить: «Тотъ самъ себя знаетъ, кто со вчерашняго дня государь».

Умъ Грознаго всегда имѣлъ опаснаго врага въ его темпераментѣ. Иванъ былъ человѣкомъ, который готовъ былъ отдать въ жертву своей прихоти цѣлую провинцію, а затѣмъ исправлять бѣду какой нибудь новой уступкой своего достоинства, которое онъ думалъ такимъ способомъ поддержать...

Онъ такъ торопилъ своихъ пословъ съ отъѣздомъ, что они прибыли въ Вильну, въ условленное мѣсто свиданія съ Баторіемъ, гораздо раньше назначеннаго срока. Вопреки всякимъ вѣроятіямъ, царь еще надѣялся помѣшать возникновенію враждебныхъ дѣйствій.

Но для польскаго короля Вильна была лишь этапомъ на пути новыхъ побѣдъ, которыя онъ замышлялъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда въ Вильну прибылъ король, московскіе послы узнали, что кромѣ Ливоніи отъ нихъ требуютъ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, всю Сѣверскую область и 400,000 дукатовъ военнаго вознагражденія. Послѣ этого Пушкинъ и его товарищи поѣхали въ Москву за инструкціями. Баторій отправилъ съ ними своего посла съ ультиматумомъ. Въ немъ король, въ дѣйствительности, ограничилъ свои требованія: кромѣ Ливоніи и военнаго вознагражденія, онъ требовалъ только разрушенія нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостей. Онъ соглашался ждать отвѣта только до 4-го іюня.

Въ это время миссія Шевригина уже принесла первый плодъ. Я разскажу ниже, какъ папа далъ себя соблазнить приманкой посредничества. Если бы даже это посредничество имѣло полный успѣхъ, даже

тогда оно не могло бы, съ точки зрѣнія интересовъ католицизма, компенсировать тѣ выгоды, какія обѣщала католицизму рѣшительная побѣда Польши. Назначенный посредникомъ іезуитъ Поссевинъ находился въ Вильнѣ, и одно его присутствіе представляло для Ивана неоцѣнимую помощь. Roma locuta erat. Святой престолъ высказывался противъ продолженія войны. Польша будетъ остановлена въ своемъ порывѣ, и если она будетъ упорствовать, ее удержатъ громы Ватикана. По крайней мѣрѣ, такъ думалъ царь. Онъ тотчасъ же выпрямился и обошелся съ Жерзекомъ приблизительно такъ же, какъ Баторій съ его послами. Онъ отправилъ посла назадъ съ письмомъ къ королю, которое начиналось такъ: «Мы, смиренный Иванъ Васильевичъ, царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію». О продолженіи можно догадаться по этому вступленію. Въ изданіи Кояловича, документъ этотъ имѣетъ 23 печатныхъ страницы. Въ немъ Грозный перефразировалъ по своему псалмы Давида и называлъ Баторія Амалекомъ, Сеннахерибомъ и Максенціемъ, жаднымъ до кровопролитія. Далѣе онъ объявлялъ, что если миръ не будетъ заключенъ сейчасъ же, онъ не пошлетъ болѣе пословъ въ Польшу ранѣе 30 или даже 50 лѣтъ и не будетъ принимать пословъ изъ Польши. Онъ категорически отвергалъ ультиматумъ. Болѣе того, возвращаясь къ прежнимъ своимъ условіямъ, онъ уже не хотѣлъ удовлетворяться четырьмя ливонскими городами. Онъ требовалъ оставленія за нимъ 36 городовъ съ Наровой и Дерптомъ и уступалъ только Великія Луки съ 24 небольшими сосѣдними крѣпостями. Это была «его послѣдняя мѣра».

Царь создалъ себѣ нѣкоторую иллюзію относительно силы Поссевина. Его письмо и сопровождающія его инструкціи не застали уже Баторія въ Вильнѣ. Король былъ въ Полоцкѣ и готовился начать съ своей арміей новую кампанію. Іезуитъ и московскіе послы послѣдовали за нимъ туда. Посланникъ папы попытался выступить въ качествѣ посредника. Но Пушкинъ и Писемскій теперь были настолько же неуступчивы, насколько покорны и сговорчивы они были недавно.

Когда Поссевинъ спросилъ ихъ, почему царь измѣнилъ свои предложенія, «Новый завѣтъ уничтожилъ Ветхій» свысока отвѣтилъ Пушкинъ. «Польскій король отвергъ первыя предложенія», продолжалъ онъ, небрежно вертя между своими пальцами соломинку, «теперь царь сдѣлалъ другія и къ нимъ ничего не прибавитъ». Баторій, съ своей стороны, не болѣе былъ расположенъ къ переговорамъ. Безъ сомнѣнія,

онъ долженъ былъ считаться съ посредничествомъ папы. Онъ объявилъ Поссевину, что отказывается отъ военнаго вознагражденія и разрушенія крѣпостей. При этомъ онъ несомнѣнно, расчитывалъ, что русскіе не будутъ ловить его на словѣ. И, дѣйствительно, послы Ивана были глухи къ его заявленіямъ. Поэтому, немедленно и рѣзко прервавъ аудіенцію, король объявилъ имъ, что онъ сейчасъ-же выступаетъ и начинаетъ войну и уже «ни изъ-за Ливоніи, а за все достояніе ихъ государя». Іезуитъ понялъ, что настаивать съ этой стороны нечего. Когда онъ заявилъ о своемъ намѣреніи отправиться къ царю, чтобы расположить его къ уступкамъ, ему пожелали счастливаго пути. Польская армія уже трогалась въ походъ.

Баторій хотѣлъ оставить безъ отвѣта послѣднее письмо Ивана. Но окружающіе короля опасались, какъ бы польскія и нѣмецкія газеты не остались подъ впечатлѣніемъ заключающихся въ немъ оскорбленій. До сего времени, проливая кровь, заставляли течь и чернила; надо было продолжать въ томъ же духѣ. Была пущена въ дѣло канцелярія короля. Она изготовила посланіе въ сорокъ страницъ. Чтобы дать должную оцѣнку оскорбителю, въ этомъ посланіи напоминали ему, что мать его была дочерью простого литовскаго дезертира. Нападая на его частную и общественную жизнь, въ посланіи, какъ слѣдуетъ, клеймили его оргіи и кровавыя излишества. Царь упрекнулъ короля въ исканіи союза съ турками: ему удачно противупоставили бракъ его съ мусульманкой Темрюковной и обычаи его предковъ, которые «слизывали кобылье молоко съ гривъ татарскихъ коней». Не забыта была и его нелюбовь показываться на поляхъ сраженія: «и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!». Вызовъ на единоборство, слѣдовавшій за этимъ выпадомъ, безъ сомнѣнія, покажется смѣшнымъ. Но нравы эпохи создали такіе прецеденты: Эрикъ XIV вызвалъ на бой Дедлея, въ которомъ онъ видѣлъ своего соперника по отношенію къ Елисаветѣ. Конечно, предполагали, что царь не приметъ этого вызова.

Иванъ не думалъ объ этомъ ни минуты и болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ принужденъ «прятаться». Его казна была пуста, страна истощена, деморализованные бояре оставили его почти безъ поддержки.

Въ этотъ моментъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, въ Старицѣ съ нимъ было не болѣе 300 человѣкъ. Однако, опасаясь, что Баторій направитъ свои усилія на Псковъ, царь добился того, что сосредоточилъ

тамъ сильный гарнизонъ, отборную часть своихъ полковъ. Городъ былъ хорошо обезпеченъ провіантомъ и снабженъ сильной артиллеріей. Иванъ могъ расчитывать на то, что Псковъ надолго задержитъ поляковъ, что подъ его стѣнами Баторій, не имѣя вспомогательной арміи, встрѣтитъ страшнаго союзника Москвы во всѣхъ оборонительныхъ войнахъ—зиму. И, въ самомъ дѣлѣ, если Поссевинъ прибылъ черезчуръ поздно, чтобы удержать короля, то и королю не удалось начать кампанію достаточно рано.

VIII.

Осада Пскова.

Королю пришлось употребить всю весну на переговоры съ сеймомъ. «Король далъ изъ своего кармана все, что могъ дать», кричалъ Замойскій депутатамъ, «что вы ждете еще отъ него,—чтобы онъ снялъ съ себя кожу? Если-бы какой нибудь алхимикъ нашелъ секретъ дѣлать золото изъ человѣческой кожи, король охотно занялся бы этимъ!» Въ концѣ-концовъ, субсидіи добились еще на одинъ годъ, цѣною принятія на себя условія, что война будетъ закончена. Поступленіе вотированныхъ налоговъ запоздало. Тогда заложили драгоцѣнности короны и получили 50,000 экю отъ герцога Анспахскаго и столько же отъ курфюриста Бранденбургскаго. Послѣ этого король двинулся въ путь. Но на Диснѣ произошла новая задержка. Подобно тому, какъ запоздали деньги, и люди не явились на призывъ. Здѣсь король узналъ, что отрядъ русскихъ, сосредоточенный у Можайска, вторгся въ Литву со стороны Смоленска. Тамъ онъ сжегъ 2,000 деревень, разорилъ цѣлую область между Оршей и Могилевомъ, и захватилъ и переправилъ на другой берегъ Днѣпра много народа—какъ крестьянъ, такъ и дворянъ. Баторій, дѣлая по 16 миль въ день, только 15 іюля прибылъ въ Полоцкъ. Тамъ онъ произвелъ смотръ своей арміи. 29 іюня онъ былъ въ Заволочьѣ и собралъ тамъ совѣтъ. Въ виду труднаго времени колебались относительно плана дѣйствій. Былъ поднятъ вопросъ о нападеніи на Новгородъ. Но, какъ и предугадалъ Иванъ, рѣшили итти на Псковъ, ибо онъ былъ ближе. Надо было предвидѣть, что городъ не сдастся ранѣе холодовъ. Переписка Баторія свидѣтельствуетъ, что онъ рѣшился на случайности зимней кампаніи въ надеждѣ

на то, что въ теченіе ея либо будетъ взятъ Псковъ, либо Иванъ принужденъ будетъ принять миръ. Чтобы сохранить Псковъ, царь можетъ бросить Ливонію. Наконецъ, вмѣшательство Рима, соединенное съ настроеніемъ Сейма, дѣлало то, что король готовъ былъ не требовать большого въ данный моментъ, не итти дальше.

Захвативъ по пути Островъ, поляки 25 августа оказались въ виду Пскова. Они были поражены его размѣрами и его величественнымъ видомъ. «Можно подумать, что это второй Парижъ», писалъ секретарь королевской канцеляріи, аббатъ Піотровскій, дневникъ котораго дошелъ до насъ. Это замѣчаніе повторено дословно въ мемуарахъ Мюллера, другого очевидца. Уже съ давнихъ временъ приведенный въ состояніе обороны и постоянно укрѣпляемый въ виду близости нѣмцевъ, Псковъ имѣлъ каменныя стѣны, къ которымъ недавно прибавили частоколъ. Руководили обороной два князя Шуйскихъ, Василій Ѳеодоровичъ и Иванъ Петровичъ; послѣдній былъ внукомъ того правителя, съ которымъ мы познакомились, изучая дѣтство Грознаго. Эти храбрые и опытные люди имѣли подъ своимъ командованіемъ—по русскимъ источникамъ—30,000 воиновъ, по польскимъ—40,000. Относительно дѣйствующей силы арміи, въ собственномъ смыслѣ слова, обѣ эти цифры преувеличены. Однако, онѣ не меньше дѣйствительности, если принять во вниманіе «ѣдоковъ», какъ называлъ полковникъ польской арміи, венеціанецъ Родольфини, рабочихъ и слугъ, идущихъ съ его арміей. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, могли быть употреблены въ качествѣ стрѣлковъ. Ихъ количество онъ исчислялъ въ 170,000 человѣкъ! Вѣроятно, и во Псковѣ было значительное количество такихъ «ѣдоковъ»; точную цифру ихъ установить невозможно, такъ какъ документы того времени не даютъ того, что находимъ мы въ нашей теперешней статистикѣ.

Что касается польскаго войска, то источники, къ которымъ я уже прибѣгалъ, даютъ болѣе опредѣленныя указанія. Они насчитываютъ подъ начальствомъ Баторія 21,102 человѣка, изъ нихъ около половины—конницы; по другому расчету—18,940 и около 10,000 литовцевъ.

Это было немного для осады города, который походилъ на Парижъ. Оффиціальный историкъ похода—со стороны поляковъ—Гейденштейнъ, правда, говоритъ о 24,000 великолѣпныхъ коней, которые продефилировали подъ удивленными взорами псковитянъ. Но, очевидно, у него двоилось въ глазахъ, какъ и у Ивана, который увѣрялъ

что «Обатура» поднялъ на него всю Италію. Ко времени, указываемому Гейденштейномъ, въ лагерѣ Баторія оставалось только 6,469 человѣкъ польской и 674 венгерской конницы. Участіе Италіи выразилось въ присылкѣ нѣсколькихъ инженеровъ, а изъ французовъ было 1 или два офицера,—между ними капитанъ Гаронъ, «человѣкъ маленькаго роста, хорошій музыкантъ и очень храбрый», по словамъ Піотровскаго; онъ, «плавая, какъ лягушка», измѣрялъ своей шпагой рвы города. Вѣроятно, это былъ гасконецъ и, конечно, смѣльчакъ.

Этого было недостаточно, чтобы взять первоклассную крѣпость, рѣшившуюся упорно защищаться. Принимая въ соображеніе средства, которыми, вообще, располагалъ Баторій, можно усомниться, имѣлъ ли онъ въ виду продолжительную осаду. Въ его артиллеріи было не больше двадцати орудій, и пороху едва хватило бы на первыя недѣли. Очень можетъ быть, разсчитывая на свою кавалерію, чтобы оцѣпить городъ, король имѣлъ намѣреніе взять его голодомъ. Но и онъ самъ не былъ склоненъ простоять подъ стѣнами Пскова всю зиму. Вѣроятно, онъ боялся, что духъ войска можетъ пасть при видѣ необходимыхъ приготовленій къ зимней стоянкѣ, палатокъ и провіанта. Недостатокъ въ деньгахъ и позднее выступленіе въ походъ присоединились къ условіямъ, разбившимъ его планы и нарушившимъ расчеты. Собственно говоря, онъ шелъ на большой рискъ. Но его геній и пріобрѣтенный размахъ способствовали его удачѣ и, дѣйствительно, рѣшили исходъ борьбы.

Трудно возстановить внѣшній ходъ этой борьбы, но еще труднѣе проникнуть въ ея моральный смыслъ, что, собственно, и является особенно интереснымъ. Русскіе и польскіе источники, согласные въ деталяхъ, постоянно и рѣшительно расходятся въ своихъ показаніяхъ по существу, противорѣча другъ другу въ описаніяхъ положенія сражающихся и общаго хода сраженій. Одна сторона приписываетъ большое значеніе вылазкамъ осажденныхъ; другая утверждаетъ, что гарнизонъ былъ далеко не столь предпріимчивъ и боялся огня орудій. Польскіе документы отдаютъ должное непрерывной и усиленной дѣятельности маленькихъ московскихъ отрядовъ, тревожившихъ осаждающихъ и мѣшавшихъ имъ получать провіантъ. Русскіе—представляютъ намъ населеніе Пскова полнымъ энтузіазма, равнаго доблести ихъ защитниковъ, помогавшей воинамъ сопротивляться до послѣдней капли крови. Со стороны поляковъ читаемъ иную версію: будто бы одна лишь энергія Шуйскаго помѣшала *черни* пойти на до-

вольно скорую сдачу. На этотъ счетъ русскіе источники содержатъ, повидимому, вполнѣ безспорныя указанія. Будучи назначены на защиту Пскова, оба Шуйскіе должны были отправиться съ царемъ въ Успенскій соборъ и тамъ принести присягу въ томъ, что будутъ отстаивать городъ до послѣдней возможности. Ту же клятву они не разъ заставляли приносить и самихъ псковитянъ. Очевидно, эти послѣдніе не слишкомъ были расположены выдерживать осаду. Но надо, все же, прибавить, что наиболѣе значительный документъ, относящійся къ этому эпизоду,—записки аббата Піотровскаго—принадлежитъ перу человѣка недовольнаго, выведеннаго изъ терпѣнія продолжительностью войны и непріятностями зимняго похода. Уже въ Полоцкѣ онъ считалъ требованія Баторія чрезмѣрными и находилъ, что войну пора бы кончить безъ дальнѣйшихъ распрей. «Всѣмъ она надоѣла». Конечно, ему казалось, что подъ Псковомъ все идетъ не такъ, и что продолжительная осада увеличиваетъ бѣдствія сражающихся.

Вѣрно только то, что первый приступъ поляковъ 8 сентября 1581 года былъ храбро отраженъ русскими, и осаждающіе понесли страшныя потери. Тутъ погибъ Гавріилъ Бекешъ, братъ смѣлаго начальника венгерской кавалеріи, утомленный предыдущимъ походомъ. Попытка эта долго не возобновлялась. И такъ не хватало боевыхъ запасовъ, а тутъ еще взорвало пороховой погребъ въ Зушѣ. Пришлось отправлять за порохомъ въ Ригу, и Баторій могъ на досугѣ изучать воинское искусство по книгѣ графа Рейнгарта Сольмскаго, которую прислалъ ему сынъ знаменитаго маршала Карла V. А, въ это время, осажденные издѣвались надъ осаждающими, кричали, почему они не палятъ? Какъ думать о томъ, чтобы взять городъ, когда нечѣмъ палить? Пускай смотрятъ на валы хоть два года!

Въ концѣ октября польская армія порѣдѣла на 10% благодаря голоду и стужѣ. Не приходилось и сорока лошадей на эскадронъ, по свидѣтельству Піотровскаго, и литовцы грозились уйти. Баторій былъ принужденъ собрать предводителей и сказать имъ рѣчь. Но дѣла пошли еще хуже, когда король счелъ необходимымъ вернуться въ Варшаву, чтобы принудить сеймъ къ новымъ усиліямъ. Новый приступъ 3 ноября, послѣ прибытія обоза изъ Риги, кончился такъ же печально, какъ и первый. Тогда сняли орудія съ баттарей и болѣе, чѣмъ когда-либо, стали ждать мира. Главное командованіе войскомъ принадлежало теперь Замойскому; польскіе историки самого послѣдняго вре-

мени особенно восхваляютъ его достоинства въ ущербъ «мадьярскому королю». Но былъ ли бы онъ въ силахъ удержать армію подъ знаменами и заставить ее переносить жестокія испытанія этой осады, если бы за нимъ не стоялъ государь, характеръ и сила котораго были всѣмъ извѣстны? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Безъ Даву и Ланна, Нея и Массена, Наполеонъ не выигралъ бы большинства своихъ битвъ; мы знаемъ, что при наличности полководцевъ, подобныхъ Груши, онъ дошелъ до Ватерлоо! Собственно, Замойскій только слѣдовалъ плану, который, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ оказаться наиболѣе подходящимъ при данныхъ обстоятельствахъ. Никто не станетъ отрицать, что планъ этотъ принадлежалъ Баторію. Псковичи готовы были прійти къ убѣжденію, что городъ можно взять, *смотря на него*. Поляки не стрѣляли, но они держались своей линіи, не допускали никакого общенія Пскова съ окрестностями, а запасы, собранные въ немъ царемъ, грозили истощиться.

Съ другой стороны, въ Ливоніи, куда не могъ проникнуть ни одинъ русскій, шведы побѣдоносно шли впередъ. Теперь Польша могла скорѣе опасаться, нежели желать такихъ независимыхъ союзниковъ. Они, тѣмъ не менѣе, наносили чувствительные удары общему врагу. Въ теченіе лѣта, сначала порознь, а затѣмъ соединивъ свои силы, Горнъ и Делагарди взяли Лодзь, Фикель, Гапсаль; въ сентябрѣ они осадили Нарву. Нѣмецкая часть города сдалась послѣ осады, во время которой, по ливонскимъ лѣтописямъ, погибло до 7,000 жертвъ, а русская часть сдана была Аѳанасіемъ Бѣльскимъ. Въ концѣ ноября вся береговая линія Финнскаго залива была въ рукахъ шведовъ, которые могли теперь брать въ плѣнъ англійскія суда, снабжавшія Ивана военными запасами. Угрожая Пернау, Дерпту и Феллину, Делагарди готовъ былъ овладѣть послѣднимъ русскимъ оплотомъ въ этомъ краю.

Эти побѣды, естественнымъ образомъ, отозвались подъ стѣнами Пскова, заставляя еще больше желать мира, къ которому стремились обѣ стороны. Въ концѣ ноября гонецъ отъ Шуйскаго къ царю, перехваченный осаждающими, вернулъ имъ мужество: онъ везъ съ собою вѣсть, что, если городъ не получитъ помощи, онъ принужденъ будетъ сдаться, такъ какъ начался голодъ. Правда, нѣсколько дней спустя, два боярина, изъ защищавшихъ городъ, попались въ плѣнъ полякамъ и дали совершенно другія показанія: у осажденныхъ-де есть и хлѣбъ, и все прочее, не хватаетъ только мяса. Но въ это время уполномочен-

ные Баторія уже направлялись въ Ямъ-Запольскій, чтобы встрѣтиться тамъ съ довѣренными Ивана и заключить миръ при посредствѣ Поссевина.

Очень различнымъ образомъ учитывалось въ этомъ дѣлѣ участіе папы. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, я долженъ вернуться назадъ и разсказать о началѣ одной миссіи, которая составила эпоху въ исторіи дипломатическихъ отношеній между Москвою и Римомъ (*).

(*). По вопросу о причинахъ войны см. переписку Винцента Лаурео, напечатанную *Вержбовскимъ*, Варшава, 1887. По исторіи войны между старыми сочиненіями см. *Albertrandi*, le Règne de Henri de Valois et d'Etienne Bathory, Varsovie, 1823, новое изданіе; *Heidenstein*, De bello Moscovitico, у Старчевскаго, II; Stryjkowski, Zbiór dziejopisòw polskich, Варшава, 1766; всѣ они основаны на оффиціальныхъ польскихъ данныхъ того времени. *Sulicovius*, Commentarius brevis rerum polonarum, написанъ до 1597 г , напечатанъ въ Данцигѣ въ 1647 г., болѣе независимъ. Что касается до иностранцевъ, то *Одерборнъ*, o. cit. только прибавляетъ къ оффиціальнымъ даннымъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ; *Renner* въ Livlaendische Historien, даетъ нѣсколько точныхъ свѣдѣній. *Brutto* и *Giulay* опубликовали вскорѣ послѣ войны нѣсколько реляцій. Въ болѣе недавнее время *Горскій* представилъ новыя данныя въ историческихъ очеркахъ о войнѣ, напечатанныхъ въ Biblijoteka Warszawska, 1892 г. и въ цѣлой серіи трудовъ о польской арміи, напечатанныхъ въ Краковѣ отъ 1843 до 1894 г. См. также разборъ этихъ очерковъ у *Корзона* въ Kwartalnik Historyczny, Lemberg, 1892 г. См. также *Никитскій*, Очерки внутренней исторіи Пскова, СПБ., 1873. Главные русскіе источники слѣд.: повѣствованіе о вторженіи поляковъ въ Чтеніяхъ О. Истор. и Др , 1847, различные документы въ Hist. Russia Monumenta, I и въ сборникѣ *Кояловича*, 1867. Польскіе источники; записки аб. Піотровскаго, изданныя сначала *Кояловичемъ*, а въ болѣе недавнее время аб. Чу-

чинскимъ, Краковъ, 1894; различные документы, опубликованные аб. *Полковскимъ* въ XI т. Acta Historica, Краковъ, 1887; *Павинскій*, см. XI т. Zródla Dziejowe, Варшава, 1881—1882; документы нап., въ Библіотекѣ Красинск. Варшава, 1881; ср. Архивы дома Радзивиллъ, Краковъ, 1885; Архивы дома Сапѣга, Львовъ, 1892. Но важнѣйшими источниками являются летучіе листки и вѣдомости того времени, полной коллекціи которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, а встрѣчаются лишь небольшія собранія въ библіотекахъ Лемберга (Pawlikowski, Kurnik и Wolfenbüttel. См. по этому вопросу *Hausmann*, Studien zur Geschichte der Koenigs Stephan, Dorpat 1880 и, особенно, *Василевскій*—ст. о польской и нѣмецкой печати во время войны Баторія съ Ив. IV, Журн. Мин. Нар. Пр., 1889). Наиболѣе интересными являются нѣкоторыя указанія въ различныхъ мемуарахъ той эпохи; между ними—мемуары *Мюллера*, появившіеся въ различныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ 1585—1606 г., и въ польскомъ изданіи, 1840. О дѣйствіяхъ шведовъ: *Lossïus*, Die Urkunden der Grafen de la Gardie, Dorpat, 1882. Во вопр. о переговорахъ: *Dogiel* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae, Vilna, 1758; Hist. Russiae Mon.; I; Книга посольская... великаго княжества Литовскаго, изд. *Погодина и Дубенскаго*, М. 1843; Переписка между Россіей и Польшей, опублик. *Бантышъ-Каменскимъ* въ Чтеніяхъ О-ва И. и Др., 1860; *его же*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній... Москва, 1894. Annales ecclesiastici; Theiner, т. III; Памятники дипломатическихъ сношеній, С.-П. 1851—1871, т. I; Мухановскій Сборникъ, Москва, 1836; Chytraeus, Chronicon Saxoniae, 1593—1611 и т. д. Для характеристики Баторія: *Niemcewicz*, Zbiór Pamietników, Варш., 1822, II т. *Plater*, Zbiór Pamietników, Варш., 1858; *Raczynski*, Варш. 1830; см. также неоконченный трудъ *Szlachtewski*, Dziesiec lat panowania S. B., Краковъ, 1850; *Bartoszewicz*, Anna Jagiellonka, Краковъ, 1882; труды *Павинскаго*, Варшава, 1877—1897 г.; Переписка *Лауреo*, изд. *Вержбовскаго; Kraushaar*, Czary na dworze Batorego, Крак. 1888; записки *Вилевицкаго* въ т. VII, Scriptores rerum polonie, 1881; *Ridolfini*, Przewodnik Naukowy, Lemberg, 1878, т. II; Полной біографіи короля нѣтъ, потому что нельзя считать таковой книгу *Warszewicki*, Vita, res gestae et obitus Stephanis regis, Bale, 1612, а сочиненіе *H. Zschokke*, Stephan Batori, Beyreuth, 1797, только романъ. Венгерскій писатель *Szadecky*, Bathory Istvan, Budapest, 1887 (отрывки въ Ungarische Revue 1887), собралъ нѣкоторые интересные матеріалы и готовитъ новые.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Потеря Ливоніи.—Римъ и Москва.

I. Миссія Шевригина.—II. Папское посредничество.—III. Ямъ-Запольское перемирье. — IV. Поссевинъ въ Москвѣ. — V. Послѣ перемирія.

I.

Миссія Шевригина.

Отправленіе Шевригина посломъ въ Римъ было событіемъ, не имѣвшимъ прецедентовъ. До сихъ поръ первые шаги всегда предпринимались папскимъ дворомъ. И всегда Польша старалась стать поперекъ дороги этимъ попыткамъ; а Венеція, заинтересованная въ томъ, чтобы завязать коммерческія сношенія съ Московіей, напрасно старалась побѣдить сопротивленіе ея подозрительной и зоркой дипломатіи. Посланцы папы Пія IV—Канобіо, Джиральди, Бонифачіо,—всѣ были перехвачены предшественниками Баторія. Въ правленіе Пія V, въ 1570 г. Винцентъ дель Портико, папскій нунцій въ Польшѣ, пробовалъ было занять мѣсто посредника между Иваномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, имѣя въ виду заключить лигу противъ турокъ. Но какъ разъ въ это время посолъ Ивана въ Константинополѣ старался представить своего государя весьма расположеннымъ къ султану; объ этомъ узнали въ Римѣ, да и, кромѣ того, знакомство съ записками Альберта Шлихтингъ,—солдата прусскаго происхожденія, бѣжавшаго изъ Московскаго плѣна послѣ послѣдней неволи, еще болѣе охладило папу. Въ 1576 г. былъ произведенъ новый опытъ: нунцій Лаурео, принужденный покинуть Польшу изъ за двойного избранія Баторія и Максимиліана, столковался въ Германіи съ двумя русскими послами, Сугорскимъ и Арцыбашевымъ. Новый папскій легатъ при дворѣ императора, кардиналъ Мороне, способствовалъ этимъ переговорамъ. Съ разрѣшенія Григорія XIII, онъ выбралъ Родольфа Кленке, ученаго, обладавшаго сильнымъ тѣлосложеніемъ и предпріимчивымъ

духомъ, чтобы содѣйствовать сближенію, котораго такъ давно желали. Но Польша слѣдила зорко, и въ самый послѣдній моментъ Максимиліанъ воспротивился отъѣзду указаннаго уполномоченнаго. Наконецъ, въ 1575 г. во время перваго похода Баторія, преемникъ Лаурео, Калигари, такъ же безуспѣшно повторилъ попытку Портико.

Теперь первый шагъ навстрѣчу дѣлалъ царь. Леонтію Истомѣ Шевригину, котораго за границей звали Томасомъ Северингенъ, было поручено предложить тотъ союзъ противъ турокъ, на которомъ Римъ строилъ свои—наполовину религіозные, наполовину политическіе планы. Главнымъ условіемъ этого союза было то, чтобы Польскому королю дать совѣтъ, а, при необходимости, и приказаніе заключить миръ. Проѣзжая черезъ Прагу, гдѣ императоръ встрѣтилъ его довольно холодно, Шевригинъ вошелъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ и съ Веницейскимъ посломъ. Сначала думали, что у него есть нѣкоторыя порученія къ республикѣ: но оказалось, что онъ не зналъ даже титула дожа и думалъ, будто Венеція составляетъ часть папской области. Но дорогой онъ присоединилъ къ себѣ двухъ спутниковъ, Ливонскаго нѣмца, Вильгельма Поплера, и миланца Франческо Паллавичини,—у которыхъ было больше и свѣдѣній, и изобрѣтательности. Въ сопровожденіи этихъ двухъ господъ онъ отправился въ Венецію и вручилъ дожу царскую грамоту. По мнѣнію Пирлинга (La Russie et le Saint-Siège, II, 14 и д.) онъ сфабриковалъ эту грамоту самъ, чтобы имѣть право пользоваться папскими милостями; по мнѣнію Успенскаго (Сношенія Рима съ Москвою, Жур. Мин. нар. пр. 1885, авг.), ее сочинили въ Римѣ, чтобы привлечь республику къ дѣлу религіозной пропаганды, которое, повидимому, начинало на этотъ разъ налаживаться.

Импровизированный посолъ и не старался быть тонкимъ дипломатомъ. Онъ съ удовольствіемъ принималъ расточаемыя ему почести, туманно говорилъ о возможныхъ торговыхъ сношеніяхъ, указывая довольно неопредѣленно на путь водою черезъ Каспійское море и Волгу; излишней болтовней далъ понять объ отчаянномъ положеніи своего государя и поспѣшилъ въ Римъ, куда и прибылъ 24 февраля 1581 года.

Сначала онъ принятъ былъ хорошо и съ бо̀льшимъ почетомъ, нежели заслуживало его званіе простого *гонца*. Но чтеніе привезенной имъ грамоты, на этотъ разъ подлинной, подѣйствовало охлаждающимъ образомъ. Царь выражалъ въ ней желаніе, чтобы папа *повелѣлъ* Ба-

торію отказаться отъ союза мусульманскаго и войны противъ христіанъ; но о вѣрѣ не было ни слова. Иванъ просилъ многаго, ничего не давая взамѣнъ. Но искушеніе войти въ какіе бы то ни было сношенія было слишкомъ велико, и рѣшено было отправить въ Москву посла. Ему надлежало поставить на настоящее мѣсто условія союза: сперва религіозный миръ, а потомъ политическое соглашеніе. Очень можетъ быть, какъ предполагалось многими, что здѣсь не обошлось безъ польскаго вліянія; во всякомъ случаѣ, этотъ планъ былъ наиболѣе разумнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но, когда избранъ былъ посредникъ, подъ вліяніемъ его пошли еще дальше. Поссевинъ былъ замѣтнымъ дипломатомъ. Уже два раза, въ 1578 и 1580 г., на него были возложены порученія къ шведскому двору, и онъ былъ назначенъ папскимъ викаріемъ всего Сѣвера. Онъ слылъ довольно ловкимъ дипломатомъ и выказалъ очень опредѣленную наклонность не только подчинять духовные интересы свѣтскимъ, но даже и жертвовать ими въ случаѣ необходимости. Въ Стокгольмѣ, куда онъ явился въ платьѣ дворянина, со шпагой на боку и со шляпой въ рукѣ, ему не удалось добиться союза съ Римомъ; но онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ между Швеціей и Польшей, начатыхъ ради заключенія союза противъ Москвы, который оказался такимъ неудачнымъ. Въ 1579 г. онъ посѣтилъ въ Вильнѣ Баторія съ тою же цѣлью. Теперь же онъ добился того, что, подъ его вліяніемъ, римскій дворъ незамѣтнымъ для себя образомъ далъ себя увлечь отъ религіи въ сторону политики.

Мысль о союзѣ противъ Ислама была химерой: Филиппу слишкомъ много было заботъ съ новымъ покореніемъ Португаліи, Венеція слишкомъ была заинтересована за послѣднее время гаванями Леванта. Но вопросъ о лигѣ выдвигался впередъ каждый разъ, когда въ Римѣ было извѣстно, что за нею—стать некому и нечему. Для Рима, какъ и для Москвы эта лига являлась лишь ширмами, скрывавшими интересы болѣе практическаго свойства. Если даже папѣ и не удастся поднять европейскія державы для новаго крестоваго похода, все же въ ихъ единомысліи по этому вопросу, создавшемся подъ покровительствомъ престола, св. отецъ видѣлъ возможность вернуть хотя крупицу своего прежняго значенія. Казалось, что протестантство отступаетъ во многихъ пунктахъ: въ Нидерландахъ вытѣснялъ его Филиппъ Фарнезе; во Франціи поднимали голову Гизы; въ Швеціи, подъ покровительствомъ втайнѣ сочувствовавшаго короля, королева воспиты-

вала наслѣдника престола въ самой пламенной католической вѣрѣ; въ Польшѣ диссиденты уже не являлись политической партіей, а, разъ потерянная для Германіи, Ливонія могла ускользнуть и отъ реформаціи. Въ Римѣ предполагали, что во власти ереси останутся только Англія, часть имперіи и маленькая Данія. Если, помиривъ Москву и Польшу, удастся, подъ предлогомъ общей обороны противъ турокъ, заставить Габсбурговъ заключить коалицію съ Венеціей—конечно, подъ эгидой Рима—къ этому послѣднему можетъ, пожалуй, вернуться господство надъ міромъ.

Папство уже дошло до такого состоянія, когда, за отсутствіемъ желаемой дѣйствительности, громадное значеніе придавалось простымъ возможностямъ.

Папская грамота, адресованная Ивану въ отвѣтъ на его письмо, отразила въ себѣ всѣ эти расчеты. Папа принималъ мысль о лигѣ, а равно и условія, предложенныя Иваномъ. Онъ, пожалуй, явится посредникомъ между нимъ и королемъ Польши. Но онъ ставилъ свое посредничество въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій: миръ можетъ быть заключенъ лишь на основаніи такого союза, который соединяетъ всѣхъ въ лонѣ истинной церкви. Это было довольно ловко придумано; однако же, въ тайныхъ наказахъ, данныхъ Поссевину и разработанныхъ съ его помощью, рѣшительный смыслъ этого отвѣта оказался значительно смягченнымъ. Тамъ еще говорилось о возсоединеніи обѣихъ церквей, какъ о конечной цѣли, къ которой іезуитъ долженъ былъ стремиться; но, на практикѣ, его миссія была, повидимому, ограничена двумя пунктами—чисто мірского свойства: я имѣю въ виду установленіе торговыхъ сношеній съ Венеціей и заключеніе мира между Польшею и царемъ. Въ отношеніи всего остального папа готовъ былъ помириться на минимумѣ. Если даже Иванъ и откажетъ въ своемъ разрѣшеніи на постройку церкви и на водвореніе іезуитовъ въ своей столицѣ,—въ данный моментъ можно будетъ удовольствоваться началомъ правильныхъ сношеній съ Русью.

Въ сущности, Шевригинъ сдѣлалъ больше того, чего ждалъ отъ него государь. Этого варвара Риму не удалось поразить ни чудесами своего искусства, ни пышностью религіозныхъ обрядовъ. Онъ больше интересовался папскими подарками—роскошнымъ Agnus Dei, золотою цѣпью и кошелькомъ съ 600 дукатовъ; однако, онъ не удовольствовался ими; этому неучу не только удалось осуществить сближеніе, которому такъ усердно мѣшала Польша—онъ обратилъ это сближеніе

противъ нея самой! Въ то время, какъ Баторій шелъ отъ тріумфа къ тріумфу и отъ побѣды къ побѣдѣ, Римъ и Москва сговаривались вырвать изъ его рукъ плоды его торжества. И притомъ царскій гонецъ не подавалъ папскому двору никакихъ надеждъ относительно успѣховъ католицизма на его родинѣ. Это доказываетъ намъ переписка кардинала де Комо, главнаго редактора инструкцій, данныхъ Поссевину. Въ письмѣ своемъ къ Калигари онъ безъ обиняковъ выражаетъ мысль, что поступокъ Ивана былъ внушенъ ему не хорошими намѣреніями, которымъ бы могъ радоваться Римъ, а хорошими ударами, пришедшимися на долю царя (non nasce de buone intezione, ma solo delle buone battiture).

Шевригинъ покинулъ Римъ 27 марта 1581 г., увозя съ собою живое доказательство своего успѣха: съ нимъ ѣхалъ Поссевинъ. Они должны были, возвращаясь тѣмъ же путемъ, по которому ѣхалъ Ивановъ гонецъ, привести въ Венеціи и при дворѣ императора въ исполненіе задуманный планъ. Папскій легатъ формулировалъ общія предложенія передъ Совѣтомъ Десяти. Синьорія безъ дальнихъ словъ извлекла изъ нихъ то, что ей было удобно: начать торговыя сношенія съ Москвою — хорошо: это давно было ея желаніемъ; помирить царя съ польскимъ королемъ—согласны! торговля нуждается въ мирѣ. Остальное уже дѣло Рима. Въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Поссевиномъ дожъ Никола да Понте выразительно замѣтилъ, что, со времени Лепанто, онъ не вѣритъ лигамъ. Въ Вѣнѣ и Прагѣ вопросъ о лигѣ былъ окончательно устраненъ. Кромѣ того, императоръ не далъ аудіенціи, и только одинъ легатъ видѣлся съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, который раньше былъ претендентомъ на польскій престолъ и только съ этой точки зрѣнія интересовался московскими дѣлами. Австрійской дипломатіи было, конечно, не трудно раскусить, на чемъ, собственно, была основана эта новая дружба между Римомъ и Москвою, за которую заплатитъ Польша. «Хлыстъ польскаго короля», писалъ Поссевинъ кардиналу де Комо, «можетъ быть, является наилучшимъ средствомъ для введенія католицизма въ Московіи». Ободренный успѣхомъ, Шевригинъ воображалъ, что привезетъ своему государю въ подарокъ изъ Вѣны титулъ Императора Востока. Но онъ получилъ только кошелекъ съ сотней флориновъ, и спутники разстались. Русскій гонецъ отправился въ Любекъ, а іезуитъ въ Вильну, чтобы приступить тамъ къ своей миссіи въ качествѣ посредника.

II.

Папское посредничество.

Нунцій Калигари уже поставилъ Польскаго короля въ извѣстность относительно прибытія легата тѣмъ, что просилъ для него пропускъ. Его встрѣтили очень холодно. Іезуитъ Скарга, ректоръ Виленской коллегіи, считалъ эту миссію совершенно излишней. Кромѣ соображеній общаго характера, которыя заставляли его раздѣлять это мнѣніе, Баторій имѣлъ еще другія, болѣе частныя, причины не довѣрять теперь римской политикѣ. Уже нѣсколько времени папа внушалъ ему тщеславную мысль овладѣть Валахіей, гдѣ долженъ былъ перемѣниться государь. А, между тѣмъ, въ Варшавѣ было извѣстно, что Григорій XIII подъ рукою покровительствуетъ кандидатурѣ Петра Черчеля, на сторонѣ котораго—Франція. Изъ Рима шли слухи, что на конгрегаціи, на которой было рѣшено отправить въ Россію Поссевина, присутствовалъ кардиналъ Мадруччи, прежній папскій нунцій въ Германіи; наконецъ, совѣщаніе легата съ эрцгерцогомъ Эрнстомъ было весьма подозрительно въ глазахъ новаго польскаго короля.

Однако, пропуски были выданы, и Поссевинъ нашелъ Баторія въ нѣсколько лучшемъ расположеніи. Причиной этой перемѣны, конечно, можно считать задержку при выступленіи въ походъ. Вокругъ короля громко говорили, что пора заключить хоть какой-нибудь миръ. Когда, въ концѣ іюля 1581 г., папскій посолъ отправился въ путь, чтобы съѣхаться съ Иваномъ, а король двинулся по направленію къ Пскову, большинство поляковъ желали успѣха іезуиту. 20-го августа, послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ приключеній,—напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ, думая отправиться на *объдъ*, Поссевинъ попалъ къ *объднъ*—онъ въ Старицѣ предсталъ «предъ ясныя царевы очи».

Римъ сдѣлалъ все возможное, чтобы обезпечить здѣсь своему представителю хорошій пріемъ. Къ папской грамотѣ, адресованной къ царю, было присоединено письмо къ царицѣ *Анастасіи*, гдѣ папа называлъ ее возлюбленной дщерью, такъ какъ онъ не зналъ, что она давно умерла, и послѣ нея было уже не мало другихъ царицъ. Были отправлены подарки: распятіе горнаго хрусталя съ золотомъ, греческій экземпляръ постановленій Флорентійскаго собора, роскошно переплетенный, четки, обдѣланныя въ золото съ дорогими камнями, хрустальная съ золотомъ чаша, и, самый драгоцѣнный даръ—

частица животворящаго креста Господня, заключенная въ распятіи. Таковы были подарки первосвященника, и Иванъ изволилъ объявить, что они достойны пославшаго ихъ. Въ послѣдній моментъ Поссевинъ рѣшился исключить изъ ихъ числа изображеніе Святого Семейства, гдѣ совершенно нагой Иванъ Креститель могъ оскорбить глаза, привыкшіе къ болѣе скромной иконописи.

Іезуитъ оказался на высотѣ своего назначенія. Съ большимъ мастерствомъ онъ пустилъ въ дѣло пріемы, которые ему уже удавались въ другихъ случаяхъ. Въ основаніе своихъ рѣчей онъ полагалъ великое дѣло общности вѣры,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не выдвигалъ его на первый планъ. Онъ былъ гибокъ и вкрадчивъ, краснорѣчивъ и лукавъ; однако, задача его была трудна. Отвѣтъ, данный на мирныя предложенія римскаго посредника, представляетъ собою любопытный памятникъ московской дипломатіи. Шесть придворныхъ были назначены отвѣчать легату, и каждому былъ данъ особый наказъ, такъ что каждый касался одного пункта предложенной задачи: лиги противъ турокъ, состоянія переговоровъ, уже начатыхъ съ Баторіемъ, сношеній съ Римомъ и т. д. Но, когда это было сдѣлано, царскіе дьяки радикально переработали эти пункты въ новой серіи наказовъ, къ которымъ присоединили еще нѣсколько: въ концѣ-концовъ, получилось тридцать шесть документовъ, которые Поссевинъ долженъ былъ заслушать. Каждый начинался воззваніемъ къ Пр. Троицѣ и полнымъ перечисленіемъ всѣхъ царскихъ титуловъ, а, между тѣмъ, все это должно было только служить основаніемъ для преній въ теченіе многихъ недѣль. Предстояли устные споры, обмѣнъ нотами, постоянное вмѣшательство самого царя, неизбѣжныя недоразумѣнія изъ-за обоюднаго незнанія языка—словомъ, въ непроходимомъ лабиринтѣ воздвигалась Вавилонская башня!

Съ перваго момента выяснилось, что существуетъ разногласіе въ самомъ отправномъ пунктѣ начатыхъ переговоровъ. Легатъ представлялъ Баторія склоннымъ, благодаря вмѣшательству папы, къ большимъ уступкамъ и просилъ Ивана сдѣлать, въ свою очередь, шагъ въ этомъ же направленіи. Но, какъ разъ, папское вмѣшательство дѣлало Ивана крайне несговорчивымъ. Вмѣсто того, чтобы итти впередъ, царь отступалъ, отказываясь отъ того, что онъ уже обѣщалъ, требуя немедленнаго снятія осады со Пскова и присылки польскаго посольства. Не за этимъ ли онъ обращался къ папѣ? Полученное отъ Баторія письмо съ вызывомъ на поединокъ не могло внушить ему ми-

ролюбивыхъ мыслей. Сначала Иванъ старался говорить объ этомъ скорѣе съ грустью, нежели съ гнѣвомъ, и когда Поссевинъ попросилъ сообщить ему содержаніе документа, онъ хотѣлъ дать ему только извлеченіе изъ письма, гдѣ оставалась бы одна сущность, а оскорбленія были бы изъяты. Но тотчасъ же онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не показать составленнаго имъ отвѣта; въ немъ онъ приводитъ одно за другимъ наиболѣе оскорбительныя мѣста посланія, чтобы ими же разить своего противника, при чемъ прибѣгаетъ къ самымъ неожиданнымъ доводамъ. Баторій его упрекаетъ въ томъ, что онъ не спѣшилъ на помощь осажденнымъ городамъ—но онъ считалъ себя связаннымъ перемиріемъ съ врагами! И какъ можетъ король отрицать римское происхожденіе царствующаго на Москвѣ дома? Если бы не было *Пруса*, откуда бы Пруссія получила свое наименованіе?

Въ концѣ-концовъ, спустя цѣлый мѣсяцъ посредникъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Правда, въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ ему удалось кое-чего добиться: хотя ни на постройку католическихъ церквей, ни на водвореніе іезуитовъ въ Москвѣ разрѣшенія не послѣдовало, тамъ охотно соглашались на поддержаніе правильныхъ сношеній съ Римомъ и на свободный пропускъ папскихъ пословъ, направляемыхъ въ Персію. Это, все-таки, было начало, и можно было надѣяться на большее послѣ заключенія мира, судя по осторожной формѣ отказовъ и по недомолвкамъ въ уступкахъ. Постоянно возвращались къ этому первоначальному и непремѣнному условію и крѣпко держались за то, что царь называлъ своей «послѣдней мѣрой», которая была уже отвергнута Баторіемъ. Поссевинъ надѣялся сдѣлать сразу два дѣла, примиривъ Московію и со своими первоначальными кліентами—шведами. Изъ уваженія къ папѣ рѣшились нарушить обычай вести переговоры со шведами непремѣнно въ Новгородѣ. Царь согласился принять въ Кремлѣ пословъ короля Іоанна. Но этотъ послѣдній не думалъ о послахъ и продолжалъ одерживать побѣды на Балтійскомъ побережьѣ. Было ясно, что царь надѣялся заставить Іоанна дорого заплатить за эти побѣды, лишь только онъ покончитъ съ Баторіемъ. А, чтобы покончить съ Баторіемъ, онъ расчитывалъ на зиму и на папу. Платя хитростью за хитрость, онъ съ большой ловкостью старался поддержать доброе расположеніе легата отдаленной надеждой на союзъ; въ то же время Богданъ Бѣльскій, которому вмѣстѣ съ Никитой Захарьинымъ было поручено вести переговоры, пытался подкупить Поссевина инымъ, болѣе грубымъ способомъ.

Въ серединѣ сентября іезуитъ понялъ, что онъ теряетъ здѣсь свое время даромъ и рѣшился отправиться въ польскій лагерь. Это было особенно пріятно Ивану. Прощаясь съ легатомъ, онъ сказалъ, что отпускаетъ его къ королю Стефану, шлетъ съ нимъ поклонъ и проситъ—послѣ переговоровъ о мирѣ въ томъ смыслѣ, какъ повелѣлъ папа, вернуться въ Москву; присутствіе посла всегда-де царю пріятно ради пославшаго его и благодаря его вѣрности царскимъ дѣламъ. Онъ звалъ іезуита къ себѣ на службу. Онъ охотно платилъ бы ему. И, такъ какъ папа приказалъ, чтобы миръ былъ заключенъ согласно желаніямъ царя, онъ и долженъ быть въ его интересахъ. Вотъ что твердилъ все время Иванъ. Это ясно вытекаетъ изъ смысла этого дипломатическаго эпизода.

Поссевинъ добрался до Пскова въ первыхъ числахъ октября и на этотъ разъ чрезвычайно добросовѣстно исполнялъ роль честнаго посредника. Сообщивъ полякамъ свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Старицѣ, онъ старался опровергнуть то, что внушали имъ своими памфлетами Гваньино и Крузе. Когда же онъ писалъ въ Москву, онъ изображалъ положеніе выгоднымъ для осаждающихъ: поляки дѣлаютъ большія приготовленія; ожидаются подкрѣпленія; дѣла Пскова очень плохи, осада, навѣрно, продлится всю зиму, а весною уже ничто не удержитъ Баторія.

Въ сущности, все это было вѣрно; это подтверждается тѣми самыми донесеніями съ мѣста, которыя внушили польскимъ историкамъ какъ разъ обратное представленіе. Я уже приводилъ выше свидѣтельство аббата Піотровскаго о польской кавалеріи, которую онъ представляетъ почти уничтоженной къ октябрю. А дальше тотъ же самый историкъ говоритъ о смотрѣ произведенномъ 4 декабря, гдѣ фигурировало 7 000 лошадей. И «хорошихъ лошадей!» Значитъ, потери были не такъ значительны или у поляковъ было, чѣмъ ихъ пополнить. Сама реляція Поссевина подала поводъ къ другому заблужденію. Іезуитъ говоритъ въ ней о восторженномъ пріемѣ, который, будто бы, встрѣтилъ его въ польскомъ лагерѣ. Если это и такъ, то этотъ пріемъ надо отнести насчетъ буйнаго и непослушнаго элемента, на присутствіе котораго въ польской арміи я уже указывалъ; Баторій и Замойскій оба старались сдержать его и подчинить суровымъ требованіямъ воинской дисциплины. Вмѣшательство папскаго легата, конечно, только способствовало броженію, внушая мысли о возможности прекращенія военныхъ дѣй-

ствій. Что же касается до высшаго военнаго начальства, то аббатъ Піотровскій говоритъ о пріемѣ Поссевина совсѣмъ иное: встрѣ- «Великій полководецъ—онъ имѣетъ въ виду Замойскаго—никогда не встрѣчалъ человѣка болѣе отвратительнаго, (этотъ эпитетъ относится къ Поссевину): онъ намѣревается прогнать его палками послѣ заключенія мира».

Предположите, что представитель какой-нибудь великой европейской державы явился бы въ 1871 г. въ качествѣ посредника подъ стѣнами Парижа, осажденнаго нѣмцами! Посланный папою, Поссевинъ казалось, долженъ былъ отстаивать польскіе интересы, такъ какъ побѣда поляковъ, въ Ливоніи была въ то же время и тріумфомъ папства и католичества. Но сущность всякаго посредничества—въ томъ, чтобы стараться убѣдить *сильнѣйшаго*. А сила, несомнѣнно, была на сторонѣ поляковъ. Дѣйствительно, осада Пскова должна была длиться до 15 января 1582 г., и тогда самое тяжелое время было бы уже позади: была бы геройски пережита суровая зима, миновали бы праздники Рождества и Новаго года съ ихъ соблазномъ провести время у домашняго очага, недолго было бы и до весны—словомъ, всѣ шансы были бы на сторонѣ Баторія. Капитуляція стала бы неизбѣжной и повела бы за собою подчиненіе Ивана требованіямъ побѣдителя. Если предположить, что Поссевинъ способствовалъ скорѣйшему разрѣшенію конфликта, онъ, несомнѣнно, дѣлалъ это разрѣшеніе менѣе невыгоднымъ для *слабѣйшаго*.

Иванъ и безъ іезуита былъ освѣдомленъ о положеніи Пскова и состояніи польской арміи; но письма легата, подтверждающія получаемыя другимъ путемъ свѣдѣнія, вѣроятно, убѣдили его, что онъ возлагалъ слишкомъ большія надежды на вмѣшательство Поссевина. Скоро, дѣйствительно, царь перемѣнилъ тонъ и еще разъ долженъ былъ склонить голову передъ побѣдителемъ, признавая силу Баторія и его шведскаго союзника. Онъ собирался отправить пословъ для окончательныхъ переговоровъ о мирѣ; теперь притязанія его были значительно скромнѣе. Онъ уступалъ всю Ливонію на двухъ условіяхъ: вся долина Великой, вплоть до Малыхъ Лукъ, останется за русскими, и въ перемирныя грамоты не писать короля шведскаго. Дѣло въ томъ, что часть Ливоніи находилась въ рукахъ шведовъ; впослѣдствіи, думалъ Иванъ, можно будетъ отвоевать и ее; владѣя долиной р. Великой, онъ будетъ такимъ образомъ имѣть на сѣверо-западной границѣ въ достаточной степени укрѣпленную линію, которая сослужитъ ему

службу въ будущемъ. Когда онъ снова задумаетъ пробиваться къ морю, условія будутъ ему благопріятствовать.

Какъ ни была хорошо задумана, со стратегической точки зрѣнія, эта уступка, все же она оставалась уступкой. Нѣкоторые русскіе историки, щадя національное самолюбіе, старались видѣть въ этомъ какъ разъ обратное. Польская армія, почти совершенно уничтоженная въ тотъ моментъ, будто бы, была принуждена заключить миръ. Теперь Россія уже можетъ обойтись безъ этихъ искаженій исторической правды, являющихся послѣднимъ и жалкимъ прибѣжищемъ побѣжденныхъ. Въ войнѣ, исходъ которой зависитъ отъ осады, переговоры, ведущіеся подъ орудіями осаждающихъ, суть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ капитуляціи. У осажденныхъ есть одно только средство съ честью выйти изъ борьбы: къ этому средству Петръ Великій прибѣгъ подъ Полтавой. И, несмотря на сохраненіе долины Великой, уступка Ливоніи дольше, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, задержала политическое, военное и соціальное развитіе Россіи.

Иванъ отказывался отъ Ливоніи; цѣль, которую Баторій преслѣдовалъ въ этомъ походѣ, была достигнута. Думая также о будущемъ, король не могъ ни отказаться отъ переговоровъ, ни отклонить принятое посредничество Поссевина, разъ онъ былъ уже тамъ. Но какого мнѣнія былъ Баторій объ этомъ посредничествѣ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Іезуитъ самъ признавался, что онъ долженъ былъ чуть не силою заставить своихъ польскихъ кліентовъ сообщить ему свои намѣренія относительно мира, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ посредника.

Въ серединѣ ноября Ямъ Запольскій, городъ, лежащій на пути къ Новгороду, былъ по взаимному соглашенію выбранъ мѣстомъ свиданія уполномоченныхъ. Довольно невидными представителями царя всея Руси были: князь Елецкій, которому, по словамъ Замойскаго, не хватало только княжества, чтобы быть княземъ; Романъ Алферьевъ Верещагинъ и *дьякъ* Связевъ. Польскій король выдвинулъ, со своей стороны, хорошихъ дипломатовъ: князя Збаражскаго, Брацлавскаго воеводу, князя Альберта Радзивилла, маршалка двора, и секретаря великаго княжества Литовскаго, Гарабурду. Уполномоченные Баторія привезли съ собою старательно разработанныя инструкціи. Что это были за инструкціи? Поссевинъ, пріѣхавшій одновременно, ничего не зналъ о нихъ; посланіе, которое къ нему адресовалъ въ этотъ моментъ король, достаточно ясно говоритъ—почему: въ каждой строкѣ

его сквозитъ недовѣріе. Не безъ горечи, государь противупоставляетъ вѣковую преданность Польши святому Престолу съ неожиданнымъ рвеніемъ, проявленнымъ папскимъ легатомъ по отношенію къ интересамъ третьяго лица, ничѣмъ, повидимому, не заслужившаго подобнаго вниманія.

Двусмысленность, на которой была основана миссія іезуита, роковымъ образомъ должна была привести его къ подобной немилости; даже если бы онъ и обманулъ надежды одного изъ противниковъ, онъ неминуемо долженъ былъ внушать подозрѣніе другому. Это отзывалось на его роли до самаго конца. Втеченіе всѣхъ переговоровъ въ Ямѣ-Запольскомъ, отъ 13 декабря 1581 по 15 января 1582 г., русскіе корили его, что онъ держитъ руку поляковъ, а Замойскій называлъ его «плутомъ» и «измѣнникомъ»; онъ даже сомнѣвался въ его религіозномъ рвеніи и находилъ, что онъ больше заботится о политическихъ расчетахъ, нежели о «силахъ небесныхъ».

III.

Ямъ-запольское перемиріе.

Я избавлю своихъ читателей отъ подробностей этихъ переговоровъ, указавъ имъ на глубоко-научный трудъ *О. Пирлинга* (la Russie et le Saint-Siège, II, 115 etc.), гдѣ я могъ бы лишь отмѣтить неправильность нѣкоторыхъ сужденій, весьма простительную со стороны этого виднаго историка. Ямъ-Запольскій, представлявшій собою полуразоренное мѣстечко среди опустошеннаго края, едва могъ вмѣстить поляковъ съ ихъ многочисленной свитой. Поэтому москвичи принуждены были искать пріюта по сосѣдству, въ деревнѣ Киверова-Гора. Такъ какъ посредникъ поселился тамъ же, въ курной избѣ, то засѣданія конгресса происходили, на самомъ дѣлѣ, у него, въ этой деревнѣ. Подъ скромной кровлей, между импровизированнымъ алтаремъ и печью, дымъ которой, за неимѣніемъ другого выхода, вырывался черезъ окна и къ концу каждаго засѣданія дѣлалъ уполномоченныхъ похожими на трубочистовъ—подвергались обсужденію и рѣшались судьбы двухъ державъ.

Когда, согласно традиціи, былъ составленъ родъ протокола, обѣ

стороны начали съ того, что предъявили чрезмѣрныя требованія. Это сразу ввело Поссевина въ заблужденіе, въ которомъ онъ пребывалъ довольно долго. Послѣ обстоятельнаго разговора съ Москвичами, онъ пришелъ къ убѣжденію, что уступка поляками нѣсколькихъ ливонскихъ городовъ является условіемъ sine qua non для заключенія мира. Онъ тотчасъ же обратилъ всѣ свои усилія на этотъ пунктъ и, думая, что помогаетъ одной сторонѣ, игралъ въ руку другой. Собственно говоря, онъ игралъ въ жмурки, такъ какъ и тѣ, и другіе остерегались сказать ему свое послѣднее слово. Сверхъ того, поляки окончательно установили свой ультиматумъ только во второй половинѣ декабря. О. Пирлингъ несправедливо укоряетъ въ этомъ случаѣ Замойскаго въ недостаткѣ проницательности, равно какъ и напрасно предполагаетъ разногласіе между королемъ Польши и его канцлеромъ или между этимъ послѣднимъ и польскими уполномоченными. Чуть ли ученый историкъ не положился на напечатанный Кояловичемъ русскій сборникъ польскихъ документовъ. Замойскій былъ преданъ королю и, въ качествѣ главнаго полководца и канцлера, могъ выбрать уполномоченными только людей своего образа мыслей. Въ половинѣ декабря Поссевину было передано письмо Замойскаго, гдѣ онъ категорически отказывался отъ какихъ либо уступокъ въ Ливоніи. Черезъ нѣсколько дней, 20-го декабря, гонецъ отъ канцлера привезъ польскимъ уполномоченнымъ другое извѣщеніе, гдѣ говорилось о возможной уступкѣ трехъ городовъ, на которой недавно настаивали русскіе. Іезуитъ былъ крайне удивленъ и повергнутъ въ смущеніе. Но этотъ фактъ былъ весьма натураленъ: между упомянутыми двумя числами Замойскій перемѣнилъ мнѣніе. Его письмо къ Поссевину относится къ 13 декабря 1581 г., и, въ тотъ же день, онъ писалъ королю въ томъ же смыслѣ: никакихъ уступокъ,—что касается Ливоніи. Вслѣдъ за этимъ, 16 декабря, пришли дурныя вѣсти: шведы одерживали въ Ливоніи побѣду за побѣдой; запасы пороха, такъ нетерпѣливо ожидаемые, запаздывали въ пути. На слѣдующій день канцлеръ рѣшился измѣнить свои послѣднія инструкціи; теперь онъ указывалъ уполномоченнымъ три новыхъ пути для возможнаго соглашенія; однимъ изъ нихъ и была вышеупомянутая уступка. Города, о которыхъ шла рѣчь, были довольно незначительны, ими не жаль было пожертвовать, и Баторій выразилъ свое согласіе. Замойскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ въ письмѣ къ королю 26 декабря 1581 г. Итакъ, съ этой стороны разногласія не было. Что же ка-

сается до возраженій или даже до упрековъ, которые о. Пирлингъ приписываетъ польскимъ уполномоченнымъ, то современный историкъ сталъ жертвою той же мистификаціи, что и посредникъ 1581 г. Первому канцлеру надлежало бы, конечно, посвятить Поссевина въ курсъ дѣла; но со стороны поляковъ было условлено держать этого посредника на разстояніи; его терпѣли изъ уваженія къ папѣ, но охотно бы обошлись и безъ него. Кромѣ того Збаражскій и Радзивиллъ сочли нужнымъ пойти еще дальше того, что предполагалъ ихъ глава: они объявили легату, что считаютъ чрезмѣрными уступки, на которыя идетъ Замойскій, и что они не станутъ принимать ихъ въ расчетъ до новаго распоряженія. Но тутъ же они пишутъ Замойскому—письмо это (отъ 21 декабря) уцѣлѣло—что хотятъ этимъ лишь «обмануть іезуита». Этотъ поступокъ не достаточно корректенъ; но рѣшено было уступить три ливонскіе города только при послѣдней крайности,—лишь въ томъ случаѣ, если не удадутся два другіе задуманные пріема. Слѣдовательно, дѣло шло о дипломатической тайнѣ. Открыть ее Поссевину было въ глазахъ польскихъ уполномоченныхъ то же самое, что сообщить ее русскимъ. Самъ Замойскій былъ того же мнѣнія, такъ какъ онъ одобрилъ поведеніе своихъ подчиненныхъ (письмо отъ 27 декабря). Хотя въ своей перепискѣ съ Баторіемъ онъ и отзывается не въ особенно лестныхъ выраженіяхъ о «добромъ пастырѣ Московитовъ, старающемся превратить волковъ въ овецъ», ему нѣтъ ни малѣйшей необходимости убѣждать короля не посвящать легата въ тайны ведущихся переговоровъ: совѣтъ былъ бы совершенно излишнимъ (Сборн. *Кояловича*, 1867, стр. 396 и сл.).

Переговоры грозили затянуться. Московскіе уполномоченные не торопились. Они легче поляковъ мирились съ неудобствами своихъ деревенскихъ жилищъ и лучше ихъ умѣли запастись всѣмъ необходимымъ. Съ изобрѣтательностью, свойственною ихъ расѣ, они даже сумѣли извлечь выгоду изъ своего положенія: лагерь они обратили въ ярмарку и, между двумя засѣданіями, заключали выгодныя сдѣлки. Кромѣ того, они расчитывали, что зимняя стужа сдѣлаетъ ихъ противниковъ болѣе сговорчивыми. Замойскій взялся вывести ихъ изъ заблужденія, и, наконецъ, польская сабля, лучше чѣмъ краснорѣчіе Поссевина, сумѣла побороть послѣднее сопротивленіе.

Испробовавъ всѣ средства, чтобы сломить героическое сопротивленіе Пскова, великій полководецъ прибѣгъ къ мѣрамъ, заслуживаю-

щимъ порицанія. Исторія нѣкоей адской машины, измѣнническимъ образомъ доставленной въ городъ, является довольно темной. Замойскій, будто бы, велѣлъ приготовить коробку, наполненную порохомъ и разрывными снарядами, и поручилъ московскому плѣннику передать ее одному изъ Шуйскихъ. Польскіе историки упоминаютъ при этомъ о нарушеніи между народнаго права, имѣвшемъ мѣсто еще ранѣе со стороны осаждаемыхъ, стрѣлявшихъ въ парламентеровъ. Они говорятъ также о ловушкѣ, въ которую, будто бы, завлекалъ Замойскаго Шуйскій, вызывая его на единоборство. Оправданіе является недостаточнымъ, и, повидимому, вызовъ послѣдовалъ за присылкой снаряда, не причинившаго, впрочемъ, никакого вреда. Эта выдумка оказалась очень неудачной; но, нѣсколько дней спустя, великій полководецъ возымѣлъ другую, болѣе счастливую мысль. 4 января 1582 г., пользуясь дозволенной военной хитростью, онъ притворился невнимательнымъ и вызвалъ массовую вылазку гарнизона, которую встрѣтилъ страшнымъ огнемъ. Когда потомъ Замойскій писалъ польскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ торопиться съ окончаніемъ переговоровъ, онъ утверждалъ совершенно напрасно, что его армія не продержится больше недѣли. Онъ только что доказалъ противное, и московскіе уполномоченные отлично это поняли. Одновременно съ извѣстіемъ о происшедшемъ они получили отъ Ивана наказы самаго примирительнаго свойства. Тогда, оставивъ въ сторонѣ Ливонію, они стали спорить только о подробностяхъ.

Поссевинъ былъ виновникомъ подобнаго спора, желая непремѣнно втянуть въ договоръ и Швецію, которая не нуждалась ни въ мирѣ, ни въ его посредничествѣ. Кромѣ того, и у Польши, и у Москвы были съ ней свои особые счеты. Ему пришлось отказаться отъ удовлетворенія этого желанія; но шведскія побѣды въ Ливоніи порождали другія трудности: русскіе справедливо замѣчали, что они не могутъ уступить въ этой странѣ того, что имъ больше уже не принадлежитъ. Послѣ множества новыхъ споровъ, поляки оставили за собою право дѣйствовать по своему усмотрѣнію противъ шведовъ и рѣшили перечислять одно за другимъ всѣ владѣнія, уступаемыя Москвою. На сѣверо-западной границѣ пришлось прибѣгнуть къ обмѣну. Городъ Велижъ, стоящій на лѣвомъ берегу Двины и принадлежащій къ группѣ городовъ, отходящихъ къ Польшѣ, былъ оставленъ за нею; напротивъ, Себежъ былъ возвращенъ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, такъ какъ являлся аванпостомъ московскихъ земель при входѣ въ долину

р. Великой. Оставался вопросъ о титулахъ. Иванъ хотѣлъ, чтобы въ договорѣ его писали не только царемъ; онъ желалъ, хотя номинально, оставаться государемъ Ливоніи. Поляки возражали, что одно дѣло дать новый титулъ, другое—признать старый, и что означаетъ этотъ «царь?» *Царями* звались прежде татарскіе ханы въ Казани и Астрахани—такъ этого мало для московскаго государя; а если *царь* значитъ *кесарь*—такъ этого много. Европа звала кесаремъ одного лишь государя—Австрійскаго императора, и онъ могъ возразить противъ новаго титула Ивана. Мы знаемъ, что этотъ вопросъ уже не разъ поднимался, и Замойскій не придавалъ ему никакого значенія. По этому поводу онъ даже разсказывалъ объ одномъ хвастливомъ варшавскомъ шляхтичѣ, который звался «королемъ Закаранскимъ», давая этимъ только поводъ къ шуткамъ. Оставался одинъ исходъ, къ которому уже много разъ прибѣгали: писать договорныя грамоты для каждой страны по разному. Бѣды въ этомъ большой не было. Но Поссевинъ, не зная, что это раньше дѣлалось, раздулъ эту мелочь въ цѣлую гору. Онъ старался исправить толкованіе историческихъ фактовъ, на которые опирались русскіе уполномоченные, и стремился доказать имъ, что императоры Аркадій и Гонорій, умершіе пять вѣковъ тому назадъ, не могли пожаловать титула кесаря великому князю Владиміру. Онъ не переставалъ твердить, что источникомъ всякой власти является Римъ, и напоминалъ о томъ, что Карлъ Великій былъ коронованъ однимъ изъ предшественниковъ Григорія XIII. Потеряли не мало времени, раньше чѣмъ пришли къ обычному компромиссу. Послѣ этого іезуитъ положилъ начало новому, послѣднему спору.

Безъ всякаго участія со стороны поляковъ, легатъ пожелалъ подписаться подъ договоромъ, или требовалъ, чтобы въ немъ, по крайней мѣрѣ, упоминалось о его посредничествѣ. Русскіе уполномоченные категорически отказали въ этомъ, такъ какъ въ ихъ наказахъ этотъ случай предусмотрѣнъ не былъ. Тогда іезуитъ потерялъ терпѣніе и вышелъ изъ себя. Чтобы замаскировать истинную причину своего гнѣва, онъ придрался къ одной уловкѣ въ редакціи договора. Отступая отъ принятыхъ условій, Елецкій и Олферьевъ хотѣли включить Курляндію и Ригу въ число земель и городовъ, *уступаемыхъ* царемъ. Это, по ихъ мнѣнію, прибавило бы новый титулъ ихъ государю. Тутъ посредникъ сталъ грозить, что броситъ все дѣло. Онъ сталъ кричать: «вы пришли воровать, а не посольствовать! Подите отъ меня изъ избы вонъ». Видя невозмутимость уполномоченныхъ, легатъ разсердился

еще больше. Грамота была въ рукахъ Алферьева; онъ вырвалъ ее у него, кинулъ ее въ двери, князя Елецкаго взялъ за воротникъ за шубу, перевернулъ, пуговицы оборвалъ, вытолкалъ за дверь его съ товарищами.

Приходилось дѣлать то, что онъ хочетъ, и 15 января 1582 г. совершился обмѣнъ подписями. Съ чисто дипломатической точки зрѣнія, русскіе остались въ выигрышѣ, отчасти, благодаря Поссевину: приблизительно, они остались на позиціяхъ, занятыхъ ими при началѣ конгресса, и поступились лишь тѣмъ, чѣмъ соглашался пожертвовать царь три мѣсяца тому назадъ. Правда, онъ пожертвовалъ многимъ: послѣ двадцатилѣтнихъ усилій, готовыхъ, повидимому, увѣнчаться успѣхомъ, Русь снова была отрѣзана отъ Балтійскаго моря и Европы. Но она не подозрѣвала, что въ той самой Ливоніи, отъ которой она должна была отказаться въ настоящій моментъ, создались для нея два благопріятныхъ обстоятельства: прежде всего, тамъ былъ уничтоженъ тевтонскій орденъ, т.-е. тамъ не существовало болѣе гарнизона, которымъ Германія поддерживала свою власть въ этой области; затѣмъ тамъ назрѣвалъ конфликтъ между Польшей и Швеціей. Надвигалось грозное время, когда обѣ стороны, истощивъ свои силы въ отчаянной борьбѣ, должны были предоставить своему общему врагу возможность отплатить той и другой...

Съ другой стороны, даже столь недолгое обладаніе ливонскимъ побережьемъ оставило въ нѣдрахъ Руси прочный слѣдъ, чрезвычайно важный для развитія страны: она поглотила массу чуждыхъ элементовъ, которые совершенно слились съ нею; въ ней зародилось зерно той нѣмецкой колоніи, которой суждено было сыграть въ русскомъ государствѣ такую значительную роль, и культурное вліяніе которой отрицать невозможно.

Въ концѣ концовъ, миръ не былъ заключенъ: ограничились десятилѣтнимъ перемиріемъ. Окончательному соглашенію помѣшали нѣкоторые вопросы, выдѣленные изъ переговоровъ и оставленные неразрѣшенными,—какъ, напримѣръ, вопросъ о теоретическомъ правѣ на обладаніе всѣми русско-литовскими землями. Когда поляки заняли городъ Юрьевъ и его область, они были поражены тѣми слѣдами, которые оставило тамъ могущество побѣжденныхъ, ихъ организаторскій духъ и превосходное военное устройство: чтобы воспользоваться имъ, не хватало, можетъ быть, только такого генія, какимъ былъ Баторій. «Мы были всѣ поражены», писалъ аббатъ Піотровскій, «найдя

въ каждой крѣпости множество пушекъ, порохъ и пули въ такомъ изобиліи, что мы не могли бы собрать столько и со всей нашей страны». И онъ добавляетъ: «мы словно завоевали маленькое королевство,— сомнѣваюсь, сумѣемъ ли мы имъ воспользоваться». Несмотря на духъ отрицанія, которымъ проникнуты записки аббата, эти впечатлѣнія, отчасти, соотвѣтствуютъ истинѣ, что и было подтверждено исторіей.

На стѣнахъ возстановленнаго Рижскаго замка, надъ главнымъ входомъ въ церковь въ Венденѣ, существуютъ латинскія надписи. Вотъ какъ истолковываютъ онѣ смыслъ происшедшаго:

Devicto Moscho...

Prisca religio Rigam renovato vigere

Coeperat in templo...

И еще:

Hoeresis et Moschi postquam devicta potestas

Livonidum primus pastor ovile rego.

Ливонцы видѣли въ нихъ доказательство того, что побѣда Баторія означала, главнымъ образомъ, побѣду католичества и іезуитовъ шедшихъ вездѣ по слѣдамъ побѣдителей. Новому польскому правительству пришлось считаться съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ.

Что же касается Поссевина, то во всемъ происшедшемъ его, главнымъ образомъ, интересовала форма договора. Въ немъ ясно признавалась власть папы, «такъ что казалось, что все совершилось его именемъ». По крайней мѣрѣ, легатъ хвалился этимъ въ письмѣ своемъ кардиналу де Комо. Несмотря на свои ссоры съ московскими уполномоченными онъ торопился продолжать въ самомъ Кремлѣ удачно начатое дѣло. Повидимому, планъ его былъ слѣдующій: онъ хотѣлъ снова выдвинуть анти-оттоманскую лигу, такъ какъ она подавала поводъ къ вмѣшательству папы; затѣмъ онъ намѣренъ былъ поднять вопросъ о возсоединеніи двухъ церквей, такъ какъ было условлено, что рѣчь объ этомъ будетъ послѣ заключенія мира; но онъ не возлагалъ никакихъ особыхъ надеждъ на эти части программы. Онъ собирался продолжать играть свою роль посредника и выступить снова, если возникнутъ какія-либо недоразумѣнія по вопросу о Ямъ-Запольскомъ договорѣ; наконецъ, онъ хотѣлъ снова попытаться вмѣшаться въ шведскія дѣла, и достигнуть того, чтобы быть самому на виду и чтобы папа *казался* великимъ посредникомъ, къ которому прибѣгаютъ обѣ стороны. Случилось такъ, что этотъ планъ почти соотвѣтствовалъ тому, что думали въ Москвѣ. Хотя тамъ и были нѣсколько разочарованы

въ папскомъ *могуществѣ*, оно все же могло, хотя бы отчасти, замаскировать унизительность пораженія. Для вида, не мѣшало *показать*, что папскій посолъ устроилъ дѣла царя и продолжаетъ стараться. Итакъ, Поссевина ожидалъ хорошій пріемъ при дворѣ Грознаго.

IV.

Поссевинъ въ Москвѣ.

Всѣмъ извѣстна исторія той религіозной проблемы, окончательное разрѣшеніе которой было, повидимому, главной цѣлью путешествія Поссевина. Раздѣленіе церквей, подготовляемое съ VII в. константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ, называвшимъ себя всемірнымъ епископомъ, и на соборѣ in Trullo или Quinisexte, установившемъ въ 690 г. бракъ для священства, произошло окончательно въ IX в. Въ этотъ моментъ, до и послѣ борьбы съ иконоборцами, греческая церковь достигла вершины своего расцвѣта и славы; изъ ея нѣдръ вышла цѣлая плеяда ученыхъ, святыхъ и поэтовъ, и судьба призывала ее къ насажденію Христовой вѣры среди славянскихъ народовъ. Фотій довелъ до крайности принципъ своихъ предшественниковъ, утверждавшихъ, что паденіе римской имперіи повлекло за собою уничтоженіе духовной власти, связанной съ ея судьбами; при немъ и произошелъ расколъ. Единство церкви, возстановленное вслѣдъ за этимъ на короткій срокъ и весьма непрочное, было окончательно нарушено въ 1054 г. Михаиломъ Керуларіемъ. Возстановить это единство стремились съ XIII в., и Флорентійскій соборъ (1439 г.) только продолжалъ попытку Ліонскаго (1274 г.). Въ 1581 г., вразрѣзъ со своей обычной политикой, сама Польша какъ будто бы не прочь была способствовать новой попыткѣ (*Fiedler*, Ein Versuch der Vereinigung... Sitzungsberichte der K. K. Akademie in Wien, т. 40, 1862). Но въ Москвѣ выросла и укрѣпилась идея о *третьемъ Римѣ*; она явилась неожиданнымъ препятствіемъ для этого предпріятія. Лѣкарь великаго князя Василія, Николай Булевъ или Люео, прозванный Нѣмчиномъ, напрасно старался при самомъ дворѣ государя вести пропаганду въ этомъ смыслѣ, полемизируя съ Максимомъ Грекомъ и съ псковскимъ монахомъ Филоѳеемъ. Ему удалось найти себѣ по-

слѣдователей только въ лицѣ одного боярина, Ѳедора Карпова, и какого то игумена, имени котораго исторія не сохранила.

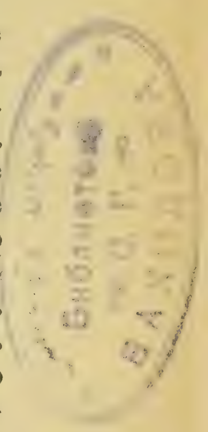
Время управленія папы Григорія XIII (1572—1585), казалось, вовсе не могло способствовать притязаніямъ Римской церкви. Правда, ей удалось вооружить короля Испаніи противъ царственной еретички Англіи; она поддержала во время борьбы за реставрацію баварскій Виттельсбахскій домъ, этихъ нѣмецкихъ Гизовъ. Но все же она не могла уничтожить въ глазахъ диссидентскаго міра позоръ, навлеченный на католицизмъ управленіемъ Альбы въ Нидерландахъ, Варѳоломеевской ночью, ужасами инквизиціи и, особенно, скандалами въ нѣдрахъ самого папства, прямымъ слѣдствіемъ которыхъ и была реформація. Иванъ направилъ своего перваго посла въ Римъ политическій, а не религіозный; въ лицѣ Поссевина онъ принималъ не апостола, а дипломата, представителя мірской, а не духовной власти Рима.

Іезуитъ прибылъ въ Москву 14 февраля 1582 г. Онъ нашелъ дворъ въ траурѣ, а царя погруженнымъ въ печаль вслѣдствіе одного трагическаго происшествія, котораго одного было бы достаточно, чтобы исключить всякую возможность умственнаго и духовнаго общенія между священникомъ и его коронованнымъ хозяиномъ, будь между ними лишь моральные интересы. Въ порывѣ гнѣва Иванъ убилъ своего старшаго сына. Я еще вернусь къ этому мрачному эпизоду. Тутъ было не до морали! Анти-оттоманская лига была немедленно забыта. Для борьбы съ Баторіемъ Иванъ долженъ былъ заключить съ крымскимъ ханомъ перемиріе; онъ соглашался нарушить его и вооружиться противъ турокъ, но лишь послѣ того, какъ папа войдетъ въ сношенія съ Имперіей, Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и заставитъ эти государства отправить въ Москву пословъ для окончательныхъ переговоровъ. Очевидно, царь насмѣхался, хотя и предлагалъ отправить въ Римъ уже не простого гонца, а знатнаго посла. Онъ желалъ сохранить только что пріобрѣтенное расположеніе куріи.

Равнымъ образомъ было отклонено примиреніе со Швеціей: царь уступилъ Ливонію Баторію не за тѣмъ, чтобы вести переговоры съ Іоанномъ. Мягко, но съ твердостью, Иванъ отстранилъ все прочее, пользуясь услугами Поссевина лишь для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые касались Польши: таковы были—опредѣленіе границъ или обмѣнъ плѣнными. Въ то же время, при всей своей любви къ спорамъ,

онъ старался избѣгать религіозныхъ вопросовъ. Пренія могли принять обидный для папы тонъ, повторялъ онъ. 21 февраля, во время аудіенціи, посвященной мірскимъ дѣламъ, Поссевинъ попросилъ особаго разговора для того, чтобы приступить къ «великому дѣлу». Тогда царь прибѣгъ къ другой уловкѣ: онъ-де не обладаетъ достаточными свѣдѣніями для такого спора. Но такъ какъ іезуитъ настаивалъ и просилъ разрѣшенія представить свои соображенія письменно, Иванъ, вѣроятно, подумалъ, что лучше съ этимъ покончить. Можетъ быть, любовь къ словопреніямъ побудила его измѣнить свое рѣшеніе.

Тенденціозная передача этого спора ввела въ заблужденіе самого Пирлинга: онъ предположилъ, что бесѣда была подготовлена заранѣе и обставлена такъ же торжественно, какъ споръ съ Рогитою. Ни числа, ни самые тексты, на которые ссылается ученый историкъ, не допускаютъ подобнаго предположенія. Ничего подготовлено не было, и самый этотъ фактъ имѣетъ нѣкоторое значеніе. Это засѣданіе было сначала посвящено другого рода вопросамъ, и на немъ не было духовныхъ лицъ, присутствіе которыхъ должно было бы придать диспуту серьезный характеръ. Все же, царь рѣшился покончить съ этимъ вопросомъ, или, вѣрнѣе, прекратить сразу ту докуку, которую онъ причинялъ ему. Онъ даже не преминулъ указать, насколько безполезно словопреніе при подобныхъ условіяхъ. Но, разъ іезуитъ на немъ настаиваетъ, съ нимъ готовы объясниться хоть сейчасъ (Памятники дипломат. сношен., 1851—1871, X, 247 и слѣд.).

Поссевинъ немедленно разсыпался въ самыхъ соблазнительныхъ доводахъ и проявилъ самую тонкую ораторскую осторожность. Дѣло идетъ вовсе не о разрывѣ съ греческой Церковью, древней и достойной всякаго уваженія Церковью Аѳанасія, Златоуста и Василія; съ ней Римъ чувстветъ себя связаннымъ неразрывными узами; надо только возстановить единство, нарушенное, исключительно, благодаря забвенію старинныхъ традицій. Это дѣло возстановленія было бы въ то же время вѣрнымъ путемъ къ созданію новой Восточной имперіи, во главѣ которой могъ встать царь,—новый Карлъ Великій, вѣнчанный папою.

Но іезуитъ, повидимому, мало зналъ опаснаго противника, къ которому онъ обращался. Со своимъ апломбомъ, своимъ обычнымъ жаромъ и во всеоружіи своихъ фантастическихъ знаній, Иванъ быстро разрушилъ очаровательное сооруженіе, которымъ хотѣлъ его плѣнить римскій ораторъ. «Что говорить о Византіи и Грекахъ? Греческая

вѣра слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Эѳіопіи предваритъ рука ея къ Богу, а Эѳіопія все равно, что Византія». Но ему, Ивану, нѣтъ дѣла ни до Византіи, ни до грековъ. Онъ держитъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую. И что говорятъ ему о союзѣ съ людьми, которые, вопреки всякому преданію, бороду себѣ подсѣкаютъ! Поссевинъ былъ увѣренъ, что въ рукахъ его неопровержимый аргументъ: Григорія XIII украшала великолѣпная борода.

— А ты самъ? возразилъ царь, указывая на бритое лицо іезуита.

Согласно протоколу этого засѣданія, составленному въ Москвѣ, Поссевинъ рѣшился приписать естественнымъ причинамъ отсутствіе растительности на своемъ лицѣ. Онъ де не подбриваетъ и не подсѣкаетъ бороды. Самъ онъ объ этомъ умалчиваетъ. Но Иванъ уже увлекся игрою, и согласно своему характеру, удвоилъ силу нападенія, такъ что противнику его приходилось плохо. Очень ловко онъ направилъ споръ на вопросъ, гдѣ всѣ преимущества были на его сторонѣ; на этомъ вопросѣ сходились всѣ споры между Востокомъ и Западомъ: я говорю о первенствѣ папы. Русская Церковь попрежнему почитала святыми папъ первыхъ вѣковъ—Климента, Сильвестра, Агаѳона. Но ихъ преемники, отринувъ бѣдность и строгость жизни первыхъ христіанъ, живутъ среди пышности, поразившей Шевригина. Они заставляютъ носить себя на престолѣ и ставятъ на своей *«сапогъ»* святой знакъ креста. Они, забывши всякій стыдъ, всенародно предаются постыдному разврату. Эти новые первосвященники лишились своего первоначальнаго достоинства. Напрасно Поссевинъ дѣлалъ отчаянные знаки, пытаясь прервать этотъ потокъ обвиненій. Ему говорили раньше! самъ виноватъ, если преніе кончалось плохо для него и для его господина. Какъ всѣ ему подобные ораторы, Иванъ уже не владѣлъ собою, и, когда Поссевинъ попытался робко вступиться за папу, онъ закричалъ:

— Твой папа римскій не пастырь, а волкъ!

— Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше и говорить...

Этотъ отвѣтъ, равно какъ и вызвавшее его оскорбленіе, находятся въ русской версіи, но въ разсказѣ Поссевина, который былъ напечатанъ (Moscovia), его нѣтъ. Но кажется, однако, что въ рукописи этотъ инцидентъ упоминается (*Pierling*, o. cit. II, 169).

Опять же, согласно русской версіи, споръ на этомъ и кончился. Иванъ отпустилъ іезуита болѣе привѣтливымъ образомъ и вскорѣ же

поспѣшилъ послать ему кушанья со своего стола. Напротивъ, Поссевинъ утверждаетъ, что споръ продолжался и сталъ еще горячѣе, такъ какъ одну минуту царь готовъ былъ ударить своего противника знаменитымъ посохомъ, а присутствовавшіе здѣсь москвичи говорили, не бросить ли ужъ іезуита въ воду?

Во всякомъ случаѣ, разстались подъ довольно непріятнымъ впечатлѣніемъ; когда, 23 февраля, Поссевина опять призвали во дворецъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія продолжать разговоръ. Какъ бы желая нѣсколько загладить свою рѣзкость, царь самъ предложилъ ему представить записку о различіи между обѣими Церквами; но, очевидно, іезуитъ убѣдился, что это будетъ напрасный трудъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что преподнесъ государю латинскій экземпляръ книги Геннадія о Флорентійскомъ соборѣ и думалъ, что такимъ образомъ будетъ покончено съ этимъ опаснымъ вопросомъ. Но, опять таки, онъ не принялъ въ расчетъ своенравнаго и капризнаго характера Ивана. Грозный готовилъ ему сюрпризъ.

По поводу этого послѣдняго эпизода свидѣтельства опять противорѣчать одно другому. По русской версіи, Поссевинъ выразилъ желаніе посѣтить одинъ изъ столичныхъ храмовъ, и царь предложилъ ему присутствовать съ нимъ вмѣстѣ на церковной службѣ, которая для него будетъ обставлена всей пышностью православныхъ обрядовъ. Вначалѣ іезуитъ съ готовностью принялъ приглашеніе; но затѣмъ, будто бы, онъ осмѣлился войти раньше царя въ церковь. Изъ за этого поднялся споръ, и, чтобы прекратить его разомъ, царь приказалъ отвезти легата во дворецъ и продолжать съ нимъ разсмотрѣніе очередныхъ политическихъ дѣлъ. По разсказу Поссевина, приглашеніе было совершенно неожиданно, и онъ будто просто отклонилъ его и постарался скрыться, тогда какъ бояре старались увлечь его къ церкви. Въ обоихъ разсказахъ есть, конечно, своя доля правды и вымысла. Вѣрнѣе всего, что іезуитъ выказалъ очень естественное любопытство, но не пожелалъ фигурировать въ компрометтирующей его обстановкѣ. Несмотря на всѣ противорѣчія и неясность, которой окружено пребываніе Поссевина въ Москвѣ, одно не подлежитъ сомнѣнію: попытка, для которой Римъ принесъ въ жертву интересы своей польской паствы, окончательно не удалась. 11 мая 1582 г. Поссевинъ простился съ царемъ, и посолъ Ивана, Яковъ Молвяниновъ, который вмѣстѣ съ легатомъ отправлялся въ Римъ, повезъ съ собою только привѣтствія на словахъ и соболей въ подарокъ. Представитель

папы, дѣйствительно, былъ *на виду* во время переговоровъ между Польшей и Москвою; онъ могъ даже приписать себѣ значительную роль въ этихъ переговорахъ. Но его дѣло носило чисто мірской характеръ, и, какъ я уже указывалъ, противорѣчило тѣмъ истиннымъ интересамъ, о которыхъ единственно должна была бы заботиться Церковь. Вотъ, почему этому дѣлу грозила та же неудача, какая постигла раньше другія попытки папъ.

V.

Послѣ перемирія.

Очень скоро отношенія между обѣими сторонами снова рѣзко порвались. На этотъ разъ, Римъ не сталъ вмѣшиваться. Дѣло было отнюдь не въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могли встрѣтиться при исполненіи Ямъ-Запольскаго договора. И та, и другая сторона были не прочь разрѣшить ихъ въ смыслѣ самыхъ широкихъ уступокъ. Спорнымъ вопросомъ являлось обладаніе маленькой крѣпостцой въ области Велижа при устьѣ Межи, на очень важномъ водномъ пути между Смоленскомъ и Луками. Витебскій воевода, Пацъ, своевольно завладѣлъ ею, и тогда Иванъ наказалъ своему послу уступить лучше всю область, нежели начинать снова враждебныя дѣйствія; Баторій же, въ свою очередь, велѣлъ разорить крѣпость. Но, если обѣ стороны одинаково желали избѣжать немедленнаго столкновенія, то мы уже знаемъ, что Грозный задумывалъ, рано или поздно, снова поднять оружіе, призвавъ себѣ на помощь Англію. А исторія послѣднихъ лѣтъ царствованія Баторія доказываетъ, что онъ самъ смотрѣлъ на перемиріе 1582 г. лишь какъ на временную остановку въ его побѣдномъ шествіи. Онъ надѣялся, укротивъ за это время и подчинивъ своей волѣ буйную Польшу, вести ее за собою гораздо дальше, нежели за Псковъ. Доказано съ очевидностью, что король задумалъ и уже началъ приводить въ исполненіе въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ болѣе широкій планъ военныхъ дѣйствій, съ помощью Рима, которой не трудно было добиться, и въ надеждѣ на поддержку Флоренціи и Венеціи. Преемникъ Григорія XIII, Сикстъ V, плѣненный геніемъ великаго воителя, готовъ былъ перейти отъ фантастическихъ мечтаній къ реальнымъ предпріятіямъ, дѣйствительно грандіознымъ. Анти-

оттоманская лига, ради которой Иванъ собирался соединить бракомъ Елисавету съ императоромъ, была придумана Грознымъ лишь въ насмѣшку. Въ одной только Польшѣ еще были крестоносцы. Раньше Баторій хотѣлъ показать, что путь изъ Москвы въ Константинополь лежитъ черезъ Варшаву; теперь онъ желалъ попасть въ Константинополь черезъ Москву и искать средствъ осуществить это. Уже въ Вильнѣ, въ своихъ бесѣдахъ съ Поссевиномъ, онъ опередилъ Петра Великаго, указавъ на Азовъ, какъ на необходимую опору для рѣшительныхъ дѣйствій противъ турецкаго владычества; но, чтобы добраться до Азова, необходимо было имѣть за собою Москву, согласную стремиться къ той же цѣли; однако, Москва доказала, что она этого не хочетъ. Оставалось ее покорить,—и Баторій брался за это.

Что этотъ проектъ былъ осуществимъ, доказала легкая удача Димитрія и побѣдоносные, хотя и безполезные походы его польскихъ покровителей во время правленія Сигизмунда III. Только преждевременная смерть побѣдителя Полоцка (1586) разрушила этотъ планъ, который былъ по плечу только ему. Ивану оставалось жить слишкомъ недолго, чтобы онъ успѣлъ почувствовать угрозу надвигающихся событій. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ предвидѣлъ ихъ возможность. Очень можетъ быть, что это страшное видѣніе омрачило его послѣдніе дни и повліяло на тогдашнія распоряженія царя. Еще до 1584 г. король Польши въ четырехчасовомъ разговорѣ съ папскимъ нунціемъ Болоньетти открылъ ему свои завѣтныя мысли. Онъ рѣшился пожертвовать своими видами на Венгрію и измѣнить свое отношеніе къ Портѣ. Иванъ, словно предчувствуя надвигающуюся опасность, счелъ нужнымъ помириться со Швеціей. Послѣ Англіи, онъ еще разъ напрасно пытался искать союза съ Германіей. Имперія была поглощена религіозными спорами, а императоръ погруженъ въ искусство и науки. Въ августѣ 1583 г., по условіямъ перемирія, шведы получили русскіе города, взятые ими: Ямъ, Ивангородъ и Копорье. И, такъ какъ Вѣна оставалась глухою къ нему, Иванъ опять обратился къ Лондону, хватаясь, какъ утопающій, за эту послѣднюю надежду.

Среди этихъ послѣднихъ усилій его застигла смерть. Но счастье, которое бѣжитъ отъ стариковъ и которое не переставало измѣнять своему прежнему баловню, готово было улыбнуться осиротѣвшей державѣ. Баторій не надолго пережилъ своего соперника; между тѣмъ, на другомъ краю огромной земли, еле затронутой Польшею,

судьба уже спѣшила возмѣстить Ивану потерю Полоцка и Ливоніи. Можетъ быть, Грозный и не сознавалъ всей важности этого чуда... На Востокѣ раскрывалась отдаленная, таинственная, безпредѣльная Сибирь. Впрочемъ, она не была добычей смѣлой кучки казаковъ, какъ обыкновенно предполагаютъ; напротивъ, она была пріобрѣтена продолжительными и терпѣливыми усиліями цѣлой арміи мирныхъ и трудолюбивыхъ колонизаторовъ (*).

---

*) О миссіи Поссевина см. труды *О. Пирлинга* и особенно La Russie et le Saint Siège, II, 1897; Ср. критическія замѣчанія *Успенскаго* о прежнихъ трудахъ того же автора. (Жур. Мин. Нар. Пр. авг. и сент. 1884, авг. 1885). См. также *Баратынскаго* и *Фидлера* O. cit; Zaleski, Jesuici w Polsce, Lemberg, 1900 т. I. D Origny, la Vie du P. A. Possevino, 1712; Форстенъ, Балтійскій вопросъ, 1; *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей. М. 1894 т. I. *Макарій*, Исторія Русской Церкви VIII, гл. IX. Источники: труды *Поссевина*, Moscovia et alia opera, Wilna, 1587; Памятники дипломатическихъ сношеній 1851—1871, т. I и X; Hist. Russiae Monumenta, I; Ciampi, Bibliographia critica, Firenze, 1834—42, vol I; Акты Истор. т. I и доп.; Polkovski,—документы, относящіеся къ войнѣ съ Баторіемъ, изд. Краковск. Акад. Документы, напечатанные о Поссевинѣ,—въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, т. II, ч. 6, и у *Старчевскаго*, т. II.

По сношеніямъ между двумя Церквами, кромѣ вышеупомянутыхъ работъ *Фидлера* и *Успенскаго:* Dom Guépin, Vie de saint Iosaphat, 1874; *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, М. 1885. *Жмакинъ*, Памятники русской противокатолической полемики. (Жур. Мин. Нар. Пр. окт. 1880); *Уманецъ*, Вырожденіе Польши, СПБургъ. 1872.—О Ямъ-Запольскомъ перемирьи—кромѣ соч. *О. Пирлинга*, *Успенскій*, Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшей, Одесса, 1887, т. I, Zakrsewsky, Slosunki miegzy Stolica Apost. a Ivan. Gros. Краковъ, 1874. Отчетъ о этомъ трудѣ въ Hist. Zeitschrift, vol XXIX, 1875. Источники: Книга посольства великаго Княжества Литовскаго. Москва, 1843; *Кояловичъ*, Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія, С.Петербургъ, 1867 г.; Записки *Піотровскаго*, *О.* cit.; Relacye Nuncyuszow. Berlin, 1864, 2 vol, etc.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Покореніе Сибири.—Ермакъ.

I. Покореніе и колонизація.— II. Строгановы. — III. Казаки.— IV. Ермакъ въ Сибири.

I.

Покореніе и колонизація.

Въ документахъ русскаго происхожденія имя Сибири появляется только во второй половинѣ XV вѣка, и въ упомянутую эпоху подъ этимъ именемъ была извѣстна лишь одна часть теперешней Тобольской губерніи, занятой до XVI вѣка татарскими ханствами. Но еще задолго до этого времени Русскіе открыли дорогу къ высокимъ плоскогорьямъ Урала; затѣмъ, перейдя черезъ хребетъ, они медленно стали передвигаться изъ бассейна Печоры въ бассейнъ Оби. Уже въ XI в. холопъ Новгородскаго именитаго гражданина Журяты, Роговичъ, добрался до Урала, а въ 1334 г. экспедиція, организованная предпріимчивой республикой, проникла до Оби. Въ слѣдующемъ вѣкѣ новгородцы уже поддерживаютъ постоянныя политическія и торговыя сношенія съ Югрою: такъ звали въ XII—XIV в. земли, лежащія на западѣ отъ Урала; въ пятнадцатомъ вѣкѣ такъ стали называть и восточный склонъ хребта. Югричи платили Новгороду ежегодную дань мѣхами и даже серебромъ. Металлъ этотъ, вѣроятно, добывался въ нѣкоторыхъ примитивныхъ копяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Чудскихъ*. Еще недавно пользовались ими изыскатели при своихъ развѣдкахъ.

Послѣ присоединенія Новгорода московскіе Великіе Князья продолжали начатое дѣло, но придали ему свой традиціонно-военный характеръ. Въ 1472 г. совершилось покореніе Пермской земли. Въ 1485 г. войско, во главѣ котораго стояли князь Ѳедоръ Курбскій Черный и Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Правинъ, перешло черезъ

Уралъ, поднялось по рѣчкѣ Тавдѣ, впадающей въ Тоболь, притокъ Иртыша, потомъ по самому Иртышу проникло въ Сибирь и въ бассейнъ р. Оби. *Югорскіе* и *Вогульскіе* князья вмѣстѣ съ сибирскимъ княземъ Латыкомъ покорились, отправились въ Москву и согласились платить великому князю дань. Онъ прибавилъ къ своимъ титуламъ титулъ князя Югорскаго, но въ 1499 г. ему пришлось съ оружіемъ въ рукахъ снова, хотя и съ успѣхомъ, утверждать тамъ свою власть.

Но всѣ эти пріобрѣтенія были пока весьма незначительны. Послѣ взятія Казани и Астрахани явилось множество добровольныхъ данниковъ; между ними былъ сибирскій князь Ядигеръ, владѣлецъ татарской *юрты* среди теперешней Тобольской губерніи, гдѣ онъ насчитывалъ 30.000 подданныхъ. Но заключенныя условія плохо исполнялись: въ 1556 г. вмѣсто 30,000 куницъ—по одной съ головы—обѣщанныхъ Ядигеромъ онъ прислалъ всего 700! Онъ ссылался на насилія и грабежи со стороны своихъ сосѣдей, противъ которыхъ царь обѣщалъ ему помощь и защиту. Но, воюя другъ съ другомъ, татарскіе князья были почти неуловимы и не поддавались завоеванію: если же имъ приходилось плохо, они углублялись въ степи и достигали безнаказанности тѣмъ что признавали власть Москвы, брали на себя тѣ же обязательства и такъ же плохо исполняли ихъ.

Въ то время, какъ Иванъ былъ занятъ Ливоніей, дѣла пошли изъ рукъ вонъ плохо, и послѣдній царскій уполномоченный, полу-посолъ, полусборщикъ дани, былъ убитъ. Достичь въ этомъ краю прочныхъ и дѣйствительныхъ результатовъ можно было лишь съ помощью побѣды иного рода; къ счастью, московская держава не была лишена необходимыхъ для этого средствъ.

До сихъ поръ подвижность остается одной изъ характерныхъ чертъ расы, заселившей огромныя пространства европейскаго Востока и азіатскаго Сѣверо-запада; я уже имѣлъ случай указать на причину этого явленія. «Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше». Въ этой пословицѣ выразительно передано то стремленіе, которымъ объясняется великое дѣло колонизаціи, совершенное народомъ Ивана Грознаго и Петра Великаго.

Для колонизаціи бассейнъ Печоры, гдѣ сосредоточивались военныя предпріятія до XVI вѣка, не представлялся достаточно удобнымъ: имъ могли бы воспользоваться люди торговые, а русскіе эмигранты были землепашцами. На долю одной семьи выпала честь сообщить этому движенію націи иной характеръ: она придала ему благо-

пріятное направленіе, воспользовавшись могучимъ теченіемъ эмиграціи, несшей въ себѣ дѣйствительную силу націи, и обративъ ее въ бассейнъ Камы.

II.

Строгановы.

Съ очень давнихъ временъ Строгановы владѣли особыми льготами для заселенія пустынныхъ земель въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ сѣверу отъ Вятки.

До сихъ поръ еще соціальное положеніе и права Строгановыхъ являются вопросомъ спорнымъ. Преданіе связываетъ членовъ этой семьи съ знатнымъ родомъ Добрыниныхъ Но исторія говоритъ намъ, что она принадлежала къ сословію купцовъ или хлѣбопашцевъ, между которыми московское право XVI вѣка не дѣлаетъ никакого различія (*В. Сергѣевичъ,* Лекціи по ист. р. права, Спб. 1883, стр. 622, и *Тыжновъ,* Сибирскій Сборникъ, 1887, стр. 119). «Illi vivunt sua negotiatione», говоритъ о Строгановыхъ неизвѣстный авторъ Historia de Siberia 1681). Строгановы не были ни боярами, ни «служилыми людьми». Но на огромныхъ земляхъ, принадлежавшихъ имъ въ XVI, они пользовались исключительными льготами. Имъ принадлежало исключительное право суда надъ мѣстными жителями; сами же Строгановы были подсудны лишь одному царю. Они строили города и воздвигали крѣпости, хотя и испрашивали разрѣшеніе государя для каждой новой постройки; они держали войско и лили пушки; они воевали съ сибирскими князьями и торговали безпошлинно съ азіатскими племенами. Правда, то были купцы и хлѣбопашцы, но совершенно особаго рода; хотя въ Уложеніи царя Алексѣя они и приравниваются къ *гостямъ*, т.-е. первостатейнымъ купцамъ, но они, именно, лишь приравниваются, а не смѣшиваются съ ними. Въ главѣ о взысканіяхъ за извѣстныя оскорбленія упоминается та же пошлина въ примѣненіи къ *гостямъ* и къ *Строгановымъ*, называемымъ по имени. Поэтому можно не безъ основанія утверждать, что семья эта составляла какъ-бы совершенно отдѣльную соціальную группу.

Въ 1558 г. Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ челомъ Ивану пожаловать ему 106 кв. верстъ земли, лежащей за Пермью по берегамъ

Камы. Онъ хотѣлъ тамъ выстроить крѣпость для обороны противъ татаръ, распахать землю, устроить пастбища, завести соляныя варницы. Просьба его была исполнена,—царь пожаловалъ ему землю и освободилъ его отъ всякихъ пошлинъ на 20 лѣтъ; онъ оставлялъ только за собою право на серебряную, мѣдную и оловянную руду, если таковая найдется въ этомъ мѣстѣ. Это были обычныя условія при дарованіи такого рода милостей, на которыя московскіе государи не скупились; единственно, чего они не дозволяли, это—располагать военной силой. Ихъ политическая система не допускала въ этомъ смыслѣ никакихъ уступокъ; однако, на границѣ Сибири пришлось разрѣшить и это въ силу необходимости. Строгановъ построилъ крѣпость на рѣчкѣ Пискоркѣ и назвалъ ее Канкоромъ. Въ 1564 онъ билъ челомъ, чтобы позволилъ ему царь построить другую крѣпость на 20 верстъ дальше, на Орлѣ; это былъ Каргеданъ. Въ 1566, по просьбѣ этого сильнаго рода, его городки и промыслы были включены въ опричнину, а въ 1568 г.—значительно расширены. Но такимъ образомъ растянутыя владѣнія страдали отъ безпрестанныхъ набѣговъ черемисовъ, башкиръ и другихъ дикихъ сосѣднихъ племенъ. Иванъ, ознакомленный съ положеніемъ дѣла, разрѣшилъ колонизаторамъ вооружить необходимое количество остяковъ и казаковъ, чтобы отражать эти нападенія. Преслѣдуя нападающихъ, казаки скоро перешли за Уралъ; здѣсь начинается уже легендарная эпопея.

Въ это время появилось въ Сибири татарское ханство, основанное, какъ думаютъ, родомъ Тайбуговъ, который враждовалъ съ однимъ изъ правящихъ родовъ, отдѣлился и сталъ покорять себѣ сосѣднія земли остяковъ и башкиръ. Столица этого ханства называлась Сибирь или Искеръ. Ханомъ тамъ былъ съ 1556 г. Кучумъ—киргизъ Кайсакскаго рода. Онъ свергнулъ съ престола Ядигера, прежняго Иванова данника. Встревоженный успѣхами Строгановыхъ и опасаясь за свою независимость, Кучумъ отправилъ своего сына или племянника, царевича Магметкула, чтобы напасть на новые русскіе промыслы. Враждебныя дѣйствія продолжались до 1582 г. и заставили Ивана еще болѣе расширить права и льготы Строгановыхъ, братьевъ Григорія и Якова. Имъ были пожалованы берега Тобола и его притоковъ за Ураломъ. Между 1574 и 79 г. эти огромныя владѣнія и лежащія на нихъ повинности перешли по наслѣдству къ третьему брату, Семену Аникіеву, и къ его двумъ племянникамъ, Максиму Яковлевичу и Максиму Григоріевичу. Чтобы выпутаться изъ опаснаго положенія,

они прибѣгли къ смѣлому средству. Донскія казацкія станицы, какъ я уже говорилъ, служили сборнымъ пунктомъ и убѣжищемъ для сброда со всей русской земли; то были полу-воины, полу-разбойники, большею частью спасшіеся отъ висѣлицы и не боявшіеся поэтому ни царя, ни Бога, ни чорта. Отправленное на Донъ предложеніе Строгановыхъ поступить къ нимъ на службу было полно заманчивыхъ обѣщаній и, въ числѣ другихъ смѣльчаковъ, привело на берега Камы человѣка, который до сихъ поръ слыветъ покорителемъ Сибири. Но онъ только случайно сталъ героемъ счастливѣйшаго изъ тысячи эпизодовъ,—однимъ изъ тѣхъ людей, которые своей грубой силой способствовали прочнымъ и непрерывнымъ успѣхамъ цивилизаціи, утвердивъ на дальнемъ азіатскомъ Востокѣ московское владычество. Преданіе часто дѣлаетъ такихъ людей героями.

III.

Казаки.

Казаки входили въ составъ населенія Руси на всемъ ея пространствѣ. На сѣверѣ они являлись бродячими хлѣбопашцами или ремесленниками, а на югѣ, гдѣ не прекращались военныя дѣйствія, они, большею частью, составляли воинствующій классъ. Но, обычно, подъ именемъ казаковъ разумѣлись всѣ бродяги—здѣсь землепашцы, тамъ ратники, иногда мирные работники, подчасъ разбойники. Самое это слово татарскаго происхожденія и раньше означало крестьянина, не имѣвшаго ни связи съ землею, ни семьи; затѣмъ оно стало относиться, главнымъ образомъ, къ воину, завербованному изъ подобныхъ бродягъ. Въ поискахъ за счастьемъ эти вѣчно непокорные люди шли, куда глаза глядятъ: одни бѣжали въ привольныя степи и тамъ основывали военныя общины; другіе оставались на родинѣ и собирались въ шайки, обычнымъ занятіемъ которыхъ являлся грабежъ. Этихъ послѣднихъ называли въ оффиціальныхъ грамотахъ воровскими казаками.

Благодаря географическому и этнографическому характеру Руси, съ ея неопредѣленными границами и отсутствіемъ исторически обособившихся областей, этотъ подвижный элементъ, который формально зависѣлъ отъ государства, но на самомъ дѣлѣ пользовался почти

полной свободой, явился авангардомъ колонизаторскаго движенія. Такъ, во время княженія Василія, рязанскіе казаки отыскали путь къ Дону; при его преемникѣ они уже основались на обоихъ берегахъ этой рѣки и скоро стали опасными сосѣдями Крымскихъ и Азовскихъ, а также и Ногайскихъ татаръ. Сначала Сѣверная Украйна пополняла ихъ ряды смѣльчаками, храбрость которыхъ вошла въ пословицу; потомъ со всѣхъ сторонъ къ нимъ потянулись новые товарищи: и городскіе, и сельскіе казаки, совершившіе что-либо противозаконное, искали спасенія въ этомъ всеобщемъ убѣжищѣ. Этотъ притонъ не преминулъ причинить и Ивану извѣстныя затрудненія: когда татары жаловались на постоянные набѣги казаковъ, Грозный оправдывался своимъ безсиліемъ: ему-де не одолѣть всѣхъ «разбойниковъ». Но между двумя набѣгами на Орду, «разбойники» бросались на Волгу, гдѣ на своихъ быстрыхъ «чайкахъ» преслѣдовали русскихъ гостей. Тогда являлись царскіе отряды и устраивались настоящіе походы.

Все же, въ 1579 г. государь разрѣшилъ Строгановымъ взять себѣ на службу шайку этихъ разбойниковъ, въ числѣ 640 человѣкъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Кольцо, только что былъ приговоренъ къ смертной казни; да и у другого, вѣроятно, совѣсть была не совсѣмъ чиста, и имѣлись кое-какіе грѣхи; его звали Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Происхожденіе этого, столь популярнаго имени еще не выяснено: одни видятъ въ немъ испорченное имя Ермолая или Германа, другіе— прозвище, полученное героемъ легенды въ то время, когда онъ несъ на себѣ скромныя обязанности кашевара въ станицѣ: на Волгѣ *ермакомъ* называютъ ручную мельницу. Но Никитскому удалось найти это имя, въ сокращеніи Ермашко, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, гдѣ оно встрѣчается, повидимому, нерѣдко.

1-го сент. 1581 г. маленькое войско двинулось въ путь; къ нему былъ присоединенъ отрядъ изъ строгановскихъ крѣпостей, гдѣ были и русскіе, и литовцы, и татары, и нѣмцы; такимъ образомъ, численность его достигала 840 человѣкъ; имъ предводительствовалъ Ермакъ. Войску предстояло перейти черезъ Уралъ, по слѣдамъ двадцати другихъ экспедицій, направлявшихся по этому же пути, и напасть на Кучума въ его гнѣздѣ. Въ тотъ же день шайка дикихъ наѣздниковъ, подъ предоводительствомъ татарскаго князя Пелыма, напала на Пермскую землю. Напуганный воевода просилъ у Строгановыхъ

подкрѣпленія, но они отказали, ссылаясь на недостатокъ въ войскѣ по уходѣ Ермака. Воевода пожаловался въ Москву, и тамъ такъ мало были расположены видѣть въ этомъ новомъ зауральскомъ походѣ что-либо серьезное или исключительное, что Иванъ обозвалъ Строгановыхъ измѣнниками и послалъ въ Пермь приказъ вернуть какъ можно скорѣе Ермака съ товарищами. Но приказа этого исполнить было нельзя: Ермакъ былъ уже далеко.

IV.

Ермакъ въ Сибири.

Посланный наперерѣзъ русскому войску, Магметкулъ встрѣтилъ его на берегахъ Тобола и ужаснулся при видѣ «луковъ, дымящихся и производящихъ громъ»: онъ еще не зналъ огнестрѣльнаго оружія. Онъ потерпѣлъ полное пораженіе. На Иртышѣ Ермакъ побѣдилъ самого Кучума и въ октябрѣ овладѣлъ покинутой ханомъ столицей. Тамъ онъ провелъ зиму. Весною его казаки взяли въ плѣнъ Магметкула, а лѣтомъ уже занимали и приводили къ покорности маленькіе городки и татарскіе *улусы* по Оби и Иртышу. Вслѣдъ затѣмъ Ермакъ рѣшилъ извѣстить о происшедшемъ Строгановыхъ и самого царя; онъ не побоялся отправить къ нему Кольцо, которому грозила смерть отъ руки палача.

Ермакъ не ошибся, думая, что государь будетъ обезоруженъ. Дѣйствительно, никто не спрашивалъ Кольцо о его прошломъ, и Ермаку пожалована была значительная сумма денегъ и къ ней, по преданію, Иванъ прибавилъ дорогіе подарки: двѣ богато украшенныхъ брони, серебряную чару и шубу со своего плеча. Въ то же время онъ послалъ двоихъ воеводъ, Семена Болховского и Ивана Глухова, вступить отъ его имени во владѣніе взятыми у Кучума городами. Такъ водилось всегда: впередъ посылали казаковъ; если они терпѣли пораженіе, отъ нихъ отрекались и называли «разбойниками»; если они побѣждали— приписывали себѣ ихъ побѣду.

Грозный уже не узналъ ни о судьбѣ своихъ посланныхъ, ни о трагическомъ концѣ предпріятія, въ которомъ Ермакъ стяжалъ безсмертіе.

Въ 1584 г. смѣлый атаманъ погибъ на берегахъ Иртыша во время ночного нападенія, подробности котораго неизвѣстны. Преданіе гово-

ритъ, что онъ хотѣлъ переплыть черезъ рѣку и утонулъ подъ тяжестью своей брони—роковою царскаго подарка. Татары узнали его трупъ по этой бронѣ, на которой сверкалъ золотой орелъ. Опи его поставили на помостъ и втеченіе шести недѣль пользовались имъ, какъ мишенью. Но хищныя птицы стаями носились надъ трупомъ, не смѣя къ нему прикоснуться; кругомъ появлялись страшныя видѣнія; испуганные татары рѣшились устроить герою пышныя похороны, гдѣ были убиты и съѣдены тридцать быковъ. Но и на пеплѣ храбраго воителя продолжались чудеса; поднялся къ небу огненный столбъ, и тогда мусульманскіе муллы предали его останки землѣ и скрыли могилу, чтобы никто ея не нашелъ.

Исторія намъ говоритъ только, что Болховской еще раньше былъ унесенъ недугомъ, а послѣ смерти Ермака второй посланный долженъ былъ отступить за Печору. Своими ближайшими результатами этотъ походъ напоминалъ всѣ предыдущіе. Но, между тѣмъ, произошло нѣчто иное. Было ли народное воображеніе поражено звучнымъ именемъ и смѣлымъ размахомъ, но среди цѣлаго ряда усилій, возобновлявшихся изъ года въ годъ, среди цѣлаго сонма неизвѣстныхъ героевъ, по слѣдамъ которыхъ шелъ Ермакъ, преданіе остановило свой выборъ именно на немъ. Прежняго разбойника воспѣли былины, ему воздвигся памятникъ въ Тобольскѣ, его, какъ святого, чтитъ церковь, и посмертная слава вознесла его на одну высоту съ Кортецомъ и Христофоромъ Колумбомъ.

Преданіе могущественно потому, что оно, въ нѣкоторой степени, направляетъ стихійныя силы, которымъ принадлежитъ рѣшающая роль въ судьбахъ народа. Возвеличенный такимъ образомъ Ермакъ долженъ былъ найти подражателей и мстителей. Погибая на своемъ посту, онъ могъ бы сказать: Non omnis moriar... Но онъ былъ только орудіемъ. За нимъ стояли другіе, готовые продолжать его дѣло: снаряжать въ походъ новыя войска, защищать «луками дымящимися и издающими громъ» безпрерывный прогрессъ своихъ мирныхъ трудовъ... То были настоящіе покорители Сибири — Строгановы съ ихъ арміей промышленниковъ — колонизаторовъ.

Когда пришла въ Москву вѣсть о катастрофѣ, которая временно пріостановила у береговъ Иртыша побѣдоносное движеніе казаковъ, Ивана уже не было въ живыхъ. Прежде чѣмъ приступить къ повѣствованію о трагической и печальной его кончинѣ, я постараюсь вызвать передъ глазами моихъ читателей ту удивительную среду, въ которой

жилъ государь. Мы увидимъ его дворъ и домашній очагъ во всей ихъ пышности, со всѣми ихъ странностями и ужасами.

---

1) Исторія покоренія Сибири еще предстоитъ быть написанной. Вотъ главнѣйшіе русскіе источники: Строгановская лѣтопись, изданная въ 1821 г. *Спасскимъ*, который, можетъ быть, отвелъ знаменитымъ колонизаторамъ слишкомъ большую долю участія въ покореніи Сибири; Есиповская лѣтопись, къ которой *Небольсинъ* отнесся со слишкомъ большимъ довѣріемъ въ своемъ Покореніи Сибири, Спб. 1849; онъ свелъ почти на нѣтъ роль Строгановыхъ въ колонизаціи, въ предположеніи, что Ермакъ и его товарищи дѣйствовали сами по себѣ. Пытаясь примирить между собою обѣ лѣтописи, *Карамзинъ*, въ концѣ концовъ, склоняется къ первой, за которую говорятъ оффиціальные документы. Ремезовская лѣтопись, изданная въ 1880 г. археографической комиссіей, изображаетъ намъ Ермака простымъ разбойникомъ.—Изъ иностранныхъ источниковъ см. Isaac Massa, Relatio de Siberia въ Recueil des Voyages au Nord, Amsterdam, 1727, vol VIII; Witsen, la Tatarie du Nord—Est, ibid. Другой, безыменная Relatio de Siberia или Historia de Siberia, написанная въ 1681 г. и напечатанная *Спасскимъ* въ Сибирскомъ вѣстникѣ, приписывается *Крижаничу Тыжновымъ*, авторомъ критическаго этюда объ этихъ иностранныхъ источникахъ, напечатаннаго въ 1887 г. въ Сибирскомъ Сборникѣ. Что касается до исторіографіи, то старинныя сочиненія *Миллера*, *Фишера* и *Шишенко* содержатъ свѣдѣнія весьма скудныя или, просто, невѣрныя. Полезнѣе познакомиться съ трудами болѣе недавняго происхожденія—*Замысловскаго*, *Майкова* и *Никитскаго* въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1881 и 1882 г. *Майковъ* пытался художественно обработать лѣтописи въ Аврорѣ 1869 г.—О Строгановыхъ см. монографію *Устрялова*, Спб. 1845 г. Срав. *Тыжновъ*, o. cit.

Къ жизнеописанію Ермака *Шаликовъ* напечаталъ въ 1901 г. интересныя данныя—Ермакъ въ 1581 г. Для ознакомленія съ преданіями о героѣ см. *Оксенова*—Ермакъ въ исторической поэзіи (Сибирскій Сборникъ 1886).—О болѣе раннихъ сношеніяхъ Руси съ Сибирью: *Оксеновъ*, статья въ Литературномъ Сборникѣ 1885 о сношеніяхъ Новгорода съ Югрою.—О сношеніяхъ Руси съ сѣверо-азіатскими князьями во времена Ивана Грознаго: *Словцовъ*, предисловіе къ статьѣ о Сибири 1886; *Фирсовъ*—Положеніе инородцевъ, Казань, 1866 г.; *Оксеновъ*, ст. о сношеніяхъ съ Сибирью до Ермака. (Сибирскій Сборникъ, 1886); *Ешевскій*, соч. III; *Крупенинъ*, ст. о колонизаціи пермской земли. (Пермскій Сборникъ, 1859). Нѣкоторые документы въ Актахъ Историческихъ, доп. т. I, и въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, изд. *Румянцева*, Спб. 1819, II, 42.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворъ и интимная жизнь Іоанна.

I. Дворъ.—II. Александровская слобода.—III. Домашняя жизнь Ивана.—IV Семья царя.

I.

Дворъ.

Первымъ впечатлѣніемъ Ченслера при его пріѣздѣ въ Москву была смѣсь восхищеннаго изумленія и разочарованія. Городъ показался ему больше Лондона съ его предмѣстьями; но напрасно онъ ищетъ въ немъ той пышности, о которой ему толковали въ Холмогорахъ. Самый Кремль поражаетъ его развѣ только отсутствіемъ того. что онъ ожидалъ въ немъ найти. Его вводятъ въ зданіе, которое величаютъ «золотыми палатами», а это просто чуть ли не лачуга!...

Знаменитое сооруженіе уже тогда представляло собою нагроможденіе подробностей, составляющихъ громадное цѣлое, которое до сихъ поръ еще носитъ такой своеобразный отпечатокъ. Со своими низкими сводами, опирающимися на одну колонну, главная дворцовая палата казалась очень неподходящей для тѣхъ пышныхъ церемоній, которыя въ ней должны были совершаться. Впрочемъ, пословъ и знатныхъ путешественниковъ принимали, обыкновенно, въ другомъ зданіи — еще болѣе скромныхъ размѣровъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь меблировка была бѣдная и простая: скамьи и табуреты простого бѣлаго дерева, и ни слѣда комфорта; бросались въ глаза только роскошь ковровъ, да, если вѣрить Мацкевичу (записки котораго относятся къ 1594 г.), большая печь, которая согрѣвала палату и нѣсколько сосѣднихъ горницъ.

Въ XVI в., какъ и теперь, Кремль представляетъ собою маленькій городокъ церквей. Тутъ и Благовѣщенскій соборъ, самый близкій

къ дворцу, гдѣ царь ежедневно присутствуетъ на богослуженіяхъ; и Успенскій соборъ, гдѣ служитъ Митрополитъ, коронуются государи, и гдѣ они слушаютъ обѣдню по большимъ праздникамъ; и соборъ Св. Михаила Архангела, гдѣ находятся гробницы царствующаго дома, и гдѣ тогда, какъ и теперь, восковыя свѣчи роняютъ расплывающіяся капли на черные покровы деревянныхъ гробовъ; и церковь св. Іоанна, съ высокою колокольней, обремененной множествомъ тяжелыхъ колоколовъ; ихъ не раскачиваютъ во время звона, такъ какъ отъ этого обрушилось бы все зданіе, а приводятъ въ движеніе языки колоколовъ. До двухъ десятковъ церквей, помѣщенныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, прижалось другъ къ другу, а рядомъ съ ними тѣснятся монастыри, дома придворныхъ, лавки и мастерскія.

Но первое впечатлѣніе Ченслера должно было измѣниться, когда онъ предсталъ передъ царемъ и увидѣлъ его дворъ. Хотя онъ и видывалъ царс венную пышность Валуа и Тюдоровъ, тѣмъ не менѣе, теперь онъ былъ пораженъ и очарованъ. Прежде всего, самъ государь... Да развѣ это такой же государь, какъ другіе, — этотъ человѣкъ, возсѣдающій на знаменитомъ престолѣ, поддерживаемомъ четырьмя фантастическими звѣрями Апокалипсиса? Когда, двадцать лѣтъ спустя, Поссевинъ увидитъ здѣсь царя въ длинномъ далматикѣ, съ тіарой на головѣ и съ посохомъ въ рукахъ, онъ сочтетъ себя предъ лицомъ другого папы, царя-первосвященника, rex sacrorum. Образъ Богородицы надъ трономъ, справа — образъ Спасителя, изображенія библейскихъ сценъ на стѣнахъ создавали вокругъ царя религіозное убранство, придавали дворцу видъ храма. Правда, по бокамъ стояли молодые рынды съ топориками на плечахъ; но развѣ у римскаго первосвященника не было своихъ носителей аллебардъ? Но что еще болѣе поразило наблюдателя — это видъ присутствующихъ, какъ бы застывшихъ въ оцѣпенѣніи. Нѣсколько позднѣе Маржеретъ и Флетчеръ также были этимъ поражены: при появленіи царя, въ неподвижной толпѣ всевозможныхъ должностныхъ лицъ, въ тѣсныхъ рядахъ стражи, одѣтой въ бѣлыя бархатныя или атласныя платья, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ,— не то воиновъ, не то священниковъ, съ золотою цѣпью, скрещенной на груди, и со сверкающими топорами, какъ бы занесенными для удара,— наступало гробовое молчаніе. Закрывши глаза, можно было подумать, что дворецъ совершенно пустъ.

Если жилище государя, казалось, не было его достойно,—его дворъ пышностью и численностью превосходилъ все, что иностранцы могли видѣть въ другихъ земляхъ: множество придворныхъ, залитыхъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, толпилось въ узкомъ святилищѣ, заливало сѣни, наполняло пространство кругомъ дворца.

Посмотримъ, изъ кого состоялъ этотъ пышный дворъ.

Въ русскомъ языкѣ XVI в. слово *дворъ* имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, оно примѣняется для обозначенія самаго жилища государя; во-вторыхъ, оно относится и къ службамъ, которыя сосредоточились около дворца и одинаково вѣдаютъ какъ нужды государя, такъ и потребности всей страны. Государь занимаетъ *верхъ* дворца; остальная часть зданія и его флигеля заняты должностными лицами; дѣлясь на разные *«приказы»*, они вѣдаютъ содержаніе двора и управленіе страною. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Котошихинъ насчитываетъ до сорока этихъ приказовъ, раздѣленныхъ на *палаты*, какъ бы на отдѣльныя министерства: разрядный приказъ, ямской приказъ, дворцовый приказъ... Послѣдній соотвѣтствовалъ, приблизительно, теперешнему министерству двора. Но содержаніе двора вѣдалось еще множествомъ спеціальныхъ учрежденій: житейный дворъ, кормовой дворъ, хлѣбный дворъ; были дворы, вѣдавшіе погреба, гардеробъ, конюшни. Учрежденіе, имѣвшее на своемъ попеченіи гардеробъ, обязано было заботиться не только о государѣ, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, одѣвать весь дворцовый персоналъ, должностныхъ и сановныхъ лицъ. Оно имѣло свою особую мастерскую палату и огромные склады; какъ видно, служба въ немъ не являлась синекурою.

Придворныя должности были весьма многочисленны; нѣкоторыя были давняго происхожденія, другія — учреждены въ позднѣйшее время. Уже Несторъ упоминаетъ о *стольникахъ*, на обязанности которыхъ лежало подавать кушанья; послѣднія раздавались *кравчими* и *окольничьими* государю и его гостямъ на торжественныхъ пирахъ. Но также съ давнихъ поръ стольникамъ поручались и другія дѣла: ихъ посылали за границу, они управляли областями... Количество этихъ должностныхъ лицъ доходило до пятисотъ. На второмъ мѣстѣ стояли *спальники* и *постельники*, которые одѣвали и раздѣвали государя и смотрѣли за его постелью. Спальникъ входилъ въ составъ ближняго совѣта, а постельникъ хранилъ государственную печать для секретныхъ дѣлъ. И тотъ, и другой спали въ царской опочивальнѣ.

Окольничьи («qiu circa principem versabantur», какъ говоритъ Дю-Канжъ) появляются впервые въ 1356 г. Они облечены также чрезвычайно разнообразными обязанностями, но, по большей части, судебнаго характера. Для веденія текущихъ дѣлъ у государя были еще *стряпчіе*; они во время церемоній несли передъ нимъ скипетръ, держали его верхнее платье, смотрѣли за оружіемъ; это были болѣе мелкія должностныя лица, но еще не послѣднія въ оффиціальной іерархіи; ниже стояли *дьяки* и *подъячіе*, писцы, люди ученые, т. е. умѣвшіе читать и писать. Первоначально обязанность ихъ была пѣть въ церкви, откуда и произошло ихъ имя (дьякъ, діаконъ). Позже ихъ стали брать писцами въ приказы, а въ XVI в. дьяки уже занимали, приблизительно, должность теперешнихъ рефферендаріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ Думѣ и звались тогда *думными дьяками*. Подъячіе служили имъ помощниками. На самомъ низу іерархической лѣстницы стояли *дворецкіе* или *дворники*. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Польшѣ, они пользовались большимъ значеніемъ. То были сначала какъ-бы маршалы двора, а съ XVI в. ихъ обязанности стали носить финансовый характеръ,—они хранили государеву казну. Они близки къ западнымъ curiales, прошедшимъ черезъ такія же превращенія.

При дворѣ царицы состояли только женщины, за исключеніемъ нѣсколькихъ пажей не старше десяти лѣтъ, которые потомъ переходили къ двору царя. Первое мѣсто здѣсь принадлежало *боярынѣ*, которая берегла казну и смотрѣла за постелью. На второмъ мѣстѣ стояла *кравчиня*, наблюдавшая за всѣмъ персоналомъ; она управляла цѣлымъ маленькимъ народомъ *мастерицъ*, приказывала *постельницамъ* и раздѣляла съ ними честь спать поочереди въ царицыной опочивальнѣ и сопровождать ее во время ея рѣдкихъ выѣздовъ. Тогда постельницы превращались въ амазонокъ и верхомъ на лошадяхъ окружали колымагу царицы.

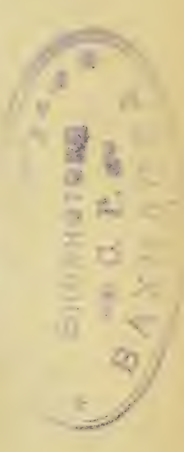
Самою большою и свѣтлою комнатой въ отведенной для государыни части дворца была рабочая комната, къ которой примыкали *свѣтлицы*; въ нихъ помѣщалось до полусотни женщинъ — бѣлошвей, шившихъ бѣлье, и золотошвей, вышивавшихъ золотомъ, серебромъ и шелками. Это было нѣчто вродѣ художественной школы, равно какъ и помѣщавшаяся въ другомъ дворцовомъ флигелѣ *иконописная* палата, которая служила въ одно время мастерской иконъ и академіей художествъ. Впрочемъ, и въ свѣтлицахъ вышивались иконы съ такимъ искусствомъ, которое и теперь вызываетъ изумленіе археологовъ.

Какъ мы уже сказали, Иванъ былъ очень богатымъ государемъ очень бѣдной страны. Когда Флетчеръ увидалъ сокровища Грознаго, онъ подумалъ, что грезитъ: жемчуга, изумруды, рубины лежали цѣлыми кучами, рядомъ съ грудами золотой посуды, цѣлыми сотнями золотыхъ съ каменьями чашъ и съ драгоцѣнностями всѣхъ родовъ. Эти богатства, возраставшія съ каждымъ царствованіемъ, хранились, по большей части, взаперти. Ихъ извлекали только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — главнымъ образомъ, чтобы ослѣпить чужеземцевъ. При отъѣздѣ посольства, отправляемаго къ польскому королю, Ченслеръ видѣлъ пятьсотъ всадниковъ, одѣтыхъ съ неслыханной роскошью: одежды изъ золотой или серебряной парчи, бархатныя сѣдла, расшитыя жемчугомъ. Все это великолѣпіе было взято изъ великокняжеской казны. Передъ послами Максимиліана II бояре почетнаго караула раздѣвались, чтобы блеснуть роскошью своего исподняго платья; но и исподнее, и верхнее, все что на нихъ было, принадлежало государю и послѣ парада должно было вернуться на прежнее мѣсто, «безъ пятенъ и дыръ» подъ угрозой взысканія.

Но въ этой роскоши были удивительныя прорѣхи. Сидя за царскимъ столомъ, Дженкинсонъ ѣлъ съ золотыхъ блюдъ и оцѣнилъ въ 400 ф. стерлинговъ двѣ чары, которыя ходили по рукамъ пирующихъ. При такихъ же обстоятельствахъ Флетчеръ насчиталъ 300 служащихъ за столомъ, одѣтыхъ въ золотую и серебряную парчу. Государь кушалъ одинъ за столомъ литого золота. Сразу было принесено сто золотыхъ, серебряныхъ и позолоченныхъ блюдъ. Но.. передъ пирующими не было ни тарелокъ, ни приборовъ. Нечего и говорить о салфеткахъ. Русскіе носили, обыкновенно, у пояса ложку и ножъ, а маленькіе пирожки, круглые и плоскіе, замѣняли прочія приспособленія. Въ 1576 г. императорскіе послы обратили вниманіе на то, что, передъ устроеннымъ для нихъ пиромъ, около двухсотъ гостей, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, отправились въ царскій гардеробъ за парчевыми золотыми кафтанами. Когда они сѣли за столъ, эти одежды были замѣнены бѣлыми съ горностаевой опушкой.

Для исторіи страны, ея идей и нравовъ эти черты имѣютъ серьезное значеніе: вотъ какимъ образомъ внушалось этому народу представленіе, что онъ — ничто, и что у него ничего нѣтъ. Все — въ государѣ, и все ему принадлежитъ. Этому способствовалъ также обычный церемоніалъ пировъ. Широко перекрестившись, царь бралъ кусокъ мяса, нарѣзаннаго кравчимъ, давалъ куски высокопоставленнымъ лицамъ

и смотрѣлъ, какъ подавали кушанья другимъ гостямъ. Разносящіе блюда говорили каждому: «царь тебѣ это посылаетъ», и каждый поднимался и благодарилъ. Та же процедура повторялась и съ напитками, которые, большею частью, нравились иностранцамъ; что же касается до приправъ изъ шафрана, подливокъ изъ кислаго молока и огурцовъ въ уксусѣ, употреблявшихся при большинствѣ блюдъ, то они казались имъ невкусными. Равно и необходимость сидѣть за столомъ пять или шесть часовъ, испивая изъ всѣхъ посылаемыхъ имъ чаръ, удручала и самыхъ выносливыхъ. Кромѣ того, было принято, чтобы послѣ пира государь посылалъ почетнымъ гостямъ еще кушанья и напитки, которыми они должны были немедленно дѣлиться съ царскими посланными. Такъ, одинъ императорскій осол получилъ заразъ: семь чаръ романеи, сто ько-же рейнскаго, мускатнаго вина, бѣлаго французскаго, канарскаго, аликанте и мальвазіи; двѣнадцать стопъ меду наилучшаго качества; семь кружекъ меду втораго сорта; восемь блюдъ жареныхъ лебедей; столько-же журавлей съ пряностями; нѣсколько блюдъ съ пѣтухами съ инбиремъ, нѣсколько куръ безъ костей, глухарей съ шафраномъ, рябчиковъ въ сметанѣ, утокъ съ огурцами, гусей съ рисомъ, зайцевъ съ лапшой и рѣпою, лосиныхъ мозговъ; множество пироговъ сладкихъ и съ мясомъ, желе, кремы, засахаренные орѣхи! Все это было послано человѣку, который только что вышелъ изъ-за стола.

Вотъ настоящее царство Гаргантюа!

При дворѣ, какъ и у частныхъ лицъ, пиры съ ихъ ужаснымъ обжорствомъ и неумѣреннымъ питьемъ являлись необходимымъ условіемъ всякаго празднества и любимымъ развлеченіемъ. Но, несмотря на изрекаемыя Церковью проклятія, существовали и другія свѣтскія удовольствія. Было даже спеціальное вѣдомство по этой части: *потѣшная палата.* При царскомъ дворѣ играли въ шахматы, въ шашки и въ карты. Много охотились: охотились и съ гончими, и съ борзыми, была въ ходу соколиная охота и кречетовая. Ходили на медвѣдя, и въ первую половину своей жизни Иванъ предавался этой забавѣ со страстью. Позднѣе его поглотили государственныя заботы, и это отразилось на состояніи его охотничьяго двора. Когда, послѣ Ямъ-Запольскаго перемирья, Баторій выразилъ желаніе имѣть красныхъ кречетовъ, и обратился съ этою просьбой къ царю, Грозный отвѣтилъ, что ихъ больше нѣтъ въ его охотѣ: уже давно онъ не охотится, удрученный горестями. Тогда Баторій спросилъ, не можетъ ли

онъ со своей стороны послать царю что-либо пріятное. Вотъ какой получился отвѣтъ: «добрыхъ коней, шлемовъ желѣзныхъ, мушкетовъ мѣткихъ и легкихъ».

Побѣжденный подъ Полоцкомъ и Великими Луками просилъ у своихъ побѣдителей только оружія.

Все-таки, еще и въ это время онъ держалъ при себѣ кое-какихъ *дураковъ* и *шутовъ*, которые до половины XVIII вѣка непремѣнно входили въ составъ русскаго двора. Шутки этихъ оффиціальныхъ забавниковъ, болѣе или менѣе остроумныя, были, большею частью, непристойны. Убожество умственнаго развитія способствовало грубой развращенности воображенія, да и чрезмѣрное моральное давленіе, производимое на умы аскетическимъ ученіемъ, порождало, какъ естественную реакцію, самый крайній цинизмъ. Съ другой стороны, своими смѣлыми рѣчами, которыми онъ могъ пользоваться въ извѣстныхъ границахъ, шутъ удовлетворялъ необходимости въ критикѣ и сатирѣ, свойственной всякому обществу; за неимѣніемъ литературы, въ которой она могла бы вылиться, сатира находила себѣ исходъ такимъ образомъ. Издѣваясь надъ совѣтами Домостроя и надъ правилами восточнаго этикета, шутъ разрѣжалъ тяжелую атмосферу монастыря и тюрьмы, въ которой коснѣла русская жизнь; онъ пріоткрывалъ двери, разбивалъ въ окнахъ стекла и впускалъ немного свѣжаго воздуха въ душныя горницы. Въ каждомъ, сколько-нибудь значительномъ домѣ были тогда одинъ или нѣсколько такихъ приживальщиковъ. У Ивана ихъ были десятки, и нерѣдко они своею жизнью платили за честь быть съ царемъ за панибрата. Одного изъ нихъ звали Гвоздевъ; онъ былъ княжескаго рода, какъ и будущій дуракъ императрицы Анны, и занималъ при дворѣ значительную должность, такъ какъ совмѣщеніе службъ было дѣломъ обычнымъ. Однажды, ради шутки, Иванъ вылилъ ему на голову миску горячихъ щей. Когда несчастный началъ кричать, Иванъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, ударилъ его кинжаломъ, и шутъ упалъ, обливаясь кровью. Позвали лѣкаря.

— Вылѣчи моего вѣрнаго слугу,—сказалъ ему отрезвившійся Иванъ,—я съ нимъ неловко поигралъ.

— Такъ неловко,—отвѣчалъ лѣкарь,—что теперь уже ни Богъ, ни Ваше Величество не заставите его впередъ играть на бѣломъ свѣтѣ».

Гвоздевъ умеръ.

какъ впослѣдствіи Петръ Великій, Иванъ отводилъ этимъ шутамъ мѣсто и роль даже въ парадныхъ церемоніяхъ; поэтому религіозное настроеніе, овладѣвшее въ этихъ торжественныхъ случаяхъ присутствующими и передававшееся иностраннымъ свидѣтелямъ, часто уступало мѣсто другимъ впечатлѣніямъ. Согласно своему характеру, Грозный не всегда сохранялъ на тронѣ пастырскую позу, въ которой онъ являлся сначала восхищеннымъ взорамъ зрителей. Однажды онъ снялъ шапку съ польскаго посла, надѣлъ ее на шута и приказалъ ему кланяться по польски; а когда тотъ сказалъ, что не умѣетъ, самъ передразнилъ этотъ жестъ, хохоча во все горло и побуждая присутствующихъ издѣваться надъ иностранцемъ. Порою, подобно Наполеону, онъ поражалъ какого-нибудь посла видомъ своего гнѣва, потокомъ брани и угрозъ. И тогда ужасъ проносился надъ склоненною толпою придворныхъ, подъ низкими сводами Кремля.

Но эти разнообразныя сцены придворной жизни, порожденныя характеромъ и нравами государя, развертывались, главнымъ образомъ, въ Александровской слободѣ. Онѣ являются однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ зрѣлищъ, завѣщанныхъ исторіей на удивленіе потомству.

II.

Александровская слобода.

Послѣ пожара 1547 г., почти совсѣмъ уничтожившаго Кремль, Иванъ жилъ нѣкоторое время въ Воробьевѣ, пока ему наскоро строили въ Москвѣ деревянные хоромы и возстановляли сгорѣвшій кирпичный дворецъ. Въ 1565 г., когда была учреждена опричнина, одно время государь хотѣлъ построить себѣ другой дворецъ въ кремлевскихъ стѣнахъ. Но онъ раздумалъ и предпочелъ поставить свое новое жилище подальше отъ стараго, которое уступилъ царю Симеону; мѣсто было избрано на Воздвиженкѣ, близъ теперешнихъ Троицкихъ воротъ. Онъ поселился тамъ въ 1567 г., но прожилъ недолго. Грозный такъ же не любилъ жить въ Москвѣ, какъ впослѣдствіи Петръ Великій. Онъ предпочиталъ Коломенское, любимое мѣстопребываніе его отца, и ѣздилъ туда ежегодно 29 авг. на свои

именины. Ему также нравилась Вологда, на рѣкѣ того же имени, несмотря на ея дикій и суровый пейзажъ. Тамъ онъ приказалъ выстроить себѣ большой деревянный дворецъ на холмѣ, гдѣ до сихъ поръ стоятъ казенныя постройки. Онъ выстроилъ тамъ также соборъ по образцу Успенскаго. Но вскорѣ Александровская слобода приглянулась мрачному деспоту и сдѣлалась его постояннымъ мѣстопребываніемъ.

Эта знаменитая слобода была Плесси-ле-Туръ Грознаго какъ Малюта Скуратовъ былъ его Тристаномъ Отшельникомъ. *А. Толстой* далъ намъ красочное, но чисто вымышленное описаніе этого мѣста. Увѣряютъ, что зданія теперешняго Успенскаго монастыря въ Александровѣ заключаютъ въ себѣ часть стариннаго дворца, безслѣдно исчезнувшаго. Какъ и Вологодскій дворецъ, монастырь стоитъ на возвышенности на берегу рѣки. Соборъ, который находится въ оградѣ, пожалуй, относится ко времени Ивана; тамъ можно видѣть ворота, привезенныя изъ Новгорода послѣ его разгрома, и все зданіе носитъ на себѣ слѣды перестройки, въ которую вошли составныя части, имѣвшія раньше другое назначеніе: окна и двери расположены не симметрично, въ стѣнахъ какія-то углубленія—безъ явной необходимости. Тѣ же особенности встрѣчаются въ Твери, въ Отрочемъ монастырѣ, гдѣ келья св. Филиппа передѣлана въ часовню. Въ Александровѣ, внѣ собора сохранилась постройка, составлявшая, очевидно, часть другого цѣлаго. Предполагали, что на этомъ мѣстѣ находились покои, занимаемые Иваномъ и его людьми. Это предположеніе подтверждаютъ огромные подвалы съ таинственными закоулками, съ подземными ходами, уходящими въ невѣдомую глубину, откуда, кажется, готовы подняться кровавые призраки...

Но стѣны, которыя, можетъ быть, слышали и видѣли такъ много,—молчатъ. Молчитъ и мѣстное преданіе. Чтобы воспроизвести происходившее здѣсь, все то, что занимало такое важное мѣсто въ жизни замѣчательнаго человѣка и великой страны, мы почти всегда должны полагаться на недостовѣрныя свидѣтельства лѣтописцевъ. Но, если провѣрить ихъ разсказы болѣе надежными документами, если опереться на подлинные факты, то есть все-таки возможность представить себѣ эту слободу и бытъ его обитателей.

Я уже высказалъ свой взглядъ на обвиненія, которымъ подвергалась опричнина. Какъ изъ явленія революціоннаго характера, изъ нея естественно возникъ терроръ съ его неизбѣжными крайностями.

Помощники Грознаго, извлекаемые имъ порою изъ подонковъ общества, были неспособны понять характеръ и реальную цѣль его предпріятія, и чаще, чѣмъ онъ самъ, принимали насиліе за энергію. Съ другой стороны, служа ему послушнымъ орудіемъ, эти угодливые царедворцы способствовали развитію влеченій къ грубому разврату, привитыхъ государю воспитаніемъ, и льстили нѣкоторымъ садическимъ наклонностямъ, лежавшимъ, безъ сомнѣнія, въ его натурѣ. Лѣтопись сохранила намъ имена его приспѣшниковъ. На первомъ мѣстѣ стояли бояринъ Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Ѳедоромъ; князь Аѳанасій Вяземскій; Василій Грязной, Левкій, архимандритъ Чудова монастыря, и—самый знаменитый и кровожадный изъ всѣхъ — Григорій Лукьяновичъ Малюта Скуратовъ. Позднѣе—Богданъ Бѣльскій, который съ Басмановымъ и нѣкоторыми другими, повидимому, игралъ при Іоаннѣ роль любимца, и Борисъ Годуновъ, зять Скуратова и царь въ будущемъ,—вотъ кого жаловалъ, и кому довѣрялъ государь.

Изъ среды этихъ приспѣшниковъ преданіе выдѣлило брата Анастасіи, Никиту Романовича Захарьина, о которомъ мы уже слышали. Основываясь, неизвѣстно, на какихъ иллюзіяхъ или дѣйствительныхъ данныхъ, оно приписало ему всѣ добродѣтели,—великую и прямую душу, суровый и непреклонный умъ. Однако, едва ли это совмѣстимо съ подобной средой. Принимая все въ расчетъ, я склоненъ думать, что, по крайней мѣрѣ, въ эту пору своей жизни Иванъ не потерпѣлъ бы близъ себя такого человѣка. Вѣроятно, на этомъ лицѣ отразилась идеализація, украсившая историческое происхожденіе всего рода Захарьиныхъ послѣ того, какъ они породнились съ царемъ.

Собственно говоря, Александровская слобода отнюдь не была лишь мѣстомъ разгула. Какъ мы знаемъ, Иванъ всегда проявлялъ большую наклонность къ монастырской жизни: однако, аскетическія стремленія легко уживались въ немъ съ вольностью нравовъ, не чуждой, впрочемъ, и всѣмъ тогдашнимъ монастырямъ. Мы знаемъ также, что Грозный желалъ провести реформу въ средѣ духовенства, чтобы заставить его строже соблюдать правила монастырской жизни, слишкомъ часто нарушаемыя. Желаніе подать личный примѣръ, очевидно, руководило царемъ при составленіи внутренняго распорядка, принятаго при дворѣ въ Александровѣ и продержавшагося много лѣтъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ опричнина многимъ походитъ на монастырское братство: опричники произносили особую клятву,

напоминавшую, отчасти, клятву при постригѣ. Они какъ бы уходили отъ міра, отрекаясь отъ всѣхъ своихъ прежнихъ связей. Слобода была по виду совершенный монастырь. 300 человѣкъ наиболѣе близкихъ къ государю подчинялись тамъ строгимъ правиламъ. На свои шитые золотомъ кафтаны они должны были надѣвать черныя рясы и участвовать въ очень сложныхъ религіозныхъ обрядахъ. Царь былъ игуменомъ, Вяземскій—келаремъ, Скуратовъ—пономаремъ. Самъ государь ходилъ звонить къ обѣднѣ со своими сыновьями. Въ полночь всѣ поднимались для первой церковной службы. Въ четыре часа всѣ снова собирались въ церковь на утреню, длившуюся до семи часовъ. Въ восемь начиналась обѣдня, и Иванъ, стараясь служить примѣромъ, такъ усердно молился, что на лбу его оставались слѣды поклоновъ. Въ двѣнадцать часовъ подавался обѣдъ въ общей трапезной; царь читалъ при этомъ вслухъ священное писаніе, и, какъ это дѣлалось въ хорошихъ монастыряхъ, остатки трапезы шли бѣднымъ, Въ качествѣ настоятеля, государь кушалъ отдѣльно; но затѣмъ всѣ къ нему собирались и пили. Нѣкоторые опричники, наперерывъ съ шутами, старались развеселить пирующихъ; туда допускались и женщины...

Для Ивана, какъ для большинства людей его времени, въ этомъ заключался идеалъ преобразованной монастырской жизни: крайнее благочестіе искупало крайній развратъ, внѣшніе обряды и матеріальныя лишенія возмѣщали отсутствіе истиннаго благочестія и служили какъ бы оправданіемъ величайшихъ моральныхъ паденій. И, въ этомъ смыслѣ, Александровская слобода строго соблюдала свой уставъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Иванъ относился серьезно къ этой пародіи. Я вижу доказательство этого въ знаменитомъ посланіи его отъ 1575 года къ архимандриту и братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: человѣкъ, который написалъ это посланіе, чувствовалъ себя, на самомъ дѣлѣ, монахомъ, который бесѣдуетъ съ другими монахами о предметахъ, относящихся къ ихъ общему призванію. Вотъ, какими обстоятельствами была вызвана эта переписка: родъ Шереметевыхъ особенно потерпѣлъ отъ гоненій, которымъ подвергались знатнѣйшіе роды страны со времени восшествія на престолъ Грознаго. Одинъ изъ трехъ братьевъ, которые пострадали первыми, Никита Васильевичъ, былъ замученъ; другой, Иванъ, извѣстный воитель, также отвѣдалъ пытки и тюрьмы. Чтобы избѣжать худшаго, онъ ушелъ въ Кирилло-Бѣлозерскій мо-

настырь и постригся подъ именемъ Іоны. Въ то время вынужденное, такимъ образомъ, поступленіе въ монахи допускало всевозможныя послабленія. Братъ Іона, предоставивъ обители пользованіе частью своихъ богатствъ, оставилъ за собою значительныя средства и велъ привольную жизнь въ домѣ, находившемся рядомъ съ монастыремъ; при немъ состояли многочисленная дворня, отличная кухня и все прочее. Онъ былъ большимъ хлѣбосоломъ, и монахи этимъ пользовались, въ свою очередь ухаживали за нимъ, посылали ему подарки и лакомства. Да и въ монастырѣ жили не бѣдно. Это было огромное учрежденіе. Вокругъ главнаго зданія тѣснилось одиннадцать корпусовъ, гдѣ помѣщались кладовыя, кухни, склады, а въ одной изъ сохранившихся частей зданія насчитываютъ до семисотъ комнатъ, предназначавшихся, вѣроятно, для прислуги. Шереметевъ не былъ единственнымъ знатнымъ монахомъ. Въ числѣ постоянныхъ обитателей монастыря были Василій Степановичъ Собакинъ, въ постриженіи Варлаамъ, Иванъ Ивановичъ Хабаровъ, сынъ знаменитаго Хабара Симского, героя предыдущихъ царствованій, и другіе вельможи, присланные сюда Иваномъ въ наказаніе. Нерѣдко между ними происходили ссоры; нѣкоторые изъ нихъ, менѣе богатые и поэтому менѣе ласкаемые, завистливымъ окомъ взирали на почести, расточаемыя Шереметеву. Ивану былъ посланъ доносъ, и онъ съ неудовольствіемъ узналъ, что люди, ввергнутые имъ въ немилость и въ изгнаніе, сохраняютъ такія преимущества. Поэтому государь поспѣшилъ вразумить братію: Шереметевъ долженъ трапезовать со всѣми. Такъ какъ монахи ссылались себѣ въ оправданіе на слабое здоровье Шереметева, царь счелъ нужнымъ не уступать и написалъ посланіе, которое съ литературной точки зрѣнія является, очевидно, его лучшимъ произведеніемъ.

Грозный начинаетъ съ исповѣди, которая какъ бы подтверждаетъ самыя сильныя обвиненія противъ его частной и общественной жизни. Со своей обычной грубостью онъ называетъ себя «псомъ смердящимъ», живущимъ въ «пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, разбоѣ», и въ другихъ смертныхъ грѣхахъ. Слѣдуетъ ли понимать его буквально? Можно бы подумать, что ему незачѣмъ клеветать на себя. Но сейчасъ же за этимъ онъ говоритъ, что тѣ немногія истины, которыя онъ считаетъ нужнымъ высказать братьямъ, исходятъ «отъ его скудоумія». И немедленно смыслъ этого вступленія становится яснымъ. Александровскій игуменъ говоритъ обычнымъ условнымъ языкомъ своего

времени: онъ обвиняетъ себя и унижаетъ, смиряется и поноситъ себя ради антитезы, которая должна придать особую силу тѣмъ ударамъ, которые онъ будетъ наносить. Конечно, совѣсть его не совсѣмъ чиста: но выказываемое имъ раскаяніе такъ же искренне, насколько серьезно и его увѣреніе въ томъ, что самъ онъ принадлежитъ къ Кирилло-Бѣлозерской общинѣ и поэтому входитъ въ подробности ея жизни. Онъ помнитъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ монастырѣ, онъ выразилъ желаніе когда-нибудь стать въ число его братіи. Теперь онъ это намѣреніе принимаетъ за совершившійся фактъ, и ловко пользуется имъ для достиженія намѣченной цѣли, чтобы бичевать своихъ противниковъ тѣми доводами, которые въ данную минуту пришли ему въ голову. И вотъ, какъ онъ ихъ обличаетъ, уснащая, по обыкновенію, свою рѣчь текстами и примѣрами, почерпнутыми изъ Отцовъ Церкви и изъ Священной исторіи, изъ римскихъ лѣтописей и византійскихъ хроникъ:

«Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ—Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ... Не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его... Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой—иную слабость, и такъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе... Вотъ сперва у васъ Іоасафу (бывш. бояринъ Колычевъ) дали оловянники въ келью... а Шереметеву же дали и поставецъ и поварню... съ другими чернецами ѣдятъ и пьютъ, что въ міру»...

Посланіе было напечатано въ Актахъ Историческихъ (I, и о 204); *Карамзинъ* (Ист. Гос. Рос. IX, прим. 37) относитъ его къ 1578. Но, повидимому, *Барсуковъ* (Родъ Шереметевыхъ, I, 324), помѣщающій его между весною 1574 и весною 1575 гг., стоитъ ближе къ истинѣ Надо прибавить, что Иванъ пользовался, измѣняя ихъ по своему, тѣми текстами, которые приводятся въ старинныхъ церковныхъ сочиненіяхъ полемическаго характера. Это были ходячіе критическіе труды, обличающіе распущенность монастырскихъ нравовъ; они были прекрасно извѣстны Бѣлозерскимъ монахамъ, судя по находившимся въ ихъ библіотекѣ копіямъ. Что касается того духа, которымъ былъ проникнутъ Иванъ, то слѣдующая подробность указываетъ на него ясно. Къ посланію была присоединена золотая братина, съ выпуклыми изображеніями обнаженныхъ женщинъ,—подарокъ царя

той самой обители, которую онъ старался вернуть на путь долга...

Здѣсь—подлинный духъ Александровской слободы.

Иванъ жилъ такъ-же, какъ въ предыдущемъ вѣкѣ Людовикъ XI въ своемъ Плесси-ле-Туръ. Тамъ короля окружали монахи, съ которыми онъ дѣлилъ ихъ религіозныя упражненія; тамъ были слесаря, приготовлявшія знаменитыя «fillettes du roi»,—тяжелыя цѣпи, въ которыя заковывали ноги узниковъ, сажаемыхъ въ желѣзныя клѣтки; тамъ были и другіе слуги, счета которыхъ попадаются въ книгахъ Его Величества подъ рубрикой «voluptés»: столько-то, чтобы привезти изъ Дижона въ Туръ горожанку, понравившуюся королю, и столько то на покупку двухъ дюжинъ чижей (*Henri Martin*, Hist. de France, VII, 145)... Если Людовикъ и не превратилъ Плесси-ле-Туръ въ монастырь, то мы знаемъ, что онъ выстроилъ обитель по сосѣдству для калабрійскаго монаха Франсуа де Поль. Онъ также любилъ себя окружать «дурными людьми низкаго происхожденія» и для того, чтобы разсѣять грызущую его тоску или прогнать страшныя видѣнія, онъ созывалъ отовсюду людей, «играющихъ на тихихъ и нѣжныхъ инструментахъ». Но, прибавляетъ лѣтопись Сенъ-Дени, «ничто не могло его развеселить»...

Въ Александровской слободѣ, послѣ всеношной, Иванъ отправлялся въ свою опочивальню, гдѣ ждали его три слѣпыхъ старика, которые должны были усыпить его своими сказками; кромѣ того, вѣроятно, сидя у него изголовья, они оберегали его отъ ночныхъ страховъ и одиночества. Днемъ у царя были другія развлеченія. Вставъ изъ-за стола, не отправлялся ли онъ, какъ говорили, въ застѣнокъ, чтобы наслаждаться тамъ видомъ пытокъ, производимыхъ по его приказанію? Случалось ли ему замѣнять палача? Не мѣнялось ли тогда его всегда мрачное и угрюмое лицо, не становился ли онъ веселѣе среди этихъ ужасовъ, не сливался ли его громкій хохотъ съ криками жертвъ? Все можетъ быть... Но властелинъ любилъ и менѣе кровавыя игры скомороховъ, фокусниковъ, медвѣжатниковъ. Ихъ собирали для него по всѣмъ захолустьямъ, безъ большого разбора. Въ новгородской лѣтописи упоминается нѣкій Субота Осетръ, который сначала обругалъ и приколотилъ дьяка Данилу Бартенева, а потомъ спустилъ на него медвѣдя; звѣрь бѣжалъ за нимъ вплоть до самаго приказа и привелъ въ немалый ужасъ цѣлую толпу приказныхъ, изъ числа которыхъ многіе попались въ лапы разъяреннаго животнаго. Послѣ этого

подвига, и медвѣдя, и его хозяина сочли пригодными для царской забавы, и они немедленно были отправлены въ Александровскую слободу съ цѣлой ватагой скомороховъ.

И дикіе, и ручные медвѣди играли въ слободѣ видную роль. Ихъ заставляли представлять смѣшныя сцены. Съ помощью ихъ мистифицировали посѣтителей и пугали ихъ. Но часто также ихъ натравливали не только на собакъ, но и на людей. Можетъ быть, Горсей и не заслуживаетъ особаго довѣрія, но онъ разсказываетъ про ужасный случай, когда семь тучныхъ монаховъ были обвинены въ мятежѣ и присуждены къ борьбѣ съ шестью громадными медвѣдями. Они растерзали пятерыхъ монаховъ и только шестой одолѣлъ противника. Гваньино утверждаетъ, что зимою, лишь только замерзшая рѣка становилась, какъ вездѣ, мѣстомъ народнаго гулянья, куда приходили ради развлеченія или чтобы походить по лавкамъ, царь имѣлъ *привычку* выпускать на эту мирную толпу нѣсколькихъ своихъ медвѣдей. Могъ, конечно, быть такой единичный фактъ, но своеобразная *привычка* царя, вѣроятно, помѣшала бы народу гулять по рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, лѣтопись, вѣроятно, нѣсколько преувеличила. Она подчеркнула особенности, которыя, какъ мы видѣли, принадлежатъ, въ нѣкоторой степени, къ общей исторіи нравовъ въ ту эпоху, когда медвѣжьи бои считались обычнымъ и любимымъ развлеченіемъ всѣхъ жителей.

Но, и помимо всякихъ преданій, Александровская слобода оставила воспоминанія, въ достаточной степени оскорбительныя для нравственности и чистоты. Молитвенные обряды смѣнялись тамъ пирами, которые, по большей части, превращались въ оргіи. Въ жизни Грознаго женщина всегда занимала весьма видное мѣсто. Вполнѣ возможно, что сами опричники служили для удовлетворенія такихъ наклонностей и вкусовъ его страстной и неумѣренной природы, какихъ, повидимому, не могли ослабить въ Иванѣ ни возрастъ, ни болѣзни. Легко допустить, что этотъ привычный развратъ принималъ иногда самыя гнусныя и даже жестокія формы. Мы допускаемъ, впрочемъ, что лѣтописцы давали слишкомъ большой просторъ своей фантазіи, изображая, напримѣръ, какъ, въ изступленіи садизма, Скуратовы и Басмановы раздѣвали крестьянскихъ дѣвушекъ и, заставляя ихъ гоняться нагими за курами, пронзали ихъ на бѣгу стрѣлами... Однако, въ то время даже настоящіе монастыри слишкомъ часто походили на вертепы разврата; легко себѣ предста-

вить, что происходило въ самозванной обители «иноковъ», свившихъ себѣ гнѣздо въ Александровской слободѣ. Самъ игуменъ-царь могъ служить живымъ примѣромъ блуда; мы знаемъ, что онъ успѣлъ уже отдалить отъ себя трехъ или четырехъ женъ... Вообще, послѣ смерти Анастасіи, семейная жизнь Ивана представляла не слишкомъ назидательную картину. Однако, какъ же согласить эту распущенность царя съ его постояннымъ стремленіемъ заключать все новые и новые брачные союзы? Повидимому, это рѣшительно противорѣчитъ ходячимъ легендамъ о цѣлыхъ толпахъ женщинъ, будто бы приводимыхъ въ Александровскую слободу, или о гаремѣ, который повсюду сопровождалъ царя въ его поѣздкахъ. Конечно, Иванъ былъ большимъ любителемъ женщинъ; но, въ то же время, онъ былъ и большимъ педантомъ въ соблюденіи религіозныхъ формъ. Поэтому, если онъ и стремился обладать женщинами, то лишь какъ законный мужъ. Вотъ почему онъ такъ часто прикрывалъ свои чувственныя вожделѣнія комедіей церковнаго брака: вѣдь игралъ же онъ въ монастырскую жизнь!

III.

Семейная жизнь Ивана.

Второю женой царя была полудикая черкешенка Темрюковна, крещеная Маріей. Она стала царицей въ 1561 году, а умерла въ 1569 г. О ней ходила слава, что она такъ же распущена въ смыслѣ нравовъ, какъ и жестока по своей природѣ. Спустя два года послѣ ея смерти, Иванъ избралъ себѣ въ супруги дочь простого новгородскаго купца, Марѳу Васильевну Собакину. Послѣ свадьбы она прожила всего двѣ недѣли. Царь увѣрялъ , что ее отравили раньше, чѣмъ она стала его женою,—другими словами,—скончалась, еще будучи дѣвственницей. Во всякомъ случаѣ, этимъ царь оправдывалъ свое намѣреніе вступить въ четвертый бракъ, о которомъ онъ сталъ думать немедленно по кончинѣ Марѳы. Между тѣмъ, правила Церкви препятствовали царю исполнить его желаніе. Иванъ сталъ всячески доказывать необходимость для себя этого новаго союза. Онъ утверждалъ, что у него отравили одну за другою три жены. Онъ заявлялъ, что послѣ смерти второй супруги онъ уже совсѣмъ былъ готовъ самъ уйти въ монастырь. Только заботы о воспитаніи дѣтей и о своемъ

государствѣ, гдѣ онъ долженъ былъ «оборонять вѣру христіанскую» будто бы, удержали и донынѣ удерживаютъ его въ міру. Но для этихъ цѣлей ему необходимо найти себѣ супругу: съ ней онъ не впадетъ въ грѣхъ. Въ концѣ концовъ, церковь уступила настоятельнымъ просьбамъ царя; она лишь наложила эпитимію на этого неисправимаго искателя невѣстъ. Въ 1572 году Грозный повелъ къ алтарю дочь одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ, Анну Колтовскую. Но уже черезъ три года онъ заточилъ ее въ монастырь. Повидимому, предлогомъ для этого послужило предъявленное къ царицѣ Аннѣ обвиненіе въ заговорѣ противъ царя. Разумѣется, разводъ сопровождался рядомъ казней, совершенно истребившихъ семью несчастной царицы. Анна прожила въ Тихвинѣ до 1626 года подъ именемъ инокини Дарьи.

Послѣ этого царь приблизилъ къ себѣ одну за другою двухъ наложницъ—Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву. Обѣ онѣ признавались его супругами, хотя, для сожительства съ ними, царь испросилъ только благословеніе своего духовника. Очевидно, послѣдній понималъ, что для такого человѣка, какъ Иванъ, приходится, волей-неволей,изобрѣтать болѣе эластичныя правила Церкви. Вокругъ обѣихъ наложницъ царя создалась цѣлая масса легендъ; ихъ судьба вдохновила многихъ поэтовъ и романистовъ. Въ своей знаменитой драмѣ *Островскій* выводитъ обѣихъ героинь и даже противопоставляетъ ихъ другъ другу. Такимъ образомъ, онъ изображаетъ съ поразительною силою ихъ соперничество изъ-за сердца Грознаго. Можетъ быть, тутъ слишкомъ много фантастическаго элемента; во всякомъ случаѣ, Островскій, дѣйствительно, воскрешаетъ ту историческую среду, въ которой жили и страдали эти женщины. Авторъ дѣлаетъ Василису служанкой Анны Васильчиковой. Послѣдняя уже видитъ, что ея соперница готовится занять ея мѣсто въ сердцѣ царя. Тогда она обращается къ ней со слѣдующими словами:

«Мнѣ страшно здѣсь, мнѣ душно, непривѣтно
Душѣ моей; и царь со мной не ласковъ,
И слуги смотрятъ исподлобья. Слышны
Издалека мнѣ царскія потѣхи,
Веселья шумъ,—на мигъ дворецъ унылый
И пѣснями, и смѣхомъ огласится;
Потомъ опять глухая тишь, какъ будто
Все вымерло, лишь только по угламъ,

По терему, о казняхъ шепчутъ. Нечѣмъ
Души согрѣть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Онъ мнѣ страшенъ!
Онъ страшенъ мнѣ и гнѣвный и веселый,
Въ кругу своихъ потѣшниковъ развратныхъ
За срамными рѣчами и дѣлами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарилъ онъ часомъ дорогимъ
Жену свою, про горе и про радость
Ни разу онъ не спрашивалъ. Какъ звѣрь,
Ласкается ко мнѣ, безъ словъ любовныхъ,
А что въ душѣ моей, того не спроситъ».

Быть можетъ, Островскій остается историкомъ и тогда, когда изображаетъ намъ Ивана наединѣ съ Василисой уже послѣ того, какъ она была формально приближена къ царю. Грозный хочетъ оставить свою новую возлюбленную. Онъ уже начинаетъ пресыщаться ею. Но Василиса удерживаетъ его, ей страшно. Она говоритъ ему о мертвецахъ, стоящихъ между ними: она заражаетъ ужасомъ самого царя. Тогда красавица проситъ Грознаго развлечь ее: напрасно царь рѣзко отвѣчаетъ ей, что онъ здѣсь не для ея забавы. Василиса зябнетъ... Иванъ уже держитъ въ рукѣ кинжалъ, готовый поразить ее,—но, по ея знаку, снимаетъ свой кафтанъ и кутаетъ ей ноги. Василиса хочетъ, чтобы онъ назвалъ ее царицей. Иванъ возмущается: какая она царица? Развѣ онъ вѣнчался съ ней? Развѣ онъ возложилъ на нее корону? Она отвѣчаетъ ему: Зачѣмъ онъ споритъ съ глупой женщиной: пусть онъ плюнетъ на нее и... сдѣлаетъ то, что она хочетъ. И Грозный опять покоряется... Василиса засыпаетъ. Тогда, въ увѣренности, что она его не слышитъ, царь начинаетъ говорить ей о своей любви. До тѣхъ поръ онъ не рѣшался на это,—онъ, который дерзаетъ на все...

Мы ничего не знаемъ о причинамъ немилости, постигшей обѣихъ возлюбленныхъ царя. Быть можетъ, Островскій опять угадалъ это. Иванъ говоритъ у него, обращаясь къ Васильчиковой:

«Ты съ тѣла спа́ла,—я не люблю худыхъ».

Согласно одному преданію, въ 1573 году, на смѣну Василисѣ явилась третья любовница царя, Марія Долгорукая. Однако, уже послѣ первой ночи она была оставлена царемъ. Одни говорятъ, что Грозный заподозрилъ ее въ любви къ другому; иные утверждаютъ, что она

оказалась уже лишенной дѣвственности. Такъ или иначе, Долгорукая погибла: ее посадили въ колымагу «на ярыхъ конѣхъ», и утопили въ рѣкѣ Серѣ. Впрочемъ, эти подробности связываются съ именами различныхъ возлюбленныхъ царя; между тѣмъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописей, подкрѣпленному фонъ Бухау, Васильчикова еще три года спустя продолжала пользоваться ласками Ивана. Но умерла она, повидимому, все-таки, насильственной смертью. Карьера Василисы была гораздо болѣе короткой. По показаніямъ лѣтописцевъ, еще совсѣмъ молодая и красавица собой, она была заточена въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей. Иванъ, будто бы, замѣтилъ, что она заглядывается на князя Ивана Девтелева. Конечно, несчастный былъ немедленно казненъ.

Въ сентябрѣ 1580 года, въ тотъ самый моментъ, когда Баторій готовился къ новой побѣдоносной кампаніи, царь вступилъ въ седьмой или восьмой, болѣе или менѣе, законный, союзъ. На этотъ разъ его избранницей явилась Марія Нагая. То была дочь одного изъ его бояръ Ѳедора Ѳедоровича; вскорѣ она родила Ивану сына Диметрія. Въ то же время царь женилъ своего сына, Ѳеодора, на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ, и создалъ себѣ, такимъ образомъ, новую семью, на которой сосредоточилась, повидимому, вся его любовь. Впрочемъ, какъ мы уже знаемъ, это не мѣшало Грозному лелѣять планъ брака съ Маріей Гастингсъ. Легко себѣ представить, чѣмъ могла быть при такихъ условіяхъ домашняя жизнь царя. Въ довершеніе всего, она была взволнована и омрачена въ 1581 году новой катастрофой, на которую я уже намекалъ выше.

IV.

Семья царя Ивана.

Отъ первой жены у Грознаго было двое сыновей. Младшій, Ѳеодоръ, отличался болѣзненностью и былъ слабъ умомъ. Поэтому съ нимъ не считались. Что касается старшаго, Ивана, то, повидимому, и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ онъ весьма напоминалъ собою отца. Недаромъ тотъ дѣлилъ съ нимъ и занятія, и утѣхи. Какъ и Грозный, онъ былъ не чуждъ образованности

Рукопись его сочиненія о житіи св. Антонія сохранилась въ бумагахъ графа Ф. А. Толстого. Едва достигн въ 30 лѣтъ, онъ уже былъ женатъ въ третій разъ. По свидѣтельству Одерборна, отецъ съ сыномъ мѣнялись своими любовницами. Одна изъ такихъ фаворитокъ царевича пожаловалась однажды на обидные для нея женскіе пересуды. Тогда царь велѣлъ взять виновныхъ и разложить ихъ нагими по снѣгу на позоръ и глумленіе проходящихъ. Я привожу эту подробность лишь для того, чтобы показать, какъ предс авляло себѣ тогдашнее общество взаимныя отношенія Грознаго и его наслѣдника. Первой женою царевича была Евдокія Сабурова, а второю П. М. Соловая. Обѣ онѣ принуждены были разлучиться съ наслѣдникомъ престола и принять монашество. Третьею супругой Ивана Ивановича была Елена Шереметева; она была беременна въ то время, когда, въ припадкѣ гнѣва, царь убилъ ея мужа. Существуетъ нѣсколько версій, объясняющихъ это событіе. Нѣкоторые лѣтописцы изображаютъ дѣло такъ, будто бы, въ виду успѣховъ Баторія, царевичъ сталъ упрекать отца въ малодушіи; при этомъ онъ требовалъ, чтобы царь поставилъ его во главѣ войска, съ помощью котораго царевичъ хотѣлъ попытаться отбросить опаснаго завоевателя. Другіе источники говорятъ, будто царевичъ заступился за ливонскихъ плѣнниковъ, съ которыми дурно обращались царскіе опричники. Мы видѣли, однако, что между отцомъ и сыномъ существовало извѣстное согласіе идей и чувствъ. Поэтому едва ли можно признать правдоподобными вышеприведенныя попытки объяснить катастрофу. Между прочимъ, Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ три мѣсяца послѣ событія, указываетъ на иную причину событія. Его версія гораздо болѣе вѣроятна. По его словамъ, Иванъ встрѣтилъ свою невѣстку во внуренниихъ покояхъ дворца. При этомъ онъ замѣтилъ, что ея одежда не вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію тогдашнихъ приличій. Вполнѣ возможно, что, при своемъ положеніи, жена царевича не надѣла на этотъ разъ пояса на сорочку. Оскорбленный этимъ царь-игуменъ съ такой силой ударилъ бѣдную женщину, что въ слѣдующую ночь она преждевременно разрѣшилась отъ бремени. Совершенно естественно, что царевичъ не воздержался отъ упрековъ по адресу отца. Грозный вспылилъ и замахнулся своимъ страшнымъ посохомъ. Смертельный ударъ былъ нанесенъ царевичу прямо въ високъ.

Правда, что преступленіе было совершено царемъ безъ умысла. Однако, оно все же перешло ту мѣру, къ которой привыкли со-

временники Грознаго. По словамъ Поссевина, Иванъ былъ въ отчаяніи. Онъ проводилъ цѣлыя ночи въ слезахъ; онъ вопилъ отъ горя. На утро, собравъ бояръ, онъ заявлялъ имъ, что считаетъ себя отнынѣ недостойнымъ занимать престолъ. Однако, въ то же время, указывая на неспособность царевича Ѳеодора, онъ предлагалъ имъ назвать другого преемника. Конечно, придворные сразу почуяли ловушку: поэтому они умоляли царя сохранить власть за собою.

Изъ всѣхъ событій царствованія Грознаго смерть его сына Ивана наиболѣе поразила народное воображеніе. На всемъ пространствѣ великой Россіи пѣлись пѣсни, навѣянныя этой кровавой драмой. Ихъ можно было слышать отъ Архангельска до Владиміра, отъ Олонецкой области до Нижняго Новгорода. Рыбниковъ издалъ пять такихъ пѣсенъ, Безсоновъ — двѣнадцать и Гильфердингъ—одиннадцать. Въ одной изъ этихъ былинъ жертвой Грознаго оказывается не Иванъ, а Ѳеодоръ. О его измѣнѣ говоритъ царю Малюта Скуратовъ:

«Какъ сидитъ измѣна за однимъ столомъ,
Пьетъ да ѣстъ измѣна съ одного мѣста,
Носитъ платье одного сукна».

Очевидно, народный поэтъ вспомнилъ въ данномъ случаѣ извѣстныя слова евангелія отъ Матѳея (XXVI, 23): «опустившій со Мною руку въ блюдо, этотъ предастъ Меня». Послѣ этого, забывая о хронологіи, поэтъ вводитъ въ дѣйствіе царицу Анастасію и ея брата Никиту Романовича. Они спасаютъ ни въ чемъ неповиннаго царевича какъ разъ въ ту минуту, когда ему грозитъ гибель. По другимъ версіямъ, царь требуетъ, чтобы его сыну отрубили голову и выставили ее предъ дворцомъ. Онъ велитъ вырвать ему сердце и печень и принести къ нему или, по крайней мѣрѣ, подать ему саблю, обагренную кровью царевича. Однако, тотъ же Никита Романовичъ, этотъ любимый герой народнаго эпоса, обманываетъ государя, убивъ вмѣсто царевича, простого «немилаго постельничка», холопа. Такимъ образомъ, мы видимъ передъ собою какъ бы повтореніе исторіи Кира, спасеннаго посланцами Астіага, или сказаніе о Женевьевѣ Брабантской, или, наконецъ, повѣсть о Спящей Красавицѣ.

Несмотря на свое сходство съ царемъ, а, можетъ быть, именно благодаря этому обстоятельству, старшій царевичъ пользовался довольно широкой популярностью. Смерть его явилась поэтому какъ бы народнымъ бѣдствіемъ; это было тѣмъ болѣе естественно,

что, послѣ нея, будущее Московскаго престола представлялось весьма печальнымъ.

Царевичъ Өеодоръ былъ слабоуменъ, братъ его Дмитрій — слишкомъ малъ. Впрочемъ, отъ своихъ многочисленныхъ наложницъ, царь имѣлъ нѣсколькихъ сыновей; но ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ его законнымъ наслѣдникомъ. Въ числѣ этихъ побочныхъ дѣтей считали и Өеодора Басманова — смѣлаго, но жестокаго молодого человѣка. Естественно, что царь болѣе, чѣмъ когда-либо привязался къ семьѣ Годуновыхъ: очевидно, этотъ человѣкъ, незнавшій жалости, самъ испытывалъ потребность въ нѣжномъ участіи. Говоря о Борисѣ Годуновѣ и его сестрѣ Иринѣ, онъ часто сравнивалъ ихъ съ двумя пальцами руки своей. Но въ то же время еще больше, чѣмъ когда-нибудь, Грозный старался забыть свою печаль или, быть можетъ, заглушить терзанія совѣсти въ самомъ необузданномъ развратѣ. Эти излишества окончательно подорвали и безъ того уже разстроенное его здоровье. Можно ли думать, что въ мрачномъ дворцѣ Грознаго Содомъ уживался съ Цитерой, какъ утверждало большинство лѣтописцевъ? Какъ мы знаемъ, увѣщанія Сильвестра, направленныя по адресу его непокорнаго духовнаго чада, повидимому, подтверждаютъ эти обвиненія. Однако, мы уже видѣли, что подлинность соотвѣтствующаго посланія Сильвестра представляется весьма сомнительной. Что касается извѣстныхъ словъ Поссевина, то они совершенно неправильно понимаются въ этомъ смыслѣ. Подлинный латинскій текстъ гласитъ: «Qui gratissimus tredecium annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat»... Это значитъ только, что Богданъ Бѣльскій, къ которому относится указанное мѣсто, исполнялъ при царѣ обязанности спальника. Вообще, можно сказать, что въ томъ обвинительномъ актѣ, который лѣтописцы, а за ними историки составили противъ Ивана, весьма многіе пункты обоснованы нисколько не лучше, чѣмъ данный. Конечно, мы не отрицаемъ безпорядочнаго образа жизни Ивана: мы не сомнѣваемся, что это ускорило наступленіе развязки, которую могучій организмъ Грознаго отдалялъ, казалось, на многіе годы. Послѣ смерти Анастасіи, Иванъ отправилъ въ Троицкій монастырь вкладъ въ 1000 рублей. Эта сумма въ два раза превышала подобный же взносъ, сдѣланный Иваномъ еще раньше—на поминъ души отца. По кончинѣ царицы Мареы, царь сократилъ свои щедроты до 700 рублей. Что касается царевича Ивана, то, по понятнымъ побужденіямъ, Грозный внесъ на упокой его души 5000 рублей. Такую же сумму

Иванъ отдалъ монастырю для своего собственнаго поминовенія. Очевидно, онъ готовился къ смерти. И Грозный не ошибался: его дни были сочтены. (*)

---

*) О придворной жизни Московскихъ государей весьма поучительный матеріалъ можно найти въ двухтомномъ сочиненіи *Забѣлина*—Домашній быть царей и царицъ, М. 1869—1895; ср. *его-же* Исторію Москвы, 1902 I. См. также *Костомарова*, Русская исторія, I и *Карамзина*, Исторія, IX. Документальный матеріалъ содержится въ русскихъ и иностранныхъ лѣтописяхъ, а также въ донесеніяхъ иноземныхъ пословъ—*Бухау*, *Улефельда* (*Старчевскій*, I), равно какъ у историковъ того времени *Одерборна*, *Гейденштейна*, *Курбскаго* и др.—Объ Александровской слободѣ см. Лѣтописи и свидѣтельства *Гваньино*, *Одерборна*, *Горсея*, *Флетчера*, *Таубе и Крузе* и т. д. О теперешнемъ состояніи тогдашнихъ построекъ см. статью *Мурзакевича* въ Ж. М. Н. П. 1837 и *Шевырева*, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Личность Грознаго и его дѣло.

I. Смерть Ивана.—II. Характеръ и темпераментъ Грознаго.—III. Познанія и умъ Грознаго.—IV. Идеи и чувства.—V. Итоги царствованія.

I.

Смерть Ивана.

Уже въ августѣ 1582 года, давая венеціанской синьоріи отчетъ о своей миссіи, Поссевинъ высказалъ убѣжденіе, что Московскому царю жить осталось недолго. Въ началѣ 1584 года обнаружились нѣкоторые тревожные симптомы: они взволновали весь дворъ Грознаго. Тѣло Ивана распухло и начало издавать нестерпимое зловоніе. Врачи усмотрѣли въ этомъ признаки разложенія крови. По свидѣтельству Горсея, Богданъ Бѣльскій обратился къ астрологамъ: тѣ предсказали, что смерть царя наступитъ въ такой-то срокъ. Любимецъ Грознаго не дерзнулъ сообщить государю это зловѣщее пророчество. Онъ только предупредилъ астрологовъ, что ихъ сожгутъ живыми, если предсказанія ихъ не оправдаются. Это было равносильно назначенію преміи за убійство царя. Вотъ почему послѣ кончины государя многіе высказывали подозрѣніе, что онъ былъ отравленъ Борисомъ Годуновымъ и его сообщниками, которыхъ тотъ привлекъ къ выполненію своего честолюбимаго замысла.

Горсей описываетъ необыкновенную сцену, свидѣтелемъ которой, будто бы, былъ онъ самъ въ сокровищницѣ Грознаго. Умирающій царь приказывалъ носить себя въ креслахъ въ палату, гдѣ хранились его драгоцѣнности и любовался тѣми несмѣтными богатствами, съ которыми онъ вскорѣ долженъ былъ проститься. Однажды онъ пожелалъ, чтобы Горсей сопровождалъ его въ эту палату. Здѣсь онъ ве-

лѣлъ показывать себѣ различные драгоцѣнные каменья и языкомъ знатока объяснялъ своей свитѣ ихъ достоинства и цѣнность. Внезапно, взявъ въ руку нѣсколько камней бирюзы, онъ обратился къ Горсею. «Видишь, бирюза измѣняетъ цвѣтъ: она блѣднѣетъ. Это значитъ, что меня отравили. Камень предвѣщаетъ мнѣ кончину». Затѣмъ онъ приказалъ подать себѣ скипетръ изъ кости единорога. Какъ извѣстно, подъ этимъ именемъ былъ распространенъ въ то время рогъ нарвала: до самаго Паре и даже послѣ него, этой кости приписывались почти чудодѣйственныя цѣлительныя свойства. Вооружившись волшебнымъ скипетромъ, царскій лѣкарь начертилъ на столѣ кругъ: внутрь этой черты посадили нѣсколькихъ пауковъ. Насѣкомыя тотчасъ же околѣли; другіе пауки, оставшіеся внѣ круга, убѣжали. «Поздно», сказалъ Иванъ: «теперь меня не спасетъ и единорогъ...» Послѣ этого онъ опять занялся драгоцѣнными каменьями. «Взгляни на этотъ алмазъ», вновь обратился онъ къ Горсею: «это лучшій и драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ камней Востока. Но я никогда не цѣнилъ его по достоинству. Алмазъ утишаетъ гнѣвъ и гонитъ сладострастіе; онъ даетъ человѣку власть надъ собою и цѣломудріе... Охъ, худо мнѣ.... Унесите меня.... Мы придемъ сюда въ другой разъ...»

Согласно свидѣтельству Горсея, 18-го марта 1584 года государю стало легче. То былъ именно, тотъ день, который указали раньше астрологи. Бѣльскій напомнилъ вѣдунамъ, что ихъ ожидаетъ: «День еще не миновалъ», отвѣтствовали тѣ. Принявъ ванну, Иванъ спросилъ шахматную доску. За нѣсколько дней до этого, по приказанію царя, по монастырямъ были разосланы грамоты отъ государя. Въ нихъ Иванъ просилъ пречестныя обители помолиться о его окаянствѣ; впрочемъ, тутъ же онъ самъ молилъ Бога отпустить монашествующей братіи всѣ ея прегрѣшенія передъ нимъ, государемъ... Эти документы сохранились въ цѣлости до нашего времени. Они доказываютъ, что, даже готовясь къ смертному часу, Грозный одновременно заботился какъ о спасеніи своей души, такъ и о достиженіи извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Преданіе разсказываетъ, что передъ своей кончиной Иванъ проявилъ необыкновенную мягкость по отношенію ко всѣмъ окружающимъ. Своего сына Өеодора онъ убѣждалъ царствовать благочестиво, съ любовью и милостью, избѣгать войны съ христіанскими государствами. Онъ завѣщалъ ему уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ. И, однако, при всемъ томъ, его порочная природа до конца не переставала выставлять свои требованія. Одер-

боринъ утверждаетъ, будто, въ своей похоти, умирающій царь посягнулъ даже на свою невѣстку Ирину, — ту самую, къ которой онъ постоянно проявлялъ истинно отеческую нѣжность.

Съ полной достовѣрностью мы можемъ установить только дату смерти Грознаго и нѣкоторыя незначительныя обстоятельства, которыя ее сопровождали. Царь пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ въ шахматы. Онъ самъ уже началъ разставлять фигуры по доскѣ, какъ, вдругъ, почувствовалъ себя дурно. Спустя нѣсколько минутъ онъ уже хрипѣлъ въ агоніи. Такъ исполнилось предсказаніе астрологовъ. По волѣ Ивана, послѣ совершенія надъ нимъ предсмертныхъ обрядовъ онъ принялъ монашество. Названный Іоною, онъ оставилъ своему наслѣднику Ѳеодору царскій вѣнецъ, а Борису Годунову—государственную власть.

Таковъ былъ первый царь всея Руси, котораго я пытался изобразить въ своей книгѣ. Заключая свой трудъ, я постараюсь нѣсколько ярче очертить образъ Грознаго. Предупреждаю впрочемъ, что его весьма трудно воскресить — вслѣдствіе окружающей его мглы и неясности прошлаго.

II.

Характеръ и темпераментъ Грознаго.

Недостатокъ вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ позволяетъ намъ не болѣе, какъ приблизительно, намѣтить внѣшній обликъ Ивана. По показаніямъ русскихъ современниковъ, онъ былъ сухощавъ; напротивъ, иностранцы описываютъ его, какъ полнаго человѣка. Быть можетъ, такое различіе взглядовъ зависѣло отъ несходства мѣрилъ, принятыхъ тѣми и другими. Мы знаемъ, что тогдашніе русскіе люди отличались, по большей части, такимъ дородствомъ, которое было совершенно несвойственно иноземцамъ. Впрочемъ, всѣ свидѣтели сходятся въ своихъ показаніяхъ о ростѣ Ивана. По ихъ словамъ, Грозный былъ очень высокъ, хорошо сложенъ, съ крутыми плечами и широкой грудью. Однако, въ ризницѣ Троице-Сергіева монастыря хранится кафтанъ, который по преданію, принадлежалъ царю Ивану IV. Недавно *Глаголевъ* измѣрилъ это платье: полученные выводы говорятъ не въ пользу приведенной выше характеристики (Русскій Ар-

хивъ, Іюль, 1902 года). Что касается чертъ лица Иванова, то въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь портреты весьма сомнительной подлинности. Поэтому они не могутъ служить для насъ надежнымъ основаніемъ. Впрочемъ, и на этотъ счетъ между свидѣтелями господствуетъ сравнительное согласіе. Всѣ они говорятъ, что Иванъ имѣлъ длинный и выгнутый носъ, небольшіе, но живые глаза голубого цвѣта, съ проницательнымъ взглядомъ. Онъ носилъ длинные усы и густую рыжеватую бороду, которая замѣтно посѣдѣла къ концу царствованія. Голову свою Иванъ брилъ: по словамъ Принца фонъ Бухау «capillos capitis utque plerigue Rutheni novacula radit».

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о второй половинѣ царствованія Ивана. Въ эту пору почти всѣ свидѣтели отмѣчаютъ у него мрачное и угрожающее выраженіе лица. Оно не мѣшало, однако, Ивану часто разражаться громкимъ смѣхомъ. Но здѣсь мы уже касаемся нравственной стороны этого человѣка, который такъ и остается загадкой, несмотря на всѣ попытки раскрыть его душу. Повидимому, мы имѣемъ дѣло уже не столько съ противорѣчіями свидѣтельскихъ показаній, сколько съ внутренними антиноміями самой личности Грознаго.

Иванъ — натура энергическая до тиранніи и, въ то же время, робкая до трусости. Онъ гордъ до безумія и, однако, способенъ поступаться своимъ достоинствомъ почти до низости. Онъ уменъ и, между тѣмъ, можетъ говорить и дѣлать явныя глупости. Зачѣмъ, напримѣръ, оскорбляетъ онъ короля Эрика въ то самое время, какъ добивается его дружбы? Какъ можетъ онъ называть себя «псомъ смердящимъ», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коснѣть въ тѣхъ самыхъ порокахъ, которые оправдываютъ этотъ эпитетъ? Подобные вопросы можно ставить безъ конца. Нѣкоторые думали найти ихъ разрѣшеніе въ одной изъ новыхъ дисциплинъ, открытія которой пользуются теперь, быть можетъ, нѣсколько эфемерной славой. Повидимому, и отецъ и дѣти Ивана были уравновѣшенными людьми; но прадѣдъ его, Василій Темный, былъ слабъ какъ разумомъ, такъ и волей. Мать Грознаго, Елена Глинская, отличалась болѣзненностью. Самому отцу его было уже 50 лѣтъ, когда родился его наслѣдникъ, также не бывшій здоровымъ ребенкомъ. Быть можетъ, дурная кровь была привнесена въ московскую династію бабкою Ивана, Софіею *Палеологъ*; нужно замѣтить, что въ этой императорской фамиліи всегда сказывалась предрасположенность къ нервнымъ заболѣваніямъ. Братъ Ивана, Юрій, страдалъ слабоуміемъ; у самого

Грознаго дѣтей было въ три раза меньше, нежели женъ. Первенецъ Ивана умеръ младенцемъ; второй сынъ, жестокій и кровожадный Иванъ, былъ убитъ отцомъ; третій, Θеодоръ, былъ почти идіотомъ; наконецъ, о Дмитріи ходилъ слухъ, что онъ боленъ падучей....

Не трудно угадать естественный выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ. Очевидно, Грозный былъ дегенерантомъ или однимъ изъ тѣхъ параноиковъ, психологію которыхъ изучалъ *Ломброзо*.

Самое слабое мѣсто такого объясненія заключается въ томъ, что оно ровно ничего не объясняетъ. Еще задолго до итальянскаго психіатра, Ревельс-Паризъ (1834) и Шиллингъ (1863) пытались доказать, что геніальный человѣкъ всегда является невропатомъ, а часто и совсѣмъ душевно-больнымъ субъектомъ. Эту теорію можно найти, впрочемъ, у еще болѣе старинныхъ авторитетовъ — отъ Паскаля до самаго Аристотеля. Сравнительно недавно одинъ аргентинскій ученый (*Mejja*, Nevrosis de los hombres celebres, Buenos-Avres, 1885) повѣдалъ намъ, что всѣ почти выдающіеся люди его родины были алкоголиками, нервно-больными или помѣшанными... Ну, и что же дальше? Для Ломброзо и его послѣдователей совершенно ясно, что геній Наполеона являлся ни чѣмъ инымъ, какъ формою эпилептическаго невроза. Но что же даетъ намъ такой выводъ? Эпилептическій неврозъ — просто этикетка; онъ положительно ничего намъ не объясняетъ. Мы видимъ лишь одно,—а, именно, что между такимъ дегенерантомъ, какъ Наполеонъ, и другимъ подобнымъ же типомъ, какъ Иванъ IV, существуетъ огромное различіе. Во всѣхъ поступкахъ перваго мы замѣчаемъ строго логическую послѣдовательность и согласованность; все это совершенно отсутствуетъ у второго. Наполеонъ, если онъ даже безумецъ, можетъ, когда захочетъ, дѣйствовать вполнѣ разумно; напротивъ, Грозный слишкомъ часто, даже обыкновенно, проявляетъ внѣшніе признаки душевной болѣзни. Очевидно, нужно найти причину столь существенныхъ различій: мы ясно убѣждаемся, что, сама по себѣ, гипотеза объ однородномъ психическомъ недугѣ у обоихъ героевъ вовсе не разрѣшаетъ нашей проблемы, а только обходитъ ее.

Мнѣ кажется, что во всѣхъ попыткахъ истолкованія характера и темперамента Грознаго кроется одно коренное заблужденіе: я назову его анахронизмомъ. Къ Грозному подходятъ совершенно такъ же, какъ къ любому изъ нашихъ современниковъ. Примѣняемые къ его изслѣдованію пріемы — наблюденія и анализа — сами по себѣ, вполнѣ пра-

вильны, и, однако, они приводятъ къ ложнымъ результатамъ, такъ какъ произвольно вырываютъ личность Ивана изъ сродной ему исторической среды. Возьмемъ, напримѣръ, Людовика XI. Всѣмъ извѣстно, какими свойствами отличался этотъ человѣкъ. Однако, попробуемъ перенести его въ XIX или XX вѣкъ. Затѣмъ зададимся вопросомъ: могъ ли бы въ настоящее время столь осторожный король попасться въ ловушку въ Переннѣ? Могъ ли бы такой дальновидный политикъ дать увлечь себя къ стѣнамъ Ліежа, чтобы принять участіе въ разрушеніи этого города, которому онъ же самъ оказывалъ покровительство? Очевидно, что все это было бы совершенно невозможнымъ; но почему же совершилъ Людовикъ въ то время это двойное безразсудство? Вспомнимъ, что во второмъ случаѣ его поведеніе было прямо позорно... Людовикъ XI былъ сыномъ своего времени. Онъ былъ представителемъ полуварварскаго общества: тамъ, даже у наиболѣе развитыхъ морально людей сказывался недостатокъ духовной координаціи и нравственной дисциплины. Эти свойства являются плодомъ вѣкового культурнаго развитія, благодаря которому въ наши дни мы видимъ ихъ даже на низшихъ ступеняхъ общественности. Какъ и большинство своихъ современниковъ, Людовикъ былъ импульсивной натурой: теперь это качество, въ видѣ исключенія, наблюдается лишь у наиболѣе эксцентрическихъ субъектовъ: повидимому, тутъ дѣйствуетъ извѣстный атавизмъ, воскрешающій въ человѣкѣ черты далекаго прошлаго. Попробуйте взглянуть съ такой точки зрѣнія на личность и дѣятельность Грознаго: мнѣ кажется, это сразу подвинетъ насъ къ должному разрѣшенію нашего вопроса.

Еще чаще, нежели Людовикъ XI, Иванъ дѣйствовалъ, какъ импульсивная натура. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ его поступкахъ сказывались вліянія окружающей среды или внѣшнихъ событій; въ другихъ—онъ повиновался внутреннимъ побужденіямъ, которыя были заложены въ него природою или внушены ему воспитаніемъ. Какъ и дѣдъ, Иванъ былъ уменъ, но болѣе экспансивенъ; онъ былъ такъ же энергиченъ, но менѣе твердъ. Ко всѣмъ этимъ свойствамъ онъ унаслѣдовалъ,—конечно, не отъ ничтожнаго отца,—страстную и пылкую душу. Эту душу мы видимъ у его матери, Глинской. Часто Иванъ дѣйствовалъ слишкомъ порывисто, какъ бы скачками; однако, того, кто задумалъ и создалъ опричнину, никогда нельзя упрекнуть въ недостаткѣ воли или логической послѣдовательности. Я уже показалъ, насколько мало состоятельно утвержденіе, будто Грозный

всегда передавалъ свою власть въ чужія руки, не умѣя пользоваться ею самъ. Сильвестръ съ Адашевымъ такъ же мало были правителями государства въ періодъ 1548—1560 гг., какъ и царь Симеонъ въ пору 1575—1576 гг. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало царю, въ первомъ случаѣ, изображать изъ себя жертву своихъ собственныхъ любимцевъ, а во второмъ—разыгрывать комедію съ жалкимъ манекеномъ, якобы возведеннымъ на русскій престолъ.

Иванъ былъ вспыльчивъ до такой степени, что при малѣйшемъ раздраженіи «покрывался пѣною, какъ конь»: такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ фонъ Бухау—вполнѣ надежный и даже самый достовѣрный изъ всѣхъ свидѣтелей. Часто Грозный не умѣлъ сдерживаться и владѣть собою; но такъ же часто онъ проявлялъ удивительную изворотливость. Это мы видимъ, напримѣръ, въ его борьбѣ съ Баторіемъ: на полѣ битвы Иванъ, можно сказать, почти покидаетъ отечество на произволъ судьбы; зато, на дипломатическомъ поприщѣ, онъ упорно оспариваетъ побѣды своего противника. Здѣсь Иванъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ или шансомъ успѣха.

Мы уже видѣли, каково было воспитаніе Грознаго. Въ дѣтствѣ онъ не зналъ любви и даже не пользовался должнымъ вниманіемъ. Онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ насилій, отъ которыхъ трепетала его душа. Поэтому неудивительно, что въ немъ развилась нѣкоторая робость, которая выражалась то въ недовѣріи къ собственнымъ силамъ, то въ нервной слабости передъ лицомъ опасности. Однако, тотъ, кто двадцать лѣтъ подрядъ боролся со всякими Курбскими въ своей державѣ, не могъ быть трусомъ въ душѣ. Изъ того же источника вынесъ Грозный свое презрѣніе къ человѣку, которое порою принимало форму ненависти. Не забудемъ, что воспитаніе Ивана такъ же потворствовало самымъ низменнымъ его инстинктамъ, какъ и оскорбляло его лучшія чувства. Таубе и Крузе съ убѣжденіемъ говорятъ о его «коварномъ сердцѣ крокодила». Да, Грозный былъ лукавъ и золъ. Въ дѣтствѣ его обижали и глумились надъ нимъ. Поэтому всю свою жизнь онъ стремился, повидимому, отплатить людямъ за эти униженія. Отсюда брала свое начало его безумная страсть издѣваться надъ людьми въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ или не хотѣлъ мучить ихъ другимъ способомъ. Онъ испытывалъ какое-то острое наслажденіе въ томъ, чтобы сбивать ихъ съ толку и любоваться ихъ растерянностью, упиваясь сознаніемъ своего превосходства. Къ этому надо прибавить полнѣйшее, безусловное отсутствіе въ немъ побужде-

ній жалости или сочувствія. Въ этомъ отношеніи Грозный весьма напоминаетъ Петра Великаго: ясно, что подобная черта развилась у нихъ обоихъ подъ вліяніемъ аналогичныхъ причинъ. Прочтите хотя бы тѣ строки, которыя пишетъ Иванъ Курбскому послѣ побѣдоноснаго похода... «А что писалъ ты, что мы тебя въ дальнія города будто въ опалѣ посылали, то писалъ ты это себѣ въ досаду. Мы нынѣ Божіею волею и дальше твоихъ дальнихъ городовъ прошли... И въ городъ Вольмаръ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и туда на покой тебѣ Богъ насъ принесъ... Пришлось тебѣ и подальше поѣхать!..»

Вспомнимъ, далѣе, случай съ Василіемъ Грязнымъ—любимымъ опричникомъ царскимъ, который попалъ въ плѣнъ къ татарамъ. Развѣ Иванъ пожалѣлъ его? развѣ тронуло его сердце несчастье вѣрнаго слуги? «Ино было, Васюшко, безъ пути середь крымскихъ улусовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, ино было не по объѣздному спати... Ты чаялъ, что въ объѣздъ съ собаками пріѣхалъ за зайцы ажно Крымцы тебя самого въ торокъ ввязали... Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ дрочонъ ум ютъ ловити... Только бы таковы крымцы были, какъ вы жонки, ино было и за рѣку не бываеть, ино токмо что въ Москвѣ...» Впрочемъ, позабавившись надъ несчастнымъ плѣнникомъ, Иванъ, въ концѣ концовъ, уплатилъ за него выкупъ. Такъ же точно, вырвавъ себѣ клокъ бороды въ присутствіи посла отъ Девлетъ-Гирея, онъ, все же, согласился потомъ вести съ ханомъ мирные переговоры. Въ этихъ противоположностяхъ—Грозный, какъ живой. Въ его безуміи нѣтъ послѣдовательности: онъ постоянно возвращается къ самымъ яснымъ сужденіямъ... Вспыльчивый деспотъ, онъ замахивается жезломъ на протестантскаго пастора, осмѣлившагося въ его присутствіи сравнить Лютера съ апостоломъ Павломъ; но минуетъ порывъ,—и тотъ же Грозный ведетъ степенную бесѣду съ Рогитой.

Наблюдая эти постоянныя вспышки, нѣкоторые усматривали въ нихъ то самое неистовство, которое саги приписываютъ древнимъ нормандамъ. Мы знаемъ, что когда подъ рукою этихъ неукротимыхъ завоевателей не оказывалось врага, они изливали свою ярость въ бѣшеныхъ ударахъ, наносимыхъ деревьямъ и скаламъ. Однако, при всей своей необузданной вспыльчивости, Грозный никогда не сражался ни съ горами, ни, тѣмъ менѣе, съ вѣтряными мельницами. Иванъ IV—не норманнъ: онъ скорѣе монголъ—раздражительный

и холодный, жестокій и коварный. Онъ полонъ лукавства и скрытенъ, но отлично знаетъ, чего хочетъ. Онъ хочетъ только разумнаго, или того, что кажется таковымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, Иванъ изворотливъ, тонокъ и любознателенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Порою Грозный бьетъ дальше своей цѣли: это зависитъ отъ его необузданнаго темперамента. У него больше жертвъ, нежели дѣйствительныхъ враговъ: на этотъ разъ нельзя не согласиться съ объясненіемъ Ломброзо. «Разъ человѣкъ извѣдалъ вкусъ крови», пишетъ итальянскій ученый,—«убійство становится потребностью. Она столь повелительна, что ей невозможно противиться... Повидимому»,—продолжаетъ онъ,—«чувственная любовь нерѣдко сплетается съ жаждою крови: зрѣлище крови сильнѣе всего возбуждаетъ половую страсть... За кровавыми сценами всегда слѣдуютъ проявленія самаго неистоваго разврата». (Преступный человѣкъ, I).

Въ этихъ словахъ—все объясненіе Александровской слободы.

Впрочемъ, и здѣсь не нужно терять изъ виду историческую среду. Какъ извѣстно, оправдывая нравы той эпохи, Соловьевъ ссылался на примѣръ св. Филиппа. Несомнѣнно, это было ошибкою. Праведники всегда представляютъ собою исключеніе. Но вотъ вопросъ: былъ ли Иванъ исключеніемъ въ противоположномъ смыслѣ? Припомнимъ, какъ легко мирился народъ съ его казнями; повидимому, это свидѣтельствуетъ объ обратномъ. Конечно, Грозный еще увеличилъ жестокость инстинктовъ и нравовъ, которые господствовали въ его средѣ. Онъ бросалъ на русскую ниву кровавое сѣмя. Убійство Дмитрія Углицкаго, воцареніе самозванца и ужасы смутнаго времени явились жатвою этого ужаснаго посѣва. Но что дѣлали Шуйскіе и Курбскіе? Они лишь пожали то, что сами сѣяли. Они учили своего будущаго палача презрѣнію къ человѣческой жизни. Они внушали ему пренебреженіе ко всякой справедливости и законамъ.

Впрочемъ, воспитаніе Ивана гораздо болѣе, чѣмъ принято думать, напоминаетъ юность всѣхъ государей его времени. Мы знаемъ, что представлялъ собою Донъ-Карлосъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ,—прежде, нежели имъ занялись поэты и романисты. Этотъ принцъ жестоко мучилъ безсловесныхъ животныхъ и даже людей, которые его окружали. Отвратительный недоносокъ, онъ живьемъ жарилъ птицъ, которыхъ ему приносили съ охоты; разсказываютъ, что онъ забавлялся, калѣча лошадей изъ своихъ конюшенъ...

Я уже отмѣтилъ у Ивана склонность каяться въ своихъ преступленіяхъ. Въ этой страсти опять хотѣли видѣть признаки нервной болѣзненности или даже психическаго недуга. Характерно, что Иванъ порою явно впадалъ въ преувеличенія, бичуя свои пороки. Мнѣ думается, что здѣсь мы просто имѣемъ дѣло съ любовью къ театральнымъ эффектамъ. Эта черта нерѣдко наблюдается у тѣхъ субъектовъ, которые, при всѣхъ своихъ страстяхъ, постоянно жаждутъ позы, разыгрываютъ роль, при чемъ дѣйствуютъ часто вопреки собственнымъ интересамъ. Припомнимъ хотя бы Лютера, чтобы не обращаться къ другимъ знаменитымъ современникамъ Грознаго: у героя нѣмецкой реформаціи эта манія положительно доходила до полнаго забвенія совѣсти. Съ этой стороны, царь Иванъ ближе всего къ нашей эпохѣ. Никто изъ государей древней Руси не любилъ и не умѣлъ говорить такъ, какъ Иванъ. Ни одинъ изъ нихъ не отличался такимъ искусствомъ въ спорахъ—устныхъ или письменныхъ, публичныхъ или негласныхъ, съ бѣглымъ бояриномъ или съ какимъ-нибудь посломъ иноземнаго двора. Иванъ ведетъ эти споры постоянно, безъ отдыха, даже безъ стыда; въ нихъ Грозный обнажаетъ свою душу, какъ тѣло: онъ сбрасываетъ всѣ покровы, онъ выставляетъ свои язвы и свои уродства... Пусть глядятъ, какъ я отвратителенъ!.. Иванъ готовъ даже преувеличить свое безобразіе. Онъ пишетъ Курбскому посланіе, въ которомъ сравниваетъ себя со смраднымъ трупомъ; онъ превзошелъ злодѣяніями своими Каина братоубійца; онъ, какъ Рувимъ, осквернилъ ложе отца своего. Впрочемъ, все это не мѣшаетъ ему думать и утверждать, что во всемъ виноватъ, именно, тотъ человѣкъ, передъ которымъ онъ кается въ своихъ позорахъ. Но что же дѣлать? Если онъ не можетъ внушить восхищеніе собою, то пусть хоть его боятся; пусть только видятъ его и занимаются его особой... Не изъ этой ли школы выйдетъ впослѣдствіи Жанъ Жакъ Руссо?

По большей части, Иванъ разыгрываетъ трагическія роли; однако, какъ я уже говорилъ, онъ не гнушается быть и первымъ шутомъ своего двора. Для него годится всякое амплуа,—только бы ему не остаться незамѣтнымъ. Иногда въ игрѣ Грознаго комическій элементъ смѣшивается съ трагическимъ. Царь подозрѣваетъ стараго Челяднина въ заговорѣ. Отдать его въ руки палача? Нѣтъ, этого Ивану недостаточно. Грозный сходитъ съ трона, сажаетъ на него опальнаго боярина и земно кланяется ему, величая его царемъ. Потомъ онъ выхватываетъ кинжалъ и ударяетъ несчастнаго старика... «Ты думалъ сѣсть на мое

мѣсто, такъ вотъ тебѣ!» Принцъ фонъ Бухау видитъ въ Грозномъ черты нѣкотораго сходства съ однимъ кардиналомъ, который былъ извѣстенъ своими веселыми рѣчами и выходками. Этотъ же свидѣтель былъ пораженъ той необычайной подвижностью, которой отличались выраженіе лица и вся осанка Ивана. Взглядъ и тонъ этого царя мѣняются каждое мгновеніе. Вотъ, онъ бесѣдуетъ со своими приближенными: рѣчь его ласкова, видъ привѣтливъ. Но, вдругъ, кто-то изъ окружающихъ не сразу понялъ мысль государя: тотчасъ же тонъ Ивана становится рѣзкимъ, лицо его дѣлается свирѣпымъ. Кажется, сейчасъ произойдетъ ужасный взрывъ... И, однако, по свидѣтельству того же Бухау, внѣшность Ивана такова, что его немедленно можно признать за повелителя—хотя бы онъ и оказался въ толпѣ четырехъ сотъ крестьянъ, одѣтый въ простонародное платье.

Какъ у большинства людей, страсть играть роль была у Ивана выраженіемъ его гордости. Конечно, то была непомѣрная гордость: во всякомъ случаѣ, однако, вопреки принятому мнѣнію, въ ней не было ничего страннаго. При своихъ познаніяхъ по исторіи и географіи Иванъ могъ совершенно естественно считать себя выше всѣхъ государей Европы. Онъ не хотѣлъ равнять себя даже съ императоромъ, который былъ выборнымъ монархомъ, или съ султаномъ, родъ и титулы котораго, конечно, не восходили къ древнему Риму. Но, вѣдь, и фараонъ XX династіи именовалъ себя царемъ всего міра... А развѣ теперь не видимъ мы подобныхъ притязаній у нѣкоторыхъ государей Востока?

Быть можетъ, гордостью Грознаго объясняется, отчасти, и его нежеланіе подвергаться личной опасности въ битвахъ. Конечно, здѣсь его сверхчеловѣческому величію угрожалъ слишкомъ большой рискъ. Впрочемъ, какъ сказано выше, и въ этомъ отношеніи Иванъ слѣдовалъ только традиціямъ своего рода. Подобно своему дѣду, онъ совсѣмъ не былъ героемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Но Александры Великіе, Ганнибалы, Густавъ-Адольфы, Карлы XII и Наполеоны проносятся подобно метеорамъ. Очевидно, для созданія чего-либо прочнаго, люди такого закала, какъ Рюриковичи, оказываются гораздо больше подходящими. Правда, Людовикъ XI не имѣлъ ничего общаго съ Александромъ Македонскимъ или Наполеономъ; однако, и онъ жертвовалъ собою при Монлери. Но, вѣдь, этотъ французскій король и не былъ полуазіатскимъ деспотомъ...

Свои свойства восточнаго человѣка Иванъ обнаруживаетъ и въ той необыкновенной легкости, съ которой отъ непомѣрной надмен-

ности, сопутствующей счастію, онъ переходитъ къ крайнему униженію при неудачахъ. Впрочемъ, удары судьбы не могутъ сокрушить этого человѣка. Онъ сгибается подъ ними, онъ ползетъ по землѣ, но всегда готовъ снова подняться на ноги. Рядомъ съ этими чертами, въ Грозномъ сказывается европеецъ или человѣкъ извѣстной духовной культуры: вотъ почему Иванъ не выноситъ грубой лести. По этому поводу Гваньино сообщаетъ характерный эпизодъ, который кажется вполнѣ правдоподобнымъ, если сопоставить его съ другими аналогичными случаями. Иванъ выкупилъ изъ плѣна у Баторія двухъ своихъ воеводъ—Осипа Щербатова и Юрія Барятинскаго. Когда они явились къ нему, онъ съ любопытствомъ сталъ ихъ распрашивать. Щербатовъ говорилъ искренно, открыто признавая могущество польскаго короля. Напротивъ, Барятинскій, думая угодить царю, свидѣтельствовалъ совершенно обратное. По его словамъ, у Баторія нѣтъ ни войска, ни крѣпостей, и онъ дрожитъ передъ именемъ московскаго государя. «Бѣдный король!»,—сказалъ Иванъ,—«жаль мнѣ его!» Потомъ, внезапно схвативъ свой посохъ, онъ сталъ колотить безстыднаго льстеца, приговаривая: «вотъ тебѣ награда, обманщикъ!»

Иванъ по-своему былъ образованъ, выгодно отличаясь тѣмъ отъ большинства своихъ русскихъ современниковъ и даже отъ самыхъ просвѣщенныхъ европейскихъ государей той эпохи. Если онъ и не имѣлъ особенно много научныхъ свѣдѣній, то, во всякомъ случаѣ, питалъ искреннюю любовь къ знанію. Въ этомъ заключается его существенное отличіе отъ Людовика XI, который смертельно ненавидѣлъ науку и говорилъ, что она наводитъ на него меланхолію. Ближе всего Грозный напоминалъ собою Франциска I. Однако, каковы же были дѣйствительныя познанія Грознаго?

III.

Познанія и умъ Грознаго.

Иванъ почерпнулъ много свѣдѣній изъ своего разносторонняго чтенія; но онъ не смогъ должнымъ образомъ продумать этотъ матеріалъ и привести его въ порядокъ въ собственной головѣ. Въ первые годы царствованія правленіе бояръ оставляло Ивану много досуга и вынуждало его замыкаться въ свой собственный внутренній міръ,

гдѣ онъ пребывалъ въ ожесточенномъ уединеніи. Въ эту пору Иванъ читалъ все, что попадало ему подъ руку и возбуждало его любознательность. Онъ глоталъ священное писаніе и римскую исторію, русскія лѣтописи и византійскіе хронографы, творенія отцовъ Церкви и житія святыхъ. Отсюда царь почерпнулъ множество мыслей: изъ нихъ онъ выбиралъ, по преимуществу, тѣ, которыя, по его мнѣнію, относились къ нему, касались его собственнаго положенія или предсказывали ту роль, которую онъ мечталъ сыграть. Въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ мы находимъ, въ нѣкоторомъ родѣ, инвентарь пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ познаній; тутъ же мы видимъ, какъ сумѣлъ царь воспользоваться этимъ матеріаломъ. Посланія Ивана къ бѣглому князю представляютъ собою памфлетъ въ двухъ частяхъ, направленный противъ бояръ; къ нему присоединяется разсужденіе о верховной власти. Какъ здѣсь, такъ и тамъ Иванъ аргументируетъ цитатами, приводимыми, очевидно, на память. По большей части, текстъ этихъ цитатъ не вполнѣ точенъ; впрочемъ, едва ли можно предположить, что Иванъ сознательно допускалъ подобныя искаженія. Въ изложеніи царя Григорій Назіанзинъ чередуется съ Иваномъ Златоустомъ, пророкъ Исаія съ Моисеемъ, библія съ греческой миѳологіей, Иліада и заимствованныя древней русской словесностью сказанія о взятіи Трои—съ Евангеліемъ и его апокриѳическими глоссами. Все это смѣшивается самымъ причудливымъ образомъ, причемъ мы встрѣчаемъ удивительныя сочетанія именъ. Зевсъ и Діонисъ оказываются въ сосѣдствѣ съ Авимелехомъ и Гедеономъ, Эней съ Гензерихомъ, царемъ савроматовъ (sic)... Иванъ пишетъ даже Зинзирихъ... Мы поражаемся самыми невѣроятными анахронизмами. Мы находимъ смѣлыя политическія максимы рядомъ съ неожиданными философскими разсужденіями. Курбскому подобная литература казалась болтовнею старой бабы. Но весь этотъ сумбуръ воспоминаній и чувствъ, весь этотъ чудовищный хаосъ идей и образовъ слагается, несомнѣнно, въ одно цѣлое. При ближайшемъ разсмотрѣніи, мы различаемъ тонкую, но никогда не рвущуюся нить, которая связуетъ весь этотъ матеріалъ воедино. Она превращаетъ его въ страстную защиту власти, какъ понимаетъ ее авторъ, т.-е. власти единой и безусловной, божественной по природѣ и недосягаемой для обыкновенныхъ смертныхъ. И, право же, совсѣмъ не важно, что этотъ писатель-самоучка смѣшиваетъ событія и эпохи... Пусть говоритъ онъ о раздѣлѣ восточной имперіи при Львѣ Армя-

нинѣ; пусть ошибается на два столѣтія, опредѣляя время завоеванія Персіи арабами. Вся эта варварская эрудиція не стоитъ ничего. Важны лишь тѣ чувства и идеи, которыя проникаютъ эту безпорядочную груду фактовъ. Передъ нами—пылкій деспотъ, оперирующій такими данными, которыхъ не знали ни отецъ его, ни дѣдъ. Въ своихъ познаніяхъ онъ черпаетъ доводы въ пользу теоріи, о которой тѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія или, по крайней мѣрѣ, нисколько не задумывались. Видя это, мы понимаемъ, что на нашихъ глазахъ рождается новый міръ. Этого одного достаточно, чтобы прославить необыкновеннаго государя, который первый въ своей странѣ проявилъ, если не новыя научныя познанія, то, во всякомъ случаѣ, инстинкты, вкусы и страсти новаго человѣка.

На впечатлительную натуру Ивана воспоминанія дѣйствовали такъ же, какъ и самыя событія. Они господствовали надъ его мыслью и управляли его словомъ. Поэтому вся его эрудиція, въ безпорядкѣ хранимая памятью, властвовала надъ нимъ не меньше, чѣмъ онъ самъ ею пользовался. Она заставляла его каждую минуту переходить отъ одного предмета къ другому; она диктовала ему самыя неожиданныя отступленія... Съ другой стороны, его неизмѣнная страстность и раздражительность, всегда пробуждавшаяся въ немъ во время письма, мѣшали ему съ должнымъ разборомъ пользоваться своими познаніями. Онъ не взвѣшивалъ того, что попадало ему подъ руку; онъ пускалъ въ ходъ всѣ средства, не спрашивая себя о ихъ пригодности.

Итакъ, Иванъ любитъ выставить напоказъ все, что знаетъ, или то, по крайней мѣрѣ, что ему кажется знаніемъ. Оцѣнивая его съ литературной точки зрѣнія, мы должны признать въ немъ полемиста чистой воды. Правда, Грозный всегда черезчуръ словоохотливъ и даже болтливъ. Но, при всѣхъ своихъ отступленіяхъ и разглагольствованіяхъ, онъ отлично умѣетъ замѣтить какъ сильную, такъ и слабую стороны своего противника. Поэтому онъ всегда старается нанести ему ударъ въ самое чувствительное мѣсто. Курбскій былъ человѣкомъ ученымъ въ духѣ того времени—другими словами, начитаннымъ. Грозный старается подавить его своей собственной книжной премудростью; при этомъ онъ убѣжденъ, конечно, не безъ основаній, что его противникъ не сможетъ провѣрить точность его цитатъ. Однако, Иванъ знаетъ, что Курбскій не только ученъ, но и религіозенъ; поэтому онъ не упускаетъ случая нанести ему ударъ и съ этой

стороны. Онъ изображаетъ, какъ этотъ бѣглый бояринъ вмѣстѣ съ поляками разрушаетъ православныя церкви; онъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ топчетъ ногами святыя иконы и, какъ Иродъ, избиваетъ невинныхъ младенцевъ... Грозный оплакиваетъ эти жертвы; онъ льетъ слезы и надъ самимъ палачомъ. Еще бы! Онъ любитъ лиризмъ и никогда не откажется удариться въ паѳосъ. Курбскій упомянулъ о крови, пролитой имъ на службѣ царя. «Мы же,—отвѣчаетъ ему Иванъ,—«проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія...»

Нельзя не согласиться съ *Ключевскимъ*, что въ этой риторикѣ меньше убѣжденія, нежели желанія убѣдить, болѣе фосфорическаго блеска, нежели настоящаго жара. Но было бы анахронизмомъ искать въ XVI вѣкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ со схоластикой, ту искренность чувствъ, которую умѣетъ проявлять душа новаго человѣка. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ письмахъ Грознаго произведеніе коллективнаго творчества, въ которомъ принимали участіе любимцы царя. Между прочимъ, такую гипотезу поддерживалъ *Михайловскій*, этотъ проницательный, но нѣсколько тенденціозный критикъ: онъ заимствовалъ ее у автора одного дряннаго романа (Князь Курбскій, *Ѳедорова*, 1843 г.). Однако, она падаетъ уже при поверхностномъ знакомствѣ съ источникомъ. Самъ Михайловскій признаетъ за нимъ рѣдкое единство построенія и стиля: личность автора, его «когти»— чувствуются здѣсь въ каждой строкѣ.

Конечно, въ идейномъ движеніи своей эпохи Иванъ не занимаетъ перваго мѣста. Мало того, въ той борьбѣ, которая шла между нравственными идеалами суровыхъ старцевъ и испорченностью большинства, Грозный примыкаетъ не къ достойнѣйшей сторонѣ; тѣмъ не менѣе, нельзя сказать про него, что онъ дѣйствуетъ заодно съ самыми худшими элементами. Въ этомъ конфликтѣ лицомъ къ лицу стояли два враждебныхъ полюса. Съ одной стороны, были отшельники-аскеты; съ другой—отчаянные головорѣзы, которые также утратили связь съ обществомъ. Иванъ занялъ серединное положеніе. Безспорно, онъ былъ богато одаренъ отъ природы; но для представителя благороднѣйшихъ стремленій избранной группы ему не доставало ни ума, созрѣвшаго въ научныхъ занятіяхъ, ни должной возвышенности сердца. Мы помнимъ, что на Стоглавомъ Соборѣ царь намѣренъ былъ поддержать партію реформъ; однако, онъ не выдержалъ этой роли, виною чего были не столько недостатокъ энергіи, сколько шаткость собственныхъ убѣжденій. Въ религіозныхъ вопросахъ Иванъ оста-

вался, въ сущности, человѣкомъ старой школы: для него ношеніе бороды или однорядки имѣетъ то же значеніе, что и догматъ вѣры. Ученіе Нила Сорскаго только скользнуло по Грозному, но не проникло въ его сознаніе. Съ другой стороны, у Ивана недоставало средствъ пріобщиться къ болѣе широкимъ культурнымъ теченіямъ Запада въ области научнаго знанія и искусства. Европа все еще была слишкомъ далеко, а Московское государство оказывалось черезчуръ отсталымъ, по сравненію съ западнымъ міромъ. Иванъ рѣшилъ прибѣгнуть къ самому простому и быстро дѣйствующему средству. Онъ захотѣлъ получить отъ своихъ сосѣдей внѣшнія блага ихъ цивилизаціи; поэтому онъ потребовалъ отъ нихъ печатниковъ, мастеровъ и размысловъ-инженеровъ. Этимъ путемъ обычно идутъ отсталые народы, которые торопятся наверстать упущенное время. Вспомнимъ о Японіи. Но, конечно, усвоенная такимъ образомъ культура остается искусственной и поверхностной. Въ этомъ мы убѣждаемся на примѣрѣ современной Россіи.

Обвинители Грознаго готовы были отрицать за нимъ всякую оригинальность. По ихъ мнѣнію, онъ только шелъ по слѣдамъ своего дѣда, Ивана III, да и то не обнаруживалъ здѣсь достаточной ловкости. Защищаясь противъ литературной оппозиціи, онъ прибѣгалъ, будто бы, къ готовымъ теоріямъ и къ идеямъ, заимствованнымъ изъ прочитанныхъ книгъ. Между тѣмъ, боярство уже раньше лишилось своихъ историческихъ прерогативъ; государственная власть еще до Грознаго пыталась опереться на новыя соціальныя группы. Если же Иванъ и попробовалъ организовать самоуправленіе общинъ, то и въ этомъ онъ воскрешалъ лишь порядки далекаго прошлаго. Наконецъ, даже въ пониманіи своей личной роли, Грозный, будто бы, слѣдовалъ только завѣтамъ священнаго писанія. Мнѣ хотѣлось бы напомнить этимъ чрезмѣрно суровымъ судьямъ, что ничто не создается изъ ничего. Развѣ Наполеонъ только изъ собственной головы почерпнулъ содержаніе своего Кодекса? Впрочемъ, обличители Грознаго готовы признать крупное положительное значеніе за тѣми преобразованіями, которыя были совершены въ первые годы царствованія. Однако, всю заслугу въ этомъ случаѣ они относятъ на счетъ приближенныхъ царя. Мы спрашиваемъ ихъ, потрудились ли они прочитать въ книгѣ Стоглаваго Собора 37 вопросовъ, касающихся церковнаго строя, и 10 законопроектовъ, относящихся къ государственному порядку? Будь такъ,—они согласились бы, что авторъ этихъ стра-

ницъ—одно лицо съ оппонентомъ Курбскаго. Между тѣмъ, когда Иванъ писалъ своему бѣглому вельможѣ, Адашевъ и Сильвестръ были уже далеко. Мы говоримъ о тождествѣ не только духа, но и стиля этихъ произведеній; а на стилѣ Ивана лежитъ яркій личный отпечатокъ. Несомнѣнно, въ созданіи опричнины ни Адашевъ, ни Сильвестръ, ни Курбскій не играли ровно никакой роли; между тѣмъ, опричнина составляетъ одно цѣлое съ реформами 1551 года. Я уже старался показать это выше. Такимъ образомъ, очевидно, что біографы Грознаго совершенно не понимаютъ опричнины, разъ они отказываютъ Ивану въ томъ, что признаютъ за его сотрудниками. Повторимъ свою мысль, высказанную въ введеніи: Петръ Великій не ошибался, когда называлъ себя только продолжателемъ дѣла.

Иванъ былъ первымъ русскимъ царемъ. Мы утверждаемъ это не потому лишь, что онъ первый принялъ царскій титулъ; мы хотимъ сказать, что Грозный первый понялъ реальную силу своего сана. Конечно, теорія единодержавной власти была готова еще до него: въ московской литературѣ, начиная съ XV вѣка, она развивалась достаточно ясно и полно. Однако ни Василій, ни Иванъ III Великій не задумывались надъ ея конкретнымъ смысломъ. Они были далеки отъ представленія о государѣ, которому Всевышній вручилъ его власть, и который несетъ отвѣтственность лишь передъ однимъ Богомъ за пользованіе своими сверхъ-человѣческими правами. Разумѣется, такой государь совершенно свободенъ отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ своимъ сотрудникамъ; его дѣйствія не подлежатъ никакому контролю. Онъ воплощаетъ собою божественный разумъ и волю Господа.

Впрочемъ, въ эту теорію Иванъ внесъ извѣстный субъективный элементъ. Его мы не находимъ ни у одного изъ предшественниковъ Грознаго; мало того, онъ не встрѣчается нигдѣ и у его преемниковъ. Петръ Великій, напримѣръ, считалъ себя первымъ слугою государства. Напротивъ, Иванъ разсматриваетъ личность государя, какъ нѣкую божественную ѵпостась; въ его глазахъ монархъ стоитъ выше своей державы. Въ своихъ оскорбительныхъ посланіяхъ къ Баторію Грозный заявляетъ, что ему извѣстно, какъ должно почитать величіе властителей: величіе—это держава, а выше и больше державы—самъ государь, который ею повелѣваетъ. (Ср. грамоту, данную Поссевину въ сентябрѣ 1581 года, Памятники дипломатическихъ сношеній X, 223). Польша побѣдила; такимъ образомъ Московское государ-

ство вынуждено принять ея требованія; но царь не хочетъ подчиниться подобной необходимости: онъ паритъ въ какой-то высшей сферѣ, гдѣ никто и ничто не можетъ посягнуть на его достоинство. Безспорно, это очень тонкое разсужденіе: конечно, оно продиктовано было не столько логикой, сколько непосредственнымъ чувствомъ. Впрочемъ, идеи и чувствованія Ивана такъ часто смѣшиваются, что необходимо подвергнуть ихъ хотя бы бѣглому анализу.

IV.

Идеи и чувствованія Ивана.

Грозный много страдалъ. Эти страданія, которыя онъ преувеличивалъ, по своему обыкновенію, не безъ основанія выводились нѣкоторыми изъ глубокаго нравственнаго источника. Прежде всего, Иванъ живо сознавалъ всѣ недостатки и пороки ввѣреннаго ему соціально - политическаго порядка. Съ другой стороны, онъ не менѣе болѣзненно чувствовалъ свое безсиліе бороться съ этимъ зломъ, болѣе или менѣе, дѣйствительными средствами. Въ довершеніе всего, это мучительное раздвоеніе ощущалось имъ въ собственномъ духовномъ мірѣ: онъ слишкомъ ясно видѣлъ всѣ свои отрицательныя стороны; онъ постоянно казнилъ себя за нихъ, и, однако, не могъ или не хотѣлъ отъ нихъ избавиться. Впрочемъ, было бы ошибкой считать это раздвоеніе дѣломъ чисто субъективнаго недовольства самимъ собою. Не менѣе заблуждались тѣ представители школы *Юрія Самарина*, которые усматривали въ лицѣ Ивана одинокаго и непонятаго современниками героя. По ихъ мнѣнію, только онъ одинъ видѣлъ въ нравахъ своей эпохи зловѣщіе признаки наступающаго разложенія. Не находя никого, кто бы раздѣлилъ съ нимъ его презрѣніе и ненависть къ существующему порядку, онъ терялъ власть надъ собою въ своемъ мучительномъ одиночествѣ. Въ отчаяніи, не разбирая ничего, онъ разилъ все, что его окружало. Онъ не зналъ, какъ разобраться между добромъ и зломъ, существующими въ немъ самомъ и внѣ его; наконецъ, ему не доставало воли, которая соотвѣтствовала бы силѣ его разума.... Подобная оцѣнка Грознаго одинаково несправедлива по отношенію какъ къ самому царю, такъ и къ его времени. Иванъ былъ знакомъ и встрѣчался съ такими людьми, которые несравненно лучше его понимали необходимость нравственна-

го оздоровленія общества и знали, какими средствами оно можетъ быть достигнуто. Съ этой точки зрѣнія, идеалы сторонниковъ Нила Сорскаго отличались большей возвышенностью, нежели стремленія самого Грознаго. Этого мало. Въ своей борьбѣ съ боярствомъ Иванъ отлично понималъ, что онъ дѣлаетъ, и кому онъ наноситъ удары. Было бы исторической ошибкой, вмѣстѣ съ *Бестужевымъ-Рюминымъ*, представлять себѣ Грознаго какимъ то Гамлетомъ, который, по своему темпераменту, склоненъ къ отвлеченнымъ построеніямъ, но совершенно безсиленъ сдѣлать хоть одинъ рѣшительный шагъ въ дѣйствительной жизни. Развѣ опричнина сколько нибудь похожа на абстракцію? И развѣ Гамлетъ могъ бы вести такую тонкую игру съ самыми выдающимися дипломатами своего времени?

О, нѣтъ, Иванъ отлично умѣлъ хотѣть. Нѣкоторые пытались видѣть доказательство его безволія въ томъ, какъ обращался онъ съ людьми, служившими орудіями его плановъ. Грозный постоянно ломалъ эти орудія, очевидно, не удовлетворяясь ими; но, отбрасывая одни, онъ немедленно искалъ себѣ другія: это ясно свидѣтельствуетъ, что, самъ по себѣ, онъ былъ неспособенъ воплотить въ жизнь свои идеи. Словомъ, онъ былъ скорѣе человѣкомъ мысли, нежели дѣйствія, теоретикомъ и, пожалуй, художникомъ: онъ понималъ все прекрасное и доброе, но былъ безсиленъ перевести свои отвлеченныя представленія на языкъ практики. Наконецъ, онъ любилъ сильныя ощущенія и искалъ художественныхъ эффектовъ даже въ ужасахъ своихъ казней... Таковъ тезисъ *Константина Аксакова*. Однако, принимая его, мы должны были бы допустить, что глава государства все можетъ сдѣлать самъ. Но, вѣдь, этого не достигалъ и Петръ Великій: не безъ основанія упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ много вниманія отдаетъ мелочамъ. Великій преобразователь нуждался въ сотрудникахъ; у Грознаго въ распоряженіи оказывались либо такія ничтожества, какъ Бѣльскій, либо такія чудовища, какъ Скуратовъ. Вотъ почему онъ самъ принялся за дѣло: онъ вершилъ его собственными руками— даже тогда, когда въ этомъ не было прямой необходимости.

Какъ и Петръ Великій, Иванъ являлся только продолжателемъ дѣла. Несомнѣнно, онъ шелъ по пути своего дѣда. Въ борьбѣ прошлаго съ будущимъ, онъ выступилъ защитникомъ тѣхъ же самыхъ нравственныхъ, умственныхъ, соціальныхъ и, особенно, политическихъ интересовъ, за какіе боролся и его предшественникъ. Правда, въ эту борьбу Грозный внесъ кое-какія новыя идеи и, еще больше, новыя

средства. Иванъ III дѣйствовалъ молча — однимъ топоромъ; вѣрный духу своего времени, Иванъ IV не откладывалъ этого топора въ сторону, но дополнялъ его кровавую работу хозяйственными преобразованіями и еще... рѣчами. Можно ли было молчать въ то время, когда кругомъ начинали говорить? Молчаніе должно было наступить впослѣдствіи, когда теорія деспотической власти одержала побѣду и покорила себѣ цѣлую державу. Для того, чтобы отважному кличу Курбскаго отвѣтило хотя и заглушенное эхо, нужно было, чтобы въ Европѣ началось новое революціонное броженіе: тогда въ Россіи раздался голосъ Радищева. Но, въ XVI вѣкѣ, на Руси разсуждали громко всѣ представители тогдашней интеллигенціи: Иванъ не могъ остаться въ сторонѣ. Поэтому онъ и говорилъ.

Вопреки господствующему мнѣнію, Иванъ проявилъ гораздо большую силу, какъ практикъ, нежели какъ теоретикъ. Внутри своего государства онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со всѣми Курбскими и послѣдовательно провелъ намѣченную имъ политическую программу. Во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ вынужденъ былъ отступить лишь передъ счастіемъ и талантомъ Баторія. Между тѣмъ, какъ политическія, такъ и религіозныя его идеи, весьма часто оказываются смутными, неясными, неустойчивыми. Въ общемъ, его мыслительная способность значительно уступаетъ его вѣрному, по большей части, инстинкту. Мы знаемъ, что Грозный почти безсознательно стремился опереться на народныя массы; и, однако, онъ же самъ отдалъ крестьянъ въ жертву служилымъ людямъ. Онъ былъ весьма благочестивъ: въ 1547 году, спустя двѣ недѣли послѣ брака, онъ предпринялъ паломничество въ Троицкій монастырь, куда шелъ пѣшкомъ, несмотря на жестокую стужу. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ превосходства своей вѣры надъ другими: объ этомъ свидѣтельствуютъ его диспуты съ Поссевиномъ и Рогитою. И однако, нерѣдко, онъ позволялъ себѣ такія шутки, которыя граничили съ кощунствомъ. Порою Грозный проявляетъ нѣкоторую терпимость; но она, повидимому, совершенно лишена принципіальной основы: въ ней слишкомъ сказываются случайныя настроенія царя или его оппортунизмъ. Это отлично почувствовали тѣ протестанты, которымъ Иванъ позволилъ было построить въ Москвѣ двѣ церкви, но которыхъ онъ же потомъ подвергъ самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ. При взятіи Полоцка, въ 1563 г., на глазахъ царя были потоплены въ Двинѣ всѣ евреи, жившіе въ этомъ городѣ. Въ ту пору евреямъ было запрещено торговать въ Москов-

скомъ государствѣ. На это жаловались польскіе послы. Тогда Иванъ привелъ въ свое оправданіе довольно курьезные мотивы. По его словамъ, евреи склоняютъ его подданныхъ къ отпаденію отъ православной вѣры; помимо того они занимаются темными дѣлами, отравляя людей ядовитыми травами.

Повидимому, царь намекалъ на одно странное дѣло. Съ 1551 по 1565 годы въ Москвѣ жилъ флорентинскій агентъ, Джіованни - Тетальди: его воспоминанія были изданы *Шмурло* въ 1891 году (СПБ.). Этотъ итальянецъ разсказываетъ, что въ Московское государство была привезена какая то мумія, изъ-за которой начался процессъ о контрабандѣ, осложненной еще болѣе тяжелыми обвиненіями. Повидимому, бальзамированные трупы привозились въ Москву изъ Африки черезъ Константинополь; они цѣнились русскими очень высоко и представляли довольно значительный предметъ обмѣна наряду съ пряностями, которыми также торговали только евреи. Одинъ польскій купецъ прислалъ имъ, вмѣсто муміи, трупъ недавно казненнаго человѣка, который онъ набилъ ароматическими травами. Такъ какъ муміи ввозились безпошлинно, то къ евреямъ предъявили обвиненіе, что въ этомъ трупѣ они пытались провезти черезъ границу какіе то товары, обложенные высокимъ таможеннымъ сборомъ. Къ этому главному обвиненію присоединились толки о людяхъ, убиваемыхъ евреями: эта версія естественно нашла себѣ благопріятную почву въ народной массѣ. Повидимому, Иванъ совсѣмъ не позаботился сколько нибудь выяснить это дѣло. Онъ остался вѣренъ тому отвращенію, какое всегда внушали ему евреи.... Натура импульсивная, Иванъ былъ, по своему, чувствителенъ!..

Нельзя отрицать, что въ idée fixe о путешествіи въ Англію, лелѣемой Иваномъ до послѣдняго момента, въ значительной степени, была заинтересована именно его чувствительность. Эта поѣздка была, своего рода, романомъ Грознаго, куда, помимо всякихъ практическихъ соображеній, царь вносилъ большую долю мечтательности. Въ его грезахъ одинаково живо рисовались союзъ противъ Баторія и бракъ съ Маріей Гастингсъ.

Мы знаемъ, какъ своеобразно понималъ и истолковывалъ свою роль Иванъ IV. Благодаря своей страстности и стремительной энергіи, живой мимикѣ, широкому жесту и свободной рѣчи, онъ казался нѣкоторымъ чѣмъ то вродѣ удалого казака — изъ цикла былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Можно согласиться, пожалуй, что этотъ циклъ завершился

на Руси не раньше коренныхъ реформъ XVIII вѣка. До той поры, народъ Петра Великаго, дѣйствительно, жилъ въ мірѣ эпоса, убаюкиваемый гармоническими напѣвами своихъ сказателей. Съ Ильею Муромцемъ Ивана сближаетъ, между прочимъ, юморъ, а также бѣшеная вспыльчивость: первая черта еще донынѣ отличаетъ характеръ русскаго человѣка. Однако, психологія Ивана уже значительно сложнѣе. Во внѣшнемъ обликѣ этихъ народныхъ героевъ довольно много общаго; обоихъ роднитъ свойственная имъ мечтательность. Но, въ основѣ своего характера, Иванъ все же остается реалистомъ. Ушелъ этотъ царь, передавъ свой желѣзный скипетръ въ слабыя руки и унося съ собою въ могилу тайну своего всемогущества; втеченіе цѣлаго столѣтія послѣ него народъ пѣлъ и жилъ мечтами. Но Грозный встряхнулъ его могучей рукой; по крайней мѣрѣ, при его жизни, должны были чувствовать себя тѣсно тѣ удалые молодцы, которые не хотѣли пробудиться отъ своихъ сновъ и вернуться къ дѣйствительности, подчиняясь порядку и власти. Имъ оставалось одно: бѣжать за рубежъ,— куда нибудь въ Украйну...

Несомнѣнно, воображеніе было весьма сильно развито въ Иванѣ; этимъ Грозный рѣзко отличается отъ Петра, который былъ однимъ изъ самыхъ положительныхъ умовъ во всей исторіи. Другой характерной чертой Ивана, не свойственной великому преобразователю Россіи, являлось его преувеличенное мнѣніе о своихъ способностяхъ; впрочемъ, оно любопытнѣйшимъ образомъ сочеталось у него съ постояннымъ недовѣріемъ къ самому себѣ, а равно и ко всѣмъ окружающимъ. Если бы спросили Петра, какимъ талантамъ онъ обязанъ своими успѣхами, онъ, навѣрно, отвѣтилъ бы извѣстными словами американскаго милліардера, сказанными журналисту: «Какимъ талантамъ? У меня нѣтъ никакого таланта. Я работаю, — я работаю до упаду,— вотъ и все». Что касается Ивана, то онъ считалъ себя обладателемъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ талантовъ. Какъ извѣстно, онъ представлялъ собою на Руси чуждую расу иноземныхъ завоевателей: свое личное превосходство надъ простыми смертными онъ видѣлъ даже въ этомъ своемъ происхожденіи. Въ душѣ Петра Великаго было уже сильно развито гордое сознаніе своей русской національности. Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своего характера, великій преобразователь былъ настоящимъ человѣкомъ народа; онъ даже гордился этимъ. Конечно, Петру никогда не пришло бы въ голову, передавая золотые слитки иноземному мастеру, сказать ему: «смотри, взвѣшивай

лучше, — всѣ русскіе — воры...» У Ивана подобныя выходки повторялись нерѣдко. При всякомъ удобномъ случаѣ, Грозный вспоминалъ о своихъ нѣмецкихъ предкахъ. Было бы чрезвычайно интересно знать, сохранилось ли въ архивахъ Вѣны что нибудь похожее на то завѣщаніе, въ которомъ, будто бы, Иванъ передавалъ все свое наслѣдіе Габсбургскому дому? Въ этомъ увѣряетъ насъ *Костомаровъ* (Монографіи, XIII, 304, прим.). Мнѣ не удалось провѣрить этотъ фактъ, который, впрочемъ, я считаю маловѣроятнымъ. Однако, нерѣдко въ самыхъ нелѣпыхъ басняхъ содержится зерно истины. Навѣрное, когда Вейтъ Ценге разсуждалъ о баварскомъ происхожденіи Грознаго, онъ лишь повторялъ слова самого московскаго царя. Повидимому, этотъ послѣдній производилъ даже имя бояръ отъ баварцевъ (*Карамзинъ*, IX, прим. 166). Во всякомъ случаѣ, подлинное завѣщаніе Ивана, равно какъ и наилучшее отраженіе его лица, нужно искать въ его дѣлахъ. Къ нимъ мы и обратимся въ заключеніе, дабы выяснить общій ихъ характеръ и результаты.

V.

Итоги царствованія.

Несомнѣнно, противники Ивана, а за ними и его позднѣйшіе обвинители слишкомъ преувеличивали размѣры его казней. По словамъ Курбскаго, царемъ были уничтожены цѣлые боярскіе роды; таковы были, напримѣръ: Колычевы, Заболоцкіе, Одоевскіе, Воротынскіе. Однако, всѣ эти имена мы находимъ въ памятникахъ послѣдующаго времени. Гораздо большія опустошенія въ рядахъ аристократіи были произведены эмиграціей, которая, однако, отнюдь не уничтожила этого сословія. Самъ Грозный въ отношеніи къ боярству не проводилъ никакой безусловной системы; мы знаемъ, что онъ старался обезпечить положеніе такихъ знатныхъ родовъ, какъ Мстиславскіе, Глинскіе и Романовы. Очевидно, онъ не боялся измѣны со стороны этихъ фамилій, которыя не имѣли особыхъ связей въ Московскомъ государствѣ, и, въ довершеніе всего, находясь въ матеріальной зависимости отъ царя, были порою соединены съ нимъ родственными узами. Дѣйствительно, два первыхъ рода лишь недавно переселились изъ Литвы, а Захарьины-Кошкины—выдали Анастасію Романовну замужъ за Ивана.

Ослабленіе родовой знати зависѣло, главнымъ образомъ, отъ экономическихъ причинъ, тѣсно связанныхъ съ извѣстными государственными мѣропріятіями. Разсматривая соціально-экономическія отношенія XIV вѣка, мы, прежде всего, замѣчаемъ дробленіе земельной собственности боярства: это было вызвано общей задолженностью московской знати. Въ приходо расходныхъ книгахъ одного тогдашняго ростовщика, Протопопова, мы находимъ цѣлый рядъ громкихъ фамилій, принадлежащихъ его должникамъ. Если же мы обратимся къ архивамъ Кирилловскаго монастыря, то мы легко себѣ представимъ, какъ совершался процессъ раздробленія боярской земельной собственности. Въ 1557 году, очевидно, исчерпавъ свой кредитъ у разныхъ Протопоповыхъ, князь Д. Д. Ухтомскій продаетъ братіи этого монастыря за 350 рублей большое село съ принадлежащими къ нему 17-тью поселками. Три года спустя, онъ получаетъ отъ нихъ еще 150 рублей, уступая за это четыре новыхъ поселка. Одновременно съ этимъ, обитель пріобрѣтаетъ у тѣхъ же Ухтомскихъ обширное помѣстье; наконецъ, въ 1575 году ей достается такимъ же путемъ значительный луговой участокъ — «за обѣдни». Такъ или иначе, все имущество Ухтомскихъ переходитъ такимъ, образомъ въ чужія руки (*Рожковъ*, Сельское Хозяйство въ Московской Руси, 1899, ст. 396).

Чѣмъ же вызвано такое обѣдненіе знатныхъ московскихъ фамилій? Несомнѣнно, оно является прямымъ послѣдствіемъ новаго политическаго режима и тѣхъ обязательствъ, которыя возлагалъ онъ на родовую знать. Всеобщая служебная повинность заставляла боярство жить или при самомъ дворѣ, или въ близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ; если же служилый человѣкъ не находился въ войскѣ, то онъ, во всякомъ случаѣ, несъ на себѣ какую нибудь государственную должность. Проживая въ родовой вотчинѣ, бояре еле-еле извлекали изъ своего хозяйства скудный доходъ; теперь, вынужденные покидать свои насиженныя гнѣзда, они неизбѣжно и скоро приходили къ полному разоренію. Затѣмъ явилась опричнина; я уже показалъ, что она представляла собою массовую экспропріацію, совершаемую правительствомъ на извѣстныхъ общихъ основаніяхъ. Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ экономическому благосостоянію и политическому значенію боярства, и безъ того уже терявшаго почву подъ ногами. Въ довершеніе всего, какъ мы знаемъ, Иванъ сталъ широко примѣнять систему круговой поруки среди боярства. Благодаря этому, послѣдствія эмиграціи отразились на положеніи московской знати въ десять,

а, можетъ быть, и въ сто разъ тяжелѣе: вѣдь за одного бѣглеца приходилось платиться десяти, а то и ста другимъ. Вотъ почему, за исключеніемъ Строгановыхъ, мы едва ли можемъ указать какую-нибудь богатую и знатную фамилію, которая уцѣлѣла бы отъ этого экономическаго разгрома. Правда, еще донынѣ среди богатыхъ русскихъ семей попадаются настоящіе потомки Рюрика или Гедимина; таковы, напримѣръ, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Салтыковы, Бутурлины. Однако, богатство этихъ фамилій не старше XVIII вѣка: по большей части, оно создавалось милостями какой-нибудь императрицы.

Какъ извѣстно, отъ западной аристократіи русская знать отличалась отсутствіемъ феодальнаго духа. Теперь, въ XVI столѣтіи, она подверглась окончательной демократической нивеллировкѣ. Конечно, служебная іерархія, сама по себѣ, создавала новыя званія и прерогативы; онѣ облекались въ стройную систему мѣстническихъ счетовъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь не было ничего общаго съ корпоративнымъ духомъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, весь этотъ порядокъ дробилъ даже самую семью, обращая ее въ разрозненные атомы, надъ которыми спокойно укрѣпляла свое господство торжествующая центральная власть.

Казалось бы, народъ долженъ былъ бы остаться въ выигрышѣ отъ этой соціальной революціи; однако, на его долю достались и здѣсь одни только горькіе плоды. Новый строй представлялъ собою зданіе въ два этажа, возведенныхъ по одному и тому же плану. Верхній этажъ занимали служилые люди, нижній—простой народъ; но какъ тѣ, такъ и другіе были рабами. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Грозный лишь продолжалъ или завершалъ ту программу, которая уже два вѣка была принята московскими государями. Самая опричнина являлась лишь болѣе широкимъ примѣненіемъ той системы, которой держались предшественники Ивана по отношенію ко вновь пріобрѣтаемымъ городамъ и областямъ. Въ сущности, опричнина была не чѣмъ инымъ, какъ колонизаціей навыворотъ. Что касается обычной колонизаціи, то въ XVI вѣкѣ она, какъ и прежде была, дѣломъ частной иниціативы. Однако, и ей Грозный открылъ новые пути.

Правда, на западѣ Иванъ потерпѣлъ неудачу, пытаясь раздвинуть границы своей державы. Однако, было бы несправедливо возлагать въ этомъ всю отвѣтственность на него одного. Спустя полтора вѣка, попытку Ивана повторилъ Петръ Великій. Если бы, вмѣсто безумца,

какимъ былъ Карлъ XII, великій преобразователь встрѣтилъ передъ собою новаго Баторія, быть можетъ, Полтавская битва имѣла бы иной исходъ. Зато, на востокѣ, Иванъ пріобрѣлъ Казань, Астрахань и Сибирь; нельзя не признать, что это было хорошей добычей.

Надо оговориться, что, съ экономической точки зрѣнія, завоеваніе Казани не дало тѣхъ непосредственныхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать. Очевидно, татары преувеличивали размѣры своей торговли, желая, чтобы султанъ отнялъ этотъ городъ у русскихъ. Во всякомъ случаѣ, англійскіе купцы были весьма разочарованы, познакомившись съ Казанью. Однако, Иванъ постарался вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ. Предоставляя шведскимъ купцамъ свободный путь по своимъ землямъ хотя бы для проѣзда въ Индію, онъ хлопоталъ передъ ихъ правительствомъ о такихъ же льготахъ для своихъ собственныхъ подданныхъ. Цѣлью Грознаго было поддержать или создать отношенія съ иностранными рынками отъ Любека до самой Испаніи. Въ 1561 году лѣтописи упоминаютъ о путешествіи русскихъ купцовъ въ Антверпенъ и Лондонъ. Въ 1568 году англійскіе источники отмѣчаютъ присутствіе на берегахъ Темзы двухъ такихъ пріѣзжихъ изъ Московіи: то были Твердиковъ и Погорѣловъ. Къ нимъ относились, какъ къ посламъ; несомнѣнно, они совмѣщали въ своемъ лицѣ дипломатовъ и торговыхъ людей.

Что касается промышленности въ эпоху Ивана, то ея развитіе было, по преимуществу, внѣшнимъ. Весьма замѣтно содѣйствовали ея расширенію завоеванія Грознаго на востокѣ. Пріобрѣтеніе низовьевъ Волги вызвало ростъ рыбныхъ промысловъ. Въ 1562 году мы находимъ въ Переяславлѣ девяносто девять предпріятій такого рода. Весьма широкіе размѣры приняло добываніе соли послѣ занятія Строгановыми Камскаго бассейна и открытія соляныхъ копей близъ Астрахани.

Финансовая политика Ивана едва ли заслуживаетъ сочувствія: вся она сводилась къ ряду мѣропріятій чисто хищническаго характера. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ можно найти у Флетчера. По его словамъ, Московское правительство широко потворствовало агентамъ мѣстной администраціи; оно давало имъ обогатиться всевозможными поборами, а затѣмъ—силою заставляло выдать себѣ награбленную такимъ образомъ добычу. Той же системы держалось оно и по отношенію къ монастырямъ, которымъ оно намѣренно давало возможность накоплять богатства. Далѣе, правительство практи-

ковало откупа или монополіи нѣкоторыхъ производствъ или извѣстныхъ видовъ торговли, при чемъ изъ этого источника добывались весьма значительные доходы. Наконецъ, оно постоянно прибѣгало къ денежнымъ взысканіямъ съ должностныхъ лицъ, предъявляя къ нимъ вымышленныя обвиненія. Между прочимъ, англійскій дипломатъ сообщаетъ почти невѣроятный случай: по его свидѣтельству, правительство потребовало однажды отъ города Москвы цѣлую шапку... живыхъ мухъ.

Налоги также являлись источникомъ эксплоатаціи, которымъ правительство пользовалось самымъ нераціональнымъ образомъ. Вообще говоря, всякую свою потребность оно спѣшило удовлетворить введеніемъ новой подати. При этомъ оно совершенно не задумывалось надъ соотвѣтствіемъ между налоговымъ бременемъ и платежными силами населенія. Другими словами, ему и не приходило въ голову, что оно рискуетъ зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Къ концу царствованія Ивана эта курица уже совсѣмъ переставала нестись.

Завоеваніе Казани и Астрахани имѣло значеніе, главнымъ образомъ, для Церкви, сфера дѣятельности которой чрезвычайно расширилась, благодаря территоріальному росту государства. Первому архіепископу казанскому, Гурію, удалось обратить въ христіанство довольно многихъ татаръ; однако, до самаго конца царствованія, наряду съ этими успѣхами православнаго прозелитизма мы видимъ упорную борьбу съ нимъ со стороны языческихъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ даже во внутреннихъ областяхъ государства,—между прочимъ, въ нѣкоторыхъ районахъ Новгородской земли. Что касается попытокъ религіозной реформы, то, какъ извѣстно, Иванъ скоро отстранился отъ нихъ или, въ лучшемъ случаѣ, оказывалъ имъ самую слабую поддержку. Поэтому онѣ и не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, такъ что умственный и моральный уровень духовенства остался такимъ же, какъ и прежде.

Впрочемъ, разсматривая царствованіе Грознаго съ болѣе широкой точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить въ эту эпоху извѣстнаго умственнаго подъема. Пусть школы, которыя предполагалось устроить послѣ Собора 1551 г. такъ и остались въ проектѣ; пусть книгопечатаніе ограничивалось самыми примитивными опытами. Во всякомъ случаѣ, авторъ посланій къ Курбскому долженъ быть признанъ представителемъ новаго умственнаго движенія, которое покидало монастырскія кельи и изъ душной атмосферы религіозныхъ пре-

ній выходило на широкій просторъ мірскихъ интересовъ. Это начало духовной секуляризаціи явилось одной изъ самыхъ крупныхъ побѣдъ царствованія Грознаго.

И, однако, не исключая своихъ международныхъ сношеній, Иванъ не могъ или не хотѣлъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ традицій варварства, которыя плохо мирились съ требованіями прогресса. Какъ и раньше, Московскій дворъ нерѣдко обращался съ иноземными послами точно такъ же, какъ съ военноплѣнными. Что касается послѣднихъ, то ихъ судьба была при Иванѣ самой плачевной. Счастливы были они, если ихъ продавали или раздавали монастырямъ въ качествѣ холоповъ. Случалось, что ихъ просто топили въ водѣ. Въ 1581 г. Иванъ приказалъ, по минованіи надобности, убить шведскихъ *языковъ*: такъ назывались тѣ люди, которыхъ захватывали съ оружіемъ въ рукахъ или за мирными занятіями, чтобы добыть отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія о непріятелѣ. Плѣнные поляки или шведы служили обычной единицей обмѣна при торговыхъ сдѣлкахъ татарскихъ купцовъ съ Константинополемъ.

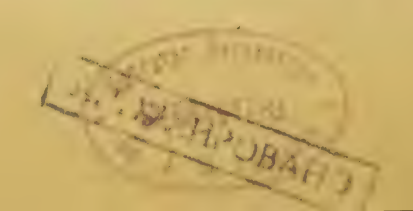
Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ, слабостяхъ и неудачахъ, Грозный пользовался широкой популярностью. То была настоящая популярность, передъ которой безсильны оказались какъ несчастія Ивана, такъ и вліяніе времени. Несомнѣнно, и это обстоятельство слѣдуетъ отмѣтить, какъ одинъ изъ крупныхъ результатовъ царствованія. Въ циклѣ московскихъ историческихъ пѣсенъ Грозный занимаетъ почетное мѣсто и отнюдь не характеризуется какими либо отталкивающими чертами. Напротивъ, онъ доступенъ человѣческимъ чувствамъ; онъ строгъ, но справедливъ и даже великодушенъ. Нѣтъ спора, такая высокая оцѣнка Грознаго, въ значительной степени, зависѣла отъ религіознаго отношенія подданныхъ къ его власти: оно окружило его мистическимъ ореоломъ, охраняя его особу отъ всякихъ посягательствъ критики. Однако, и помимо того, мы ясно чувствуемъ, что народныя симпатіи—на его сторонѣ. Предается ли онъ кровавымъ оргіямъ надъ трупами побѣжденныхъ татаръ, или, по простому подозрѣнію, ввергаетъ своихъ бояръ въ руки палача,—народъ неизмѣнно даритъ ему свое сочувствіе; онъ воспѣваетъ утѣхи своего царя точно такъ же, какъ и его казни. Если же онъ не можетъ выразить Грозному свои восторги, онъ почтительно потупляетъ глаза и смиренно набрасываетъ покровъ вымысла на то, что возмущаетъ его нравственное чувство. Народъ не хочетъ, чтобы царь убилъ

своего сына. Едва отдавъ свое жестокое приказаніе, Грозный раскаивается и щедро награждаетъ Никиту Романовича, который съ опасностью жизни спасъ царевича. Народъ признаетъ въ царѣ нѣкоторыя слабости: онъ знаетъ, что Грозный вспыльчивъ, и что первое его движеніе не всегда бываетъ самымъ благороднымъ. Подъ стѣнами Казани, куда тенденціозная народная фантазія, вмѣстѣ съ Иваномъ, приводитъ Ермака и даже Стеньку Разина, царь заподозрѣваетъ въ измѣнѣ своихъ нерасторопныхъ размысловъ - инженеровъ: онъ уже угрожаетъ имъ висѣлицей. Какъ всегда то бываетъ въ народной исторіографіи, трусливые воеводы стараются спрятаться за спинами своихъ подчиненныхъ. Но тутъ выступаетъ молодой ратникъ, который смѣло защищаетъ своихъ сотоварищей; подкопъ взрывается, и царь самъ признаетъ свою ошибку и заслугу скромнаго героя. Въѣхавши во взятый городъ, Иванъ милуетъ царицу Елену, которая выходитъ навстрѣчу къ нему съ хлѣбомъ-солью. Онъ только насильно креститъ ее въ вѣру христіанскую и заточаетъ въ монастырь. Зато онъ приказываетъ выколоть глаза царю Симеону, который выказалъ меньше покорности и больше достоинства... И здѣсь опять народъ на сторонѣ побѣдителя.

Здѣсь—вся мораль той эпохи, съ которой связано имя Грознаго. Эта мораль сводится къ культу матеріальнаго величія и грубой силы. Во имя такого идеала русскій народъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ; при этомъ, разумѣется, онъ создавалъ себѣ иллюзіи относительно конечной цѣли подобныхъ стремленій и закрывалъ глаза на то, что приносилось имъ въ жертву. Въ мечтахъ народа онъ самъ и его царь сливались воедино: этимъ мечтамъ суждено было воплотиться тогда, когда на смѣну Ивана выступилъ Петръ, дабы завершить дѣло, которымъ открывается исторія Новой Россіи. Смерть Грознаго оставляла это дѣло незаконченнымъ. Иванъ, главнымъ образомъ, разрушалъ старый порядокъ: на созданіе новаго у него не хватило времени. Несчастный соперникъ Баторія и убійца царевича, онъ оставилъ въ наслѣдіе своему государству войну съ Польшей и великую смуту. Скоро новый напоръ побѣдоносныхъ враговъ съ запада отдалъ имъ въ руки самую Москву, открывшую свои ворота передъ призракомъ убіеннаго Дмитрія. Съ другой стороны, боярская олигархія опять подняла свою голову, пользуясь шаткостью незавершеннаго Грознымъ государственнаго порядка. Все это таилось въ зародышѣ уже при Иванѣ IV: оно-же составило главное содержаніе

всего XVII столѣтія. Но, вѣдь, и Петру Великому не удалось обезпечить свое наслѣдіе отъ случайностей. Свѣтъ, который онъ возжегъ среди мрака, казалось, совсѣмъ уже погасъ; однако, на помощь ему явилась Екатерина II. Очевидно, ничто не могло сокрушить новую историческую силу. Она была огромна. Она росла матеріально; она закалялась нравственно. Въ ней былъ прочный залогъ великаго будущаго Россіи (*).

(*) Первымъ обратилъ вниманіе на противорѣчія въ характерѣ Ивана *Щербатовъ* въ своей исторіи Россіи, V, III част. У *Карамзина* мы находимъ двухъ несходныхъ Ивановъ—одного въ VIII, другого въ IX томахъ. По пути *Карамзина* пошли: *Полевой*, Исторія русскаго народа, VI; *Погодинъ*, Историко-критическіе отрывки, I; ср. *его-же*, Царь Иванъ Васильевичъ, въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859 кн. V; *Костомаровъ*—см. Вѣстн. Европы, 1871 № 10; всѣ они приписывали поступки Ивана внѣшнимъ вліяніямъ. Въ критической статьѣ о *Константинѣ Аксаковѣ*, Спб. 1861, *Костомаровъ* слѣдуетъ этому писателю въ характеристикѣ Ивана, какъ актера.—Московская историческая школа, представителями которой являются *Кавелинъ* (сочиненія I) и *Соловьевъ*, держатся иной точки зрѣнія на Грознаго, стараясь установить извѣстную связь между этимъ царемъ и его исторической средою. На это обратилъ вниманіе уже Бѣлинскій (сочиненія, II). *Ю. Самаринъ* (сочиненія V) и *Бестужевъ-Рюминъ* (Исторія, II) подчеркивали въ Иванѣ слабость воли, какъ его главную особенность. То же самое мы находимъ у *Яроша* въ его Психологической параллели между Иваномъ IV и Петромъ Великимъ, Харьковъ 1898. Наконецъ, *П. Ковалевскій* (Психіатрическіе очерки, Спб. 1893, III) доказываетъ, что Грозный былъ душевно-больнымъ.

BOUND BY

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 041497717